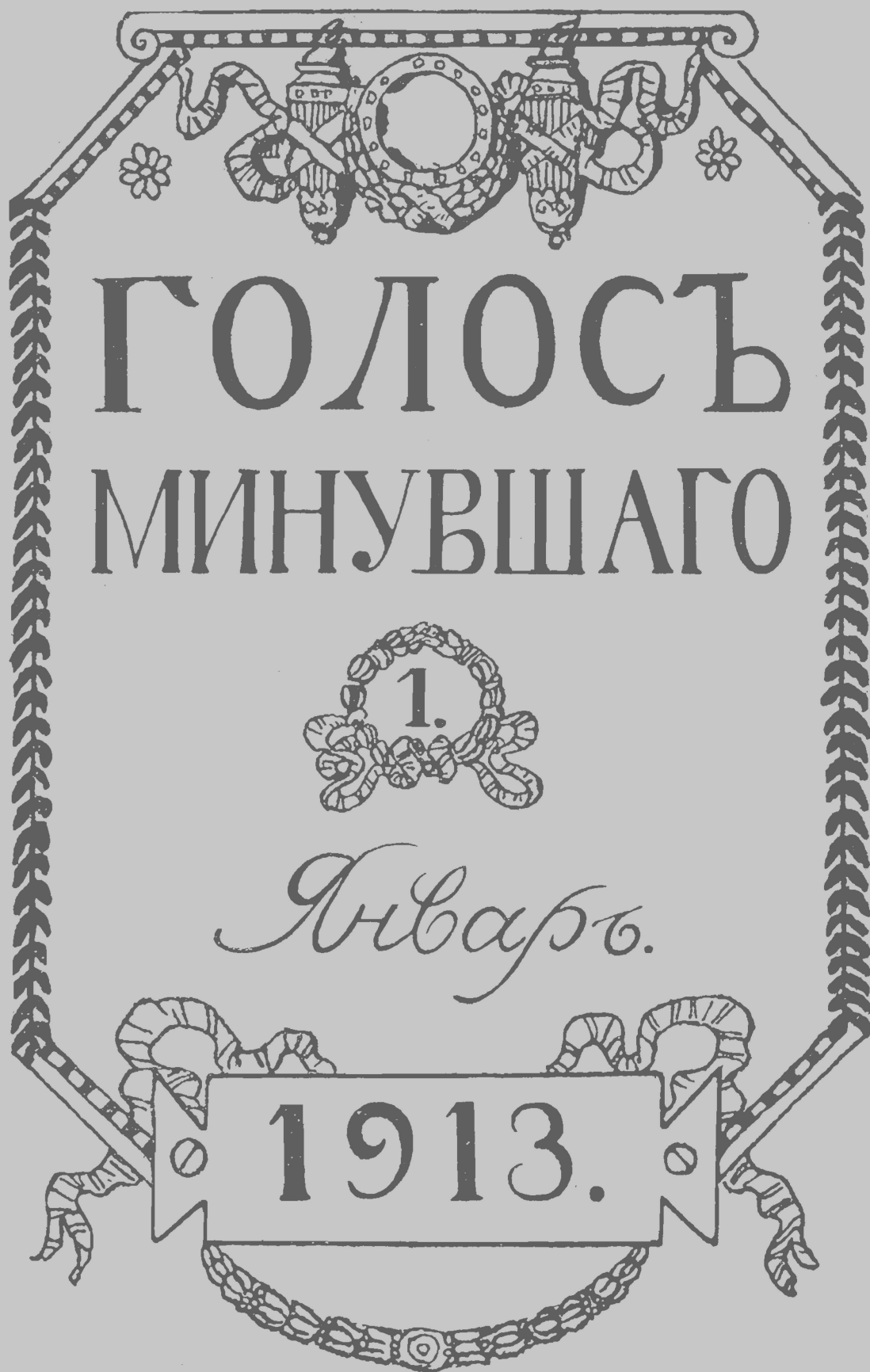

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Статьи:	
Руссо—гражданинъ Женевы. <i>М. М. Ковалевскаго</i>	7
М. В. Буташевичъ-Петрашевскій (біографическій очеркъ). <i>В. И. Семевскаго</i>	20
Театръ и зрители. I. Русскіе зрители нач. XIX в. <i>И. Н. Игнатова</i>	51
Королева Луиза и Александръ I. <i>А. К. Джигелегова</i>	76
Народничество Н. Н. Златовратскаго. <i>П. Н. Сагулина</i>	117
II. Воспоминанія:	
<i>А. В. Поджіо</i> . Записки декабриста. Съ предисловіемъ. <i>А. И. Яковлева</i>	134
Изъ далекихъ воспоминаній. <i>К. К. Арсеньева</i>	161
III. Матеріалы:	
Л. Н. Толстой о Наполеонѣ (письма Л. Н. Толстого къ А. И. Эртелю). <i>П. И. Вирюкова</i>	171
М. Е. Салтыковъ въ Ниццѣ. (Изъ нежданной переписки съ Н. А. Бѣлоголовымъ.) <i>В. А. Розенберга</i>	174
Новые матеріалы о М. А. Бакунинѣ и А. И. Герценѣ. <i>В. Я. Богучарскаго и М. О. Гершензона</i>	182
IV. Критика и библіографія.	
Рецензіи: <i>В. Н. Перцева, П. В. Безобразова, Е. В. Тарле, Д. Н. Егорова, А. М. Гнѣвушева, В. И. Пичеты, В. И. Семевскаго, В. Н. Бочкарева, И. М. Соловьева, К. В. Покровскаго, Н. П. Сидорова, Ч. Вятринскаго, Л. С. Козловскаго, В. Е. Степановой, С. П. Мельгунова, К. В. Сивкова</i> . Новыя книги:	190
Новая работа объ Александрѣ I. (По поводу изслѣдованія в. кн. Николая Михайловича). <i>С. П. Мельгунова</i>	239
V. Обзоръ журналовъ.	
Статьи нѣмецкихъ авторовъ по русской исторіи въ нѣмецкомъ журналѣ Теодора Шимана. <i>А. А. Кизеветтера</i>	248
Изъ иностранныхъ журналовъ (Марія Антуанета передъ судомъ исторіи. Наполеонъ и восточный вопросъ.) <i>А. М. Васютинскаго</i>	255
Значеніе эпохи Отечественной войны. (По поводу статьи г. Корнилова.) <i>М. Н. Покровскаго</i>	257
VI. Хроника.	
Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка. <i>Θ. Д. Батюшкова</i>	265
» В. Е. Якушкина. <i>В. И. Семевскаго</i>	271
» П. И. Бартенева. <i>В. В. Калаша</i>	276
» П. И. Шукіна. <i>А. В. Орѣшникова</i>	279
» Артура Гергея. <i>А. К. Джигелегова</i>	282
П. А. Крапоткинъ, какъ историкъ французской революціи (къ семидесятилѣтню рожденію)	284
Тадеушъ Корзонъ (къ пятидесятилѣтню научной дѣятельности)	286
М. Θ. Казаковъ (къ столѣтню рожденія). <i>И. Е. Бондаренко</i>	288
Акварель Е. Ламі въ Румянцевскомъ музеѣ. <i>Н. И. Романова</i>	290
Музей Александра III въ Москвѣ. <i>В. Е. Степановой</i>	294
Выставка 1812 года. <i>Е. Θ. Корша</i>	298
Хроника научныхъ обществъ и мелкія сообщенія	300
Къ роману Лили Браунъ	304
VII. Приложение.	
«Письма маркизы». Романъ Лили Браунъ (изъ второй половины XVIII в.) пер. <i>Э. К. Пименовой</i>	305
VIII. Рисунки:	
Акварель <i>Е. Ламі</i> ; поморскіе лубки (сатира на театр); портреты: <i>А. В. Поджіо, В. Е. Якушкина, П. А. Крапоткина</i> (на отдѣльныхъ листахъ), <i>Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. И. Шукіна, П. И. Бартенева, Т. Корзона, С. Крѣсемницкаго, М. Θ. Казакова</i> . Заставки изъ изданія 1730 г.	
IX. Объявленія.	

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи

А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,
П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.

№ 1.

Январь.

1913.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1913.

Подписчики „Голоса Минувшаго“ въ силу соглашенія редакціи съ издательствомъ Д. Е. Жуковского могутъ приобрести 3-е изданіе

Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ
С. М. СОЛОВЬЕВА

29 томовъ въ 7 книгахъ: полный текстъ (съ указателемъ), 5300 стр. большого формата въ 2 столбца; портретъ и факсимиле автора

вмѣсто 18 руб. за 9 руб. безъ перес.

Желающихъ приобрести это изданіе просятъ высылать 9 руб. въ контору «Голоса Минувшаго» (Тверская, 48); стоимость пересылки (1 р. 60 к. для Европ. Россіи, 2 р. 40 к. для Зап. Сибири и 4 р. для Вост. Сибири) будетъ взиматься налож. платежомъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ за доставку уплачивается 50 коп.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Статьи:

	Стр
Руссо—гражданинъ Женева. <i>М. М. Ковалевскаго</i>	7
М. В. Буташевичъ-Петрашевскій (біографическій очеркъ). <i>В. И. Семевскаго</i>	20
Театръ и зрители. I. Русскіе зрители нач. XIX в. <i>И. Н. Игнатова</i>	51
Королева Луиза и Александръ I. <i>А. К. Джиселегова</i>	76
Народничество Н. Н. Златовратскаго. <i>П. Н. Сакулина</i>	117

II. Воспоминанія.

А. В. Поджію. Записки декабриста. Съ предисловіемъ. <i>А. И. Яковлева</i>	134
Изъ далекихъ воспоминаній. <i>К. К. Арсеньева</i>	161

III. Матеріалы.

Л. Н. Толстой о Наполеонѣ (письма Л. Н. Толстого къ А. И. Эртелю). <i>П. И. Бирюкова</i>	171
М. Е. Салтыковъ въ Ниццѣ (изъ неизданной переписки съ Н. А. Бѣлоголовымъ). <i>В. А. Розенберга</i>	174
Новые матеріалы о М. А. Бакунинѣ и А. И. Герценѣ. <i>В. Я. Богучарскаго и М. О. Гершензона</i>	182

IV. Критика и библіографія.

1) Э. Целлеръ. «Очерки исторіи греческой философіи». <i>В. Перцева</i> ; 2) Куляковскій «Исторія Византіи». Бенешевичъ «Очерки по исторіи Византіи». <i>П. Безобразова</i> ; 3) «Историческое обозрѣніе» т. XVII. <i>Е. Тарле</i> ; 4) Fueter. «Geschichte der neueren Historiographie» и Billeter «Die Anschauungen vom Wesen des Griechentums». <i>Д. Егорова</i> ; 5) А. Мулюкинъ. «Очерки по исторіи юридич. положенія иностран. купцовъ въ Моск. государствѣ». <i>А. Гиньгушева</i> ; 6) Вальденбергъ. «Государственныя идеи Крожанича». <i>В. Пичета</i> ; 7) С. Платоновъ. «Статьи по русской исторіи». <i>В. Пичета</i> ; 8) А. Ляховъ. «Основныя черты социальныхъ и экономическихъ отношеній въ Россіи въ эпоху Александра I». <i>В. Семевскаго</i> ; 9) К. Зайцевъ. «Очерки исторіи самоуправления государственныхъ крестьянъ». <i>В. Семевскаго</i> ; 10) Шуазель-Гуффье. «Историч. мемуары объ импер. Александрѣ I». <i>В. Бочкарева</i> ; 11) С. Рождественскій. «Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи». <i>И. Соловьева</i> ; 12) Всеволодскій. «Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны». <i>К. Покровскаго</i> ; 13) Горнфельдъ. «О русскихъ писателяхъ». <i>Н. Сидорова</i> ; 14) М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ т. I.—III. <i>Ч. Витринскаго</i> ; 15) А. Кони. «На жизненномъ пути». <i>Ч. Витринскаго</i> ; 16) А. Круазе. «Исторія греческой литературы». <i>В. Перцева</i> ; 17) Maurycy Straszewski «Dzieje filozoficznej myśli polskiej». <i>Л. Козловскаго</i> ; 18) Н. Горбовъ. «Донателло»— <i>В. Степановой</i> ; 19) Памятники искусства Тульской губ. <i>В. Адарюкова</i> ; 20) Труды Саратовской Ученой Архивной комиссіи, в. 29; 21) Минцловъ. Обзоръ записокъ. Вып. I—IV. <i>К. Сиекова</i> ; 22) Новыя книги.	190
Новая работа объ Александрѣ I (по поводу изслѣдованія В. Кн. Николая Михайловича). <i>С. П. Мельгунова</i>	232

V. Обзоръ журналовъ.

Стр.

Статьи нѣмецкихъ авторовъ по русской исторіи въ нѣмецкомъ журналѣ Теодора Шимана. <i>А. А. Кизеветтера</i>	248
Изъ иностранныхъ журналовъ (Марія-Антуанетта предъ судомъ исторіи: Наполеонъ и восточный вопросъ). <i>А. М. Васютинскаго</i>	255
Значеніе эпохи Отечественной войны (по поводу статьи г. Корнилова). <i>М. Н. Покровскаго</i>	257

VI. Хроника.

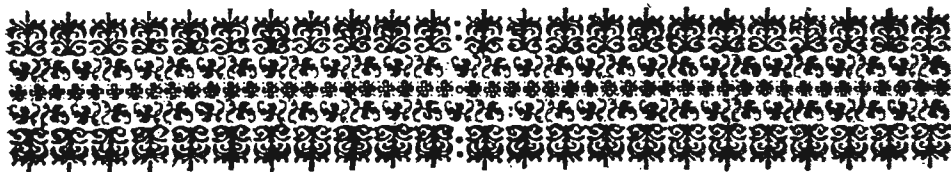
Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка. <i>О. Д. Батюшкова</i>	265
» В. Е. Якушкина. <i>В. И. Семевского</i>	271
» П. И. Бартечева. <i>В. В. Каллаша</i>	276
» П. И. Щукина. <i>А. В. Орфиникова</i>	279
» Артура Гёргена. <i>А. К. Джигелегова</i>	282
П. А. Кропоткинъ, какъ историкъ французской революціи (къ семидесятилѣтію рожденія)	284
Тадеушъ Корзонъ (къ пятидесятилѣтію научной дѣятельности)	286
М. О. Казаковъ (къ столѣтію рожденія). <i>И. Е. Бондаренко</i>	288
Акварель Е. Lamі въ Румянцевскомъ музеѣ. <i>Н. И. Романова</i>	290
Музей Александра III въ Москвѣ. <i>В. Е. Степановой</i>	294
Выставка 1812 года. <i>Е. О. Корша</i> , ...	298
Хроника научныхъ обществъ и мелкія сообщенія.	300
Къ роману Лили Браунъ.	304

VII. Приложение:

«Письма маркизы». Романъ Лили Браунъ (изъ второй половины XVIII в.), пер. Э. К. Пименовой	305

Рисунки:

1. Портретъ А. В. Поджіо (изъ коллекціи В. Я. Адарюкова)	136
2. } Сатира на театр (пѣморскіе лубки изъ коллекціи А. А. Бахрушина).	56, 64
3. }	
4. Портреты В. Е. Якушкина (1899 и 1908 гг.)	272
5. Портреты П. А. Кропоткина (1861, 1863, 1871 гг.)	284
6. Русскій отдѣлъ на выставкѣ въ Лондонѣ 1851 г. Акварель Lamі (Румянцевскій музей).	292
Въ текстѣ портреты: Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. И. Щукина, П. И. Бартечева, Т. Корзона, М. О. Казакова, С. Кржемицкаго.	265—277
Заставки заимствованы изъ франкфуртскаго изданія « <i>Rerum allamanicarum scriptores</i> » 1730 г.	

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

За послѣднее время, какъ видно по цѣлому ряду признаковъ, въ обществѣ непрерывно растетъ интересъ къ исторіи, къ прошлому, своему и чужому. Этотъ фактъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о ростѣ сознательнаго отношенія къ жизни, о стремленіи продумать и осмыслить событія, которыя не такъ давно пережила Россія и которыя дали ей такой огромный толчокъ на пути культурнаго и политическаго развитія. Преемственность эта вполне логична и воспроизводитъ смѣну настроеній, хорошо знакомыхъ намъ по исторіи Франціи и Германіи. Эпоха реставраціи во Франціи, пятидесятые годы въ Пруссіи были временемъ такого же оживленія интереса къ исторіи, какое мы наблюдаемъ теперь у насъ: французами были пережиты потрясенія революціи и имперіи, нѣмцами—1848 годъ. Новыя политическія и культурныя цѣнности, брошенныя въ общественный оборотъ, нужно было приводить въ систему, приобщать къ усложненному жизнью міровоззрѣнію.

Положеніе новаго историческаго журнала при такихъ условіяхъ едва ли требуетъ объясненія. Въ Россіи имѣются историческіе журналы. Среди нихъ есть почтенныя изданія, оказавшія неоцѣнимыя заслуги наукѣ, но совершенно недоступныя для широкой публики по программѣ и по характеру изложенія. Это—журналы для специалистовъ. Есть изданія, преслѣдующія какъ разъ противоположную цѣль: занимать, во что бы то ни было, научными, или ненаучными приемами—все равно.

И все-таки существующіе журналы не въ состояніи насытить такъ сильно поднявшійся за послѣднее время интересъ къ прошлому. Въ промежуткѣ между двумя полюсами, которые представлены указанными двумя типами историческихъ журналовъ, есть обширное мѣсто, незанятое еще, — то мѣсто, гдѣ научные интересы занимаютъ подобающее имъ положеніе, но соображенія широкой доступности находятъ полное признаніе. На этомъ именно мѣстѣ редакція хочетъ строить свой журналъ.

«Голосъ Минувшаго» не будетъ примыкать ни къ тому ни къ другому типу. Отъ перваго его будетъ отличать желаніе дать широкимъ кругамъ публики доступное и по возможности интересное чтеніе, отъ втораго—стремленіе сдѣлать всѣ статьи вполне научными.

«Голось Минувшаго» хочетъ, чтобы его не могъ упрекнуть въ не-научности спеціалистъ и въ недоступности образованный читатель.

Таковы тѣ задачи, которыми редакція задается по отноше-нію къ содержанію. Эти задачи достижимы только при самомъ ши-рокомъ сотрудничествѣ въ журналѣ русскихъ ученыхъ и писате-лей. На страницахъ журнала встрѣтятся люди разныхъ полити-ческихъ и общественныхъ міровоззрѣній. Это одно уже исключаетъ какую-нибудь опредѣленную партійную окраску. Журналъ будетъ безпартійнымъ, какъ безпартійна сама наука.

Но редакція всегда будетъ помнить завѣты лучшихъ дѣятелей на нивѣ русской науки и русской общественности. По ея глубокому убѣжденію, результаты независимой научной работы всегда идутъ на пользу не избраннымъ, не немногимъ, а трудовому большинству.

Программа журнала намѣчалась въ зависимости отъ всѣхъ этихъ соображеній. Редакція хочетъ, чтобы каждая книжка жур-нала могла быть прочитана, а, прочитанная, дала бы что-нибудь для выработки опредѣленнаго міровоззрѣнія читателя.

Это же стремленіе сдѣлать журналъ интереснымъ для болѣе широкихъ круговъ читателей опредѣляетъ отношеніе редакціи къ искусству. Не имѣя возможности удѣлять много мѣста специаль-ной области искусства, «Голось Минувшаго», хотя и въ ограничен-номъ количествѣ, будетъ печатать статьи по исторіи искусства и помѣщать иллюстраціи, воспроизводящія портреты, картины и рисунки, не знакомые или мало знакомые публикѣ.

Будетъ, наконецъ, историческая беллетристика (въ приложе-ніи), которую редакція допускаетъ лишь тогда, когда она удовле-творяетъ двумъ условіямъ: не отступаетъ отъ исторической правды и обладаетъ художественнымъ достоинствомъ.

Руссо — гражданинъ Женевы.

I.

Въ знаменитой «Исповѣди» Руссо высказываетъ, между прочимъ, свое удивленіе по поводу того, что книга, изданная въ Голландіи, могла сдѣлаться предметомъ преслѣдованій во Франціи и навлечь на ея автора громы парижской юстиціи. Этой книгой былъ знаменитый «Эмиль», а причиной, по которой эта книга была признана преступной, являются тѣ главы его, въ которыхъ затрогиваются вопросы свободы совѣсти и народнаго суверенитета. Исповѣдь Савойскаго викарія и передача вкратцѣ главныхъ положеній «Общественнаго договора» — таковы инкриминируемые въ книгѣ мѣста. Руссо недоумѣваетъ, что преступнаго въ изложеніи началъ естественной религіи, подкрѣпляющей истину христіанства, и какое дѣло парижскому парламенту до его мыслей о разумныхъ основахъ демократическихъ порядковъ Женеvской республики. Еще раньше выхода въ свѣтъ «Эмиля» Руссо посвятилъ свой трактатъ «Объ источникѣ неравенства между людьми» властямъ Женеvской республики. Въ позднѣйшемъ сочиненіи, написанномъ въ защиту «Общественнаго договора» онъ открыто говоритъ о томъ, что это сочиненіе написано не для монархій, а въ разсужденіяхъ по вопросу о наилучшемъ устройствѣ Польши и, позднѣе, Корсики — онъ даетъ несомнѣнныя доказательства тому, что принципы изложенные въ его философско-историческомъ трактатѣ о природѣ и источникѣ государственнаго суверенитета, должны найти себѣ примѣненіе въ конституціяхъ отдѣльныхъ странъ только въ той мѣрѣ, въ какой они могутъ быть согласованы и съ историческимъ прошлымъ народовъ, и съ той физической обстановкой, въ которой протекаетъ ихъ жизнь.

Изъ всего сказаннаго, повидимому, легко сдѣлать тотъ выводъ, что Руссо взялся за составленіе «Общественнаго Договора», имѣя въ виду поучать не французовъ, а прежде всего, своихъ собственныхъ согражданъ, что его интересовала судьба не монархій, а республикъ. Въ «Исповѣди» имѣется одно мѣсто, болѣе точно опредѣляющее, когда именно Руссо впервые сталъ интересоваться тѣми вопросами, которые сдѣлались предметомъ обсуждения въ его трактатѣ «Общественный договоръ». Онъ жилъ въ Венеціи секретаремъ французскаго посла, вѣроятно, въ большей степени, чѣмъ французскаго посольства. И, пользуясь досугомъ, заинтересовался судьбами республики Св. Марка. Въ этихъ судьбахъ онъ нашелъ много общаго съ тѣми, какія переживала въ это время его собственная родина Женева, но только въ одномъ отношеніи — въ смыслѣ перехода державныхъ правъ всего народа въ руки тѣсныхъ олигархическихъ совѣтовъ и Коллегіи сановниковъ. Желая объяснить, прежде всего, самому себѣ природу и источникъ государственной власти, а затѣмъ причины сосредоточенія ея во все меньшихъ и меньшихъ рукахъ — Руссо сталъ читать книги о политикѣ и заниматься исторіей, какъ собственной родины, такъ и Венеціи, древняго Рима и Аѳинъ. Въ числѣ его неизданныхъ и недоконченныхъ работъ найденъ очеркъ исторіи Женевы; въ числѣ упоминаемыхъ имъ авторовъ имѣются и Алтузій и Спиноза: они оба раньше его подымали вопросъ о происхожденіи суверенитета или верховной власти и подобно ему считали его принадлежащимъ первоначально всему народу.

Переписка Руссо съ друзьями укрѣпляетъ въ насъ увѣренность, что онъ писалъ свою книгу, имѣя въ виду отозваться на событія происходившія въ Женевѣ. Въ его дни нарушено было старинное согласіе ея гражданъ, а это грозило возобновленіемъ той внутренней распри, свидѣтелемъ которой онъ былъ въ юности во время одного изъ тѣхъ странствій, какія предпринимались имъ изъ Савои, изъ Шамбери и имѣній г. Де-Варенсъ, а затѣмъ и въ первые годы его поселенія въ Парижѣ. Тогда уже Руссо, пробывъ короткое время въ Женевѣ, проникся гордостью гражданской. Онъ въ стихахъ называетъ себя *membre du Souverain*, т.-е. членомъ самодержавнаго народа не въ силу одного факта рожденія въ Женевѣ, а потому что его семья принадлежала къ меньшинству тѣхъ, которые пользуются правами *citoyens*, а не принадлежатъ къ жителямъ предмѣстій *bourgeois* или къ позднѣйшимъ поселенцамъ (*advenaires, domiciliés*); ихъ не призывали къ участию въ большомъ Совѣтѣ, сосредоточивавшемъ въ себѣ осуществленіе Верховной законодательной власти.

Когда Руссо поставленъ былъ въ необходимость покинуть Францію въ виду висѣщаго надъ нимъ приговора Парижскаго парламента,—онъ сразу рѣшилъ ѣхать въ Женеву и поселиться въ ней. Онъ, видимо, рассчитывалъ принять участіе въ ея политической

жизни, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ руководства кружкомъ единомышленниковъ, озабоченныхъ сохраненіемъ державныхъ правъ народа и одновременно внутренняго мира въ государствѣ. Еще ранѣе въ одну изъ своихъ поѣздокъ онъ сошелся съ De-Luc'омъ, принявъ въ его обществѣ поѣздку по Леманскому озеру и, очевидно, ознакомился, благодаря этому, съ тѣмъ отношеніемъ, какое къ господствующей въ республикѣ олигархіи заняли сторонники демократическихъ теченій. Въ Женевѣ споръ шелъ о томъ, не захватили ли синдики, т.-е. коллегія высшихъ сановниковъ, республики, и тѣсный совѣтъ, составленный изъ олигарховъ, тѣ полномочія, которыя по праву должны принадлежать всей совокупности «гражданъ» (citoyens), собирающимся на Большой Совѣтъ (grand Conseil). Де-Люкъ и его партія поддерживали это послѣднее мнѣніе и стремились къ восстановленію державныхъ правъ гражданства, хотя бы и цѣной революціи. Руссо, дѣятельность котораго, какъ политическаго писателя, началась съ изложенія взглядовъ аббата Сень-Пьера на условія упроченія вѣчнаго мира среди людей, проникся подобно ему желаніемъ избѣгать войнъ столько же внѣшнихъ, сколько и внутреннихъ. Онъ, очевидно, не могъ примкнуть всецѣло къ революціонному движенію De-Luc'a.

Убѣдившись въ то же время, благодаря изученію исторіи, главнымъ образомъ исторіи республикъ, начиная отъ Рима и Аѳинъ, переходя къ Флоренціи и Венеціи и заканчивая Женевой, что на первыхъ порахъ верховенство принадлежало всему народу и что власть перешла къ тѣснымъ совѣтамъ и коллегіямъ сановниковъ не безъ захвата съ ихъ стороны, Руссо поставленъ былъ въ невозможность поддерживать и противоположную сторону—сторону преобладающихъ властей г. Женевы. Онъ счелъ нужнымъ поэтому разобраться въ претензіяхъ обѣихъ сторонъ и дать теоретическое обоснованіе взгляду, который онъ считалъ и наиболѣе отвѣчающимъ требованіямъ справедливости, и политической свободѣ, и всецѣло отражающимъ въ себѣ исконные историческіе порядки.

Въ уцѣлѣвшемъ наброскѣ его исторіи Женевы мы нашли мѣсто, въ которомъ онъ говоритъ объ епископѣ Адемарѣ Фабри и о дарованной имъ гражданамъ Женевы грамотѣ. Въ этой грамотѣ значится, что они никогда не могутъ потерять предоставленныхъ имъ правъ, даже въ томъ случаѣ, если бы эти права временно не нашли примѣненія. Въ числѣ же этихъ правъ имѣется право сходиться на собранія, на своего рода «вѣче», выбирать въ немъ властей республики и рѣшать законодательные вопросы. Такъ какъ эта грамота извѣстна было Руссо, то одному изъ женевскихъ комментаторовъ «Общественнаго договора» Юу пришла мысль слѣдующаго рода: не заимствовалъ ли Руссо своего ученія о неотчуждаемомъ народномъ суверенитетѣ изъ самаго текста грамоты, дарованной въ серединѣ XIV вѣка гражданамъ города—его держав-

нымъ владѣльцемъ—епископамъ. Такая точка зрѣнія могла показаться правдоподобной, т.-е. въ синтетической передачѣ грамоты епископъ Фабри дѣйствительно говоритъ о такой неотчуждаемости народного суверенитета. Сомнѣніе возбуждало и возбуждаетъ, однако, то обстоятельство, что въ глазахъ кальвинистовъ, какими были женевцы временъ Руссо, едва ли большой авторитетъ могла имѣть грамота католическаго епископа, нѣкогда бывшаго феодальнымъ владѣльцемъ ихъ города. Новѣйшіе писатели Женевы, въ числѣ ихъ Гаспаръ Валлетъ въ своей недавней книгѣ о Руссо, считаетъ излишнимъ восходить до XIV вѣка при толкованіи того источника, изъ котораго Руссо могъ извлечь свои данныя о значеніи, какое большой Совѣтъ Женевы имѣлъ для осуществленія народного суверенитета. Валлетъ полагаетъ, что государственный строй, заведенный въ Женевѣ ея реформаторомъ Кальвиномъ, отправлялся отъ признанія державныхъ правъ общаго собранія гражданъ. Руссо могъ, поэтому, не грѣша противъ истины и не восходя въ глубь вѣковъ, поддерживать ту точку зрѣнія, что въ Женевѣ, какъ и во Флоренціи, какъ и въ Римѣ, и въ Аѣинахъ, верховная законодательная власть, а равно и выборъ сановниковъ,—принадлежать по праву не кому иному, какъ собранію всѣхъ гражданъ, подъ какимъ бы именемъ оно ни выступало: подъ именемъ ли вѣча, или *aginga*, какъ въ городскихъ республикахъ Италіи, подъ именемъ ли народныхъ комицій, какъ въ древнемъ Римѣ, или экклезіи древнихъ Аѣинъ, или подъ именемъ Большого Совѣта, какъ въ Венеціи и Женевѣ.

На вопросъ о томъ, каковы были въ серединѣ XVIII вѣка политическія учрежденія Женевы, Валлетъ говоритъ:

Эдиктами 1543 г., подвергшимися пересмотру въ 1568 году, признанъ былъ принципъ народного суверенитета и въ то же время установленъ аристократическій образъ правленія въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, въ томъ смыслѣ, что за тѣснымъ совѣтомъ признано было право почина законодательныхъ предложеній, поступавшихъ къ Большому Совѣту; во-вторыхъ, въ томъ, что малые совѣты получили олигархическое устройство. Что касается до временъ самого Руссо, то въ сочиненіяхъ его противника Антуана Тронше, озаглавленномъ «Современное положеніе правительства г. Женевы», написанномъ въ 1721 году, значится: конституція Женевской республики слѣдующая—суверенитетъ принадлежитъ общему совѣту гражданъ и жителей пригородовъ (*citoyens et bourgeois*); дважды въ годъ этотъ совѣтъ собирается для выбора «синдиковъ» и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ сановниковъ. Онъ созывается еще для того, чтобы дать свою санкцію новымъ законамъ, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда малый совѣтъ считаетъ это нужнымъ. Въ 1738 году Франція, въ союзѣ съ Берномъ и Цюрихомъ, вмѣшивается во внутреннія распри г. Женевы и 8-го мая

издаютъ свой «эдиктъ посредничества». Эдиктъ этотъ признаетъ за Большимъ Совѣтомъ право принимать или отклонять предлагаемые ему законопроекты, право выбирать ежегодно важнѣйшихъ сановниковъ; утверждать или отклонять проекты новыхъ налоговъ и договоры о союзахъ. Тотъ же эдиктъ 8-го мая 1738 г. освящаетъ право гражданъ дѣлать представленія (representations) совѣту; рядомъ съ этимъ Малый Совѣтъ и Совѣтъ двухсотъ призваны пополнять другъ друга путемъ кооптации. Имъ ввѣрено исключительное право вносить въ Большой Совѣтъ законопроекты. Никакой практической санкции не дано праву гражданъ дѣлать представленія Совѣту двухсотъ и Малому. Все это благопріятно, съ одной стороны, признанію суверенитета народа, а съ другой,— аристократическаго образа правленія: никакой гарантіи не дано индивидуальнымъ правамъ гражданъ. Государственная церковь, церковь кальвинистская, продолжаетъ управляться неизмѣнными церковными правилами ея учредителя.

Сопоставимъ съ этимъ основныя ученія Руссо. Они изложены имъ трижды: во-первыхъ, въ 5-ой книгѣ «Эмиля», гдѣ резюмированы мысли «Общественнаго договора», во-вторыхъ, въ болѣе полномъ видѣ — въ самомъ «Общественномъ договорѣ» и, въ-третьихъ, въ той защитѣ, какую доктрина «Общественнаго договора» нашла въ 6-мъ изъ писемъ, написанныхъ съ «Горы»... Въ 5-ой книгѣ «Эмиля» Руссо объявляетъ, что «Общественный договоръ», — т.-е., скажемъ мы, не насиліе, а соглашеніе, — кладетъ основу гражданскому сообществу. Соглашеніе касается передачи совокупности всѣхъ гражданъ имущества, личности, жизни всѣхъ участниковъ соглашенія. Отнынѣ руководство переходитъ къ общей волѣ гражданъ, и каждый становится составною и нераздѣльною частью общаго цѣлаго. Суверенъ, которымъ является совокупность всѣхъ гражданъ, не можетъ высказывать ничего, кромѣ общей воли; его велѣнія должны касаться общихъ всѣмъ вопросовъ; ихъ выраженіемъ служатъ законы, т.-е. общія нормы. Народъ, какъ суверенъ, не въ правѣ постановлять по частному вопросу. Что касается до правительства, то это посредствующее тѣло, установленное между подданными, съ одной стороны, и сувереномъ—съ другой. Оно приводитъ ихъ въ сношеніе между собою. Ему поручается исполненіе законовъ и охрана, какъ гражданской, такъ и политической свободы. Нельзя безъ опасности разрушить государство—упразднить ни одного изъ этихъ трехъ составныхъ его частей: суверена, т.-е. народъ, князя, т.-е. правительство, и подданныхъ, т.-е. населеніе государства.

Разъ суверенъ вздумаетъ править, а князь издавать законы, разъ подданные откажутся отъ повиновенія, то наступитъ анархія и государство будетъ разрушено.

Та точка зрѣнія, согласно которой Руссо имѣлъ въ виду изданіемъ своего «Общественнаго договора» достигнуть практиче-

ской цѣли — реформы Женевскаго государственнаго строя, — находитъ себѣ подтвержденіе и отъ противнаго. Ссылаясь на его собственныя слова, столько на изданныя имъ сочиненія, сколько и на письма, очевидно, не рассчитанныя на распространеніе въ широкихъ кругахъ, мы имѣемъ возможность доказать: во-первыхъ, что Руссо не имѣлъ въ виду колебать общественныя или государственныя порядки Франціи и вообще любого народа, имѣющаго исторически сложившійся строй, во-вторыхъ, что принципиально онъ былъ врагомъ революціи и, въ-третьихъ, что эта вражда вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ принципѣ онъ отрицалъ существованіе такъ называемой «лучшей формы правленія», полагая, что учрежденія создаются подъ непосредственнымъ вліяніемъ какъ физическихъ, такъ и историческихъ причинъ, что государственныя порядки каждаго народа должны имѣть, въ виду сказаннаго, свои особенности, и что эти характерныя черты всякаго народнаго уклада не могутъ подвергнуться произвольнымъ измѣненіямъ безъ вреда для народнаго благополучія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ своихъ мысляхъ, Руссо вовсе не былъ противникомъ Монтескье, какимъ выставляли и выставляютъ его весьма часто. И у Монтескье государственный порядокъ народовъ признается далеко не случайнымъ, а обусловленъ протяженіемъ страны, климатомъ и историческимъ прошлымъ. Подъ климатомъ разумѣется вся совокупность физическихъ условий, даже столь трудно подводимыхъ подъ понятіе климата, какъ длина береговой линіи и плотность населенія. На Монтескье, какъ и на Руссо, въ сущности, отразилась точка зрѣнія древнихъ писателей, которые разсматривали государственный порядокъ, какъ нѣчто придуманное мудрецомъ-законодателемъ, взвѣсившимъ всѣ обстоятельства даннаго случая и надѣлившимъ свой народъ только соотвѣтствующими ему учрежденіями.

Таковыми законодателями были Миносъ, Ликургъ, Солонъ. Ихъ примѣру не прочь былъ послѣдовать и авторъ «Общественнаго договора», серьезно взявшійся за предложенную ему полякомъ Вьельгорскимъ работу — начертать проектъ конституціи для Рѣчи Посполитой. И позднѣе, послѣ отпаденія Корсики отъ Генуэзской республики, Руссо, по просьбѣ Буттадюко, занялся мыслью объ устройствѣ общественныхъ и политическихъ порядковъ острова.

Отрывокъ изъ этого неоконченнаго сочиненія дошелъ до насъ и отпечатанъ среди другихъ уцѣлѣвшихъ фрагментовъ. На работѣ, произведенной Руссо, какъ для Польши, такъ и для Корсики, весьма наглядно выступаетъ присущая ему основная идея, что государственныя учрежденія обусловливаются рядомъ причинъ. Онъ ставитъ государственныя порядки въ непосредственную зависимость отъ объема государства: демократіи возможны только въ предѣлахъ ограниченной территоріи, монархіи свойственны обширнымъ политическимъ тѣламъ, государства среднія по размѣрамъ

получаютъ аристократическія учрежденія. Недостатокъ всѣхъ этихъ построеній лежитъ, разумѣется, въ томъ, что они не считаются съ той истиной, которая гласитъ, что учрежденія растутъ, что государственные порядки измѣняются съ поступательнымъ ходомъ исторіи, по мѣрѣ развитія все большей и большей сознательности въ массахъ и пробуждающемуся въ нихъ стремленію къ самостоятельности и самоуправленію. Иначе нельзя было бы объяснить перехода европейскихъ народовъ отъ неограниченной монархіи и олигархическаго образа правленія, свойственнаго немногимъ уцѣлѣвшимъ еще въ XVIII вѣкѣ республикамъ, къ демократическимъ, конституціоннымъ или парламентарнымъ порядкамъ съ наслѣдственнымъ или избирательнымъ главою. Но Руссо, разумѣется, такъ же неосновательно было бы винить за недопущеніе имъ идеи прогресса общественныхъ и политическихъ порядковъ, какъ и несправедливо противопоставлять ему Монтескье. Современная имъ Европа представляла скорѣе картину политическаго регресса, нежели развитія. Монтескье указывалъ на то, что народы устремляются въ объятія абсолютизма съ тою же неудержимостью, съ какой рѣки текутъ въ море. Онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что въ Голландіи и въ Швейцаріи, въ которыхъ удержались еще республиканскіе порядки, произошелъ сдвигъ въ сторону олигархіи и плутократіи. То же, разумѣется, долженъ былъ отмѣтить и Руссо при изученіи какъ венеціанскихъ порядковъ, такъ и женеvскихъ. Идея прогресса, чуждая писателямъ середины XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что касается общественнаго и политическаго уклада, зарождается вмѣстѣ съ той ликвидаціей «старого порядка», начало котораго было положено переворотомъ 1789 года. Не даромъ же Кондорсэ, разрывая съ теоріей круговращательнаго движенія гражданственности и политическихъ порядковъ, съ теоріей прохожденія однимъ и тѣмъ же народомъ цѣлаго цикла, составленнаго изъ слѣдующихъ другъ за другомъ государственныхъ формъ, перешелъ къ идеѣ безостановочнаго развитія или прогресса. Первая точка зрѣнія, какъ извѣстно, нашла выразителя себѣ въ современникѣ Монтескье — Вико, вторая неразрывно связана съ Кондорсэ, участникомъ и жертвой революціоннаго движенія. Для Руссо, какъ и для Монтескье, политическіе порядки не совершенствуются, а вырождаются. Монтескье отмѣтилъ черты этого вырожденія во Франціи. Онъ обнаружилъ въ томъ, что сословно-представительная и уравновѣшенная монархія среднихъ вѣковъ, называемая имъ «готической», уступила мѣсто единовластію, вмѣстѣ съ паденіемъ генеральныхъ штатовъ и политической роли судебныхъ парламентовъ. Власть монарха потеряла всякую удержъ. Нѣтъ болѣе границъ произволу. Руссо также указалъ на вырожденіе и въ республикахъ и въ монархіяхъ. Съ этимъ надо привести въ соотвѣтствіе его про-

рочество грядущей революціи; оно относится къ послѣднимъ годамъ его жизни и должно быть признано далеко не первымъ по времени. Маркизь д'Аржансонъ десятками лѣтъ ранѣе предсказывалъ ее въ своихъ «*Considérations sur la France*». Подтвердимъ нѣсколькими цитатами изъ собственныхъ сочиненій Руссо выставленныя нами положенія.

Вотъ, кажется, мѣсто, не оставляющее сомнѣнія въ томъ, что въ лицѣ Руссо мы не имѣемъ дѣло съ сторонникомъ государственныхъ переворотовъ. Еще задолго до появленія въ свѣтъ первыхъ разсужденій «о вредѣ наукъ и искусствъ» и «о причинахъ неравенства» Руссо въ посланіи къ Паризо, заключающемъ въ себѣ болѣе трехсотъ стиховъ, признается, что пребываніе въ Парижѣ и вообще во Франціи заставило его отказаться отъ тѣхъ крайнихъ принциповъ, которые привиты были ему воспитаніемъ и превратностями судьбы въ юношескомъ возрастѣ. «Я навсегда отказался,—пишетъ онъ,—отъ этихъ жестокихъ принциповъ горькихъ и незрѣлыхъ плодовъ родного мнѣ края; они подобно дрожжамъ, подымающимъ «опару», порождаютъ въ юныхъ сердцахъ республиканскую гордость. Я научился уважать дворянство, славное своими подвигами, умѣющее самой добродѣтели придавать особый блескъ; нежелательно, чтобы въ обществѣ существовало меньшее неравенство ранговъ». Это стихотвореніе написано между 1741 и 1742 годами, за 20 лѣтъ до обнародованія «Общественнаго договора». Въ своей «Исповѣди» Руссо сознается, что, когда нѣсколько лѣтъ спустя, онъ въ томъ же Парижѣ выступалъ въ роли противника деспотизма и гордаго республиканца, онъ чувствовалъ въ то же время нѣкоторое пристрастіе (*une prédilection*) къ той самой французской націи, которую онъ объявлялъ рабской, и къ тому самому правительству, противъ котораго онъ фрондировалъ. «Забавно то,—пишетъ онъ,—что, стыдясь такого влеченія, столь противнаго моимъ принципамъ, я не рѣшался даже признаться въ этомъ».

Извѣстно, что Руссо объяснялъ впослѣдствіи рѣзкій тонъ своихъ первыхъ разсужденій вліяніемъ, оказаннымъ на него Дидро. Въ «Исповѣди» прямо сказано, что рѣзкость, сатирическій тонъ и желаніе изображать все въ мрачномъ свѣтѣ—черты, которыя развились въ немъ въ общеніи съ тогдашнимъ его другомъ, редакторомъ великой «Энциклопедіи». Но и въ этихъ уже разсужденіяхъ Руссо признается, что онъ не желалъ бы жить въ республикѣ новой формации, созданной недавнимъ переворотомъ.

«Народы,—пишетъ онъ,—разъ привыкшіе имѣть властителей, лишены возможности обходиться безъ нихъ. Попробуютъ они низвергнуть существующій порядокъ, и они удалятся еще въ большей степени отъ свободы: вѣдь такъ легко принять за нее необузданный разгулъ, который, на самомъ дѣлѣ, является ея противоположностью. Революціонные перевороты выдаютъ (народы) съ головою «соблазните-

лямя» (*séducteurs*)—мы теперь сказали бы льстецамъ-демагогамъ—а эти, въ концѣ-концовъ, сдѣлають только болѣе тягостными ихъ цѣпи».

Кто любитъ открывать въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ определенное пророчество грядущихъ событій, могъ бы привести это мѣсто для обоснованія того взгляда, что Руссо предвидѣлъ и Наполеонскую диктатуру и декабрьскій переворотъ 1851 года. Революціи, по мнѣнію Руссо, надо избѣгать, даже въ томъ случаѣ, когда она вызвана справедливыми мотивами. «Можетъ показаться,—пишетъ онъ,—что человѣкъ имѣетъ право отказаться отъ зависимости. Но ужасные раздоры, безконечныя нарушенія порядка, которыя вызвало бы пользованіе этимъ правомъ, вполне доказываютъ, насколько правительство нуждается въ болѣе прочномъ базисѣ, чѣмъ тотъ, который представляетъ разумъ и какъ было необходимо для общественнаго порядка, чтобы власть верховная пріобрѣла отъ божественной воли характеръ чего-то священнаго и ненаружимаго, что отняло у подчиненныхъ ей право уклоняться отъ повиновенія. Если бы религія не оказала людямъ другого блага, кромѣ этого, то и одного его было бы достаточно, чтобы дорожить ею и слѣдовать ей, несмотря на всѣ ея злоупотребленія».

Въ извѣстномъ письмѣ къ Даламберу Руссо весьма определенно обнаруживаетъ свою консервативную тенденцію. «Между народами,—говоритъ онъ,—необходимо отмѣтить большое различіе въ нравахъ, въ темпераментѣ, въ характерѣ. Разумѣется, человѣческая природа всюду одна и та же, но она подвергалась измѣненію подъ вліяніемъ различныхъ между собою религій, государственныхъ порядковъ, законовъ, обычаевъ, предразсудковъ, климатовъ или физическихъ условій». Думаешь, что Руссо какъ бы предугадываетъ то направленіе современной соціологической мысли, которая полагаетъ, что не одни физическія, но и общественныя условія опредѣляютъ собою и массовую и индивидуальную психологию людей. Изъ того положенія, что люди крайне разнятся между собою подъ вліяніемъ среды, Руссо дѣлаетъ тотъ выводъ, что необходимо не довольствоваться шаблонными, общими для всѣхъ порядками, а искать то, что можетъ быть полезнымъ въ данное время и въ данной странѣ. «Необходимо привести въ такое соотвѣтствіе сводъ законовъ съ тѣмъ народомъ, для котораго онъ написанъ, чтобы самое исполненіе его вызывалось этимъ соотвѣтствіемъ». (Письмо къ Даламберу, часть II.)

Въ анализѣ проекта «Вѣчнаго мира», написаннаго аббатомъ Сень-Пьеромъ, Руссо пишетъ, между прочимъ: «Система европейскихъ государствъ имѣетъ ту степень устойчивости, которая, сохраняя ихъ въ постоянномъ броженіи, устраняетъ въ то же время мысль о возможности низвергнуть установившійся порядокъ. Нашимъ бѣдствіямъ не предвидится конца, такъ какъ всякая серьезная революція отнынѣ является невозможной». Въ другомъ своемъ

сочиненіи, которое также вызвано критикой аббата Сень-Пьера и предлагаемой имъ системы множественности совѣтовъ, Руссо пишетъ: «Подумайте только объ опасности взволновать массы, изъ которыхъ слагается французская монархія. Кто въ состояніи будетъ воздержать начавшееся напряженіе или предвидѣть тѣ послѣдствія, какія оно можетъ имѣть? Если бы даже безспорными были всѣ преимущества новаго порядка, то какой человѣкъ съ здравымъ смысломъ рѣшился бы отмѣнять древніе обычаи, измѣнять исконные принципы и придавать государству другую форму, чѣмъ та, къ которой оно было приведено 1300-лѣтнимъ существованіемъ? Все равно—будетъ ли правительство тѣмъ же, какимъ оно было искони, или подвергшимся измѣненіямъ въ теченіе столѣтій—одинаково неосторожнымъ было бы вызывать въ немъ переменъ. Если оно сохранилось неизмѣннымъ — надо относиться къ нему съ уваженіемъ; если оно выродилось, то подъ вліяніемъ времени и исторіи человѣческая мудрость безсильна измѣнить все это». Очевидно, что съ такимъ утвержденіемъ не стоитъ въ противорѣчій извѣстная фраза «Общественнаго договора»; «народы, стремившіеся къ владычеству и завоеванію и создавшіе благодаря этому обширныя политическія дѣла, должны надолго отказаться отъ свободы».

Чѣмъ же, спрашивается, обязаны Руссо не монархіи, а народоправства? Въ чемъ состоитъ его доктрина народнаго суверенитета, съ одной стороны, и его ученіе объ отношеніяхъ государства и церкви — съ другой? Какія практическія примѣненія нашли объ доктрины, въ какой степени существующія въ мірѣ республики устроили по его образцу свои гражданскія и духовныя власти?

Руссо ввѣряетъ законодательство всему народу и считаетъ законъ выраженіемъ общей воли. Отсюда то послѣдствіе, что общеобязательная норма не можетъ быть издана народной представительной камерой, что послѣдняя въ сущности только устанавливаетъ проекты новыхъ законовъ и что народу въ его избирательныхъ округахъ предоставлено принять или отвергнуть эти законы. Руссо является, поэтому, не только отцомъ движенія, приведшаго къ установленію начала всеобщаго голосованія на выборахъ, но еще въ большей степени тѣхъ различныхъ пріемовъ, которыми обезпечено народу первое и послѣднее слово въ законодательствѣ. Плебисцитъ, референдумъ, прямой законодательный починъ одинаково могутъ быть возводимы къ нему, какъ къ первоисточнику. Это, разумѣется, не значитъ, чтобы и въ практикѣ народоправствъ XVIII вѣка, съ которой Руссо легко могъ быть знакомъ, не заключалось зародышей референдума. И въ Бернской республикѣ и одно время въ зависимомъ отъ нея Валлисѣ отъ мѣстныхъ союзовъ зависѣло окончательное принятіе рѣшеній, выработанныхъ на представительномъ собраніи государствъ, а къ принятію или къ отправленію прошедшихъ черезъ народныя камеры законопроектовъ

призываемо было все взрослое мужское населеніе. Подъ вліяніемъ идей Руссо составители конституціи первой республики—республики 1793 года—предложили подвергнуть ее народному плебисциту, и этотъ плебисцитъ, какъ извѣстно, не разъ повторялся во Франціи въ эпоху обѣихъ имперій. Плебисцитарный характеръ носить и та конституція Гельветской республики 1802 года, которую, согласно прямо выраженному въ ней требованію, подвергли затѣмъ голосованію по избирательнымъ округамъ, при чемъ поставленъ былъ вопросъ исключительно объ ея принятіи или отверженіи. Въ 1874 году референдуму подверглась и нынѣ дѣйствующая съ немногими измѣненіями конституція Швейцаріи. Гораздо раньше тѣ же порядки утвердились въ кантонѣ Цюрихѣ—столько же по отношенію къ конституціи, сколько и по отношенію къ простымъ законамъ. А съ того времени практика референдума усвоена была и всѣми другими кантонами. Она принята также и по ту сторону Атлантики во многихъ штатахъ, иногда, съ характеромъ факультативнымъ, т.-е. отъ самой палаты зависитъ обратиться къ референдуму или обойтись безъ него. Такъ было, напр., съ народнымъ представительствомъ штата Мэнъ, впервые задавшимся вопросомъ о борьбѣ съ алкоголизмомъ путемъ запрещенія самой продажи спиртныхъ напитковъ. Законы, устанавливающіе новые виды налогового обложенія, или увеличивающіе самый размѣръ налогового обложенія или создающіе тѣ или иныя сообщества для эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, трамваевъ, омнибусовъ и т. д., обыкновенно также поступаютъ подъ контроль народа въ формѣ референдума.

Отъ политической доктрины Руссо перейдемъ къ нормированію имъ отношеній государства и церкви.

Высказываясь въ смыслѣ терпимости, если не религіозной свободы, Руссо требовалъ признанія гражданами нѣкоторыхъ «основныхъ истинъ», столько же религіознаго, сколько и гражданскаго характера. Въ письмѣ къ своему другу въ Женевѣ Мульту отъ 17 февраля 1763 года онъ заявляетъ: «Я въ отношеніи къ религіи терпимъ по принципу, какъ христіанинъ, Я отношусь терпимо ко всему за исключеніемъ нетерпимости». Въ своихъ «письмахъ съ Горы» онъ высказываетъ то же начало, говоря: «Сановники и короли не могутъ имѣть власти надъ душами, если только люди повинуются законамъ государства. Не дѣло сановниковъ и монарховъ вмѣшиваться въ то, что будетъ въ загробномъ мірѣ, надъ которымъ они не имѣютъ наблюденія». Все это не мѣшаетъ тому, что въ «Общественномъ договорѣ» тотъ же Руссо различаетъ въ религіи двоякаго рода догматы: одни, устанавливая принципы нашихъ обязанностей, служатъ основой морали, а другіе носятъ спекулятивный характеръ. Первые, однако, «подлежать вѣдѣнію правительства». «Въ письмахъ съ Горы», защищая ту же мысль, Руссо поясняетъ, что, поступая такъ, правительство изгоняетъ вредныя

миѣнія, направленныя къ тому, чтобы разрубить социальную связь, соединяющую гражданъ одного государства. Не отрицаетъ также Руссо за государствомъ и права регулированія культа гражданъ. Въ своей «Исповѣди Савойскаго викарія» онъ говоритъ: одинъ суверенъ имѣетъ право устанавливать этотъ культъ. Во всемъ этомъ онъ мало расходится съ Бейлемъ, и оба одинаково примыкаютъ къ тѣмъ порядкамъ отношеній между государствомъ и церковью, какія установлены были въ Женевѣ Кальвиномъ. «Я желалъ бы,—пишетъ Руссо въ X книгѣ «Общественнаго договора»,—чтобы въ каждомъ государствѣ имѣлся сводъ морали или нѣкоторое гражданское вѣроисповѣданіе, которое въ своей положительной части содержало бы социальные принципы, обязательные для каждого человѣка». Догматы этой гражданской религіи должны быть, по миѣнію Руссо, простыми и малочисленными. Существованіе божества могущественнаго, разумнаго, благодѣтельнаго, всевидящаго и пекущагося о людяхъ, загробная жизнь—блаженство для праведныхъ, наказаніе злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ—таковы положительные догматы. Отрицательные же догматы, т.-е. догматы, недопускаемые въ государствѣ, всѣ сводятся къ одному—къ нетерпимости. Религіи, ея придерживающіяся, должны быть изгнаны изъ предѣловъ государства. Такимъ образомъ Руссо, подобно Кальвину, видитъ основаніе къ исключенію католиковъ изъ предѣловъ кальвинистской гражданственности,—но только потому, что католики не желаютъ допускать терпимости по отношенію къ другимъ церквамъ. Въ то же время онъ не отрицаетъ за властью права удаленія изъ государства каждого, кто не придерживается перечисленныхъ имъ догматовъ. Изгнать его слѣдуетъ не какъ нечестивца, а какъ человѣка антиобщественнаго, неспособнаго, говоритъ Руссо, уважать законы, справедливость и жертвовать жизнью ради долга. Если кто-нибудь, признавъ публично эти догматы, поступаетъ такъ, какъ будто онъ не вѣритъ въ нихъ,—да будетъ онъ наказанъ смертю. Онъ совершилъ величайшее изъ преступленій—онъ солгалъ передъ лицомъ народа.

И эта сторона ученія Руссо, въ значительной степени обусловленная религіозно-политическимъ укладомъ кальвинистской Женевы, въ свою очередь, къ сожалѣнію, оказала вліяніе на тѣ первые опыты регулированія отношеній государства къ церкви, какія представила собою революціонная Франція. Такъ называемая «*constitution civile du clergé*», предложенная аббатомъ Грегуаромъ, какъ и вынуждаемая страхомъ наказанія религія «*верховнаго существа*», установленная во Франціи Робеспьеромъ, имѣютъ своимъ прототипомъ тотъ «гражданскій катехизисъ», соблюденіе котораго вынуждается государствомъ и властями идеальной республики, задуманной Руссо. Куда шире его смотритъ на отношеніе церкви и государства Л. Н. Толстой, котораго такъ часто и не вполне вѣрно сравниваютъ съ Руссо. Толстому

чужды всякая мысль ограниченія свободы личности и ея духовнаго самоопредѣленія.

Поступательное развитіе учреждений заставило и демократію во многомъ отойти отъ ригоризма Руссо. Представительная система, которой онъ не допускалъ, нашла примѣненіе себѣ въ республикахъ съ обширной территоріей. Горячему приверженцу Руссо аббату Сійэсу пришлось въ этомъ отношеніи разойтись со своимъ учителемъ. И съ этого времени нѣтъ республикъ, за исключеніемъ шести мелкихъ кантоновъ Швейцаріи (Ури, обоихъ Унтервальденовъ, обоихъ Аппенцелей и Гларуса), которыя бы считали возможнымъ обходиться безъ представительства.

Отношенія церкви къ государству въ передовыхъ демократическихъ странахъ, и прежде всего въ Америкѣ, сложились по иному образцу, чѣмъ тотъ, который рекомендуемъ былъ Руссо. Они сложились по началу отдѣленія церкви отъ государства, устраняющаго всякую мысль о возможности для какой бы то ни было государственной власти настаивать на исповѣданіи религіознаго или гражданскаго катехизиса.

Но доктрина Руссо продолжаетъ жить въ народоправствахъ, во-первыхъ, въ томъ смыслѣ, что всякая власть въ нихъ признается исходящей отъ народа, какъ первоисточника, и что исполнительные органы—сановники—считаются не болѣе, какъ прямоуполномоченными того же народа, который ежечасно можетъ отнять у нихъ власть въ случаѣ несоблюденія даннаго имъ повелительнаго мандата.

Сказаннымъ не исчерпывается еще жизненное вліяніе политической философіи Руссо. Вслѣдъ за Монтескье онъ провозгласилъ пользу установленія между государствами федеративной связи и посвятилъ развитію этой мысли особый трактатъ, только потому не дошедшій до насъ, что онъ былъ уничтоженъ виконтомъ Дантрегомъ изъ страха создать благопріятное теченіе въ пользу жирондистовъ. Но и по тому немногому, что намъ извѣстно изъ разсужденія Руссо о польской конституціи и изъ нѣкоторыхъ главъ «Общественнаго договора», федеративный образъ правленія казался ему обезпечивающимъ возможность прямого народоправства, съ одной стороны, и оборонительной силы государства — съ другой.

Мысль Руссо была использована не одними дѣятелями Американской революціи и сотрудниками журнала «Федералистъ» — она нашла примѣненіе себѣ одинаково и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ, и въ Швейцаріи, въ составъ которой по Вѣнскому конгрессу вошла его родина — Женева, и въ томъ рядѣ союзныхъ государствъ, изъ которыхъ послѣднимъ является зарождающаяся на нашихъ глазахъ Балканская федерація.

Максимъ Ковалевскій.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

Біографическій очеркъ, преимущественно по неизданнымъ матеріаламъ.

Разгромъ съ восшествіемъ на престолъ имп. Николая I тайнаго общества декабристовъ, стремившихся къ измѣненію государственнаго строя и въ политическомъ и въ социальномъ отношеніяхъ, привелъ къ тому, что вниманіе русской интеллигенціи направилось преимущественно на подготовку рѣшенія главной социальной задачи — уничтоженія крѣпостного права. Подъ вліяніемъ литературы и жизненныхъ явленій Западной Европы нѣкоторые передовые русскіе люди уже ранѣе стали интересоваться, а затѣмъ и увлекаться социалистическими ученіями.

Еще въ XVIII в. труды предшественниковъ социализма вызывали нѣкоторый интересъ среди русскихъ писателей, какъ доказываетъ переводъ «Утопіи» Томаса Мора и вліяніе позднѣйшихъ утопій на творчество нѣкоторыхъ русскихъ писателей времени Екатерины II. При Александрѣ I дѣятельность Оуэна и его попытка практическаго рѣшенія рабочаго вопроса на хлопчатобумажной мануфактурѣ въ Нью-Ланаркѣ въ Шотландіи обращали на себя вниманіе какъ высшихъ сферъ (самого государя), такъ и нѣкоторыхъ русскихъ образованныхъ людей: декабристъ кн. Шаховской уже книжнымъ путемъ знакомится съ идеями Оуэна; другой декабристъ, Лунинъ, входитъ въ личныя сношенія съ Сень-Симономъ въ Парижѣ, а Пестель подъ вліяніемъ частію наблюденія общиннаго землевладѣнія въ Россіи, частію чтенія нѣкоторыхъ произведеній французской литературы проникается мыслью о правѣ cadaquo на пользованіе землею.

Въ царствованіе имп. Николая I въ одномъ изъ журналовъ («Атеней» 1828 г.) появляется первое на русскомъ языкѣ описаніе «Нью-Ланарской бумагопрядильни въ Шотландіи», но лишь въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ Герценъ и Огаревъ знакомятся съ идеями сенъ-симонистовъ и начинаютъ проповѣдывать въ кружкахъ молодежи освобожденіе женщины, союзъ съ нею, какъ съ равною, реабилитацію плоти, необходимость обновленія міра созданіемъ новаго общественнаго строя, социального воз-

рожденія. Одновременно съ основами сенъ-симонизма Герценъ и Огаревъ узнають изъ французскаго журнала и объ ученіи Фурье. По словамъ Герцена, «сенъ-симонизмъ легъ въ основу» ихъ «убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ», но Огаревъ свидѣтельствуешь о большомъ значеніи для развитія ихъ міросозерцанія и фурьеризма. На двухъ драматическихъ произведеніяхъ Герцена, не вполне сохранившихся,—«Лициній» (1838 г.) и «Вильямъ Пеннъ» (1839 г.)—отразились эти раннія соціалистическія вліянія: во второмъ изъ нихъ устами своего главнаго героя онъ отрицаетъ право собственности на землю англійской аристократіи и вспоминаетъ о первыхъ временахъ христіанства, когда у вѣрующихъ было все общее.

Послѣ возвращенія изъ административной ссылки Герценъ сближается въ 1840 г. съ Бѣлинскимъ, своимъ вліяніемъ помогаетъ ему освободиться отъ стремленія оправдывать «гнусную російскую дѣйствительность», и съ тѣхъ поръ оба знаменитые писателя идутъ «рука объ руку» въ своей литературной дѣятельности, руководствуясь, насколько это допускали цензурныя условія, основными принципами соціализма, но преимущественно отводя душу—Герценъ въ своемъ дневникѣ, Бѣлинскій въ перепискѣ съ друзьями. Изъ отзывовъ Герцена въ его дневникѣ о прочитываемыхъ сочиненіяхъ видно, что онъ заимствовалъ матеріалы при выработкѣ своего общественнаго міросозерцанія и изъ сочиненій Сенъ-Симона, Фурье и ихъ учениковъ и изъ произведеній Прудона и пришелъ къ убѣжденію въ необходимости измѣненія права собственности «установленіемъ управленія недвижимою собственностью и капиталами, артельной или коммунальной жизни, организаціи работъ и вознагражденія за нихъ». Бѣлинскій ранѣе Герцена понималъ, что соціализмъ «не только не разрушаетъ свободы личности, а, напротивъ, возстановляетъ ее въ неслыханномъ величій, но на новыхъ основаніяхъ»; онъ также ранѣе Герцена оцѣнилъ и даже нѣсколько преувеличилъ великія положительныя стороны общиннаго землевладѣнія. Оба друга одинаково отрицательно относились, и въ статьяхъ, и въ перепискѣ съ друзьями, къ западно-европейской буржуазіи, одинаково горячо защищали интересы пролетаріата; но у нихъ обоихъ отрицательное отношеніе къ тогдашнему конституціонному строю, при которомъ господство принадлежало дворянству и буржуазіи, вовсе не связывалось съ отрицаніемъ необходимости измѣненія политическаго строя вообще, необходимости политическихъ переворотовъ. Въ бесѣдахъ съ друзьями Бѣлинскій высказывалъ прямо революціонныя взгляды, и Достоевскій называетъ его страстнымъ соціалистомъ, а Гончаровъ—Бѣлинскаго трибуномъ, Герцена—бойцомъ-проповѣдникомъ.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій съ его горячимъ увлеченіемъ фурьеризмомъ, съ его сочувствіемъ республиканскому строю, съ

его признаніемъ необходимости широкой пропаганды для подготовки коренного измѣненія политическаго и общественнаго строя Россіи является непосредственнымъ идейнымъ преемникомъ Герцена и Бѣлинскаго—съ тою только разницею, что и свойства личныхъ способностей и неблагопріятныя цензурныя условія дали перевѣсъ въ его дѣятельности устной пропагандѣ сравнительно съ печатною.

Въ нѣкоторыхъ моихъ очеркахъ мнѣ приходилось уже говорить о Петрашевскомъ, но только теперь, располагая обширнымъ неизданнымъ матеріаломъ, я могу попытаться дать возможно полное изображеніе его личности и подробно характеризовать его міросозерцаніе и его общественную работу въ Петербургѣ въ 1840 г.

I.

Отецъ Петрашевскаго.—Воспитаніе въ Царско-Сельскомъ лицѣѣ.—Поступленіе на службу.—Петрашевскій—вольнослушатель въ университетѣ.—«Мои афоризмы», Петрашевскаго.—«Запасъ общепользнаго».—Попытка вступить на педагогическое поприще.—Полицейскій надзоръ.

Отецъ Мих. Вас. Буташевича-Петрашевскаго, Василій Михайловичъ, родился въ 1787 г. Въ 1806 г. изъ полтавской духовной семинаріи онъ перешелъ въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ медико-хирургической академіи и, еще будучи студентомъ, сталъ исполнять обязанности помощника прозектора. Ревностныя занятія его анатоміею и успѣшное подготовленіе препаратовъ обратили на него особенное вниманіе академической конференціи, и по ея докладу въ 1809 г. императоръ Александръ I наградилъ молодого анатома золотыми часами. Въ томъ же году В. М. Петрашевскій окончилъ курсъ академіи съ званіемъ лѣкаря и съ серебряною медалью. Оставленный при академіи, онъ продолжалъ нести обязанности прозектора и въ то же время былъ ординаторомъ сухопутнаго госпиталя, гдѣ практически занимался хирургіею ¹⁾. Въ декабрѣ 1810 г., получивъ званіе медико-хирурга, Петрашевскій началъ нести тяжелую службу лѣкаря при разныхъ полкахъ. Въ 1811 г. онъ находился по обязанностямъ службы въ Молдавіи, въ апрѣлѣ 1812 г. былъ опредѣленъ главнымъ хирургомъ 2-ой западной арміи, а въ началѣ сентября назначенъ главнымъ докторомъ при гр. Милорадовичѣ и находился въ арміи во время Бородинскаго сраженія. Онъ завѣдывалъ медицинскою частью по всему лѣвому

¹⁾ В. М. Петрашевскій изобрѣлъ двѣ машины: одну—для вытягиванія вывихнутыхъ суставовъ пальцевъ, другую—для прижатія вѣнечной губной артеріи при невозможности ее перевязать, изъ которыхъ первая была признана особенно полезной.

флангу арміи, наблюдалъ за дѣйствіями докторовъ при операціяхъ и перевязкахъ, распоряжался отправкою раненыхъ въ подвижные госпитали, а въ 1813—14 гг., во время заграничнаго похода, находился при русскомъ войскѣ во время многихъ кровопролитныхъ сраженій.

Въ 1819 г. Петрашевскій былъ назначенъ петербургскимъ штаттъ-физикомъ и инспекторомъ лазаретовъ въ Петербургъ и Петербургской губерніи, а также главнымъ докторомъ при заведеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія. Въ 1821 году медико-хирургическая академія признала В. М. Петрашевскаго безъ экзамена докторомъ медицины и хирургіи. 14 декабря 1825 г. онъ былъ приглашенъ, какъ врачъ, къ смертельно раненому на Сенатской площади гр. Милорадовичу. Въ 1830 г. Петрашевскій занимался устройствомъ холерныхъ больницъ, въ 1839 г. уволенъ отъ должности штаттъ-физика и съ 1841 г. состоялъ по особымъ порученіямъ при главномъ инспекторѣ медицинской части, баронетѣ Вилліе. Умеръ онъ 29 мая 1845 г. ¹⁾.

Сынъ Василія Михайловича, Михаилъ Васильевичъ, родился 1 ноября 1821 г. ²⁾. Въ 1832 г. онъ поступилъ своекоштнымъ воспитанникомъ ³⁾ въ лицей, который находился тогда въ Царскомъ Селѣ, числился съ 1822 г. въ военномъ вѣдомствѣ и состоялъ подъ главнымъ начальствомъ вел. кн. Михаила Павловича. Ученики дѣлились въ то время на два возраста, съ шестилѣтнимъ пребываніемъ въ этомъ заведеніи, но въ 1835 г. введено было дѣленіе на 4 класса, изъ которыхъ въ каждомъ воспитанники учились по полтора года; число ихъ было съ 50. увеличено до 100, и строго замкнутая жизнь лицейстовъ была ослаблена разрѣшеніемъ домашнихъ отпусковъ на Рождество и Пасху, а затѣмъ и проведеніемъ Царско-Сельской желѣзной дороги, которая была открыта въ 1837 г.

Директоромъ лицея въ это время былъ генераль Гольтгоеръ, о которомъ прежній директоръ лицея Энгельгардтъ писалъ, что онъ «о воспитаніи имѣетъ столько же понятія, какъ о кавалерійскомъ маневрѣ». Онъ «всю жизнь свою провелъ» при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и «педагогіи научался въ Дворянскомъ полку» (впослѣдствіи Константиновское военное училище). Хуже всего то, что онъ ввелъ въ лицей тѣлесныя наказанія, часто при немъ примѣнявшіяся, не смотря на то, что въ положеніи о лицейѣ о нихъ вовсе не упоми-

¹⁾ Женатъ былъ на Теодорѣ Дмитріевнѣ Фалѣевой, которая надолго пережила своего мужа и умерла 7 февраля 1867 г., черезъ два мѣсяца по смерти сына. «Русскій біографическій словарь, изд. имп. русскаго историческаго общества, Павелъ-Петръ». СПб. 1902 г.

²⁾ Онъ считался крестникомъ имп. Александра I, замѣстителемъ котораго на крестинахъ былъ гр. Милорадовичъ.

³⁾ Съ платою по 2000 р. ассигнаціями въ годъ.

налось, а циркулярами министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго (1811 и 1814 гг.) они были даже прямо запрещены. Гольтгоеръ и назначенъ былъ директоромъ лица въ 1824 г. съ тою цѣлью, чтобы подтянуть въ немъ дисциплину; есть, впрочемъ, указанія, что съ годами его усердіе въ этомъ отношеніи нѣсколько охладѣло. Лиценсты его не любили: это видно, напр., изъ того, что они не пригласили его на спектакль въ лицей въ 1840 г. Инспекторъ Оболенскій, преподававшій нравственную философію и затѣмъ психологію, былъ, по словамъ Энгельгардта, «низкій фарисей», основавшій «все воспитаніе на постыдной системѣ подслушиванія за дверьми, на изловленіи и кражѣ записочекъ по ящикамъ». Онъ даже приучалъ воспитанниковъ дѣлать тайные доносы на товарищей; понятно, что его ненавидѣли. Гувернеры въ низшихъ классахъ были плохи, въ старшихъ гораздо лучше.

Изъ профессоровъ наибольшимъ расположеніемъ учениковъ пользовался, и какъ человѣкъ и какъ талантливый учитель, И. П. Шулгинъ, преподававшій статистику и географію. Напротивъ, преподаватель всеобщей исторіи Кайдановъ уже совершенно въ это время выстарился и держался своихъ учебниковъ, оканчивая курсъ воцареніемъ Людовика XVI и умалчивая о французской революціи. П. Е. Георгіевскій, читавшій русскую словесность, піитику, риторiku и проч. (а также и латинскую словесность), былъ до мозга костей пропитанъ семинарской схоластикою и не пошелъ далѣе нашихъ классиковъ XVIII вѣка, свысока относясь къ Пушкину и вовсе не зная уже вышедшихъ въ свѣтъ первыхъ произведеній Гоголя. Точно такъ же «профессоръ» французской литературы Жилле игнорировалъ В. Гюго и писателей романтической школы, но зато профессоръ нѣмецкой литературы де Олива, горячій поклонникъ Шиллера, Гёте и Лессинга, умѣлъ возбудить любовь къ произведеніямъ этихъ писателей въ нѣкоторыхъ своихъ ученикахъ.

Исторія римскаго и русскаго права очень сухо преподавалась до 1837 г. человѣкомъ, хорошо знавшимъ свой предметъ,—барономъ Врангелемъ. Его замѣнилъ Я. И. Баршевъ, вскорѣ послѣ возвращенія изъ-за границы (гдѣ онъ въ Берлинскомъ университетѣ въ теченіе 6 семестровъ прослушалъ курсъ юридическихъ наукъ у Савиньи, Эйхгорна и др., исторіи у Раумера и Ранке), но онъ излагалъ теорію уголовного права мертвенно, монотонно. Напротивъ, одновременно съ нимъ занявшій кафедру политической экономіи и статистики профессоръ Игн. Ак. Ивановскій въ то время живо читалъ лекціи, указывалъ и на спеціальныя сочиненія, иногда приносилъ книги для своихъ слушателей, а также бесѣдовалъ съ ними и во внѣклассное время. Неудовлетворительное преподаваніе многихъ предметовъ не безъ большаго затрудненія могло пополняться чтеніемъ: въ низшихъ классахъ чтеніе постороннихъ ученію книгъ было совсѣмъ запрещено, а старшимъ ученикамъ было очень трудно до-

биться ихъ изъ лицейской библіотеки отъ завѣдывавшаго ею инспектора. Къ счастью, разрѣшено было подписаться въ складчину въ одной частной библіотекѣ и выписывать журналъ Сенковского «Библіотека для чтенія». Но большое вліяніе имѣлъ на пробужденіе любви къ литературѣ царившій въ лицей культъ Пушкина, и многіе лицеисты писали стихи. Во время пребыванія Петрашевскаго въ лицей издавался его товарищами, опередившими его по классу, рукописный ежемѣсячный литературный журналъ, гдѣ помѣщались стихи, повѣсти, оригинальныя и переводныя, критическія статьи, лицейская хроника. Трагическая смерть поэта произвела на лицеистовъ потрясающее впечатлѣніе, и гениальное стихотвореніе по этому поводу Лермонтова многими произносилось наизусть.

Петрашевскій почти вовсе не сближался съ товарищами. Одинъ изъ нихъ, Яхонтовъ, учившійся съ нимъ въ младшемъ курсѣ, говоритъ, что Петрашевскій «выкидывалъ иногда неожиданныя, эксцентрическія штуки... не выказывалъ ни особенныхъ способностей, ни оригинальности ума... Онъ часто поражалъ непоследовательностью, нелогичностью своихъ словъ и поступковъ..., ни съ кѣмъ не дружился и вообще не былъ любимъ товарищами» ¹⁾. Другой товарищъ Петрашевскаго по лицеоу, впоследствии писатель, Вл. Раф. Зотовъ, въ воспоминаніяхъ котораго ²⁾ есть, впрочемъ, значительныя неточности, говоритъ о немъ уже въ старшіе его годы. По словамъ Зотова, Петрашевскій въ 15 лѣтъ былъ отмѣченъ гувернерами, какъ воспитанникъ «крайне строптиваго характера и либеральнаго образа мыслей». Учился онъ хорошо ³⁾, «но держалъ себя, какъ-то странно, даже по отношенію къ товарищамъ. Угрюмый, неразговорчивый, сосредоточенный въ себѣ, онъ почти ни съ кѣмъ не сближался и внѣклассное время проводилъ не въ бесѣдахъ или играхъ, а уединялся въ рекреационной залѣ или въ саду съ книгой въ рукахъ. Столкновенія съ лицейскимъ начальствомъ, къ которому онъ относился весьма недружелюбно и непочтительно, сдѣлались, наконецъ, часты и рѣзки» ⁴⁾. По словамъ М. Е. Салтыкова, въ его

¹⁾ Д. О. Кобеко. «Имп. царскъ-сельскій лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843 г.» СПб. 1911 г.; «Памятная книжка лицея» на 1898 — 99 г.; Яхонтовъ, «Воспоминанія лицеиста», «Русск. Стар.» 1888 г. № 10, стр. 107.

²⁾ См. «Историч. Вѣстникъ» 1890 г. т. 40, № 6, стр. 536 — 537.

³⁾ Третій товарищъ Петрашевскаго по лицеоу, К. С. Веселовскій, свидѣтельствуетъ объ его «несомнѣнно хорошихъ способностяхъ и живости ума». «Русск. Ст.» 1900 г. № 9, стр. 459.

⁴⁾ Однако, по словамъ того же Зотова, Петрашевскій дружилъ съ М. Н. Лонгиновымъ, веселымъ, живымъ и добродушнымъ, впоследствии извѣстнымъ библіографомъ, авторомъ стихотвореній «не для дамъ» и до сихъ поръ неустарѣвшей книги о Новиковѣ и московскихъ мартинистахъ, а позднѣе сдѣлавшимся свирѣпымъ начальникомъ по дѣламъ печати.

показаніи въ Вяткѣ во время слѣдствія по дѣлу Петрашевскаго, онъ «былъ нелюбимъ своими товарищами» и «большую часть свободнаго времени проводилъ въ низшихъ классахъ». Это повело къ сближенію его съ Салтыковымъ, который уже въ низшемъ классѣ обнаруживалъ «большую склонность» къ литературнымъ занятіямъ.

Въ весьма любопытной статьѣ Герцена о Петрашевскомъ, написанной въ 1851 г. по-французски для извѣстнаго историка Мишле и лишь недавно появившейся въ печати, авторъ говоритъ, что Петрашевскій курилъ только въ лицѣ, потому что тамъ это было запрещено. «Шалостями онъ далеко превосходилъ своихъ товарищей, зараженныхъ аристократическою спесью ¹⁾ и дѣтскими понятіями о приличіяхъ; вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ, и особенно нѣмцы, прекратили съ нимъ всякія товарищескія отношенія. Петрашевскій ни въ чемъ не признавалъ золотой середины, столь свойственной нѣмецкому характеру, и когда дѣло шло о какомъ-нибудь заговорѣ, затѣянномъ учениками, чтобы проучить гувернера, онъ тотчасъ предлагалъ свои услуги даже товарищамъ, враждебно къ нему относившимся, бралъ на себя все выполненіе мщенія» и заручался только обѣщаніемъ не выдавать его. «Но затѣмъ онъ обыкновенно превосходилъ желанія своихъ соратниковъ и подвергался ихъ упрекамъ за то, что навлекъ на всѣхъ ихъ «порицаніе за отступленіе отъ царившаго въ лицѣ корпоративнаго духа». К. С. Веселовскій рассказываетъ о томъ, какъ Петрашевскій изводилъ одного гувернера, Коха, длинными диспутами. Кохъ былъ человѣкъ очень раздражительный, капризный и взбалмошный; лицеисты его ненавидѣли, а Петрашевскій забавлялся тѣмъ, что, заведя съ нимъ какую-нибудь бесѣду, доводилъ его своими возраженіями и софизмами до крайняго изступленія ²⁾. Въ одномъ документѣ III Отдѣленія Е. В. канцеляріи (1848 г.) сказано о Петрашевскомъ, что онъ «еще въ лицѣ былъ вольнодумцемъ, за что товарищи его называли сумасшедшимъ».

¹⁾ Въ числѣ товарищей Петрашевскаго по курсу были Рейтернъ и баронъ Николай (впослѣдствіи министры), кн. Голицынъ, гр. Сиверсъ, А. В. Головинъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія). Изъ одной рукописной замѣтки Петрашевскаго видно, что онъ поддерживалъ съ Головиннымъ сношенія еще въ концѣ 1841 г., черезъ два года по окончаніи курса въ лицѣ. Большинство другихъ товарищей достигло также высокаго служебнаго положенія. Во время пребыванія государя въ Царскомъ Селѣ лицеисты наравнѣ съ пажами назначались дежурными при дворѣ и приглашались на танцевальныя вечера и спектакли, но Петрашевскому, при его дурномъ поведеніи, вѣроятно, не случалось бывать на придворныхъ увеселеніяхъ.

²⁾ «Русс. Стар.» 1900 г. № 9, стр. 452; Воспоминанія Яхонтова, «Р. С.» 1888 г. № 10.

Неизвѣстно, былъ ли Герценъ лично знакомъ съ Петрашевскимъ ¹⁾, но, какъ увидимъ, онъ подробно описываетъ его наружность, характеръ и привычки; во всякомъ случаѣ видно, что онъ имѣлъ о немъ свѣдѣнія изъ хорошаго источника. Многие могъ рассказать ему о Петрашевскомъ Энгельсонъ, который учился въ лицѣ, вышелъ изъ него, не окончивъ курса, въ одинъ годъ съ Петрашевскимъ, но ранѣе его привлекался къ слѣдствію по его дѣлу, сдѣлался потомъ эмигрантомъ и одно время находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Герценомъ.

Петрашевскій окончилъ курсъ въ 1839 г., при чемъ,—случай крайне рѣдкій,—получилъ чинъ не IX, X и даже не XII, а только XIV класса ²⁾. Если принять во вниманіе, что на экзаменахъ лицеисты отвѣчали по поддѣльнымъ билетамъ, что давало каждому возможность заучить лишь одинъ билетъ, то такая неудача Петрашевскаго объясняется не отсутствіемъ въ немъ способностей (Зотовъ, какъ мы видѣли, свидѣтельствуетъ, что онъ «учился хорошо»), а нерасположеніемъ къ нему лицейскаго начальства ³⁾. Въ аттестатѣ, выданномъ Петрашевскому 16 марта 1840 г., было сказано: «Оказалъ успѣхи: въ Законѣ Божіемъ, нравственныхъ и юридическихъ наукахъ, въ географіи, статистикѣ, исторіи, французской словесности и въ англійскомъ языкѣ весьма хорошіе; въ математикѣ, физикѣ и латинской словесности удовлетворительные, въ нѣмецкой словесности хорошіе, въ политической экономіи и русской словесности отлично хорошіе; сверхъ того обучался рисованію, фехтованію и танцованію». По свидѣтельству Герцена, «при раздачѣ дипломовъ Петрашевскій возбудилъ большое удивленіе всѣхъ присутствовавшихъ столь мало обычнымъ въ Россіи произнесеніемъ рѣчи, въ которой самымъ серьезнымъ тономъ благодарилъ начальство заведенія за его заботу о воспитанникахъ и убѣждалъ товарищей предать забвенію всѣ прежнія несогласія. Пораженное тѣмъ, что такую благоразумную рѣчь произнесъ Петрашевскій, начальство лицея публично выразило ему сожалѣніе, что

¹⁾ Возможно, что онъ могъ встрѣчать Петрашевскаго, когда въ 1846 г. хлопоталъ въ Петербургѣ о заграничномъ паспортѣ. 12 октябрю 1846 г. Никитенко отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Третьяго дня познакомился съ Герценомъ... Замѣчательный человѣкъ». Это было вскорѣ постѣ того, какъ рѣшено было не выпускать въ свѣтъ задержанный цензурою второй выпускъ «Словаря иностранныхъ словъ», редактированный Петрашевскимъ, котораго знали многие въ кругу писателей и могли познакомить съ Герценомъ.

²⁾ Высоч. повелѣніе о выпускѣ его изъ лицея съ чиномъ коллежскаго регистратора состоялось 20 янв. 1840 г.

³⁾ Его поведеніе было названо въ аттестатѣ «довольно хорошимъ», что, конечно, по официальной терминологіи имѣло весьма нехорошее значеніе. Въ докладѣ гр. Орлова государю о Петрашевскомъ (утвержденномъ 21 апрѣля 1849 г.) сказано: «по дерзости своего характера и по вольнодумству его, онъ быть выпущенъ изъ лицея съ чиномъ XIV класса».

до сихъ поръ не сумѣло оцѣнить по достоинству одушевлявшія его чувства. Оно не поняло, что эта рѣчь была только фарсомъ, разграниченнымъ Петрашевскимъ, чтобы смутить педагоговъ, и такъ далеки были отъ того, чтобы въ выраженіяхъ его благодарности видѣть иронію», что «Петербургскія Вѣдомости» ее напечатали ¹⁾. Что эта рѣчь могла быть только ироніею, подтверждается словами Петрашевскаго, сказанными имъ какъ-то Антонелли (который сыгралъ такую подлую и губительную роль въ его дѣлѣ), что «если у него проявились теперешнія идеи и намѣренія», то за это онъ долженъ быть благодаренъ Гольтгоеру, бывшему въ его время директоромъ лицея, который гналъ его до того, что, наконецъ, ожесточилъ противъ себя». Петрашевскій прибавилъ, что «старается отомстить» (вести противоправительственную пропаганду) «тѣмъ же оружіемъ,—т.-е. черезъ учителей,—какимъ и его поражали». Горькимъ сарказмомъ звучатъ слѣдующія слова Петрашевскаго въ его запискѣ, представленной 5 іюля 1849 г. слѣдственной комиссіи (въ то время Петрашевскій былъ уже въ психически-ненормальномъ состояніи): «Ваше вниманіе чего-то ищетъ около 1840 г. Вамъ, видно, за то время угодно имѣть мое *profession de foi*; если хотите,—оно есть и печатное въ моихъ бумагахъ. Это экспромптомъ отвѣтъ на актъ при выходѣ изъ лицея на рѣчь протоіерея Кочетова. Дайте мнѣ растолковать значеніе этого и увидите, что тѣ же чувства тогда и теперь меня одушевляли... Слова иныя—положеніе то же во всѣхъ отношеніяхъ... Мое настоящее положеніе представляетъ мнѣ слѣдующую картину: на берегу широкой рѣки стоитъ густая толпа народа, изъ нея слышатся крики: «Поймали колдуна, поймали очарователя, планиту небесную знать хотѣлъ. Приворотныя травы найдены... Топить его! топить его!..» Несутъ человѣка по рукамъ и ногамъ связаннаго!.. бросаютъ въ воду!.. Туманъ мнѣ застилаетъ глаза».

25 марта 1840 г. Петрашевскій поступилъ на службу въ департаментъ внутреннихъ сношеній Министерства Иностранныхъ дѣлъ третьимъ переводчикомъ (съ жалованьемъ 400 р. асс., или 114 р. 39 к. сер. въ годъ) ²⁾, и съ осени этого года воспользовался пра-

¹⁾ А. Herzen. Petrachevsky. «Revue politique et litteraire. Revue Bleue» 1908 г. № 13, р. 387—388. По замыслу Петрашевскаго его письмо въ газету было, вѣроятно, пародіею на официальные описанія подобныхъ торжествъ, и у многихъ лицейстовъ оно должно было вызывать громкій смѣхъ, но посторонняя публика могла принять все это за чистую монету. Указаніе Герцена во всякомъ случаѣ даетъ истинное освѣщеніе намѣреніямъ Петрашевскаго, а внести яснѣе ироническую струнку, конечно, мѣшали цензурныя условія. Примѣры подобной, но болѣе ясной ироніи мы встрѣтимъ далѣе, когда будемъ говорить о «Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ».

²⁾ Кромѣ принесенія присяги, Петрашевскій, какъ и всѣ другіе, долженъ былъ дать слѣдующую подписку, въ которой дѣло не обошлось безъ школьничества, выразившагося въ случайной будто бы опискѣ: «Я, нижеподписав-

вомъ, предоставленнымъ воспитанникамъ лица, посѣщать (по закону въ продолженіе двухъ лѣтъ), въ свободное отъ службы время, лекціи въ университетѣ въ качествѣ вольнослушателя.

Тогдашніе профессора юридическаго факультета—Калмыковъ, занимавшій кафедру энциклопедіи и русскаго государственнаго права, Шнейдеръ, профессоръ римскаго права, Ивановскій, профессоръ общенароднаго (т.-е. международнаго) права и дипломатіи, Я. Баршевъ, профессоръ русскихъ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ (два послѣдніе были извѣстны уже Петрашевскому по лицу), Рождественскій, читавшій законы благочинія и благоустройства, Кранихфельдъ, занимавшій кафедру законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ,—могли сообщить Петрашевскому въ своихъ лекціяхъ извѣстныя знанія по предмету ихъ преподаванія, но до нѣкоторой степени содѣйствовать развитію въ немъ опредѣленнаго міросозерцанія могъ только Викторъ Степ. Порошинъ, читавшій политическую экономію и статистику. Въ официальной исторіи Петербургскаго университета мы находимъ такой отзывъ о немъ: «Послѣ лекцій Бутырскаго ¹⁾, который ни словомъ не упоминалъ о существованіи социалистической школы въ политической экономіи, чтенія Порошина показались студентамъ удивительно глубокими ²⁾, и вскорѣ, благодаря разнообразію своей образованности и гуманистическимъ тенденціямъ при благородствѣ характера, сдѣлался онъ, несмотря на полное отсутствіе краснорѣчія ³⁾, однимъ изъ самыхъ любимыхъ профессоровъ въ университетѣ и приобрѣлъ въ немъ почти такое же значеніе, какъ Грановскій въ Московскомъ».—«Слушатели», отозвался о немъ Плетневъ въ университетскомъ отчетѣ за 1847 г., «привыкли приходить въ аудиторію его съ пріятнѣйшими ожиданіями и выходить оттуда съ новыми каждый разъ идеями, глубоко обдуманнми и полными многообразнаго приложенія къ общественной жизни» ⁴⁾. Сдѣлавшись профессоромъ,

шійся, симъ объявляю, что я ни къ какой масонской ложѣ и ни къ какому тайному обществу ни внутри имперіи ни внѣ ея не принадлежу и обязываюсь впередъ (вмѣсто «впредь») къ онымъ не принадлежать и никакихъ сношеній съ ними не имѣть. Въ іюнѣ 1840 г. Петрашевскій былъ откомандированъ въ канцелярію петербургскаго военнаго генералъ-губернатора Эссена для занятій тамъ во время, свободное отъ служебныхъ обязанностей по Министерству Иностранныхъ дѣлъ.

¹⁾ Профессоръ словесности, которому послѣ ухода изъ университета профессоровъ Балугьянскаго и Плисова поручили читать политическую экономію.

²⁾ Нѣкоторая язвительность этого отзыва объясняется тѣмъ, что онъ въ этомъ мѣстѣ основанъ на запискѣ проф. И. Я. Горлова, ничтожество котораго такъ хорошо показано было Чернышевскимъ.

³⁾ Это видно и изъ письма Плетнева къ Гроту. «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Спб. 1896 г. I, 170».

⁴⁾ В. Григорьевъ. «Имп. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія.» СПб. 1870 г., стр. 168—170.

Порошинъ жилъ, какъ студентъ, занимая лишь одну комнату, загроможденную книгами. И другія потребности его были болѣе чѣмъ умѣренны: онъ всегда ходилъ пѣшкомъ, не курилъ, не пилъ вина, не игралъ въ карты. Его лекціи годъ отъ году пріобрѣтали все большую извѣстность, аудиторія его становилась тѣсною, и еще долго его бывшіе слушатели передавали свои воспоминанія о немъ, какъ о замѣчательномъ педагогѣ. Часть этихъ лекцій (1847 г.) сохранилась въ записи одного изъ слушателей, и намъ придется говорить о нихъ въ другомъ мѣстѣ. Что Порошинъ былъ человѣкъ съ большимъ чувствомъ собственного достоинства,—показываетъ инцидентъ, вслѣдствіе котораго онъ оставилъ университетъ ¹⁾. Подъ вліяніемъ Порошина нѣкоторые студенты, какъ, напр., пострадавшіе въ послѣдствіи вмѣстѣ съ Петрашевскимъ А. В. Ханыковъ и Ипп. Матв. Дебу, заинтересовались политическою экономіею и изучали сочиненія Фурье, Прудона, Луи-Блана, Лоренца Штейна и Гакстгаузена. Нужно замѣтить, однако, что самъ Порошинъ не былъ социалистомъ: въ своей рѣчи: «О земледѣліи въ политико-экономическомъ отношеніи», прочитанной на актѣ Петербургскаго университета въ 1846 г., онъ восхвалялъ услуги, оказанныя въ Англіи народу аристократіею, и даже готовъ былъ признать «естественную основу» ея привилегій относительно поземельной собственности ²⁾. Въ процессѣ Петрашевскаго промелькнуло показаніе одного изъ подсудимыхъ, Толя, упомянувшаго о словахъ Порошина объ Александровской колоннѣ: «столбъ столба столбу», но лицо, на которое сослался Толя, не подтвердило этой ссылки, и слѣдователи оставили Порошина въ покоѣ.

Прекрасно сдавъ выпускной экзаменъ, Петрашевскій получилъ 19 авг. 1841 г. кандидатскій дипломъ ³⁾. По поводу кандидатской диссертациі у него произошло столкновеніе съ проф. Ивановскимъ, о чемъ мы узнаемъ изъ донесенія агента Антонелли. Петрашевскій рассказалъ ему, что нѣкоторые экзамены онъ отложилъ до послѣ-

¹⁾ Однажды въ 1847 г. онъ опоздалъ на нѣсколько минутъ на лекцію, и находившійся въ это время въ аудиторіи извѣстный своею грубостью попечитель Мусинъ-Пушкинъ рѣзко замѣтилъ ему: «Вы опоздали. Порошинъ взглянулъ на часы, отвѣтилъ только: «да, дѣйствительно», и съ этими словами взошелъ на кафедру. Попечитель приказалъ оштрафовать профессора, сдѣлавъ вычетъ изъ его жалованья, но ректоръ отвѣчалъ, что это будетъ трудно исполнить, такъ какъ Порошинъ жертвуетъ все свое жалованье въ пользу университетской бібліотеки. На слѣдующій день онъ подалъ въ отставку. «Русс. Стар.» 1882 г. № 10, стр. 209; ср. *Григорьевъ*, 169, «Переписка Грота съ Плетневымъ» III, 153.

²⁾ Неодобрительный отзывъ объ этой рѣчи см. въ «Критическихъ опытахъ» В. Н. Майкова, СПб., 1891 г., стр. 683—696.

³⁾ Въ немъ сказано, что Петрашевскій признанъ «достойнымъ степени кандидата юридическаго факультета» «во уваженіе примѣрнаго поведенія и отличныхъ успѣховъ».

каникулярнаго времени и, уѣхавъ на лѣто къ себѣ въ деревню въ четырехнедѣльный отпускъ, совершенно забылъ о диссертациі, а затѣмъ поручилъ своему знакомому Орлову написать ее за 100 рублей ассигнаціями на тему о развитіи духа аристократіи въ Россіи. Университетскій совѣтъ нашелъ ее неудовлетворительною, и Петрашевскому было предложено написать другую. Онъ представилъ профессору Рождественскому ранѣе написанное имъ сочиненіе «Теорія образованія юношества въ Россіи» и получилъ отъ него одобрительную записку, которую и представилъ проф. Ивановскому. Но тотъ не одобрилъ его сочиненія, потому что оно «не проникнуто довольно духомъ учености». Тогда Петрашевскій написалъ третью диссертацию. Въ это время Ивановскій, по словамъ Петрашевскаго, покровительствовалъ студенту Гейнрихсону и далъ ему изъ архива чью-то диссертацию, съ тѣмъ, чтобы тотъ, переписавъ ее, выдалъ за свою собственную. Петрашевскій, желая одурачить Ивановскаго, ссылаясь въ своей диссертациі на множество сочиненій, по большей части никогда не существовавшихъ, и даже замѣтилъ въ ней, что не знаетъ, должно ли «основывать свои мнѣнія на сочиненіяхъ другихъ, въ которыхъ нѣтъ здраваго смысла, или на собственномъ здоровомъ смыслѣ». Представивъ эту диссертацию Рождественскому, онъ сказалъ ему, что если и теперь Ивановскому не угодно будетъ ее одобрить, то онъ потянетъ его въ уголовной судъ за подлогъ, который онъ сдѣлалъ съ диссертацией студента Гейнрихсона. Угроза эта дошла до Ивановскаго, и онъ потомъ отомстилъ Петрашевскому. Эпизодъ этотъ хорошо рисуется всѣ продѣлки, на которыя онъ былъ способенъ (вѣроятно, между нимъ и Ивановскимъ были еще старые счеты по лицу). Не даромъ Герценъ сравниваетъ Петрашевскаго съ уличнымъ мальчикомъ (gamin), но такимъ который «идетъ умирать на баррикады, не заботясь о томъ, вспомнить ли о немъ кто-либо послѣ его смерти, а послѣ побѣды забываетъ требовать для себя мѣста или ордена. Онъ былъ уличнымъ мальчикомъ не по системѣ или заранѣе обдуманному намѣренію, онъ былъ имъ по природѣ».

Въ эту пору жизни Петрашевскій пережилъ тяжелый кризисъ, одна изъ причинъ котораго могла заключаться въ дурныхъ отношеніяхъ къ нему родителей и нравственномъ одиночествѣ. Въ одной изъ записокъ, написанныхъ позднѣе, во время заключенія въ крѣпости, онъ говоритъ:

«Три мѣсяца занимала меня мысль о самоубійствѣ. Три мѣсяца лежалъ подлѣ меня заряженный пистолетъ... Не любовь, не блажь, подобная этому, привела меня къ этимъ помысламъ, но чисто философское размышленіе. Я заставленъ быть холоднымъ размысленіемъ признать зависимость совершенную всѣхъ жизненныхъ явленій въ человѣкѣ отъ общихъ законовъ природы; я заставленъ быть признать ничтожность своей личности передъ лицомъ природы, отбросить въ сторону всякое самолюбивое мечтаніе, отвергнуть въ себѣ то, что называется свободою произвола, и высшею мудростію признать — стремленіе

правильно послѣдовать законамъ природы или разбить въ дребезги всѣ горделивыя мечты. Мною было это совершено, — и тогда я призналъ безразличіе для себя жизни и смерти... Три мѣсяца разрѣшалъ я себѣ этотъ вопросъ. Ему бѣ не тяготить меня, если бѣ у насъ гдѣ-нибудь давалось толковое философское образованіе. И этотъ вопросъ себѣ я такъ разрѣшилъ: «Все въ природѣ между собою находится въ тѣсной связи и зависимости. Всякое существо имѣетъ свое назначеніе. Назначеніе же каждаго существа состоитъ въ полномъ развитіи его свойствъ, — это и составляетъ его счастье. Такъ какъ все въ природѣ состоитъ въ тѣсной связи, то необходимо, чтобъ всякое существо выполняло его назначеніе для сохраненія общей гармоніи... Насильственное или преждевременное уничтоженіе всякаго существа въ природѣ разрушаетъ общую міровую гармонію». Почему я, въ какомъ бы положеніи ни находился, уничтожить свою жизнь не въ правѣ, равно какъ не въ правѣ въ пользу своей личности напосылъ какой бы то ни было вредъ существамъ, мнѣ по природѣ равнымъ, но обязанъ заботиться о сохраненіи своего благосостоянія и благосостоянія ближняго...

«Въ двадцать лѣтъ судьба заставила меня имѣть равнодушіе къ жизни, свойственное старости. Не находя ничего достойнымъ своей привязанности — ни изъ женщинъ, ни изъ мужчинъ, — я обрекъ себя на служеніе человечеству, и стремленіе къ общему благу замѣнило во мнѣ эгоизмъ и чувство самоохраненія, уваженіе къ истинѣ подавило во мнѣ всякую вспышку самолюбія. Вы найдете за 7 лѣтъ или болѣе предъ симъ писанные стихи, они есть въ моихъ бумагахъ, быть-можетъ, не слишкомъ складные, выражающіе чувства заключеннаго, подобно мнѣ; они почти то же выражаютъ, что и теперь я вамъ въ себѣ обнаружилъ. Чтобъ найти приличное мѣсто для употребленія моихъ способностей, мнѣ не зачѣмъ было ходить вдаль, мнѣ стоило только обратить вниманіе на мое отечество».

По словамъ официальной записки о Петрашевскомъ (1848 г.), въ университетѣ онъ считался «человѣкомъ свободныхъ мнѣній» относительно религіи и правительства. Это будто бы побудило нѣкоторыхъ изъ его университетскихъ товарищей прекратить съ нимъ сношенія, тѣмъ болѣе, что, по ихъ словамъ и по отзывамъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, его знавшихъ, онъ не только въ кругу своихъ знакомыхъ, но даже при встрѣчѣ въ домахъ и на улицѣ готовъ былъ выражать гласно свой образъ мыслей».

Полученіе степени кандидата нѣсколько улучшило служебное положеніе Петрашевскаго ¹⁾. Въ министерствѣ онъ исполнялъ обязанности переводчика въ тѣхъ случаяхъ, когда живущіе въ Петербургѣ иностранцы имѣли столкновенія съ полиціею ²⁾.

¹⁾ Онъ утвержденъ былъ Сенатомъ (28 апрѣля 1842 г.) въ чинѣ коллежскаго секретаря, при чемъ жалованье его повысилось до 250 р. с., а черезъ годъ сдѣланъ былъ вторымъ переводчикомъ. Въ 1844 г. жалованье его было увеличено до 495 р. въ годъ. Въ маѣ 1846 г. онъ былъ произведенъ въ титулярные совѣтники и дальнѣйшаго повышенія въ чинѣ заслужить не успѣлъ.

²⁾ Въ официальной запискѣ о Петрашевскомъ, написанной предъ его арестомъ, сказано: «онъ, повидимому, пользуется большою довѣренностью начальства, потому что имѣетъ у себя въ квартирѣ множество дѣлъ..., которыя всѣ относятся къ французскимъ, германскимъ и Царства Польскаго подданнымъ».

Это вызвало его личныя сношенія съ столичными полицейскими офицерами, по словамъ Герцена, — «гнусный классъ людей, которыхъ населеніе Петербурга не могло видѣть хладнокровно, но зато это дало ему возможность вывести изъ затруднительнаго положенія многихъ бѣдняковъ, попавшихъ въ когти полиціи»¹⁾.

Кромѣ того, Петрашевскій сдѣлался ходатаемъ по частнымъ дѣламъ, преимущественно въ Сенатѣ, и называлъ себя адвокатомъ «официально признаннымъ», что было напечатано и на его визитной карточкѣ.

Въ запискѣ слѣдственной комиссіи было сказано, что Петрашевскій «и въ лицѣ, и въ университетѣ былъ замѣченъ, какъ человекъ съ чрезвычайно либеральными идеями. Такое направленіе ума доказывается найденными нынѣ у него бумагами, или рукописными сочиненіями, къ тому времени относящимися». Слѣдственная комиссія обратила вниманіе на рукопись Петрашевскаго «Мои афоризмы, или обрывочныя понятія мои обо всемъ, мною самимъ порожденныя», которыя Петрашевскій сталъ записывать, начиная съ 30 октября 1840 г. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ афоризмовъ.

«Государства должны быть основаны по народамъ, и каждое государство должно вмѣщать въ себѣ одинъ народъ. Отношенія между народами должны быть, какъ между штатами въ С. Америкѣ или провинціями одного и того же государства. Пошлинныхъ таможенныхъ сборовъ не должно существовать. Должна быть дана промышленности полная свобода, чтобы цѣль и назначеніе человѣчества были постигнуты, и люди сознавали, что они люди. Правленіе должно быть представительное-республиканское. Всѣ должности замѣщаемы по выборамъ. Тѣ огромныя войска, которыя нынѣ содержатся, были бы не нужны, ибо война не

¹⁾ Въ запискѣ, поданной въ военно-судную комиссію, утверждая, что у насъ въ тюрьмахъ существуютъ пытки, Петрашевскій говоритъ: «Что это такъ случается, могутъ служить подтвержденіемъ многія дѣла, имѣющіяся въ Аудиторіатскомъ департаментѣ. Сверхъ того о семъ мною было узнано путемъ службы изъ допросовъ арестантовъ изъ иностранцевъ, кои жаловались неоднократно на кормленіе ихъ сырымъ хлѣбомъ, равно какъ изъ разсказовъ другихъ переводчиковъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Такъ, одинъ изъ переводчиковъ заявилъ, что отъ одного изъ арестантовъ требовалась какая-то взятка. Когда ему случилось вторично допрашивать этого же арестанта, то тотъ «пенялъ очень... что переводчикъ (это былъ г. Мехелингъ), о семъ сказалъ, ибо ему, т.-е. арестанту, было очень худо въ тюрьмѣ. Это заставляетъ предполагать, что не въ одномъ С.-Петербургѣ между тюрьмой и судьями существуетъ дружественное отношеніе, удручительное весьма для арестантовъ, и то, что тюремное заключеніе служитъ часто средствомъ къ вымогательству взятокъ не только съ виновныхъ, но даже и невинныхъ... Еще долженъ сказать, что въ городахъ губернскихъ дома умалишенныхъ служатъ мѣстами, гдѣ производится иногда пытка. Все это могу подтвердить фактами».

могла бы имѣть мѣста. Въ религіи совершенная терпимость, и относительно сего не должно быть никакихъ постановленій, но христіанская (религія) должна быть признана господствующей».

Позднѣе (24 августа 1841 г.), чрезъ нѣсколько дней послѣ окончанія экзаменовъ въ университетѣ, Петрашевскій записалъ такую мысль: «Миѣ думается, что Сибирь замѣнитъ настоящую Россію, и что въ ней-то и возникнетъ народность русская безъ примѣси, и правленіе республиканское будетъ въ ней господствующимъ» ¹⁾.

Въ числѣ бумагъ Петрашевскаго, видимо ранняго періода, но все же написанныхъ нѣсколько позднѣе предыдущихъ записей, есть одна статейка, которая начинается такъ: «Что общество существуетъ для человѣка, а не человѣкъ собственно для общества, и что общество служить для человѣка только средствомъ, облегчающимъ ему достиженіе тѣхъ высокихъ цѣлей, которыя ему осуществить свыше предназначено,—справедливость и истинность этого положенія очевидны». На вопросъ, для чего же существуетъ самъ человѣкъ, Петрашевскій отвѣчаетъ: «для совершенствованія, какъ доказалъ Кантъ, но мы переиначимъ нѣсколько это выраженіе и скажемъ, что онъ существуетъ для наслажденія черезъ совершенствованіе». Отсюда авторъ пытается вывести «значеніе и необходимость образованія вообще и показать то вліяніе, которое оно можетъ и должно имѣть на самое благосостояніе общественное». Различными примѣрами онъ показываетъ ту великую роль, которую играютъ въ воспитаніи человѣка время, общественныя учрежденія и личныя обстоятельства жизни. «Образованность народная отражается ясно въ самомъ образѣ жизни общественной... У тѣхъ народовъ, которые не пользуются плодами образованности и пребываютъ въ состояніи ихъ первобытнаго невѣжества, всѣ ихъ учрежденія политическія столь же грубы, дики и мало способны къ содѣйствію ихъ нравственнаго развитія (sic), какъ и самые творцы ихъ». Далѣе Петрашевскій высказываетъ такую мысль: «Вниманіе людей, истинно желающихъ содѣйствовать къ всестороннему усовершенствованію человѣчества, не должно (ли) быть обращено на самый корень зла, на самое уничтоженіе тѣхъ ужасающихъ душу всякаго благороднаго человѣка учреждений, которыя служатъ неопровержимыми препятствіями человѣку сдѣлаться истинно достойнымъ

¹⁾ Большая часть этихъ обоихъ абзацовъ приведена въ запискѣ слѣдственной комиссіи какъ доказательство «чрезвычайно либеральныхъ идей» Петрашевскаго. 10 декабря 1841 г. онъ выражаетъ въ своихъ афоризмахъ желаніе, чтобы было изложено «развитіе понятій объ образѣ наказаній въ Россіи въ разныя времена или въ обширномъ смыслѣ исторіи философіи уголовного права, съ показаніемъ логическихъ причинъ составленія таковыхъ понятій изъ образа жизни народа, характера его, нравовъ его и обычаевъ, изъ степени просвѣщенія высшихъ его классовъ и простого образа его религіозныхъ или нравственныхъ вѣрованій».

имени человѣка, не должны ли они стремиться преобразовать совершенно тѣ формы общежитія и всѣхъ отношеній, какого бы рода они ни были..., которыя являются помѣхою къ благоденствію полному и совершенному человѣка, взятаго въ отдѣльности и въ совокупности, т.-е. цѣлаго человѣчества безъ изыятія». Петрашевскій признаетъ необходимость для большинства людей заниматься механическимъ трудомъ, но «изъ этого не слѣдуетъ..., чтобы одна часть общества была живой движущейся машиной, предназначенной служить для доставленія предметовъ роскоши другой части онаго, какъ мы это можемъ замѣтить въ нѣкоторыхъ промышленныхъ государствахъ, въ Англіи особенно, гдѣ цѣлыя тысячи фабричныхъ работниковъ въ дѣйствительности нисходятъ на степень движущихся машинъ». Въ эту пору жизни Петрашевскій еще наивно думалъ, что «введеніе школъ для первоначальнаго образованія простого народа можетъ предотвратить явленія такого рода... Вотъ все», прибавляетъ онъ, «что можетъ сдѣлать правительство... въ дѣлѣ образованія».

Въ области социальныхъ вопросовъ воззрѣнія Петрашевскаго въ это время были еще совершенно не выяснены (хотя онъ уже интересуется положеніемъ фабричныхъ рабочихъ), но онъ успѣлъ проникнуться ненавистью къ правительству. Написавъ приведенныя выше слова о томъ, что можетъ сдѣлать оно въ дѣлѣ образованія, Петрашевскій снабжаетъ ихъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Мы, говоря это, вовсе не разумѣемъ такъ называемыя законныя и богоучрежденныя правительства, которыя, напротивъ того, подъ видомъ покровительства образованности и просвѣщенія тысячами тайныхъ инструкцій и инквизиціонныхъ учреждений стараются всячески остановить умственное развитіе тѣхъ народовъ, забота о благѣ которыхъ должна бы была составлять ихъ единственное и исключительное стараніе, которые предписываютъ всѣмъ завѣдывателямъ общественнымъ воспитаніемъ знать и преслѣдовать тѣхъ изъ ихъ питомцевъ, въ которыхъ замѣтятъ они хотя нѣкоторый проблескъ самостоятельности воззрѣнія на міръ и общество» (вѣроятно, намекъ на преслѣдованія, которымъ онъ подвергался въ лицѣ). «Презрѣніе и ненависть къ нимъ», энергически заканчиваетъ онъ это примѣчаніе, «должны священнымъ долгомъ быть каждаго человѣка, въ сердцѣ котораго не умерло сознаніе человѣческаго достоинства».

Выражая увѣренность, что «сознаніе народное, освѣщаемое увеличивающимся свѣтомъ просвѣщенія, будетъ указывать на тѣ улучшения, которыя будетъ потребно сдѣлать въ существовавшихъ уже учрежденіяхъ», Петрашевскій хорошо понимаетъ, что «это не иначе можетъ быть достигнуто, какъ при совершенной свободѣ книгопечатанія и отсутствіи унижительной для разума человѣческаго цензуры, ужаснаго орудія угнетенія и деспотства».

ванія». Изъ дальнѣйшихъ словъ видно, что онъ хорошо понималъ весь вредъ отсутствія гласнаго судопроизводства («таинственныхъ скрытыхъ судовъ») и все ничтожество высшихъ представителей нашей администраціи. «Взгляни на любого министра, — говоритъ онъ о «несчастной Россіи», — можно сказать, что всякій изъ нихъ почти совершенный невѣжда по своей части. Такъ что, право, иногда кажется, что будто бы у насъ совершенное невѣдѣніе въ какомъ-нибудь предметѣ есть наилучшій патентъ къ публичному признанію знающимъ въ этой части и несомнѣнный путь къ общественному почету и уваженію».

Петрашевскій вѣритъ въ великую силу образованія, не стѣсняемаго цензурой, и думаетъ, что, съ распространеніемъ образованія въ обществѣ, «внѣдрится» въ немъ и благосостояніе, такъ какъ всякій членъ его, понимая, что его личныя выгоды неразрывно связаны съ общественными, будетъ содѣйствовать введенію общепользныхъ учрежденій. Съ распространеніемъ образованія уменьшится и количество преступленій. Онъ вѣритъ также въ великую силу закона и полагаетъ, что большая часть преступленій обусловливается неумѣніемъ достигнуть законными средствами «своихъ цѣлей». Статейка заканчивается мыслью, «что поощреніе и содѣйствованіе къ распространенію общественнаго образованія должно быть дѣломъ не одного только попечительнаго правительства, но и всякаго истинно благонамѣреннаго человѣка».

Замѣтку эту Петрашевскій, кажется, хотѣлъ озаглавить: «О значеніи образованія въ отношеніи благосостоянія общественнаго». Повидимому, это не то сочиненіе, которое онъ подавалъ въ видѣ кандидатской работы въ университетѣ подъ названіемъ «Теорія образованія юношества въ Россіи», но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта послѣдняя носила такой же характеръ, т.-е. заключала въ себѣ общія разсужденія и представляла не научную работу, а лишь рядъ мыслей на данную тему почти безъ всякихъ доказательствъ. Весьма вѣроятно, что проф. Ивановскій, который, по крайней мѣрѣ въ лицѣ, въ концѣ 1830 годовъ былъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей, имѣлъ основаніе сказать, что сочиненіе Петрашевскаго «не проникнуто довольно духомъ учености», хотя возможно, что ему не понравилось и направленіе работы (см. ниже). Петрашевскій, очевидно, истолковалъ это замѣчаніе въ томъ смыслѣ, что для Ивановскаго признакомъ учености является обиліе цитатъ и ссылокъ на литературу предмета, и въ новой работѣ не только на зло Ивановскому сдѣлалъ ссылки на множество сочиненій, большая часть которыхъ никогда не существовала, но и поставилъ вызывающимъ тономъ вопросъ: должно ли «основывать свои мнѣнія на сочиненіяхъ другихъ, въ которыхъ нѣтъ здраваго смысла, или на собственномъ здоровомъ смыслѣ».

Изъ «Моихъ афоризмовъ» Петрашевскаго видно, что въ 1841 г. онъ мечталъ объ основаніи журнала. «Я былъ сегодня поутру»,— пишетъ онъ,—у Орлова (очевидно, то же лицо, которому онъ заказалъ свою первую диссертацию); между прочимъ говорили мы о предпринимаемомъ нами журналѣ». Для перваго номера его Петрашевскій собирался писать статью «Критика критикъ», въ которой предполагалъ развить «теорію критики, ея назначеніе..., показать, какою она должна быть и, можетъ-быть, мимоходомъ, какою она была или бывала». Онъ даже набросалъ планъ статьи отъ временъ глубокой древности до послѣднихъ дней, въ которомъ сказывается скептицизмъ въ области религіи; авторъ отмѣчаетъ «сомнѣніе въ лицѣ апостоловъ», упоминаетъ о препятствіяхъ къ развитію критики въ средніе вѣка: тогда «религіозность, вѣрованіе замѣняло убѣжденіе». Наибольшее значеніе для общегитія и вліяніе на его развитіе имѣютъ, по мнѣнію Петрашевскаго, исторія, словесность, политическая экономія и философія. Въ это время онъ еще считаетъ главною задачею журнала «возбудить, разбудить, вызвать чувство народности и самобытности во всѣхъ отношеніяхъ; главною идеей, главнымъ предметомъ должна быть Русь» ¹⁾.

Задумывая издавать журналъ, онъ предлагалъ участвовать въ немъ своимъ товарищамъ по лицію. Такъ какъ онъ поддерживалъ отношенія къ Салтыкову и послѣ окончанія курса, то, пріѣзжая въ Царское Село, онъ приглашалъ своего лицейскаго пріятеля въ сотрудники. Такія же предложенія сдѣлалъ онъ двумъ другимъ лицеистамъ: Д. А. Засядко (впослѣдствіи служилъ въ Сенатѣ) и Влад. Степанову, позднѣе исключенному изъ лицея и поступившему въ Дерптскій университетъ.

Петрашевскій записываетъ и другія свои предположенія. Первое изъ нихъ показываетъ, что въ его націоналистическомъ настроеніи не было никакого шовинизма, не было желанія подавить родственныя русскимъ народности. «Если вывести войско изъ Польши, то сколько выиграетъ этимъ денегъ и увеличится русская армія? Если на Польшу, сверхъ сего, ничего не употреблять изъ общихъ государственныхъ доходовъ, то сколько увеличатся доходы ежегодно и постоянно? Разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не увеличивая налоговъ, не забывая, что увеличивается населеніе,—какъ увеличатся эти доходы?» Тутъ, очевидно, предполагалось предоставить автономію Царству Польскому, въ которомъ послѣ возстанія 1830 года была уничтожена конституція; не были ли мысли Петрашевскаго направлены въ эту сторону чтеніемъ донесенія слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ и пред-

¹⁾ По поводу найденныхъ въ бумагахъ Петрашевскаго «Афоризмовъ» слѣдственная комиссія задала ему вопросъ, излагалъ ли онъ эти мысли въ своихъ рѣчахъ на собраніяхъ—у него или въ другихъ мѣстахъ. Петрашевскій отвѣчалъ отрицательно.

положеніями Пестеля о полной самостоятельности Польши? О послѣдней при имп. Николаѣ, конечно, бесполезно было и мечтать!

Петрашевскій считалъ необходимымъ соединить духовныя и медицинскую академіи съ университетами (т.-е., очевидно, превратить ихъ въ медицинскіе и богословскіе факультеты), «соединить училища духовныя со свѣтскими» и «уничтожить принужденіе въ выборѣ образа общественнаго служенія». Тутъ, очевидно, имѣлось въ виду уничтоженіе наслѣдственности духовнаго званія (объ этомъ и объ учрежденіи «богословскихъ лицеевъ» при университетахъ говорилъ въ «Русской Правдѣ» и Пестель), а также и отмѣна обязательной службы за полученіе образованія. Послѣдняя мысль была, очевидно, навѣяна тѣмъ, что, именно, въ это время произошло очень существенное пониженіе правъ окончившихъ курсъ лицъ. Прежде воспитанники этого заведенія, поступавшіе на гражданскую службу, могли оставлять ее во всякое время. Напротивъ, утвержденнымъ государемъ (2 апрѣля 1841 г.) положеніемъ Комитета Министровъ было постановлено, что не только воспитывавшіеся въ лицѣ на казенный счетъ должны были прослужить не менѣе 6 лѣтъ, но и своекоштные не менѣе 4 лѣтъ ¹⁾.

Что касается предположеній Петрашевскаго относительно преобразованія государственнаго управленія, то онъ считалъ необходимымъ упростить его механизмъ и правильнѣе распредѣлить завѣдываніе разными частями управленія; въ это время онъ считалъ еще возможнымъ «занять этими дѣлами членовъ Царской Фамиліи» ²⁾.

О женщинахъ Петрашевскій былъ очень невысокаго мнѣнія. На основаніи данныхъ русскаго языка онъ собирался доказать, что «худыя свойства» — женскаго рода, и въ видѣ примѣра приводилъ слова: ревность, зависть, злоба, ненависть, «а посему», дѣлалъ онъ отсюда смѣлое и неожиданное заключеніе, — «женщины источники худого». Я не сомнѣваюсь, что это обобщеніе основывалось не на данныхъ филологіи, а на семейныхъ впечатлѣніяхъ. Его матушка, О. Д. Фалѣева, была существо весьма несимпатичное: мальчишкѣ я бывалъ въ ея домѣ въ самомъ началѣ 1860 го-

¹⁾ 2-ое Пол. Соб. Зак. т. XVI, № 14421.

²⁾ Какъ образецъ критическихъ замѣчаній Петрашевскаго, отмѣчу слѣдующую мысль: «Есть три рода поэзіи: поэзія мысли, чувства и словъ. Часто встрѣчалъ послѣднюю, рѣже вторую въ соединеніи съ послѣдней и весьма рѣдко первую съ двумя послѣдними въ стройномъ гармоническомъ сочетаніи». На это замѣчаніе его навели стихотворенія Аполл. Н. Майкова, въ которыхъ Петрашевскій «нашелъ послѣднее только», т.-е. поэзію словъ. Съ Майковымъ онъ былъ лично знакомъ, такъ какъ одновременно съ нимъ держалъ выпускные экзамены въ университетѣ.

довъ и помню эту антипатичную старушку въ синемъ песцовомъ платкѣ. Несмотря на то, что у нея были собственные дома и вообще хорошее состояніе, она была крайне скупа и такъ дурно кормила свою младшую дочь, что совершенно разстроила ея органы пищеваренія, и у нея сдѣлалась въ послѣдствіи фистула въ кишкѣ. Скупость *Θ. Д.* видна и изъ того, что, какъ мнѣ документально извѣстно, она по смерти мужа, давая сыну деньги взаймы, брала съ него векселя. Что касается сестеръ, то съ двумя изъ нихъ, Ольгою и Елизаветою, по крайней мѣрѣ, въ концѣ 1840 гг., онъ былъ, повидимому, въ хорошихъ отношеніяхъ, младшая Александра, которая въ это время была еще ребенкомъ, въ послѣдствіи, во время ссылки брата, помогала ему и была съ нимъ въ родственной перепискѣ, объ отношеніяхъ же къ четвертой сестрѣ свѣдѣній не имѣю. Виновицею приведеннаго выше афоризма о женщинахъ была, вѣроятно, главнымъ образомъ матушка, но, быть-можетъ, отчасти и сестры. Петрашевскій говорилъ Антонелли въ 1849 г., что къ своимъ «роднымъ, даже самымъ близкимъ, онъ очень холоденъ, и.., какого бы они ни были поведенія, — ему рѣшительно все равно».

Уже и въ это время Петрашевскій задумывался надъ печальною судьбою земледѣльческихъ рабочихъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, записанныхъ непосредственно послѣ афоризма о женщинахъ: «Я думаю всякому изъ васъ случалось если не самому видѣть, то, по крайней мѣрѣ, читать въ какомъ-нибудь романѣ или путешествіи описаніе Понтійскихъ болотъ, картину вредоноснаго вліянія ихъ мефитическихъ испареній, убійственныхъ для развитія жизни, что, при представленіи этого изображенія населенія живыхъ мертвецовъ.., невольно они, какъ тѣни изъ гроба, возставали передъ глазами вашего воображенія, и на васъ, пораженныхъ невольно этой картиной разрушенія, вамъ казалось, навѣвало могильною сыростью, и... невольный ужасъ оледенялъ вашу кровь. Навѣрно, въ это время вы бы не пожелали быть на мѣстѣ сихъ несчастныхъ».

Герценъ въ своей статьѣ о Петрашевскомъ утверждаетъ, что онъ началъ вести пропаганду среди молодежи и раздавать въ чтеніе запрещанныя книги еще въ университетѣ. Трудно сказать, насколько точно это показаніе. Во всякомъ случаѣ ни въ «Афоризмахъ», ни въ изложенной выше запискѣ объ образованіи нѣтъ еще слѣдовъ социализма. Ранѣе Петрашевскій пришелъ къ скептицизму относительно религіи и къ политическому радикализму. Если точны свѣдѣнія Герцена, въ развитіи міросозерцанія Петрашевскаго сыграла большую роль извѣстная книга Барюэля. «Достойно замѣчанія, — говоритъ Герценъ, — что трудъ, которому Петрашевскій приписывалъ большую силу революціонизированія, былъ старый, дурной русскій переводъ книги... аббата-іезуита... Барюэ-

ля¹⁾. Эта книга,—продолжаетъ Герценъ,—написанная съ тою неистовою яростью, которую встрѣчаешь только у писателей клерикальной партіи, изображаетъ французскую революцію, какъ заранее обдуманное послѣдствіе заговора, издавна замышленного главою иллюминатовъ Вейсгауптомъ, Вольтеромъ, Руссо, Робеспьеромъ и нѣкоторыми другими лицами. Авторъ интересовалъ Петрашевскаго постольку, поскольку онъ довольно замысловато изображалъ вымышленныя имъ комбинаціи обширнаго заговора. Петрашевскій рекомендовалъ эту книгу всѣмъ своимъ знакомымъ, судя по себѣ, что для всѣхъ, кто принимался за ея чтеніе, дѣло шло не о томъ уже, чтобы узнать, желательна ли и законна ли революція въ Россіи, а о томъ, чтобы найти средство для ея осуществленія²⁾. Вслѣдствіе такого взгляда на настроеніе умовъ въ Петербургѣ онъ отвергъ не одного молодого человѣка изъ тѣхъ, которые, вслѣдствіе ихъ либеральничанія, казались было ему вольнодумцами, но которые вовсе не предполагали серьезно относиться къ дѣлу революціи. вмѣстѣ съ тѣмъ роковая книга іезуита привила Петрашевскому, помимо его собственнаго сознанія, мысль, что революціи могутъ быть дѣломъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей, а не слѣдствіемъ возбужденія народныхъ массъ силою вещей, ошибками правительства и распространенія извѣстныхъ идей». Послѣднія слова Герцена невѣрно изображаютъ взгляды Петрашевскаго: мы увидимъ, что, по его мнѣнію, именно широкая пропаганда социалистическихъ и радикальныхъ идей должна была предшествовать революціи.

Липранди въ своей запискѣ для слѣдственной комиссіи (17 августа 1849 г.) утверждаетъ, будто бы общество Петрашевцевъ существовало съ 1842 г.³⁾, но это невѣрно.

Какъ постепенно расширялся умственный горизонтъ Петрашевскаго, какъ многое его интересовало, ясно видно изъ списка темъ или вопросовъ (подъ общимъ заглавіемъ «Запасъ общепользнаго»), которые онъ записалъ для памяти въ 1842—43 г., имѣя ихъ въ

¹⁾ «Волтеріанцы, или исторія о якобинцахъ, открывающая всѣ противухристіанскія злоумышленія и тайнства масонскихъ ложъ, имѣющихъ вліяніе на всѣ европейскія державы. Сочиненіе г. Барюэля, переводъ съ франц. г. Домогатскаго, 12 частей. 1805 — 9». Французскій подлинникъ въ 5-ти томахъ (*Barruel «Mémoires sur jacobinisme», изд. 1797 и 1813*). Авторъ начинаетъ съ французскихъ писателей и философовъ Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Монтескьё, Кондорсе, Рейналя, Мабли, затѣмъ переходитъ къ Вейсгаупту и иллюминатамъ, къ масонамъ и оканчиваетъ якобинцами.

²⁾ Свидѣтельство Герцена о пользованіи книгою Барюэля съ цѣлью пропаганды организаціи тайныхъ обществъ подтверждается показаніемъ Момбелли, хотя онъ, повидимому, получилъ эту книгу не отъ Петрашевскаго (см. ниже).

³⁾ «Русск. Стар.» 1872 г. т. VI; перепечатано въ книгѣ «Петрашевцы» изд. Саблина. М. 1907 г., стр. 14.

виду, какъ темы или для статей журнала, о которомъ онъ мечталъ съ Орловымъ, или для рефератовъ въ своихъ собраніяхъ, объ устройствѣ которыхъ онъ, быть-можетъ, уже думалъ. Въ это время онъ начиналъ знакомиться и съ социалистическою литературой, какъ видно изъ темы «Объ эмансипаціи женщинъ вообще», подъ которою записано по-французски слѣдующее изреченіе, взятое изъ сочиненія Жюль Лешевалье: «Ребенокъ и женщина соединены самыми могущественнѣйшими связями; женщина можетъ достигнуть освобожденія лишь въ тотъ день, когда будетъ освобожденъ отъ опеки ребенокъ». Лешевалье былъ сенъ-симонистъ, перешедшій въ фурьеризмъ ¹⁾. Другая тема по женскому вопросу была такова: «О женщинѣ, ея назначеніи и томъ значеніи или правахъ, которыми она должна пользоваться въ обществѣ».

Вліяніе фурьеризма уже чувствуется въ вопросѣ: «Очерки состоянія Россіи, какъ государства, т.-е. одной изъ случайныхъ формъ ассоціацій человѣческихъ (картина ея несоотвѣтственности въ этомъ отношеніи)». Вліяніе сенъ-симонизма или фурьеризма чувствуется и въ темѣ «О системѣ взаимнаго содѣйствія». Этими же вліяніями, вѣроятно, навѣяна задача «О началахъ распредѣленія богатствъ или дивиденда между производителями» ²⁾.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выписавъ заглавіе предположенной статьи, Петрашевскій набрасывалъ нѣсколько соотвѣтственныхъ мыслей. Такъ, напр., на тему: «Неужели человѣчество обречено на вѣчность застою и умственного оцѣпенѣнія», онъ написалъ слѣдующее:

«Нѣтъ ничего труднѣе, какъ освободиться отъ вредоноснаго вліянія предубѣжденій, предрасудковъ и суевѣрій всякаго рода (безотчетное схоластическое вѣрованіе въ авторитетъ я отношу къ суевѣріямъ); нѣтъ ничего опаснѣе тамъ, гдѣ нѣтъ ареопага мудрецовъ или мудрѣйшихъ по общему разумному избранію ³⁾ для личной гарантіи всякаго изрекателя истины противу бессмысленныхъ нападокъ общественнаго мнѣнія, напитаннаго допотопными предубѣжденіями, гдѣ нѣтъ суда присяжныхъ изъ истинныхъ знатоковъ всякаго дѣла и всякаго искусства для воздаянія нелицепріятнаго суда всякому подѣламъ его, тамъ нѣтъ ничего опаснѣе и даже гибельнѣе, какъ изреченіе мнѣнія, не сходственнаго съ общественнымъ, какъ смѣлое, открытое, благородное возстаніе противъ ужасной гидры предубѣжденія, предрасудка и суевѣрія, освященныхъ, деифированныхъ (обожествленныхъ) «за давностью ихъ вѣдренія невѣжественнымъ большинствомъ общества... И горька бываетъ часто судьба того, кто, подобно проповѣдникамъ первыхъ вѣковъ христіанства, осмѣливается убѣждать нравственныхъ язычниковъ въ ничтожествѣ предметовъ ихъ боготворенія, кто осмѣлится называть ихъ идоловъ не богами, а идолами. Милліоны рукъ на него поднимутся, дождь камней польется на него, и его, какъ учениковъ истиннаго Христа, обвинять въ проповѣди безбожія, проклинать всенародно, какъ атеиста, и причтутъ въ заключеніе къ сонму свя-

¹⁾ См. о немъ *Bourguin. Fourier*, P. 1905 (по указателю).

²⁾ Интересно, что Петрашевскаго и вопросъ «о результатахъ размноженія человѣческаго рода при настоящемъ положеніи вещей и общества».

³⁾ Очевидно вліяніе ученія Фурье. Ср. *Bourguin. Fourier*, p. 293.

тыхъ антихриста. Просимъ покорно послѣ этого разсуждать и думать, говорить истину. Что станешь дѣлать съ предубѣжденіями, гдѣ найти тотъ судъ, гдѣ была бы принята на него апелляція противу приговора, имъ произнесеннаго. *Patit exitus...* страдай, гибни, несчастный, осмѣлившійся вѣриѣ другихъ смотрѣть на предметы, ты осужденъ на мученіе, зачѣмъ осмѣлился подумать объ истинѣ, дерзнулъ внимать словамъ разума. Кто осмѣлится за тебя, осужденнаго какъ преступника, молвить слово защитительное, гдѣ найдется тотъ смѣлый адвокатъ, который дерзнетъ, если не сказать, то хоть подумать о запретительномъ словѣ истины, приговоренной къ торговой казни, къ ссылкѣ на каторгу прежде предварительнаго слѣдствія о дѣйствительности ея виновности. Вотъ образчикъ общественнаго правосудія, сатанинской насмѣшки надъ природою и человѣчествомъ. Вотъ кодексъ общественной добродѣтели, вотъ сама добродѣтель — идеаль высокій, истинный, начертанный рукою древнихъ философовъ человѣческаго совершенства въ его осуществленіи. Вотъ вамъ патентъ, за который не взыскивается нигдѣ привилегіальной таксы, грамота на общій почетъ и уваженіе.

Эта тирада, въ которой находимъ и отрицательное отношеніе къ религіи, и признаніе необходимости суда присяжныхъ, о которомъ Петрашевскій такъ много думалъ и говорилъ въ послѣдствіи, служить доказательствомъ, что, начиная пропаганду своихъ идей, онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какая судьба ему предстоитъ. Относительно религіи онъ записалъ еще слѣдующія темы: «Объ относительныхъ началахъ такъ называемой христіанской религіи или философіи». — «Въ чемъ состоитъ религіозное чувство и отчего тяжело разставаться съ нимъ и съ вѣрою. (Соотвѣтствіе себя съ природою)». Тутъ, быть-можетъ, уже сказывается вліяніе книги Фейербаха «Сущность христіанства», вышедшей въ свѣтъ въ подлинникѣ въ 1841 г. ¹⁾

Въ связи съ теоретическими взглядами на религію Петрашевскій интересовался и практическими вопросами о положеніи чернаго и бѣлаго духовенства, о духовномъ образованіи, о преобразованіяхъ въ этой области, и вопросомъ «о вліяніи духовенства на развитіе Россіи въ умственномъ отношеніи». Онъ задумывался надъ тѣмъ, что слѣдуетъ «дать священно-служителямъ жалованье, отнять всѣ церковныя имущества ²⁾ и ихъ самихъ сдѣлать совершенными чиновниками». Пестель также высказывался въ «Русской Правдѣ» за то, что духовенство должно быть не особымъ сословіемъ, а «частью правительства», чиновниками, съ тѣмъ, чтобы дѣти ихъ пользовались одинаковыми правами со всѣми гражданами. По мнѣнію Петрашевскаго, въ священники и монахи не слѣдуетъ поставлять ранѣе 25 или 30 лѣтъ. Пестель предлагалъ для этого значительно повышенные сроки: для поступленія въ бѣлое духовенство не ранѣе 40, а въ монахи даже не ранѣе 60 лѣтъ. Мона-

¹⁾ Русскій переводъ ея подъ редакціей Ю. М. Антоновскаго изданъ въ Спб. въ 1908 г.

²⁾ Была, впрочемъ, тема и менѣе радикальнаго характера: «Объ обложеніи земель церковныхъ и монастырскихъ податью».

стыри Петрашевскій хотѣлъ преобразовать въ богадѣльни. «Доходы духовенства со всею милостынею и т. п.» онъ предлагалъ ввести въ бюджетъ государственныхъ доходовъ. По его мнѣнію, «священникамъ и дьяконамъ необходимо имѣть общія медицинскія свѣдѣнія» и произносить проповѣди «о пьянствѣ и воздержаніи» отъ него. Кромѣ того, онъ записалъ мысль Орлова (съ которымъ, видимо, находился въ частыхъ сношеніяхъ) «о введеніи преподаванія въ семинаріи и духовныя академіи общихъ началъ права и преподаванія каноническаго въ особенности». Услышавъ отъ какой-то неизвѣстной ему дамы мысль о томъ, что слѣдуетъ требовать знанія грамоты для допущенія къ причащенію, онъ записываетъ ее и отмѣчаетъ, что это было 8 мая 1843 г.

Петрашевскаго, какъ юриста, очень интересовали вопросы юридическіе, и особенно изъ области судопроизводства. Первою изъ «темъ для юридическихъ сочиненій» онъ отмѣчаетъ: «Сравнительное изложеніе европейскаго и русскаго... судопроизводства (*tribunaux à portes ouvertes* — это главное)» и нѣсколько далѣе ставитъ, какъ особыя темы: «О необходимости отправленія суда открытымъ, а не инквизитивнымъ образомъ, о преимуществахъ открытыхъ судовъ передъ закрытыми»; «о введеніи мирныхъ» (т.-е. мировыхъ) «судей»; о порученіи надзора за тюрьмами не полиціи, а гражданскимъ судамъ; «о негодности Свода Законовъ», «о строгой соотвѣтственности наказаній съ преступленіями и о выводѣ ихъ изъ сущности самихъ преступленій» (затѣмъ перечислены четыре сочиненія — два англійскихъ и два нѣмецкихъ о смертной казни и одно французское о французскомъ уголовномъ кодексѣ).

Поживъ въ 1841 г. въ отцовской деревнѣ, Петрашевскій, видимо, заинтересовался не только практическими вопросами сельскаго хозяйства ¹⁾, но, что гораздо важнѣе, и устройствомъ экономическаго быта помѣщичьихъ крестьянъ. Такъ, въ тотъ же день Петрашевскій записываетъ такую тему: «Расчетъ о томъ, что необходимо для помѣщика имѣть запаханной земли количество по крайней мѣрѣ — и луговъ, — равное тому, которое отведено крестьянамъ, съ прибавкою количества земли на прокормленіе дворовыхъ» и ихъ семействъ «съ приращеніями». Въ николаевское время отведеніе крестьянамъ количества пахотной земли, почти равнаго съ помѣщичьею запашкою, считалось весьма для нихъ благопріятнымъ; обыкновенно количество послѣдней значительно превосходило размѣръ крестьянской пашни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (10 мая 1843 г.) Петрашевскій считаетъ необходимымъ рассмотреть и болѣе общаго вопроса объ «образѣ устройства освобождае-

¹⁾ Какъ свидѣтельствуетъ запись, заимствованная (въ сентябрѣ 1842 г.) съ нѣкоторыми измѣненіями изъ «Отеч. Зап». 1842 г. т. 24, отдѣлъ «Хозяйство», стр. 1.

мыхъ крестьянъ». Со временемъ мы увидимъ, какъ радикально желалъ онъ рѣшить этотъ вопросъ.

Рекрутскіе наборы Петрашевскій, повидимому, хотѣлъ замѣнить денежнымъ налогомъ (соотвѣтственное мѣсто написано не совсѣмъ ясно). Отмѣтимъ тему: «Общество доставленія работы бѣднымъ». Задумался Петрашевскій и надъ необходимостью театральныхъ представленій для народа, какъ видно изъ темы объ «играніи на театрѣ пьесъ въ извѣстные дни года для народа безденежно или за малую цѣну» и надъ вопросомъ «о томъ, какими должны быть народныя пѣсни въ настоящее время, чтобы имъ быть въ существѣ народными». Слѣдъ прежняго націонализма сказался въ темѣ: «О введеніи національной одежды». Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть тема: «О томъ, что пожаръ Москвы есть болѣе признакъ грубаго варварства, нежели истиннаго патріотизма, и показаніе..., въ чемъ долженъ состоять патріотизмъ».

Интересовалъ его также вопросъ «о значеніи журналистики въ отношеніи къ общественной жизни и томъ направленіи, которое она должна получить (или принять) въ скоромъ времени»; онъ желалъ обсудить планъ издательскаго общества вообще и въ частности изданія переводовъ хорошихъ иностранныхъ книгъ (ср. ниже проектъ его знакомаго Баласогло, прочитанный на одной изъ пятницъ Петрашевскаго).

Придавая великое значеніе воспитанію, онъ предполагалъ составить планъ «учрежденія новаго воспитательнаго учебнаго заведенія, откуда бы выходили люди — людьми и гражданами — гражданами». Для этого онъ считалъ необходимымъ написать сочиненіе о воспитаніи или, по крайней мѣрѣ, ознакомиться съ подобными сочиненіями и, если возможно, «сдѣлать практическіе опыты о способахъ психологическаго развитія мышленія» ¹⁾. Любопытенъ еще слѣдующій вопросъ: «Какъ великъ капиталъ, утрачиваемый въ Россіи постоянно въ наше время въ формѣ знаній, или умственнаго образованія по неимѣнію возможности съ пользою примѣнить (ихъ). Разсужденіе психолого-политико-экономическое, основанное на математическихъ, физическихъ и нравственныхъ данныхъ».

Петрашевскій, видимо, чрезвычайно цѣнилъ «ясное изложеніе», считалъ необходимымъ обсудить его «методъ» и съ очевидною ироніею прибавилъ: «философъ долженъ быть темень — сказалъ Гегель» ²⁾.

Интересовали его и вопросы личнаго времяпрепровожденія: есть тема о вредѣ картъ (позднѣе на одной изъ пятницъ Петра-

¹⁾ Есть и такая курьезная тема: опыты надъ цивилизаціей обезьянъ чрезъ бритье (воспитаніе) и развитіе du sentiment de la sociabilité.

²⁾ Тема: «что такое человекъ въ одной идеѣ и съ идеей на прокатъ, или свой смыслъ изъ чужой головы», вѣроятно, предполагала осмѣяніе ученыхъ и педантовъ.

шевскаго Момбелли читаль докладъ на эту тему); есть и шутливая тема: «Защита обритыхъ бороды и усовъ отъ нападеній невѣждъ. Философское, политическое, нравственное, религіозное и гигиеническое разсужденіе». Предполагалось обсудить и «что такое мода, и какъ должно ей слѣдовать, или искусство одѣваться со вкусомъ».

Интересовали также Петрашевскаго темы изъ области технологии и промышленности: о лампахъ, о соединеніи освѣщенія съ отопленіемъ, «дешевой системѣ пароходства и паровозства», о заведеніи бумажной фабрики, типографіи, о пряденіи льна машинами, о фаянсовомъ, гончарномъ и фарфоровомъ заводѣ, о заведеніи фабрикъ для удовлетворенія потребностей азіатскихъ и пограничныхъ съ Россіею народовъ, объ улучшеніи овечьей шерсти химическими и механическими способами¹⁾. Но нѣкоторыя темы обнаруживаютъ интересъ и къ теоріи естествознанія, какъ, напр., изъ области физики.

Комиссія, разсматривавшая бумаги петрашевцевъ, доставляя въ слѣдственную комиссію по ихъ дѣлу этотъ «Запасъ общепользнаго», отмѣтила въ немъ 19 темъ, «явно выказывающихъ преступное направленіе мыслей Петрашевскаго въ отношеніи политическомъ и нравственномъ». При этомъ прежде всего было указано приведенное выше разсужденіе на тему: «неужели человѣчество обречено на вѣчность застоя и умственного оцѣпенѣнія». На одномъ изъ допросовъ Петрашевскаго спросили, были ли имъ или кѣмъ-либо другимъ изъ его знакомыхъ написаны статьи на эти темы, и гдѣ онѣ были читаны. Онъ отвѣчалъ, что онѣ нигдѣ не были прочтены, имъ было написано только то, что найдено въ его бумагахъ. Слѣдственная комиссія въ своей запискѣ о дѣлѣ петрашевцевъ не только усмотрѣла, что «по окончаніи университетскаго курса либеральное направленіе стало еще болѣе укореняться» въ Петрашевскомъ, но даже нашла въ его замѣткахъ «преступное стремленіе къ переменѣ нынѣ существующаго въ Россіи порядка вещей».

Лѣтомъ 1844 г. Петрашевскій сдѣлалъ попытку начать педагогическую дѣятельность²⁾: вѣроятно, ему хотѣлось переменить мало симпатичную ему должность чиновника на дѣятельность, которая дала бы возможность вести пропаганду среди юношества. Онъ обратился съ письмомъ къ главнозавѣдующему лицеемъ, принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, въ которомъ просилъ

¹⁾ Повидимому, Петрашевскій задумываетъ даже нѣкоторыя практическія предпріятія. Такъ, онъ, между прочимъ, записать «о покупкѣ земель по московской дорогѣ (осмотрѣлъ Усова деревню), мѣсто по Англійскому проспекту и о кирпичныхъ заводахъ, ассарагае на топливо (уголь и дрова)».

²⁾ 16 октября 1844 года начальство выдало ему свидѣтельство о дозволѣніи «заниматься въ свободные отъ службы часы преподаваніемъ уроковъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ».

принять его на должность преподавателя юридическихъ наукъ въ лицей¹⁾, — мысль довольно неудачная въ виду прежнихъ отношеній его къ лицейскому начальству. Быть-можетъ, онъ возлагалъ надежды на то, что директоромъ въ это время былъ уже не Гольтгоеръ, а генералъ-майоръ Броневскій, но и онъ былъ лишь «добрымъ, исправнымъ службистомъ», который, однако, часто сажалъ лицеистовъ въ карцеръ²⁾. По желанію принца Ольденбургскаго, новый директоръ, какъ онъ писалъ въ послѣдствіи официально Дубельту, «входилъ въ ближайшее сношеніе съ Петрашевскимъ» (т.-е., вѣроятно, вызвалъ его къ себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ) «и, не найдя въ немъ надлежащихъ свойствъ къ занятію этихъ должностей», довелъ о томъ до свѣдѣнія принца, вслѣдствіе чего Петрашевскому было отказано въ его просьбѣ.

Въ первыхъ числахъ сентября того же 1844 г. начальство лицея узнало, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ младшаго курса, а именно Алексѣй Мих. Унковскій, извѣстный общественный дѣятель въ эпоху крестьянской реформы³⁾, Влад. Константиновъ и Александръ Бантышъ (въ то время уже исключенный изъ лицея за плохіе успѣхи въ ученіи), юноши 14 — 16 лѣтъ, находясь по праздникамъ у родственниковъ, изрѣдка посѣщали Петрашевскаго, «не испросивъ», по словамъ директора, «на то позволенія у своихъ ближайшихъ начальниковъ (хотя, казалось бы, имъ и не было основаній спрашивать о томъ у начальства, особенно, если эти посѣщенія были извѣстны ихъ родственникамъ)». Въ это время случилось еще слѣдующее происшествіе: Унковскій, тогда 15-лѣтній юноша, отличавшійся остроуміемъ и умѣньемъ мѣткимъ словомъ характеризовать слабости людей, написалъ либретто къ оперѣ-буффъ (опереткѣ) подъ заглавіемъ «Походъ въ Хиву», въ которой осмѣивалъ лицъ, бывшихъ въ то время у власти. Подлинникъ былъ уничтоженъ, но копію нашли у одного лицеиста во время обыска, произведеннаго въ лицей въ 1844 г. Унковскій сознался, что онъ авторъ либретто. Неизвѣстно, что случилось ранѣе: былъ ли обыскъ слѣдствіемъ раскрытія посѣщеній Петрашевскаго тремя воспитанниками лицея, или, наоборотъ, это послѣднее обстоятельство обнаружилось при допросахъ по поводу найденнаго либретто. По словамъ Унковскаго въ его позднѣйшихъ запискахъ, не удивительно,

¹⁾ Въ 1843 г. это заведеніе было переведено изъ Царскаго Села въ Петербургъ.

²⁾ А. А. Рубецъ. «Наставникамъ, хранившимъ юность нашу. Памятная книжка членовъ имп. Александровскаго лицея». СПб. 1911 г., стр. 212. А. М. Унковскій также говоритъ о Броневскомъ: «человѣкъ добрый, но мало образованный, — одинъ изъ генераловъ того времени». «Русск. Мысль», 1906 г. № 6, стр. 185.

³⁾ Унковскій былъ переведенъ въ лицей изъ московскаго дворянскаго института въ самомъ концѣ 1842 или въ началѣ 1843 г. и поступилъ въ первый (младшій) классъ.

что лицей могъ вызывать подозрѣнія, такъ какъ «не было ни одной запрещенной иностранной книги, которая бы не появилась «въ его стѣнахъ» у малышей 14 — 15 лѣтъ» ¹⁾. Какъ бы то ни было, по официальному свидѣтельству директора, оказалось, что Унковскій и Константиновъ (Бантыша уже не было въ то время въ лицей) «были вовлечены въ знакомство» съ Петрашевскимъ «суетнымъ обаяніемъ новыхъ идей», которыми онъ «прельстилъ ихъ умы, далеко не имѣвшіе достаточной зрѣлости, а еще менѣе опытности для надлежащей оцѣнки ихъ. Вліяніе на нихъ этого знакомства обнаружилось въ особенности скептическимъ настроеніемъ мысли относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка, якобы несомѣстнаго съ благоденствіемъ людей» ²⁾. «Директоръ лицея», говоритъ Броневскій, «убѣдись, что А. Унковскій, особенно склонный къ подобнымъ увлеченіямъ и болѣе товарища своего Вл. Константинова подчинившійся этому лжемыслию ³⁾, могъ быть вреденъ для другихъ воспитанниковъ лицея», испросилъ согласіе принца Ольденбургскаго на исключеніе его изъ заведенія. что же касается Вл. Константинова, то рѣшено было «ограничиться тѣлеснымъ наказаніемъ, во вниманіе къ меньшей умственной зрѣлости его и къ чистосердечному раскаянію въ своемъ заблужденіи». Унковскій замѣчаетъ, что по тогдашнему времени онъ отдѣлялся еще очень легко: могли бы сослать, отдать въ кантонисты, и утѣшаетъ себя тѣмъ, что если бы не обыскъ 1844 г., то въ послѣдствіи онъ угодилъ бы вмѣстѣ съ Петрашевскимъ въ Сибирь.

Унковскій не сохранилъ о лицей добрыхъ воспоминаній; по его словамъ, въ немъ были непрестанныя драки: «колотили учителей, побили инспектора Оболенскаго, въ послѣдніе дни Царско-

¹⁾ Гр. *Джонсѣвъ*, «А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ». М., 1894 г., стр. 7—8; «Записки А. М. Унковскаго» въ «Русск. Мысли» 1906 г., № 6, стр. 186. Ср. слова Герцена, что университетская молодежь и даже царскосельскіе лиценсты въ средниѣ 40 годовъ отличались совершенно реалистическимъ, т.-е. положительнымъ и научнымъ направленіемъ.

²⁾ Когда на допросѣ въ 1849 г. въ слѣдственной комиссіи Петрашевскому сообщили приведенную характеристику его вліянія на воспитанниковъ лицея и потребовали объясненій, онъ отвѣчалъ: «отъ этого не отрицаюсь», но въ послѣдствіи, по переходѣ дѣла въ военный судъ, Петрашевскій не призналъ, что внушалъ антирелигіозныя и противообщественныя мысли тремъ воспитанникамъ лицея, при чемъ прежнее признаніе объяснялъ своимъ болѣзненнымъ въ то время состояніемъ («гипоузіемъ и безпамятствомъ»), утверждать, что директоръ лицея Броневскій обвинилъ его, чтобы оправдать свой недосмотръ за воспитанниками, «изъ которыхъ одинъ, и какъ кажется Константиновъ, вѣщечекъ Броневскаго, въ чемъ-то еще прежде свиданій» съ нимъ «попался», Петрашевскій требовалъ очной ставки съ лицами, о томъ показавшими, а также съ инспекторомъ лицея Миллеромъ и учителемъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ Гестеромъ.

³⁾ Въ журналѣ конференціи лицея вина Унковскаго квалифицирована, какъ «безнравственное поведеніе».

Сельскаго лица» (1843 г.) «разорили свой собственный садъ, поломали деревья и вообще показали себя порядочными вандалами». Относительно ученія онъ замѣчаетъ, что оно отличалось характеромъ разноязычнаго энциклопедизма ¹⁾.

Унковскій былъ одинъ годъ товарищемъ по лицу М. Е. Салтыкова, который находился въ старшемъ классѣ, когда Унковскій былъ въ младшемъ. Воспитанники старшихъ классовъ сближались съ младшими товарищами въ то время, когда дежурили въ низшихъ классахъ для надзора за порядкомъ. Салтыковъ, который зналъ Унковскаго почти только въ лицо, пользовался общимъ расположеніемъ, но относительно лица онъ сохранилъ, какъ видно изъ его сочиненій, еще болѣе неблагопріятныя воспоминанія. Однако свидѣтельство Унковскаго о распространеніи въ лицей запрещенныхъ сочиненій показываетъ, что у многихъ его воспитанниковъ проявлялось то оппозиціонное настроеніе, о которомъ при Александрѣ I свидѣтельствовалъ извѣстный доносъ о лицейскомъ духѣ.

Несмотря на недопущеніе Петрашевскаго въ лицей въ качествѣ преподавателя и воспитателя, несмотря на исключеніе Унковскаго и Бантыша и наказаніе Константинова, все же въ послѣдующее затѣмъ пятилѣтіе не порвалась связь лицейстовъ съ Петрашевскимъ, но, повидимому, лишь по выходѣ изъ заведенія. Трое изъ нихъ—А. И. Европеусъ, Н. С. Кашкинъ (оба выпуска 1847 г.) и неокончившій курса лица Н. А. Спѣшневъ—пострадали въ послѣдствіи вмѣстѣ съ Петрашевскимъ, а кромѣ того привлекались къ слѣдствію М. Е. Салтыковъ (выпуска 1844 г.), Н. Я. Данилевскій, извѣстный публицистъ, столь почитаемый неославянофилами (выпуска 1842 г.), Евг. И. Ламанскій, извѣстный въ послѣдствіи директоръ государственнаго банка, А. П. Беклемишевъ, В. Р. Зотовъ, писатель (оба выпуска 1841 г.), Н. Д. Ахшарумовъ, извѣстный романистъ (одного выпуска съ Петрашевскимъ, 1839 г.), Е. С. Есаковъ (выпуска 1844 г.), товарищъ Петрашевскаго по курсу Н. И. Кайдановъ, Энгельсонъ, въ послѣдствіи эмигрантъ и одно время пріятель Герцена, и Кузнецовъ (не окончившій курса въ лицей). Бывалъ у Петрашевскаго и Н. П. Семеновъ (выпуска 1842 г.), извѣстный въ послѣдствіи членъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу и ихъ лѣтописецъ, а также, какъ видно изъ показаній Петрашевскаго, и Вл. Степановъ, о которомъ онъ прибавилъ: «изъ лица» ²⁾.

¹⁾ «Русская исторія преподавалась въ младшихъ классахъ на англійскомъ языкѣ англичаниномъ Броуномъ, исторія греческой литературы на французскомъ языкѣ французомъ Досси, нѣмецъ Байеръ читалъ зоологію на нѣмецкомъ языкѣ».

²⁾ О К. С. Веселовскомъ (выпуска 1838 г.) можно было бы здѣсь не упоминать, такъ какъ онъ лишь однажды, и то на короткое время, посѣтилъ Петрашевскаго.

Очевидно, была въ Петрашевскомъ какая-то притягательная сила, если съ нимъ стремились сблизиться бывшіе воспитанники лица, несмотря на всѣ неблагопріятныя вліянія, которымъ они подвергались въ этомъ привилегированномъ заведеніи.

Чтобы покончить съ Унковскимъ, замѣтимъ, что сближеніе съ Петрашевскимъ не могло не оставить слѣда въ его міросозерцаніи: не даромъ въ своей обширной запискѣ объ уничтоженіи крѣпостного права, не ограничиваясь разсмотрѣніемъ этого вопроса, онъ представилъ обширный планъ преобразованій и въ томъ числѣ введенія суда присяжныхъ ¹⁾, но ненависть къ крѣпостному праву сложилась въ Унковскомъ еще дома, въ родовой деревнѣ Тверскаго уѣзда, до поступленія въ московскій дворянскій институтъ, подъ вліяніемъ его воспитателя, бывшаго офицера саксонской службы въ наполеонской арміи, Ив. Ив. Энгельгардта.

Случай съ Унковскимъ и двумя его товарищами вызвалъ особенное вниманіе принца Ольденбургскаго, и онъ довелъ о немъ до свѣдѣнія тогдашняго генераль-губернатора С.-Петербурга, А. А. Кавелина, при чемъ заявилъ, что пребываніе въ столицѣ Петрашевскаго кажется ему опаснымъ для воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Кавелинъ вызвалъ къ себѣ инспектора лица для личныхъ объясненій по этому предмету.

Не ограничиваясь сношеніемъ съ Кавелинымъ, принцъ Ольденбургскій заявилъ шефу жандармовъ, гр. А. Ѳ. Орлову, что Петрашевскій «говорунъ», и что его нужно «унять». Орловъ велѣлъ учредить надъ Петрашевскимъ секретный надзоръ и узнать, каковаго онъ «поведенія, какія знакомства, кто бываетъ у него въ гостяхъ и чѣмъ занимается». Оказалось, что онъ живетъ у Покрова, въ Коломнѣ, въ собственномъ домѣ, «поведеніе его тихое и благородное, но такъ какъ отъ отца, человѣка скупого и своенравнаго, получаетъ весьма мало, кромѣ того, что живетъ въ отцовскомъ домѣ на всемъ готовомъ, то постоянно нуждается въ деньгахъ и отъ кредиторовъ его поступали жалобы въ полицію»; она «обращалась къ отцу», но тотъ «рѣшительно отказался платить за сына. Отецъ Петрашевскаго живетъ довольноно уединенно, а сынъ бываетъ болѣе въ кругу» своихъ «сослуживцевъ, которыми любимъ». Развѣдыванія о Петрашевскомъ продолжались ²⁾. Прошло около двухъ мѣсяцевъ; Орлову доложили, что «наблюденіе» за Петрашевскимъ «по сіе время ничего... предосудительнаго не обнаружило», и велѣно было снять надзоръ.

Повидимому, это была единственная попытка Петрашевскаго вступить на педагогическое поприще. Правда, впоследствии (въ

¹⁾ См. А. И. Скребицкій. «Крестянское дѣло» I, 785 — 799.

²⁾ Впоследствии агентъ Шапошниковъ сообщил со словъ дворника дома Петрашевскаго, что при жизни отца онъ все спорилъ съ нимъ о томъ, что нужны новые законы.

1843 г.) агентъ Антонелли доносилъ, что Петрашевскій, по его словамъ, «въ какомъ-то заведеніи держалъ пробную лекцію, и былъ одобренъ, но проф. Петербургскаго университета Ивановскій «донесъ на него, что онъ желаетъ вступить учителемъ... съ цѣлью распространять между молодыми людьми идеи либеральныя, и вслѣдствіе этого доноса... ему учтиво отказали». Но возможно, что эту пробную лекцію Броневскій предложилъ Петрашевскому прочесть въ лицей, а Ивановскій, бывшій тамъ профессоромъ, далъ о ней неблагопріятный отзывъ.

Въ томъ же донесеніи Антонелли сообщаетъ еще относительно Петрашевскаго, съ его словъ, слѣдующее: «По поводу чтенія какаго-то его сочиненія противъ правительства какимъ-то ученикомъ училища правовѣдѣнія... принцъ Ольденбургскій писалъ о немъ въ III отдѣленіе, и если онъ избавился отъ преслѣдованія, то только потому», что, по его словамъ, «имѣлъ изъ третьихъ рукъ какое-то сочиненіе противъ Россіи, принадлежащее какому-то генералу, находившемуся» при III отдѣленіи. «Этотъ доносъ... принца Ольденбургскаго заставилъ его быть чрезвычайно осторожнымъ и разузнать о всѣхъ лицахъ, которымъ правительство поручило наблюдать за подобными ему людьми». Въ дѣлѣ Петрашевскаго въ III отдѣленіи есть только одно, приведенное выше, обращеніе къ гр. Орлову принца Ольденбургскаго въ 1844 г., и слово «говорунъ» болѣе соотвѣтствуетъ разговорамъ Петрашевскаго съ лицеистами, чѣмъ разсказу о чтеніи какаго-то антиправительственнаго его сочиненія. Поэтому всего вѣроятнѣе, что Антонелли перепуталъ разсказъ Петрашевскаго объ инцидентѣ въ лицей¹⁾.

В. Семеvскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ К. К. Арсеньевъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ училищѣ правовѣдѣнія свидѣтельствуетъ, что среди его «сверстниковъ, учившихся въ лицей... было гораздо больше интереса къ политикѣ и литературѣ, чѣмъ между правовѣдами. Имена Сенъ-Симона, Фурье» автору этихъ воспоминаній «пришлось слышать въ первый разъ — въ самомъ началѣ 1850 годовъ — не отъ товарищей по училищу, а отъ лиценстовъ. Преданія, шедшія еще отъ пушкинскихъ временъ..., поддерживали между лицеистами такое умышленное броженіе, къ которому правовѣды были совершенно непричастны». («Русск. Стар.» 1886 г., т. 50, стр. 201).

Театръ и зрители.

I. Русскіе зрители начала XIX в.

Сценическое искусство есть искусство неблагодарное, потому что оно живетъ только въ минуту творчества и, могущественно дѣйствуя на душу въ настоящемъ, оно неуловимо въ прошедшемъ. Такъ писалъ Бѣлинскій объ актерѣ, и, конечно, до тѣхъ поръ, пока техника не достигнетъ возможности запечатлѣвать навѣки не только звукъ голоса, оттѣнки волненій, жесты и мимику актера, но и тѣ токи сочувствій, которые постоянно идутъ отъ зрительной залы къ сценѣ и отъ сцены въ зрительную залу, — до тѣхъ поръ полного представленія объ игрѣ когда-то возбуждавшего столько восторговъ, но невидѣннаго нами актера, мы имѣть не будемъ.

Неполное представленіе, однако, остается, и въ этомъ отношеніи будущее не въ такой уже степени неблагодарно къ актеру. Въ рецензіяхъ, въ мемуарахъ, въ статьяхъ, посвященныхъ специально театру, мы находимъ матеріалъ для сужденія объ актерѣ; мы узнаемъ, какъ онъ произносилъ ту или другую фразу, какъ жестикулировалъ, гдѣ поднималъ голосъ, гдѣ говорилъ шопотомъ. О знаменитомъ Мочаловскомъ шопотѣ мы знаемъ не изъ одной статьи Бѣлинскаго. Но есть нѣкто въ театрѣ, кто забывается почти совершенно, о комъ сохраняются ничтожныя воспоминанія, кто умираетъ, почти не оставивъ слѣда, и кто необходимъ для сцены въ такой же степени, какъ одна половина ножницъ необходима для другой. Мы говоримъ о зрителѣ. Какую фізіономію имѣлъ онъ въ данную эпоху, чѣмъ проявлялъ себя въ театрѣ, чего желалъ, какими впечатлѣніями жилъ, изъ какихъ элементовъ населенія состоялъ, считалъ ли театръ чѣмъ-то важнымъ и нужнымъ или отдавалъ ему ничтожную часть своего времени, относясь къ нему только съ терпимостью? Всѣ эти вопросы разрѣшаются необыкновенно трудно. Еще труднѣе отвѣтить на вопросъ, какъ вліялъ театръ на зрителя, какія измѣненія вносилъ въ его психологію, — и обратно, какъ дѣйствовалъ зритель на измѣненія въ репертуарѣ и въ игрѣ, какъ подъ его вліяніемъ измѣнялась фізіономія те-

атра и развивался актеръ. Въ рецензіяхъ, въ статьяхъ, посвященныхъ театру, даже въ мемуарахъ вы почти не находите отвѣта на эти вопросы. Лишь въ незначительной части записокъ найдете вы характеристику театральной публики. Такіе драгоценные въ этомъ отношеніи матеріалы, какъ записки Жихарева, передающія день за днемъ впечатлѣнія юнаго зрителя, или воспоминанія Аксакова, попадаютъ какъ рѣдкость. О психологіи зрителя приходится судить косвеннымъ путемъ, изслѣдуя репертуаръ, сопоставляя съ данными о состояніи общества, собирая мелкія крупницы намековъ, разбросанныя въ разныхъ запискахъ, воспоминаніяхъ, письмахъ. Объясненіе требованій зрителя и измѣненій въ его психологіи такимъ образомъ не будетъ лишено значительной доли произвольности.

Для первыхъ десятилѣтій (не боясь очень много ошибиться, можно сказать даже для перваго столѣтія) русскаго театра трудности еще увеличиваются. Возникновеніе театра въ Петербургѣ, какъ и позднѣйшее его учрежденіе въ Москвѣ не было результатомъ духовной дѣятельности народа, чѣмъ-то родившимся естественнымъ путемъ, какъ рождаются различныя вѣрованія, какъ возникаютъ извѣстные обычаи. По справедливому замѣчанію Анненкова, «русскій театръ никогда не рождался, а былъ устроенъ сходно съ другими примѣрами сего рода». Волковъ былъ сынъ народа, но созданный, благодаря его инициативѣ, театръ не былъ народнымъ дѣломъ, или, по замѣчанію того же Анненкова, «театръ явился безличнымъ и сохранилъ это качество, когда ревнители просвѣщенія, ужаснувшись мысли, что російскому государству недостаетъ театра, воспользовались готовымъ фактомъ и перевели его въ Петербургъ, снабдивъ приличнымъ помѣщеніемъ». Итакъ, не рожденный, а сотворенный театръ не имѣлъ ни въ моментъ своего возникновенія, ни въ послѣдующія близкія эпохи той тѣсной связи со зрителями, которая выражается въ воздѣйствіи послѣднихъ на эволюцію репертуара, на игру, на всю физиономію сцены. Не рожденный театръ занималъ зрителей, но они долго смотрѣли на него, какъ на нѣчто чужое, любопытное, но постороннее.

Къ этому надо прибавить вліяніе русской цензуры. Нигдѣ, можетъ-быть, не дѣйствовала такъ опустошающе страшно цензура, какъ въ области театра, гдѣ въ теченіе долгихъ десятилѣтій она совершенно препятствовала свободному развитію творчества, обрекая театръ на ничтожное существованіе. Уже много позднѣе той эпохи, о которой сейчасъ идетъ дѣло, въ 1847 году, Ѳ. Кони, отвѣчая на вопросъ, почему, несмотря на заботы правительства, въ нашемъ театрѣ такъ слабо все, — и пьесы, и публика, и критика, — отвѣчалъ: «Наша политическая жизнь слишкомъ молода, чтобы могла служить источникомъ для драмы... Наша жизнь

гражданская тѣсно связана съ административной и не всѣхъ пружинъ ея можно касаться въ драмѣ... Драма изъ общественнаго современнаго быта въ настоящихъ его проявленіяхъ рѣшительно невозможна; формы нашей жизни слишкомъ опредѣленны и положительны, чтобы можно было допустить мысль, что страсти у насъ могутъ иногда шагать за показанные предѣлы... Итакъ, нашему театру остаются въ достояніе одиѣ драмы съ трескучими эффектами, безъ истины и силы моральной, съ громкими фразами, безъ внутренняго чувства, и водевили съ карикатурами, не избражающими, а корчащими общество, и исключенія изъ общихъ пьесъ народныхъ — *pièces de genre*. Весь обиходъ русскаго воображенія и юмора на сценѣ ограничивается въ драмѣ тремя общими характерами добродѣтельныхъ лицъ, двумя эпохами нашей исторической жизни, а въ комедіи двумя-тремя стереотипными формами мелкихъ чиновниковъ и купцовъ Щукина двора». (Репертуаръ и Пантеонъ театровъ 1847 г. «Театральная лѣтопись».)

При такихъ условіяхъ трудно было бы полностью воспроизвести фізіономію зрителя, даже привыкшаго къ театру, даже требовательнаго и сознающаго свои требованія. Тѣмъ болѣе трудно оно со зрителемъ, еще не опредѣлившимся, колеблющимся, незнакомымъ съ театромъ. Зритель, привыкшій къ театру, сроднившійся съ нимъ, постоянно предъявляетъ къ нему запросы, заставляя увеличивать ту сумму впечатлѣній, которая преподносится сценой. Постепенно, но не измѣняя себѣ, онъ стремится возвысить волну чувствъ, поднимающуюся на сценѣ, передающуюся въ залу и бьющуюся въ готовыя воспріять ее груди слушателей. Неизбѣжное усиленіе эффектовъ, даваемыхъ сценой, нерѣдко ведетъ къ развитію новыхъ драматическихъ формъ, къ исчезновенію использованныхъ, иногда къ искаженію цѣлыхъ драматическихъ жанровъ. Въ жизни русскаго театра начала XIX столѣтія мы видимъ только одинъ примѣръ, когда театръ начиналъ эволюціонировать подъ вліяніемъ требованій русскаго зрителя (я говорю о трагедіяхъ Озерова), но это былъ исключительный фактъ, вызванный особыми историческими условіями, временно уничтожившими преграду между сценой и зрителями. Это былъ единственный примѣръ, когда не сформировавшійся, не почувствовавшій еще свою молчаливо признаваемую власть зритель вліялъ на быструю эволюцію опредѣленнаго драматическаго жанра. Въ другихъ же случаяхъ мы такого яснаго вліянія не видимъ: зритель начала XIX столѣтія не требуетъ отъ репертуара быстрыхъ измѣненій, — онъ очень устойчивъ въ своихъ вкусахъ, и эта устойчивость показываетъ намъ мирную, наивную, любящую тихія слезы и отдѣляющую театръ отъ жизни публику. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ она, эта публика, сливается сценою со своимъ существованіемъ, и тогда для нея, какъ для непривычныхъ посѣтителей театра, нѣтъ разницы между

иллюзіей и дѣйствительностью: она кричитъ, волнуется, хочетъ принять участіе въ томъ, что происходитъ на сценѣ, бросаетъ кошельки актерамъ, когда тѣ по пьесѣ производятъ сборъ на патріотическія нужды, подаетъ реплики, превращаетъ театръ въ «собраніе». Въ большинствѣ же случаевъ она смотритъ на то, что совершается на сценѣ, какъ на чужое, и сочувствуетъ этому чужому, не очень глубоко проникаясь его страданіями.

1.

И внѣ театра, и въ театрѣ она чувствуетъ себя какъ бы стращившей какой-то тяжелой кошмаръ. Еще такъ недавно и по улицамъ, и въ зрительной залѣ она, по выраженію сатирика, «ходила опасно», даже исключительно опасно. Еще такъ недавно, еще въ 1800 году, она читала такое «распоряженіе относительно театральной дисциплины»: «Его императорское величество съ крайнимъ негодованіемъ усмотрѣть изволилъ, во время послѣдняго въ Гатчинѣ бывшаго театрального представленія, что нѣкоторые изъ бывшихъ зрителей, вопреки прежде уже отданныхъ приказаній по сему предмету, принимали вольность плескать руками, когда его величеству одобренія своего изъявлять было неуместно и, напротивъ, воздерживались отъ плесканія, когда его величество своимъ примѣромъ показывалъ желаніе одобрить игру актеровъ»... «Почему принужденнымъ нашелся всему двору своему и гарнизону города Гатчины отказать входъ въ театръ и церковь, кромѣ малаго числа имѣющихъ входъ на вечернія собранія и, наказавъ удаленіемъ отъ своего присутствія въ собраніяхъ, въ знакъ справедливаго своего негодованія, приказать соизволилъ сдѣлать приглашеніе всему городу для предосторожности жителей столицы»... («Русскій Архивъ» 1873 № 11.) Но и этимъ вновь приглашеннымъ приказъ грозилъ судомъ за возможные провинности въ театрѣ.

Не одинъ гатчинскій зритель чувствовалъ надъ собой опасность неожиданностей, и когда эта опасность показалась устраненною, онъ почувствовалъ радость и восхищенно заплакалъ въ театрѣ... «Московскій Телеграфъ» уже въ 1829 году, характеризуя эту эпоху, говорилъ: «Тогда находили удовольствіе въ томъ, чтобы плакать, и когда плакали, то были веселы».

XIX вѣкъ засталъ русскій театръ и въ плачевномъ, и въ плачущемъ состояніи. Плачевнымъ онъ былъ и раньше и много позже, но плачущимъ въ такой степени, кажется, никогда. Было время какой-то удивительной отзывчивости на все слезоточивое, плаксивое и возвышенно-грустное. Щедринъ придалъ градоначальнику этой эпохи названіе Грустилова, наградивъ его любовью

видѣть, какъ токують тетерева и такую же любовью смотрѣть, краснѣя, какъ сѣкутъ дѣвочекъ. Свойствами Грустилова была одарена театральная публика того времени. Восторженность соединялась съ готовностью лить слезы; способность стыдливо потуплять очи и краснѣть съ потребностью присутствовать при жестокихъ зрѣлищахъ. Восторгались въ жизни, и эту способность къ восторженности передавали въ театрѣ слезами. Должно-быть, ни въ одну эпоху не было такого восторженного отношенія къ государю, какъ въ эти годы къ Александру Первому. Бывшій студентъ, молодой чиновникъ, большой любитель театра, С. К. Жихаревъ пишетъ въ своемъ дневникѣ 2-го сентября 1806 года: «Сегодня, наконецъ, Богъ привелъ увидѣть государя. Сколько дней ходилъ я всюду, чтобы гдѣ-нибудь встрѣтить его, и никакъ не удавалось, но за нынѣшній день насмотрѣлся на него вдоволь. Какая величавая наружность! Какой красавецъ, и ко всему этому — какая душа! Что за ангельское лицо и плѣнительная улыбка!.. Когда за обѣдомъ я объявилъ семейству Лабата, что видѣлъ государя, оно было въ восхищеніи. Эти добрые люди такъ ему преданы, такъ его любятъ, что не могутъ иначе говорить о немъ, какъ съ величайшимъ восторгомъ и почти со слезами... Я недавно въ Петербургѣ, а ужъ не отъ нихъ однихъ слышу подобные отзывы». «Я люблю чрезвычайно, — пишетъ въ ежемѣсячномъ журналѣ «провинціалъ», пріѣхавшій въ Петербургъ, — видѣть нашего прекраснаго молодого императора и всю его высокую фамилію; никогда не могу насмотрѣться на нихъ и при этомъ случаѣ ощущаю какое-то райское удовольствіе». (*Аглая*. Июнь, 1810 г. Ст. «Провинціалъ въ Петербургѣ».)

Легко и съ любовью восхищаясь, посѣтителі тогдашняго театра съ такою же любовью и легкостью плакали. Это было потребностью души, сердечной радостью, удовлетвореніемъ духовнаго голода. Плакали надъ пьесами Коцебу, надъ драмами Ильина и Оедрова. Это было время «Коцебутины», время, когда зритель требовалъ отъ сцены слезъ, страданій, но, если можно, не неправимыхъ страданій, а такихъ, которыя оканчиваются благодатнымъ плачемъ, облегчающимъ и радостнымъ. И для этого нужно было прежде всего, чтобы пьесы скользили по поверхности души зрителя, не задѣвая глубинъ, чтобы онѣ не оставляли долгаго слѣда, чтобы, присутствуя въ театрѣ, зритель не переживалъ своей драмы, не слышалъ чего-нибудь нарушающаго привычный образъ его думъ, не возмущался неожиданностью высказываемыхъ мыслей и выражаемыхъ чувствъ.

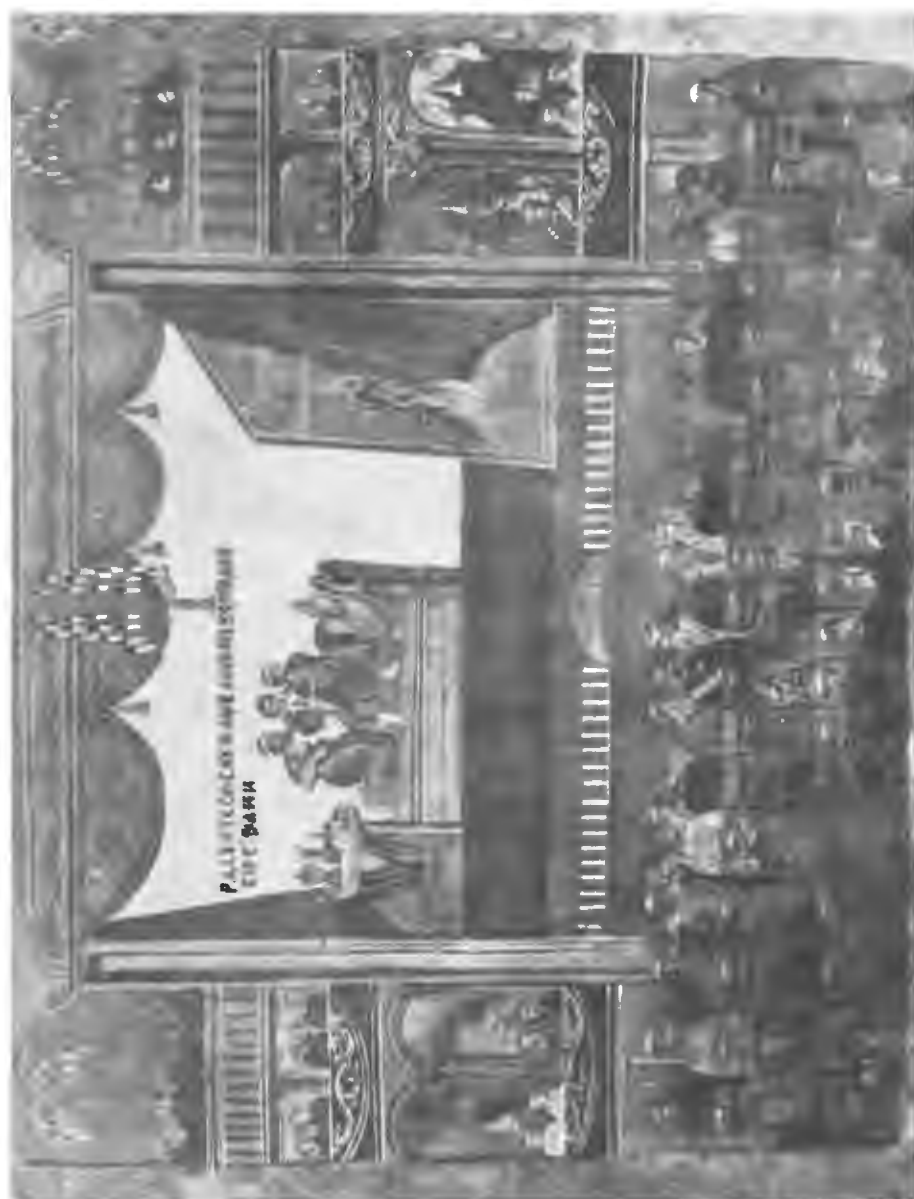
Онъ любилъ, конечно, и жестокія зрѣлища, какъ Грустиловъ любилъ присутствовать при поркѣ; но надо было имѣть увѣренность, что жестокость не относится къ нему, что на той сценѣ, которую лишь въ исключительныхъ случаяхъ онъ сливалъ съ

жизнью, говорится о чемъ-то, въ чемъ никогда онъ самъ, мирный и способный на недолгое бездѣтельное сочувствіе, зритель не будетъ участникомъ. Онъ требовалъ, чтобы трагикъ его потрясалъ и «страшность» образа считалъ однимъ изъ неоцѣнимыхъ свойствъ трагическаго актера; онъ требовалъ крика, неистовства, метаній по сценѣ и надолго сохранилъ эти вкусы; но и крики, и вопли трагика воспроизводили не его чувства, не его страданія: они были выраженіемъ чего-то отдаленнаго, о чемъ можно говорить, надъ чѣмъ можно поплакать, но чему нельзя глубоко и долго сострадать. «Плавильщиковъ, — пишетъ Жихаревъ послѣ представленія «Дидоны», — поразилъ меня: это — рыкающій левъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роли и особенно въ концѣ второго дѣйствія, онъ такъ былъ страшенъ, что даже у меня, привыкшаго къ ощущеніямъ театральнымъ, невольно билось сердце и застыла кровь; а о сестрахъ я уже не говорю: бѣдняжки до смерти перепугались. По возвращеніи изъ театра я записалъ тѣ мѣста, которыя показались мнѣ превосходнѣе. Семейство князя Михаила Александровича, къ которому я входилъ въ ложу во время антракта, встрѣтило меня радостнымъ вопросомъ: «А каковъ нашъ Лекень?» — «Нечего и говорить», — отвѣчалъ я, — «превосходенъ». «Вотъ то-то же, а у васъ только и на языкѣ, что Штейнсбергъ да мамзель Штейнъ».

Отъ трагическаго актера Яковлева публика требуетъ крика. По собственнымъ его признаніямъ, когда онъ пытался говорить «тихо, скромно, но съ твердостью», публика оставалась холодна; и только когда онъ «рывкалъ» тотъ же стихъ «ниже самому стало совѣстно», публика восторгалась и хвалили товарищи актеры. Публика требовала «рывканья», «рыканья», потому что она желала отдаленія отъ жизни. Драма, близкая къ дѣйствительности, чувства, вызываемыя обыденностью, ей еще казались недостойными сцены. Какъ неопытный читатель увлекается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что далеко отъ жизни, какъ не можетъ деревенскій житель, полуграмотный и темный, заинтересоваться описаніемъ своего быта, а находитъ удовольствіе въ «милордѣ глупомъ», отдавая этимъ дань своей несознаваемой эстетической потребности, такъ не можетъ неоформившійся зритель наслаждаться реальностью, находить въ «естественности» сцены ея достоинство. Именно неестественнаго, «рывканья», «рыканья», того, что далеко отъ «этой жизни вялой», ему и нужно. Было бы ошибкой предполагать, будто мысли о реальномъ театрѣ не приходили въ голову драматургамъ, будто наблюденіе надъ дѣйствительностью не представлялось благодарной задачей для сценическаго воспроизведенія. Такія мысли уже съ давнихъ поръ занимали умы писателей. «Я думаю, — говорилось еще во «Всякой Всячинѣ», — что не въ однихъ книгахъ должно держать правила, чтобъ русскимъ предста-

САТИРА НА ТЕАТЪРЪ.

(Поморскіе лубки изъ музея А. А. Бахрушина).

влять русскія умоначертанія, но и въ позорищахъ; ибо маркизь на русскомъ театрѣ уши деретъ, а къ свадебному контракту тетушка моя и смысла не привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее ежечастно окружаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться; незнакомые же гости не столь забавны, какъ знакомые... «Всякая Всячина» ошибалась: тетушка именно не хотѣла видѣть того, что ее «ежечастно» окружало. Она хотѣла «ужасаться» въ театрѣ, но не потому, что жизнь страшна, а потому, что жизнь вяла; она временно хотѣла отрываться отъ нея и не желала ничего большаго. Въ театральныхъ рецензіяхъ начала XIX в. мы нерѣдко натываемся на требованіе естественности, но какъ только актеръ начинаетъ говорить просто, критика замѣчаетъ: «Тонъ обыкновеннаго разговора неприличенъ для трагедіи въ стихахъ». (*Цветникъ*, 1809 года, № 5.) Критика негодуетъ на «взятую изъ Мольерова театра» комедію «Фалалей Скотининъ» за ея полную невѣроятность. Она считаетъ невозможнымъ, чтобы русская дворянка выходила «среди бѣлаго дня, въ Москвѣ на улицу для разговоровъ со своимъ любовникомъ, — поступокъ сей нельзя извинить ни вѣтреностью, ни легкомысліемъ и ничѣмъ: порядочная горничная врядъ ли это сдѣлаетъ...». Приводя другія несообразности пьесы критикъ продолжаетъ: «Быть не можетъ, чтобы когда-нибудь русская мужичья дочь — не только русская дворянка — рѣшилась на такую подлость...» (*Цветникъ*, 1809 г., № 1.) Однако критикъ принужденъ сознаться, что пьеса имѣла большой успѣхъ: зрители смѣялись и аплодировали. И обусловливался успѣхъ пьесы именно ея невѣроятностью, именно тѣмъ, что зрители не хотѣли реальности. Если бы публика на самомъ дѣлѣ нуждалась въ воспроизведеніи дѣйствительности на сценѣ, она добилась бы своего, и услужливые авторы, конечно, поторопились бы исполнить ея требованіе.

Желая «страшностей» въ трагедіи, смѣха въ невѣроятныхъ комедіяхъ, публика хотѣла и другихъ зрѣлищъ, менѣе пугающихъ, чѣмъ трагедія, но столь же далекихъ отъ жизни. Она хотѣла плакать, но плакать тихими слезами умиленія, — тѣми слезами, которыя такъ рѣдки въ жизни. Она не хотѣла беспокоить себя какими-нибудь неожиданно возникающими сложными жизненными вопросами. Театръ долженъ былъ вертѣться въ области чувствъ не тревожныхъ и не пугающихъ своими житейскими послѣдствіями. Представить неразрѣшимыя коллизіи дѣйствительныхъ, пугающихъ и въ жизни чувствъ театръ не смѣлъ: онъ не исполнилъ бы своего назначенія — быть мѣстомъ развлечения и успокоенія. Долженъ ли былъ онъ морализировать? О, да, конечно; но мораль никогда не должна была удаляться отъ того, что принято, что усвоено зрителемъ и что соотвѣтствуетъ тому образу жизни и тѣмъ обычаямъ, въ которыхъ выросъ зритель. Почему такъ нравились пьесы Коцебу? Что въ житейскихъ перипетіяхъ

его персонажей такъ волновало и притягивало къ себѣ зрителей? Успѣхъ обусловливался прежде всего нетребовательностью автора. Онъ не дѣлалъ никакихъ насилій надъ зрителями, не предъявлялъ къ нимъ излишнихъ требованій, не возлагалъ на ихъ рамена слабыя бремена тяжкія. Онъ не вышибалъ ихъ изъ колеи обычной морали, не говорилъ зрителю: ты безнравствененъ, ты несправедливъ, ты заблуждаешься. Напротивъ, онъ повторялъ: и ты хорошъ, и твои близкіе хороши, и все, что ты любишь, хорошо, и какъ хороши тѣ, кого я изображаю; взгляни на нихъ, посочувствуй имъ, умились ихъ благородствомъ, пролей слезы по поводу ихъ скорбей, порадуйся ихъ счастію. Бываютъ времена, когда успѣхъ имѣютъ произведенія дерзкія, требованія чрезмѣрные, когда авторъ оскорбляетъ читателя или зрителя, когда онъ кричитъ ему, какъ въ извѣстномъ разсказѣ Горькаго: вы — слѣпые черви, о васъ ни пѣсенъ не споютъ, ни сказокъ не сложатъ. И зритель, восторженно настроенный по отношенію ко всему, что крушить и ниспровергаетъ существующее, съ бѣшенымъ азартомъ рукоплещетъ этому вызову и повторяетъ: да, мы — слѣпые черви, — подражывая, впрочемъ, что черви это — рядомъ сидящіе, а онъ, слившійся съ авторомъ въ признаніи слѣпоты и негодности мѣшанъ, уже тѣмъ самымъ сталъ выше и достойнѣе ихъ. Въ дни успѣха Коцебу ничего подобнаго не было. «Дней Александровыхъ прекрасное начало» характеризовалось надеждами на переустройство, — но эти надежды жили лишь въ небольшомъ кружкѣ, а огромная масса общества и большая часть тѣхъ, кто приходилъ въ театръ, не чувствовали нужды въ переустройствахъ и пересозданіяхъ. Хорошо или плохо складывалась жизнь, преобладали ли въ ней радости надъ печалями или наоборотъ, — все это казалось дѣломъ личной судьбы, а не общественныхъ неустройствъ. Для большинства мирно настроенныхъ зрителей, не чувствовавшихъ въ глубокихъ тайникахъ души даже смутной склонности къ протесту противъ общихъ условій, громкіе протестующіе крики были бы или непонятны или возмутительны.

Каждущій временнаго отрѣшенія отъ дѣйствительности, зритель смотрѣлъ на театръ, какъ на всякое другое зрѣлище, какъ на нѣчто ему, зрителю, чуждое и лишь временно развѣткающее. Между театромъ и, напримѣръ, знаменитыми «выѣздами» гр. Орлова все различіе было въ томъ, что выѣздами только восхищались, въ театрѣ же восхищались, ужасались, плакали и соглашались съ моральными сентенціями авторовъ. Послушайте, какъ современникъ, постоянный посѣтитель театра, самъ неудачный драматургъ, Жихаревъ описываетъ катанье 1-го мая въ Сокольникахъ. «Впереди, на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ «Свирѣпомъ», какъ его называли, ѣхалъ графъ Орловъ, въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чеп-

ракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоценными камнями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменскій, А. В. Новосильцовъ, И. Ф. Новосильцовъ, князь Хилковъ, Д. М. Полторацкій и множество другихъ, неизвѣстныхъ мнѣ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе 40 человекъ, изъ коихъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ пополахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ, потянулись и графскіе экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четвернями одномастныхъ лошадей. Этотъ поѣздъ графа Орлова, богатаго, знатнаго, тучнаго вельможи, съ такою блестящею свитой съ такимъ количествомъ нарядныхъ слугителей, съ такимъ множествомъ прекрасныхъ лошадей и разнообразныхъ экипажей, представляетъ точно великолѣпное зрѣлище и не можетъ не дѣйствовать на толпу народную.

Еще бы не дѣйствовать! Конечно, дѣйствуетъ и привлекаетъ, какъ привлекаютъ скачки, куда стекаются зрители, не какъ въ наше время съ надеждой выиграть или съ рискомъ проиграть, а исключительно съ желаніемъ посмотрѣть и полюбоваться, какъ ѣздитъ гр. Орловъ, и какъ онъ «исчезаетъ». «Что ни говори, а графъ Орловъ — личность очень замѣчательная», резюмируетъ впечатлѣнія восторженный современникъ. Любовь къ зрѣлищамъ простирается до того, что ѣздить смотрѣть освѣщенные окна и собравшіеся у подъѣзда экипажи, когда нѣтъ возможности попасть на самый балъ. «Мы съ Петромъ Ивановичемъ ѣздили взглянуть на освѣщенные комнаты дома Высоцкаго. Вся Басманная до Мясницкихъ воротъ запружена экипажами: цуги, цуги и цуги. Кучерамъ раздавали по калачу и разносили по стакану пѣнника. Это — по-барски. Музыка слышна издали: экосезъ и алагренъ такъ и заставляютъ подпрыгивать»... Въ балахъ, вечерахъ, маскарадахъ, устраиваемыхъ богатыми людьми, видятъ какое-то служеніе обществу. «Преимущества богатства безцѣнны, достойны зависти, когда обращаются они къ пользѣ или удовольствію цѣлаго общества. Примѣръ того и другого видимъ мы 29 февраля въ маскарадѣ, данномъ московской публикѣ Петромъ Адриановичемъ Позняковымъ... Нѣтъ сомнѣнія, что *одинъ*, доставляющій удовольствіе *тысячѣ*, есть *счастливъ* и что пользующіеся имъ *благодарны*. (Аглая, мартъ 1812 г. Статья «О прекрасномъ маскарадѣ»)»... Привлекаютъ и кулачные бои, когда какой-нибудь «курятникъ» изъ Охотнаго ряда «Сычевъ съ трехъ ударовъ уничтожаетъ противника», за что публика накидываетъ побѣдителю «чуть не полную шляпу» серебряныхъ рублей и поить его виномъ.

Театръ только одно изъ такихъ занятныхъ зрѣлищъ. У него есть публика постоянная, любители, видящіе каждую новинку и даже возвращающіеся смотрѣть ту же вещь, чтобы сравнить ак-

теровъ; есть и такіе, которые ничего не понимаютъ и нуждаются въ разъясненіяхъ сосѣдей. «На партерной лавкѣ» купецъ пристаётъ къ сидящему рядомъ Жихареву: «Выйдетъ ли на сцену Сандунова, вопросъ: «Вѣдь это, батюшка, Сандуниха?»—«Да-съ».—«Вишь какая здоровенная».—«Да-съ». Появится ли Волковъ: «Вѣдь это, батюшка, тотъ, что Тарабара представляетъ?»—«Да-съ».—«Вишь какой красноносый».—«А зачѣмъ же, батюшка, онъ въ парикъ?»—«Такъ надобно-съ». «Этакой Маркобрунъ. А позвольте спросить, мой отецъ, вѣдь это комедія, что ли?» — «Нѣтъ-съ опера». — «Такъ-съ»... Иногда одинаково непонимающіе зрители берутся другъ другу разъяснять, въ чемъ дѣло. «Брадатые», т.-е. купцы, титулуютъ безбородыхъ сосѣдей «благородіемъ», получая въ отвѣтъ снисходительное «братецъ». Въ *Цвѣтникъ* (апрѣль 1809) рассказывается сцена въ зрительномъ залѣ послѣ представленія «Танкреда» Вольтера. Вызывали Семёнову, Яковлева, переводчика, автора. «Сперва показались зрителямъ г. Яковлевъ и г-жа Семенова, потомъ появился въ ложѣ и переводчикъ; зрители всѣмъ имъ рукоплескали. *Автора! Автора!* кричали еще нѣсколько знатоковъ изъ райка и изъ партера; но надменный *авторъ* какъ будто глухой лежалъ покойно въ могилѣ»... «Когда появился въ ложѣ переводчикъ и когда еще нѣсколько голосовъ требовали автора, то какой-то важный *брадатый судія* сказалъ сидѣвшему подлѣ него въ партерѣ молодому человѣку: «Ваше благородіе! это не *авторъ*, я видѣлъ *автора* нынѣ зимою, онъ совсѣмъ не таковъ; это кто-то другой». Молодой человѣкъ улыбнулся и отвѣчалъ ему тономъ наставника: «Это, братецъ, переводчикъ, а авторъ или сочинитель былъ Расинъ, котораго уже болѣе *пятидесяти лѣтъ* нѣтъ на свѣтѣ».

При темнотѣ въ зрительномъ залѣ публика теряетъ сдержанность. «Передъ самымъ представленіемъ такая поднялась въ темнотѣ возня, что Боже упаси. Тамъ кричатъ: «ай!» Тамъ слышны: «ахъ!» Тамъ чмоканье губъ; тамъ жалобы на невѣжество, крикъ матушекъ и тетушекъ: «Что такое, Маша? что съ тобою Лиза». Тамъ глубокіе вздохи, прерываемые сердитымъ голосомъ: «да перестаньте!» Словомъ такая суматоха и такой соблазнъ, что мочи нѣтъ». Но по большей части публика ведетъ себя чинно, аплодируетъ сравнительно съ настоящимъ мало, вызововъ почти нѣтъ; кто удостоится одного вызова, долженъ это цѣнить, два-три вызова это—уже почти непрacticующаяся роскошь. Въ нѣмецкій театръ приходятъ женщины съ работой, съ вязаньемъ; и въ чувствительныхъ мѣстахъ вытираютъ слезы косынкой или чулкомъ, за вязанье котораго принимаются, успокоившись. Въ русскихъ театрахъ чувствительность проявляется иначе. «Я не въ состояніи объяснить, какое непріятное дѣйствіе производитъ это непрерывное чиханье и сморканье, этотъ безпрестанный кашель райской и даже партерной публики русскаго театра во время патетическихъ

сценъ драмы или трагедіи,—жалуется Жихаревъ,—мнѣ кажется, можно бы изъ уваженія къ другимъ посѣтителямъ какъ-нибудь и скрыть свою чувствительность, проявляющуюся въ такихъ непристойныхъ симптомахъ». «Драматическій Вѣстникъ»,—театральный журналъ, издававшійся въ 1808 году,—очень недоволенъ присутствовавшей въ театрѣ публикой. «Партеръ нашъ,—говоритъ журналъ въ № 30,—въ комическихъ мѣстахъ или трогательныхъ положеніяхъ смѣясь или плача, никогда почти не изъявляетъ своего благоволенія рукоплесканіемъ; напротивъ же, когда услышитъ что-нибудь бранное противъ иностранцевъ, какое-нибудь двусмысленное слово, къ мѣсту или не къ мѣсту вклеенное поученіе, то хлопанье въ ладоши раздается по всему театру».

Изъ кого состояла театральная публика? Трудно отвѣтить на вопросъ вполне опредѣленно. Позднѣе, во второй части столѣтія, мы уже въ состояніи рассказать, кто сидѣлъ въ разныхъ мѣстахъ зрительной залы, кто какъ держалъ себя во время представленія: тогда составъ публики уже зафиксировался. Теперь постоянныхъ посѣтителей мало; но уже есть они, есть театралы-любители, хотя ихъ еще сравнительно небольшой кружокъ. Большинство состоитъ изъ случайныхъ посѣтителей. Въ первыя времена русскаго театра актеры, какъ Дмитревскій и другіе, «имѣли судіями и зрителями дворъ, лучшее общество и много людей, которые сами образцы его (т.-е. парижскихъ актеровъ) видѣли». Но въ началѣ XIX вѣка дѣло обстояло иначе: «Самая малая часть въ ней (въ публикѣ) принадлежала къ среднему состоянію, остальное было ближе {къ простонародью, даже къ черни». («Записки Ф. Ф. Вигеля», т. II, стр. 51—52.) «Русскій нашъ театръ,—писалъ тотъ же авторъ,—былъ оставленъ толпѣ пріѣзжихъ помѣщиковъ, купцовъ и разночинцевъ. Тошій нашъ репертуаръ ей казался неистощимъ; безъ скуки и утомленія слушала она безпрестанно повторяемая передъ ней трагедіи Сумарокова и Княжнина, національныя оперы: Мельникъ, Сбитенщикъ, Розана и Любимъ, Добрый солдатъ, Оедуль съ дѣтьми, Иванъ-Царевичъ» («Записки Вигеля», т. I, стр. 154).

Эта, состоявшая изъ «пріѣзжихъ помѣщиковъ, купцовъ и разночинцевъ», публика ставила свои посѣщенія театра въ зависимость отъ самыхъ разнообразныхъ условій: отъ времени года, отъ торговыхъ дѣлъ, отъ погоды, состоянія дорогъ, дешевизны или дороговизны извозчиковъ. Октябрь—мѣсяцъ, который теперь уже является разгаромъ театрального сезона, когда столицы полны, театры не вмѣщаютъ всего количества желающихъ, тогда былъ самымъ скуднымъ для театральной кассы мѣсяцемъ. Помѣщикъ въ это время сидѣлъ въ деревнѣ и ждалъ снѣга, который открылъ бы дорогу въ столицу. Въ 1818 году (а въ этомъ отношеніи начало столѣтія не отличалось отъ 1818 или 20 года) управляющій московскими театрами А. А. Майковъ возражалъ противъ гастролей Семеновой въ

Москвѣ между прочимъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: «Для самой г-жи Семеновой нѣтъ никакой выгоды быть здѣсь въ концѣ сентября и октябрѣ мѣсяцахъ, ибо никогда не бываетъ городъ малолюднѣе этого времени. Купечество развлечено ярмарками, кои большей частью бываютъ по осенямъ въ разныхъ мѣстахъ. Дворянство, сколько по распутицѣ, столько же и для учрежденія дѣлъ, послѣ сбора хлѣба остается до перваго пути въ деревняхъ. Самая грязь въ городѣ и дороговизна извозчиковъ дѣлаютъ, что въ театрѣ собирается людей менѣе» (Погожевъ, книга первая, стр. 252).

Къ актерамъ этотъ пріѣзжій издалека помѣщикъ или купецъ не можетъ, конечно, относиться такъ, какъ постоянный посѣтитель театра. Но и любители, и уже сформировавшіяся группы театраловъ обнаруживаютъ къ артистамъ какое-то двойственное отношеніе. То актеръ является для нихъ полноправнымъ членомъ общества, постояннымъ посѣтителемъ гостиныхъ и столовыхъ въ домахъ титулованныхъ господъ; онъ громко разсуждаетъ и не стѣсняется; то онъ въ пренебреженіи,—актерское ремесло—ремесло презрѣнное, унижительное для чиновника и чловѣка общества; иногда въ актерѣ онъ вспоминаетъ раба и не протестуетъ, когда къ рабу примѣняется способъ физическаго воздѣйствія. У князя Долгорукова, на обѣдѣ, Жихаревъ встрѣчаетъ актеровъ Плавильщикова, Померанцева, Ураносова и Злова. «Ораторствовалъ Плавильщиковъ». И не видно со стороны любителей театровъ, такъ же какъ со стороны другихъ, ни малѣйшаго пренебреженія къ актеру. Напротивъ, Плавильщиковъ совершенно свободно излагаетъ свои мысли и импонируетъ присутствующимъ. Правда, онъ дворянинъ, окончилъ университетъ; онъ—авторъ и актеръ. Но и другіе почитаются. Когда Жихаревъ идетъ къ артисту Яковлеву, онъ полонъ почтенія къ нему: можно подумать, что онъ имѣетъ дѣло съ начальникомъ. Актриса Семенова обладаетъ любителя театровъ такой высокомѣрностью, что онъ болѣе не отваживается къ ней обращаться. Да и выходитъ она потомъ замужъ за князя Гагарина, сливая артистическій міръ съ міромъ аристократическимъ. Все говоритъ какъ бы за признаніе актера своимъ чловѣкомъ въ кругу любителей театра. Но вотъ нѣкто изъ «своего круга», студентъ Граве, которому предстоитъ хорошая чиновничья карьера, захотѣлъ актерствовать. Этого нельзя допустить, нельзя дать чловѣку «погибнуть»; надо употребить всѣ усилія, чтобы оторвать его отъ пагубной мысли. «Завтра же,—рѣшаетъ заботливый товарищъ,—отправляюсь къ Штейнбергу и попрошу, чтобы не допускать такого скандалу. Одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, студентъ, получившій золотую медаль и котораго имя, какъ отличнѣйшаго воспитанника, осталось на золотой доскѣ, будетъ играть роль влюбленнаго башмачника и большею частью передъ

вовсе не влюбленными сапожниками. Есть отчего съ ума сойти!» Уговоры не дѣйствуютъ; убѣдить театральную администрацію не удастся; доброжелатели несчастнаго студента рѣшаются прибѣгнуть къ свисткамъ, чтобы разъ навсегда отучить заблудшаго товарища отъ мысли сдѣлаться актеромъ: «авось, свистки отучатъ его отъ паясничества». Единственная уступка, которую дѣлаетъ оскорбленнымъ товарищамъ Граве, заключается въ измѣненіи имени: онъ будетъ выступать не подъ своей фамиліей, а подъ именемъ Немо. Настаетъ назначенный день дебюта. Доброжелатели Граве готовятся свистать. Но неожиданно для нихъ дебютантъ оказывается до такой степени талантливымъ, такъ хорошо играетъ, такъ забавляетъ публику, такъ великолѣпно загримированъ, что «публика встрѣтила его общимъ рукоплесканіемъ, продолжавшимся, конечно, минутъ пять». «Мы (товарищи Граве, доброжелатели) было хотѣли пошикать и посвистать,—куда тебѣ! Никто изъ насъ не въ состояніи былъ сжать губъ отъ смѣха... мы не то, чтобы смѣялись, но буквально находились въ припадкѣ истерическаго конвульсивнаго смѣха... Всѣ находившіеся на сценѣ актеры не могли воздержаться отъ хохота... Вся праздничная публика вышла совершенно изъ себя, такъ что умный и ловкій полиціймейстеръ В., хотя и самъ помиралъ со смѣху, принужденъ былъ обратиться къ публикѣ съ просьбой объ умѣреніи своего восторга»... Къ счастью для товарищей, дебютомъ Граве все дѣло и ограничилось: хорошій студентъ, будущій чиновникъ, самъ отказался отъ предполагаемаго актерства.

И такъ же неодобрительно отзываясь Жихаревъ о женитьбѣ на актрисахъ. «Сегодня,—разсказываетъ онъ 10 сентября 1806 года,—неожиданно посѣтилъ меня пріѣхавшій изъ Петербурга Бахертъ, чиновникъ, очень порядочный, который, по страстной любви къ мадамъ Кафка, намѣренъ на ней жениться и вступить въ актеры. Нечего сказать, охота пуще неволи!.. Не думаю, однакожъ, чтобы Бахертъ сдѣлалъ глупость жениться на актрисѣ, и еще на какой? на актрисѣ *par excellence*. Потолкуютъ и будутъ съ нихъ».

Отношенія къ актерамъ отличаются двойственностью и не потому только, что самое ремесло актера не успѣло завоевать уваженія, но и потому, что актрисы комплектуются въ значительной части изъ крѣпостныхъ. Противъ ихъ именъ на афишахъ не ставятъ буквы г., которая предшествуетъ именамъ болѣе ихъ счастливыхъ товарищей не изъ крѣпостнаго состоянія. Уваровъ, Куровъ, Баранчеева, Лисицына—лишены почтенной буквы г., «и когда они зашибаются, что,—говоритъ современникъ,—случается нерѣдко, то имъ дѣлается выговоръ особеннаго рода». Какого рода выговоръ, видно хотя бы изъ письма того же Жихарева отъ 18 октября 1805 года, общающаго разсказать «исторію о томъ, отчего изъ двухъ актрисъ, сестеръ Лисицыныхъ, старшая сдѣлалась госпожою Бутенброкъ и почему она передъ самымъ вѣнчаніемъ была высѣчена

розгами». Сѣченіе практиковалось и много поздне, но къ нему тогда уже само начальство относилось какъ къ чему-то унижительному и недопустимому въ артистической семьѣ. Въ 1815 году музыкантъ Московскаго театра изъ столыпинскихъ крѣпостныхъ Тимошей Фроловъ Муромцевъ убѣждалъ изъ Москвы, прожить долго въ Костромской губерніи, гдѣ занимался обученіемъ игрѣ на фортепіано помѣщичьихъ дѣтей. Пойманный, онъ объяснилъ: «цѣлью побѣга сего было дабы укрыться отъ начальства». Такъ какъ Муромцевъ, кромѣ побѣга, обвинялся въ покражѣ фортепіано и такъ какъ онъ былъ нуженъ въ оркестрѣ, какъ хорошій музыкантъ, то о немъ завелась длинная переписка. Начальство не сомнѣвалось, что въ данномъ случаѣ безъ тѣлеснаго наказанія обойтись никакъ невозможно, но «если онъ послѣ публичнаго тѣлеснаго наказанія, которому можетъ быть подверженъ, возвратится въ театръ, то не можетъ быть помѣщенъ ни въ оркестрѣ, ни въ другія должности по театру употребленъ». Петербургское высшее начальство вмѣстѣ съ московскимъ управляющимъ нашло выходъ изъ затрудненія: «Хотя преступленія музыканта Муромцева и заслуживаютъ законное и примѣрное наказаніе, но изъ уваженія къ званію артистовъ, Контора, по представленію Вашего Превосходительства, соглашается дабы оный Муромцевъ былъ наказанъ отцомъ келейно, со всею строгостію, и послѣ посаженъ подъ строгій арестъ, но гдѣ и на сколько времени—сіе представляется на благоразсужденіе Ваше. Въ случаѣ если и послѣ сего наказанія оный Муромцевъ не исправится, то будетъ отданъ въ солдаты. О чемъ благоволите приказать ему объявить» (В. П. Погожевъ. «Столѣтіе организациі Императорскихъ московскихъ театровъ», книга вторая, стр. 276—282).

Пріѣзжій помѣщикъ, купецъ, ѣздившій по ярмаркамъ, еще въ провинціальныхъ городахъ имѣли возможность видѣть этихъ крѣпостныхъ артистовъ. Они видѣли, что «все это были какія-то страдальческія фигуры, все какъ-то отзывалось побоями, и нѣкоторые увѣряли, будто на лицахъ сквозь румяна и бѣлила были иногда замѣтны синія пятна» («Записки Вигеля», т. II, стр. 69). Зритель зналъ, что «на благоразсужденіе» ближайшаго начальства отдавались не одни крѣпостные актеры. Каждый разъ, какъ возникало недоразумѣніе между актеромъ и поставленнымъ надъ нимъ начальствомъ, послѣдніе указывали на отсутствіе у актера правъ. Артистка Елизавета Горбунова, выходя въ отставку и являсь въ контору вмѣстѣ съ теткой своей, «россійской актрисой Баранчевской», отказалась подписать обязательство не играть на общественныхъ и частныхъ сценахъ. «Мнѣ не оставалось другого способа, — рапортовала управляющей московскими театрами А. А. Майковъ главному директору, — какъ за дерзость сію и за ослушаніе передъ симъ ею учиненное въ непринятіи ролей въ наказаніе посадить ее (Баранчеву) въ контору». Генераль-губернаторъ

САТИРА НА ТЕАТРЪ.

(Поморскіе лубки изъ музея А. А. Бахрушина).

Подпись вверху: „Міръманты гдѣшники команданты пакланцы“.

Подпись внизу: „Придете ко мне чѣда моя любезнаа много бо встрѣдишася имъ прѣдъ челоукаы и съсѣдереи имъ позорнице каша же тѣршиа къ міре“.

Ростопчинъ, которому была подана жалоба, призналъ дѣйствіи Майкова правильными (В. П. Погожевъ, книга первая, стр. 141). Тотъ же Майковъ, какъ видно изъ записокъ Каратыгина, заставилъ играть смертельно больного актера Кондакова подъ угрозой отставки отъ службы; Кондаковъ игралъ и умеръ на сценѣ («Записки П. А. Каратыгина», стр. 113). Власть болѣе высокихъ начальниковъ была безгранична. Изъ тѣхъ же записокъ Каратыгина мы узнаемъ объ участи несчастной Новицкой, умершей отъ страха передъ всесильнымъ Милорадовичемъ, угрожавшимъ посадить ее въ смиренный домъ («Записки Каратыгина», стр. 85).

Положимъ, непріятности могли случаться и со зрителемъ. Тотъ же Милорадовичъ сначала запретилъ Катенину входить въ театръ въ дни, когда играетъ Семенова, а потомъ и совѣмъ выславъ изъ столицы за неугодные всесильной актрисѣ Семеновой вызовы. Но это лишь убѣждало зрителя, что есть что-то двойственное въ самомъ существованіи актера: съ одной стороны, «синія пятна», порка передъ самымъ вѣнцомъ, съ другой стороны, власть, простирающаяся до того, что въ угоду актрисѣ высылаютъ извѣстнаго человѣка изъ столицы. И зритель убѣждался, что въ немъ, въ этомъ представляющемъ графовъ, князей, принцевъ столичномъ актерѣ скрытъ не крѣпостной, и не власть имущій человѣкъ, а что-то непонятное, далекое отъ обычной жизни и потому необычайно пригодное для изображенія передъ нимъ далекихъ по обстоятельствамъ существованія, но близкихъ по сентенціямъ пьесъ Коцебу, Ильина, Ѳедорова и другихъ.

2.

Онѣ, эти пьесы, переносили въ міръ необыкновенно благородныхъ существъ, благородныхъ чувствъ, благородныхъ мыслей и по большей части благороднаго происхожденія. Онѣ заставляли плакать и умиляться надъ добродѣтелью человѣчества, надъ прекрасными чувствами, въ немъ разсыпанными. Но, странное дѣло, изъ этого міра благородныхъ, чувствительныхъ, плачущихъ, умиляющихся графовъ, князей, принцевъ, признательныхъ «поселянъ» и добродѣтельныхъ слугъ было необыкновенно легко перейти въ привычный міръ крѣпостныхъ отношеній, «синихъ пятенъ», жестокой порки. Послѣ умиленія надъ благодарностью признательныхъ слугъ легко было «старого Гаврилу за измятое жабо хлестать въ усь да въ рыло». И не только, несмотря на умиленные драмы, но какъ-то въ связи съ ними, съ молчаливаго ихъ разрѣшенія. Театръ Коцебу, театръ его русскихъ подражателей былъ въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, къ чему привыкли эти пріѣхавшіе изъ дальнихъ странъ, долго ждавшіе первопутка, покончившіе съ хлѣбомъ помѣщики, эти постоянные театралы, изъ жаждавшихъ

повышенія чиновниковъ, стремившихся написать, наконецъ, о давно желанномъ производствѣ въ далекія помѣстья родителямъ, которые изъ-за радостной новости должны были прислать двойную порцію провизіи, денегъ и родительскихъ поцѣлуевъ. Вся эта городская жизнь, всѣ эти зрители, и случайные и постоянные, были въ непосредственно близкой связи съ деревней, съ ея «устоями», съ ея воззрѣніями; и въ такой же связи съ ея устоями и воззрѣніями стояли представляемая пьеса. Онѣ были далеки отъ дѣйствительности, но онѣ стояли въ непосредственной зависимости отъ нея, поддерживались ею и поддерживали ее.

Коцебу вмѣстѣ со зрителями стоялъ за мораль, носящую названіе прописной. Хорошо быть благороднымъ, т.-е. не помнить зла и творить добро; хорошо быть благодарнымъ, т.-е. помнить благодѣянія; хорошо предпочитать деревенскую простоту городской роскоши; хорошо не имѣть гнѣвныхъ чувствъ къ родственникамъ. Все это хорошо не только какъ исполненіе нравственнаго требованія, неоспоримаго и несомнѣннаго, но хорошо даже по своимъ непосредственнымъ результатамъ, потому что награда за всѣ эти прекрасныя качества наступаетъ уже здѣсь, въ земной жизни. Изъ добродѣтельныхъ, достойныхъ, честныхъ людей, помнящихъ и исполняющихъ только что указанную мораль, никто не гибнетъ, никто не дѣлается несчастнымъ. Гибнутъ только герои, — такіе какъ Баярдъ, который, помимо общихъ добродѣтелей, раздастъ имущество и сражается за добродѣтель. Героями, понятно, не могутъ быть всѣ люди; поплачемъ надъ героями и уилимся надъ судьбою остального человѣчества. Оно почти все добродѣтельно; а все добродѣтельное получаетъ земную награду. Если несчастное стеченіе обстоятельствъ принуждаетъ добродѣтельныхъ людей испытывать горе, — а это часто бываетъ и это заставляетъ проливать слезы зрителей, — то, будьте увѣрены, что сами обстоятельства почти безъ участія добродѣтельныхъ героевъ, повернутся въ ихъ пользу. Если кто-нибудь, несмотря на свою добродѣтель, потерялъ сына или дочь, — не такъ потерялъ, какъ это случается въ жизни, т.-е. отъ болѣзни или отъ другихъ напастей, безвозвратно уносящихъ дорогое существо въ иной міръ, а просто (для Коцебу это просто) имѣлъ и потерялъ, какъ теряютъ вещь — то, будьте увѣрены, что пройдутъ годы и потерянное найдется; оно откроется въ тотъ мигъ, когда, казалось, существованіе не представляло уже никакихъ радостей, когда неожиданныя перспективы новаго счастья вдругъ придадутъ жизни сладостное очарованіе. И какъ не плакать умиленными и радостными слезами надъ счастьемъ этого награжденнаго добродѣтельнаго человѣка?! Какъ не сочувствовать, не трогаться до глубины души, когда въ «Пожномъ стыдѣ» сестра совѣтника послѣ многихъ годовъ отсутствія, потерявъ много-много лѣтъ назадъ дочь, приходитъ въ домъ своего брата и на-

ходить здѣсь неизвѣстную сироту, которую братъ призрѣлъ, не зная, чья она и какъ ея имя; и это счастливое совпаденіе возвратившейся сестры, найденной дочери, призрѣвавшейся сироты со всеобщей доброжелательностью и отсутствіемъ злобы трогало зрителя до слезъ. Въ «Бланкъ фонъ Монфокоу» пустынный, благородный человѣкъ благороднаго происхожденія, когда-то имѣлъ родовой замокъ, имѣлъ благопріобрѣтенную семью; замокъ у него отняли, дочь была утеряна. Прошли годы; нынѣшній владѣтель замка, не знавшій о насиліи, произведенномъ надъ имѣніемъ бывшего владѣльца, нынѣшняго пустытника, тоже потерялъ замокъ. Но благопріятное стеченіе обстоятельствъ и любовь крестьянъ возвращаетъ благородному человѣку все его имущество и въ томъ числѣ замокъ, который онъ благородно передаетъ прежнему владѣльцу. Одновременно съ этимъ пустынный находитъ дочь.

Понятно что въ мірѣ, гдѣ такъ легко исчезаютъ и находятся дѣти, гдѣ пропажа трогаетъ и печалитъ до слезъ, а нахожденіе до слезъ радуетъ и умиляетъ, — въ этомъ мірѣ очень много «неизвѣстныхъ». Они пришли неизвѣстно откуда, таятъ въ себѣ неизвѣстно что, и эта неизвѣстность, эта тайна волнуютъ, заставляютъ насторожиться, готовятъ къ развязкѣ, которая неизбежно должна взвинтить нервы и вызвать слезы зрителей. Кто они, эти неизвѣстные? Можетъ-быть, потерянные при неизвѣстныхъ обстоятельствахъ дѣти, можетъ-быть бѣжавшіе отъ горькихъ испытаний мужи, можетъ-быть, злодѣи? Нѣтъ, только не злодѣи. Зачѣмъ мучить напрасно, зачѣмъ пугать зрителя, зачѣмъ показывать ему жизнь какъ западную, устраиваемую злодѣйскими силами? Неизвѣстность есть, тайна существуетъ, но это — тайна добродѣтели, ожидающей времени, чтобы проявиться во всей силѣ, чтобы потрясти зрителя своимъ величіемъ, растрогать его своей красотой. «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» называется также «Баронъ Мейнау»; необходимый въ то время союзъ «или» соединяетъ оба названія. Пьеса могла бы называться «Неизвѣстные или благородный баронъ Мейнау и его супруга», потому что неизвѣстные — главные лица. Это неизвѣстный ненавидитъ людей до такой степени, что бѣжитъ отъ нихъ; это онъ не допускаетъ къ себѣ никого, это онъ произноситъ печальные монологи о челоѣчествѣ. Но, ради Бога, не думайте, что ненависть къ людямъ порождаетъ преступленіе. Неизвѣстный, ненавидящій людей, помогаетъ бѣднымъ, думаетъ о нихъ, заботится, бросается въ воду для спасенія чужой жизни, рискуетъ собой и не принимаетъ благодарности спасенныхъ. Своей заботливостью онъ привлекаетъ къ себѣ сердца, — о немъ шлетъ молитву къ небу бѣднякъ, къ нему привязывается всей душой его вѣрный слуга. Не бойтесь такой неизвѣстности, не пугайтесь такой ненависти къ людямъ... А жена барона Мейнау, Эйлалія? Пускай она въ свое время совершила проступокъ противъ

вѣрности мужу, но, Боже мой, какую мучительную и, прибавьте, добровольную пытку должна была она вынести, чтобы превратиться въ ту добродѣтельную неизвѣстность, которая плодитъ добро, скрывая его отъ другихъ. Бросивъ свѣтъ, явилась она подъ именемъ г-жи Миллеръ къ графинѣ Винтерзее и попросила гостепріимства. Графиня не спрашивала, кто неизвѣстная, въ чемъ ея мученія, откуда она прошла, — она просто (до чего все это просто) приняла незнакомку, и немедленно, въ тиши, въ тайнѣ отъ всѣхъ послѣдняя начала помогать бѣднымъ, заботиться о несчастныхъ. Она молчала о своихъ благодѣяніяхъ, но не могли молчать о нихъ бѣдняки, становившіеся, благодаря имъ, счастливыми. Они громко заявляли о благородствѣ сердца, о возвышенности дѣйствій неизвѣстной и неизвѣстнаго и, благодаря ихъ крикамъ, узнавали о нихъ и умилялись другія дѣйствующія лица, узнавали и умилялись зрители.

Можно подумать, что весь міръ состоялъ наполовину изъ неизвѣстныхъ. Зрители, знавшіе малѣйшія детали частной жизни своихъ знакомыхъ, легко принимали неизвѣстныхъ въ театрѣ, — они освоились съ ними и любили ихъ. Въ «Серебряной свадьбѣ» неизвѣстный является въ маленькое селеніе на границѣ съ королевствомъ, гдѣ онъ занималъ важный придворный постъ. Его ищутъ враги, но имъ и въ голову не приходитъ найти бывшаго всесильнаго придворнаго здѣсь, рядомъ, подъ скромной одеждой крестьянина; не приходитъ и никому изъ крестьянъ въ голову, кто этотъ пришлецъ, почему онъ «сѣлъ на землю» и въ потѣ лица добываетъ хлѣбъ свой. Гдѣ придворный научился пахать землю, зрители не спрашивали; тѣмъ менѣе спрашивали дѣйствующія лица пьесы: достаточно, что онъ былъ добродѣтеленъ, кротокъ и счастливъ. Онъ женился, но вышедшая за него дѣвушка не знала, кто онъ, откуда пришелъ, чѣмъ занимался раньше; прошло 25 лѣтъ, и она не полюбопытствовала узнать большія подробности въ его предшествовавшей біографіи. Она не полюбопытствовала, но полюбопытствовали зрители: для нихъ неизвѣстность представляла притягательную силу, возбуждала вниманіе, подстрекала интересъ, побуждала къ волненіямъ раньше, чѣмъ поводъ къ нимъ обнаруживался яснѣе. И авторъ не стѣснялся съ неизвѣстными, — онъ посылалъ ихъ въ разныя пьесы, посылалъ иногда по нѣскольку въ одну. Въ «Серебряной свадьбѣ», кромѣ неизвѣстнаго «поселянина» Веллина, подъ именемъ котораго скрывался могучій придворный, баронъ Веллингроде, есть еще сынъ министра, Людовикъ, живущій въ качествѣ неизвѣстнаго. Въ «Ненависти къ людямъ» два неизвѣстныхъ, — баронъ Мейнау и Эйлалія; въ «Бланкъ ф.-Монфоконъ» — два неизвѣстныхъ: пустынный и найденная имъ дочь; въ «Ложномъ стыдѣ» — два неизвѣстныхъ: пришлица, въ которой узнается сестра совѣтника и неизвѣстная сирота, узна-

ваемая пришелицей, какъ родная дочь; въ «Клейнбергахъ» — три неизвѣстныхъ: дѣвица Амалія Штейнъ (въ дѣйствительности замужняя баронесса ф.-Штейнъ), молодой неизвѣстный Штейнъ (въ дѣйствительности баронъ ф.-Штейнъ), швея Генриетта Штейнъ (въ дѣйствительности дочь барона ф.-Штейнъ).

Эти уравненія съ однимъ и болѣе неизвѣстными рѣшаются легко и неизмѣнно по одному и тому же правилу: неизвѣстные благородные люди, благороднаго происхожденія, вполне заслуживаютъ, послѣ ряда мытарствъ, того счастливаго исхода, которымъ кончаются мытарства. Ихъ благородное происхожденіе, конечно, необходимо, чтобы неизвѣстные мужчины могли сочетать свою судьбу съ дочерями бароновъ и графовъ, а неизвѣстная дѣвица съ сыновьями титулованныхъ особъ. И сами неизвѣстные, и другія лица могутъ говорить о прелестяхъ простого сословія, но зачѣмъ же примѣрами тревожить зрителя? Зачѣмъ возбуждать вопросы о неравенствѣ въ серьезной требующей разрѣшенія формѣ? Волненія должны быть; безъ нихъ никакой зритель не одобритъ пьесу, даже не станетъ смотрѣть на нее; но для зрителей начала XIX столѣтія волненія должны какъ бы умирать на мѣстѣ, не переходить за порогъ театра. Зрители не должны уносить съ собой фермента, вносящаго броженіе въ спокойную гущу ихъ обыденной жизни: для этого не настало время. Зритель пришелъ въ театръ со всѣмъ своимъ житейскимъ укладомъ, спокойный, довольный, далекій отъ запросовъ обществу и судьбѣ. Его непріятности — только его личныя непріятности, изъ-за которыхъ можно тревожить людей, но не передвигать учрежденія, не нарушать обычаевъ. Если бы ненависть къ людямъ барона Мейнау доходила до проклятій судьбѣ, до порицанія учреждений, до ниспроверженія общественныхъ основъ, захватила ли бы она зрителей, довольныхъ обществомъ и не помышлявшихъ о перемѣнахъ? Конечно, Карлъ Мооръ уже въ это время произносилъ свои противообщественные монологи, но лѣса, въ которыхъ онъ держалъ свои рѣчи, были такъ далеки, условія его жизни такъ непохожи на наши, что ихъ можно было слышать, не возмущаясь и ничего изъ нихъ не вынося для жизненнаго руководства. Да и въ эпопеѣ Карла Моора привлекали не тирады, не протестъ противъ извѣстныхъ общественныхъ условій, — привлекала романическая внѣшность, столкнувшіяся благородство и злодѣйство, злключенія отца, любовь Амаліи и къ Амаліи. И тутъ волненія зрителя умирали на мѣстѣ.

Въ пьесахъ Коцебу, кромѣ внѣшняго интереса, привлекала мораль, спокойная, твердая, вполне сходная съ той, которую зрители вносили въ театръ. Она ясна была изъ всей фабулы пьесы, изъ поступковъ дѣйствующихъ лицъ, но для большей убѣдительности она преподносилась и въ видѣ сентенцій, прославлявшихъ безспорную для зрителей добродѣтель. Герои говорили то, что

думали, чувствовали и говорили зрители. Къ какому бы рангу послѣдніе ни принадлежали, на какой бы общественной ступени они ни стояли, они не отрицали, напимѣрь, необходимость повиновенія слугъ своимъ господамъ; и, знакомясь съ пьсами Коцебу, они слышали только подтвержденія своихъ взглядовъ: и неизвѣстные, и извѣстные вѣщали имъ, что въ числѣ добродѣтелей, необходимыхъ въ обществѣ, высоко стоитъ благодарность и признательность слугъ къ господамъ. Филиппъ, слуга изгнаннаго владѣльца замка («Бланка ф.-Монфоконъ»), до такой степени старается помочь своему господину, что сознательно оставляетъ свою невѣсту въ опасности. «Судьба, — восклицаетъ онъ съ радостью, — благоволила мнѣ быть избавителемъ моего благодѣтеля. Благодарю Тебя, великій Боже. Я еще такъ молодъ и ты внушилъ сердцу моему поступокъ, который и на смертномъ одрѣ прольетъ въ сердце мое сладкую отраду и утѣшеніе»... Крестьяне Бланки до такой степени обожаютъ свою госпожу, что когда одному изъ нихъ Бланка пожала руку, всѣ крестьяне поторопились потерять свои руки о руку счастливица... Христіанъ, старый слуга барона Дурмахъ («Вязальныя иголки»), слѣдитъ за каждымъ измѣненіемъ фізіономіи своего господина, страдая за него въ его несчастіяхъ; и когда все приходитъ къ радостному концу, онъ умиленно плачетъ одинъ въ отдаленіи. «Поди сюда и ты, Христіанъ, — говоритъ ему мать барона, — поди же, тебѣ не нужно въ углу плакать, — вѣдь ты равно принадлежишь одной фамиліи»... «Великая разница, — говоритъ пустынникъ въ «Бланкѣ ф.-Монфоконъ», — сражаться за добраго господина, за отца своихъ дѣтей подданныхъ, и проливать кровь за разбойниковъ, которые имѣютъ въ виду одну корысть, которыхъ вооружаетъ одна безразсудная дерзость».

Эта общая связь господъ и слугъ, основанная на преданности послѣднихъ и снисходительности первыхъ, не могла не трогать и не умилять зрителей. Не надо мѣнять ничего, не надо думать ни о какихъ соціальныхъ реформахъ: жизнь устривается къ общему удовольствію. Что человѣку надо? Сознаніе своей добродѣтели и преданности другихъ. Зритель, какъ Хлестаковъ, любилъ радушіе, и ему больше нравилось, «если угождали отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса». Чистое сердце Христіана, крестьянъ, томившихся въ безкорыстной любви и преданности, Филиппа, забывшаго собственные интересы ради «благодѣтеля», не подлежало сомнѣнію. Оно трогало, волновало, заставляло оцѣнивать жизнь: такъ пріятно было сознавать себя добрымъ и любимымъ слугами. Если же въ дѣйствительной жизни слуга почему-нибудь оказывался не преданнымъ членомъ семьи, если онъ обнаруживалъ лѣность, недостаточную готовность помнить всю жизнь лишь объ интересахъ господина, то тѣмъ глубже долженъ былъ сознавать свою правоту господинъ и тѣмъ строже долженъ былъ за провинность взыскивать.

Театръ, гдѣ было пролито столько умиленныхъ слезъ надъ преданностью Христіана, Филиппа, добродѣтельныхъ крестьянъ Бланки, приглашалъ его къ строгости и требовательности.

Отъ него самого что требовалъ театр? За кого ратовали пьесы, на кого онѣ нападали? Конечно, есть на свѣтѣ очевидные злодѣи, — говорили онѣ, — какъ тѣ разбойники, о которыхъ сообщаетъ пустынный въ «Бланкѣ ф.-Монфоконъ»; конечно, есть смѣшные люди, о которыхъ повѣствуетъ комедія «Нешастные». Но отъявленнымъ злодѣемъ средній зритель никогда не былъ; сознательно и намѣренно онъ «не ухищрялся противъ брата и на врага не клеветалъ». Маленькіе же смѣшные недостатки, упоминаемые въ комедіи «Нешастные», — да кто же ихъ не имѣетъ и стоитъ ли противъ нихъ особенно вооружаться? И сама комедія рѣшаетъ, что если не полной, то нѣкоторой награды люди съ такими смѣшными недостатками все-таки заслуживаютъ. Пьесы говорили: «будь человѣкъ благороденъ, будь сострадателенъ, добръ». Каковы обязанности благороднаго человѣка по отношенію къ государству, къ семьѣ, къ ближнему? Государству въ крайнихъ случаяхъ, — само собой разумѣется, въ крайнихъ, — слѣдуетъ отдать все: надо быть Миниными. Вотъ «Гусситы подъ Наумбургомъ въ 1432 году», — пьеса, имѣвшая такой огромный успѣхъ, заставившая проливать такую массу горячихъ слезъ. Гусситы, мстя за казнь Гусса, подступаютъ къ Наумбургу съ несмѣтными силами; черезъ герольдовъ объявляютъ они, что къ утру всѣ жители, — старые, молодые, жены и дѣти, — будутъ умерщвлены; пощады не будетъ, о снисхожденіи не можетъ быть рѣчи. Вольфъ, гражданинъ Наумбурга, рискуя пасть первой жертвой разгнѣваннаго врага, идетъ къ богемскому вождю Прокопію съ мольбой о пощадѣ города; онъ предлагаетъ свою голову; но убѣжденія безсильны: начальникъ гусситовъ готовъ помиловать его за храбрость, но не пощадить другихъ. Вольфъ, полный мыслей о спасеніи города и жителей, устраиваетъ шествіе дѣтей: матери, отцы, воодушевленные его рѣчами, приводятъ на площадь дѣтей и, въ страшномъ безпокойствѣ за ихъ участь, посылаютъ ихъ къ беспощадному врагу. Вольфъ въ ихъ главѣ. Но Прокопій возмущенъ назойливостью. «Хорошо, — соглашается онъ, однако, послѣ долгихъ переговоровъ, — пусть жертвой за всѣхъ падутъ твои дѣти». Самоотверженный и благородный Вольфъ готовъ на жертву, но самому указать, кто его дѣти, у него не хватаетъ силъ. Тѣмъ временемъ дѣти молятъ Прокопія: «Если нѣжные материнскіе взоры тебѣ пріятны, то сжался надъ нами, отпусти насъ ихъ утѣшить».

Второй (хватая его за лѣвую руку): Если отеческому твоему сердцу пріятно лепетанье дѣтей, то сжался надъ нашими бѣдными матерями—онѣ плачутъ объ насъ. Не убивай насъ.

Первый: Городъ нашъ малъ и тихъ. Мы всѣ живемъ смирно. Пощади насъ.

Второй: За это Богъ благословить тебя, когда ты придешь къ себѣ домой. Богъ воздастъ дѣтямъ твоимъ за то, что ты къ намъ будешь милостивъ.

Прокопій: Друзья, не хочу болѣе скрываться—сердце мое тронута. Если вы согласны, если хотите пощадить ихъ, опустите внизъ копья. (*Всѣ гусситы опускаютъ копья.*) Изрядно. (*Возвышая голосъ.*) Я васъ прощаю. Встаньте, будьте веселы.

Дѣти: Онъ прощаетъ насъ. (*И всѣ тѣсняются къ Прокопію, чтобы цѣловать у него руки и колѣна; онъ поднимаетъ кверху каждаго изъ нихъ по одиночкѣ и цѣлуетъ.*)

Дѣтямъ приносятъ вина, угощаютъ ихъ: «Надобно этихъ маленькихъ гостей успокоить послѣ ужасной ихъ тоски и страданія», говоритъ тонко чувствующій дѣтскую психологію свирѣпый гусситъ Прокопій.

Вольфъ (утирал слезы): Теките, радостныя слезы, и смѣшивайтесь съ веселымъ виномъ,

Онъ текли въ изобиліи, текли у всѣхъ зрителей. Это были слезы умиленія. Умилительно было видѣть готовность самопожертвованія со стороны Вольфа, со стороны матерей; умилительно слышать дѣтскіе голоса, молящіе о пощадѣ и радостно провозглашающіе славу тому, кто ихъ пощадилъ; умилительно, наконецъ, было присутствовать при добромъ поворотѣ въ суровой душѣ грубаго воина, при восторженно-человѣчному порывѣ со стороны солдатъ. Умиленіе было тѣмъ сильнѣе, что подвиги Вольфа ни къ чему не обязывали зрителя: вѣдь такъ рѣдко подступленіе непріятеля къ городу, такъ рѣдко единичная жертва можетъ спасти государство. Зритель не рисковалъ ничѣмъ, не вызывался ни на какой подвигъ: онъ только умилялся человѣческой доблестью и радостно лилъ слезы. Онъ зналъ, что благородныя чувства Вольфа и ему подобныхъ не побуждаютъ ни къ дѣйствительной жертвѣ, ни къ потерямъ: добродѣтель награждалась тотчасъ же, потому что порока не существовало. Чувство умиленія такъ сильно охватывало зрителя, что онъ не замѣчалъ ничего,—ни разумной аргументаціи дѣтей, ни ихъ опытности въ дѣлѣ воздѣйствія на сердце побѣдителя, ни ихъ знакомства съ чужой психологіей. Онъ слышалъ вопли, видѣлъ молящіе взоры, воспринималъ радостный переходъ отъ тревоги къ веселью и благодарно вытиралъ проступившія слезы. Онъ не замѣчалъ даже большаго. Коцебу, какъ и подражавшіе ему авторы, не сразу отпускалъ зрителей: онъ возвращался къ использованнымъ эффектамъ, неожиданностью поддерживалъ чувство тревоги въ зрителѣ, повидимому, улаживалъ и эту тревогу и сейчасъ же изобрѣталъ новую; пьесы оканчивались какими-то затяжными каденціями, и когда все, казалось, готово было удалиться, новый поводъ для безпокойства наэлектризовывалъ вновь вниманіе залы. Въ «Гусситахъ», на примѣръ, прошеніемъ дѣтей не заканчивалась пьеса. Въ моментъ общаго веселья, поцѣлуевъ, радостей и слезъ вбѣгалъ къ Прокопію часовой и запыхавшимся голосомъ кричалъ: «Государь! Въ долину видна вооруженная толпа

воиновъ. Всѣ они покрыты бѣлыми щитами и медленными шагами приближаются къ горамъ»... «Измѣна!» кричалъ Прокопій. «Измѣна!» восклицали воины; хватались за оружіе. Но не было измѣны: это, — измученныя страхомъ и ожиданіемъ, въ смертельномъ страхѣ, шли къ непріятельскому лагерю матери отпущенныхъ малютокъ. Что же за «бѣлые щиты» видѣлъ прибѣжавшій гусситъ? Это были просто... зонты, бѣлые солнечные зонты, которые взволнованныя матери не забыли взять съ собой, чтобы предохранить нѣжный цвѣтъ лица отъ солнца. Эти взятые «для защищенія отъ солнечныхъ лучей» зонты предохраняли въ то же время сердце зрителей отъ слишкомъ надрывной скорби: они говорили, что можно поплакать и утѣшиться.

Но вѣдь были же у зрителей вопросы, которыхъ они не могли рѣшить, были чувства, которыя по своей запутанности нуждались въ беллетристическомъ или драматическомъ освѣщеніи. Искали ли зрители отвѣта въ театрѣ? О, нѣтъ, они боялись постановки трудныхъ вопросовъ, не желали ихъ разрѣшенія въ условіяхъ обычной дѣйствительности. Сама жизнь, тихая и установившаяся, давала рѣдко поводъ для возникновенія чувствъ, которыя не могли бы найти своего разрѣшенія въ предѣлахъ установленнаго кодекса. Конечно, любовныя драмы были; конечно, и въ тѣ времена тревожило состояніе, когда «такъ и рвется душа изъ груди молодой, просить воли она, просить жизни другой», но сила усвоенной морали была настолько велика, что борьба съ ней душѣ отдѣльнаго человѣка была не подъ силу. Нельзя было безнаказанно удалиться отъ общаго кодекса нравственности. Зритель не ждалъ отъ театра разрѣшенія дѣйствительныхъ драматическихъ положеній. Онъ зналъ, что въ коллизіяхъ жизненной сутолоки возможна одновременная любовь мужчины къ двумъ женщинамъ, но когда театръ затрагивалъ эту тему, онъ не смѣлъ разрѣшать ее, оскорбляя мораль зрителей или представляя драму въ условіяхъ обычнаго существованія... Чтобы намекнуть на возможность такого положенія, надо было «дѣйствіе перенести» не «въ Пизу», а Богъ знаетъ куда, гдѣ нѣтъ законовъ, нѣтъ Европы, нѣтъ привычныхъ намъ условій жизни. Если надо изобразить борьбу «чувствительнаго сердца» передъ двумя одинаково сильными обязательствами, если передъ мужчиной двѣ женщины, которыя одинаково дороги ему и передъ которыми онъ одинаково чувствуетъ себя обязаннымъ, авторъ конца XVIII и начала XIX столѣтій не возьметъ примѣръ изъ обыденной жизни. Это было бы слишкомъ серьезно, слишкомъ близко, можетъ-быть, болѣе возмутило бы зрителя, чѣмъ взволновало его сочувственными мотивами. Коцебу переноситъ дѣйствіе на далекій необитаемый островъ, куда послѣ кораблекрушенія Лаперузь, оставившій дома жену и дѣтей, заносится бурей, гдѣ его спасаетъ и любитъ случайно попавшая туда же «дикая женщина» Мальвина. Любовь длится много

лѣтъ, пока на необитаемый островъ не попадаетъ Аделаида, ищущая всюду своего пропавшаго супруга. Обѣ женщины имѣютъ дѣтей, обѣ — одинаковыя права на Лаперуза, обѣ одинаково любятъ его и пользуются въ равной степени его любовью. Какъ рѣшить вопросъ? «Какой варваръ, — спрашиваетъ Лаперузъ, — можетъ покинуть одну изъ этихъ женщинъ? какое чудовище можетъ бросить одного изъ этихъ младенцевъ? (*Въ безпамятствѣ, бросая направо и налево дикіе взоры.*) Мнѣ надобно избирать. Хорошо, — я избираю, (*скоро*) я избираю смерть»... Но, конечно, до смерти не допустить ни зритель, ни авторъ. Борьба великодушій со стороны обѣихъ женщинъ, борьба двухъ долговъ со стороны Лаперуза кончается рѣшеніемъ остаться на островѣ и жить съ обѣими женщинами, какъ съ сестрами. Коцебу не могъ не отдать комической дани вліянію Руссо, заставивъ «дикую женщину» спасти соперницу отъ смерти, не помышляя о благородствѣ своего поступка. «Я — европейка, — объясняетъ ей Аделаида, — подверженная злобнымъ ухищреннымъ страстямъ и потому ты меня не понимаешь, ты не знаешь, что ты могла сдѣлать».

Зрители плакали и одобряли, но, конечно, не всѣ. Нѣкоторые протестовали; слово «Коцебятина» достаточно опредѣляетъ отношеніе этихъ нѣкоторыхъ. Кн. Шаховской, драматургъ, страдавшій отъ коцебятины, не могъ примириться съ ея «засильемъ» и уже много позднѣе съ негодованіемъ писалъ о томъ времени: «Московская сцена сдѣлалась постояннымъ жилищемъ германскихъ выходцевъ; публика разжалобилась не своими жалостями и пустилась навзрыдь плакать. Тогда черная туча новыхъ нѣмецкихъ драмъ понеслась отъ древней русской столицы и, обрушась на петербургскую сцену, придавила тяжелой прозою драматическую поэзію» (Репертуаръ русскаго театра 1840 г., 11 кн.).

«Драматическій Вѣстникъ», издававшійся въ 1808 году, пробовалъ возставать противъ нѣмецкихъ драмъ «гдѣ дѣйствіе нерѣдко бываетъ безъ причинъ, гдѣ оно останавливается по получасу, чтобы дать время какому-нибудь низкорощенноблагородному нравоучительно высказать все то, что авторъ затвердилъ изъ новыхъ философовъ и чѣмъ онъ наполняетъ $\frac{2}{3}$ драмы, оставляя послѣднюю для узнанія законно или незаконнорожденныхъ дѣтей, для обмороковъ, утоплений, грома, дождя, обѣда, завтрака, ужиновъ, куренія табаку, описанія ничтожныхъ подробностей и, наконецъ, нѣмыхъ картинъ, которыми кончается дѣйствіе». Но уже въ № 37 того же года «Вѣстникъ» долженъ былъ признать, что «господинъ Коцебу, хотя и не такой великій стихотворецъ, какъ Вольтеръ, однакожъ писатель, заслуживающій уваженія (не по нравственной цѣли его твореній, но по знанію его человѣческаго сердца)»... И уже много послѣ того, какъ Коцебу потерялъ главенство на русской сценѣ, Полевой писалъ въ «Московскомъ Телеграфѣ»: «Коцебу —

не первоклассный писатель; объ этомъ уже не спорять. Трагедіи его несносны, фарсы большею частью несвязны и грубы, но комедіи его, или, лучше сказать, особенный родъ комедій, называемый нѣмцами Schauspiel, никогда не теряютъ своего достоинства. Въ нихъ недостатки выкупаются красотами и собраніе сихъ пьесъ, не всегда нравящихся на сценѣ, можетъ быть книгою всегда съ удовольствіемъ читаемою въ часы досуга» («Московскій Телеграфъ» 1826 года, стр. 389).

Коцебу обнаружилъ «знаніе человѣческаго сердца». Прежде всего, конечно, сердца зрителя. Сходясь съ авторомъ въ сентенціяхъ, во взглядахъ на отношенія людей, зритель не предъявлялъ къ театру иныхъ требованій и не измѣнялъ своихъ симпатій до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не вкладывали въ него то какого-то смутнаго ожиданія, то совершенно ясныхъ потрїотическихъ надеждъ и желаній. Но еще раньше, чѣмъ произошло это измѣненіе въ психикѣ зрителя, Коцебу породилъ русскихъ подражателей, драматурговъ, частью имѣвшихъ такой же, частью даже большій успѣхъ.

И. Игнатовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Королева Луиза и Александръ I.

I.

Въ самый разгаръ войны Пруссіи съ французской революціей, зимою 1793 года, король Фридрихъ Вильгельмъ II пріѣхалъ со всѣмъ дворомъ въ имперскій городъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, чтобъ быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій. Ему очень хотѣлось отнять у французовъ завоеванный ими Майнцъ. А такъ какъ король не любилъ очень утруждать себя заботами, то совѣщанія его съ генералами безпрестанно смѣнялись увеселеніями. На одномъ изъ баловъ, данныхъ королемъ прусскимъ во Франкфуртѣ, появился впервые герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій съ двумя дочерьми Луизой и Фридерикой. Обѣ были красавицы и сразу плѣнили сыновей короля: Луиза кронпринца Фридриха-Вильгельма, Фридерика—принца Людвига. Въ апрѣлѣ 1793 года отпраздновали обрученіе двухъ молодыхъ паръ, а въ сочельникъ, уже въ Берлинѣ,—свадьбу. Веселый король обрадовался случаю, и берлинцы долго не выходили изъ полосы торжествъ.

Для кронпринцессы пришла критическая пора. Дворъ Фридриха-Вильгельма II былъ однимъ изъ самыхъ сомнительныхъ мѣстъ въ Европѣ. Откровенный цинизмъ королевскихъ похощеній не вызывалъ никакихъ протестовъ, а, наоборотъ, увлекалъ за собою придворную клику и аристократію. Берлинцы великолѣпно знали, кто отецъ дѣтей той или другой принцессы, сколько метрессъ у каждаго изъ принцевъ королевскаго дома. Гофмейстеры и гофмейстрины выбивались изъ силъ, чтобы сохранить хотя бы внѣшнія приличія, а въ казнѣ не хватало денегъ, чтобы оплачивать всѣ празднества и обезпечивать побочныхъ дѣтей высокихъ и высочайшихъ особъ.

Высшее общество и офицерство очень старались не отставать отъ двора. Въ современныхъ мемуарахъ то и дѣло упоминаются скандальныя исторіи, герои и героини которыхъ—люди, носящіе самыя громкія фамиліи Пруссіи. То обнаруживается, что одна представительница берлинской аристократіи имѣетъ домъ свиданій,

куда заманиваетъ дамъ и дѣвицъ хорошаго происхожденія, то открывается, что группа дамъ-аристократокъ въ складчину нанимаетъ загородный домъ, специально для устройства тамъ оргій и вакханалій. «Публичныя женщины—весталки по сравненію со многими знатными дамами, которыя задаютъ тонъ въ обществѣ», горько замѣчаетъ одинъ современникъ. Мужья ихъ тоже не лучше. Офицеры открыто торгуютъ женами и устраиваютъ мѣны ими на срокъ. Распушенность достигла предѣловъ ¹⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, что когда вся эта гниль была сметена штыками наполеоновскихъ солдатъ, бюргерство не обнаружило никакого огорченія.

Въ моментъ появленія въ Берлинѣ Луизы до французской чистки было еще далеко. Приходилось принимать все, какъ было.

Какъ на грѣхъ, въ это опасное мѣсто молодая женщина принесла два опасныхъ качества: веселый характеръ и большую склонность къ кокетству. Она была привязана къ своему мужу. Но ей было всего семнадцать лѣтъ, а Фридрихъ-Вильгельмъ, — съ его тяжелымъ умомъ, хмурый, некрасивый и грубо-чувственный — совсѣмъ не годился въ герои романа. Для Луизы, воспитанной при нищемъ дворѣ, была вновь берлинская пышность. Все ее безумно занимало. Кругомъ было такъ много интересныхъ вещей, какихъ она раньше не видѣла, интересныхъ людей, съ которыми ей было весело. Конечно, мужъ былъ влюбленъ въ нее, но его влюбленность была такая однообразная, онъ такъ явно хотѣлъ, чтобы для жены не существовало ничего, кромѣ него. Отъ этой эгоистической мѣщанской влюбленности въ Луизѣ рождались странныя настроенія. Протестовала молодость, протестовало законное, какъ лучъ солнца весной, веселье. И этотъ бессознательный процессъ едва не привелъ къ катастрофѣ.

Самымъ блестящимъ кавалеромъ прусскаго двора былъ принцъ Луи-Фердинандъ, племянникъ Фридриха Великаго и кузенъ короля. Красивый, изящный, пылкій, одаренный какимъ-то хищнымъ инстинктомъ въ общеніи съ женщинами, онъ увлекался юной кронпринцессой и, повидимому, сумѣлъ затронуть въ ней такія струны, которыхъ не находили грубыя руки Фридриха-Вильгельма. Какъ далеко зашла взаимная симпатія, — этого не знаетъ никто, но наблюдательные люди ²⁾ видѣли многое такое, что дѣлало вѣроятными всякія предположенія. Луиза опредѣленно кокетничала съ принцемъ, и когда ея оберъ-гофмейстрина, графиня Фоссъ, дѣлала ей свои представленія по этому поводу, ее поднимали на смѣхъ, а простымъ придворнымъ дамамъ, рѣшавшимся указать принцессѣ на недопустимость ея поведенія, доставалось еще горше. Кронпринцъ, ревнивую душу котораго жестоко терзала эта исто-

¹⁾ Ed. Vehse, *Gesch des preussisch. Hofes und Adels*. B. V, passim.

²⁾ Камергеръ Венгерскій, цит. у Vehse, V, 294.

рія, прибѣгъ къ энергичной мѣрѣ. Онъ просто рѣшилъ вырвать жену изъ растлевающей берлинской среды. Сначала онъ увезъ ее въ Потсдамъ, потомъ въ Ораніенбургъ и, наконецъ, еще дальше въ специально съ этой цѣлью купленное имѣніе Парецъ, на берегу Гавеля. Это, быть-можетъ, спасло Луизу. По крайней мѣрѣ, сестра ея Фридерика, такая же красивая, такая же веселая и кокетливая, какъ и она, не выдержала. Рано лишившись мужа, она поддалась соблазнамъ окружающей ее среды, наскоро была выдана замужъ за принца Зольмса, съ нимъ почти не жила, и изъ дневника Генца мы знаемъ, чѣмъ стала она потомъ.

Вдали отъ двора Луиза провела почти четыре года. Кронпринцъ могъ быть доволенъ. Теперь, кромѣ него, у нея ничего не было. Такихъ опасныхъ людей, какъ принцъ Луи-Фердинандъ, къ своему двору онъ не пускалъ. Луиза носила и рожала съ регулярностью, приводившей въ восторгъ стараго короля: по ребенку въ годъ. Кромѣ того, она много читала, сначала просто отъ скуки, потому что кронпринцъ, занятый своими смотрами и ученіями, днемъ почти не бывалъ съ нею, а когда и бывалъ, не умѣлъ ее развлекать. Природа не надѣлила его общительностью. Наоборотъ, когда обществу бывало весело, его присутствіе быстро разгоняло всякое веселье. Поневолѣ вынужденная уходить въ себя, Луиза искала отвѣта на запросы души. И не сразу нашла ихъ она.

Душа у нея была воспріимчивая и богатая. Въ ней было много хорошихъ задатковъ, которые не находили лишь благопріятной почвы для развитія. На натуру, не столь одаренную, это долгое уединеніе, вѣроятно, подѣйствовало бы совсѣмъ не такъ, какъ на Луизу: она бы завяла внутренне, отдалась цѣликомъ семьѣ и тихому счастью въ уголкѣ, забыла бъ о томъ, что есть высшіе запросы, на которые должна имѣть отвѣтъ и королева. У Луизы случилось обратное. Веселой, беззаботной хохотушкой, склонной къ флирту и радостно принимающей поклоненіе, уѣзжала она изъ Берлина. Когда она вернулась туда, чтобы украсить короной свою голову, она была, другой женщиной. Легкомысліе осталось гдѣ-то тамъ, въ лѣсахъ Ораніенбурга, въ степномъ привольѣ Пареца. Луиза не утратила своей веселости. Ея прекрасные синіе глаза сохранили всю свою жизнерадостную ясность. Но она стала серьезнѣе относиться къ своимъ чувствамъ, сознательнѣе стала смотрѣть на жизнь. Быть-можетъ, это сдѣлало большое горе, встрѣтившее ее у самаго порога и глубоко ее потрясшее: рожденіе мертвого первенца. Быть-можетъ, сказалось вліяніе мужа, у котораго съ недюжинной ограниченностью уживались нѣкоторые твердые принципы: слѣпая готовность служить тому, что онъ считалъ своимъ долгомъ, и бережное, благоговѣйное почитаніе собственнаго сана. Въ этомъ онъ совсѣмъ не былъ

похожъ на своего августѣйшаго родителя, который словно съ какимъ - то удовольствіемъ топталъ въ грязь гогенцоллернскую корону.

Конечно, Луиза не была вполне сложившимся человѣкомъ при вступленіи на престолъ (ноябрь 1797 г.). Ей все-таки не было и двадцати двухъ лѣтъ. Ея умственная пища все-таки цѣликомъ сводилась къ писаніямъ Лафонтена, не французскаго, а нѣмецкаго, слащаваго, неистово-мѣщанскаго, нестерпимо-піетистическаго романиста, который былъ въ то время властителемъ думъ въ Германіи. Понадобилось пять лѣтъ, пять спокойныхъ, безмятежныхъ лѣтъ на тронѣ Фридриха Великаго, среди новаго двора, откуда исчезъ дебошъ и гдѣ водворилась пристойность, лишь изрѣдка, по старой памяти, нарушаемая; понадобилось усиленное, серьезное чтеніе, понадобилось тѣсное умственное и душевное общеніе съ выдающимися людьми, — чтобы Луиза сложилась вполне.

Основой характера этой сложившейся женщины была попрежнему слегка восторженная жизнерадостность. Залежи веселья въ ея душѣ казались неисчислимыми. Его хватало на всѣхъ окружающихъ, оно струилось изъ ея глазъ, отъ всей ея фигуры, разливалось вокругъ и захватывало всѣхъ. Всѣ чувствовали себя въ ея присутствіи счастливыми. Даже холодныхъ дипломатовъ покоряла эта торжествующая, радостная красота. Это веселье рождалось не отъ экстаза счастья, потому что въ ея привязанности къ королю не было ничего восторженнаго: въ ея сердцѣ были уголки, куда не былъ вхожъ прозаичный супругъ, куда никто не былъ еще вхожъ. Жизнерадостность была просто натурой Луизы. Но начали вырабатываться и другія качества. Луиза, со всѣми таящимися еще въ ней возможностями бурныхъ вспышекъ и сумасбродныхъ метаній, сумѣла выковать въ своей груди крѣпкій, несокрушимый духъ и твердое мужество. Эта женщина, которая обожала балы, которая не пропускала ни одного *thé-dansant*, которая за полчаса до родовъ могла веселиться на танцевальномъ вечерѣ, была все-таки королева съ головы до пятъ, гордо-привѣтливая ко всѣмъ, умѣющая нести свое достоинство, готовая защищаться свои идеалы.

Луиза выросла умственно за эти пять лѣтъ. Лафонтена ни одинъ живой человѣкъ не могъ выдержать долго. Луиза его выдерживала оттого, что онъ былъ любимцемъ Фридриха - Вильгельма. Ставъ королевой, она начала зачитываться Жанъ-Полемъ, углубилась въ Гердера, полюбила Клейста, Шиллера, Гёте. У нея явились друзья, съ которыми она переписывалась.

Огромный тактъ помогалъ Луизѣ устраивать свою умственную жизнь на сторонѣ такъ, чтобы ея новые интересы не нанесли ущерба требовательному супругу, не любившему, чтобы Лу-

иза надолго его забывала. Онъ былъ все-таки постоянно рядомъ съ нею, однообразный, какъ солдатская форма, со своими ласками, со своими разговорами о дѣтяхъ и о парадахъ. Луиза продолжала оставаться нѣжной и любящей подругой короля, весело, безъ всякаго усилія, выносила навѣваемую имъ скуку, съ прежней регулярностью, хотя въ нѣсколько болѣе замедленномъ темпѣ, носила и рожала принцевъ и принцессъ королевскаго дома, отдавала много любви и заботъ своему некрасивому — всѣ пошли въ отца — потомству. Фридрихъ-Вильгельмъ чувствовалъ себя совсѣмъ счастливымъ. Счастье Луизы не насыщало вполне ея душу, жадно ожидавшую чего-то новаго, сильнаго, неизвѣдннаго.

Такъ наступилъ 1802 годъ.

II.

Пруссіе государственные люди считали, что Базельскій миръ 1795 года, положившій конецъ войнѣ съ французской республикою, вполне обезпечиваетъ интресы страны, и они твердо выдерживали эту точку зрѣнія. Всѣ усилія болѣе упорной Австріи, всѣ соблазны со стороны Англіи разбивались о спокойную рѣшимость — не воевать. Пруссіе политики понимали, что Австрія, истощавшая себя безславной борьбою, подрывала свой авторитетъ въ Германіи, и ждали случая, чтобы воспользоваться плодами безхозяйнаго положенія, все больше и больше водворявшагося въ Священной Римской имперіи.

Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ совершенно солидаренъ съ этой точкой зрѣнія. Кронпринцемъ онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, предшествовавшихъ третьему раздѣлу Польши (1795), и былъ увѣренъ, что Пруссія сумѣетъ вознаградить себя въ другомъ мѣстѣ за миролюбіе къ Франціи. Къ тому же король отнюдь не обладалъ воинственнымъ характеромъ. былъ очень доволенъ тѣмъ, что имѣлъ, и боялся рисковать. Поэтому когда въ 1799 году противъ Франціи образовалась грозная коалиція изъ Австріи, Англіи, Россіи и Нидерландовъ, когда послы всѣхъ этихъ державъ въ Берлинѣ истощали всѣ усилія, чтобы привлечь къ коалиціи Пруссію, король оставался непреклоннымъ. Маренго и Гоэнлинденъ охладилъ пылъ Австріи; ея недобросовѣстность по отношенію къ русскимъ союзникамъ еще раньше побудили императора Павла выйти изъ коалиціи и сдѣлать шаги къ сближенію съ Франціей. Фридрихъ-Вильгельмъ могъ поздравлять себя. Его осторожность, которую прусская партія войны называла трусостью, принесла свои плоды. Пруссія послужила посредницею для Франціи и Россіи и готова была занять принадлежавшій Англіи Ганноверъ, который охотно уступали ей помирившіеся враги. Смерть Павла испортила дѣло. Александръ столкнулся

съ Англіей, и Пруссія Ганновера не получила. Это обстоятельство, естественно, повернуло прусскую политику въ сторону благопріятную Франціи, тѣмъ болѣе, что первый консулъ сумѣлъ великолѣпно воспользоваться создавшимся положеніемъ, чтобы привлечь ее къ себѣ.

Люневильскій трактатъ предусматривалъ возможность широкихъ секуляризацій на всемъ почти протяженіи территоріи Священной Римской имперіи. Бонапартъ хотѣлъ, осуществляя ихъ, достигнуть сразу двойной цѣли: расширить французскую территорію и увеличить территорію тѣхъ нѣмецкихъ государствъ, которыя были дружественны Франціи. И онъ сталъ отбирать владѣнія Вюртенберга, Бадена, Гессена, находившіяся на лѣвомъ берегу Рейна, щедро вознаграждая ихъ внутри Германіи. Первые предложенія Пруссіи въ этомъ смыслѣ Франція сдѣлала уже въ концѣ 1801 года. 15 декабря прусскій посланникъ Луккезини имѣлъ опредѣленную бесѣду въ этомъ смыслѣ съ Талейраномъ ¹⁾. Переговоры шли довольно долго. Лишь 2 марта 1802 г. прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ Гаугвицъ сообщил Луккезини, что король соглашается ²⁾, а черезъ три дня Луккезини получилъ письмо отъ шефа королевскаго кабинета Ломбарда, въ которомъ впервые былъ выдвинутъ тотъ вопросъ, который въ данномъ случаѣ насъ особенно интересуетъ. Ломбардъ выражалъ опасеніе, какъ бы эта операція не вызвала неудовольствія у Россіи, и предписывалъ посланнику изыскать въ Парижѣ способы избѣжанія конфликтовъ съ нею. То же Ломбардъ изустно сообщилъ французскому посланнику въ Берлинѣ Биньоцу, который 6 марта доносилъ Талейрану о бесѣдѣ ³⁾. И дѣйствительно, Талейрану въ Парижѣ пришлось особо договариваться съ русскимъ посланникомъ гр. Морковымъ, а первому консулу одновременно съ письмомъ къ прусскому королю понадобилось писать и русскому императору ⁴⁾.

Эта переписка вскрываетъ, какъ намъ кажется, въ достаточной мѣрѣ исторію Мемельскаго свиданія. Кому это свиданіе было нужно? Не Россіи и даже не Александру, а Пруссіи. Ближайшимъ образомъ нужно было для того, чтобы гладко провести вопросъ о присоединеніяхъ къ Пруссіи. Какъ осуществилось свиданіе? В. к. Николай Михайловичъ подчеркиваетъ внезапность его и то, что оно было «рѣшено безъ вѣдома и Кочубея, и Чарто-

¹⁾ Донесеніе Луккезини въ «Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807. Diplom. Correspondenzen» въ Publicationen aus d. K. Preuss. Staatsarchiven. XXIX. изд. P. Bailleu; т. II, 61 и слѣд.

²⁾ Письмо Гаугвица къ Луккезини. «Preuss. und Frankreich» II, 75.

³⁾ Тамъ же, 77: «Le poids énorme de cette puissance dont une secousse irrégulière peut faire le plus grand mal à ses voisins».

⁴⁾ 23 мая 1802 г. См. Sorel, L'Europe et la Révolution, VI, 231

рыжскаго», тогдашнихъ руководителей русской иностранной политики ¹⁾. Но онъ уклоняется отъ объясненія этой впе­запности. Между тѣмъ, обстоятельства, ему предшествовавшія, были таковы, что оно только и могло быть рѣшено мимо официальныхъ представителей иностраннаго вѣдомства ²⁾. Въ январѣ 1801 г., прусскій дворъ посѣтилъ наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій, Людвигъ, со своей молодой женою, в. к. Еленой Павловной. Великая княгиня была самой красивой изъ четырехъ дочерей императора Павла и произвела огромное впечатлѣніе на чувственнаго Фридриха-Вильгельма. Тогда былъ еще живъ Павелъ Петровичъ, и какихъ-нибудь специальныхъ интересовъ прусская дипломатія въ Петербургѣ не добивалась. Дѣло ограничилось празднествами и весьма энергичнымъ флиртомъ между королемъ и великой княгиней. Елена Павловна, однако, скоро уѣхала, а лѣтомъ на пути въ Петербургъ снова посѣтила берлинскій дворъ. Теперь русскимъ императоромъ былъ уже Александръ, человѣкъ, который былъ въ значительной мѣрѣ узломъ переговоровъ о Ганноверѣ и о всякомъ территоріальномъ приращеніи Пруссіи. Прусская дипломатія не могла упустить такой оказіи. Великая княгиня повезла брату въ Петербургъ не только дружескій привѣтъ отъ короля, но и выраженія горячаго интереса и удивленія. Въ Петербургѣ въ бесѣдѣ съ Александромъ великая княгиня и герцогъ Людвигъ впервые высказали мысль о свиданіи, котораго такъ хотѣлъ король. Возвращаясь изъ Петербурга, принцъ и принцесса опять побывали въ Берлинѣ. Снова много веселились, снова король очень ухаживалъ за «прекрасной Еленой». Но было уже и нѣчто очень серьезное. Герцогъ передалъ королю опредѣленное желаніе Александра увидѣться съ королевской четою, которая была отвѣтомъ на первые подходы со стороны Фридриха-Вильгельма. Король поторопился согласиться, объ этомъ началась переписка между нимъ и Александромъ, и свиданіе было назначено на іюнь въ Мемелѣ ³⁾.

Свиданіе было рѣшено такимъ образомъ въ семейномъ кругу, среди родственныхъ привѣтовъ и родственнаго флирта. Возможно, что въ Петербургѣ въ пользу свиданія дѣйствовала и Марія Ѳеодоровна. Нѣтъ ничего страннаго, что Александръ не захотѣлъ открыть своихъ замысловъ Кочубею. Какъ бы онъ ихъ мотивировалъ? Что прусскій кузень — большой его поклонникъ и хочетъ лично выразить ему чувства своего удивленія? Онъ зналъ своего Кочубея, сдержаннаго, холоднаго, осторожнаго, и могъ себѣ представить, какъ бы онъ принялъ это извѣстіе... Прусскіе дипломаты сыграли на тщеславіи Александра, а такъ какъ тутъ была замѣ-

¹⁾ Имп. Александръ, I, 29.

²⁾ См. P. Bailleu, Königin Luise, 135 слѣд.

³⁾ См. Bailleu, Briefwechsel Friedrich Wilhelms III und d. Königin Luise mit Kaiser Alexander, №№ 11, 14, 15, 421, 424.

шана еще и великая княгиня, то очень возможно, что ее рассказы о необыкновенной красотѣ королевы Луизы, отъ которой Елена Павловна была въ восторгѣ, раздражили любопытство Александра и пробудили въ немъ его *fatuité*, желаніе испытать на прекрасной королевѣ свое неотразимое обаяніе,—мотивъ, который еще труднѣе было сдѣлать понятнымъ для Кочубея. Словомъ, можно, повидимому, считать несомнѣннымъ, что Александръ ѣхалъ въ Мемель безъ всякой опредѣленной, политической цѣли, въ то время, какъ прусскаго короля Гаугвицъ и Ломбардъ безжалостно натаскивали именно на политическія темы.

А королева? Она знала, что на нее возлагается отвѣтственная миссія — содѣйствовать сближенію Александра съ королемъ на твердой политической почвѣ, и относилась къ своей задачѣ съ полнымъ сознаниемъ ее важности. Но въ то же время она должна была быть полна и другими чувствами, увѣренная въ своей всепокоряющей красотѣ, знающая, какъ эта красота дѣйствуетъ на всѣхъ окружающихъ, остававшаяся въ душѣ такой же веселой кокеткой, какою была въ семнадцать лѣтъ. Кокетство ея, къ тому же, было особаго, очень опаснаго вида, того самаго, о которомъ говорила г-жа Сталь: «Когда кокетничаютъ нѣмецкія женщины, онѣ кокетничаютъ съ энтузіазмомъ; французскія женщины пропитываютъ свое кокетство умомъ и шуткой» ¹⁾. Опасность этого національнаго нѣмецкаго вида — въ томъ, что «энтузіазмъ» скоро увлекаетъ женщинъ за рамки простого кокетства и производитъ настоящія опустошенія въ сердцахъ. Луиза не предчувствовала, вѣроятно, что съ ней случится что-нибудь подобное. Но, она была заинтересована. Она, конечно, слышала, что Александръ красивъ, рыцарски-плѣнителенъ съ дамами, весь полонъ очарованія. Едва ли она подѣзжала къ Мемелю безъ радостнаго и трепетнаго любопытства.

Александръ пріѣхалъ въ Мемель 10 іюня и уѣхалъ 16-го. Оба монарха были очень заняты смотрами и парадами, много времени посвятили совѣщаніямъ наединѣ на политическія темы ²⁾. Но большую часть времени проводили въ семейномъ кругу. Луиза разливала чай. Шла непринужденная бесѣда. Александръ острилъ насчетъ ухаживанія короля за Еленой Павловной, король наме-

¹⁾ См. красивый французскій этюдъ о Луизѣ у M. Paléologue, *Profils de femmes*.

²⁾ Какихъ-нибудь точно опредѣленныхъ вопросовъ, повидимому, не касались. Трейчке, который видѣлъ много неопубликованныхъ документовъ, говоритъ (*Deutsch Gesch.* I, 179—180), что бесѣды касались общей опасности со стороны Франціи, при чемъ оба друга клялись во взаимной вѣрности. Сорель (VI, 236) предполагаетъ, что у Александра уже тогда шевелились въ душѣ планы насчетъ гегемоніи въ Европѣ и объ объединеніи Польши подъ властью Россіи. Ломбардъ въ письмѣ къ Луккезини («*Preus. und Frankreich*», II, 103) предвидитъ самыя счастливыя послѣдствія для Пруссіи отъ свиданія.

каль на какіе-то дорожные романы Александра съ двумя рижскими дамами. Монархи весело пикировались, какъ два обыкновеннѣйшихъ армейскихъ поручика; танцовали, веселились всячески. Неоднократно и подолгу Луиза оставалась съ молодымъ царемъ наединѣ. Разставались со слезами¹⁾. Окружающимъ казалось, что свою политическую задачу Луиза исполнила. Въ письмѣ къ Луккезини Ломбардъ пишетъ: «Вы понимаете, конечно, что чаровница (*l'enchanteresse*) немало содѣйствовала укрѣпленію узъ, соединяющихъ нынѣ обоихъ монарховъ. Это фея, которая все покоряетъ власти своихъ чаръ».

Но бѣдная «фея» сама попала въ сѣти. И этого нужно было ожидать.

Послѣ оборвавшагося такъ рано флирта съ принцемъ Луи-Фердинандомъ она не видѣла вокругъ себя мужчинъ, сколько-нибудь приближавшихся къ ея мечтательному идеалу. Достоинства короля были очень прозаическія и, повидимому, быстро разогнали дѣвичью влюбленность. Къ тому же въ послѣднее время Фридрихъ-Вильгельмъ началъ обнаруживать большой интересъ и къ другимъ дамамъ²⁾.

Женщины, какъ Луиза, избалованныя поклоненіемъ, привыкшія ежедневно слышать восторженные гимны своей красотѣ, очень требовательны къ человѣку, которому онѣ принадлежать. Въ нихъ какая-то особенно обостренная ревность. Оказывать вниманіе другимъ могутъ, по ихъ мнѣнію, мужья некрасивыхъ женщинъ, мужья всѣхъ остальныхъ женщинъ, только не ихъ мужья. И малѣйшее уклоненіе отъ рыцарской вѣрности со стороны мужа создаетъ обиды. Въ письмахъ Луизы нигдѣ нѣтъ упоминанія о томъ, что ей непріятны флирты короля. Иногда она даже какъ бы даетъ понять, что разговоры о нихъ только веселятъ ее. Но Луиза была горда и никогда никому не призналась бы, что она обижена. Она, «вѣнценосная Афродита!» Развѣ можетъ быть ей страшно какое бы то ни было соперничество? Но едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что обида сидѣла въ ея груди, когда она ѣхала въ Мемель. Замѣтилъ это Александръ или нѣтъ, мы не знаемъ. Но онъ, несомнѣнно, замѣтилъ другое: восторженную душу Луизы и вспышки веселаго кокетства, загоравшіеся въ синихъ глазахъ королевы. Несмотря на молодость, Александръ имѣлъ опытъ въ уловленіи женскихъ сердецъ, и тутъ онъ пустилъ въ ходъ все: пламенную мечтательность, которая выходила у него такой естественной, хотя никогда не была искренней, желаніе послужить идеаламъ человѣчности, пылкое стремленіе къ славѣ, намѣреніе стать на защиту «угнетенной» Европѣ, готовность каж-

¹⁾ Подробный рассказъ въ мемельскомъ Дневникѣ Луизы, напечатанномъ Балье въ «*Briefwechsel König Friedrich, Wilhelm's III und der Königin Luise mit Kaiser Alexander*» (тоже въ «*Publ. aus d. Kön. Preuss. Staatsarchiven*», I.XXV), стр. 531 и слѣд.

²⁾ *Briefwechsel*, 535.

дый моментъ спѣшить на помощь послѣднимъ изъ послѣднихъ, забывъ о своемъ высокомъ санѣ, повинуюсь только чувству гуманности ¹⁾. Это была тонкая игра со стороны «прельстителя». Она достигла цѣли. Луиза по настоящему влюбилась въ Александра. Уже мѣсяць спустя послѣ его отъѣзда въ письмѣ ея къ брату мы находимъ настоящую осанну Александру. Братъ ей писалъ о своей поѣздкѣ по Альпамъ и, очевидно, очень восторгался природою. Луиза отвѣчала ²⁾: «Я не видѣла никакихъ Альпъ, но я видѣла людей или лучше сказать *человѣка* въ полномъ смыслѣ этого слова, который воспитанъ альпійскимъ жителемъ, и знакомство съ которымъ дороже мнѣ, чѣмъ всѣ Альпы міра. Ибо Альпы не могутъ ничего дѣлать, а онъ дѣйствуетъ, распространяетъ вокругъ себя счастье и благословеніе каждымъ своимъ рѣшеніемъ. Каждый его взглядъ создаетъ кругомъ счастливыхъ, людей осчастливленныхъ его милостями (Huld), его небесной добротой. Что я говорю объ императорѣ, о единственномъ Александрѣ, ты, конечно, понялъ съ первыхъ же словъ. Милый Георгъ! Ахъ, какъ дорого, какъ дорого мнѣ это знакомство! Ни одно слово, которое говорятъ въ похвалу ему, не можетъ звучать лестью, ибо онъ заслуживаетъ всего хорошаго, что только можно сказать!..» Самому Александру Луиза писала письма, полныя грусти. На другой день послѣ его отъѣзда, 17 іюня, она воспользовалась отправкой курьера, чтобы спѣшно нацарапать нѣсколько строкъ ³⁾: «Я тщетно буду стараться изобразить вамъ горе, въ которое повергъ меня вашъ отъѣздъ. Онъ былъ ужасенъ. Только надежда увидѣть В. И. В. черезъ два года нѣсколько утѣшила меня»... Въ томъ же тонѣ было написано и слѣдующее сохранившееся письмо отъ 31 іюля ⁴⁾. Луиза явно тосковала.

III.

Каковы были настоящія чувства Александра къ Луизѣ? Нужно думать, что прекрасная королева нравилась ему, что его самолюбію было пріятно вспыхнувшее въ ней увлеченіе. Онъ дѣлалъ

¹⁾ Въ «Дневникѣ» Луиза рассказываетъ такой случай. «Быль конченъ одинъ изъ танцевъ; императоръ отдыхать, сидя рядомъ со мною, мы разговаривали. Вдругъ всѣ устремились къ окнамъ, спрашивали, въ чемъ дѣло, говорятъ кто-то утонулъ. Какъ вѣтеръ, Александръ бросился внизъ, чтобы помочь. Это былъ маленькій мальчикъ, котораго уже успѣли вытащить изъ воды. Я вижу въ окно, какъ императоръ возвращается съ мальчикомъ восьми или девяти лѣтъ на рукахъ. Войдя, онъ самъ далъ ему чаю, который тотъ пьетъ съ удовольствіемъ. И приходитъ ко мнѣ, какъ будто ничего не случилось. Я ему говорю о томъ, какъ онъ добръ, какъ я растрогана. «Всякій сдѣлалъ бы это на моемъ мѣстѣ», отвѣчаетъ онъ. «Briefwechsel», 535.

²⁾ «Briefwech». 537, отъ 13 іюля 1802 г.

³⁾ «Briefwech». 449.

⁴⁾ Тамъ же, 450.

все, что умѣлъ, для поддержанія его. Но, кажется, глубоко задѣтъ онъ не былъ. У Александра вообще было странное отношеніе къ женщинамъ. Онъ любилъ побѣды, но пользовался ими рѣдко ¹⁾. Въ его жаждѣ успѣховъ у женщинъ было больше тщеславія, чѣмъ темперамента ²⁾. Такъ было и здѣсь. Тогда чѣмъ объяснить эту жестокую игру? Потому что, повторяемъ, Александръ не упустилъ ни одного средства, чтобы покорить сердце Луизы. Опять передъ нами трудный вопросъ, въ которомъ разобраться можно только догадками, такъ какъ прямыхъ указаній не имѣется.

Когда въ іюнѣ 1802 года Александръ покинулъ Полангенъ и внезапно перешелъ границу Пруссіи, направляясь въ Мемель, его совѣтники по иностраннымъ дѣламъ, были очень недовольны. Александръ съ ними не посовѣтовался и потомъ едва держалъ ихъ, особенно Кочубея, который его сопровождалъ, въ курсѣ своихъ бесѣдъ съ королемъ. Впослѣдствіи Чарторыжскій напоминалъ Александру о мемельской поѣздкѣ, которую считалъ однимъ изъ его капризовъ. Онъ писалъ царю въ апрѣлѣ 1806 г. ³⁾: «Тѣсная дружба, которая завязалась въ теченіе нѣсколькихъ дней у В. В. съ королемъ, была причиною, что В. В. перестали смотрѣть на Пруссію, какъ на политическую единицу, а видѣли въ ней личность, которая Вамъ была дорога и по отношенію къ которой В. В. считали себя связаннымъ особыми обязательствами».

Такъ же, какъ и в. к. Николаю Михайловичу, намъ кажется, что Чарторыжскій ошибался, думая и намекая, что привязанность

¹⁾ См. мою статью «Александръ и Наполеонъ» въ сборникѣ «Война и Миръ» подъ ред. В. П. Обнинскаго и Т. И. Польштера изд. Т-ва «Задруга».

²⁾ Эту особенность Александра отмѣчали многіе. Именно по поводу Мемеля Чарторыжскій (Мемуары, пер. под. ред. А. А. Кизеветтера) говоритъ: «Со времени этого перваго свиданія русскаго императора съ прусскою королевой, началось ихъ «платоническое кокетничанье». Такого рода отношенія особенно нравились Александру, и онъ всегда былъ готовъ посвящать имъ немало времени. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ добродѣтели дамъ, которыми интересовался монархъ, угрожала дѣйствительная опасность». Не было недостатка и въ попыткахъ объяснить это свойство Александра. Э. М. Арндтъ, долго жившій въ Петербургѣ въ 1812 г. и вращавшійся въ аристократическихъ салонахъ, пишетъ («Meine Wanderungen und Wandelungen mit Reichsfreiherrn F. vom Stein», изд. Гердса, стр. 72 — 73): «Было извѣстно, что въ Россіи, позднѣе въ Германіи и Франціи, Александръ усердно ухаживалъ за всякой смазливой дамочкой въ салонахъ. Придворные врачи говорили по этому поводу, что все это — одна видимость, совершенно безопасная, что мужья могли безъ всякой тревоги позволять ему увиваться вокругъ своихъ женъ... «Почемъ я знаю?» прибавляетъ Арндтъ. «Но такіе намеки врачей и людей знающихъ указываютъ на нѣчто, что помогаетъ понять и политическую роль, которую въ нѣкоторыхъ случаяхъ игралъ Александръ или которую его заставляли играть». Послѣднія слова Арндта, довольно темныя, приводимъ потому, что чувствуется въ нихъ какой-то намекъ на событія 1805 года, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

³⁾ Цит. у В. К. Николая Михайловича «Имп. Александръ», I, 29.

къ Луизѣ играла здѣсь какую-то роль. Она была ни при чемъ. Поведеніе Александра въ Мемелѣ станетъ понятно, только если мы сопоставимъ его съ предыдущими и послѣдующими дипломатическими отношеніями между Россіей и Пруссіей.

Въ 1802 году Александръ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что союзъ его съ Франціей, къ которому шелъ Павелъ, опасенъ. Опасенъ, быть-можетъ, не для Россіи, но несомнѣнно для него самого, такъ какъ онъ вызывалъ самое энергичное противодѣйствіе среди дворянства. Естественно, что отказываясь отъ союза съ республикою, онъ долженъ былъ искать союзниковъ иныхъ. Пруссія подверглась какъ нельзя болѣе кстати, и Александру важно было заручиться дружбою короля. Бдучи въ Мемель, какъ мы указывали, онъ не имѣлъ опредѣленныхъ плановъ. Ему нужно было произвести рекогносцировку, узнать людей, на которыхъ онъ хотѣлъ дѣйствовать, ихъ слабыя стороны, ихъ мѣста наименьшаго сопротивленія. Это ему удалось. Картина придворныхъ отношеній выяснилась для него. Онъ рѣшилъ, что ключъ позиціи—королева. И задумалъ завоевать королеву.

Для Александра его наблюденія не представляли новости. Три года назадъ во время войны русско-австрійской коалиціи противъ Франціи русскій посолъ въ Берлинѣ графъ Н. П. Панинъ, видя, какое вліяніе на короля имѣетъ Луиза, пробовалъ использовать его для политическихъ цѣлей. Онъ писалъ въ Петербургъ ¹⁾, что, по его мнѣнію, было бы весьма полезно, если бы императрица Марія Ѳеодоровна, какъ родственница прусской королевской семьи, завязала съ Луизою интимную переписку, чтобы черезъ нее подѣйствовать на короля и побудить его примкнуть къ коалиціи. По причинамъ, которыя не вполне ясны, переписка не состоялась. Но наблюденіе опытнаго дипломата о вліяніи королевы на короля забыто не было. Марія Ѳеодоровна не могла о немъ не знать. И такъ какъ поѣздка Александра въ Мемель рѣшалась въ семейномъ кругу, императрица-мать могла напомнить Александру о панинскихъ проектахъ. То, что царь увидѣлъ въ Мемелѣ, очень совпадало съ тѣмъ, что онъ зналъ раньше. Стараясь покорить Луизу, онъ думалъ не о флиртѣ, а о томъ, чтобы сдѣлать самага вліятельнаго человѣка у прусскаго трона слѣпо-преданнымъ себѣ, т.-е. интересамъ русскаго правительства.

Въ какой мѣрѣ наблюденія Панина и Александра отвѣчали дѣйствительному положенію дѣлъ? Какова была настоящая политическая роль Луизы? Въ 1799 году Луиза стояла совсѣмъ въ сторонѣ отъ политики. Она была цѣликомъ занята своими балами и своими дѣтьми. Въ этомъ очень быстро убѣдился самъ Панинъ ²⁾.

¹⁾ Bailleu, Königin Luise, 104.

²⁾ Bailleu, тамъ же, 104.

Но уже въ 1801 году, когда шелъ вопросъ о занятіи Пруссіей Ганновера, Луиза была освѣдомлена о рѣшеніяхъ и предположеніяхъ короля ¹⁾. Въ 1802 году ея вліяніе, несомнѣнно, еще возросло. А послѣ Мемеля она старалась стать ближе къ дѣламъ уже отъ одного желанія быть пріятной Александру.

Такъ, дипломатъ, который съ молодыхъ лѣтъ сидѣлъ въ Александрѣ, одержалъ въ Мемелѣ свою первую серьезную побѣду. Луиза предлагала ему свое сердце, а онъ велъ политическій флиртъ, увѣренный, что ему скоро придется воспользоваться его плодами. Фридрихъ-Вильгельмъ тоже былъ доволенъ результатами мемельскаго свиданія. Договоръ о земельныхъ приращеніяхъ Пруссіи былъ ратификованъ Александромъ безъ малѣйшихъ затрудненій. О будущемъ король пока не думалъ. Что касается до отношеній жены къ русскому императору, то онъ зналъ, что они «чисты и благородны».

Политическая атмосфера, царившая въ Европѣ, едва ли очень располагала къ оптимизму. Правда, уже въ мартѣ былъ заключенъ миръ Франціи съ Англіей (Амьенскій миръ), и казалось, что Европа можетъ успокоиться. Но это только казалось. И Бонапартъ, и Питтъ это великолѣпно понимали. Быть-можетъ, чувствовали это и Александръ. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ далекъ отъ этихъ мыслей. Онъ твердо вѣрилъ, что его дипломатическій девизъ — не нарушать мира ни въ какомъ случаѣ — отлично устраиваетъ прусскія дѣла. Его совѣтники Гаугвицъ, Ломбардъ, Луккезини были настроены въ пользу Франціи и давали Талейрану усыпить себя. А сами эти совѣтники совсѣмъ не понимали, въ чемъ нервъ грядущихъ перемѣнъ.

Экономическое соперничество французской и англійской буржуазіи Амьенскимъ миромъ устранено не было. Наоборотъ, миръ только еще ярче подчеркнул всю непримиримость интересовъ Франціи и Англіи при существовавшихъ условіяхъ. И эти четырнадцать мѣсяцевъ мира были, въ сущности, рядомъ отчаянныхъ попытокъ соблюсти Амьенскія условія. Столкновенія происходили на каждомъ шагу, и, въ концѣ-концовъ, въ маѣ 1803 г., разрывъ произошелъ. Снова Франція и Англія въ полномъ вооруженіи стали другъ противъ друга, и ни одна не могла нанести другой рѣшающаго удара. Но такъ какъ экономическое соперничество громко требовало положительныхъ мѣропріятій, ни Англія, ни Франція не могли сидѣть сложа руки. Для континентальныхъ державъ Европы опасность заключалась въ томъ, что, не будучи въ состояніи достать Англію за моремъ, Бонапартъ долженъ былъ

¹⁾ Baillet, тамъ же, 134. Спеціальныя посланцы изъ Ганновера просили ее вмѣшаться, чтобы устранить предполагаемую оккупацию. О томъ же хлопоталъ у нея ея отецъ. Луиза твердо отвѣчала, что оккупация королевѣ рѣшена.

боротся съ ней на континентѣ, и слѣдовательно вовлечь въ конфликтъ и другія державы. Англія, со своей стороны, безсильная противъ Франціи на континентѣ, естественно, должна была искать союзниковъ. Была, однако, еще одна причина, которая неудержимо вовлекала въ конфликтъ съ Франціей какъ Австрію, такъ и Пруссію. Англійская эскадра стерегла море и блокировала французскіе порты. Французскимъ фабрикатамъ, слѣдовательно, нужно было расширять сухопутный рынокъ. Онъ былъ, правда, достаточно обширенъ: Люневильскій миръ широко раздвинулъ границы республики. Но у этихъ границъ стояли два протекціонистскихъ барьера, закрывающихъ путь для французскихъ товаровъ на востокъ: Австрія и Пруссія. Это не могло такъ продолжаться.

Словомъ, причинъ для безпокойства въ Европѣ было много. Нужно было имѣть глаза, чтобы ихъ видѣть. А глаза были открыты не у всѣхъ. Прусскій король упорно держалъ ихъ закрытыми, а его совѣтники, быть-можетъ, не совсѣмъ безкорыстно, не старались открыть ихъ ему. Александръ, несомнѣнно, предчувствовалъ необходимость взяться за оружіе, но онъ хотѣлъ сначала разобраться, какъ слѣдуетъ, въ положеніи. Этимъ было вызвано предложеніе съ его стороны посредничества, затѣя явно не могущая рассчитывать на успѣхъ, но удобная тѣмъ, что съ ея помощью выигрывалось время. Дѣйствительно, переговоры о посредничествѣ наполнили лѣтніе мѣсяцы 1803 года ¹⁾. Потомъ событія пошли быстрѣе: заговоръ Кадудаля, процессъ Моро, судъ надъ герцогомъ Ангьенскимъ и его разстрѣлъ, провозглашеніе имперіи. Дѣйствія Наполеона начинали казаться Александру тревожными. А такъ какъ все личное у царя всегда играло доминирующую роль, то умышленно грубый намекъ Наполеона на его участіе въ убійствѣ отца, окончательно возстановилъ его противъ новаго императора. Разрывъ съ Франціей совершился. Новосильцевъ поѣхалъ въ Лондонъ. Это было въ сентябрѣ 1804 года. Настала пора утилизировать мемельскія отношенія.

IV.

Въ это время вообще складывались взгляды Александра на вопросы внѣшней политики и складывались подъ очень сильнымъ вліяніемъ Чарторыжскаго. Если въ іюнѣ 1802 года у царя была только одна честолюбивая юношеская мечта — освободить Европу отъ «ига», то теперь началъ вырисовываться опредѣленный планъ. Польша въ этомъ планѣ занимала очень замѣтное мѣсто. Поэтому отношенія къ Пруссіи, которой принадлежала наиболѣе значительная часть территоріи Рѣчи Посполитой, требовали очень большой

¹⁾ Sorel, VI, 314 слѣд.

деликатности. Пруссія, нечувствительно дѣлалась узломъ дипломатическихъ отношеній.

Вѣроятность войны между Франціей, съ одной стороны, Россіей и Англіей, съ другой, становилась тѣмъ временемъ все больше и больше, и Пруссія уже по одному своему географическому положенію пріобрѣтала огромное значеніе. Обѣ стороны старались наперерывъ привлечь Пруссію къ себѣ.

Наполеонъ отлично зналъ, что съ русской стороны будутъ дѣйствовать весьма энергично, и онъ очень заблаговременно началъ работать для противодѣйствія русскому вліянію. У него въ рукахъ былъ одинъ очень крупный козырь, Ганноверъ, который онъ предлагалъ Пруссіи, какъ даръ за союзъ. Уже въ мартѣ 1803 года онъ присылалъ съ этимъ предложеніемъ Дюрока въ Берлинъ. Прусскихъ политиковъ очень соблазняла перспектива получить Ганноверъ, и они очень энергично старались склонить короля въ пользу Франціи. Но переговоры долго не приводили къ видимымъ результатамъ. Король, по обыкновенію, колебался; къ тому же онъ опасался принимать важное рѣшеніе, не узнавъ мнѣнія Россіи. Сказывались мемельскія совѣщанія. Секретные переговоры съ Россіей тянулись все время. Въ запискѣ, составленной Гаугвицемъ и въ инструкціяхъ министрамъ, набросанныхъ королемъ (обѣ въ серединѣ февраля 1804 года ¹⁾), проводится мысль, что необходимо затягивать переговоры съ Франціей, пока не выяснятся намѣренія Россіи. Союзъ, въ концѣ-концовъ, не состоялся, потому что Россія объявила, что не признаетъ присоединенія Ганновера.

Для насъ самое любопытно въ всѣхъ этихъ дипломатическихъ зигзагахъ то, какъ смотрѣли обѣ стороны на роль королевы Луизы. У Наполеона, несомнѣнно, были очень вѣскія указанія на то, что королева является дѣятельнымъ проводникомъ русскаго вліянія. И онъ всячески старался воздѣйствовать на нее. Въ іюлѣ 1803 года Жозефина написала Луизѣ очень милое письмо ²⁾, и послала ей въ подарокъ шляпы изъ Парижа и брюссельскія кружева. Но Луизу трудно было сбить. Она не забывала Мемеля. А тутъ случилось еще событіе, которое вообще набросило на Наполеона мрачную тѣнь въ глазахъ всѣхъ монархическихъ элементовъ Европы — казнь герцога Ангьенскаго (21 марта 1804). Она какъ бы объединила легитимныхъ государей Европы въ ненависти противъ «исчадія революціи». Александръ утилизировалъ и Венсенскую трагедію въ свою пользу, а Луиза ему помогла. Сначала при прусскомъ дворѣ были только огорчены и возмущены, но въ началѣ мая получилась вѣсть о томъ, что Александръ объявилъ придворный трауръ по герцогѣ. Луиза сейчасъ же рѣшила

¹⁾ «Preussen und Frankreich», 243—245.

²⁾ Bailleu, Kön. Luise, 143.

послѣдовать примѣру Петербурга и почти уговорила короля. «Королевѣ, писалъ Гарденбергу Ломбардъ ¹⁾, до-смерти хочется облечься въ трауръ по герцогѣ Энгьенскомъ». Гарденбергъ, который только что вступилъ въ управление министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, сумѣлъ удержать короля. Но какъ разъ къ этому времени выяснились предложенія Россіи, и король, уступая частью настояніямъ королевы ²⁾, подписалъ соглашеніе съ Россіей, почти равное союзу. Это было сдѣлано подъ большимъ секретомъ, 24 мая, и Наполеону оставалось неизвѣстнымъ.

Отношенія между Франціей и Пруссіей оставались дружественными. 28 іюля король очень тепло поздравилъ Наполеона съ императорскимъ титуломъ ³⁾.

Пруссіе министры въ очень спокойныхъ выраженіяхъ отвѣчали Талейрану на его вопросъ, пропустить ли Пруссія русскія войска черезъ свою территорію, и отвѣчали отрицательно. Вопросъ о Ганноверѣ тоже не считался окончательно похороненнымъ. Что касается казни герцога Энгьенскаго, то Наполеонъ чувствовалъ, что она не будетъ ему прощена, и придумалъ еще одинъ способъ, чтобы подогрѣть остывавшія франко-прусскія отношенія. Онъ предложилъ королю принять императорскій титулъ. Луизу очень соблазняло стать императрицей ⁴⁾, но короля убѣдили, что принять императорскую корону изъ рукъ Наполеона было бы позоромъ для Пруссіи, и сдѣлка снова расклеилась. Дѣла Франціи не двигались при берлинскомъ дворѣ, въ то время, какъ Александръ, благодаря Луизѣ, имѣлъ тамъ твердую почву подъ ногами и смѣлъ могъ рѣшиться на разрывъ съ Наполеономъ. Онъ и рѣшился, хотя формально послы получили свои паспорта значительно позднѣе, въ октябрѣ. Въ октябрѣ же бурность Наполеона едва не привела его и къ разрыву съ Пруссіей: произошелъ злополучный инцидентъ съ похищеніемъ англійскаго резидента въ Гамбургѣ Рэмболда, который не вызвалъ нападенія Пруссіи на Францію, только благодаря миролюбію короля, уладившаго дѣло путемъ личнаго письма къ Наполеону.

¹⁾ «Preuss. und Frankreich, 261 — 262. Былъ еще одинъ эпизодъ, мало выясненный, но показывающій съ несомнѣнностью, что Луиза въ угоду Александру дѣятельно работала противъ Наполеона. Среди ея давнихъ знакомыхъ (съ первыхъ годовъ замужества) былъ французскій эмигрантъ Фошъ-Борель, агентъ Бурбоновъ. Она раньше была съ нимъ въ сношеніяхъ, но въ 1804 и 1805 годахъ эти сношенія сдѣлались очень интенсивными. Фошъ-Борель общается въ своихъ мемуарахъ фразу Луизы, сказанную ему во время аудіенціи: «Да, г. Фошъ. Мы вамъ поможемъ. Вы хорошо устроите здѣсь свои дѣла. Мы вамъ поможемъ». См. объ этомъ эпизодѣ Bonnal de Ganges, «La Reine Louise de Prusse», 1891, стр. 121 и слѣд.

²⁾ Sorel, VI, 377.

³⁾ Preuss. und Frankreich, 273.

⁴⁾ Донесеніе Лафоре Талейрану. Preuss. und Frankreich, 297.

Но атмосфера оставалась сгущенной, и 7 ноября Александръ подписать соглашеніе съ Австріей. Новосильцевъ успѣшно велъ переговоры въ Лондонѣ. Окончательно англо-русскій союзный договоръ былъ подписанъ спустя долгое время, 11 апрѣля 1805 года. 9 августа того же года, къ нему примкнула Австрія, одновременно подписавшая военную конвенцію съ Россіей.

До разрыва Англіи съ Россіей содѣйствіе Пруссіи не было столь важно для Наполеона. Когда разрывъ совершился, Пруссія получила для него сразу огромный вѣсъ. 8 августа французскій посоль Лафоре снова предложилъ Ганноверъ на условіи заключенія союза. Но король и тутъ не захотѣлъ нарушить своего нейтралитета. Труднѣе, чѣмъ съ Франціей было разговаривать съ Александромъ. Александру необходимо было притянуть Пруссію къ союзу и заставить подписать договоръ 11 апрѣля. Вопросъ этотъ имѣлъ не только теоретическое значеніе. При нейтралитетѣ Пруссіи маршъ русскихъ войскъ на соединеніе съ австрійскими представлялъ очень большія трудности. Чарторыжскій ничего не имѣлъ противъ того, чтобы пройти черезъ прусскія земли, не спрашивая разрѣшенія: онъ зналъ, что прусская армія находится на мирномъ составѣ. Александръ былъ осторожнѣе. Онъ понималъ, что это вещь опасная. И онъ пытался достигнуть цѣли путемъ переговоровъ. 19-го царь писалъ Фридриху-Вильгельму, приглашая его вступить въ союзъ противъ Франціи, а 4 сентября уже прямо требовалъ разрѣшенія пройти съ войскомъ черезъ прусскія земли.

Фридриха-Вильгельма стѣсняли и даже оскорбляли назойливыя приставанія Россіи. Ему казалось, что они задѣваютъ его право принимать самостоятельныя рѣшенія. Онъ отклонилъ какъ французскія предложенія, такъ и требованія Александра. 6-го онъ отправилъ царю свой отвѣтъ, а 7-го былъ изданъ приказъ о мобилизаціи 80,000 чел., а черезъ 10 дней — остальной арміи: формально противъ Франціи, фактически противъ Россіи ¹⁾. Тогда Александръ рѣшилъ прибѣгнуть къ тому средству, которое ему всегда помогало: онъ предложилъ личное свиданіе. Королю не хотѣлось встрѣчаться съ Александромъ и онъ отвѣчалъ сначала довольно уклончиво, ссылаясь на дѣла и соглашаясь съ большой оговоркой, но категорически отказать не рѣшался. 4 окт. пріѣхалъ кн. П. П. Долгоруковъ, котораго король принялъ 6-го и которому вновь отказалъ въ разрѣшеніи пропустить русскія войска черезъ Пруссію. Но въ тотъ же день король узналъ о фактѣ, который сразу сбилъ его съ его миролюбивой позиціи; то былъ проходъ французовъ и ихъ союзниковъ-баварцевъ черезъ владѣнія Пруссіи въ Анспахѣ. Король былъ внѣ себя. 13-го Долгоруковъ поѣхалъ назадъ съ письмомъ, въ которомъ Фридрихъ-

¹⁾ «Briefwechsel», письма подъ №№ 68, 69 и 70.

Вильгельмъ соглашался пропустить русскую армію, но просилъ отложить личное свиданіе. Ему трудно было преодолѣть, создавшееся у него въ послѣднее время предубѣжденіе противъ Александра. Отсрочка была непріятна его совѣтникамъ, а въ женской половинѣ дворца, видимо, вызвала большое негодованіе. У насъ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ объ отношеніи Луизы къ этому вопросу, но мы можемъ догадываться объ ея настроеніи по тому, что ея пріятельница, графиня Фоссъ, весьма непочтительно сравниваетъ короля за его упрямство съ муломъ. Нужно было очень много, чтобы корректнѣйшая оберъ-гофмейстерина занесла въ свой дневникъ такое нехорошее слово. Александръ не обратилъ вниманія на просьбу объ отсрочкѣ. 19-го онъ отправилъ королю письмо, гдѣ извѣщалъ, что 25-го будетъ въ Берлинѣ. «Нужно ковать желѣзо, пока оно горячо», говорилъ онъ окружающимъ. Въ назначенный день онъ пріѣхалъ. Среди обычныхъ высочайшихъ развлеченій, баловъ, парадовъ, осмотровъ всякихъ достопримѣчательностей, шли переговоры о союзѣ и объ условіяхъ вступленія Пруссіи въ коалицію. 3 ноября договоръ былъ подписанъ, но для выигрыша времени рѣшено предъявить ультиматумъ Пруссіи Наполеону черезъ четыре недѣли. А ровно черезъ четыре недѣли былъ день (2 дек.) Аустерлица.

Что дѣлала и что чувствовала королева во время пребыванія Александра въ Берлинѣ? Она попрежнему была во власти оболъщенія ¹⁾. Три съ половиной года она берегла и дѣлѣяла образъ Александра въ своемъ экзальтированномъ воображеніи. Три съ половиной года жила мыслью увидѣть его вновь. И когда Александръ пріѣхалъ, страсть Луизы дошла до того, что она не всегда могла владѣть собою. Въ Потсдамѣ, какъ и въ Мемелѣ, королева часто оставалась наединѣ съ «кузеномъ», и, если мы вѣрно понимаемъ нѣкоторыя позднѣйшія письма, Александру приходилось останавливать пылкую королеву.

Вотъ что писала Луиза царю 13 августа 1806 года ²⁾:

«Герцогиня Курляндская на седьмомъ небѣ отъ вашего посѣщенія. Если бы вы когда-нибудь посѣтили и меня! Должна ли я признаться вамъ въ своей слабости! Вѣдь всѣ военныя приготовленія... Нѣтъ, я не рѣшаюсь кончить... Но я думала, что все это дастъ мнѣ счастье вновь увидѣть васъ,—счастье, о которомъ я перестала мечтать. Я сдѣлалась теперь, когда мнѣ уже 30 лѣтъ, такой разсудительной. Я вполнѣ *разсудительная* особа, и увѣряю васъ, вы будете вполнѣ довольны мною. Чтобы убѣдиться въ этомъ, пріѣзжайте сюда, и вы повѣрите...»

¹⁾ Балье (Kön. Luise. 162) утверждаетъ, что она начала именно теперь разгадывать Александра. Ничто не подтверждаетъ такого взгляда.

²⁾ «Briefwechsel», № 455, стр. 459.

Письмо написано въ то время, какъ Пруссія лихорадочно готовилась къ борьбѣ съ Наполеономъ. Королева не только признается, робко, какъ влюбленная шестнадцатилѣтняя дѣвушка, — что военныя дѣла имѣютъ для нея лишь тотъ смыслъ, что могутъ опять призвать Александра въ Берлинъ. Мѣшая шутку и серьезное, она намекаетъ ему на какіе-то, очевидно, имъ двоимъ только извѣстные факты. Слово «разсудительная» подчеркнуто. Оно повторено дважды и за нимъ слѣдуетъ обѣщаніе: «вы будете мною довольны». Значитъ, въ послѣднюю встрѣчу, г.-е. передъ Аустерлицемъ, Луиза не была «разсудительной», и Александръ былъ отсутствіемъ «разсудительности» недоволенъ. Таковъ, кажется, ключъ къ секретамъ потсдамскихъ *unter vier Augen*. Это подтверждается и съ другой стороны.

Къ Потсдамскимъ днямъ 1805 года относятся, очевидно, и нескромныя припоминанія Чарторыжскаго: «Послѣ одного изъ свиданій съ прусскимъ дворомъ императоръ, въ то время сильно увлекавшійся кѣмъ-то другимъ, рассказывалъ мнѣ, что былъ серьезно встревоженъ расположеніемъ комнатъ, смежныхъ съ его опочивальней и что на ночь онъ запираетъ дверь на два замка изъ боязни, чтобы его не застали врасплохъ и не подвергли бы слишкомъ опасному искушенію, котораго онъ желалъ избѣжать. Онъ даже высказалъ это обѣимъ принцессамъ, при чемъ былъ болѣе откровененъ, нежели учтивъ и любезенъ» ¹⁾. Все это какъ нельзя больше подходитъ къ намекамъ письма.

Александръ весь тутъ: холодный, расчетливый, думающій только о томъ, чтобы поскорѣе привлечь короля къ союзу... Въ промежуткахъ между бесѣдами съ Гарденбергомъ и Меттернихомъ онъ продолжалъ кокетничать съ Луизой, говоря о высокихъ матеріяхъ, изображая рыцаря. А когда обольщенная словами женщина тянулась къ нему вся, отстранялся, не умѣя отвѣчать на ласки, недовольный. Изъ политическаго флирта онъ не хотѣлъ или не могъ сдѣлать красиваго романа.

Каковы были причины, заставлявшія Александра играть мало свойственную ему роль Іосифа Прекраснаго? Тѣ ли, на которыя указываетъ Чарторижскій, или тѣ, о которыхъ въ 1812 году будетъ говорить Арндтъ? Мы не знаемъ и, вѣроятно, не узнаемъ ²⁾. Ясно одно, что Александръ своими ухаживаніями добивался только

¹⁾ Мемуары князя Адама Чарторыжскаго, пер. под. ред. А. А. Кизеветтера, т. I, стр. 260. «Обѣ принцессы» — Луиза и Фредерика. Въ Мемелѣ въ 1802 г. Фридрики не было и Александръ жилъ отдѣльно. Поэтому естественно отнести эти строки къ Потсдаму.

²⁾ Поиски за новыми письмами Александра къ Луизѣ и Луизы къ Александру, предприняты Паулемъ Балъе въ Парижѣ, гдѣ онъ предполагалъ ихъ существованіе въ Нац. Архивѣ, и въ Петербургѣ, гдѣ онъ искалъ ихъ съ помощью в. к. Николая Михайловича, не привели ни къ какимъ результатамъ.

одной цѣли, политической. И все-таки, повидимому, не былъ увѣренъ, что добился. Онъ чувствовалъ, что король недостаточно твердъ и придумалъ — на такія вещи онъ былъ мастеръ — патетическую, хотя и немного лубочную, сцену прощанія у гроба Фридриха Великаго ¹⁾. Передъ отъѣздомъ Александръ выразилъ желаніе взглянуть на гробницу короля - героя. Онъ, король и королева, втроемъ спустились въ Гарнизонную церковь, сырую и мрачную, которую едва успѣли освѣтить. Фридрихъ-Вильгельмъ остался у порога. Александръ объ руку съ Луизой подошелъ къ гробницѣ и благоговѣйно къ ней приложился. Потомъ молча вышли. Царь обнялъ обоихъ, вскочилъ въ карету и уѣхалъ. Это было 4 ноября.

Для публики, для окружающихъ, для всего свѣта, отношенія Александра и Луизы, тѣмъ не менѣе, представлялись въ достаточной степени сомнительными. «Королеву нельзя узнать со временъ визита императора Александра», писалъ французскій посланникъ послѣ отъѣзда царя. Не такъ скромнѣе въ выраженіяхъ былъ Наполеонъ. Годъ спустя, 25 октября 1806 года, послѣ разгрома прусской арміи, изъ Потсдама, изъ того самаго дворца, гдѣ Александръ и Луиза предавались «платоническому кокетству», онъ выпустилъ свой 17-й бюллетень. Въ немъ онъ припоминалъ событія предшествовавшаго года. О королевѣ тамъ говорилось: «Съ этого момента (посѣщенія Александра) королева оставила серьезныя заботы о туалетахъ, чтобы вмѣшаться въ государственныя дѣла, вліять на короля и всѣхъ зажигать тѣмъ огнемъ, который горѣлъ въ ней. Здоровая часть прусской націи смотритъ на путешествіе Александра какъ на одно изъ самыхъ большихъ несчастій, постигавшихъ Пруссію...» Упомянувъ затѣмъ о «знаменитой» клятвѣ у гробницы Фридриха II, бюллетень продолжаетъ: «черезъ два дня послѣ свиданія оно было изображено на картинкѣ, которую можно видѣть во всѣхъ лавкахъ и которая заставляетъ смѣяться даже мужиковъ. На ней изображены: русскій императоръ, очень красивый, съ нимъ рядомъ королева, а съ другой стороны король, который поднимаетъ руку надъ гробницею Фридриха Великаго. Сама королева, закутанная въ шаль въ родѣ того, какъ лондонскія картинки изображаютъ лэди Гамильтонъ, прижимаетъ руку къ сердцу и смотритъ при этомъ на императора. Невозможно понять, какимъ образомъ берлинская полиція позволила распространять такую злую сатиру» ²⁾.

Намекъ тутъ былъ больше, чѣмъ ясенъ, а сопоставленіе съ лэди Гамильтонъ, дамой, которая отнюдь не отличалась большой супружеской вѣрностью, поясняла этотъ намекъ для самыхъ не-

¹⁾ Эту сцену называютъ клятвою, что не вполне, повидимому, правильно.

²⁾ Corresp. de Napoléon. т. XIII, 11069.

понятливыхъ. Наполеонъ, вѣроятно, зналъ, что въ его инсинуаціяхъ нѣтъ и тѣни правды и, должно-быть, понималъ недопустимость такихъ инсинуацій, но онъ преслѣдовалъ опредѣленную цѣль: убить моральный авторитетъ королевы Луизы, котораго онъ боялся. И, быть-можетъ, кое-какихъ результатовъ онъ добился. Если бы нравственный авторитетъ королевы Луизы стоялъ въ 1806 году такъ же высоко, какъ въ 1813 г., когда ея уже не было въ живыхъ, трудно было бы объяснить то безучастное отношеніе широкихъ народныхъ круговъ къ невзгодамъ королевской семьи, какія несомнѣнно наблюдались въ дни Іены, Штетина, Магдебурга и даже Фридланда.

Въ 1805 году Александръ такъ далеко не заглядывалъ. Его флиртъ имѣлъ въ виду близкія цѣли, и ихъ онъ достигъ. Если, въ концѣ-концовъ, король согласился вступить въ союзъ на тѣхъ условіяхъ, на какихъ это было угодно Александру и Меттерниху,—вліяніе Луизы помогло имъ очень. И уѣзжая, Александръ зналъ, что въ Луизѣ онъ будетъ имѣть вѣрнаго и надежнаго союзника. Насколько король былъ пасмуренъ и жалѣлъ о сдѣланномъ, настолько Луиза со своими дамами были радостны и полны надеждъ. Онѣ обрабатывали Гаугвица передъ его отъѣздомъ въ главную квартиру Наполеона и. уговаривали его быть непреклоннымъ. Онѣ не убрали со стола карты военныхъ дѣйствій, посылали пожеланія побѣдъ «нашему императору», распространяли русскіе бюллетени объ успѣхахъ союзниковъ ¹⁾...

Среди всѣхъ этихъ надеждъ разразился Аустерлица, — и все было перевернуто. Австрія вышла изъ союза, а Россія была разгромлена такъ, что о немедленномъ продолженіи войны не могло быть и рѣчи. Гаугвицъ, вмѣсто того, чтобы говорить Наполеону строгія слова и предъявлять ультиматумъ, неожиданно для себя и для своего короля поздравилъ его съ побѣдой и 15 декабря заключилъ съ нимъ союзъ, получивъ давно желанный Ганноверъ ²⁾. Положеніе измѣнилось кореннымъ образомъ.

Александръ сообразилъ, что въ такой моментъ со стороны Пруссіи было бы верхомъ неблагоразумія объявлять войну Франціи. Ему нужна была прусская помощь, но не теперь, когда онъ самъ не зналъ, что ему дѣлать, а позднѣе, когда онъ оправится. Единоборство Пруссіи съ Наполеономъ могло кончиться только пораженіемъ ея, и тогда Александръ лишился бы союз-

¹⁾ Bailleu, Königin Luise, 164.

²⁾ Игра Наполеона съ неповоротливымъ Гаугвицемъ, который пріѣхалъ къ нему въ лагерь 27 ноября, велась артистически. Марбо (Мем. I, ch. 26) рассказалъ намъ одинъ изъ пріемовъ, при помощи которыхъ Наполеонъ охлаждалъ воинственный пылъ прусскаго дипломата. Немало помучилъ его и Талейранъ въ Вѣнѣ, къ которому императоръ отправлялъ этого опереточнаго дипломата, когда онъ очень надоѣдалъ ему.

ника въ будущемъ. Поэтому онъ писалъ королю ¹⁾, что считаетъ Пруссію свободной отъ обязательствъ по отношенію къ Россіи, но что готовъ всегда поддержать ее, если король этого захочетъ. Настроеніе короля послѣ Аустерлица, конечно, сдѣлалось еще болѣе миролюбивымъ. Онъ надѣялся сговориться съ Наполеономъ по-хорошему. Совсѣмъ другими чувствами была одушевлена Луиза. Аустерлицъ былъ для нея жестокимъ ударомъ. Ея рыцарь, разбитый, бѣжалъ съ поля битвы и теперь спѣшилъ въ Россію. Она плакала горькими слезами и, когда кругомъ эти слезы вызывали удивленіе, старалась скрыть ихъ настоящую причину: «Нужно не быть нѣмкой, чтобы не чувствовать всего этого». Но она не только плакала. Съ упорствомъ влюбленной женщины она начала готовить для Александра реваншъ. Она агитировала за войну почти открыто, и военная партія, въ главѣ которой стоялъ принцъ Луи-Фердинандъ, была въ восторгѣ. «Скажи королевѣ,—писалъ принцъ сестрѣ,—что, если бы были извѣстны ея чувства и рѣшительность, съ какой она высказывается за хорошее дѣло и за энергичныя мѣры, — всѣ благомыслящіе люди и вся армія воздвигали бы ей алтари». Но агитація королевы все-таки была вещью не совсѣмъ нормальной. Могъ разразиться скандалъ. Совѣтники короля не могли не обратить его вниманіе на это. И, кажется, въ первый разъ между Луизой и Фридрихомъ Вильгельмомъ стали происходить несогласія, нерѣдко переходившія въ ссоры. Одинъ русскій дипломатъ пишетъ изъ Берлина: «Бѣдная королева — настоящій нашъ другъ. Ее очень жалко. Стоитъ только рассказать всѣ сцены съ королемъ, которыя она выдерживала, всѣ слезы, которыхъ мы ей стоили. А какъ хороша она, между прочимъ!» ²⁾ Луиза предпочитала проливать слезы и выдерживать сцены съ королемъ, чѣмъ отказаться отъ работы для любимаго человѣка. И въ общественномъ мнѣніи она съ каждымъ днемъ находила все больше поддержки. Шенбрунскій договоръ 15 декабря былъ пересмотрѣнъ и подтвержденъ въ Парижѣ 15 февраля 1806 г. въ болѣе тяжелой для Пруссіи редакціи, а вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ началась демобилизація. Квартирующія въ Берлинѣ части возвращались домой не выпустивъ ни одного ядра, но разстроенныя зимними переходами, стужей и дезертирствомъ. Настроеніе офицерства было бурное. Королева, про которую всѣ знали, что она за войну, становилась все популярнѣе. Первая манифестація арміи произошла 5 марта 1806 года. Полкъ Аншпахскихъ драгунъ еще при Фридрихѣ Великому получилъ привилегію высказывать свои желанія королю непосредственно. Пользуясь ею, командиръ полка графъ Калькрейтъ на смотру попросилъ короля назначить шефомъ полка королеву

¹⁾ 6 декабря, Briefwechs., № 84.

²⁾ Bailleu, Kön. Luise, 168.

Луизу. Королю было невозможно отказать, хотя демонстрація была болѣе чѣмъ ясная. Онъ былъ очень недоволенъ, но армія ликовала...

Мало-по-малу королева сдѣлалась какъ бы выразительницей того чувства недовольства и униженія, которое разливалось въ верхнихъ кругахъ общества, какъ протестъ противъ тупости и неумѣлости дипломатіи и трусости короля. У нея было свое горе, но причина ея горя лежала тамъ же, гдѣ была причина горя арміи и воинственной аристократіи. И она сдѣлалась вождемъ той части общества, которая въ то время одна создавала общественное мнѣніе. У нея собирались «патріоты», люди, не боявшіеся войны, старавшіеся спасти престижъ и самостоятельное существованіе Пруссіи: Штейнъ, Гарденбергъ, Блюхеръ, Рюхель, принцъ Луи, его сестра Луиза Радзивиллъ, Маріана, жена принца Вильгельма, которая не хотѣла отставать отъ Луизы и которую ея поклонники звали «Германской Велледой» ¹⁾. Выходя отъ королевы, молодые гвардейскіе офицера выбили однажды стекла у Гаугвица, виновника союза съ Франціей. Патріотическое возбужденіе не шло дальше арміи и очень ограниченнаго круга общества; но дипломаты волновались. Въ разговорѣ съ французскимъ посломъ Лафоре, кабинетъ-министръ Ломбардъ дважды какъ бы оправдывалъ короля, то ссылаясь на «женское вліяніе и на неблагопріятное настроеніе двора», то указывая, что «въ семьѣ короля сильно русское вліяніе» ²⁾.

Нѣмецкіе панегиристы Луизы стараются затушевать воинственные выступленія королевы, и даже Балъе грѣшитъ этой патріотической слабостью. Свидѣтельства современниковъ не оставляютъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Весною Луиза поѣхала лѣчиться въ Пирмонтъ, потому что здоровье ея сдѣлалось дѣйствительно очень ненадежно. Тамъ вдали отъ сдерживающаго вліянія короля, окруженная своими дамами и нѣсколькими воинственными принцессами, Луиза не всегда соблюдала мѣру. Слухи объ основаніи Рейнскаго союза довели ея раздраженіе до послѣдней степени. «Это не можетъ такъ продолжаться. Наполеонъ — негодай (ein Elender)», восклицала она въ негодованіи. Разумѣется, эти маленькія манифестаціи производили большой шумъ въ Германіи и очень не нравились во Франціи. Берлинъ тревожился. Французскій дипломатъ Биньонъ, долго жившій въ это время въ Германіи и исполнявшій даже обязанности посла въ Берлинѣ года за три предъ тѣмъ, пишетъ по этому поводу ³⁾: «Направленныя противъ Франціи нескромныя заявленія королевы въ Пир-

¹⁾ Paléologue, «Profils de femmes», 124 — 125.

²⁾ Лафоре Талейрану 22 февраля и 18 марта 1806 г. Preussen und Frankreich, №№ 336 и 338, стр. 443 — 445.

³⁾ Histoire de France, V, 402.

монтъ, были сдѣланы такъ открыто, что о нихъ узнала вся Германія. Не могли не узнать о нихъ и въ Берлинѣ. Кабинетъ почувствовалъ, какъ опасны эти неблагоразумныя выходы, и королева получила замѣчаніе насчетъ ихъ неудобства». Она сдѣлалась осторожнѣе. Но когда она 1 августа 1806 года вернулась въ Потсдамъ и вновь попала въ гущу военной партіи, она опять заразилась общимъ настроеніемъ. Отношенія съ Франціей были таковы, что предотвратить разрывъ было уже невозможно. Манифестаціи противъ Франціи становились шумнѣе. Въ театрѣ, гдѣ шелъ шилеровскій «Валленштейнъ», раздавались воинственные крики. Принцы подали королю всеподданнѣйшее заявленіе, въ которомъ требовали отставки Гаугвица, Ломбарда и Бейля, какъ сторонниковъ мира. Офицеры ходили точить свои сабли на перронѣ французскаго посольства. Началась мобилизація. Армія стала передвигаться къ границамъ. 18 сентября Луиза встрѣтила свой драгунскій полкъ у воротъ Берлина верхомъ, одѣтая въ его цвѣта. Она стала въ главѣ его и повела его черезъ весь городъ въ Шарлоттенбургъ, гдѣ ему была назначена послѣдняя остановка передъ походомъ. Во дворцѣ для офицеровъ былъ устроенъ банкетъ, и всѣ восторженно привѣтствовали тостъ за шефа, предложенный командиромъ. Наполеонъ не оставилъ этой демонстраціи безъ ядовитаго отзыва. Въ его 1-мъ бюллетенѣ было сказано: «Королева прусская, одѣтая амазонкой, въ формѣ своего драгунскаго полка, пишетъ по двадцати писемъ въ день, чтобы зажечь пожаръ со всѣхъ сторонъ. Она напоминаетъ Армиду, которая въ ослѣпленіи поджигаетъ собственный дворецъ»... ¹⁾

Эти очень не рыцарскія выходы французскаго императора сильно дѣйствовали на Луизу, но ее утѣшало одно: мысль, что она увидится съ Александромъ. У насъ имѣется нѣсколько писемъ ея за 1806 годъ. Въ нихъ много настоящаго чувства, которое сдерживается изо всѣхъ силъ, но рвется наружу неудержимо и властно. Для Луизы дорого всякое событіе, такъ или иначе связанное съ Александромъ. 17 апрѣля она пишетъ ему о желательности брака вел. кн. Екатерины Павловны съ молодымъ герцогомъ Брауншвейгскимъ и прибавляетъ: «Вы знаете мое сердце, вамъ нетрудно будетъ повѣрить, что, войдя въ среду семьи, которая васъ любитъ, оказавшись близъ меня, ваша сестра будетъ предметомъ моей любви и моихъ ласкъ». 20 мая она шлетъ ему рекомендацію для герцогини Курляндской, которая ѣдетъ въ Петербургъ. И опять восклицаніе: «Будетъ ли мнѣ суждено когда-нибудь увидѣть этотъ прекрасный городъ и его прекрасныхъ жителей». «Прекрасный житель», которому было адресовано письмо, отлично понималъ эти робкія признанія. 21 мая она пи-

¹⁾ Correspondance de Napoléon, т. XIII, 10967.

шетъ ему олять, приглашая его въ Берлинъ, и опять рядъ какихъ-то, только имъ обоимъ понятныхъ намековъ. То, прося Александра прислать ей свой бюстъ, она играетъ словами и говорить о «первенствѣ своихъ правъ», то шутя разсуждаетъ о разныхъ свойствахъ воздуха въ Петербургѣ, который заставляетъ забывать «старыхъ знакомыхъ», и въ Шарлоттенбургѣ, который «укрѣпляетъ память и воспоминанія». Слѣдующее письмо написано уже послѣ возвращенія въ Потсдамъ, 13 августа. Это—то самое, гдѣ Луиза зоветъ Александра въ Берлинъ и общается ему быть умницей. Черезъ мѣсяцъ, когда война уже готова вспыхнуть, Луиза въ тревогѣ. Она собирается сопровождать короля въ армію и пишетъ Александру трогательныя слова, что «вѣритъ въ него, какъ въ Бога и что дружба ея кончится только вмѣстѣ съ ея счастьемъ». Въ письмѣ изъ Веймара отъ 29 сентября Луиза, чтобы сдѣлать удовольствіе Александру, посвящаетъ нѣсколько ласковыхъ словъ М. А. Нарышкиной, которая какъ разъ въ это время проѣзжала черезъ Веймаръ и отношенія которой и Александра были ей хорошо извѣстны. Она готова на все, лишь бы снова дождаться счастья—увидѣть Александра. А онъ на всѣ эти робкія, сдержанныя, скрывающія страсть, письма отвѣтилъ однимъ холодно-официальнымъ, гдѣ нѣтъ ни одного слова, идущаго отъ сердца, гдѣ онъ ссылается на мать, какъ онъ это сдѣлалъ въ 1810 году съ Наполеономъ, отказывая герцогу Брауншвейгскому въ рукѣ своей сестры.

У Луизы было нехорошо на душѣ, когда она уѣзжала въ армію. Прощаясь съ Луизой Радзивиллъ, она шепнула ей: «Скажите ему, что на него вся моя надежда». «Онъ» — это ея старый обожатель, принцъ Луи, котораго при дворѣ считали самымъ способнымъ изъ прусскихъ генераловъ. Но она бодрилась. Ей казалось, что солдаты, которые такъ восторженно привѣтствовали ее, не могутъ быть побѣждены. Но черныя крылья несчастія уже были распростерты надъ ней.

10 октября при Заальфельдѣ Ланнъ на-голову разбилъ прусскій авангардъ, и принцъ Луи, надежда страны, палъ отъ руки французскаго солдата.

Луиза была въ ужасѣ, но Наполеонъ не далъ ей долго горевать. 14 октября были Йена и Ауэрштедтъ. Луиза едва ускользнула отъ французскихъ разбѣздовъ. О королѣ она не имѣла извѣстій три дня. «Гдѣ король, гдѣ армія», спрашивала она одного офицера, который обогналъ ее по дорогѣ. «Король не знаю. Армія не существуетъ болѣе», былъ отвѣтъ. 17-го передъ Берлиномъ она получила письмо короля, въ тотъ же день прибыла въ столицу, гдѣ равнодушный народъ обнаруживалъ больше любопытства, чѣмъ участія ¹⁾, за ночь собрала, что было можно во дворцѣ, на утро

¹⁾ Luise Radziwill, 45 Jahre aus meinem Leben, стр. 171.

выѣхала и 19-го была въ Штеттинѣ. Оттуда она поѣхала въ Кюстринъ, гдѣ ее ждалъ король. Потомъ уже бѣжали вмѣстѣ: изъ Кюстрина въ Грауденцъ, изъ Грауденца въ Остероде, изъ Остероде въ Ортельсбургъ, изъ Ортельсбурга въ Кенигсбургъ. Туда прибыли 9 декабря.

Наполеонъ не оставилъ ее въ покоѣ и теперь. Чуть не въ каждомъ бюллетенѣ онъ возвращался къ ея роли и не щадилъ ее. Въ 8-мъ бюллетенѣ говорилось: «Наканунѣ (сраженія при Іенѣ) она дѣлала смотръ своему полку, Она безпрестанно возбуждала короля и его генераловъ. Она хотѣла крови...» 9-й бюллетень нѣсколько мягче: «Повидимому, правда, что про нее (королеву) говорятъ: она была здѣсь (въ Веймарѣ), чтобы раздуть пламя войны. Это — женщина съ красивымъ лицомъ, но съ малымъ умомъ, неспособная предсказать послѣдствія своихъ поступковъ. Теперь нужно не обвинять, а жалѣть ее; ибо она должна горько раскаиваться въ тѣхъ несчастяхъ, которыя она причинила своей родинѣ». Въ 11-мъ бюллетенѣ — опять воспоминанія о томъ, какъ королева подстрекала короля къ войнѣ: «Она передала ему, что о немъ говорятъ, будто ему недостаетъ храбрости и что онъ не хочетъ воевать только потому, что боится стать во главѣ арміи». И тутъ же лицемѣрная защита короля: «А на самомъ дѣлѣ король такъ храбръ, какъ ни одинъ изъ прусскихъ принцевъ». Мы уже знаемъ, какъ непристойно была высмѣяна Луиза въ 17-мъ бюллетенѣ. 18-й продолжаетъ въ томъ же духѣ: «Перемѣна, происшедшая съ тѣхъ поръ (все съ того же визита Александра), въ королевѣ, которая изъ боязливой и скромной женщины, занятой своими домашними дѣлами, сдѣлалась буйной и воинственной — была внезапной революціей» ¹⁾.

Послѣ этого бюллетеня, словно сообразивъ, что начинаетъ повторяться и, быть-можетъ, понявъ, что травля несчастной женщины, не принесетъ ему большой славы, Наполеонъ оставилъ Луизу въ покоѣ.

Катастрофа, съ одной стороны, эти армейскія оскорбленія — съ другой, не могли не дѣйствовать на Луизу. Королева была совершенно убита горемъ, но врожденное благородство не покидало ее ни на минуту. Она много плакала, особенно сначала, но потомъ взяла себя въ руки и не только справилась съ собою, но сумѣла поднять духъ и у короля. А это было нелегко. Онъ былъ до такой степени оглушенъ и перепуганъ, что первое время могъ говорить и думать только о мирѣ. Лишь неудача его попытокъ найти пріемлемую базу для переговоровъ привела и его къ сознанію, что борьба — единственный выходъ. Всѣ свидѣтельства сходятся на томъ, что Луиза принимала большое участіе въ этомъ

¹⁾ Correspondance de Napoléon, т. XIII, 11018, 11026, 11064, 11094.

поворотъ ¹⁾. Современники и историки громко восхваляютъ ее за это, что, конечно, заслуженно. Пруссія не могла мириться, не подписавъ смертнаго приговора своей роли въ Германіи. Но что побуждало Луизу дѣйствовать въ этомъ направленіи: одно ли инстинктивное пониманіе положенія, или что-нибудь еще? Миръ Пруссіи съ Наполеономъ — это было ясно — привелъ бы къ разрыву Пруссіи съ Россіей. Кровь русскихъ, которые погибли бы въ единоборствѣ Наполеона и Александра, могла навсегда помѣшать новому сближенію Пруссіи съ Россіей. Луиза, которая, подготавливая войну, мечтала только о томъ, чтобы еще разъ увидѣть Александра, не могла забыть этихъ печальныхъ для нея возможностей. Еще разъ сказались послѣдствія мудраго флирта Александра: союзникъ его въ домѣ прусскаго короля былъ энергиченъ и настойчивъ.

Миръ не состоялся. Отъ прусской арміи послѣ капитуляцій при Пренцлау и Швартау, сдачи Штеттина и Магдебурга не осталось ничего кромѣ нѣсколькихъ тысячъ подъ начальствомъ Лестока и гарнизоновъ Кольберга, Грауденца, Данцига и Кенигсберга. Зато приближались русскія войска. Началась польская кампанія 1807 года.

VI.

20 декабря былъ Пултускъ, Беннигсенъ кричалъ о побѣдѣ, но отступалъ. 28 была стычка при Зольдау и разбитъ Лестокъ. Кенигсбергъ оказался открытымъ Наполеону. Луиза должна была бѣжать дальше. Король былъ при арміи. Больная, она еле добралась до Мемеля, гдѣ стала ждать дальнѣйшихъ извѣстій. И извѣстія стали лучше. 7 и 8 фѣвря разразилось кровопролитное сраженіе при Эйлау, Наполеонъ отошелъ на западъ. Опасность, грозившая Кенигсбергу, прошла. Мало того Наполеонъ самъ началъ переговоры о мирѣ. Въ Мемель пріѣхалъ его адъютантъ, генералъ Бертранъ, который имѣлъ, кромѣ прочаго, еще особое порученіе къ королевѣ; Наполеонъ высказывалъ сожалѣніе о нападкахъ на Луизу и выражалъ надежду, если миръ будетъ заключенъ, черезъ двѣ недѣли лично представиться ей въ Берлинѣ. Луиза отвѣчала Бертрану очень холодно, королю совѣтовала «оставаться твердымъ», а Гарденбергу, который былъ теперь призванъ къ совѣщаніямъ, успѣвала шепнуть на ухо: «упорство!» ²⁾

Гарденбергъ, конечно, взвѣшивалъ всѣ соображенія, высказываясь противъ отдѣльнаго отъ Россіи мира съ Наполеономъ. Но Луиза прежде всего думала объ Александрѣ: отдѣльный миръ съ Франціей былъ равносильенъ разрыву съ Россіей.

¹⁾ Bailleu, Königin Luise, 215.

²⁾ Bailleu тамъ же, 221.

Александръ, однако, встревожился. Онъ не очень надѣялся на твердость короля, четыре мѣсяца назадъ умолявшаго Наполеона о мирѣ, и рѣшилъ при первой же возможности освѣжить привязанность и симпатію къ себѣ при прусскомъ дворѣ. 2 апрѣля онъ пріѣхалъ въ Мемель. Луиза не могла сдержать слезъ при свиданіи съ нимъ и снова вся цѣликомъ отдалась во власть очарованія. «Я не могу передать, — писала она сестрѣ, — что я чувствовала, когда я хотѣла благодарить его, выразить ему нашу признательность. Никакъ не удавалось мнѣ это, слезы душили каждое слово, самъ онъ былъ такъ растроганъ, такъ печаленъ, но въ то же время такъ великъ, такъ благороденъ, когда говорилъ съ идущимъ изъ глубины души убѣжденіемъ: я выполняю только свой долгъ!» ¹⁾.

А этотъ растроганный и печальный рыцарь торопился добиться у короля того, что ему было нужно. Цастровъ, настроенный въ пользу мира, былъ удаленъ, Гарденбергъ, стоявшій за войну, сдѣланъ первымъ министромъ. Но этого Александру было мало. Ему нужна были увѣренность, что Пруссія не заключить отдѣльнаго мира съ Наполеономъ. Бартенштейнская конвенція 26 апр. дала ему эту увѣренность ²⁾.

Для Луизы, казалось, настали лучшіе дни. Она ѣздила съ мужемъ и Александромъ въ Кидуллы на смотръ (еще до Бартенштейна, 10 апр.), но держалась по отношенію къ Александру очень осторожно, чтобы не дать новой пищи злословію враговъ. Оттуда она поѣхала въ Кенигсбергъ и написала ему письмо, въ которомъ объясняетъ, почему она была такъ сдержанна съ нимъ въ Кидуллахъ. Тутъ она даетъ волю своему чувству: «Безконечное удовольствіе, которое я переживаю, бесѣдая съ вами, дѣлаетъ меня эгоисткой. Я думаю только о себѣ, о наслажденіи, которое даетъ мнѣ письмо къ вамъ... Въ васъ воплотились всѣ совершенства, которыя люди всегда любятъ, какъ прекрасный идеалъ, наполняющій душу, но неосуществимый въ жизни. Нужно знать васъ, чтобы вѣрить въ совершенство. Но нельзя узнать васъ, не подвергаясь опасности привязаться на всю жизнь къ эмблемѣ добродѣтелей... Все, о чемъ я васъ прошу — не сжигать этого письма. Оно доказываетъ вамъ, какъ я васъ люблю. Пока я буду сама хорошей, пока я буду любить добродѣтель, я буду привязана [къ вамъ всѣми тѣми чувствами, которыми я привязана къ Провидѣнію]... ³⁾ Искренны или нѣтъ эти изліянія? Нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ этомъ? Наивная нѣмецкая восторжен-

¹⁾ Bailleu, тамъ же, 223.

²⁾ Есть мнѣніе (его раздѣляетъ и В. К. Николай Михайловичъ), что Бартенштейнъ былъ выгоденъ исключительно Пруссіи, что Александръ лишь по непонятному ослѣпленію согласился на договоръ. Съ этимъ трудно согласиться. Въ данный моментъ Бартенштейнъ *нуженъ* былъ только Александру.

³⁾ Briefwechsel, № 458.

ность даетъ только слова, которыя звучать нѣсколько странно на французскомъ языкѣ ¹⁾. Чувство идетъ изъ души. Луиза лишена возможности видѣться съ Александромъ, хотя онъ совсѣмъ близко отъ нея. Она отъ этого страдаетъ и горько жалуется въ другомъ письмѣ, отъ 10 іюня ²⁾: «Одна изъ самыхъ большихъ жестокостей Бонапарта — то, что онъ нашелъ способъ отдалить насъ другъ отъ друга и лишить меня счастья принять васъ въ моей собственной странѣ... Я буду жаловаться на эту жестокость, пока вы будете жить въ Тильзитѣ; моимъ долгомъ было бы отправиться туда, но это чудовище сумѣло разорвать отношенія, такія невинныя...»

Это было послѣднимъ письмомъ Луизы изъ Кенигсберга. 14-го былъ Фридландъ, а послѣ Фридланда очень скоро потянулись дни Тильзита. Бѣдная Луиза опять очутилась въ Мемелѣ, и оттуда 25 іюня послала Александру еще одно письмо, жалобный стонъ, трогательный и безнадежный. Луиза словно предчувствуетъ, какую злую игру поведетъ ея «Провидѣніе».

Тильзитъ — одинъ изъ самыхъ характерныхъ эпизодовъ жизни Александра. Его отношенія къ Наполеону, съ одной стороны, къ Фридриху-Вильгельму и Луизѣ, съ другой — показываютъ, какъ жестоко заблуждались тѣ изъ современниковъ, въ томъ числѣ и Луиза, которые считали Александра ангеломъ и идеаломъ благородства. Послѣ Фридланда Александръ не задумался сдѣлать то, чего такъ опасался со стороны Пруссіи, для предупрежденія чего подписалъ Бартенштейнскую конвенцію: самостоятельно, безъ соглашенія съ Пруссіей, заключилъ перемиріе съ Наполеономъ.

Это было явнымъ нарушеніемъ договора съ Пруссіей, и нѣмецкіе историки съ Трейчке во главѣ справедливо называютъ тильзитскія прелиминаріи вѣроломствомъ. Вѣроломство притомъ было не только политическое, но и личное. Александръ тысячи разъ давалъ прусскому королю завѣренія въ дружбѣ, настойчиво звалъ его въ союзъ противъ Франціи, убѣдилъ несчастную Луизу въ томъ, что въ борьбѣ съ Наполеономъ—единственное счастье для Пруссіи, увлекъ ее блестящими перспективами и неискреннимъ пафосомъ на погибельный путь. А теперь, когда Пруссія осталась безъ войска, безъ денегъ, безъ территоріи, не задумался покинуть ее на произволъ судьбы. Политическія соображенія подсказывали ему, что послѣ Фридланда, когда пропала надежда поднять Австрію, лучше мириться одному, а не ставить на вѣсы рядомъ съ собою совершенно безсильную, уничтоженную Пруссію. Но по мѣрѣ того, какъ для него выяснялись намѣренія Наполеона

¹⁾ Ср. Sorel, VII, 161, прим.

²⁾ Briefwechsel, № 461.

насчетъ Польши, онъ сталъ приходить къ пониманію, что невозможно допустить полное сокрушеніе Пруссіи. Возстановленіе Польши было угрозою Россіи даже въ невинной сравнительно формѣ Герцогства Варшавскаго. Если бы Пруссія была окончательно выброшена изъ ряда державъ, Александру не на кого было бы опираться въ своихъ планахъ противъ Польши. Вотъ почему по мѣрѣ того, какъ подвигались переговоры, Александръ все энергичнѣе защищалъ интересы Пруссіи. Подсказывало ему эту политику вовсе не рыцарское чувство по отношенію къ королевѣ Луизѣ, какъ утверждаетъ вел. кн. Николай Михайловичъ ¹⁾, а холодный расчетъ сознание возможности будущихъ осложненій изъ-за Польши ²⁾. Александръ еще разъ показалъ себя великолѣпнымъ дипломатомъ.

Для Луизы измѣна Александра была двойнымъ ударомъ: и политическимъ и личнымъ. Очевидно, подъ вліяніемъ этого удара она пыталась сблизиться съ представителями Англіи въ Мемелѣ, на что такъ горько жаловался русскій повѣренный въ дѣлахъ, баронъ Криднеръ ³⁾. Но въ политикѣ трудно было найти путь для новой системы, а въ сердцѣ—для забвенія старой привязанности.

Когда все было кончено, миръ заключенъ, Александръ уѣхалъ въ Россію, королевская семья переехала въ Кенигсбергъ, Луиза писала однажды ⁴⁾ своей подругѣ, г-жѣ Бергъ: «Онъ (Александръ) не заслуживаетъ больше писемъ отъ меня, такъ какъ онъ могъ забыть обо мнѣ (*me négliger*) въ моментъ, когда все соединялось, чтобы сдѣлать меня такъ безпощадно несчастной, когда не оставалось страданій, съ которыми бы я не познакомилась. Нѣтъ, правда, міръ — не лучший изъ міровъ, и люди въ немъ не лучшіе изъ людей. Не нужно Лагарповъ для моихъ сыновей. Нужны Ансильоны».

Эти строки, полныя отчаянія и глубокаго пессимизма, ставшія чиновника съ продажными убѣжденіями выше свободолюбиваго ученаго республиканца, могла написать только женщина, задѣтая

¹⁾ «Имп. Александръ», I, 48. Сознательно или безсознательно Александръ послѣдовалъ совѣту матери, убѣждавшей его (еще до Бартенштейна, письмомъ отъ 14 марта) мириться съ Наполеономъ «не тогда, когда захочетъ этого Пруссія, а когда вы захотите этого и сочтете почетнымъ и необходимымъ для вашего государства». «Имп. Александръ», тамъ же.

²⁾ Ср. Вандаль, «Наполеонъ и Александръ», т. I, 101.

³⁾ Въ письмѣ къ Румянцеву. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 89, стр. 93. Криднеръ относитъ это ко времени, непосредственно слѣдовавшему за Ки-дуллами, но онъ ошибается (письмо написано 12 окт. н. с.). Намеки на ухаживанія за англичанами имѣются въ письмахъ Луизы къ королю въ Тильзитъ.

⁴⁾ Briefwechsel, стр. 469, прим. Балъе относитъ это письмо къ іюню 1808 года. Намъ кажется что оно написано въ концѣ лѣта или осенью 1807 г., когда еще впечатлѣнія Тильзита были свѣжи.

въ своихъ *личныхъ* чувствахъ. Но такъ сильны были эти чувства, что Луиза не сразу повѣрила въ измѣну Александра, а потомъ, оплакавъ эту измѣну, долго носила въ своей душѣ нетронутой старую привязанность. Это можно доказать документально.

Все время пребыванія короля въ Шавляхъ, Пиктупененъ и Тильзитъ между нимъ и королевой шла самая дѣятельная переписка, найденная и опубликованная все тѣмъ же неутомимымъ Паулемъ Балъе ¹⁾.

Въ этихъ письмахъ раненая душа несчастной женщины раскрывается вся цѣликомъ.

Король былъ въ Мемелѣ, когда пришло извѣстіе о Фридландскомъ разгромѣ. Это было 16 іюня. Какъ только выяснилось, что Мемелю французы непосредственно не угрожаютъ, онъ поѣхалъ въ Шавли, къ Александру, куда прибылъ 21-го. И то, что онъ тутъ увидалъ, сразу наполнило его безпокойствомъ. Было ясно, что Александръ не думалъ продолжать войну, что переговоры о перемиріи уже идутъ, что союзникъ распорядился безъ вѣдома Пруссіи, что, быть-можетъ, предстоитъ видѣться съ Наполеономъ. Все это онъ добросовѣстно сообщилъ королевѣ въ первомъ письмѣ ²⁾. Луиза пришла въ ужасъ. Наполеону она расточаетъ самыя крѣпкія слова, которыя она находитъ въ своемъ французскомъ лексиконѣ ³⁾, но даже не задумывается надъ тѣмъ, что тутъ дѣйствуетъ воля Александра. «Всѣ его прекрасныя намѣренія испорчены, исковерканы этимъ ужаснымъ Беннигсеномъ. Неужели онъ не прикажетъ его разстрѣлять или, по крайней мѣрѣ, лишить командованія!» Два дня спустя она опять возвращается, къ той же мысли: «Передайте мой привѣтъ императору. Я его очень жалѣю. Его добрыя намѣренія исполнялись такъ плохо, и онъ не въ силахъ справиться съ толпою злонамѣренныхъ людей, во главѣ которыхъ — великій князь» ⁴⁾. Король съ своей стороны, очевидно, со словъ самага Александра, рассказываетъ Луизѣ о «гигантскихъ усиліяхъ», которыя дѣлалъ императоръ, чтобы спасти Пруссію, о его дружбѣ къ нему, о его расположеніи къ Пруссіи и проч. Вся подъ впечатлѣніемъ этой вѣры въ Александра со стороны короля, Луиза сама написала ему. Это единственное письмо къ царю за время Тильзита ⁵⁾. Съ каждой строки его брызжутъ слезы, но надежда

¹⁾ Deutsche Rundschau, B. XXVIII, 4 и 5. «Die Verhandlungen in Tilsit (1807). Briefwechsel König Friedrich Wilhelms III und der Königin Luise», veröff. von P. Bailleu.

²⁾ D. Rundschau, XXVIII, 4, стр. 32.

³⁾ D. R. XXVIII, 4, стр. 34: «Voir l'origine du mal! le fléau de la terre! tout ce qu'il y a d'infame et de méchant réuni dans une personne» etc.

⁴⁾ Константинъ Павловичъ. D. R., тамъ же, стр. 37.

⁵⁾ 12/25 (?) іюня. Briefwechsel, № 462.

еще теплится, подогрѣтая болѣе нѣжнымъ личнымъ чувствомъ: «На сердце, которое вмѣщаетъ всѣ добродѣтели, возлагаю я всѣ надежды на будущее. Что станетъ безъ васъ съ этимъ будущимъ, что станетъ съ королемъ, съ моими дѣтьми... Ахъ, дорогой кузень, не покидайте насъ. Если бы вы могли видѣть мое сердце, прочесть тамъ всю мою признательность за благодѣянія, уже совершенныя, вы, вѣроятно, были бы тронуты необъятностью моей преданности и моей вѣры въ васъ». И Луиза прибавляетъ слова еще болѣе трогательныя: «Здоровье мое пострадало отъ всѣхъ этихъ безпокойствъ. Но это все равно, лишь бы вы и король устояли передъ всѣмъ. Я — существо столь мало интересное и если я не выдержу, это ничего, лишь бы былъ спасенъ король и не было отнято будущее у моихъ дѣтей; лишь бы король жилъ счастливый и независимый. Тогда я буду рада сдѣлаться жертвою за все это». На другой день, въ письмѣ къ королю, оплакивая его свиданіе съ Наполеономъ, какъ послѣднее униженіе, Луиза пишетъ: «Но у меня одно утѣшеніе, что будучи вмѣстѣ съ императоромъ... вы раздѣлили скандалъ съ человѣкомъ большого авторитета и признанной всѣми честности» ¹⁾.

Но мало-по-малу даже въ неповоротливомъ мозгу Фридриха Вильгельма зашевелилось подозрѣніе: хлопочетъ, хлопочетъ Александръ, а толку мало. 29-го іюня, посылая Луизѣ письмо фельд-маршала Калькрейта, прусскаго уполномоченнаго въ переговорахъ, считавшаго необходимымъ ея приѣздъ въ Тильзитъ, король уже не скрываетъ, что у него нѣтъ надеждъ, умоляетъ ее быть осторожной въ выраженіяхъ и прибавляетъ по-нѣмецки (переписка вся на французскомъ языкѣ): «Отнынѣ у насъ нѣтъ другого выхода, съ тѣхъ поръ, какъ и Россія измѣнила свою систему, вынужденная (если бы въ другое время это случилось съ нами, сочли бы за преступленіе) измѣнила...» ²⁾ Луиза живо почувствовала сдержанный горькій упрекъ Александру въ этихъ жалобныхъ скобкахъ. И она вся на сторонѣ своего несчастнаго, не смѣющаго даже громко пожаловаться, мужа: «То, что Россія измѣнила свою систему, меня удивляетъ, но еще больше то, что вы допускаете здѣсь *nothgedrungen* (вынужденность). Во-первыхъ, Россія не потеряла ни пяди земли; она не заплатила ни копейки своимъ войскамъ, потому что мы платили имъ. Провіантъ только теперь начинаетъ приходить изъ Россіи, великолѣпные резервы находятся въ пути» и т. д. Но нѣсколькими строками ниже опять старая музыка: «Какъ мнѣ жаль милаго (*cet excellent*) императора Александра. Я увѣрена, что его сердце разрывается отъ того, что при столькихъ добрыхъ намѣреніяхъ онъ не можетъ ничего сдѣлать, чтобы видѣть васъ такимъ счастлив-

¹⁾ D. R., *ibid.*, стр. 97.

²⁾ D. R., XXVIII, 5, стр. 205.

вымъ и могущественнымъ, какъ бы ему хотѣлось. Слава Богу, что Силезія спасена изъ когтей, но наши милыя Kern-Provinzen! Ach, Gott!» ¹⁾. И въ письмѣ она, какъ будто, не хочетъ понять того, на что давно намекаетъ ей мужъ: что Александръ самъ лично не хочетъ настаивать передъ Наполеономъ больше, чѣмъ ему кажется удобнымъ. Король не говоритъ пока этого прямо, и Луиза, пользуясь этимъ, проводитъ свою теорію: что Александръ весь полонъ добрыми намѣреніями, а окружающіе вредятъ дѣлу и вредятъ Пруссіи. Король почувствовалъ, наконецъ, это, и въ послѣднемъ письмѣ, отъ 4 іюля, которое Луиза получила уже по дорогѣ въ Тильзитъ, онъ высказываетъ свое мнѣніе открыто. Это было необходимо: Луиза могла повредить дѣлу со своей теоріей. «Было бы напрасно,—пишетъ Фридрихъ-Вильгельмъ,—надѣяться, что императоръ Александръ когда-нибудь заговоритъ съ Наполеономъ энергично. Все, что онъ сможетъ получить для меня путемъ разговоровъ, онъ, конечно, получитъ. Но ничего болѣе, я вамъ ручаюсь. Въ этомъ отношеніи всѣ слѣды энергіи исчезли со стороны Россіи. Рѣшили, повидимому, примириться съ необходимостью, какъ говорятъ здѣсь» ²⁾.

Это письмо должно было внести рѣшительныя поправки въ теорію Луизы насчетъ Александра, и если у нея вообще оставались какія-нибудь иллюзіи, то за два дня пребыванія въ Тильзитѣ исчезли и онѣ.

VII.

Александръ поставилъ себѣ въ Тильзитѣ очень трудную задачу: внушить Наполеону увѣренность, что онъ весь подъ обаяніемъ его величія и готовъ передъ нимъ преклоняться, какъ передъ міровымъ гениемъ. Онъ убѣдился, что до поры до времени ему трудно открыто мѣряться силами съ французскимъ императоромъ, и старался о томъ, чтобы выиграть время. Для этого ему нужно было усыпить малѣйшія подозрѣнія Наполеона. Онъ рѣшилъ не останавливаться для этого ни передъ чѣмъ, даже передъ униженіями. Ненависть къ Наполеону не утратила ни въ силѣ, ни въ остротѣ, но онъ сумѣлъ ее скрыть и опасался ее обнаружить какимъ-нибудь неосторожнымъ поступкомъ. Добившись того, что Пруссія не будетъ вычеркнута изъ числа державъ, онъ успокоился и пересталъ о ней заботиться. Короля онъ не любилъ и мало огорчался его несчастнымъ видомъ. Что касается Луизы, то онъ былъ увѣренъ въ своей власти надъ ней и зналъ, что она проститъ ему все.

¹⁾ D. R., ib., стр. 208.

²⁾ D. R., ib., 216.

Приѣздъ Луизы въ Тильзитъ былъ вызванъ желаніемъ Наполеона видѣть ее. Но Наполеонъ не выразилъ прямо своего желанія. Мюратъ сказалъ объ этомъ какъ-то въ бесѣдѣ съ Калькрейтомъ, а Наполеонъ въ тотъ же день (29 іюня) за обѣдомъ поднялъ бокаль «за здоровье королевы Прусской». Такъ какъ дѣла Пруссіи шли очень плохо, то совѣтники короля настаивали на ея приѣздѣ. Король, повидимому, былъ не въ очень большомъ восторгѣ отъ предстоящаго визита. Онъ понималъ, что для переговоровъ будетъ польза, но его смущали разныя другія вещи. Наполеонъ утверждалъ въ послѣдствіи, что король ревновалъ Луизу къ Александру. Въ этомъ, можетъ-быть, есть нѣкоторая правда. По крайней мѣрѣ, въ послѣднихъ письмахъ короля изъ Тильзита встрѣчаются намеки на Александра въ совсѣмъ неожиданной формѣ. «Мелочи военнаго быта французской арміи интересуютъ его очень сильно, но не меньше и хорошенькія тильзитскія дѣвицы»¹⁾. А потомъ его смущало другое: самъ Наполеонъ не сказалъ ему, что ему будетъ пріятенъ приѣздъ королевы. Какъ относился къ приѣзду Луизы Александръ, понять мудрено. Самой Луизѣ онъ говоритъ теперь, что имъ лучше быть подальше другъ отъ друга, чтобы не давать пищи разговорамъ, и мы видѣли, какъ оплакивала Луиза въ письмахъ къ нему это его рѣшеніе. Въ разговорѣ съ Наполеономъ онъ, вѣроятно, все-таки говорилъ о Луизѣ съ оттѣнкомъ фатовства, такъ ему свойственнымъ. Иначе трудно было бы объяснить намеки Наполеона²⁾. Бесѣдуя съ королемъ, онъ сокрушался, что приѣздъ Луизы обставленъ съ внѣшней стороны не совсѣмъ такъ, какъ нужно³⁾. Вообще онъ путалъ. Естественнѣе всего предположить, что Александръ былъ нерадъ приѣзду Луизы, потому что ему было совѣстно передъ нею и потому еще, что онъ предчувствовалъ свое безсиліе ей помочь. Онъ угадывалъ, что играть свою роль съ Наполеономъ въ присутствіи Луизы — а не играть было нельзя — значило погубить если не симпатіи ея, то, по крайней мѣрѣ, то восторженное поклоненіе, которое такъ ему льстило. Но Александру нельзя было высказываться противъ приѣзда Луизы: это разсердило бы Наполеона и огорчило прусаковъ, такъ сильно уповавшихъ на свою королеву.

¹⁾ Mémorial de Sainte-Hélène, двухтомн. изд. 1905 г., I, 737: «On a pensé que le roi l'en avait empêché jusque-là par le commencement de jalousie contre un grand personnage. Et cette jalousie n'était pas, assurait-on, sans quelque léger fondement. Принцесса Луиза Радзивилль передаетъ и другой случай. Когда оба императора проѣзжали мимо дома, назначеннаго для Луизы, Наполеонъ воскликнулъ, указывая на него Александру: «Ну что! Ничего не говоритъ вамъ ваше сердце?» («45 Jahre aus meinem Leben», 222).

²⁾ Deut. Rundschau, XXVIII, 5, стр. 215.

³⁾ Mémorial, I, 738—739.

⁴⁾ Deutsche Rundschau, ibid., 215.

Для самой Луизы прїѣздъ въ Тильзитъ былъ настоящей Голговой. Она чувствовала себя отвратительно и потому, что была по обыкновенію беременна, и потому, что ее терзало несчастье. Вхоть, зная, что король соглашается на это нехотя, что Александръ этого не хочетъ ¹⁾, не получая прямого приглашенія отъ Наполеона — она считала такъ же, какъ и король, униженіемъ для себя, и это мучило ее еще больше. Вся гордость, все достоинство ея возмущалось, когда она думала о томъ, что должна встрѣтиться съ человѣкомъ, такъ грубо обидѣвшимъ въ ней женщину, и не только встрѣтиться, но быть съ нимъ любезной, расточать передъ нимъ просьбы, выносить послѣ казарменныхъ оскорбленій казарменные любезности... «Въ груди моей—кинжалъ», писала она королю. И все-таки поѣхала. То была великая жертва королевы и женщины, и Моммзенъ правъ, называя Луизу Ифигеніей освободительныхъ войнъ ²⁾.

Наполеонъ былъ радъ и гордъ, что Луиза рѣшила прїѣхать. Насколько прїятенъ былъ ему ея прїѣздъ, видно изъ того, что онъ писалъ о ней Жозефинѣ нѣсколько разъ ³⁾. 6-го онъ сообщаетъ ей: «Прекрасная королева прусская будетъ сегодня обѣдать у меня». На другой день: «Другъ мой, королева прусская вчера у меня обѣдала. Я долженъ былъ быть насторожѣ, чтобы не сдать на ея настоянія и не уступить еще чего-нибудь ея мужу. Я былъ галантенъ, но держался своей политической линіи». 8-го іюля: «Прусская королева дѣйствительно очаровательна. Она очень кокетлива со мною. Но не ревнуй. Я — какъ клеенка, по которой все это только скользитъ. Изображать любезнаго кавалера стоило бы мнѣ слишкомъ дорого». Впечатлѣніе, произведенное на Наполеона Луизою, было гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ изображалъ его Жозефинѣ. На св. Еленѣ онъ признавался, что если бы она прїѣхала къ началу переговоровъ, Калькрейтъ добился бы гораздо большаго ⁴⁾. Даже за тѣ два дня, что она провела въ Тильзитѣ, онъ былъ однажды (въ первое свиданіе) совсѣмъ готовъ уступить. Но какъ разъ въ это время въ комнату, гдѣ происходилъ политическій tête-à-tête, вошелъ король. Наполеонъ говорилъ потомъ Александру: «Король вошелъ во время. Приди онъ на четверть часа позже, я обѣщалъ бы ей все» ⁵⁾. Красота и благородство Луизы

¹⁾ D., R. ib., 207: L'empereur de la Russie a assez témoigné qu'il ne voulait point de rapprochement (т.-е. чисто территориальнаго) avec moi pour les raisons à vous connus, et en disant que pour traiter d'affaires, les femmes ne devaient point être présentes.

²⁾ Mommsen. Reden und Aufsätze, 64 (рѣчь, посвященная памяти Луизы).

³⁾ Correspondance, XV, 12861, 12869, 12875.

⁴⁾ Mémorial, тамъ же.

⁵⁾ Prinzessin Luise von Preussen, Fürstin Radziwill, «45 Jahre aus meinem Leben», стр. 225.

заставили Наполеона совершенно переменить отношеніе къ ней. Съ этихъ поръ, говоря о ней, онъ неизмѣнно выражалъ восхищеніе и уваженіе, всегда расточалъ ей похвалы ¹⁾).

Луиза видѣла, какое она производитъ впечатлѣніе, и старалась этимъ воспользоваться. Тѣмъ болѣе тяжело было ей разочарованіе. Въ послѣдній обѣдъ Наполеонъ протянулъ ей розу, и Луиза въ отвѣтъ на кокетливую и трогательную мольбу: «Съ Магдебургомъ?» услышала холодный отказъ. Легче было добиться чего-нибудь отъ тонкой толедской шпаги императора, чѣмъ отъ него самого.

Политическая миссія ея была безуспѣшна. Жертва на алтарь родины пропала даромъ. Нечеловѣческое нервное напряженіе больной женщины не принесло пользы Пруссіи. Но если Луиза уѣзжала изъ Тильзита истощенная въ конецъ, то этому была и другая причина, болѣе интимная. «Она видѣла,—говоритъ Сорель ²⁾»,—за этимъ столомъ пытокъ, въ этомъ салонѣ униженія, друга, который вызывалъ такое преклоненіе и который теперь былъ неузнаваемъ, такого Александра, о какомъ она не подозрѣвала: полную противоположность прежняго, карикатуру на него, съ игривой улыбкой на довольномъ лицѣ кукольнаго архангела». Луиза искала и не находила въ его глазахъ вдохновенія мемельскихъ дней 1802 года, рыцарской восторженности, готовности на подвигъ, плѣнявшей ее въ Потсдамѣ полтора года назадъ. Она уже не думала теперь сравнивать его съ Альпами.

И все-таки Тильзитъ не прошелъ даромъ для Луизы. Въ какихъ-то тайникахъ ея души, не чуждой мистическаго порыва, она нашла горькое утѣшеніе: что чаша испита до дна и что отнынѣ для Пруссіи начнется возрожденіе. Но она вовсе не думала спокойно ждать, когда придетъ возрожденіе. Она работала. Сначала объ руку со Штейномъ, потомъ поддерживая Гарденберга, пока хватало силъ, она дѣлала все, чтобы облегчить Пруссіи борьбу съ результатами разгрома. Мало того, во внѣшнихъ дѣлахъ, когда можно было это сдѣлать по секрету отъ страшнаго Наполеона, она своими нѣжными руками ковала первыя звенья коалиціи 1813 года. На этой почвѣ у нея возобновились отношенія и съ Александромъ.

Послѣ Тильзита Александръ не могъ не чувствовать, какое тяжелое впечатлѣніе онъ долженъ былъ произвести на Луизу. И онъ не пробовалъ напоминать ей о себѣ въ теченіе цѣлаго года. Онъ зналъ женщинъ и хотѣлъ дать зажить ранамъ Луизы. Написалъ онъ ей, повидимому ³⁾, въ первый разъ послѣ Тильзита, 30 авгу-

¹⁾ Гертруда Кирхейзенъ. Женщины вокругъ Наполеона, стр. 328. Bailleu, Kön. Luise, 250.

²⁾ L'Europe et la Révolution, VII, 148.

³⁾ Письмо не сохранилось. Предположеніе о датѣ принадлежитъ Балье. Briefwechs., стр. 469.

ста 1808 года, когда онъ уже рѣшился ѣхать въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ и такъ или иначе долженъ былъ лично увѣдомить объ этомъ Луизу. Такъ какъ ни для кого не было секретомъ, что въ Эрфуртѣ будутъ обсуждаться отношенія Франціи съ Австріей, такъ какъ уже въ это время война между двумя этими имперіями считалась возможной, то Луиза сочла своимъ долгомъ предупредить Александра. Она начинаетъ свое письмо ¹⁾ словами, въ которыхъ слышится упрекъ за Тильзитъ: «Ваше письмо носить на себѣ отпечатокъ вашей души, т.-е. дышитъ *только* ²⁾ нѣжностью и добротой»... Потомъ она переходитъ къ политикѣ, и мудрыя, дальновидныя слова ея, вѣроятно, — отголосокъ мнѣній Штейна: «Вы увидите снова Наполеона, человѣка, который, я знаю, внушаетъ вамъ ужасъ, какъ и мнѣ... Я заклинаю васъ, дорогой кузень, со всей нѣжностью, на какую способна моя дружба, будьте осторожны съ этимъ ловкимъ обманщикомъ и прислушайтесь къ моему голосу, который говоритъ только ради васъ, ради вашей славы, которую я люблю, какъ свою собственную: не давайте увлечь себя на какія-либо шаги противъ Австріи. Я увѣрена, что онъ будетъ васъ на нихъ подбивать... Слѣдуйте вашему сердцу, вашимъ наклонностямъ. Я никогда не перестану взывать къ этому сердцу, которому присущи всѣ добродѣтели, которое хочетъ добра, не терпитъ зла и несправедливости. Дайте ему твердо и энергично увидѣть эту добродѣтель. Вы могущественны, вы должны, вы можете еще, слава Богу, имѣть желанія, имѣть намѣренія, которыя вы хотите видѣть выполненными. Пусть софизмы не путаютъ вашихъ мыслей, которыя чисты и просты, потому что онѣ принадлежатъ добродѣтели, любви къ добру. О, дорогой кузень, почему душа моя не можетъ незримо сопровождать васъ, чтобы быть вашимъ гениемъ-хранителемъ. Прислушайтесь къ моему голосу. Это — голосъ друга, какого у васъ нѣтъ второго на свѣтѣ»...

Мы намѣренно выписали чуть не цѣликомъ это длинное письмо. Какая разница съ прежними! Въ тѣхъ были простыя слова и настоящее чувство, здѣсь сплошная риторика. Чувство умерло или умираетъ. Потребность общаться прошла, и только необходимость заставляетъ браться за перо. Слѣдующее письмо, написанное черезъ три недѣли, 29 сентября, уже носитъ чисто дѣловой характеръ ³⁾. Александръ въ Эрфуртѣ, и нужно, чтобы онъ выхлопотады у Наполеона облегченіе въ порядкѣ уплаты тильзитской контрибуціи.

У насъ имѣются и прямые свидѣтельства о томъ, что чувство Луизы къ Александру, принесшее ей столько горя, уже не согрѣ-

¹⁾ Briefwechsel, № 464.

²⁾ Курсивъ мой.

³⁾ Briefwechsel, № 465.

вало послѣднихъ годовъ ея жизни. Въ самомъ концѣ 1808 года Луиза съ мужемъ и съ нѣкоторыми другими членами прусскаго королевскаго дома поѣхала по приглашенію царя въ Петербургъ. Пребываніе ея тамъ, подробно описанное ею въ дневникѣ ¹⁾, а Елизаветой Алексѣвной въ письмахъ къ матери ²⁾, было настоящей мукой. У нея были опять всѣ признаки беременности, къ тому же она, очевидно, простудилась, а отъ нея требовали, чтобы съ ранняго утра до поздней ночи она присутствовала на парадахъ, на смотрахъ, на церковныхъ службахъ, дѣлала визиты, принимала визиты, ходила въ театры, просиживала на парадныхъ обѣдахъ и ужинахъ, танцевала, танцевала, танцевала... Не даромъ бѣдная женщина чуть не каждый день записываетъ въ дневникъ: «Мало спала, чувствую себя отвратительно, тошнить, болятъ зубы, вообще всѣ горести». «Устала какъ собака». «Умираю отъ усталости», и проч. Александръ явно избѣгалъ интимныхъ бесѣдъ, такихъ, какъ въ Мемелѣ и въ Потсдамѣ. Они почти не видѣлись не на людяхъ. Только разъ Луиза воспользовалась его посѣщеніемъ и заговорила съ нимъ «о дѣлахъ». Послѣ этого она занесла въ дневникъ слѣдующія слова по-нѣмецки: «Ахъ, будущее! Почему ты такъ давишь мое сердце! И почему слезы тоски выступаютъ на глазахъ!» Нужно думать, что Александръ не сказалъ ей ничего утѣшительнаго ни относительно Австріи, которая совсѣмъ была готова ввязаться въ войну, ни о Пруссіи. И будущее, будущее ея дѣтей вдругъ представилось ей въ еще болѣе уныломъ, сѣромъ свѣтѣ.

Луиза была очень признательна царской семьѣ за вниманіе и за подарки, которые пополнили ея оскудѣвшій до послѣдней степени гардеробъ. Но петербургская атмосфера ее не удовлетворяла. Петербургскій дворъ представлялся ей черезчуръ «матеріальнымъ», не «духовнымъ», какъ и ея прежній кумиръ, Александръ. Она пишетъ о немъ своему вѣрному другу, г-жѣ Бергъ: «Человѣкъ, который любитъ только форму и только внѣшность — это еще очень мало» ³⁾. Нужно было увидѣть Александра именно въ холодномъ, пышномъ, рабскомъ Петербургѣ, чтобы раскусить его окончательно.

Послѣ петербургской поѣздки они почти не переписывались: сохранилось всего два письма Луизы и одно Александра ⁴⁾. Они и не видѣлись больше.

Луиза скоро умерла, 19 іюля 1810 года. Передъ смертью она могла переѣхать изъ Кенигсберга въ Берлинъ, освобожденный, наконецъ, французскимъ оккупационнымъ отрядомъ.

¹⁾ Briefwechsel, стр. 538—553.

²⁾ В. К. Николай Михайловичъ, Императрица Елизавета Алексѣвна, II, стр. 308 слѣд.

³⁾ Bailleu, Kön. Luise, 304.

⁴⁾ Briefwechsel, №№ 466—468.

Для Пруссіи смерть ея была настоящимъ несчастьемъ. Она отнимала умную и чуткую совѣтницу у неумнаго и нечуткаго короля. Она лишала опоры дѣятелей прусскихъ реформъ. Она устраняла изъ числа враговъ Наполеона одного изъ самыхъ сильныхъ ¹⁾. Ее оплакивали поэты въ безчисленныхъ стихахъ. Но самая мѣткая оцѣнка смерти королевы сдѣлана была Фридрихомъ Генцемъ въ недавно опубликованномъ письмѣ ²⁾ его къ веймарскому журналисту Беттигеру: «Смерть королевы прусской,—пишетъ Генцъ,—самый тяжелый ударъ, который могъ еще поразить это государство. Съ ней исчезаетъ не только единственный дѣйствительный элементъ жизни, который одушевлялъ эту умирающую машину, но и единственное крупное украшеніе, которое удерживало за нимъ извѣстное уваженіе извнѣ. Для всего, что зовется общественнымъ мнѣніемъ, даже для обычнаго денежнаго кредита Пруссіи — не могло случиться ничего, болѣе ощутительнаго».

Къ счастью для Пруссіи Луиза завѣщала свою любовь къ Пруссіи своимъ друзьямъ и почитателямъ. Они благоговѣнно подняли знамя, выпавшее изъ ея прекрасныхъ рукъ, и понесли его дальше, къ реформамъ и къ побѣдамъ.

XIII.

Королева Луиза была крупная женщина. Ея страданія поднимали ее на вершины духа и пріобщили ее къ сонму героинь нѣмецкой исторіи. Въ 1806 году она хотѣла разыграть валькирію, но двигали ею земные помыслы, и боевой порывъ ея не увѣнчала слава. Она сожгла на жертвенномъ алтарѣ свою страсть и, очищенная мукой, отдала Пруссіи всю любовь, на какую была способна ея восторженная душа. Мирный подвигъ ея сталъ уголень судьбѣ.

Королева Луиза была крупная женщина. Но она была женщина прежде всего. Въ этомъ обаяніе ея образа, обаяніе котораго не хватаетъ такъ называемымъ великимъ женщинамъ, въ родѣ Елизаветы англійской, Маріи Терезы или нашей Екатерины. Луиза сдѣлана изъ того же матеріала, что Марія Стюартъ. Чувствительность и восторженность, любовь къ жизни и къ удовольствіямъ были у нихъ одинаковы, только у одной была французская кровь.

¹⁾ Мы знаемъ, какъ она предостерегала Александра передъ его поѣздкой въ Эрфуртъ. Еще раньше, 29 нояб. н. с. 1807 г. бар. Криднеръ жаловался Румянцеву, что королева своими «*imprudences si affichés*» очень затрудняетъ его задачи. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 89, стр. 238.

²⁾ Briefe von und an F. von Gentz, herausg. von F. C. Wittichen. 1909, т. I, 309.

болѣе живой темпераментъ, больше вѣтрености. Душа Луизы складывалась подъ холоднымъ небомъ Мекленбурга, въ туманахъ Балтійскаго моря. У нея было больше мечтательности и больше мягкости.

Нѣмцы долго считали, что Луизу погубилъ Наполеонъ. Войны 1813 — 1815 годовъ для прусаковъ были столько же войнами за освобожденіе, сколько отплатой Наполеону за королеву Луизу. «Ея свѣтлый образъ несясь высоко въ воздухѣ, показывая путь передъ бойцами освободительныхъ войнъ», говоритъ Трейчке¹⁾. «Наконецъ будетъ отомщена королева Луиза», восклицалъ Блюхеръ, когда прусскія войска завидѣли Парижъ въ мартѣ 1814 года. Какъ патріотическая легенда въ 1813 — 1815 годахъ, такая версія была очень удобна. Французскій коршунъ заклевалъ бѣлую прусскую голубку. Французскому коршуну, значить, нужно обломать за это хищныя крылья. По старой памяти нѣмецкіе біографы еще и теперь охотно повторяютъ эту патріотическую легенду. Но факты ей противорѣчатъ.

Преждевременная смерть королевы Луизы не лежитъ на совѣсти Наполеона. Ея здоровье было подорвано рано, въ первые годы замужества, невозможными условіями жизни въ Потсдамѣ, гдѣ царили сырость и холодъ. Затѣмъ за семнадцать лѣтъ замужества Луиза имѣла десять человѣкъ дѣтей, при чемъ въ этотъ счетъ не входитъ мертворожденный первенецъ. Что касается до униженія Пруссіи, то Наполеонъ виноватъ въ нихъ не больше, чѣмъ тѣ, которые подбивали миролюбиваго короля къ разрыву съ Франціей, и прежде всего Александръ. За Наполеономъ слишкомъ много настоящихъ грѣховъ, чтобы была еще необходимость приписывать ему фантастическіе.

Правда, Наполеонъ былъ къ ней безжалостенъ. Но уже послѣ того, какъ онъ убѣдился, что Луиза сама ополчилась на него, мирную голубку не тронулъ бы онъ. А она захотѣла стать орлицей и взлетѣть такъ высоко, куда голубки не залетаютъ. Наполеонъ былъ солдатъ. Кто шелъ на него, тотъ долженъ былъ знать, что онъ шутить не любитъ. Его нападки на Луизу въ бюллетеняхъ отвратительны и недостойны его. Но въ пылу борьбы, отъ исхода которой зависѣла судьба имперіи и его собственная, у него не было времени золотить конецъ шпаги, которой онъ наносилъ ударъ обступившимъ его отовсюду врагамъ. Во всякомъ случаѣ Наполеонъ не совершилъ по отношенію къ Луизѣ предательства: не обольщалъ ее, не увлекалъ ее и, обольстивши и увлекши, не покинулъ ее на произволъ судьбы въ самый тяжелый моментъ ея жизни.

¹⁾ Рѣчь 1876 года въ память кор. Луизы. Deutsche Bücherei, вып. 88.

На удары Наполеона Луиза отзывалась страданіями и слезами. Ея страданія соткали ей у потомства ореолъ почитанія и славы. Изъ каждой ея слезы, падавшей на прусскую землю, вырасталъ вооруженный воинъ; ихъ были тысячи и они завоевали для Пруссіи такое положеніе, о какомъ не рѣшалась мечтать Луиза въ самыхъ смѣлыхъ своихъ золотыхъ грезахъ.

Дружба Александра навлекла на Луизу дурныя подозрѣнія при жизни. А въ потомствѣ ея почитатели стараются обходить этотъ эпизодъ, чтобы не быть вынужденными дѣлать упреки королевѣ за легкомысліе, за слѣпую довѣрчивость, за отсутствіе женской чуткости.

И неизвѣстно, что было хуже для Луизы: Тильзитъ, гдѣ ее грубо по-солдатски, заставили нести тяжелый крестъ, или полная внѣшняго вниманія и лицемѣрной ласки, усыпанная цвѣтами, пышная, но скучная и безплодная петербургская встрѣча.

Королева Луиза была дѣйствительно несчастная женщина. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ ея мужемъ, Александръ — другомъ, Наполеонъ — врагомъ.

А. Дживелеговъ.

Народничество Н. Н. Златовратскаго ¹⁾.

I.

Годъ прошелъ, какъ не стало Николая Николаевича Златовратскаго. Чувствуется душевная потребность еще разъ вызвать передъ собой его образъ, вдуматься въ характерныя черты его психологіи и идеологіи.

Н. Н. Златовратскій былъ однимъ изъ *«дѣтей освобожденія»*. Въ задушевныхъ своихъ воспоминаніяхъ съ тихой лаской и нѣжной поэзіей рассказалъ онъ намъ, «какъ это было», какъ наступалъ «канунъ великаго праздника» — освобожденія крестьянъ. Еще въ юные годы жадно вдыхалъ онъ воздухъ раскрѣпощавшейся Россіи. Это былъ особенный воздухъ: широко вздымалась отъ него молодая грудь; онъ такъ обильно насыщалъ всѣ фибры молодого организма, что его хватало на всю дальнѣйшую жизнь. Въ центрѣ общественныхъ и даже правительственныхъ интересовъ стояла тогда крѣпостная деревня. Лучшая часть литературы съ энтузіазмомъ разрабатывала проблему о народномъ благѣ, объ экономическомъ и правовомъ положеніи освобождаемаго мужика. Къ кающемуся дворянину присоединился разночинецъ.

Разночинцу понятнѣе была вѣковая драма русской жизни, чѣмъ его собрату — дворянину. «Какой глубокой смыслъ скрытъ въ рядѣ этихъ страдальческихъ біографій, этихъ психическихъ мартирологовъ, изъ которыхъ каждый такъ внушительно и назидательно повторялъ и подтверждаетъ другой, что болью сжимается сердце и глубокою скорбью наполняется душа!» говорилъ самъ Н. Н. Златовратскій, припоминая «судьбу всѣхъ русскихъ писателей-разночинцевъ недавняго періода». Вначалѣ — школа, «баснословно дикая и мрачная»; далѣе — «жажда свѣта новой жизни», поиски «душевнаго дѣла» и — «рядъ голодныхъ годовъ борьбы за существованіе, борьбы сомнѣнія съ надеждою, вѣры съ отчаяніемъ»;

¹⁾ Рѣчь, произнесенная 15 декабря 1912 г. въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности, посвященномъ памяти Н. Н. Златовратскаго. Съ любезнаго разрѣшенія семьи покойнаго писателя мы могли воспользоваться и нѣкоторыми рукописями Н. Н.—ча.

мгновенные «проблески зари» и, казалось, уже въ виду самой обѣтованной земли, скорбь «за кого-то» и «сквозь жгучія слезы» невольныя проклятія чему-то ¹⁾. Быстро получивъ качественный перевѣсъ въ идейной жизни страны, разночинецъ углубилъ и демократизировалъ общее направленіе интеллигентской мысли.

Прошли шестидесятые годы, грустно закончившись торжествомъ реакціи; ярко заблистали на время семидесятые годы съ «хожденіемъ въ народъ», съ попытками выработать идеологію русскаго народничества. Высоко поднялась было волна жизни нашего интеллигента, и снова упала, казалось, надолго. Но подспудно крѣпли свѣжія силы; скованный духъ народной свободы, возмужавъ, гордо поднималъ свою голову. Событія 1905—1906 гг. показали, что нѣтъ такихъ преградъ, которыхъ не опрокинула бы народная мощь.

Мѣнялись времена, мѣнялись общественныя настроенія, мѣнялись идеологіи передовой интеллигенціи. Но оставался неизблемымъ кардинальный фактъ, что судьбы Россіи всецѣло зависятъ отъ экономическаго и социальнаго положенія народа и прежде всего крестьянства.

II.

Н. Н. Златовратскій пережилъ всѣ мучительныя перипетіи русской жизни за цѣлые полвѣка. Тернистый путь русскаго разночинца и народника былъ пройденъ имъ до конца, и пройденъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ. Еще въ «старомъ домѣ» околдовала его великая идея, и стала пафосомъ всей его жизни. Здѣсь разгадка его психологіи, здѣсь — корни его идеологіи.

Въ высокихъ, торжественныхъ тонахъ была настроена душа Николая Николаевича. Жутко было ему въ атмосферѣ умѣренности и аккуратности, среди проповѣдниковъ постепенщины и малыхъ дѣлъ. Его невыразимо возмущалъ «принципъ средняго образа мыслей», который исповѣдовали многіе петербургскіе литераторы уже во второй половинѣ 70-хъ годовъ. Въ письмѣ къ Нефедову отъ 17 іюля 1877 г. Н. Н.—чѣ съ грустью констатируетъ «торжество златой середины во всемъ: средняго либерализма въ политикѣ, въ искусствѣ, въ наукѣ,—и вслѣдствіе этого—ничего оригинальнаго, живого, свѣтлаго, новаго, и, мало того, даже озлобленіе противъ всего, что хотя немного заявить желанія выйти изъ этой тины средняго образа мыслей». Петербургская пресса разругала «Новъ» Тургенева, «это, конечно, оригинальнѣйшее произведеніе послѣдняго времени», разругала, «несмотря на то, что Тургеневъ своимъ Соломинымъ, такъ ска-

¹⁾ Собраніе сочиненій Н. Н. Златовратскаго. Изд. «Просвѣщенія». Т. V. С.-Пб. 1912. Золотыя сердца. Стран. 209—210.

затъ, санкціоновалъ и втащилъ на пьедесталъ либераловъ златой середины». «Намъ не нужно героевъ!—кричатъ люди середины.—Мы не хотимъ изъ нашей тины и болота созерцать ихъ величественные образы! Они не для нашего времени! Довольно наша молодежь подражала героямъ и несла свои помыслы (sic) за идею! Она должна выступить на новый путь — эксплуатирующей науки, муравьиного труда и среднихъ нравственныхъ доблестей, ибо геройство и идеализмъ есть индивидуальный аристократизмъ, а мы проповѣдники либеральной равноправности!»¹⁾

Съ негодованіемъ отвернулся Златовратскій отъ глашатаевъ «малаго дѣла», которые почувствовали подъ собой особенно твердую почву въ 80-хъ годахъ, въ періодъ правительственной и общественной реакціи.

Съ теоріей малыхъ дѣлъ сплетали тогда толстовство въ его вульгарномъ истолкованіи и особенно принципъ непротівленія злу. Все это лишало жизнь яркихъ красокъ, превращало ее въ сѣрые, хлопотливые будни.

Можетъ-быть, въ указанныхъ условіяхъ лежала причина того, что Николай Николаевичъ не сразу оцѣнилъ внутренній смыслъ ученія Л. Н. Толстого. Принципъ непротівленія злу казался ему горькой насмѣшкой надъ тѣми, кто всю свою жизнь былъ жертвой насилія. Въ письмѣ къ А. М. Скабичевскому отъ 9 янв. 1885 г. Златовратскій весьма рѣзко высказался противъ Толстого, полагая, что послѣ шестидесятниковъ трудно кому бы то ни было говорить «новое слово»²⁾. Въ концѣ-концовъ, именно у Толстого нашелъ Н. Н.—чѣ поддержку своему взгляду на жизнь, какъ на великое таинство, и на народъ, какъ на носителя высшей правды жизни.

«На-дняхъ былъ у Толстого, — записываетъ Н. Н. Златовратскій³⁾. — Что за прелесть этотъ человѣкъ, какъ душа, какъ талантъ, какъ умъ! Только увидавъ этого человѣка, только подышавъ нѣсколько минутъ однимъ воздухомъ, начинаешь понимать, что къ жизни нельзя относиться такъ, какъ мы всѣ относились къ ней,—она не то, что видѣли мы въ ней и какъ представляли её.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ всѣмъ своимъ существомъ:—жизнь есть храмъ! Да, храмъ... Это не торжище, не арена для удовольствій, не юдоль скорби, не нѣчто преходящее, которую нужно «прожигать», какъ что-то не важное, эфемерное, или «сносить», какъ тяжелую ношу горя и страданій, не стихійный и бессмысленный процессъ,

¹⁾ Изъ литературныхъ переживаній Н. Н. Златовратскаго. «Старый Владимирецъ», 1911, 17 дек., № 274.

²⁾ Черновикъ письма—въ бумагахъ Н. Н. Златовратскаго. Тѣ строки, гдѣ Н. Н.—чѣ излагалъ свой взглядъ на Толстого, потомъ были зачеркнуты.

³⁾ Эта замѣтка оказалась въ бумагахъ Н. Н. Златовратскаго, къ сожалѣнію, безъ даты и въ неоконченномъ видѣ. Вѣроятно, она относится къ 1885 г., когда были писаны «Мои видѣнія».

который нужно какъ-никакъ пережить для чего-то высокаго, торжественнаго тамъ, за гробомъ... Нѣтъ, жизнь сама есть это высокое, глубокое и торжественное, какъ храмъ... утвердитесь въ этой мысли, попробуйте взглянуть на неё такъ,—и моментально вы поймете ея смыслъ, и каждый моментъ этой жизни будетъ полонъ для васъ значенія, и для васъ не будетъ страха жизни и смерти... Вы увидите, что вы одна изъ частицъ молящихся въ этомъ храмѣ, что никто здѣсь ни больше, ни меньше васъ, что вы не имѣете права и смысла думать, что можете разрушить этотъ храмъ и возсоздать его...» ¹⁾

Въ 1885 г. Н. Н. Златовратскимъ были написаны «Мои видѣнія» (разсказъ одного маленькаго человѣка), гдѣ подъ именемъ «Большаго человѣка» изображенъ Л. Н. Толстой. Большой человѣкъ произвелъ потрясающее впечатлѣнiе на Ив. Петр. Кузнецова, «маленькаго человѣка», «выписавшагося изъ крестьянъ мѣщанина, литератора, живописца, гравера,—однимъ словомъ, свободнаго художника». Особенно поразилъ его анализъ жизни, данный Большимъ человѣкомъ, его взглядъ на народъ и общій смыслъ жизни. Большой человѣкъ говорилъ: «Маленькіе люди, кишѣвшіе внизу, были пахари, люди труда, мира и вѣры, что въ этомъ-то и есть смыслъ жизни, вложенный въ нее Богомъ, что жизнь—не эти залы, не пирамида человѣческой борьбы за самосовершенствованіе, что жизнь—это храмъ безъ идоловъ, безъ жрецовъ, безъ жертвъ...»

Н. Н. Златовратскій постигъ религію жизни и ея глубокій смыслъ. За будничной дѣйствительностью онъ прозрѣвалъ идеальную цѣль, и жизнь представлялась ему, какъ высокій подвигъ.

«Не рыбацкій парусъ малый, корабли мнѣ снятся», могъ бы сказать о себѣ Н. Н.—чѣ, избравшій эти слова Некрасова эпиграфомъ къ «Барской дочери». Въ былинѣ «Безумецъ» (1887) онъ поетъ настоящій гимнъ идейному безумію. Изнуренный, покрытый пылью, спаленный солнцемъ, идетъ его Безумецъ по суровому, невыносимо тяжелому пути. Порою онъ изнемогаетъ отъ усталости. Но, крѣпко прижимая руку къ груди, онъ чувствуетъ, что драгоцѣнный кладъ, имъ найденный, лежитъ около самаго сердца, и ему становится легко и отрадно, невидимыя крылья подхватываютъ его и несутъ все дальше и дальше, пока, наконецъ, не придетъ онъ къ родному порогу и съ радостной улыбкой, уже ослабѣвшей рукою не передастъ драгоцѣннаго клада своимъ дѣтямъ—преемникамъ.

Безумецъ — художественный символъ героическаго народничества въ пониманіи Николая Николаевича. Онъ не боялся прослыть мечтателемъ и романтикомъ. Напротивъ, убѣжденно и открыто проповѣдуетъ онъ власть мечты, т.-е. идеала, и создаетъ цѣлую психолого-соціологическую теорію «свѣтлаго романтизма».

¹⁾ Дальше идутъ слова: «Вы ничто, только». На нихъ запись и обрывается.

Если въ глазахъ шестидесятниковъ романтизмъ получилъ одіозное значеніе, какъ остатокъ барской культуры, то народники снова провозгласили его основнымъ двигателемъ жизни. Старая романтика воскресаетъ, но въ новой соціальной обстановкѣ и, слѣдовательно, въ новыхъ формахъ. Это былъ уже *демократическій романтизмъ*.

Н. Н.—чѣ любилъ повторять мысль, хорошо знакомую намъ по литературѣ 30-хъ—40-хъ годовъ, что русскій народъ по преимуществу идеалистъ и романтикъ. «И еще можно поспорить,—говорилъ онъ въ «Золотыхъ сердцахъ»,—что лучше: солидная культура съ опредѣленными и очень узкими идеалами, или безкультурный романтизмъ». По убѣжденію Н. Н. Златовратскаго, идеализмъ и чувство—важнѣйшіе факторы исторіи. Такъ думалъ не онъ одинъ, но и другіе народники. Въ 1882 г., когда уже заканчивались «Устои» Н. Н.—ча, вышла книга І. Юзова «Соціологическіе очерки. Основы народничества». Изученіе соціальныхъ законовъ, доказывалъ Юзовъ-Каблицъ (41), должно начинаться съ психологіи. Большую роль въ жизни человѣка играетъ чувство, а не умъ, такъ какъ «отъ склада чувствъ» прежде всего зависятъ «системы распредѣленія экономическихъ благъ» (56—7). «Прогрессъ соціальныхъ формъ заключается по преимуществу въ прогрессъ соціальныхъ чувствъ» (63). Еще Спенсеръ утверждалъ въ своемъ сочиненіи «О причинахъ разногласія съ философіею Конта», что «идеи не управляютъ міромъ и не ниспровергаютъ его: міръ управляется и ниспровергается чувствами, которымъ идеи служатъ только руководителями. Соціальный механизмъ покоится въ окончательномъ результатѣ не на мнѣніяхъ, а исключительно на характерахъ» (63). Значитъ, самымъ важнымъ факторомъ общественнаго прогресса является «чувство», и тѣ дѣятели, которые желаютъ вліять на прогрессивное движеніе соціальныхъ формъ, сами должны въ высокой степени обладать соціальными чувствами, т.-е. «любовью къ человѣчеству, сильно развитымъ чувствомъ справедливости и, такъ сказать, боевымъ характеромъ» (65).

Въ отличіе отъ стараго, барскаго романтизма, демократическій романтизмъ народниковъ можно назвать *соціальнымъ романтизмомъ* (чѣмъ, впрочемъ, онъ былъ уже отчасти у раннихъ славянофиловъ). Его эмоциональное содержаніе обусловливается опредѣленнымъ комплексомъ соціальныхъ идей.

III.

Русское народничество не было однимъ романтическимъ порывомъ, одной «вѣрой сердца», но и опредѣленной идеологіей. По крайней мѣрѣ, оно стремилось выработать себѣ идеологію, чтобы внести сознательность и планомѣрность въ свою работу.

У Н. Н. Златовратскаго мы находимъ сочетаніе обоихъ элементовъ—эмоціональнаго и идеологическаго.

«Я—не теоретикъ, а практикъ. Я—не отвлеченіе, а жизнь. Я—не обобщеніе, а фактъ. Я—не догматъ, а вѣра. Я—не умъ, а сердце. Я—не мечь, а всепрощеніе. Я—не рефлексія, а ощущение. Я—слабый отблескъ того, что—народъ...» Такъ говоритъ въ своемъ письмѣ Башкировъ, одинъ изъ героевъ «Золотыхъ сердецъ» ¹⁾. «Народное сердце вспоило и вскормило меня,—продолжаетъ онъ:—и я преклоняюсь предъ нимъ. Чтобы отплатить ему, я долженъ быть имъ,—иначе немислима отплата. За сердце—сердце. Я сжигаю все и преклоняюсь предъ нравственной силой народа». Башкировъ готовъ дѣлать все, чего потребуесть отъ него народъ, не разсуждая, не анализируя, а повинуюсь единственно «непосредственному чувству». Здѣсь психологическія основы народничества самого Николая Николаевича. «Непосредственное чувство» болѣе всего сообщало тональную окраску его творчеству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ беллетриста и публициста, онъ принималъ живое участіе въ выработкѣ теоретической идеологіи народничества.

Литературное творчество, по мнѣнію Н. Н. Златовратскаго, должно быть идейной работой «на соціологической подкладкѣ».

Наблюдаемый въ 80-хъ годахъ упадокъ литературы Н. Н.—чѣ (въ письмѣ къ Скабичевскому отъ 9 янв. 1885 г.) объяснялъ тѣмъ, что у писателей нѣтъ «сильныхъ, вдохновляющихъ мотивовъ для общественнаго служенія». Писатель не можетъ видѣть въ жизни людей одинъ только богатый складъ «живого матеріала» для разныхъ «объективныхъ» упражненій надъ нимъ; нѣтъ, онъ «самъ живыми нервами связанъ съ этимъ живымъ матеріаломъ и чувствуетъ боль при каждомъ конвульсивномъ содроганіи этого живого матеріала» (ib.); онъ не просто изображаетъ дѣйствительность, а переживаетъ ее и старается осмыслить ея явленія.

Особенно трудна задача беллетриста-народника. Надлежащимъ образомъ народная жизнь можетъ быть понята и воспроизведена лишь «художникомъ изъ народа». Только истинныя «дѣти народа», «родившіяся и выросшія въ атмосферѣ общинной жизни, могутъ вызвать непосредственно изъ своей души образы этой жизни; только имъ возможно будетъ, въ полномъ объемѣ, осуществить идеаль того *искусства на соціологической подкладкѣ*, если можно такъ выразиться, о которомъ мечтаютъ современные философы. Народная жизнь и въ характерныхъ, величавыхъ картинахъ исторической борьбы, и въ своихъ современныхъ будняхъ представляетъ неисчерпаемое богатство для вдохновеній *истинно-народнаго*

¹⁾ Цитируемое письмо въ печатный текстъ не вошло, а сохранилось въ рукописяхъ Н. Н.—ча.

«соціального художника» ¹⁾. Пока такой большой художникъ изъ народа еще не явился: его «мы не видѣли еще и, Богъ вѣсть, дождемся ли скоро». Волей-неволей приходится браться за эту работу писателю, вышедшему изъ культурнаго класса. Но такому писателю нужно, по крайней мѣрѣ, носить въ своей душѣ идеалы мірскаго, общиннаго человѣка, «нужно проникнуться его духомъ и умѣть вдохновляться тѣмъ, чѣмъ вдохновляется онъ... Задача нелегкая!» ²⁾

Эту нелегкую задачу «истинно народнаго «соціального» художника» сознательно беретъ на себя Златовратскій. Больше всего стремится онъ быть правдивымъ. Онъ тщательно изучаетъ народную жизнь, ведетъ записи того, что видитъ и слышитъ. Онъ боится повторить ошибку прежнихъ писателей, которые давали сентиментальныя или поверхностныя картины народной жизни; онъ боится впасть въ идеализацію народа, «въ приторно-сладкій тонъ». Ему хочется воспроизводить какъ свѣтлое, такъ и темное въ народномъ быту. «Деревенскіе будни» кончаются описаніемъ покоса въ Нижнихъ Лопухахъ и слѣдующими характерными словами автора: «Прекрасная, радующая и умиляющая картина былъ этотъ ниже-лопухинскій покосъ! Но... Безъ *но* и вообще рѣдко бываетъ что-либо на свѣтѣ, а въ крестьянской жизни тѣмъ паче. Можетъ-быть, и я, какъ всякій сторонній наблюдатель, пришелъ бы въ умиленіе отъ картины лопухинскаго покоса, если бы не видалъ я раньше другой картины,—картины «распредѣленія», если бы не зналъ я, что среди этихъ «помилу» собравшихся вытей немало работаетъ батраковъ, если бы не видалъ я забитыхъ избъ, если бы не окружала меня въ деревнѣ душная атмосфера «двоедушія и двуличія», если бы... если бы... О, читатель, какъ много этихъ «если бы!» Къ счастью, существованіе этихъ противорѣчій сознаетъ самъ народъ»... Эти мысли Златовратскаго особенно важны въ виду частыхъ упрековъ въ томъ, что онъ слишкомъ идеализируетъ народную жизнь.

Не безъ основанія въ тѣхъ же «Деревенскихъ будняхъ» Н. Н.—чѣ предостерегалъ самихъ литературныхъ критиковъ отъ возможности ошибки при разрѣшеніи вопроса, что правдиво и что ложно въ народнической беллетристикѣ. Существуетъ огромная разница, говоритъ онъ, «между отношеніемъ интеллигентнаго читателя къ воспроизведеніямъ жизни общества и къ воспроизведеніямъ жизни народной, въ особенности у насъ». Литературные судьи сами еще «не имѣютъ критерія въ оцѣнкѣ произведеній, касающихся народной жизни»; при провѣркѣ степени художественной правды народнической беллетристики, критика опирается лишь на «общія психологическія основы и имя автора». «Чтобы вынести мало-мальски справедливое

¹⁾ «Деревенскіе будни». Гл. VI.

²⁾ Ibidem.

сужденіе, приходится прибѣгать къ предположеніямъ, сопоставленіямъ, догадкамъ, логическимъ умозаключеніямъ». Если разбирается произведеніе писателя интеллигента, «рисующаго народный бытъ, то постоянное и упорное недовѣріе встрѣчаетъ его самыя задушевныя страницы, самыя правдивыя картины». Чтобы отстранить возможность такой предвзятой точки зрѣнія, добросовѣстный писатель - народникъ принужденъ «испещрять страницы своихъ повѣстей публицистическими и иными соображеніями, или же дѣлать ссылки и приводить цѣлыя научныя цитаты». Такъ вообще будутъ писаться «добросовѣстные романы изъ жизни народа тѣми, кому дорого торжество истины, торжество своихъ убѣжденій. И будетъ это до тѣхъ поръ, пока или читателемъ не будетъ самъ народъ, или писателями не выступятъ люди изъ народа, мірскіе, общинные люди, или же пока научное изученіе народнаго быта не займетъ почетнаго мѣста, и выводы науки не войдутъ въ общее сознаніе».

Характерная мотивировка того, почему народническая беллетристика уклонялась отъ принциповъ чистой художественности. Почти буквально то же самое говоритъ намъ и Г. И. Успенскій.

Самъ Н. Н.—чѣ живо чувствовалъ красоту и поэзію. Эстетическія наклонности составляютъ не послѣднюю черту его положительныхъ героевъ (напр., въ «Мечтателяхъ» и въ «Устояхъ»). Мосей Волкъ, основатель Волчьяго поселка въ «Устояхъ», былъ «мужикъ эстетикъ, одинъ изъ тѣхъ дѣтей природы, которыя ея великіе феномены наградили такими нѣжными и ласкательными именами, каковы: «зоринька ясная», «солнце красное», «мать земля - кормилица» и т. п. Мосей «влюбился» въ дергачевскую рощу и употребилъ всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти ее у барина для мужицкаго поселка.

А какъ умѣлъ Н. Н.—чѣ изображать природу, когда давалъ волю своему «эстетизму», можно судить, напр., по описанію березовой рощи въ разсказѣ «Скиталець».

Соприкосновеніе съ природой и народной жизнью будило въ Н. Н. Златовратскомъ свойственный ему лиризмъ настроенія. Тогда яркій свѣтъ «романтизма» падалъ на изображаемыя имъ картины, и позади конкретнаго міра возникала какая-то глубокая перспектива. Н. Н.—чѣ зналъ въ себѣ это свойство и старался вводить свое творчество въ строгія границы реальной правды. Основной фактъ тотъ, что Златовратскій подходилъ къ своей писательской задачѣ весьма осторожно, вѣчно опасаясь, какъ бы не взять фальшиваго тона, какъ бы не дать ложнаго истолкованія наблюдаемымъ фактамъ народной жизни.

Главной своей цѣлью, какъ писателя - народника, Н. Н.—чѣ считалъ раскрытіе соціальныхъ основъ крестьянскаго быта, безъ чего невозможно понять ни психологіи ни идеаловъ русскаго мужика.

«Мужицкій типъ, характеръ во всей его полнотѣ и цѣльности,— писалъ Н. Н.—чѣ,—можно воспроизводить въ тысячу разъ всестороннѣе на почвѣ общинно-бытовой, чѣмъ на избито-шаблонной канвѣ психическихъ коллизій въ узко-индивидуальной сферѣ любовныхъ и имъ подобныхъ отношеній» ¹⁾).

Результатомъ долгихъ и вдумчивыхъ наблюдений Н. Н.—ча явилось убѣжденіе въ томъ, что народъ имѣетъ свои опредѣленные идеалы, и что ихъ корни уходятъ въ глубь общиннаго строя деревенской жизни. Община это — вообще высшая форма естественнаго союза людей. Вопреки мнѣнію многихъ, она не только не подавляетъ личности, но «является покровительницей нравственной индивидуальной свободы» ²⁾). Въ словахъ «община», «общинный мірской человекъ» формулируется одна сторона мужицкой души, «въ смыслѣ солидарности на основахъ извѣстныхъ экономическихъ и социальныхъ отношеній». Но крестьянинъ еще хочетъ быть «хозяиномъ», хочетъ «хозяйствовать». Здѣсь обнаруживается другая сторона,— «сторона исключительно индивидуальныхъ стремленій къ обособленію, къ господству, къ достиженію благосостоянія путемъ иныхъ экономическихъ и нравственныхъ основъ». Въ общинѣ происходитъ синтезъ этихъ двухъ противоположныхъ началъ,—тотъ синтезъ, о которомъ вообще мечтаютъ социальные мыслители. Можетъ-быть, именно народная община и представляетъ «воплощеніе той желаемой гармоніи, въ которой естественно, безъ малѣйшаго насилія, примиряются начала общаго и личнаго, альтруистическихъ и эгоистическихъ стремленій». Община любовно принимаетъ въ свои нѣдра не только сильныхъ субъектовъ, но и слабыхъ; она, такъ сказать, каждому даетъ по его потребностямъ и отъ каждого требуетъ по его силамъ и способностямъ. Община — «краеугольный камень нашей народной жизни»; на ней «покоится все міровоззрѣніе народа, его инстинкты, его стремленія, его будущее». Здѣсь конкретизировались искомые идеалы народа. Какъ золотой песокъ, они разсыпаны по жиламъ народнаго организма. Порой они завалены всякимъ соромъ и хламомъ, нанесеннымъ внѣшней силой; но тамъ и сямъ еще попадаются «цѣлые самородки, блистающіе яркимъ, свѣтлымъ отблескомъ первобытнаго идеала» ³⁾).

Въ качествѣ добросовѣстнаго наблюдателя, Н. Н. Златовратскій констатировалъ, что нарождается новая деревня, которая стремится къ «дезорганизаціи устоевъ деревни старой, какъ представительницы принципа труда и экономического равенства». Деревня переживаетъ глубокой кризисъ; противорѣчіе между личнымъ и общимъ, которое, повидимому, община умѣла успѣшно разрѣшать, рѣзко обострилось.

¹⁾ «Деревенскіе будни». Глава VIII.

²⁾ «Деревенскіе будни». Глава IV.

³⁾ Ibid. Главы XIII и IV.

«Сила иныхъ вліяній медленнымъ ядомъ подбирается къ самому сердцу общины. Убьетъ ли этотъ ядъ общину? Или же община рѣшится на ампутацію и съ корнемъ вырветъ разъѣдающую ее гангрену?» Вотъ гамлетовскій вопросъ, который ставилъ передъ собой Н. Н. Златовратскій еще въ 80-хъ годахъ (въ «Деревенскихъ будняхъ»).

Только зная это, мы поймемъ фактическое содержаніе и тонъ самага значительнаго произведенія Н. Н.—ча, его «Устоевъ». Это въ сущности величавая эпопея борьбы старой и новой деревни. Авторъ не скрылъ отъ читателя, что его собственныя симпатіи на сторонѣ старой деревни, что онъ раздѣляетъ идеи Мосея Волка, Ульяны Мосевны и Мины Аванасъича. Онъ стойко держится своей вѣры въ силу «беззавѣтнаго романтизма», тѣхъ идеальныхъ началъ, — «поэзіи, вѣры, любви», — безъ которыхъ, какъ говорить Лиза Дрекалова въ эпилогѣ «Устоевъ», власть земли обратится «въ страшную, могильную власть животнаго, хотя бы и мирнаго прозябанія», власть міра, общины станетъ «условною мертвою формою, деспотически принижающею неживленную духомъ «порыва» личность»; «власть труда сдѣлается страшною властью машины и, наконецъ, самая власть «ума», власть интеллигенціи, превратится въ сухое, вялое доктринерство или умственный деспотизмъ».

Вотъ чего боялся Николай Николаевичъ. Онъ боялся, какъ бы всеоухотворяющій идеализмъ не покинулъ тѣло народной общины.

По весьма понятнымъ причинамъ авторъ «Устоевъ» не могъ въ печати съ полной опредѣленностью формулировать свои конечные идеалы. Приходилось ограничиваться фразами, что «замѣчательная эластичность и живучесть общинныхъ началъ въ народѣ гарантируетъ въ будущемъ ихъ высокое значеніе въ социальномъ прогрессѣ человѣчества». Теперь пора уже прямо сказать, что Н. Н. Златовратскій исповѣдывалъ идеи *народническаго социализма*.

Внимательно слѣдилъ онъ за эволюціей дорогихъ ему идей и отъ времени до времени подавалъ свой голосъ въ возникавшихъ спорахъ. Особенную важность имѣли выступленія Николая Николаевича въ срединѣ 80-хъ годовъ.

IV.

Однажды (въ концѣ девяностыхъ годовъ) Н. Н. Златовратскому пришлось взять на себя роль историка народничества въ одномъ энциклопедическомъ словарѣ. Народничество, писалъ онъ тогда, «имѣло свои корни еще въ возрѣніяхъ 40-хъ и 60-хъ годовъ. Въ основѣ его и теперь лежала та же вѣра въ народъ, какъ въ новую историческую силу, несущую обновленіе, и въ его трудовую общину, какъ въ залогъ дальнѣйшаго правильнаго экономическаго развитія, и то же стремленіе найти нравственное успокоеніе въ непосредствен-

номъ служеніи народу, вплоть до крайнихъ формъ «опрошенія» и «сліянія» съ нимъ. Только теперь, вмѣстѣ съ кающимся дворяниномъ выступали на этотъ путь новыя, болѣе свѣжія силы, люди интеллигентнаго труда, реальнаго знанія и болѣе цѣльнаго характера и сильной воли. Эта широкая волна демократическаго настроенія того времени нашла выраженія во многихъ беллетристическихъ произведеніяхъ... Это движеніе имѣло и своихъ теоретиковъ (Михайловскій, Южакъ, Юзовъ, В. В., В. Пругавинъ, Приклонскій, Соколовскій, Щербина и др.), но до сихъ поръ попытки теоретическаго обоснованія народничества вызвали оживленную полемику даже между писателями, очень близкими по основнымъ стремленіямъ, и были не всегда удачны, какъ вслѣдствіе сложности самой психической основы этого движенія, такъ и вслѣдствіе крайняго разногласія у самихъ теоретиковъ во взглядахъ на активную роль народа въ культурной исторіи. Во всякомъ случаѣ это направленіе общественной мысли составляло наиболѣе характерную сторону періода 70-хъ годовъ и имѣло большое значеніе въ постановкѣ и выясненіи важнѣйшихъ вопросовъ историко-національнаго развитія.

Такъ «объективно» характеризовалъ Н. Н.—чѣ происхожденіе, сущность и значеніе народничества. Но для него это было свое, жизненное, кровное дѣло.

«Передъ нашимъ поколѣніемъ,—писалъ онъ въ послѣдніе годы (изъ бумагъ Н. Н.—ча),—всталъ роковой, ничѣмъ не отстранимый вопросъ объ органической связи между нами и народной массой. Это уже былъ вопросъ далеко не одного литературно-теоретическаго интереса къ народу, разсматриваемому, какъ объектъ для наблюденія, и не одного гуманизма сверху, каковымъ онъ стоялъ для предшествовавшаго поколѣнія. Это былъ для разночинца вопросъ уже о неотвратимомъ разрѣшеніи проблемы кровнаго взаимоотношенія между личностію и народомъ — массой». Безъ уясненія этого вопроса немыслима была полнота разумаго существованія личности. Рѣшеніе, конечно, не могло быть достигнуто сразу.

Одинъ изъ важныхъ моментовъ въ исторіи народничества падаетъ на первую половину 80-хъ гг., когда, послѣ тяжелыхъ испытаній, которыя пришлось пережить нашимъ народникамъ, явилась настоятельная потребность въ новомъ самоопредѣленіи. Дороги перепутались; вѣхи, повидимому, такъ увѣренно разставленныя по пути, частью попадали, частью перенесены въ другое мѣсто. Куда итти? Гдѣ союзники и друзья? Какъ, наконецъ, осмыслить явленія, происходящія въ самой деревнѣ? Эти и подобные вопросы съ неотразимой силой возникали въ сознаніи и требовали рѣшенія.

Въ 1885—1886 г. въ Москвѣ происходилъ съѣздъ народниковъ, на которомъ рѣшено было пересмотрѣть «основные тезисы» народничества. Н. Н. Златовратскій, тогда уже авторъ «Устоевъ», принималъ дѣятельное участіе въ работахъ съѣзда. Можно думать, что именно

для него Н. Н.—чѣ написалъ свое «Credo», сохранившееся въ его бумагахъ. Высказавъ уже не въ первый разъ свою жалобу на отсутствіе у молодыхъ народниковъ «преемственности сознанія», т.-е. внимательной критической работы надъ тѣмъ, что говорилось и дѣлалось въ недалекомъ прошломъ, Николай Николаевичъ набрасываетъ цѣлую исторію народническаго движенія.

Зародилось народничество, говорилъ онъ здѣсь, въ концѣ 60-хъ гг.; тогда подъ его знамя встала почти вся интеллигенція, «отождествившая свои надежды и чаянія съ надеждами и чаяніями народа, но въ то же время и свои интересы съ интересами народа, безъ яснаго анализа тѣхъ и другихъ по существу. Логически построенная система доказывала, что должно было совершиться при самомъ незначительномъ усиліи». Въ этой стадіи народничества было много справедливаго, «но много и совершенно ложнаго, фиктивнаго, зависѣвшаго прямо отъ полной оторванности и незнанія народа у огромнаго большинства интеллигенціи». Среди народниковъ были тогда и сторонники рабочей программы Лассалля, и поклонники русской общины, и послѣдователи Прудона съ его народнымъ банкомъ, и коммунисты, и «всѣ просто недовольные люди въ Россіи, для которыхъ все одно — что бы ни вышло, только бы вышло».

Увѣренно ждали всѣ политическаго возстанія народа. Когда этого не случилось, интеллигенція сдѣлала выводъ, что народъ не оправдалъ «нашихъ надеждъ». Въ концѣ 70-хъ гг. большинство рѣшило временно оставить народъ въ покоѣ; слышались даже рѣчи о «зоологичности» мужика. Признано было за лучшее «принять на свой рискъ и страхъ обязанность осуществить надежды какъ для него, такъ и для себя». «Все для народа, но не при посредствѣ его», какъ говорилось тогда съ большимъ апломбомъ. Такимъ образомъ, народъ былъ устраненъ отъ активной роли, и интеллигенція взялась сама осуществлять его идеалы.

Взгляды интеллигенціи, какъ и слѣдовало ожидать, оказались весьма разнокалиберными, и идеаловъ за разъ выставлялось нѣсколько. Противъ этого хаоса возвысила свой голосъ небольшая группа «народниковъ-самобытниковъ». Она осталась въ народѣ и постаралась уяснить себѣ, почему народъ не оправдалъ надеждъ интеллигенціи, и каковы дѣйствительные идеалы деревни. Событія начала 80-хъ годовъ еще болѣе осложнили вопросъ, и къ срединѣ этого десятилѣтія господство, повидимому, стала получать та фракція народниковъ, которая приняла девизъ: «развязать руки интеллигенціи для служенія *интересамъ* народа». Эту фракцію Златовратскій готовъ назвать «либерально-радикально-демократической» и горячо доказывалъ, что она идетъ по ложному пути, что нужно служить не интересамъ, а идеаламъ народа. Интересы не исключаются идеалами, но идеалы нужно поставить *«выше всего и прежде всего»*, «ибо только идеалами опредѣляются интересы, а не наоборотъ, и по-нашему, — писалъ

Н. Н.—чѣ,—*крайне опасно*, когда думаютъ иначе, т.-е. что нужно добиться сначала удовлетворенія интересовъ, а потомъ уже думать объ идеалахъ, или что они тогда скажутся сами собой». Европейская исторія испробовала этотъ путь стремленія къ интересамъ и доказала его ошибочность. Несмотря на то, что пролиты цѣлыя моря крови, «человѣчество еще дальше стоитъ отъ осуществленія идеаловъ, чѣмъ прежде, такъ какъ къ идеаламъ приходится итти путемъ органическаго вырожденія и деморализаціи массъ. Несомнѣнно, что лучшіе умы тамъ уже сомнѣваются, чтобы подобнымъ путемъ *интересовъ* массъ можно было достигнуть осуществленія идеаловъ. Это приведетъ только къ квадратурѣ круга». «Очевидно, — заключаетъ Н. Н.—чѣ свое Credo, — что наибольше (sic) гармоничной является жизнь человѣка, когда интересы и идеалы взаимно опираются одни на другіе и не противорѣчатъ другъ другу».

Отсюда роль интеллигенціи сводится къ тому, чтобы сознать подлинныя идеалы народа и помогать ему въ ихъ осуществленіи, а не превращать народъ въ объектъ воздѣйствій хотя бы и самыхъ благожелательныхъ.

Въ основныхъ пунктахъ своего Credo Н. Н. Златовратскій былъ болѣе или менѣе близокъ къ идеологіи В. В. (Вас. Павл. Воронцова) и Юзова-Каблица. «Народные интересы, какъ цѣль, формы, вырабатываемыя его коллективною мыслью, или другія, соотвѣтствующія его желаніямъ, какъ средство, и самостоятельность населенія, какъ рычагъ общественной эволюціи» — вотъ формула народничества въ опредѣленіи В. В. ¹⁾ Возставая противъ опеки культурныхъ классовъ надъ народомъ, Юзовъ также требовалъ «предоставленія простора развитію *всѣхъ* группъ народа» (305) и народникомъ считалъ лишь того, кто «*уважаетъ* народъ, какъ коллективную единицу, воплощающую въ себѣ относительно высокій, для нашего времени, уровень справедливости и человѣчности» (319). Истинный народникъ убѣжденъ, что «только коллективная мысль народа можетъ безошибочно опредѣлить, что должно считаться практической общественной задачей нашего времени и каково должно быть ея разрѣшеніе» (319). Нельзя навязывать народу своихъ идеаловъ, интересовъ и формъ жизни.

Съѣздъ 1885 — 1886 г., съ своей стороны, полагалъ ²⁾, что народническая интеллигенція должна взять на себя миссію, подобную той, которую выполняли проповѣдники первыхъ вѣковъ христіанства и гуманисты XVII — XVIII вв., въ убѣжденіи, «что высшія истины морали суть истины элементарныя, присущія сознанию каждаго человѣка, какъ бы низко онъ ни стоялъ на общественной лѣстницѣ. Онѣ составляютъ ту «совѣсть человѣчества», которая,

¹⁾ В. В. «Наши направленія». Стр. 7.

²⁾ Здѣсь мы пользуемся нашей статьей «Подвижники великой идеи», напечатанной въ «Р. Вѣд.». 1911, № 286.

вѣками затмеваемая и порабощаемая стихійнымъ процессомъ жизни, въ извѣстные моменты, при благопріятныхъ условіяхъ, вспыхиваетъ въ общемъ сознаніи и ищетъ себя воплощенія въ дѣйствительности. Эти простые и потому великія истины не только доступны усвоенію народѣ ихъ массъ, но народъ самъ таитъ ихъ въ глубинѣ своей души. «Принимая на себя высокую миссію борца за идеалы и интересы трудящихся и угнетенныхъ народныхъ массъ, народникъ признаетъ, что самая широкая программа среди народа грядущаго торжества народной правоты, обязательность ея, какъ высшей справедливости, неустанный призывъ къ тающемуся въ глубинѣ народной души чувству общаго братства и равенства и постоянное поддержаніе народнаго духа на высотѣ самаго свѣтлаго романтизма, должно стать альфой и омегой народнической дѣятельности». Это — самый существенный изъ «основныхъ тезисовъ»; онъ, какъ видимъ, весь обвѣянъ духомъ «свѣтлаго романтизма» народниковъ 70 — 80-хъ годовъ. На собраніи была выработана и программа-*minimum*, которая могла бы удовлетворить насущныя потребности «двухъ количественно преобладающихъ трудовыхъ классовъ: земледѣльцевъ и разночинцевъ (въ широкомъ смыслѣ слова: ремесленниковъ, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, мелкихъ торговцевъ и служащихъ и лицъ такъ называемыхъ «свободныхъ профессій», — учителей, врачей, техникувъ, писателей, художниковъ и т. п.)». Программа требовала: а) учрежденія мѣстныхъ (областныхъ) и общаго соборовъ изъ свободно избранныхъ представителей всѣхъ классовъ и національностей государства; б) націонализаціи всѣхъ земель и природныхъ богатствъ страны; в) «признанія общины, какъ формы земледѣльческаго союза, и производительныхъ трутелей пользующимися преимущественнымъ покровительствомъ государства» и г) суда представителей общественной совѣсти по всѣмъ преступленіямъ. Выдвигая подобную программу и опредѣляя различные способы борьбы за нее, съѣздъ настойчиво предостерегалъ, чтобы народникъ не вносилъ въ политическую борьбу «доктринерства, какъ бы оно ни казалось логически обоснованнымъ, зная, что за нимъ стоятъ живое тѣло и живая кровь народныхъ массъ».

Изложенные «основные тезисы» народниковъ были руководящими идями и самого Ник. Ник. Златовратскаго. Не даромъ лѣтъ пять тому назадъ онъ собственноручно переписалъ ихъ въ особую книгу, «листы которой не гниютъ и не тлѣютъ», — книгу, поднесенную ему по случаю сорокалѣтняго юбилея московскимъ правленіемъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Покойный писатель какъ бы хотѣлъ сказать намъ, что нѣтъ тлѣнія и смерти для «основныхъ тезисовъ» народничества. Его несокрушимая преданность идеямъ народничества не превращалась, однако, въ «доктринерство» и узкій догматизмъ. Ему дорога была вся народническая идеологія, но еще дороже то ядро, которое содержится

въ идеологической скорлупѣ, именно то основное положеніе, что трудящійся народъ, являясь у насъ жертвой высшей соціальной неправды, въ то же самое время служить основой всего государственнаго бытія. «Крестьянство — держава всему! — говорилъ Мину Аѳанасичу прохожій старичокъ (въ «Устояхъ»). — Все крестьянствомъ крѣпится... Всѣ имъ сыты: царева казна и солдатикъ, и баринъ». Минъ Аѳанасичъ, съ своей стороны, полонъ вѣры, что «объявится правда, и будетъ надъ всѣмъ владыка одинъ — мужичокъ!»

Здѣсь содержится та повелительная идея, съ которой Николай Николаевичъ прожилъ длинный рядъ годовъ. Ея немолчные зовы онъ слышалъ каждую минуту; пытливо озираясь вокругъ себя, онъ ловилъ родные звуки въ новыхъ формахъ литературной жизни или государственнаго строительства. Появятся на сценѣ босяки Горькаго и особенно его старикъ Лука, — Златовратскому въ новизнѣ старина слышится, онъ радуется новому союзнику. Заговорить русская деревня, охваченная политическимъ возбужденіемъ, раздадутся горячія рѣчи организованныхъ друзей народа, — Златовратскій привѣтствуетъ эти яркіе симптомы приближающагося торжества соціальной справедливости.

Много важныхъ думъ передумалъ старый народникъ въ декабрѣ 1905 г., когда забаррикадированная Москва была подъ перекрестнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Выстрѣлы потрясали воздухъ и доносились до скромнаго кабинета Н. Н.—ча въ его демократической квартирѣ на Бронной. Кажется, видишь, какъ Николай Николаевичъ въ безсонную ночь нервно ходить по комнатѣ или сидитъ за письменнымъ столомъ, оперевъ на руку свою красивую голову. Передъ его взоромъ проносится вся драматическая исторія борьбы русскаго народа за правду и свободу.

Въ одну изъ такихъ минутъ, дрожащей отъ волненія рукой, набросалъ онъ замѣчательныя строки, подъ заглавіемъ *«Три легенды. Къ воспоминанію о 14 декабря 1905 г.»*. (14 декабря для Н. Н.—ча было тройнѣ знаменательной датой: это — день его рожденія, память о событіи 1825 г., и, наконецъ, память о московскихъ событіяхъ 1905 г.).

Настоящее пробудило въ памяти Николая Николаевича двѣ старыя «легенды», которыя плѣняли его воображеніе еще на зарѣ сознательной жизни; теперь къ нимъ присоединилась и третья «легенда».

«Одна легенда шла изъ нѣдръ народа... Ее несли къ намъ цѣлыми потоками вздоховъ, скорби, надеждъ и упованій, порывовъ взволнованной «правды», отъ времени до времени, какъ раскаты грома, потрясавшихъ стогны городовъ и селъ, какія-то маленькія, ничтожныя существованія, жалкіе тѣломъ, бѣдные и униженные, — но высокіе всескорбящимъ своимъ духомъ, эти маленькіе «народные Христы», которые, какъ блуждающіе огни, неустанно вспыхивали то тамъ, то здѣсь надъ молчаливой и тяжелой юдолью народной жи-

ани, освѣщая и согрѣвая все, въ чемъ теплилась неутолимая духовная жажда... Цѣлыми столѣтіями и цѣлыми тысячами проходили по стогнамъ народной жизни эти маленькіе Христы, и погибали... въ снѣгахъ Сибири и застѣнкахъ городовъ, неустанно мучимые и распинаемые, — но неустанно призывавшіе великій и грозный судъ надъ мучителями... и говорившіе народу о грядущемъ воплощеніи для всѣхъ угнетенныхъ и скорбящихъ царства Божія, — тамъ, ибо отчаялись они видѣть его на землѣ.

«Другая легенда тоже столѣтіями созидалась въ тѣхъ верхахъ..., гдѣ ковались народныя цѣпи... Ее создавали и воплощали тѣ кровныя дѣти этихъ насильниковъ, которыя пріобщились древа познанія добра и зла, которыя очистили свои души невыразимыми душевными муками за преступленія своихъ отцовъ и, просвѣтленные, огненными рѣчами обличали своихъ кровныхъ насильниковъ народныхъ... И опять легенда уносилась съ ними... въ сибирскіе снѣга.

«Прошло 50 лѣтъ и началось созиданіе грандіознѣйшей изъ грандіозныхъ *третьей* легенды о выступленіи крестоносцевъ народныхъ трудовыхъ массъ, подъ знаменемъ новаго креста, какъ символа освобождающагося изъ-подъ гнета страданій труда... Они идутъ и идутъ толпа за толпой, сосредоточенные, прокопченные дымомъ фабричныхъ трубъ, обвѣтрѣнные стужей и изможденные голодомъ родныхъ деревень... Они идутъ, безоружные, съ горящей вѣрой въ глазахъ, устремленныхъ на развѣвающееся впереди знамя съ крестомъ труда, призывавшее ихъ къ воплощенію царства Божія уже здѣсь, на землѣ. И передъ необозримыми толпами ихъ начинала стонать земля, падали твердины насилія, какъ по мановенію жезла, замирала кругомъ жизнь, останавливались воды, замирали вѣтры и мельницы переставали молоть хлѣбъ, потухали огни въ жерлахъ заводскихъ печей и не расплавляли болѣе свинца для смертоносныхъ орудій... — и смолкли залпы орудій, которыхъ нечѣмъ было обновить и заряжать... и бросали ихъ полчища рабовъ, чтобы убѣжать въ ужасѣ отъ нихъ и присоединиться къ тѣмъ, которые все шли и шли за развѣвающимся знаменемъ новыхъ крестоносцевъ, молчаливые, сосредоточенные, безоружные, но могучіе и непобѣдимые... И подоблачный міръ огласился могучимъ гимномъ въ честь торжества новой жизни—преддверія воплощенія царства Божія на землѣ, создаемаго великимъ творчествомъ духа человѣческой солидарности во имя братства, свободы и справедливости!.. И новое: «да будетъ такъ!» пронеслось отъ края и до края міра».

Вотъ она, великая, воочію творимая народомъ легенда. Н. Н.—чѣ благоговѣйно занесъ въ свою поэтическую лѣтопись это «послѣднее сказаніе» земли родной. Старый народникъ распростеръ благословляющую десницу и надъ фабричнымъ рабочимъ и надъ голоднымъ мужикомъ родныхъ деревень, надъ всѣмъ «народомъ», который торжественно шелъ на завоеваніе свободы съ вѣрой въ царство

Божіе на землѣ. Любовными очами провожалъ Н. Н. Златовратскій этихъ новыхъ крестоносцевъ, и, вѣрный паладинъ народныхъ идеаловъ, духовно онъ былъ въ ихъ рядахъ.

Недавніе годы московскаго движенія, читаемъ въ другой замѣткѣ Н. Н.—ча (въ его бумагахъ), «съ очевидностію доказываютъ, что на смѣну разночинцевъ уже готовы выступить элементы, еще болѣе кровно связанные съ массой народа, для которыхъ рѣшеніе поставленной задачи явится безусловно органически неизбѣжнымъ». *Историческая миссія разночинца завершилась*. Онъ былъ «передаточной инстанціей между верхами и народомъ и, какъ и слѣдовало ожидать, внесъ съ собою массу недоразумѣній. Но теперь его, какъ передатчика, роль уже кончается». Наблюдая «недавніе годы великаго массоваго движенія», Н. Н.—чъ съ большимъ правомъ, чѣмъ его Пугаевъ могъ бы сказать: «Нынѣ отпускаеши!.. Я видѣлъ... и больше мнѣ ничего не нужно!.. Я умру полный вѣры, которой у меня никто не отниметъ!.. Теперь я спокоенъ и за васъ, и за себя: кто разъ видѣлъ *это*, для того нѣтъ отчаянія, нѣтъ страха смерти!..»

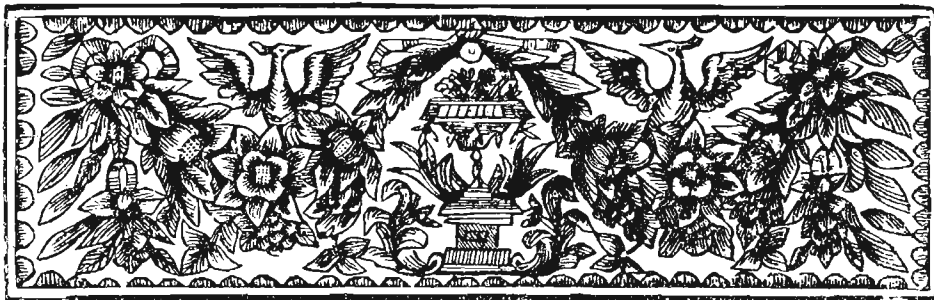
Есть красота формъ, есть красота мысли, есть красота жизни. Мы говоримъ о служеніи чистой красотѣ, чистому искусству. Но есть и другое, столь же святое служеніе, — служеніе чистой идеѣ: оно превращаетъ всю жизнь человѣка въ стройное художественное созданіе. Такова и была жизнь Николая Николаевича Златовратскаго. Трогательнымъ обаяніемъ дышитъ его нравственная личность, неизмѣнно вдохновляемая одной непоколебимой вѣрой въ творческую силу народа и въ святость его идеаловъ. Эта вѣра, говорилъ онъ о себѣ («Три легенды»), была «той драгоцѣнной нитью, которая вела меня цѣлое полустолѣтіе сквозь мракъ и хаосъ метущейся жизни, готовой перервать ее ежеминутно, чтобы сразу утопить меня въ своемъ стихійномъ водоворотѣ... И я не разъ утопалъ и погибалъ, но драгоцѣнная нить снова выводила меня на открытый путь...»

Какъ мечтатель-безумецъ его былины, въ полной неприкосновенности сберегъ Николай Николаевичъ свой драгоцѣнный кладъ. Передавая его всѣмъ намъ, онъ говорилъ:

«Это — перлы, которые досталъ я съ глубины народнаго моря... Въ нихъ залогъ его и вашего воскресенія и спасенія... Я чувствую, — мой конецъ близко... Мои силы изсякли... Взлелѣйте же вы эти перлы въ своей душѣ... Освятите ихъ творчествомъ мысли и теплотою сердца... Когда же вы будете достойны, чтобы возвратить ихъ народу въ блескѣ и сіяніи торжества и славы, — скажите тогда: *твоя отъ твоихъ тебѣ приношу*...»

«Послѣ этого мечтатель-безумецъ тихо скончался».

П. Сакулинъ.

Записки А. В. Поджіо.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Александръ Викторовичъ Поджіо (1797 — 1873), членъ южнаго тайнаго общества, не принималъ особенно замѣтнаго участія въ организаціи тайныхъ обществъ и вообще въ движеніи, закончившемся 14 декабря. Его арестовали въ кievской деревнѣ во время сборовъ въ Америку, куда онъ думалъ переселиться, выйдя въ отставку задолго до роковаго событія, разочаровавшись въ своихъ мечтахъ заняться общественной дѣятельностью среди русскихъ условий. И, тѣмъ не менѣе, значеніе его личности велико, она привлекала и привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Именно такіе, по первому впечатлѣнію, незамѣтные участники общественнаго движенія высоко несутъ и крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ его нравственное знамя. Своимъ присутствіемъ въ рядахъ участниковъ они объединяють разнородные элементы. Колеблющіеся и расходящіеся теченія они скрѣпляютъ своею искренностью и твердостью. Лучшимъ представителемъ этого типа людей и былъ А. В. Поджіо.

Отецъ А. В. Поджіо вышелъ изъ среды Пьемонтскаго дворянства. По словамъ доктора Бѣлоголоваго, фамилія Поджіо доселѣ принадлежитъ къ виднымъ представителямъ итальянской аристокраціи и, когда А. В. въ 60-хъ годахъ поселился во Флоренціи, итальянскіе родственники его поспѣшили возстановить свои связи и отношенія съ далекимъ представителемъ семьи, оказавшимся политической жертвой, принесенной на дальнемъ сѣверѣ за благо чуждаго имъ народа. Отецъ Поджіо сдѣлалъ карьеру на русской службѣ, и его дѣти, Александръ и Іосифъ, вступили въ жизнь полноправными членами господствующаго сословія Россіи. Они вышли офицерами въ Преображенскій полкъ и въ началѣ 20-хъ годовъ блистали въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ. Александръ Викторовичъ пользовался особымъ успѣхомъ, благодаря своей замѣчательной красотѣ и южной живости.

14-е декабря снесло ихъ обоихъ, но Іосифъ Викторовичъ поплатился тяжелѣе. Женатый на дочери статсъ-секретаря Бороздина и оторванный отъ молодой жены черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака, онъ не былъ сосланъ въ Сибирь, подобно другимъ декабри-

стамъ, а по ходатайству своего высокопоставленнаго тестя былъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, дабы молодая жена не поспѣдовала за нимъ въ ссылку. Сосланный въ Сибирь только послѣ 8-лѣтняго одиночнаго заключенія, онъ былъ физически сломленъ и умеръ въ 1848 г.

Александръ перенесъ и каторгу и ссылку. Выйдя на волю, онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ и пробовалъ удачу въ золотопромышленности.

Въ Сибири онъ женился на Лариссѣ Андреевнѣ Смирновой, и послѣдніе годы его были согрѣты семейнымъ счастьемъ; главной заботой его сдѣлалось воспитаніе страстно имъ любимой дочери.

Въ 1858 году онъ получилъ вмѣстѣ съ другими декабристами разрѣшеніе вернуться въ Россію и поселился подъ Москвой, а когда обстоятельства позволили, выѣхалъ за границу и жилъ съ семьей въ Швейцаріи и Италіи. Но итальянецъ по крови, по наружности, по духу и по своимъ вкусамъ, чувствовавшій себя, какъ дома на родинѣ своихъ предковъ, въ Италіи, въ совершенствѣ владѣвшій итальянскимъ языкомъ, Поджіо всѣми силами своего страстнаго сердца былъ привязанъ къ новому суровому отечеству Россіи и болѣлъ его горестями и заботами. Онъ горячо любилъ Сибирь, въ которой провелъ свои лучшіе годы, и даже въ горахъ Швейцаріи сумѣлъ отыскать уголокъ, напоминавшій ему Забайкалье. Умирающій онъ собралъ послѣднія силы, чтобы доѣхать живымъ до Россіи и сложить свои кости подлѣ могилы друга и товарища по изгнанію князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго.

«Я много странствовалъ по свѣту,—пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» біографъ Поджіо, докторъ Бѣлоголовый,—много знавалъ хорошихъ людей, однако другого такого идеальнаго типа альтруиста мнѣ не приходилось встрѣчать: хотя, вѣруя въ человечество, не сомнѣваюсь, что, можетъ-быть, пока въ рѣдкихъ экземплярахъ онъ существуетъ вездѣ... Будучи человѣкомъ средняго невыдающагося ума, онъ производилъ сильное впечатлѣніе на окружающихъ, главное, своею нравственною чистотою и духовною ясностью, и всякій въ бесѣдѣ съ нимъ ощущалъ, какъ съ него постепенно сходила чертвая кора условныхъ привычекъ и ходячей морали, и въ его присутствіи всякій чувствовалъ себя чище и становился примиреннѣе съ людьми. Зато всѣ знавшіе его не только къ нему сильно привязывались, но у многихъ любовь эта доходила до боготворенія».

Для ближайшаго ознакомленія съ прекраснымъ образомъ Александра Викторовича Поджіо отсылаемъ къ цитированному «Воспоминаніямъ» Н. А. Бѣлоголоваго, ученика и воспитанника его. Ученикъ описалъ намъ своего учителя съ такимъ умѣніемъ, правдивостью, искренностью и любовью, что страницы, отведенныя въ «Воспоминаніяхъ» Александру Викторовичу Поджіо, — лучшія въ текстѣ превосходно написанной книги доктора Бѣлоголоваго.

«Записки» Поджіо были въ рукахъ д-ра Бѣлоголоваго. Рукопись «Записокъ» перешла затѣмъ къ дочери А. В. — Варварѣ Александровнѣ по мужу Высоцкой, а ею была передана для храненія въ «Комнату людей 40-хъ годовъ» при Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Нынѣ онѣ печатаются съ этой рукописи съ точнымъ сохраненіемъ всѣхъ особенностей языка и фразировки автора. Нѣкоторые отмѣченные пунктиромъ пропуски обусловлены цензурными соображеніями.

Въ «Запискахъ» есть интересныя подробности о ходѣ процесса декабристовъ, но онѣ любопытны не столько этими подробностями, сколько чрезвычайно яркимъ отраженіемъ въ ихъ слогѣ, его нервности, страстности, порывистости, столь интересной фигуры автора ихъ. Конечно, никому не придетъ въ голову критиковать эти часто отрывочныя замѣтки съ точки зрѣнія архитектурной стройности изложенія или отчетливости общихъ историческихъ взглядовъ автора. Ихъ интересъ не въ этомъ, а въ силѣ мыслей, чувствъ, настроеній, въ нихъ выраженныхъ 70-лѣтнимъ старикомъ.

Изъ краткаго предисловія къ рукописи, написаннаго рукою В. А. Высоцкой, видно, что въ 1877 году «Записки» приготовлялись къ печати, но намѣреніе это почему-то не было осуществлено ни г-жей Высоцкой, ни докторомъ Бѣлоголовымъ, также выражавшимъ въ статьѣ, посвященной А. В. Поджію, намѣреніе опубликовать ихъ.

А. Яковлевъ.

Отецъ мой, Викторъ Яковлевичъ Поджію, былъ выходецъ изъ Пьемонта. Темныя сказанія матери моей не объяснили мнѣ ясно причины, побудившей его оставить свое отечество. Я могъ догадываться, что, преслѣдуемый за нанесенную опасную рану, въ порывѣ ревности, какому-то счастливому сопернику въ любви, онъ воспользовался предложеніемъ Рибаса, отплылъ съ нимъ изъ Ливорно и, такимъ образомъ, избѣгнулъ преслѣдованія уже и безъ того ненавистнаго ему правительства.

Тогда же Рибасъ участвовалъ въ экспедиціи графа Орлова, которому онъ оказалъ большое содѣйствіе въ похищеніи Таракановой. Эта гнусная, вѣроломная продѣлка была прикрыта, какъ водится, всею важностію государственнаго дѣла, а потому дѣятели этой плачевно кончившейся драмы были не опозорены во мнѣніи общественномъ, но превозносимы, какъ будто упрочившіе право, всегда шаткое, похитительницы престола. Вотъ начало сношеній моего отца съ Рибасомъ,—сношеній, которыя продолжались до конца его жизни.

Во время прибытія отца моего въ Россію, неопредѣленная будущность нашего юга волновала всѣ умы. Екатерина бредила Византією и направила на нее всѣ свои помыслы и силы. Мы видимъ, какъ, вслѣдъ за мановеніемъ ея мыслей, стеклась туда лучшая молодежь того времени, всѣ знаменитые французскіе эмигранты и выходцы всѣхъ земель. Увлеченный потокомъ этихъ рыцарей-странниковъ, возставшихъ противъ иновѣрцевъ, отецъ мой отправился, какъ принято было, волонтеромъ; послѣ чего вступилъ въ дѣйствительную военную службу. Не знаю, какіе его были подвиги и служба вообще; знаю только, что онъ участвовалъ въ турецкой компаніи, былъ при взятіи Измаила, всегда съ гордостію носилъ этотъ крестъ и вышелъ въ отставку секундъ-майоромъ. Знаю, въ чемъ я впоследствии и могъ убѣдиться, что онъ своею честностію

А. В. Поджію.

Изъ колекціи В. И. Адарюкова).

и правотою на службѣ пріобрѣлъ уваженіе и дружбу многихъ замѣчательныхъ лицъ того времени. Не говоря о Рибасѣ и его братьяхъ, которые постоянно, исключительно къ нему были расположены, могу назвать герцога де-Ришелье, графа Ланжерона, князя Григорія Семеновича Волконскаго (тогда еще въ здоровомъ умѣ и наводящаго страхъ на турокъ) и самого Суворова, который постоянно останавливался у него проѣздомъ чрезъ Одессу. Помню рассказы матушки о посѣщеніи этого полководца-чудака великаго. Какъ, въ угодность ему, выносились изъ каменнаго нашего дома, едва ли не единственнаго тогда въ Одессѣ, всѣ зеркала и позолоченная мебель, обшитая штофомъ, выписанная изъ Неаполя, и на мѣсто этой мебели становились простыя скамьи. Ему готовилась самая простая пища; съ какимъ горячимъ увлеченіемъ говаривалъ онъ съ матушкой по-итальянски!

Отецъ былъ одинъ изъ первыхъ четырехъ обитателей, или, правильнѣе сказать, основателей Одессы, тогдашняго Хаджибея: инженернаго генерала Ферстера, полковниковъ Вердеревскаго и Ивашева (отецъ того Ивашева, который подвергнуть одинаковой со мной изгнаннической участи).

Десятаго іюля 1826 года часовъ въ 11 утра явился ко мнѣ плацъ-адъютантъ съ обыкновеннымъ словомъ «пожалуйте!» Этимъ словомъ выражалось приглашеніе въ комитетъ. Такое приглашеніе въ необычный часъ (въ комитетъ насъ всегда водили ночью, съ какою-то таинственностью, набрасывая на голову платокъ) меня нѣсколько удивило; но вскорѣ, взойдя по боковому крыльцу въ одну изъ комнатъ дома коменданта Сукина, я и товарищи, которыхъ я тамъ нашель, догадались, что дѣло наше приходило къ концу. За нами вводились и другія, незнакомыя для меня лица; наконецъ захлопнувшаяся дверь возвѣстила намъ, что число наше ограничится присутствующими. Здѣсь находились Трубецкой, Оболенскій, Барятинскій, Якубовичъ, Вадковскій, близкіе мнѣ друзья, и кромѣ ихъ—члены славянскаго общества, для меня вовсе неизвѣстные, именно: братья Борисовы, Горбачевскій, Спиридовъ, Безчасный. Предполагая по данному ходу дѣла, что Трубецкой и Оболенскій были обвиняемы болѣе многихъ другихъ, мы удивились встрѣчѣ съ людьми, дѣйствія которыхъ были намъ совершенно неизвѣстны, а что еще больше насъ сбивало въ нашихъ догадкахъ, это отсутствіе главныхъ членовъ общества, т.-е. Пестеля, Сергѣя Муравьева и нѣкоторыхъ другихъ.

Едва успѣли мы обняться и передать другъ другу наши догадочныя заключенія, какъ растворилась противоположная дверь и вошелъ къ намъ съ спокойнымъ видомъ священникъ Баженовъ. Протянувъ горячо руку Трубецкому и Оболенскому,

которыхъ онъ такъ часто посѣщаль въ темницѣ, принося имъ утѣшеніе въ вѣрѣ, онъ сказалъ: «Господа, вамъ будетъ читаться приговоръ, но будьте спокойны. Государь не хочетъ смертной казни, сердце царево въ рукахъ Божіей».

Послѣ этихъ словъ онъ поспѣшно удалился, имѣя, вѣроятно, передать порученіе и въ другія комнаты, гдѣ также были собраны члены общества по категоріямъ, какъ мы узнали это впоследствии. Нельзя не смутиться при мысли, что, забывъ святость сана священника, его же употребили быть вѣстникомъ такой гнусной лжи, какъ впоследствии оказалось при казни пятерыхъ.

Вскорѣ потребовали насъ въ сосѣдную комнату, изъ которой мы могли слышать какія-то громкія, перерывающіяся слова, которыхъ смыслъ объяснили намъ послѣ, прочтеніемъ приговора смертной казни надъ пятью лицами, осужденными на смерть.

То были: Пестель, Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Рыльцевъ и Каховскій.

Когда все смолкло, насъ начали вызывать поименно и ввели по одному въ комендантскую залу, вытянули вдоль по стѣнѣ въ стройную шеренгу, имѣвшую по бокамъ у каждой двери и у каждого сзади насъ огна по два павловскихъ гренадера съ ружьями у ноги. Павловскіе гренадеры, въ родѣ потѣшныхъ и позже лейбъ-кампанцевъ, были въ ходу. Построеніе насъ въ шеренгу при застрѣльщикахъ направо и налево и при мѣрахъ такой вызванной безопасности должно быть крайне одобрено фронтовиками-судьями. Здѣсь-то, наконецъ, стала выясняться вся эта таинственная задача, болѣе любопытная, чѣмъ мучительная. До того всѣ эти движенія, передвиженія и всѣ неожиданности подстрекали наше вдругъ воскресшее чувство къ жизни. Все это, такъ неожиданно представившееся зрѣлище насъ не только не смутило, а скажу, напротивъ, вновь оживило какими-то уснувшими у насъ силами. Правота дѣла, всѣ наши убѣжденія, вѣрованія какъ будто опять ожили, расшевелились, воспрянули при видѣ такого безправья, беззаконія и насилія назначеннаго надъ нами суда, неизвѣстнаго для насъ. Какъ! Самоуправная власть назначаетъ судъ, произвольно назначаетъ судей, облакаетъ ихъ чудовищнымъ правомъ жизни и смерти надъ ста двадцатью подсудимыми, и эти подсудимые не знаютъ, не вѣдаютъ даже о такомъ назначеніи.

И первый, и послѣдній произволь его существованія, его дѣйствій выразился смертнымъ приговоромъ. Спросите хоть одного изъ этихъ поддѣльныхъ, заказныхъ судей, ужели, прежде чѣмъ обмокнуть свое перо въ кровавую чернильницу, не дрогнула его совѣсть и не почувствовалось ея угрызений? Ужели до того забыты были въ немъ всѣ чувства человечества, что не пришло ему на умъ для своего же успокоенія выслушать, прослушать хотя бы одного изъ насъ? Вѣдь знали же они всѣ, что подсудимые не имѣ-

ли никаких ограждений для своей защиты, что всё почти обвиненія основывались почти на словахъ, чѣмъ на дѣйствіяхъ, и ни одинъ изъ нихъ не отозвался въ пользу всѣхъ этихъ чудныхъ юношей, обреченныхъ заранѣе на явную гибель. Спрашивается, какой судья рѣшится приговорить къ смерти самаго лютаго убійцу, разбойника, не выслушавъ его и не провѣривъ слѣдствія? Спрашивается, ужели предсмертный, великій возгласъ Рылѣва не поколебалъ болѣе чѣмъ совѣсть одного ¹⁾, если бы этотъ великій гражданинъ, достойный другого времени и поприща, былъ допущенъ лично къ оправданію или защитѣ своей передъ судомъ? Нѣтъ, судъ этотъ, при глубоко заданномъ себѣ чувствѣ какого-то звѣрства, не только не имѣлъ, не хотѣлъ руководствоваться первоначальными понятіями о справедливости, но какъ будто ругался или, даже не сохраняя и приличія, требуемаго правосудіемъ, хотя бы и искаженнымъ произволомъ. Здѣсь я не говорю о тѣхъ огражденіяхъ, съ которыми защищались подсудимые во всѣхъ хотя нѣсколько благоустроенныхъ государствахъ; не говорю я уже о свободѣ слова и печати, о защитѣ законнаго ходатая—нѣтъ. Положимъ, что эта роскошь права была для Россіи лишняя, — но можно ли было пренебрегать, отвергать самыя первоначальныя понятія о процессѣ и можно ли было этому суду основывать всё свои приговоры на рѣшеніяхъ одной слѣдственной комиссіи, представившей всё показанія наши за подписью нашей!

Просмотримъ теперь вкратцѣ, насколько эта комиссія заслуживала къ себѣ такого слѣплого довѣрія, какое оказалъ ей Верховный Уголовный Судъ. Начнемъ съ состава лицъ.

Предсѣдателемъ былъ назначенъ военный министръ графъ Татищевъ. Если выборъ для такого мѣста долженъ быть пасть на человека, вовсе чуждаго къ изслѣдованію дѣла, то, конечно, лучшаго для назначенія для этой цѣли не могло и быть. Всегда безмолвный и, вѣроятно, углубленный въ свои министерскія дѣла, онъ равнодушно смотрѣлъ и на насъ, и на всё бѣшенныя выходки.

Чернышевъ—главный двигатель всего слѣдствія. Пообокъ его засѣдаетъ... кто же?

Михаилъ Павловичъ!

Несмотря на его, такъ скажу, истинно рыцарскія выходки относительно Пестеля, Кюхельбекера и въ особенности меня, нельзя не подивиться встрѣтить его въ дѣлѣ столь близкомъ какъ для него, такъ и для всего своего семейства. Вопросъ главный былъ чисто династическій, и онъ, неслыханное дѣло, былъ, какъ говорятъ французы, *juge et partie*, т.-е. судья въ собственномъ своемъ дѣлѣ! Какое огражденіе для виновника, чтобы не встрѣтить здѣсь непримиримое пристрастіе!

¹⁾ Въ текстѣ такъ.

Александръ Николаевичъ Голицынъ, человѣкъ quasi-духовный и выдвинутый изъ опалы, — онъ долженъ былъ заглаживать грѣхи стараго усердія грѣхами новаго.

Дибичъ, всегда военный, какъ онъ это воображалъ, рѣдко являлся и заявлялъ всегда свое присутствіе, ударяя не на центрѣ, который находился въ крѣпости, а во флангѣ дѣла, растянутого по Россіи. Такъ онъ допытывался всегда объ участіи Николая Николаевича Раевского и Ермолова, лавры которыхъ лишили его сана. Вліяніе его на ходъ слѣдствія было одностороннее, разсматривая его въ отношеніи лишь военномъ.

Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ — плоть и кость династическая — не способенъ былъ отдѣлять долгъ привязанности личной отъ долга къ родинѣ, хотя для него и чужой.

Павель Васильевичъ Кутузовъ, бывший забулдыга и что еще ужаснѣе или достойнѣе — заговорщикъ, какъ хотите, заговорщикъ и на этотъ разъ успѣшный въ убійствѣ отца, долженъ былъ, конечно, оправдываться, заявлять себя поборникомъ его сына. Когда Кутузовъ замѣтилъ Николаю Бестужеву, обвинявшемуся въ умыслѣ предположеннаго цареубійства, говоря:

— Скажите, капитанъ, какъ могли вы рѣшиться на такое гнусное покушеніе?

— Я удивляюсь,—отвѣчалъ ему Бестужевъ съ обычнымъ и находчивымъ своимъ хладнокровіемъ,—что это вы мнѣ говорите.

Бѣдный Кутузовъ почти что остолбенѣлъ, сынъ убитаго отца былъ здѣсь. Какъ бы то ни было, Кутузовъ за успѣшное убійство достигъ всѣхъ почестей русскаго міра, а Бестужевъ умеръ въ изгнаніи!.. Тамъ была une révolution de sérail, переворотъ гнуснаго царедворца,—переворотъ личнаго побужденія, здѣсь — переворотъ цѣлый, общественный. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Былъ еще г-нъ Потаповъ, всегда сдержанный, благородный, также имѣвшій слабое вліяніе на ходъ слѣдствія.

Итакъ, двигатель, и, можно сказать, единственный всего дѣла, былъ кто же? — Чернышевъ! Достаточно одного только этого имени, чтобы обезславить, опозорить все это слѣдственное дѣло. Одинъ онъ его и велъ, и направлялъ, и усложнялъ, и растягивалъ, насколько его скверной злобной душѣ было угодно! Нѣтъ хитрости, нѣтъ коварства, нѣтъ самой утонченной подлости, прикрытой маскою то поддѣльнаго участія, то грознаго усугубленія участи, которыхъ бы не употреблялъ безъ-устали этотъ непристойный дѣятель для достиженія своей цѣли. Начавши дѣло съ самаго Таганрога и ведя его самъ лично, онъ зналъ, что только съ нашей погибелю онъ и могъ упрочить свою задуманную имъ будущность. Онъ такъ далеко зашелъ, успѣлъ такъ увлечь за собой Николая, подготовленнаго и весьма способнаго къ воспріимчивости системы

казней и гоненій во всемъ ея объемѣ, что попытаться назадъ было невозможно и необходимо было итти впередъ по вѣрно проложенному кровавому пути. И этотъ путь прокладывать гдѣ же? — по Россіи, по этой подобострастной смиренницѣ, чуждой всякихъ тѣхъ потрясеній, которыми отличаются отъ нея всѣ государства Европы.

И какимъ образомъ всѣ эти судьи, зародившіеся при Екатеринѣ и возникшіе при Александрѣ, не были проникнуты духомъ кротости этихъ двухъ царствованій, чтобъ такъ скоро, внезапно отказаться отъ всего прошедшаго и броситься, очертя голову, въ пропасть казней и преслѣдованій! Какимъ образомъ рѣшились они такъ быстро, необдуманно перейти эту черту, такъ рѣзко отдѣлявшую правленіе милосердное, человѣколюбивое отъ правленія жестокаго, безчеловѣчнаго! Скажите, гдѣ и когда они видѣли во всю долготѣнную жизнь и эти висѣлицы, и эти каторги въ такомъ числѣ и въ такомъ размѣрѣ? Что могло ихъ подвинуть къ такому рѣзкому перелому всей нашей правительственной системы? Положимъ, что по оказавшимся мнѣніямъ, какъ видно изъ дѣла, были затронуты ихъ собственные интересы, что цѣль ограниченія монархической власти лишала ихъ важной для себя опоры; что съ введеніемъ представительнаго правленія и вообще выборнаго начала по всѣмъ отраслямъ управленія, значеніе ихъ и всей господствующей единобюрократіи весьма ослабѣли бы; что съ предположеннымъ уничтоженіемъ рабства они были задѣты въ самомъ жизненномъ условіи; что послѣдній вопросъ касался ихъ больше всякаго другого. Но одни ли мы такъ думали, и всѣ эти, наконецъ, всплывшіе по времени вопросы, взятые вмѣстѣ, не требовали ли тогда же обсужденія необходимо здраваго, хладнокровнаго, долгаго, чѣмъ однимъ почеркомъ пера убить не только тѣхъ, но и духъ ихъ оживлявшій! Убили и что же?—Власть при Александрѣ, хотя и была дремлющая, но при Николаѣ она сдѣлалась притѣснительною и, достигши до высшей степени своевластія, она тяжело и непробудно залегла смертельнымъ гнетомъ на все мыслящее въ Россіи! И мы ли не слыхали еще въ отдаленной Сибири слабые отголоски забитаго слова и печати, жалобные отзвыы о подавленномъ развитіи всѣхъ силъ Россіи. И когда понадобились для нашей же Россіи эти силы, оказались ли онѣ гдѣ и въ чемъ-нибудь? Бездарность, безсиліе, неспособность высказались повсюду, и Николай могучій, всеобъемлющій сдѣлался мѣтой всѣхъ упрековъ, всѣхъ пореканій, причиною всѣхъ причинъ.

Николай, нѣтъ, не онъ одинъ былъ виновникомъ всего пройденнаго, а виновники были именно тѣ судьи, передъ которыми я стоялъ и отъ которыхъ я на время отклонился, чтобы возвратиться къ нимъ съ большимъ знаніемъ дѣла.

Передъ судомъ исторіи Николай стоять будетъ не одинъ, стоять будутъ и всѣ эти государственные члены, присутствовавшіе при зарожденіи его на царство. Николай былъ не болѣе, не менѣе, какъ бригадный командиръ; свыкшись съ такимъ скромнымъ званіемъ, могъ ли онъ въ предѣлахъ своихъ дѣйствій пріобрѣсти опытъ въ дѣлахъ высшаго управленія, могъ ли онъ, имѣлъ ли онъ малѣйшее вліяніе на тогдашніе умы, къ какому бы кругу или словію они ни принадлежали? Могъ ли онъ усвоить всѣ тѣ привычки, слабости и даже страсти, которыя не врожденны въ насъ, а пріобрѣтаются при данныхъ условіяхъ и при данной средѣ?

. Вы своимъ низкопоклонствомъ, потворствуя положеннымъ, закравшимся уже дурнымъ наклонностямъ, дали имъ развиваться, ...

. Иди онъ съ нами, отдайся намъ, или возьми насъ съ собой путемъ права, мы повели бы его къ славѣ Россіи и всѣхъ насъ вмѣстѣ. Мы хотѣли ограниченія его власти, вы же — ея расширенія. Вы начали его отравленіе, упрочивъ его власть, онъ докончилъ его. Вашимъ путемъ онъ медленно пошелъ на смерть, нашимъ же пошелъ бы онъ къ безсмертію и остался бы незабвеннымъ при другомъ значеніи.

Но вы кончили свой путь земной и къ вамъ я лично не злопамятенъ и прощаю за себя, но не прощу за выключенныхъ славныхъ людей изъ числа живыхъ и не прощу вамъ за Россію, . .

.

Однакоже я увлекся черезъ мѣру и замѣчаю, что изъ подсудимаго превратился самъ въ судью и, быть-можетъ, при такомъ же безправіи, въ которомъ самъ ихъ упрекаю. Если могу я имъ сказать: «Кто ты такой, что судишь другихъ?» то не въ правѣ ли и они обратить тотъ же вопросъ ко мнѣ? Смирюсь подъ неисповѣдимымъ опредѣленіемъ судебъ. И знаемъ ли, поистинѣ, мы, что въ сущности творимъ? Кто правъ, кто виноватъ? Гдѣ и въ комъ именно искомая истина? Почему онъ такой, а не другой широты? почему онъ тамъ, а не здѣсь? почему сегодня, а не вчера? Бѣдное человечество, долго ли оно будетъ искать разрѣшенія своихъ судебъ?.. Долго ли будетъ все и вся раздваиваться, не находя должнаго понятія въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ? И при такихъ расходящихся цѣляхъ въ правѣ ли я осуждать моихъ судей, упрекать и въ злоумышленномъ какомъ-то настроеніи ума, находить дѣйствія, странно рѣшительно направленныя къ подавленію зарождающихся въ Россіи новыхъ идей, и, однимъ словомъ, заподозрить ихъ въ преслѣдованіи какой-нибудь общепринятой ими цѣли, — цѣли, выражающей многія начала такой или другой политической партіи, всегда существующей и выказывающейся въ другихъ государствахъ.

Нѣтъ, всѣ подобныя умствованія, выводы не примѣнимы къ этому собранію. Скажемъ просто и вѣрно: всѣ эти люди были людьми своего русскаго времени; люди, взросшіе, созрѣвшіе подъ вліяніемъ узкаго, односторонняго, государственнаго тогда военнаго духа. Они служили вѣрнымъ отпечаткомъ того времени, вмѣстѣ славнаго и жалкаго! Всѣ являли въ себѣ всѣ противоположности, всѣ крайности образовавшихся тогда характеровъ общественныхъ. Одностороннее, исключительное, поверхностное военное образованіе, при условіяхъ непремѣнной отчаянной храбрости, второстепеннаго честолюбія, грубаго обращенія съ низшими и низкопоклонства со старшими и вмѣстѣ съ тѣмъ проявленіе полнаго великодушія къ врагу иностранцу. Какое-то относительное благородство, жалость, доброта и когда тотъ же разгулъ русскаго чело-вѣка съ свойственнымъ ему и буйствомъ, и безпечностью, и безумною расточительностью. Жизнь ихъ протекла въ походахъ; они ходили и на черкеса, и на турка, а болѣе всего на француза. Въ промежуткахъ, особенно въ послѣдніе дни Александра, занимались чтеніемъ военнаго артикула, изученіемъ наизусть военнаго устава—этого единственнаго мѣрила всѣхъ достоинствъ тогдашняго офицера. Слѣдили неутомимо за военными приказами, занимались построеніями, маневрами; но выше всего ставили первенствующую надъ всѣми другими способность постановки и выправки, какъ говорилось тогда, солдата. На этомъ одномъ началѣ остановилась военная наука; на немъ одномъ сосредоточивались всѣ умственныя и тѣлесныя занятія, которыя должны были довести солдата и офицера до того превосходнаго совершенства, такъ жалобно заявившагося въ послѣдовавшія кампаніи. Къ этому времени должно отнести зародившійся классъ офицеровъ, прославившихъ себя именемъ «служакъ-фрунтовиковъ» и такъ обезславившихся, когда, по выходѣ изъ манежа, должно перейти на поле битвы.

Надо было быть того времени, быть свидѣтелемъ, очевидцемъ всего того, что творили съ солдатами и съ офицерами, чтобы повѣрить въ возможность тѣхъ неистовыхъ проявленій, коими ознаменована эта эпоха, справедливо названная фронтоманією. Высшее варварство въ истязаніи чело-вѣка, въ способѣ его обученія, въ непрестанномъ его движеніи, передвиженіи, въ отказѣ ему заставиваться, задумываться, недодача ему и сукна, и холста, и обуви, наконецъ, и самаго содержанія, — всѣ эти причины, взятые вмѣстѣ, и довели Константина Павловича до слѣдующаго мудраго изреченія: «дурной тотъ солдатъ, который доживаетъ срокъ свой двадцатипятилѣтній до отставки». Хорошій солдатъ, усердный не могъ дослужиться до увольненія! «Убей двухъ, поставь одного!» говаривалъ онъ; а другіе повторяли и доказывали усвоеніе правила этого на дѣлѣ. Все это дѣлалось спроста, по убѣжденію.

Я говорилъ — истязаніе. И кто не помнить, по крайней мѣрѣ по преданію, господъ Желтухина лейбъ-гренадерскаго, Головина лейбъ-егерскаго Шварца семеновскаго, Сухозанета, Арнольда и сотни сотенъ другихъ, наводившихъ страхъ и ужасъ на своихъ товарищей-однополчанъ. «Влѣпить сотню, двѣ, три, закатать его!» было любимымъ выраженіемъ замашистыхъ офицеровъ. Палки и побои, побои и палки были однимъ *ultima ratio*, однимъ двигателемъ всего упрощеннаго по сему военного механизма. Палками встрѣчали несчастнаго рекрута при вступленіи его на службу, палками его напутствовали при ея продолженіи и съ палками его передавали въ ожидавшее его вѣдомство послѣ отставки. Побои и родъ палокъ входили въ неотъемлемое право каждого какого бы ни было начальника и въ какомъ бы онъ чинѣ не былъ. Солдатъ былъ собственно принадлежностью каждого. Били его и ефрейторъ, и унтеръ-офицеръ, и фельдфебель, и прапорщикъ и такъ далѣе до военачальника. Не было ему суда, и всякая приносимая жалоба вмѣнялась ему въ вину, и онъ наказывался, какъ бунтовщикъ. Однажды г-нъ Головинъ дѣлалъ инспекторскій смотръ и на вопросъ: «всѣмъ ли вы довольны?»

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, мнѣ не додали холста, и мы не знаемъ счета артельныхъ денегъ.

— Поди-ко сюда, молодецъ,—и выдвинувъ его изъ рядовъ, началъ выслушивать его просьбу слѣдующими вопросами: «Такъ ты не доволенъ? Что ты не одѣтъ и не обутъ? что не голоденъ ли ты? и государь не платитъ тебѣ жалованья? Бѣдный ты? А? Палокъ!..» Его разложили, живого на носилкахъ вынесли, а на другой день онъ умеръ въ госпиталѣ. Нѣкоторые передовые офицеры (вступившіе послѣ въ общество) Норовъ, Оболенскій и другіе пустили слухи по городу, многихъ взорвало, но тѣмъ и кончилось.

Тому же Головину на походѣ въ Вильну донесли, что рота одна зароптала на капитана. Онъ догналъ роту на ходу, остановилъ и тутъ же велѣлъ рыть могилу и домертва засѣкъ одного бунтовщика и... Дѣло случилось послѣ семеновскаго бунта и нужны были такіе примѣры. Малѣйшіе проступки подвергались шпицрутенамъ, послѣ которыхъ слѣдовало калѣчье и вчастую самая смерть. Не думайте, чтобы мѣры такого укрощенія касались однихъ проступковъ противъ нравственности, или порядка военнаго; нѣтъ, это гнусная безчеловѣчная строгость преслѣдовала солдата на каждомъ шагу тогда, когда вся жизнь его состояла именно въ однихъ шагахъ! Съ самага ранняго утра начиналась выправка этого мученика — солдата. Во-первыхъ, учили его стойкости, т.-е. неподвижности болвана, не заявляя ни малѣйшаго движенія, за исключеніемъ глазъ, которые должны были до встрѣчи начальника приучаться правильному повороту справа налево!

Любопытно было всматриваться въ выраженіе такихъ остолбенѣвшихъ, остекляенныхъ глазъ, заучивая при этомъ наизусть и сливая въ одинъ голосъ три дозволенные дикіе крики: «Здравія желаю!» на «здорово, ребята», — «Рады стараться», на рѣдкое «спасибо» и «ура» по данному знаку! Послѣ того начиналось выгибаніе, растягиванье ногъ, какъ самыхъ важныхъ членовъ для достиженія усовершенствованія знаменитаго въ то время церемоніальнаго марша. Этотъ маршъ служилъ оселкомъ, провѣркой достоинства полкового. Здѣсь лично государь повѣрялъ неподвижность рукъ, плечъ, равновѣсіе султановъ, ружей и, наконецъ, вытягиванье носковъ при требуемомъ уравнианіи одного и того же шага по всей арміи. Кларнетистъ нашего Преображенскаго полка Шелгуновъ былъ облеченъ полнымъ довѣріемъ государя и ему предназначено было право вводить однообразный по времени шагъ.

Для этого онъ становился впереди полковой музыки и, не спуская глазъ съ своихъ часовъ, и правой рукой ударяя себя по бедру, давалъ должный размѣръ шагу. Г-нъ Шелгуновъ, какъ верховный установитель церемоніальнаго марша, долженъ былъ пріобрѣсть вскорѣ значеніе соотвѣтственно духу того великаго времени. Честили его полковые командиры гвардіи и вчастую выписывали его командиры частей арміи. Онъ даже былъ вызываемъ на маневры и принималъ въ нихъ участіе съ часами вѣрными въ рукахъ.

Такая личность, при полученномъ имъ значеніи, служить характеристикой, чертой, опредѣляющей не только направленіе, но и уровень ходившаго тогда военнаго ума. Какую важность придавали судамъ, пересудамъ при разборѣ этого церемоніальнаго шествія! Надобно было видѣть вытянувшіяся лица стоявшаго, напริมѣръ, у развода генералитета, объятаго какимъ-то страхомъ до разрѣшенія вопроса, быть или не быть торжеству или неудачѣ браннаго ученія! Здѣсь въ зимнемъ манежѣ началъ флигель-адъютантъ капитанъ Клейнмихель, числившійся въ Преображенскомъ полку, свою вѣрную службу: прервалъ всѣ сношенія свои съ однополчанами, чтобы стать выше всякаго подозрѣнія, онъ слѣдилъ бѣглымъ шагомъ за всѣми построеніями, вносилъ ихъ въ книжечку и по окончаніи развода подносилъ ее съ своими замѣтками. Тутъ слышались поздравленія, отрывистыя похвалы или же роковыя порицанія.

Всѣ эти подробности, схваченныя съ искаженной природы, вовсе не такъ мелочны и ничтожны какъ онѣ съ перваго взгляда кажутся. Въ этихъ подробностяхъ отражается и заключается вся умственная дѣятельность того времени. Направленная и сосредоточенная въ предѣлахъ самаго узкаго и ограниченнаго воззрѣнія, она не могла выдвигать изъ среды военной ни способныхъ, ни даровитыхъ людей. Будущіе полководцы, люди боя,

были немислимы, невозможны, они въ послѣдствіи и не оказались потому именно, что введенъ былъ учебный шагъ. Какъ ни ничтожна эта причина, но она произвела тѣ всеобъемлющія въ правленіи дѣйствія, которыхъ будемъ мы свидѣтелями и жертвами! Шагъ этотъ имѣлъ все то чисто историческое значеніе, которое я ему приписываю; ибо это былъ первый шагъ, сдѣланный правительствомъ по тому безсмысленному пути, по которому оно думало вести неподвижную Россію. Чтобъ объяснить данное мною значеніе въ смыслѣ гражданскомъ военному этому шагу, чтобы понять, какимъ образомъ такая, кажущаяся съ перваго взгляда маловажная, ничтожная сама по себѣ причина могла имѣть такія великія послѣдствія, нужно выслѣдить его отъ самаго первоначальнаго его появленія въ Россіи.

Но я уклонился отъ своего предмета, или лучше сказать, отъ своихъ судей, спокойно, смиренно расположившихся въ своихъ креслахъ. Такое отступленіе въ моемъ разсказѣ было болѣе естественно, чѣмъ умышленно. Переступивъ порогъ и взойдя въ это судилище, я невольно долженъ былъ, прежде всякаго другого ощущенія, осмотрѣться, гдѣ я? съ кѣмъ я? и что это за пестрѣющая картина, такъ эффектно раскинутая передо мной? Что это за разночинныя разноплеменные личности, вставленныя въ нее? Признаюсь, послѣ шестимѣсячнаго одиночнаго тайнаго заключенія, почти одичалый, я при видѣ такой картины подвергся невольно, не скажу смущенію, а скорѣе какому-то тревожному и даже радостному чувству, свойственному и доступному только одному заключенному, на мгновеніе выведенному изъ темницы въ міръ живыхъ! Невозмутимо такъ же я бросилъ испытующій свой взоръ на свою эту невѣжественную, позорную толпу судей и спокойно возвратя его на самого себя, пришелъ къ тому, въ высшей степени страдательному заключенію, что люди, которыхъ я почти всѣхъ зналъ, если не лично, то по ихъ общественной извѣстности, уронять, погубять насъ, себя, царя, а съ нимъ и всю Россію! Отступленіе мое, выше сдѣланное, объясняется этимъ воззрѣніемъ; я долженъ былъ при видѣ этихъ судей общими чертами высказать среду, изъ коей они были выдвинуты и назначены, долженъ былъ вкратцѣ прослѣдить и духъ того времени, и людей, выражавшихъ не только невѣжественный застой мысли, но и малѣйшее проявленіе ея въ смыслѣ гражданского преуспѣванія.

Обложивъ ихъ, какъ я сказалъ, этою жалкою данью, я долженъ былъ такъ же провѣрить и себя, и перенестись къ тому времени, и предстать предъ судьями при тогдашнихъ еще свѣжихъ моихъ вѣрованійхъ. Нѣтъ! никакія десятки лѣтъ, никакія послѣдовавшія ослабленія тѣлесныя и душевныя, никакія горькія разочарованія не могутъ изгладить впечатлѣнія, вынесеннаго нами по выслушиваніи приговора!..

Человѣкъ, т.-е. подсудимый, живетъ, такъ сказать, въ этотъ моментъ! Для осужденнаго это предѣлъ его духовной жизни, за которымъ прекращается весь процессъ его дѣйствующей воли, безъ которой человѣкъ перестаетъ быть бесконечно всеобъемлющею причиною, а остается только слабымъ и не всегда вѣрнымъ ея слѣдствіемъ. Я останавлиюсь на значеніи этого окончательнаго дѣйствія будто бы мнимаго правосудія, выражающагося обществомъ обще-принятою формою, или приговоромъ. Здѣсь я говорю исключительно о взводимыхъ преслѣдованіяхъ чисто политическихъ. Рядъ этихъ проступковъ, преступленій имѣеть, или долженъ бы имѣть, особый отдѣлъ, не подлежащій непреложному, неизмѣнному какому-нибудь установленному узаконенію. Во всякомъ гражданскомъ, уголовномъ дѣлѣ—дѣйствія, проступки, преступленія довольно ясно опредѣляются и не подлежатъ истолкованіямъ, оспаривающихъ самую сущность дѣла. Воровство, поджоги, убійство и проч. вездѣ будутъ преслѣдоваться и подвергаться наказаніямъ. Способъ преслѣдованія и мѣры наказанія только могутъ отличать законоположеніе государства одного съ законоположеніемъ другого. Чѣмъ выше стоитъ уровень образованія, тѣмъ выше стоитъ и нравственность; чѣмъ болѣе имѣеть человѣкъ огражденій, тѣмъ болѣе онъ ихъ охраняетъ; чѣмъ болѣе онъ имѣеть правъ, тѣмъ болѣе онъ ихъ чтитъ въ другомъ; чѣмъ болѣе онъ имѣеть, тѣмъ болѣе дорожитъ достояніемъ и тѣмъ менѣе онъ падокъ на какія бы то ни было противозаконія. Уголовная статистика многихъ благоустроенныхъ государствъ своими фактами можетъ, несомнѣнно, служить основнымъ доказательствомъ. Итакъ, понятія относительно уголовного и гражданского проступка почти сходятся, почти сливаются и, болѣе или менѣе, приблизительны къ истинѣ. Но таковы ли отношенія къ истинѣ политической? Здѣсь расходятся въ конецъ и мыслители, и друзья человѣчества, и отъявленные его враги. Здѣсь все подчинено такимъ или другимъ условіямъ господствующей въ государствѣ власти. Какія рѣзкія противоположности въ устройствѣ общественномъ одной страны съ другой. За рѣчкой, напримѣръ, слышится свободное слово и, прислушиваясь, вы услышите всегда громкое слово здраваго смысла, заглушающаго слово желчное, страстное, не соотвѣтственное установленному порядку; тамъ же и свобода печати возстанетъ противъ всякой лжи и обнаружитъ и казни и направленія, зыблющія страну. Какіе бы ни были подняты вопросы, всѣ они обслуживаются гласно, а по тому самому здраво и благонамѣренно. Право сходовъ содѣйствуетъ къ освѣщенію и разрѣшенію возникающихъ новыхъ интересовъ земли. За рѣкой или за океаномъ вопросъ одинъ и тотъ же (прошли тѣ повѣрія, которыми утверждалось, что другая или иная широта необходима для условнаго развитія человѣческой мозговицы) выборное начало примѣнимо какъ къ законодательной, такъ и къ исполнительной власти;

тамъ всякій былъ для себя, какъ всѣ для всякаго; тамъ блюститель за всѣхъ и за всѣми—народъ весь, дѣйствующій посредствомъ своихъ выборовъ, за которыхъ онъ и порука, и отвѣтчикъ; онъ одинъ и повышаетъ свои власти, и смѣняетъ, и понижаетъ, оказывая имъ довѣріе или лишаетъ онаго.

Тамъ судебная власть стоитъ самостоятельно, отдѣльно, не подчиняясь никакому другому вліянію, какъ вліянію совѣсти и закону, установленному законнымъ большинствомъ. Тамъ судъ присяжныхъ, примѣняемыхъ къ дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ, политическимъ (если только могутъ они возникнуть) и дѣламъ печати—служить огражденіемъ правъ каждаго.

Тамъ законодательная палата, свободно избранная большинствомъ неподкупнымъ, рѣшаетъ полновластно возникшіе общественные вопросы, оберегаетъ народное имущество, составляетъ, утверждаетъ смѣты, обнимаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ всѣ отрасли государственнаго управленія; она одна двигаетъ, направляетъ, устанавливаетъ ходъ, непремѣнно, вращающійся въ данномъ кругу правительствующаго снаряда. Тамъ исполнительная власть, закономъ ограниченная, дѣйствуетъ всегда правильно въ данныхъ предѣлахъ и по тому самому слагаетъ съ себя всякую личную отвѣтственность, облекая лицо, ее представляющее, въ какую-то неприкосновенную святость, которою весь народъ дорожитъ превыше всего. Лицо это, поставленное внѣ домогательствъ временщиковъ, такихъ или другихъ сторонниковъ, всегда будетъ для нихъ чуждо, оставаясь вѣрнымъ одному народу, одному общему благу.

«The king cannot do wrong!» гласитъ англійская хартія. И подлинно: «всѣмъ добро, никому зла!» говорить и у насъ пѣсенка, но вѣдь это только пѣсенка!

Завидная участь тѣхъ избранныхъ на царство, понявшихъ свое истинное значеніе. И такъ жизнь этихъ лицъ, обставленная закономъ, и счастлива, и спокойна, и безмятежна! Завидная, право, ихъ участь, хотя, конечно, прямыхъ мыслителей на престолѣ было и есть мало! Спрашивается, почему же это число такъ мало? Лица ли лично виноваты, или люди, или среда, въ которой они кружатся до первой случайности, до первой ломки? Во всякомъ случаѣ, скажу и я съ другими, что народъ имѣетъ то правительство, которое онъ переноситъ, а потому и заслуживаетъ. Я по справедливости, а можетъ-быть, по чувству чистой зависти, заглядывалъ въ чужое и невольно восклицалъ: «тамъ-то, тамъ хорошо и подручно и то, и другое, а у насъ-то!» Теперь воскликну, наконецъ: «да! у насъ-то, у себя, на дому, на Россіи!..» «Господи! прости намъ болѣе чѣмъ согрѣшеніе, прости намъ нашу глупость!» Да, знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ, что сотворили въ теченіе тысячи лѣтъ! Обокъ насъ сосѣди, современники этого времени, двигались, шли и опережали насъ, а мы, только и славы, что отдѣлались отъ та-

тарь, чтобы ими же и остаться. Посмотримъ на нашихъ просвѣтителей.

Петръ, напрімѣръ, какъ тѣнь выступаетъ изъ царства этихъ мертвыхъ!

Конечно, онъ великъ! Въ немъ были всѣ зародыши великаго, но и только. Предпринятая ломка отзывалась все той же наслѣдованной татарщиной. Онъ не понималъ русскаго человѣка, но видѣлъ въ немъ двухножную тварь, созданную для проведенія его цѣли. Цѣль была великанская, неумѣстимая въ бывшихъ границахъ Россіи, и взявъ онъ ее, сироту, и связавъ ей и руки, и ноги, окунулъ головой въ иноземщину и чуть-чуть не упустилъ ее изъ длани и подъ Нарвою, и подъ Полтавою, и на Прутѣ.

Счастье вынесло его на плечахъ и выбросило его цѣлымъ во всей его дикой наготѣ на открытый имъ и имъ заложенный берегъ. Волны его смущали и обнимали страхомъ, который онъ не могъ и не умѣлъ побороть. Берегъ, напротивъ, его одушевлялъ, окрылялъ его воображеніе и придавалъ ему нужныя силы. Тамъ, на берегу, хотя пустыннымъ, зарождались его мечты, замыслы и пророческія вдохновенія. Тамъ онъ вздумалъ отложиться отъ прошлаго, отъ всего русскаго и заложить основаніе новой Россіи. Онъ бросилъ старую столицу, перенесъ все свое кочевье на край государства только для того, чтобы жить всѣмъ и ему въ особенности по-своему и по-новому!

Бросить Москву было невысказуемо, но для него возможно. Москва еще стояла при всей своей вѣковой, исторической святости и это послужило ей въ гибель. Все бывшее его раздражало, язвило, и онъ, не выносивъ поповъ, началъ съ храмовъ. Тамъ священнодѣйствуетъ патріархъ,—онъ санъ патріаршій хочетъ уничтожить и для этого православно заявить себя главой церкви!..

Тамъ великолѣпныя царскіе терема, напоминавшіе византійскій складъ и вмѣстѣ строгость нравовъ царей; онъ хочетъ завести свое зодчество, свои нравы и пойдутъ пирушки, ассамблеи и вмѣстѣ весь иноземный развратъ... Тамъ стояла изба, куда стекались выборные отъ всѣхъ городовъ, отъ всея земли русской и рѣшали въ земской думѣ чему быть; онъ не хотѣлъ этой старины, онъ заведетъ и свой синодъ, и свои коллегіи, и свой сенатъ!

Здѣсь будетъ все собственно свое и все свои! Тамъ были стрѣльцы; онъ ихъ перебьетъ тысячами и разгонитъ; у него на болотѣ и въ заводѣ ихъ не будетъ; наконецъ, тамъ одно чисто русское, а русскіе-то ему не подъ руку. Не съ нами же ему ломку ломать, да не съ нами же жить! Онъ обзаведется и нѣмцами, и голландцами, и одними чужими людьми! Москвѣ не быть, а быть на болотѣ Петербургу, сказалъ онъ себѣ и быть по сему.

Назвавъ кочевье свое не градомъ, а бургомъ,—онъ не Петръ, а уже Piter, да и говорить, и писать по-русски уже ломанымъ язы-

комъ французско-нѣмецкимъ и т. д. И чего стоитъ это задуманное на чужбинѣ кочевье, сколько тутъ зарыто сокровищъ, казны, какъ говорили, а еще болѣе—сколько тутъ зарыто тысячъ тѣлъ рабочихъ, вызванныхъ изъ отдѣленія и падшихъ безъ помѣщенія отъ холода и изнурительныхъ работъ! Нужны были пути сообщенія, правда, самъ онъ бродить по болотамъ, по лѣсамъ: самъ онъ рѣшаетъ мѣры, ставить вѣхи,—но сколько здѣсь пало народу! Нужно было для этой цѣли его творенія стальная длань, при помощи мягкой, восковой руки русской! Но пусть Москва, пусть народъ молча глядитъ и переноситъ всю тяжесть ломки—то было ихъ время и то были люди того времени; но мы, отдаленные ихъ потомки, прямые наслѣдники, съ одной стороны, этого чудовищнаго безправнаго своеволия, съ другой—безправія, подбострастія, которое не допустило нигдѣ и ни въ чемъ выразиться ни малѣйшему сопротивленію,—могли ли мы, сочувствуя всѣмъ бѣдствіямъ, перенесеннымъ Россією, и свидѣтели такихъ послѣдствій Петрова строя, могли ли мы не остановиться надъ пройденною нами историческою жизнью и не отнестись съ должнымъ вопіющимъ негодованіемъ противъ того печальнаго прошедшаго, изъ котораго вырабатывался такъ послѣдовательно жалкій, плачевный русскій бытъ настоящаго времени? Ненавистно было для насъ прошедшее, какъ ненавистенъ былъ для насъ Великій, заложившій новую Россію на новыхъ, ничѣмъ не оправданныхъ основаніяхъ. Ломовикъ-преобразователь отзывался какою-то дикостью, не соотвѣтствующею условіямъ призванія человѣка на все творческое, великое! Онъ былъ варваръ безсознательно; былъ варваръ по природѣ, по наклонности, по убѣжденію. Характеръ его сложился и развивался при обстоятельствахъ, тогда же вызванныхъ, но не менѣе того раздражительно на него дѣйствовавшихъ. Онъ шелъ неуклонно, безустально къ заданной себѣ цѣли и вездѣ, и всегда, до конца жизни онъ видѣлъ... нѣтъ, ему чудились поборники всего стараго, а онъ, какъ неусыпный стражъ своего новаго дѣла, долженъ казнить, преслѣдовать мнимыхъ или дѣйствительныхъ враговъ своихъ. Воля его росла, укоренялась наравнѣ съ неистовою жестокостію. Сердце его не дрогнетъ даже надъ участію собственнаго сына, и онъ приноситъ его въ жертву съ какою то утонченной злобой! То былъ не порывъ страсти, быть-можетъ, оправданной мгновеннымъ, запальчивымъ бѣшенствомъ, понятнымъ въ такой натурѣ,—нѣтъ, это было дѣйствіе долгаго мышленія, и холодно и звѣрски исполненнаго—ужасно!

Каковъ онъ былъ къ сестрѣ, къ сыну и вообще ко всей своей семьѣ, таковъ онъ былъ и къ большой семьѣ русской... Онъ, какъ вотчину, точно любилъ Россію, но не терпѣлъ, не выносилъ и, что еще болѣе, не уважалъ собственно русскихъ. Достаточно было вида однѣхъ бородъ, зипуна, а не нѣмецкаго кафтана, чтобы приводить его въ преобразовательную ярость. Нѣтъ, онъ не только не

уважалъ, но презиралъ во всю привитую себѣ нѣмецкую силу все тѣхъ же русскихъ.

Всегда пьяный, всегда буйный, онъ неизмѣнно стоитъ тѣмъ же Peter'омъ и въ совѣтѣ, и на полѣ битвы, и на пирушкахъ! Не измѣнить онъ себя и останется себѣ вѣренъ до конца, и какой конецъ! Конецъ самый позорный, самый поучительный для потомковъ и разъяснившій будто бы загадочную душу Великаго. Здѣсь на смертномъ одрѣ мы его слышали, прослѣдили и разгадали великую эту ничтожность. Великій отходить, отходить не внезапно, но долго при большихъ страданіяхъ, но при своемъ, какъ всегда, умѣ. Часы торжественные, предсмертье. Здѣсь человѣкъ, какъ будто сбрасывая свою земную оболочку, облекается въ обѣленные ризы предстоящаго суда (онъ же и былъ главой Христовой церкви), и высказываетъ свое послѣднее, завѣтное слово. Слушаемъ не мы одни, а вся вздрогнувшая Россія, ожидавшая этого царскаго слова... «Да будетъ вѣнчанъ на царство, кто будетъ болѣе его достоинъ!» И вотъ какимъ неразгаданнымъ, неопредѣленнымъ словомъ подарилъ Великій несчастную, презрѣнную Россію. И это слово было произнесено при комъ же? При томъ же неопредѣленномъ пока Данилычѣ и при той же Катишѣ, незадолго передъ тѣмъ не безъ умысла коронованной! Слово это выказало Петра во всей его государственной или, лучше сказать, правительственной ничтожности; тутъ же онъ выказалъ свое могучее «я» во всемъ отвратительномъ, укоризненномъ смыслѣ. Явленіе, объясняющее чисто одно эгоистическое чувство въ любви къ Россіи. Какъ человѣкъ, обнимавшій всѣ отрасли государственнаго управленія, конечно, насколько онѣ были доступны для его полуобразованія; человѣкъ, который силился все вводить и упрочивать (все-таки по своимъ недозрѣвшимъ понятіямъ), и этотъ самый человѣкъ не думалъ и не хотѣлъ думать объ установленіи и упрочиваніи монархическаго послѣ себя престолонаслѣдія. Такое упущеніе мысли мы объясняемъ его собственнымъ развратомъ и чувствомъ того презрѣнія къ русскимъ, которые, по несчастію, безъ правильной законной передачи престола, онъ умѣлъ передать и тѣмъ, которые случайно завладѣли на произволъ брошеннымъ имъ престоломъ. Развратъ его, какъ ни былъ онъ постоянно великъ, превзошелъ всѣ предѣлы, когда, не уважая ни себя, ни русскихъ, онъ взялъ Катишу въ наложницы, а подъ конецъ сочетался съ ней бракомъ. Человѣкъ, чувствуя за собой способности, какъ Сатурнъ, пожирать своихъ дѣтей, долженъ былъ, хотя бы съ цѣлью предусмотрительности, взять женщину свѣжую, цѣломудренную, съ силою производительною, а не развратную чухонку, переходившую изъ рукъ въ руки его любимцевъ и не способную къ дѣтороженію. Онъ отходить и нѣтъ ему наслѣдника, наслѣдника зарыли въ могилу. Есть наслѣдникъ прямой, но онъ малъ и не поднять, и не нести ему выпадающаго изъ охладѣющей руки тяжелаго скипетра. Къ тому

же и обойти Катю, ту самую, которую хотѣлъ нѣкогда казнить, но не имѣлъ духу и не имѣлъ также духу обречь ее на царство: «Пусть,—сказалъ онъ,—вѣнецъ достанется достойнѣйшему». И сколько въ этихъ словахъ произвола. Во-первыхъ, онъ отвергалъ законное право въ лицѣ внука,—Петра II, во-вторыхъ, такимъ беззаконіемъ онъ узаконялъ всѣ происки, всѣ домогательства къ захвату престола, предоставленнаго произвольнымъ случайностямъ и, наконецъ, ввергалъ Россію во всю пропасть преслѣдованій, ссылокъ и казней, ознаменующихъ всякое воцареніе.

Съ этой поры началась, какъ мы видѣли, постыдная эра женскаго правленія, исполненная безнравственными примѣрами столь омерзительными, сколько и пагубными государству. Съ этой поры началъ входить въ составъ высшаго правительственнаго слоя цѣлый рядъ временщиковъ, получавшихъ свое значеніе въ царскихъ опочивальняхъ. Число этихъ вводныхъ лицъ возрастало съ каждымъ царствованіемъ и, наконецъ, образовало поддѣльный классъ той аристократіи, богатство которой служить свидѣтельствомъ, до какой степени доаускалось грабительство и разхищеніе народнаго достоянія. Такъ чувство презрѣнія Петра къ русскимъ переходило по наслѣдству къ каждому преемнику съ возрастающей силой, и мы видимъ, до чего оно доходило въ царствованіе Екатерины, второй по имени, но шестой по своему полу. Въ жизни народовъ есть такія явленія, которыя никакъ не подходятъ подъ какое-нибудь приложеніе такого или другого историческаго начала. Спрашивается, какимъ образомъ могъ вторгнуться, безъ всякой естественной причины, этотъ являющийся вовсе новымъ, небывалый женскій элементъ въ непремѣнномъ условіи вводимаго управленія? Ужели это была ворвавшаяся случайность или же обдуманная система государственными людьми того времени? Шесть сряду правительницъ царятъ въ теченіе почти цѣлаго вѣка, и каждая изъ нихъ при особенныхъ обстоятельствахъ произвольно взводится на престолъ и при соблюденіи условленныхъ приличій будто бы законно завѣдуетъ государствомъ! При такихъ непрерывныхъ случайностяхъ, при такомъ отсутствіи всякаго законнаго права на престолъ, можно спросить себя (конечно, не ихъ), нѣтъ ли тутъ навѣванія польскаго духа, и престолъ русскій не обратился ли въ престолъ избирательный. И, прослѣдя этотъ жалкій фактъ въ шести позорныхъ картинахъ, не въ правѣ ли каждый отчасти мыслитель прійти къ этому заключенію? Избирательный престолъ (положимъ, хотя бы и входило это начало своекорыстныхъ временщиковъ, вельможъ того времени), но гдѣ же тѣ условія, которыя освѣщаютъ избраніе? Петръ вымолвилъ—достоинѣйшаго послѣ себя; но кто же будетъ опредѣлять это достоинство, и кому передалъ онъ это право? Ужели все тотъ же грабитель Данилычъ, человѣкъ, котораго онъ дважды

судиль, засуживаль, за все прощая, ужели, говорю я, онъ, Меншиковъ, будетъ одинъ рѣшать, кому быть? И кому же не быть, какъ не той же опять Екатеринѣ! Вотъ на чемъ остановилась, конечно, предсмертная мысль Петра. Его презрѣніе къ русскимъ не пошатнулось въ немъ и въ послѣдній, торжественный часъ его жизни! Онъ зналъ русскихъ, зналъ въ этотъ моментъ и себя. Не имѣя ни воли, ни духа гражданскаго, онъ сложилъ съ себя гласную отвѣтственность передъ потомствомъ и дѣло порѣшилъ на смертномъ одрѣ.

Тутъ Питеръ, Катюша, Данилычъ, въ этомъ навсегда позорномъ триумвиратѣ (это таинственное число имѣетъ всегда поверхностный и временный успѣхъ) условились, чему и кому быть и тихо и быстро! И бѣдная Россія, со введеніемъ начала, ничѣмъ не узаконеннаго избирательнаго престола, подвергалась испытанію тѣхъ нравственныхъ потрясеній, которыя такъ тяжело, такъ безотчетно отзывались на ея общественномъ бытѣ. И развѣ Петръ не могъ отвратить этого зла? Развѣ не было у него внука, и если онъ находилъ его малолѣтнимъ, то не могъ ли онъ назначить ему соправителей? Если онъ и тутъ затруднялся, развѣ не было у него Синода, и Сената и достаточно государственныхъ чиновъ, на которыхъ онъ долженъ былъ возложить обязанности такого назначенія, или же назначить временнаго, до совершеннолѣтія внука, соправителя? Нѣтъ, не стало, какъ говорится, Петра на такое дѣло и русскіе, истинно русскіе, давно заклеили должными порицаніями между прочими дѣйствіями и дѣйствіе, по счастью, послѣднее его жизни. Петръ былъ уже невыносимъ для Россіи; онъ слишкомъ былъ своеобразенъ, ломокъ, а, пожалуй, говоря односторонне, и великъ. Великъ! но не въ мѣру и не подъ стать; онъ съ Россіей расходился во всемъ, онъ выражалъ движеніе, другая же—застой. За нимъ была сила, не имъ открытая и созданная, а подготовленная, и онъ ее умѣлъ усилить къ окончательному поработанію. Преобразованія его не есть творчество вдохновительной силы, которая истекла бы изъ него самого. Нѣтъ, онъ не творитель, а подражатель и, конечно, могучій, но какъ подражатель полуобразованный и вмѣстѣ полновластный, введенныя имъ преобразованія отзываются узкимъ, ложнымъ возрѣніемъ скороспѣлаго государственнаго человѣка! Впечатлительный, воспріимчивый и нося въ себѣ неоспоримо всѣ зачатки самобытнаго призванія, онъ не могъ при азіатской своей натурѣ постигнуть истинно великое и ринулся, увлекая за собой и Россію, въ этотъ коловоротъ, изъ котораго и поднесь не находится спасенія. Такъ глубоко запали и проросли корни надменной иноземщины! Способность его подражательности изумительна. Настойчивость его воли придавала ему силу исполненія, и мы видимъ, какъ всѣ приемы его были и рѣшительны,

и объемны, но вмѣстѣ съ симъ мы чувствуемъ, насколько его нововведенія были и насильственны, и не современны, и не народны.

Не возстаютъ ли теперь такъ гласно, такъ ожесточенно противъ такъ называемой нѣмецкой интеллигенціи, подавляющей русскую въ конецъ? А кто же выдумалъ нѣмцевъ, какъ не тотъ же Петръ? Не онъ ли сказалъ: «придите и княжите, и онѣмчите Россію, и будетъ вамъ благо!» И подлинно, на первыхъ же порахъ заکняжилъ Остерманъ (вполнѣ острый манъ) и давай играть русскимъ престоломъ и судьбами Россіи. Тутъ же вскорѣ и Биронъ, но этотъ уже не закняжилъ, а зацарствовалъ и давай русскихъ гнуть, и ломать, и замораживать цѣлыми волостями, выводя ихъ босыми ногами на морозъ русскій. Чего вы, мои бѣдные русскіе, не вынесли отъ этихъ наглыхъ безродныхъ пришельцевъ! Но пришельцы эти были вызваны, водворены (они всѣ были бездомные) великимъ преобразователемъ для затѣяннаго имъ преобразованія. Но что это за званіе или прозваніе преобразователя? Есть ли это великое вдохновеніе, свыше данное собственно лицу, отдѣлившемуся отъ человѣчества, или же это есть обязанность, назначеніе каждаго, отдѣльно взятаго, изъ царской касты, вступающаго на престолъ? Что касается до меня, то, не вдаваясь ни въ какія догадочныя умозаключенія относительно преобразователей заморскихъ, я, не выходя изъ предѣловъ нашихъ и основываясь на выводахъ историческихъ, чисто русскихъ, скажу, что духъ преобразовательный обнимаетъ не одно лицо въ силу какихъ-нибудь предопредѣленій, а каждую и каждаго, появляющагося на царство. Петръ первый заявилъ себя ломкимъ преобразователемъ, имѣлъ эту манію, и манія эта такъ же, не съ такой силой, конечно, стала занимать, волновать, обуревать всѣхъ, послѣдовавшихъ ему вѣнценосокъ и вѣнценосцевъ. Нѣтъ ни одной, ни одного изъ нихъ, который бы не задумалъ себя показать и хоть чѣмъ-нибудь да прославить себя, конечно, не расширеніемъ правъ народныхъ, но расширеніемъ своихъ въ видѣ измѣненія одного другимъ! Прослѣдите повѣствованіе наше, за исключеніемъ обычнаго указа о возвращеніи сосланныхъ въ Сибирь, о прощеніи недоимокъ и о перемѣнѣ, конечно, не формы правленія, а формы мундира, вы усмотрите рядъ измѣненій, назначеній, исключеній, наградъ, и весь этотъ дѣятельный шумъ и трескъ, сопровождающій всякое новое царство. Такая манія одинаково будетъ дѣйствовать, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, въ увеличиваньи налоговъ, а что главное — предѣловъ Имперіи. Такимъ образомъ всѣ они, волей или неволей и преобразователи, и завоеватели. Достойные, право, люди исторической памяти! Но для нихъ не настало время исторіи.

Итакъ, Петръ заявилъ себя неуклоннымъ упорнымъ преобразователемъ. Но что же вызвало и навело его на такое сложное

и трудное поприще? Вопросъ естественный и крайне любопытный, но, признаюсь, не входящій въ мое изслѣдованіе. Здѣсь надобно бы призвать на помощь и самую психологію, она же оставалась для меня всегда какою-то *terra incognita*, и потому не нахожу надобности зарываться въ глубь этого человѣка. Къ тому же весь онъ и дѣла его налицо! Изъ таинственныхъ причинъ, подѣйствовавшихъ на его впечатлительный умъ, есть все-таки одна сторона, оставшаяся какъ бы не выслѣженной, а именно: первоначальные, заронившіеся въ немъ религіозные зачатки. Какъ чело-вѣку исключительно властолюбивому, патріархъ ему мѣшалъ, и онъ заранѣе думалъ и мечталъ объ уничтоженіи такого равносильнаго ему вліянія.

Меня всегда приводило въ раздумье, какая мысль влекла его въ Саардамъ, почему онъ, слагая съ себя императорскій свой санъ, превращается вдругъ изъ Романова въ Михайлова? Почему этотъ неучъ, не жаждущій науки, взялся за топоръ, а не за книгу? Вѣдь онъ въ Голландіи, подъ рукою и Гаага, и Лейденъ, и такъ же Амстердамъ, средоточіе тогдашняго движенія умовъ; тамъ гремѣли уже ученія новаго права, тамъ... но онъ не ищетъ пера, а ищетъ сѣкиру, и находитъ ее. Но что за примѣръ смиренія въ этомъ Михайловѣ, изучающемъ плотничье мастерство?

Не такъ ли заявилъ себя и плотникъ Назаретскій? Нѣтъ ли тутъ искренней, чистой религіозности, и не увидимъ ли мы въ немъ новаго пророка или послѣдователя Христа? Да, онъ заявитъ себя пророкомъ и долго пророчество его будетъ служить путевой звѣздой для его преемниковъ. Да, онъ предрекъ паденіе патріарха и самъ своевластно замѣнилъ его и силою собственнаго указа призналъ себя главою церкви. Такимъ образомъ онъ подчинилъ не свободную, а раболѣпную церковь государству, не свободному, а раболѣпному. Такимъ образомъ русское духовенство утратило навсегда право на приобрѣтеніе возможности вліянія на общество и осталось такъ же невѣжественно, какъ оно было и какъ сіе и требовалось.

Спрашивается, какое же могло имѣть вліяніе пастыря такого рода на паству въ отношеніи нравственнаго, христіанскаго преуспѣванія.

Ничтожно, неподвижно и безотвѣтно стоитъ и по сію пору духовенство. И нѣтъ его въ часъ нравственнаго распаденія или же невзгоды и общаго горя. Но цѣль достигнута: духовенство не вызываетъ опасенія двигателей противъ единодержавія и однимъ врагомъ меньше для него. Впрочемъ, допуская невѣжество, слитое съ суевѣріемъ и фанатизмомъ, конечно, такіа мѣры болѣе, чѣмъ необходимы; но при духовномъ образованіи, освѣщенномъ духомъ истиннаго христіанства, найдется въ немъ не помощь, а цѣлая сила для поддержанія разлагающагося чисто общественнаго организма.

Пророчества Петра обняли почти всѣ отрасли правленія и во всей ломкѣ онъ вносилъ духъ, поистинѣ ему свыше вдохновенный. Какъ объяснить, хотя бы и подвигъ, совершенный противъ патріарховъ,—подвигъ, равнявшійся въ то время величайшему святотатству, если не допустить въ немъ усвоенія свыше посланнаго ему призванія для совершенія такого дѣла. Есть люди, такъ странно и наскоро, вѣроятно, сколоченные, что трудно ихъ подвести подъ уровень самаго яснаго умственного мѣрила. Люди эти, по большей части, вынесенные судьбой на плечахъ народныхъ, достигая нѣкоторой степени высоты, подчиняются закономъ какой-то новой для нихъ формации и всѣмъ явленіямъ процесса перерожденія. Тутъ, теряя бывшую точку земной опоры, они отдѣляются отъ человѣчества и, сближаясь съ искомымъ божествомъ, поступаютъ въ его непосредственное вѣдѣніе. Съ этой опоры не ищите въ нихъ воли собственной, они дѣйствуютъ, какъ страдательныя существа, по волѣ найденнаго ими по себѣ бога. Они дѣлаются безотвѣтны и требуютъ слѣпой покорности и повиновенія не къ себѣ, а къ тому божеству, къ которому они сопричастны!...

И мало ли въ исторіи появленій такихъ странно перерожденныхъ личностей! Какъ обильна исторія этими примѣрами!

Иудеи жили на особенныхъ правахъ, и потому они не могутъ служить мнѣ подтвержденіемъ моего довода. Къ слову: есть, однакоже, и у насъ одно сближеніе съ этими евреями, — это именно то, что, какъ они, такъ и мы о сію пору не поняли истиннаго Христа. Итакъ, примемся хотя бы за Македонскаго!

Посмотрите его въ Греціи, а впослѣдствіи въ Индіи, тамъ онъ сынъ Филиппа, здѣсь — самого уже Юпитера.

Магометъ посредствомъ архангела Гавріила оцѣпляется современнѣйшему ему міру.

Александръ Благословенный, полуживымъ народомъ отрытый изъ-подъ пепла московскаго и имъ же выброшенный въ Парижъ, поставленный выше царей земныхъ, не довольствуется такой высотой и для дальнѣйшихъ своихъ видовъ стяжаетъ славу другую, а именно: вступаетъ самъ на службу, какъ понималъ онъ ее по-своему. Для этого онъ не содрогнулся изорвать свой старый формулярный списокъ, исписанный, хотя и не большими подвигами любви къ народамъ, однакоже, довольно свидѣтельствовавшій прежнія его стремленія.

У старца Нумы была какая-то Эгерія, Александръ нашелъ себѣ, если не нимфу, въ строгомъ смыслѣ слова, то почти ей подходящую, а именно, баронесу Крюднеръ. Вотъ его путеводная вдохновительница, она его помирила съ самимъ собою, опредѣлила къ новой службѣ и сблизила съ Богомъ, избравшимъ его своимъ орудіемъ, исполнителемъ верховной власти! Не ищите его бывшей

высочайшей воли; нѣтъ, онъ смирился, преобразовался, обновился другою плотью и отказался отъ бывшаго себя!

Волю онъ будетъ выражать, но не свою. Подъ высшей надъ нимъ волей онъ перестаетъ быть ходатаемъ правъ народныхъ и дѣлается угнетателемъ и преслѣдователемъ нарождающагося тогда стремленія къ свободѣ. Облеченный въ ризы новаго Верховнаго жреца, Александръ образуетъ новый Священный союзъ. Охраненіе вѣры, правъ царскихъ и безправія народовъ служило основаніемъ этому союзу наравнѣ безчеловѣчному и безразсудному, какъ союзъ Пильницкій ¹⁾, столь пагубный по своимъ кровавымъ и поднесъ еще послѣдствіямъ. Съ какой бы точки зрѣнія не разсматривался этотъ союзъ, всѣ стороны его равно узки, насильственны и неестественны. Та же вѣра, которую онъ силился толковать въ свою пользу, его засудила, какъ несоотвѣтствующая любви и терпимости христіанской.

Братство царей уничтожилось ими же самими. Происки, козни тутъ же стали тайно появляться именно противъ главнаго основателя, котораго не выносили изъ-за полученнаго имъ въ Европѣ вліянія. Они опасались найти въ Александрѣ Наполеона особеннаго рода. Союзъ противъ него былъ тутъ же заложенъ, хотя и тайный, но заявлявшій себя въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Меттернихъ, выбившій Александра изъ строя либераловъ, избилъ его нравственно въ конецъ. Въ Веронѣ, еще могучій, онъ торжественно заявляетъ, что Господь ему ввѣрилъ 700.000 штыковъ, конечно, для умиротворенія Европы, т.-е. подавленія всѣхъ народныхъ тогда стремленій и даже любимой имъ и Россіею... кого же? Греціи!

Вотъ до чего этотъ человѣкъ измѣнилъ себѣ и всему человѣчеству, которому онъ хотѣлъ посвятить всѣ силы, всѣ свои умственные и душевные стремленія. Стремленія? Но были ли онѣ его собственными и насколько онъ былъ ими проникнутъ? Вотъ вопросы, возникшіе при началѣ его царствованія и получившіе грустное свое разрѣшеніе, когда настало время выступить ему всецѣло, своеобразно на поприщѣ возрожденія народовъ. Восемьдесятъ девятый годъ прогремѣлъ при той освятительной, изгоняющей мракъ молніи: народы вздрогнули и стали внимать новому слову, новому праву. За словомъ началась ломка всего стараго, отжившаго, непримѣнимаго къ обновляющемуся обществу, но ломка первоначально производилась съ достойною рѣшительностью и въ предѣлахъ возможнаго при такомъ переворотѣ благоразумія. Противодѣйствія,

¹⁾ Въ Саксонскомъ городкѣ Пильницѣ былъ изданъ въ августѣ 1791 г. манифестъ австрійскаго императора Леопольда II и прусскаго короля Фридриха-Вильгельма II, объявлявшій дѣло Людовика XVI дѣломъ общимъ для всѣхъ правителей Европы и приглашавшій государей на борьбу съ революціей.

конечно, какъ присущія старому строю, должны были возникать и препятствовать естественному ходу даннаго движенія. Но всѣ эти противодѣйствія безсильно замерли бы и не помѣшали бы законно и мирно водвориться новому искомому порядку. Вздогнули народы, говорилъ я, но вздогнули вмѣстѣ и ихъ правители, затронутые въ своихъ насильно увѣковѣченныхъ правахъ. Они вздогнули и взялись не за слово, а за оружіе! И здѣсь-то является тотъ грозный замыселъ скучившихся государей,—замыселъ страшный по своему объему, по силамъ, которыми они насильно распоряжались, по вмѣшательству въ чужое дѣло и, наконецъ, по заложенію начала той кровавой борьбы правителей съ народомъ. Вотъ какими пагубными, беззаконными началами ознаменовался замыселъ, обнаружившійся подъ системою Пильницкаго союза. Этотъ историческій памятникъ, воздвигнутый хилыми руками, какъ не силились правители его поддержать въ цѣлости, рушился, наконецъ, въ видѣ позорныхъ для того времени обломковъ! Эти обломки свидѣтельствуютъ о тѣхъ кровавыхъ буряхъ, которыя поднялись народами для низверженія памятника, сложеннаго изъ человѣческихъ костей.

Пильницъ, какъ тотъ же сфинксъ, стоитъ еще въ исторіи. Нѣтъ, онъ недостаточно разгаданъ, недостаточно разобранъ въ безчисленныхъ его послѣдствіяхъ на судьбу народовъ и цивилизаціи. Вообще Пильницъ хотѣлъ своротить, попятить движеніе вѣка и онъ этого не смогъ сдѣлать и былъ самъ утопленъ въ вызванномъ имъ потокѣ крови. 89-й годъ правильно, безстрастно совершаетъ свое преобразовательное движеніе, какъ вдругъ раздается передъ нимъ дикій голосъ пильницкаго звѣря, и вскорѣ раздраженный и всей своей силой мстительный страсти, этотъ смиренный 89-й годъ превращается въ ожесточенный 92-ой годъ. Пильницъ раздвоилъ Францію, и одна изъ нихъ должна погибнуть, погибнетъ слабый Людовикъ, поддавшійся иностранному внушенію, погибнетъ королевское семейство и всѣ сторонники древняго порядка.

Ожесточеніе вызвало страсти, страсти—гоненія, и явился Конвентъ въ пылу мстительнаго патріотизма, онъ дѣйствуетъ беспощадно, звѣрски; гибель людей — ничтожный исходъ при спасеніи лишь однихъ началъ! Конвентъ долженъ подавить внутренняго и внѣшняго врага! Эшафотъ противъ перваго, 14 армій противъ другаго. Революція измѣняетъ свой видъ, но характеръ движенія остается все прежній. Наполеонъ все тотъ же революціонеръ, тотъ же представитель новаго времени. «Лучшій день въ моей жизни,—пишетъ онъ изъ Италіи,—будетъ день водворенія эры республиканской». И пока онъ искренно или поддѣльно идетъ въ этой цѣли, народы въ какомъ-то ожиданіи почти ему сочувствуютъ! Какъ новый человѣкъ, онъ все старое громитъ и громитъ старыхъ ничтожныхъ правителей, которые замыслили униженіе Франціи. Напо-

леонъ выказаль всю ломкость тогдашнихъ престоловъ, онъ обнаружилъ всю слабость, ничтожность тогдашнихъ народовладѣльцевъ и до какой степени они прикосновенны и удобоуязвимы.

И не было ему ни предѣла, ни препонъ. За Пиренеями, за Альпами, за Рейномъ онъ всѣхъ ихъ равно поражаетъ, равно срыываетъ съ нихъ личину и выставляетъ въ жалкой, презрительной наготѣ! Казалось, что часъ старины ударилъ, и возникнуть и быть новому міру на новыхъ началахъ.

Нѣтъ! Наполеонъ не понялъ духа времени, не понялъ своего назначенія и палъ, какъ падаютъ и всѣ строители на пескѣ, т.-е. на властолюбивомъ безправіи. Отуманенный громкими, но легкими успѣхами, удачами небывалыми, объясняемыми ничтожною посредственностью ему современныхъ соперниковъ,—Наполеонъ становится тыломъ въ революціи и ищетъ силы другой, силы Божіей, которой онъ сталъ вѣрить. Сбрасываетъ съ себя фригійскую шапку (о которой онъ вспоминаетъ, но уже поздно, на островѣ Елены) и хватается за вѣнецъ и за какой же другой, какъ не императорскій? Такое превращеніе требовало помощи свыше, и онъ дѣлается возстановителемъ не столько вѣры, церкви, но нужнаго для его цѣлей духовенства. Онъ хочетъ вѣнчаться на царство, какъ истый католикъ и сынъ церкви, и долженъ призвать для освященія своего того же Пія VII, котораго, какъ сынъ той же церкви, онъ въ послѣдствіи позорно схватить и заточить. Возстановитель имперіи и престоловъ кончилъ подъ историческою тяжестью, и если онъ оказалъ человѣчеству услугу, то она состояла въ разрушеніи Пильницкаго союза. Повторяю, не безъ умысла, союзъ этотъ влекъ вызовъ на бой народовъ,—вызовъ, ими принятый со всѣми ожесточеніями угнетенныхъ противъ притѣснителей, вызовъ страстей во Франціи, отвѣтилъ самыми отчаянными порывами. Союзники сбили съ пути слабаго короля, завлекли его, австрійку и всѣхъ знатныхъ въ пропасть смерти. Они вызвали свой эшафотъ, вызвали всѣ тѣ мѣры, поражающія насъ своими ужасами, потому что и люди-дѣятели и время то для насъ остались еще неразгаданными, они вызвали тотъ поголовный взрывъ, образовавшій 14 армій, которыя и служили послѣ честолюбію Наполеона, такъ же вызваннаго обстоятельствами...

Франція, предоставленная сама себѣ, безъ вмѣшательства, совершила бы, быть-можетъ, свой революціонерный путь при другихъ, конечно, условіяхъ, и Наполеонъ былъ бы немислимъ и за нимъ и всѣ тѣ войны, которыя отзывались одинаковыми звѣрствами, какъ и уличныя побоища въ Парижѣ. Но эти мы клеймимъ печатью варварства, первая же—печатью славы. Всѣ ужасы Франціи ограничиваются семьюдесятью тысячами человѣкъ, тогда какъ войны уносили милліоны.

Немыслимъ былъ Наполеонъ, говорю я, немислимъ былъ и самъ Александръ, оевропеившійся въ ущербъ нѣкогда своей Россіи. На-

полеонъ былъ чисто произведеніемъ случайнымъ случайныхъ обстоятельствъ, а по тому самому, почему не объяснять фактъ его возвышенія фактомъ, выходящимъ изъ непремѣнныхъ историческихъ законовъ. Заподозрѣнный и неоцѣняемый, онъ хотѣлъ удалиться изъ Франціи и итти искать счастья въ Турцію и даже въ Россію. 13-го Вандеміера онъ удачно покартечничалъ парижанъ и расчелъ, что число ихъ достаточно и для будущихъ уличныхъ его пріемовъ.

Мыслимъ ли былъ Александръ таковымъ, какъ мы его видѣли въ послѣдствіи. Мирный, кроткій, почти юноша, чуждый порывамъ честолюбія или власти (все это было за нимъ), вдругъ превращается въ какого-то несозрѣвшаго воина и ищетъ славныхъ приключеній. Осторожность его уронила въ глазахъ собственныхъ, въ глазахъ соотечественниковъ. Съ тѣхъ поръ заронилась въ немъ та пагубная страсть къ военному дѣлу, обратившаяся со временемъ въ неотразимую манію. Тутъ уже Александръ, по несчастію, осуществляется и дѣлается жалкою дѣйствительностью не только для Россіи, которую онъ бросилъ, но и для Европы, которую онъ думалъ и усмирить, и устроить, и пр.

Онъ дважды идетъ еще на противника, удалить еще Сперанскаго, сдать Москву, взойдетъ въ Парижъ. Цѣлый годъ свободничаетъ, велитъ хилому Бурбону дать Франціи конституцію, слушаетъ лекціи Вилльмена, ѣдетъ въ Лондонъ, слышитъ оппозиціонную рѣчь Брума (Brougham), поздравляетъ его, жметъ ему руку, обѣщаетъ немедленно завести и въ своемъ государствѣ оппозицію (онъ ее и встрѣчаетъ въ Чугуевскомъ бунтѣ и въ другихъ мѣстахъ), ѣдетъ на Вѣнскій конгрессъ, поражаетъ всѣхъ своими свободолобивыми рѣчами. 13-ая статья конгресса, вся въ сущности его, присваиваетъ себѣ Польшу и только подъ могучимъ своимъ вліяніемъ склоняетъ противниковъ согласиться на право, требуемое имъ неуклонно, дать этой Польшѣ конституцію.

Дойдя до конца тетрадки, я только опомнился и ужаснулся передъ длинными моими отступленіями. Забылъ, что я передъ судомъ и какъ составители этого суда нетерпѣливо меня ожидаютъ. Но долженъ сказать, что я счетовъ своихъ не кончилъ съ Петромъ и съ Александромъ еще менѣе. Возвращусь къ нимъ на досугѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ далекихъ воспоминаній.

I.

Осенью 1861 года Петербургъ переживалъ безпокойное время. Появлялись первыя политическія прокламаціи; изъ Варшавы приходили печальныя вѣсти; въ разныхъ мѣстахъ происходили волненія среди крестьянъ, вызванныя новыми мотивами, но усмиряемыя старыми способами. Все это тревожило и возбуждало даже мирныхъ людей, склонныхъ къ политическому оптимизму. Къ числу такихъ людей принадлежалъ тогда и я, дѣля время между службой, къ которой я быстро охладѣвалъ, и литературной работой, все больше и больше меня занимавшей. Определенно, но умѣренно прогрессивно были настроены и мои ближайшіе товарищи по Сенату и министерству юстиціи, изъ которыхъ иные, двумя годами раньше, образовали, вмѣстѣ со мною, небольшой юридическій кружокъ, имѣвшій цѣлью подготовку къ ожидавшейся уже судебной реформѣ, но касавшейся иногда и политическихъ вопросовъ. Душою этого кружка былъ Дмитрій Васильевичъ Стасовъ, служившій тогда оберъ-секретаремъ во второмъ гражданскомъ департаментѣ Сената. Старшій изъ насъ годами, хорошо знакомый съ лучшими представителями литературы, науки, искусства, онъ живо интересовался всѣми сторонами умственного движенія и поддерживалъ въ насъ интересъ къ нему. У Стасова я въ первый разъ видѣлъ К. Д. Кавелина, Б. И. Утина; у него В. Д. Спасовичъ, вернувшись изъ Варшавы, рассказывалъ намъ о тамошнихъ событіяхъ. Менѣе чѣмъ кто-либо другой, Стасовъ могъ остаться равнодушнымъ къ университетскимъ безпорядкамъ, начавшимся 25 сентября (шествіе на Колокольную) и очень скоро повлекшимъ за собою массовые аресты среди студентовъ.

29 сентября, въ Большомъ театрѣ, гдѣ я слушалъ «Пуританъ», ко мнѣ подошелъ Стасовъ и спросилъ меня, согласенъ ли я подписать адресъ или просьбу о помилованіи привлеченныхъ къ отвѣтственности студентовъ, мысль о которомъ возникла въ этомъ день въ Сенатѣ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ, что зайдетъ ко мнѣ на другой день въ департаментъ министерства юстиціи, гдѣ я занималъ должность редактора и, за болѣзнь начальника уголовного отдѣленія (К. К. Петерса), временно

управлялъ отдѣленіемъ. Не помню, былъ ли готовъ въ то время самый текстъ адреса; знаю только, что для ускоренія дѣла было рѣшено собирать подписи на отдѣльныхъ листахъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ подшить ихъ къ самому адресу. Такой листъ мнѣ и принесъ Стасовъ въ министерство 30 сентября. Безусловно довѣряя Стасову, ни минуты не сомнѣваясь въ томъ, что назначеніе листа именно таково, какъ онъ говоритъ, я подписался самъ и сталъ собирать подписи среди сослуживцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ отказались, можетъ-быть, въ виду отсутствія текста, можетъ-быть, по какой-либо иной причинѣ; многіе подписались не колеблясь, подъ вліяніемъ тѣхъ же побужденій, какъ и руководившія мною. Въ министерствѣ юстиціи подписалось всего (по моему приглашенію или по чьему-либо иному) шестнадцать человѣкъ (въ Сенатѣ собрано было болѣе 50 подписей), въ томъ числѣ всѣ три столоначальника уголовного отдѣленія: недавно скончавшіеся—членъ Госуд. Совѣта И. И. Шамшинъ и первоприсутствующій сенаторъ гражданскаго кассационнаго департамента П. П. Веселовскій—и нынѣ здравствующій членъ Госуд. Совѣта А. А. Сабуровъ. Въ другихъ отдѣленіяхъ подписались пріобрѣвшіе въ послѣдствіи громкую извѣстность на разныхъ поприщахъ А. А. Книримъ, В. Н. Герардъ, А. Н. Апухтинъ, В. В. Берви (Флеровскій). Въ тотъ же вечеръ листъ съ подписями былъ отнесенъ мною къ Стасову, у котораго я встрѣтилъ оберъ-прокурора второго департамента, М. В. Полѣнова (умершаго въ 80-хъ годахъ первоприсутствующимъ гражд. касс. д—та), превосходнаго человѣка, которому хорошо было извѣстно все касавшееся адреса.

Вѣсть о собираніи подписей подъ адресомъ, намѣренно или не намѣренно извращенная, очень скоро дошла до третьяго отдѣленія. Рано утромъ 2 октября Д. В. Стасовъ былъ арестованъ и отвезенъ въ зданіе у Цѣпнаго моста. Когда я въ тотъ же день пришелъ въ министерство, всѣ управляющіе отдѣленіями были созваны къ директору департамента, М. И. Топильскому. Онъ спросилъ насъ съ торжественнымъ видомъ, что намъ извѣстно о подпискѣ, за два дня передъ тѣмъ происходившей въ зданіи министерства. Мои коллеги ничего о ней не знали; я отвѣтилъ, что я и другіе изъявили своею подписью согласіе на подачу Государю адреса о помилованіи студентовъ. Топильской сталъ увѣрять, что я обманутъ, что подписи предполагалось присоединить къ адресу о конституціи. Я выразилъ увѣренность, что никакого обмана не было и не могло быть. Между тѣмъ я узналъ, что листы съ подписями уже уничтожены или должны быть уничтожены съ минуты на минуту. На требованіе письменнаго объясненія я отвѣтилъ поэтому такъ: «Подписью на особомъ листѣ, 30 сентября данною, я изъявилъ согласіе на подачу Государю Императору всеподданныйшаго прошенія о помилованіи

студентовъ, арестованныхъ за сходки въ университетѣ и на улицахъ. Въ настоящее время, за уничтоженіемъ листа съ подписями, *подпись моя не будетъ имѣть дальнѣйшаго хода*». Подчеркнутыя слова, какъ я тогда же отмѣтилъ въ сохранившемся до сихъ поръ моемъ дневникѣ, я прибавилъ съ цѣлью показать, что я не отказываюсь отъ своей подписи и что она останется безъ послѣдствій только вслѣдствіе уничтоженія самаго листа. Съ такою же оговоркой подписали соотвѣтствующія заявленія всѣ мои сослуживцы по уголовному отдѣленію, а также В. В. Берви. Въ другихъ отдѣленіяхъ заявленія оканчивались словами: «Я изъявляю согласіе на то, чтобы подпись моя не имѣла дальнѣйшаго хода». При объясненіи въ тотъ же день съ Д. Н. Замятнинымъ, управлявшимъ министерствомъ за отсутствіемъ гр. В. Н. Панина, я отвѣтилъ на вопросъ его, гдѣ листъ съ моею и другими подписями, что листъ этотъ мною уничтоженъ.

Узнавъ на другой день, что меня предположено уволить по третьему пункту и что предупредить это можно только добровольнымъ уходомъ со службы, я 4 октября подалъ Топильскому просьбу объ увольненіи меня отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ. Оказалось, что по тогдашнимъ правиламъ такое увольненіе было возможно лишь въ началѣ года, а во всякое время можно было подавать въ отставку только по болѣзни. На это я не рѣшался, потому что отставка по болѣзни затруднила бы возвращеніе мое на службу, которое, какъ я тогда имѣлъ основаніе думать, могло оказаться для меня необходимымъ въ виду моихъ семейныхъ обстоятельствъ. Между вліятельными въ то время въ министерствѣ лицами начался по этому поводу довольно горячій споръ: мои недоброжелатели, подъ видомъ заботы о моихъ интересахъ, настаивали на томъ, чтобы я просилъ объ отставкѣ по болѣзни; другіе, ко мнѣ расположенные, убѣждали меня этого не дѣлать, указывая на то, что до января мѣсяца, когда долженъ быть данъ ходъ поданной уже мною просьбѣ, обстоятельства могутъ измѣниться къ лучшему. Я рѣшился послѣдовать этому совѣту. Въ то же самое время ко мнѣ обращались съ увѣщаніями назвать лицо, отъ котораго я получилъ листъ для подписи. Ко мнѣ пріѣзжалъ для этого одинъ изъ вліятельныхъ оберъ-прокуроровъ, М. Н. Любошинскій, къ которому меня приблизило участіе мое въ возложенной на него, въ 1857 г., работѣ по составленію новаго устава гражданскаго судопроизводства. Уговаривалъ меня и добрѣйшій Д. Н. Замятнинъ, намекая на возможность непріятностей, независящихъ отъ министерства; уговаривали и другіе, указывая на то, что своимъ молчаніемъ я могу повредить выгораживаемому мною лицу, такъ какъ явится поводъ думать, что намѣренія его дѣйствительно шли дальше ходатайства о помилованіи студентовъ. Въ томъ же смыслѣ старались повліять и на В. В. Берви. Намъ пришло тогда на

мысль посовѣтоваться съ братомъ Дмитрія Васильевича Стасова, Владимиромъ Васильевичемъ—и его отвѣтъ окончательно убѣдилъ насъ въ правильности нашего образа дѣйствій. Впослѣдствіи мы узнали, что, назвавъ Стасова, мы оказали бы ему весьма плохую услугу.

5 октября состоялось засѣданіе Консультациі, на которомъ рѣшено было всѣмъ подписавшимся сдѣлать внушеніе, а Берви и меня, какъ болѣе виновныхъ, подвергнуть административному взысканію по усмотрѣнію управляющаго министерствомъ. И послѣ того, однако, продолжались перемѣшанныя съ «устрашающими» намеками увѣщанія назвать «главнаго виновника». Они прекратились только 7-го числа, когда, по возвращеніи Д. Н. Замятина изъ Совѣта министровъ, стало извѣстно, что особыхъ мѣръ строгости къ участникамъ этой «исторіи» примѣнять не предполагается. 8 октября я получилъ бумагу, за подписью Д. Н. Замятина и М. И. Топильскаго, въ которой мнѣ сообщалось, что я не оправдалъ довѣрія начальства и не могу оставаться въ должности, по которой мнѣ подчинены другіе, почему и состоялось причисленіе меня къ министерству. Не прошло, однако, и двухъ дней, какъ я снова былъ призванъ къ Д. Н. Замятину, объявившему мнѣ, что я назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса. Въѣрять мнѣ начальническія надъ кѣмъ-нибудь права было признано невозможнымъ, но для занятія дѣлами у себя въ кабинетѣ я былъ найденъ годнымъ. Въ тотъ же день окончилось сравнительно благополучно и дѣло Д. В. Стасова, которому угрожала одно время высылка изъ Петербурга: онъ былъ выпущенъ на свободу, но уволенъ въ отставку по третьему пункту. Нелегко дались ему девять дней, проведенныхъ въ заключеніи: арестъ застигъ его черезъ мѣсяцъ послѣ женитьбы. Нетрудно себѣ представить, что перенесла въ это время его молодая жена... Въ концѣ-концовъ, невольная перемѣна въ его положеніи принесла ему только пользу. Оставшись безъ службы, онъ сталъ принимать на себя веденіе судебныхъ дѣлъ и пріобрѣлъ на этомъ поприщѣ широкую и почетную извѣстность. Потребность въ честныхъ, даровитыхъ и образованныхъ адвокатахъ была чрезвычайно велика и постоянно возрастала, по мѣрѣ того, какъ близилось осуществленіе судебной реформы. Д. В. Стасовъ быстро выдвинулся на первый планъ, и въ 1866 г., послѣ открытія въ Петербургѣ новыхъ судовъ, естественно объединилъ вокругъ себя вновь созданную петербургскую присяжную адвокатуру, какъ первый предсѣдатель совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Какъ ни незначительна, сама по себѣ, описанная мною «исторія», въ ней нетрудно подмѣтить нѣкоторыя характерныя черты. «Эпоха великихъ реформъ» была тогда въ самомъ расцвѣтѣ; только что совершилось освобожденіе крестьянъ, намѣчалось преобразованіе суда, созданіе земства, расширеніе правъ печати. Но рядомъ съ

этимъ неприкосновенными оставались старые бюрократическіе на-
выки, старые полицейскіе приемы: ничѣмъ не регулируемая подо-
зрительность, склонность сначала хватать, потомъ разслѣдовать,
нетерпимость къ самымъ невиннымъ проявленіямъ общественной
самодѣтельности. Что мѣшало привести въ ясность цѣль соби-
ранія подписей, никого не арестуя и никому не угрожая? Какое
«*detrimentum*» могла бы понести власть, если бы «консулы» не по-
спѣшили съ своими мѣрами предупрежденія и пресѣченія? Какою
опасностью грозила *просьба*, не содержащая въ себѣ ничего пре-
ступнаго? Велика ли была вѣроятность, что подъ видомъ ходатай-
ства о помилованіи собираются подписи къ адресу о конституціи—
собираются между служащими въ Сенатъ и министерствѣ юстиціи?!
Не свидѣтельствовало ли самое отсутствіе текста передъ под-
писями о «политической невинности» предпріятія? И почему можно
было предположить, что ходатайство, задуманное нѣсколько дней
спустя послѣ ареста студентовъ, вызвано не этимъ обстоятельствомъ,
а направлено къ совершенно другой цѣли? Если и допустить,
наконецъ, что намѣреніе всѣхъ или нѣкоторыхъ его участниковъ
шло дальше помилованія студентовъ, то что въ сущности тутъ
было такого ужаснаго? Мысль о необходимости политической ре-
формы носилась тогда въ воздухѣ, и если бы ей удалось вылиться
въ спокойной, мирной, сдержанной формѣ, это могло бы только
способствовать очищенію и освѣженію атмосферы. Несчастьемъ
для Россіи было именно то, что всякое стремленіе единичныхъ и,
тѣмъ болѣе, коллективныхъ силъ, направленное къ выходу изъ путъ,
становившихся все болѣе и болѣе нестерпимыми, тотчасъ же встрѣ-
чало всегда одинаковый отпоръ—и, вмѣсто давно необходимаго
шага впередъ, начинался сплошь и рядомъ ходъ назадъ. Въ ок-
тябрьской «исторіи» отразилось, въ миниатюрномъ видѣ, многое
изъ того, что наложило густую тѣнь на послѣдующія десятилѣтія...
Есть, впрочемъ, и разница между тогдашними и позднѣйшими
репрессіями. Что не одинакова была степень суровости, проявлен-
ной правительствомъ, это объясняется прежде всего громаднымъ
различіемъ въ степени серьезности движеній: осеннія волненія
1861 года были дѣтской игрой въ сравненіи съ движеніями
конца шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Но вотъ что слѣ-
дуетъ отмѣтить: «выходъ за предѣлы необходимой обороны», къ
которому подали поводъ студенческіе безпорядки 1861 года, не
прошелъ безслѣдно для его виновниковъ. Министръ народнаго
просвѣщенія гр. Путятинъ, спб. генераль-губернаторъ гр. Игнатьевъ,
начальникъ штаба корпуса жандармовъ гр. Шуваловъ, оберъ-
полицейстеръ Паткуль, — всѣ въ скоромъ времени должны были
оставить свои мѣста. Позднѣе такихъ послѣдствій для лицъ, обле-
ченныхъ властью, не имѣли «экспессы обороны», гораздо болѣе
тяжкіе...

II.

Оставшись на службѣ, я тяготился ею еще больше прежняго и старался расширить кругъ своихъ литературныхъ занятій, чтобы получить возможность отдаться имъ всецѣло. Съ 1858 г. я помѣщалъ статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ», сначала рѣдко, въ 1861 году — гораздо чаще; семейныя обстоятельства заставляли меня искать дополнительнаго заработка. Сочувствіе мое къ органу Каткова, долго граничившее съ поклоненіемъ—я былъ очень молодъ, а журналъ въ первые годы своего существованія стоялъ очень высоко,—уменьшалось по мѣрѣ того, какъ все рѣзче и рѣзче раздавались въ немъ новыя ноты, плохо гармонировавшія съ его прошлымъ. Съ большимъ удовольствіемъ поэтому я принялъ въ томъ же памятномъ для меня октябрѣ 1861 года предложеніе сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ». Редакторами ихъ считались тогда А. А. Краевскій и С. С. Дудышкинъ, но на самомъ дѣлѣ журналомъ руководилъ одинъ послѣдній; съ Краевскимъ я познакомился лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда онъ предложилъ мнѣ сотрудничество въ затѣвавшейся имъ тогда газетѣ. Непосредственными помощниками Дудышкина были Н. В. Альбертини, завѣдывавшій отдѣломъ иностранной политики, С. С. Громека, обозрѣватель внутренней жизни, и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, переводившій Бокля и писавшій статьи по русской исторіи. Въ этотъ тѣсный кружокъ вошелъ и я, введенный въ него Громекой, съ которымъ познакомилъ меня мой братъ, служившій вмѣстѣ съ нимъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Ничто не позволяло тогда предвидѣть въ жизнерадостномъ, пылкомъ, иногда смѣломъ авторѣ «Современныхъ Хроникъ» будущаго администратора—гонителя польскихъ уніатовъ. Дудышкинъ на время до своей преждевременной смерти, и Альбертини, въ продолженіе своей долгой литературной дѣятельности, прерванной въ 1866 г. арестомъ и ссылкой въ Архангельскую губернію, оставались умѣренными либералами, убѣжденными и стойкими; Бестужевъ-Рюминъ, уже тогда готовившійся къ ученой карьерѣ, стоялъ дальше отъ политическихъ интересовъ дня, но вполне подходилъ къ общему настроенію своихъ товарищей. Въ теченіе всего 1862 года я работалъ въ «Отеч. Запискахъ» очень много, нѣсколько мѣсяцевъ сряду, замѣняя уѣхавшаго за границу Альбертини въ веденіи политическаго обозрѣнія.

У Дудышкина и Альбертини я встрѣчалъ А. И. Ничипоренко, молодого человѣка, близкаго въ то время ко многимъ литературнымъ кругамъ. При одной изъ такихъ встрѣчъ онъ рассказалъ мнѣ, что проектируется ассоціація писателей для изданія газеты или журнала на новыхъ, «артельныхъ» началахъ, и предложилъ познакомить меня съ главнымъ ея устроителемъ, Григоріемъ За-

харьевичемъ Елисеевымъ, извѣстнымъ сотрудникомъ «Современника». Ассоціацію предполагалось образовать изъ представителей разныхъ прогрессивныхъ теченій, и участіе мое въ «Отечественныхъ Запискахъ» не могло поэтому помѣшать вступленію моему въ ея составъ. 27 января 1862 г. я поѣхалъ къ Елисееву вмѣстѣ съ Ничипоренко и засталъ тамъ Н. А. Серно-Соловьевича, Н. В. Шелгунова, В. и Н. С. Курочкиныхъ, Н. Г. Помяловскаго, А. Н. Энгельгардта, Піотровскаго, П. А. Мушлова, А. И. Европеуса, Г. Н. Думшина и художника Г. М. Боклевскаго (присутствовалъ и М. А. Антоновичъ, но безъ намѣренія примкнуть къ ассоціаціи). Позднѣе, кромѣ этихъ лицъ, въ совѣщаніяхъ участвовали А. П. Щаповъ, Н. А. Потѣхинъ, Н. С. Лѣсковъ, П. А. Бибиковъ, Н. Я. Аристовъ, А. С. Аванасьевъ-Чужбинскій и М. М. Стопановскій ¹⁾. Общія собранія происходили рѣдко (въ моемъ дневникѣ отмѣчено ихъ только четыре) и были большею частью довольно малочисленны. Рѣшено было не основывать новаго органа, а приобрести еженедѣльную газету «Вѣкъ», которую съ 1861 года издавалъ П. И. Вейнбергъ, сначала при участіи К. Д. Кавелина, А. В. Дружинина и В. П. Безобразова, потомъ одинъ (я помѣстилъ въ ней нѣсколько статей). Въ первые мѣсяцы она пошла очень хорошо, но къ концу года стала до такой степени безсодержательной и безцвѣтной, что подписчиковъ на 1862 годъ не было почти вовсе, и П. И. Вейнбергъ охотно уступилъ ее вновь образовавшемуся товариществу. Отъ кого получены были средства для покупки газеты и для ея веденія—я не знаю. Во время перваго совѣщанія, происходившаго при моемъ участіи, шла рѣчь о паяхъ, которые могли быть внесены или деньгами, или статьями; но уже во второмъ совѣщаніи (30 января) предположеніе о паяхъ послѣдней категоріи было оставлено и рѣшено было платить за статьи на общемъ основаніи, въ нѣсколько лишь повышенномъ противъ обычнаго тогда размѣрѣ. Необходимую для изданія сумму (около 12 тыс. руб.) предоставлено было внести желающимъ, съ уплатою за нее 10⁰/₀; остальной чистый доходъ подлежалъ раздѣлу между участниками ассоціаціи. Въ концѣ-концовъ, слѣдовательно, члены ассоціаціи никакихъ обязательствъ на себя не принимали. Редакторомъ былъ избранъ Елисеевъ; для разбора споровъ, могущихъ возникнуть между нимъ и сотрудниками, образована была комиссія, въ составъ которой вошли Серно-Соловьевичъ, Энгельгардтъ и Ничипоренко. Около половины февраля вышелъ первый № обновленнаго «Вѣка». Чтобы яснѣе отгѣнить отсутствіе всякой связи между нимъ и старымъ «Вѣкомъ» (котораго въ 1862 г. вышло пять №№), онъ былъ помѣ-

¹⁾ Членами ассоціаціи считались еще А. Ф. Голсвачевъ, И. Ф. Горбуновъ, С. В. Максимовъ, М. О. Микѣлинъ, Н. А. Степановъ, В. Г. Тихоновичъ, Н. В. Успенскій и П. И. Якушкинъ, но я ихъ въ собраніяхъ ассоціаціи не встрѣчалъ.

ченъ № 1—6. Я помѣстилъ въ одномъ изъ первыхъ номеровъ обновленнаго «Вѣка» статью въ защиту равноправія евреевъ, направленную противъ Аксаковскаго «Дня».

27 марта состоялось въ только что открытомъ тогда (подъ именемъ шахматнаго) литературномъ клубѣ общее собраніе членовъ ассоціаціи, сравнительно многочисленное, созданное вслѣдствіе спора между редакторомъ и комиссіею. Поводомъ къ нему послужила статья А. Н. Энгельгардта, напечатать которую Г. З. Елисеевъ отказался. Собранію было сообщено, что Г. З. соглашается остаться редакторомъ не иначе, какъ подъ условіемъ полномочія (т.-е. упраздненія комиссіи) и безсмѣнности въ теченіе четырехъ лѣтъ. При закрытой баллотировкѣ большинствомъ 10 голосовъ противъ 8 ¹⁾ было признано, что условія, предлагаемыя Г. З. Елисеевымъ, нарушаютъ артельное начало, на которомъ построена ассоціація; но затѣмъ при открытой баллотировкѣ, двѣнадцать человекъ (Аристовъ, Аванасьевъ-Чужбинскій, Бибиновъ, В. и Н. Курочкины, Лѣсковъ, Мулловъ, Ничипоренко, Помяловскій, Н. Потѣхинъ, Стопановскій и Шаповъ) согласились съ предложеніемъ Елисеева, двое изъ нихъ (Лѣсковъ и Помяловскій)—съ оговоркой, что поступаютъ такимъ образомъ только для пользы журнала. Остальные—Думшинъ, Европеусъ, Серно-Соловьевичъ, Шелгуновъ, Энгельгардтъ и я—тогда же заявили о выходѣ своемъ изъ ассоціаціи, находя, что съ нарушеніемъ артельнаго начала она теряетъ свой первоначальный смыслъ. Мѣсяцъ спустя изданіе «Вѣка» прекратилось, сколько мнѣ извѣстно, за недостаткомъ средствъ къ его продолженію.

Если принять во вниманіе, что двое изъ основателей ассоціаціи—Ничипоренко и Серно-Соловьевичъ—вскорѣ послѣ того были привлечены къ большому политическому процессу ²⁾, трое другихъ (Шелгуновъ, Шаповъ, Энгельгардтъ) въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени подверглись разнымъ политическимъ невздамъ, самъ Елисеевъ былъ однимъ изъ руководителей «Современника», лѣтомъ того же года запрещеннаго на восемь мѣсяцевъ, а Помяловскій, Піотровскій ³⁾, Н. Успенскій, Н. Курочкинъ—постоянными сотрудниками этого журнала, то легко можетъ возникнуть предположеніе, что единственною или главною цѣлью основанія ассоціаціи было усиленіе радикальнаго теченія, господствовавшаго въ тогдашней петербургской журналистикѣ. Я думаю, однако, что для такого предположенія нѣтъ достаточныхъ

¹⁾ Г. З. Елисеевъ въ баллотировкѣ не участвовалъ и, сколько мнѣ помнится, не присутствовалъ въ собраніи.

²⁾ Ничипоренко умеръ во время суда, а Н. А. Серно-Соловьевичъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе и умеръ молодымъ въ Сибири.

³⁾ Этотъ молодой, много общавшій писатель, самое имя котораго теперь забыто, дебютировалъ незадолго передъ тѣмъ въ «Современникѣ» и очень скоро умеръ, кажется, еще до прекращенія «Вѣка».

основаній. Чѣмъ болѣе крайней была бы политическая подкладка задуманнаго дѣла, тѣмъ нужнѣе былъ бы однородный составъ его участниковъ, а этого условія, какъ видно уже изъ приведеннаго выше перечня именъ, налицо не было. Если Лѣсковъ въ то время и былъ еще близокъ къ лѣвымъ изданіямъ, то совершенно въ сторонѣ отъ нихъ и даже вдали отъ политики стояли этнографъ Аѳанасьевъ - Чужбинскій, историкъ Аристовъ, переводчикъ Маколея Думшинъ, юристъ Мулловъ. Блестящую роль сыгралъ А. И. Европеусъ въ тверскомъ дворянствѣ, рядомъ съ А. М. Унковскимъ (они вмѣстѣ подверглись, въ 1860 г., административной высылкѣ), но прочныхъ связей съ міромъ политики и литературы у него никогда не было. Едва ли, въ виду всего этого, можно объяснить случаемъ, что рѣзко-политическихъ нотъ въ собраніяхъ ассоціаціи я не слышалъ; едва ли можно предположить, что кромѣ общихъ совѣщаній происходили еще другія, болѣе малочисленные и тщательно скрываемыя отъ большинства. Самый разладъ, такъ скоро происшедшій въ ассоціаціи, свидѣтельствуетъ о томъ, что она не задавалась тайными цѣлями. На разныхъ сторонахъ оказались люди, наиболѣе близкіе другъ къ другу по образу мыслей (Елисеевъ, Ничипоренко, Щаповъ—съ одной стороны, Энгельгардтъ, Шелгуновъ, Серно-Соловьевичъ—съ другой). Мнѣ казалось тогда и продолжаетъ казаться теперь, что инициаторы ассоціаціи съ Елисеевымъ во главѣ хотѣли именно того, о чемъ говорили: введенія въ періодическую литературу новой формы, болѣе свободной отъ капиталистическихъ вліяній, болѣе благоприятной для большинства сотрудниковъ, болѣе, такъ сказать, демократичной. Само собою разумѣется, что въ эту форму должно было вылиться содержаніе, отрѣшенное отъ гнета традицій, но съ тѣмъ, чтобы оставался немалый просторъ для разномыслія и не все приводилось къ одному знаменателю. Первоначальный планъ былъ еще болѣе широкъ, чѣмъ приведенный въ исполненіе: предполагалось, что всѣ участники дѣла внесутъ въ него равныя цѣнности, одни—трудомъ, другіе—наличными деньгами, и всѣ съ одинаковымъ правомъ и въ одинаковой мѣрѣ будутъ считать себя его хозяевами. Къ сожалѣнію, для большинства работа въ кредитъ была непосильна, и прекрасная мысль осталась даже безъ начала исполненія. Это было, можетъ-быть, первую въ рядѣ неудачъ, постигшихъ ассоціацію.

Пагубною для ассоціаціи, хотя и вполне разумною въ принципѣ, оказалась и разношерстность ея состава. Образъ дѣйствій Г. З. Елисеева, очень недолго мирившагося съ ограниченіемъ его редакторской власти и потребовавшего для себя долгосрочной диктатуры, съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, нарушающимъ цѣльность его писательскаго облика; но такое заключеніе едва ли было бы справедливо. Я думаю, что онъ предвидѣлъ

длинный рядъ разногласій съ комиссіей, поставленной подлѣ него или надъ нимъ,—разногласій, вызванныхъ именно недостаткомъ единодушія въ средѣ ассоціаціи. Онъ полагалъ, вѣроятно, что на первое время, пока члены ассоціаціи не спокоятся между собою и самое дѣло не станетъ прочно на ноги, вести его впередъ можетъ только твердая рука, ничѣмъ не стѣсненная въ своихъ дѣйствіяхъ, а предыдущая журнальная работа давала ему увѣренность въ томъ, что рядомъ съ твердостью у него хватитъ и умѣнья. Понятенъ, однако, и отказъ меньшинства отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ; слишкомъ быстро измѣнилась основа предпріятія, ассоціація, участіе въ которой переставало отличаться чѣмъ бы то ни было отъ участія въ какомъ бы то ни было другомъ журнальномъ дѣлѣ, продолжала существовать только по имени. Какъ велики были трудности, встрѣченныя первымъ опытомъ—объ этомъ можно судить по тому, что онъ очень долго не повторялся, да и теперь періодическихъ изданій, основанныхъ на ассоціаціонномъ началѣ, можно насчитать лишь весьма немного.

Короткое соприкосновеніе, благодаря «Вѣку», съ той журнальной сферой, отъ которой бѣольшая часть моего литературнаго пути проходила довольно далеко, оставила во мнѣ свѣтлое воспоминаніе. Большое довѣріе и уваженіе внушилъ мнѣ сразу Г. З. Елисеевъ. уже тогда немолодой, серьезный, сдержанный, на видъ почти суровый, но полный доброты и снисходительности къ начинающимъ писателямъ. Глубоко симпатиченъ былъ Серно-Соловьевичъ—этотъ русскій маркизь Поза, горячо желавшій служить народу, безвременно загубленный восторжествовавшимъ застоємъ. Блестѣлъ умомъ Энгельгардтъ, тогда еще военный по мундиру, ученый по профессіи, но во многомъ уже такой, какимъ явился, 10—15 лѣтъ спустя, авторъ «Писемъ изъ деревни». О многихъ моихъ товарищахъ по ассоціаціи я не сохранилъ опредѣленнаго впечатлѣнія, такъ какъ они говорили мало, держались въ сторонѣ, да и я общительностью не отличался; такъ промелькнули мимо меня. къ сожалѣнію, Помяловскій, Щаповъ, Шелгуновъ. Загадочнымъ для меня, какъ, вѣроятно, и для многихъ, остался несчастный Ничипоренко, одна изъ безвѣстныхъ жертвъ, безслѣдно раздавленныхъ бюрократической колесницей¹⁾. Для меня всѣ эти лица отошли въ царство тѣней еще при ихъ жизни—и на старости лѣтъ мнѣ отраднo вызвать оттуда на мгновенье ихъ «колеблющіяся очертанія».

К. Арсеньевъ.

¹⁾ Ничипоренко былъ арестованъ по такъ называемому дѣлу о сношеніяхъ съ лондонскими агитаторами. Онъ давалъ слишкомъ откровенныя показанія и подтвердилъ ихъ на очныхъ ставкахъ, но затѣмъ это подтвержденіе взялъ назадъ и какъ-то слишкомъ скоро скончался въ крѣпости. См. ст. М. К. Лемке «Процессъ 32» въ его книгѣ «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ», стр. 109—12.

Ред.

Л. Н. Толстой о Наполеонѣ I.

*По неизданнымъ документамъ (изъ переписки Л. Н—ча съ
А. И. Эртелемъ).*

Въ «Письмахъ Эртеля»¹⁾ есть нѣсколько писемъ Александра Ивановича ко Льву Николаевичу Толстому и къ Влад. Григ. Черткову, свидѣтельствующихъ, что Александръ Ивановичъ принималъ дѣятельное участіе въ издательствѣ «Посредникъ» въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ. Въ то время, особенно въ срединѣ 80-хъ годовъ, А—ъ Ив—чъ интересовался взглядами Л. Н—ча и читалъ, получая ихъ отъ самого Л. Н—ча, тогда еще бывшія подъ запретомъ религіозныя сочиненія Толстого. О такихъ отношеніяхъ А. И—ча ко Л. Н—чу свидѣлствуетъ слѣдующее письмо отъ 17 сентября 1885 года, писанное собственноручно Львомъ Николаевичемъ:

Александръ Ивановичъ! ²⁾

Очень радъ исполнить ваше желаніе. Переписка стоитъ не менѣе 15 р. за каждую рукопись. И можетъ быть готова черезъ мѣсяць. Очень жалѣю, что вамъ нельзя жить въ столицѣ, если это для васъ лишеніе. Но вѣдь это, вѣрно, не надолго. Желаю вамъ всего хорошаго. Попробуйте написать рассказъ, имѣя въ виду только читателя изъ народа. Только бы содержаніе было значительное, а вы, вѣроятно, напишете хорошо. А обращаться исключительно къ народу очень поучительно и здорово.

Вашъ Л. Толстой.

На это письмо Ал. Ив. отвѣчалъ полнымъ согласіемъ, хотя и сомнѣвался въ своихъ силахъ. Для начала онъ предполагалъ «переложить житіе святого, въ которомъ было бы поменьше мистики, а побольше подлиннаго, святого дѣла». Вскорѣ Ал. Ив. перешелъ на другую тему и написалъ для народа прекрасный рассказъ: «Жадный мужикъ», по справедливости высоко оцѣненный Львомъ Николаевичемъ. Затѣмъ были изданы «Посредникомъ» «Рассказы Ивана Ѳедотыча» изъ «Гардениныхъ». Видя успѣхъ

¹⁾ Изданы подъ редакціей М. О. Гершензона. Москва. 1909 г.

²⁾ Оригиналъ этого письма хранится въ Толстовскомъ музеѣ въ Москвѣ.

своихъ опытовъ по народной литературѣ, Ал. Ив. начинаетъ изложене исторіи Будды, наведенный на это своимъ другомъ Влад. Григ. Чертковымъ. Работа эта осталась не оконченной.

Въ слѣдующемъ, 1890 году, Алекс. Ивановичъ принимается еще за новую работу опять по предложенію Черткова, именно за писаніе народной книжки о Наполеонѣ.

Матеріаломъ для этой книжки Ал. Ив.—чу служило извѣстное сочиненіе о Наполеонѣ Ланфре, написанное безъ преклоненія передъ великимъ полководцемъ.

И вотъ Ал. Ив., желая взять вѣрный тонъ при изложеніи этой книжки, обращается за совѣтомъ ко Льву Николаевичу Толстому.

У Льва Николаевича уже давно было вполне установившееся мнѣніе объ этомъ человѣкѣ. Припомнимъ нѣкоторыя характерныя черты, которыми обрисовалъ намъ Л. Н.—чъ этотъ типъ въ «Войнѣ и Мирѣ».

Съ начала романа отношеніе къ Наполеону колеблется, видно даже нѣкоторое сочувствіе. Любимые имъ герои романа—князь Андрей и Пьеръ — оба поклонники Наполеона; первый сдержанно, второй наивно и смѣло заявляютъ передъ обществомъ свое преклоненіе. Но съ развитіемъ романа это преклоненіе ослабѣваетъ. Кн. Андрей вовлекается въ борьбу съ Наполеономъ и послѣ вторженія его въ Россію уже считаетъ его врагомъ человѣчества. Пьеръ изъ поклонника дѣлается его фанатическимъ ненавистникомъ и, возбуждая себя апокалиптическими изысканіями, замышляетъ убійство Наполеона. Это измѣненіе взгляда Л. Н.—ча на Наполеона вполне совпадаетъ съ его болѣе глубокимъ изученіемъ историческаго матеріала.

Уже давнѣе въ печать I-ю часть «Войны и Мира», онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

19 марта 1865 года.

«Я зачитался исторіей Наполеона и Александра. Сейчасъ меня облакомъ радости сознанія возможности сдѣлать великую вещь охватила мысль написать психологическую исторію: романъ Александра и Наполеона. Всю подлость, всю фразу, все безуміе, все противорѣчіе людей ихъ окружавшихъ и ихъ самихъ. Наполеонъ, какъ человѣкъ — путается и готовъ отречься 18 брюмера передъ собраніемъ. «De nos jours les peuples sont trop éclairés pour produire quelque chose de grand» ¹⁾).

«Александръ Македонскій называетъ себя сыномъ Юпитера, ему вѣрили. Вся египетская экспедиція — французское тщеславное злодѣйство. Ложь всѣхъ bulletins — сознательная. Пресбургскій міръ — escamot'é. На Аркольскомъ мосту упалъ въ лужу, вмѣсто знамя. Плохой ѣздокъ. Въ итальянской войнѣ увозить картины, статуи. Любитъ ѣздить по полю битвы. Трупы и раненые — радость. Бракъ съ Жозефиной — успѣхъ въ свѣтѣ. Три раза поправлялъ реляцію сраженія Риволи — все лгаль. Еще человѣкъ первое время сильный своей односторонностью, потомъ нерѣшителенъ—чтобъ было! какъ? Вы, простые люди, а я вижу въ небесахъ мою звѣзду. Онъ не интересенъ, а толпы, окружающія его и на которыя онъ дѣйствуетъ. Сначала односторонность и beau jeu въ сравненіи съ Мюратами и

¹⁾ Въ наше время народы слишкомъ просвѣщенны, чтобы создать что-либо великое.

Барасами, потомъ ощупью — самонадѣянность и счастье и потомъ сумасшествіе — *faire entrer dans son lit la fille des Césars* ¹⁾. Полное сумасшествіе, разслабленіе и ничтожество на Св. Еленѣ. Ложь и величіе потому только, что великъ объемъ, а мало стало поприще и стало ничтожество. И позорная смерть» ²⁾.

И въ духѣ этого впечатлѣнія ведется дальнѣйшее изображеніе Наполеона.

Кромѣ этого, личнаго отношенія къ нему на изображеніе личности Наполеона вліялъ взглядъ Льва Николаевича на исторію вообще, и на исторію наполеоновскихъ войнъ въ частности, усвоенный имъ и развитый въ философскихъ главахъ «Войны и Мира». Этотъ взглядъ, состоящий въ отрицаніи значенія власти, ея руководящей роли въ движеніи массъ, хорошо резюмируется въ слѣдующихъ словахъ: «Наполеонъ, представляющійся намъ руководителемъ всего этого движенія (какъ дикимъ представлялась фигура, вырѣзанная на носту корабля, силою, руководящею корабль), Наполеонъ во все время своей дѣятельности былъ подобенъ ребенку, который, держась за тесемочки, привязанныя внутри кареты, воображаетъ, что онъ правитъ» ³⁾.

И этотъ взглядъ на ничтожество Наполеона особенно ярко выраженъ Львомъ Николаевичемъ въ его письмѣ къ Александру Ивановичу Эртелю, написанному въ отвѣтъ на выраженное имъ намѣреніе — написать для народа книжку о Наполеонѣ:

«Ничего вамъ не могу сказать про Наполеона. Да я не измѣнилъ своего взгляда и даже скажу, что очень дорожу имъ. Свѣтлыхъ сторонъ не найдете, нельзя найти, пока не исчерпаются всѣ темныя, страшныя, к. представляетъ это лицо. Самый драгоценный матеріалъ, это *Mémorial de St. Hélène*. И записки доктора о немъ. Какъ ни раздуваютъ они его величіе — жалкая толстая фигура съ брюхомъ, въ шляпѣ, шляющаяся по острову и живущая только воспоминаніями своего бывшего quasi-величія, поразительно жалка и гадка. Меня страшно волновало всегда это чтеніе, и я очень жалѣю, что не пришлось коснуться этого періода жизни.

Эти послѣдніе годы его жизни — гдѣ онъ играетъ въ величіе и самъ видитъ, что не выходитъ — и въ кот. онъ оказывается совершеннымъ банкротомъ и смерть его — это должно быть очень важной и большой частью его жизнеописанія.

На счетъ повѣсти моей, вчера отдали ее Стороженко. Онъ хочетъ попытаться пропустить ее съ вырѣзками. Переписываемъ теперь для переводчиковъ. Какъ будетъ время, то закажу для васъ. Помогай вамъ Богъ. Хороши у васъ работы затѣяны и Будда и Наполеонъ, какъ я его вспомнилъ, охъ какую книгу — именно народную можно написать и именно вы. Ну, до свиданья. Всѣ сем. вамъ кланяются» ⁴⁾.

Письмо это было написано въ январѣ 1890 года. (Почт. штемпель 16 янв.). Къ большому сожалѣнію, другія занятія отвлекли Алекс. Ив. отъ исполненія этого намѣренія.

П. Бирюковъ.

¹⁾ Принять въ свое ложе дочь кесарей.

²⁾ Л. Н. Толстой. Біографія, сост. П. Бирюковъ. Т. II, стр. 27.

³⁾ Война и Миръ. Т. IV, стр. 92. Изд. Т-ва Сытина.

⁴⁾ Архивъ Толстовскаго музея въ Москвѣ.

М. Е. Салтыковъ въ Ниццѣ.

(1875—1876 гг.).

О нашей родинѣ унылой
Въ чужомъ краю не позабудь.
И возвратись, со равшись съ силой,
На оный путь—журнальный путь...
На путь, гдѣ шагу мы не ступимъ
Безъ сдѣлокъ съ совѣстью своей,
Но гдѣ мы снисхожденъе купимъ
Трудомъ у мыслящихъ людей.
Трудомъ и безкорыстной цѣлью...
Да! будемъ лучше рисковать,
Чѣмъ безопасному бездѣлю
Остатокъ жизни отдавать.

Такъ Некрасовъ писалъ Салтыкову при его «отъѣздѣ за границу». Въ «Стихотвореніяхъ Н. А. Некрасова» это посланіе отнесено къ 1877 году. Но вѣроятно, что оно написано раньше, въ 1875 году, передъ первой и, кажется, единственной при жизни Некрасова, заграничной поѣздкой Салтыкова.

Нашъ великій сатирикъ впервые отправился за границу въ концѣ апрѣля 1875 года по настоятельному требованію врачей именно за тѣмъ, чтобы «собраться съ силой» послѣ тяжкаго недуга (острый сочленовный ревматизмъ, осложненный воспаленіемъ сердца и плевры), уложившаго М. Е. въ постель еще въ февралѣ того же года. Эта первая заграничная поѣздка писателя была и самой продолжительной: Салтыковъ прожилъ тогда за границей больше года, сначала лѣчился въ Баденъ-Баденѣ, а потомъ, послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Парижѣ, отправился въ Ниццу, гдѣ и провелъ всю зиму 1875—76 гг.

Къ этому періоду жизни писателя относятся воспроизводимыя ниже пять писемъ Салтыкова къ Н. А. Бѣлоголовому. Первое изъ нихъ написано изъ Баденъ-Бадена (30 августа 1875 г.) передъ отъѣздомъ М. Е. въ Парижъ и въ Ниццу. Три слѣдующихъ письма (отъ 12 ноября 1875 г., 8 февраля и 22 марта 1876 г.) знакомятъ съ жизнью М. Е. въ Ниццѣ. Послѣднее послано (16 мая 1876 г.) изъ Парижа, гдѣ Салтыковъ остановился по дорогѣ домой. Нѣсколько строкъ изъ этого письма Н. А. Бѣлоголовый привелъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Салтыковѣ («Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи». Москва, 1897 г. Стр. 263). Въ полномъ видѣ это письмо печатается здѣсь впервые; также впервые появляются въ печати первыя четыре письма.

I.

Бадень-Бадень. 30 августа.

Очень вамъ обязанъ, многоуважаемый Николай Андреевичъ, за скорое увѣдомленіе. Это очень пріятно, что въ самомъ Мекленбургѣ нашлось помѣщеніе и что, слѣдовательно, много хлопотать не нужно. Жаль, что изъ вашего письма не видно, найдется ли въ Мекленбургѣ ¹⁾ соответствующее питаніе для дѣтей, ибо ежели мы и можемъ обѣдать внѣ дома, то дѣтямъ положительно это невозможно. Впрочемъ, вѣроятно, въ отелѣ найдется все, что слѣдуетъ, — на то онъ и отель. Мы выѣдемъ въ воскресенье въ 3 часа непременно, ежели не случится что-нибудь чрезвычайное: въ противномъ случаѣ я вамъ телеграфирую, чтобъ не поставить васъ въ фальшивое положеніе относительно вашего хозяина. Боткинъ ²⁾ былъ здѣсь въ субботу и останавливался въ Голландской гостиницѣ, но у меня не былъ. Я узналъ только сегодня объ его пріѣздѣ изъ Badeblatt, и ходить въ гостиницу, гдѣ мнѣ сказали, что онъ пробылъ всего два часа и уѣхалъ въ Парижъ. Очень понятно, что ему было не до меня. Вѣроятно, вы въ Парижѣ его увидите. Елисеевъ ³⁾ мнѣ писалъ изъ Нанси. Скажите ему, пожалуйста, что это совершенно бесполезно припоминать о какой-то маркѣ для хаускнехта, тѣмъ болѣе, что и хаускнехтъ, конечно, объ этой маркѣ забылъ. А я и не знаю даже, какому хаускнехту эту марку давать. Когда я выѣду изъ Бадена, то ужъ, навѣрное, не буду мучиться, что я такому-то хаускнехту далъ мало, а такой-то бадефрау и совсѣмъ позабылъ дать на водку. Чортъ съ ними, благо они изъ глазъ пропали.

Пожалуйста, передайте отъ меня и отъ жены поклоны уважаемой Софьѣ Петровнѣ и Елисеевымъ. Я уже всюду написалъ, чтобы мнѣ письма и газеты адресовали въ Парижъ *Poste restante*.

Прощайте, жму вашу руку и крѣпко благодарю васъ. До скорого свиданія въ Парижѣ.

Искренно вамъ преданный.

М. Салтыковъ.

II.

Ницца. 12 ноября.

Очень я виноватъ передъ вами, многоуважаемый Николай Андреевичъ, что до сихъ поръ не поблагодарилъ васъ за ту доброту, которую вы выказали относительно меня прошлымъ лѣтомъ. Я на васъ убѣдился, что на свѣтѣ не перевелись еще добрые люди, и что это хорошо. Я самъ въ этомъ отношеніи нѣсколько попорченъ: очень ужъ подла была среда, въ которой я провелъ большую часть своей жизни, и порядочно-таки она меня раздражила, но во всякомъ случаѣ человѣческая доброта въ моихъ глазахъ есть предметъ достойный величайшаго уваженія.

¹⁾ Названіе отеля, гдѣ жилъ Бѣлоголовый, а Салтыковъ предполагать остановиться.

²⁾ С. П. Боткинъ, знаменитый врачъ.

³⁾ Г. З. Елисеевъ, одинъ изъ трехъ первыхъ редакторовъ некрасовскихъ «Отечественныхъ Записокъ».

Я болѣе двухъ недѣль ужъ какъ въ Ниццѣ. Пробылъ въ Парижѣ дольше, нежели предполагалъ, и не раскаиваюсь, потому что чувствовалъ себя почти хорошо. Почти все время проводилъ въ обществѣ Лихачева¹⁾, который былъ очень внимателенъ. Въ Ниццу приѣхалъ 20-го числа и, повидимому, довольно рано, потому что она и до сихъ поръ еще очень пуста. Погода здѣсь стоитъ до сихъ поръ удивительная; днемъ жарить, и даже ночью тепло, хотя я по вечерамъ до сихъ поръ ни разу никуда не выходилъ. Только вѣтры одолеваятъ, и хотя я избѣгаю выходить въ это время, но даже если въ небольшой садикъ при домѣ выйдешь, то чувствуешь опьяняющее дѣйствіе. Вообще, говоря откровенно, я чувствую себя здѣсь нѣсколько хуже, нежели въ Парижѣ. Сердце не совсѣмъ покойно и слабость во всемъ тѣлѣ. Но аппетитъ и всѣ другія отправленія обыкновенныя. Руки все еще не сгибаются, но болѣе особенныхъ нѣтъ. Главное—слабость, сухость во рту и сухость кожи. Какъ будто изнываешь. Однако тоже сильная и усталость. Можетъ-быть, впрочемъ, что я еще не привыкъ къ здѣшнему воздуху, и со временемъ слишкомъ гнетущее его дѣйствіе на меня прекратится. Говорятъ, на всѣхъ ново-приѣзжихъ Ницца такъ дѣйствуетъ, но что потомъ всѣ остаются ею довольны. Ко мнѣ ѣздитъ Ребергъ, но особеннаго ничего не дѣлаетъ. Я далъ ему вашу исторію моей болѣзни и показалъ рецептъ *arg. nitr.* Онъ прописалъ мнѣ нѣчто подобное и сверхъ того принимать *granula digitalis* и совѣтовалъ втирать вератринную мазь въ грудь со стороны сердца и вдыхать сосновую эссенцію. Это такъ много, что я, признаться, не все исполняю и, напримѣръ, вдыханіе и втираніе частенько-таки позабываю. Ребергъ—человѣкъ, повидимому, добросовѣстный и очень мнѣ нравится.

Ницца городъ неопрятный и далеко не такъ привлекательный, какъ Баденъ. Садовъ совсѣмъ нѣтъ, а есть огороды, въ которыхъ растутъ довольно жалкія апельсиныя деревья. Знаменитая *Promenade des Anglais* есть довольно жалкая пародія на бульваръ. Тѣни никакой нѣтъ, ибо жалкія пальмы, которыми онъ обсаженъ, имѣютъ видъ вѣшниковъ. Горы голыя, бѣлесоватыя. Море, правда,—но на меня оно производитъ непріятно ослѣпляющее дѣйствіе. Вообще даже воздухъ здѣсь до такой степени блестящъ, что я серьезно побаиваюсь за свои глаза. Говорятъ, что окрестности здѣсь хороши; я былъ до сихъ поръ только въ *Villefranche*,—дѣйствительно, видъ съ дороги (берегомъ моря) очень хорошъ, но какъ-то холодно великолѣпенъ. не такъ, какъ въ Баденѣ, гдѣ за каждой елью словно ѣда чувствуется. Здѣсь на этотъ счетъ очень подло, и въ гостиницахъ кормятъ скверно. Исключеніе составляетъ пансіонъ, въ которомъ я поселился и имѣю очень здоровый домашній столъ.

Я поселился очень оригинально; у русской барыни, которая 10 лѣтъ живетъ въ Ниццѣ и точно сейчасъ изъ-подъ Тамбова приѣхала. Улица, въ которой нашъ домъ, узенькая и пахнетъ поносомъ. Но въ домѣ недурно, и садикъ есть. Я занимаю ту самую квартиру, которую въ прошломъ году занималъ Пеликанъ: ее указалъ мнѣ въ Парижѣ Гагаринъ, который на-дняхъ приѣхалъ въ Ниццу, но я его еще не видалъ и не знаю даже, гдѣ онъ

¹⁾ В. И. Лихачевъ, извѣстный общественный дѣятель, сотрудникъ «Вѣстника Европы», предсѣдатель С.-Петербургскаго съѣзда мировыхъ судей, позднѣе петербургскій городской голова.

живетъ, потому что у Реберга онъ еще не былъ. Я слышалъ, что Пеликанъ сюда приѣдетъ въ февралѣ, и это было бы очень кстати. Дѣло вотъ въ чемъ: занимая квартиру, я сказалъ хозяйкѣ, что пробуду по 1-е апрѣля: она и надѣется. Но очень можетъ статься, что въ февралѣ захочется въ Римъ или въ другое мѣсто, а оставить квартиру совѣстно. Поэтому было бы хорошо, если бъ Пеликанъ меня смѣнилъ. Ежели вы его увидите, то спросите, *расположенъ* ли онъ сдѣлать это, *въ случаѣ, ежели я рѣшусь уѣхать въ Римъ*. Хозяйка будетъ рада такому жильцу, ибо она и теперь бредитъ Пеликаномъ. Въ февралѣ, говорятъ, здѣсь вѣтры начинаются, и мнѣ было бы небезполезно удрать.

Прошу васъ передать мой и жены моей низайшій поклонъ многоуважаемой Софѣ Петровнѣ, которая столь же добра, какъ и вы,—лучшей похвалы у меня нѣтъ. До свиданья въ Петербургѣ. Будьте здоровы на благо и радость пациентамъ.

Вашъ М. Салтыковъ.

Адресъ: Nice, poste restane.

На сколько времени Пеликанъ приѣдетъ въ Ниццу?

III.

Ницца. 8 февраля.

Считаю нелишнимъ сообщить вамъ, многоуважаемый Николай Андреевичъ, о своихъ походахъ съ салицилликовой кислотой. Еще прежде, нежели я получилъ телеграмму Унковскаго ¹⁾, возвѣщавшую о концѣ ревматизмовъ, Ребергъ уже, съ свойственной таланту скромностью, предлагалъ мнѣ испытать на себѣ это средство, о которомъ онъ вычиталъ изъ того же источника, какъ и Боткинъ. На предложеніе это я согласился, хотя вообще въ благоустроенныхъ обществахъ принято новыя средства испытывать на солдатахъ, а не на благородныхъ людяхъ. Но скромность истиннаго таланта имѣетъ то свойство, что въ области неизвѣстнаго онъ терается и путается. Такъ было и съ нами относительно количества и вѣса приемовъ. Первый разъ я принялъ 4 приема по $\frac{1}{2}$ грамма каждый—и никакого дѣйствія не получилось. Потомъ Ребергъ усилилъ дозу, прописалъ 10 порошковъ по $\frac{1}{2}$ грамма каждый и приказалъ принимать въ теченіе двухъ сутокъ. Послѣ десятаго приема получился слѣдующій результатъ: ревматизмъ тотъ же и большой поносъ. Наконецъ, получивъ изъ Петербурга нѣсколько настоятельныхъ писемъ съ описаніемъ чудесъ, я просилъ Реберга, чтобъ онъ взаправду испробовалъ на мнѣ дѣйствіе салицилликовой кислоты. Вслѣдствіе этого, третьяго дня я принялъ въ теченіе 7 часовъ 7 приемовъ по грамму каждый. Послѣ 5-го приема появился въ ушахъ звонъ и довольно обильный потъ, въ особенности въ головѣ подъ волосами. Послѣ 7-го приема я оглохъ совсѣмъ и прекратилъ дальнѣйшіе приемы. Цѣлыя сутки я былъ глухъ, но вчера къ вечеру слухъ уже началъ восстанавливаться. Что касается до ревматизма, то хотя онъ и не оставилъ меня вполнѣ, но мнѣ значительно легче. Думаю и еще разъ попробовать, когда погода будетъ лучше. А то, представьте

¹⁾ А. М. Унковскій, извѣстный общественный дѣятель, тверской губернской предводитель дворянства въ эпоху освобожденія крестьянъ.

себѣ, здѣсь съ 4-го числа такая стужа, что по ночамъ вода въ бассейнахъ мерзнетъ. Забылъ сказать: вчера цѣлый день поносъ.

Впрочемъ, по почерку моему вы можете судить, что руки мои еще въ очень плохомъ положеніи. Это-то мнѣ и досадно. Вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ я ничего не пишу, кромѣ короткихъ писемъ, а между тѣмъ теперь подписка идетъ и самое настоящее время писать. Ну, да невозможнаго и требовать нельзя. Все въ концахъ пальцевъ припухлость, да и въ сочлененіи пальцевъ съ рукою видимая на глазъ опухоль. Рука устаетъ очень скоро.

Пью по совѣту вашему молоко. Теперь уже въ ходу 1 литръ или 4 стакана въ день. Наружный мой видъ хорошъ, такъ что, по лицу судя, находятъ совсѣмъ здоровымъ.

Ребергъ говоритъ, что, принимая кислоту салиц., можно не стѣснять себя въ пищѣ. Такъ ли это?

Прощайте, будьте здоровы и передайте нѣшъ искренно-дружескій поклонъ многоуважаемой Софѣ Петровнѣ.

Искренно преданный вамъ

М. Салтыковъ.

Отъ главнаго протоіерея «Отеч. Запис.» Елисеева никакихъ извѣстій не имѣю.

IV.

Ницца. 22 марта.

Многоуважаемый Николай Андреевичъ!

Начну съ погоды, ибо въ природѣ дѣлается что-то необыкновенное. Съ недѣлю тому назадъ началась здѣсь стужа, вчера и третьяго дня шла крупа, а сегодня идетъ снѣгъ съ дождемъ совершенно такъ, какъ въ Петербургѣ въ тотъ день, какъ я выѣзжалъ оттуда. Я покончилъ съ Ребергомъ, Впрочемъ, больше го недоразумѣнію. Слыша безпрерывно о Чернышевѣ и о чудесахъ, имъ творимыхъ, и не видя никакого облегченія своей болѣзни, которая въ послѣднее время до того усилилась, что кашель мой собиралъ сосѣдей, и сверхъ того, до такой степени страдала поясница, что я не могъ ходить иначе, какъ съ превеликимъ мученіемъ, я рѣшился пригласить Чернышева, тѣмъ больше, что онъ бываетъ въ нашемъ пансіонѣ у одной больной. Въ тотъ же день Ребергъ, узнавъ отъ жены, что былъ у меня Чернышевъ, высказался такъ, что нога его не будетъ въ домѣ, гдѣ былъ Чернышевъ. Таковы здѣшніе жестокіе медицинскіе нравы. Поэтому я теперь въ опекѣ у Чернышева. Чернышевъ лѣчить съ Божьею помощью, и больше надѣется на Бога, чѣмъ на помощь медицины. Я тоже началъ уповать на Бога. Сверхъ того, онъ имѣетъ такой видъ, что хотя ходить въ обыкновенномъ штатскомъ платьѣ, но мнѣ все кажется, что онъ въ вицмундирѣ и занимаетъ должность акушера въ Ниццкой врачебной управѣ. Это меня веселитъ и переноситъ въ Россію, гдѣ я видалъ-таки на своемъ вѣку членовъ врачебныхъ управъ, вѣрующихъ въ Бога и въ гуммозный пластырь, который, какъ извѣстно, тоже съ Божьею помощью выдуманъ. Чернышевъ предписалъ мнѣ слѣдующее: вдыхать каждый день по два фута кислорода, одинъ футъ утромъ и другой вечеромъ, пить зельтерскую воду съ молокомъ по четыре стакана въ

день, не употреблять за обѣдомъ и завтракомъ здѣшней воды, а пить Виши, въ качествѣ мочегоннаго (можно и съ виномъ). Для спины прописалъ мнѣ втираніе изъ вератрина, хлороформа и оливковаго масла. Кислородъ я вдыхаю уже 13-ый день, и прочее все исполняю. Кашель у меня уменьшился настолько, что я страдаю отъ него лишь утромъ и отчасти вечеромъ, ложась спать (прежде я круглый день неистово кашлялъ). Спина все еще болитъ, хотя лучше. Опухли въ сочлененіяхъ руки дѣлаются меньше. Но сердце какъ будто пошаливаетъ. Во всякомъ случаѣ, я не могу пожаловаться и буду держаться Чернышева, покуда сижу въ Ниццѣ. Я хотѣлъ было ѣхать въ Парижъ 1 апрѣля, но теперь вижу, что это суетная мечта. Назначилъ срокъ 16 числа въ день Пасхи, но удастся ли — не знаю. Говорятъ, въ Парижѣ такое отвратительное время стоитъ, какого никто не запомнить. И Чернышевъ говорить, что ежели Богу угодно, такъ и въ маѣ такая же погода будетъ. Что тогда дѣлать? Мнѣ тошно въ этомъ домѣ терпимости, и всѣ мои мечты теперь уже обращены къ Россіи, хоть и тамъ не Богъ знаетъ что ждетъ. Но моментъ возвращенія для меня дорогъ. Черезъ пять минутъ, знаю, все пойдетъ попрежнему. Но вѣчное празднованіе, царствующее въ такъ называемыхъ *stations de santé*, положительно раздражаетъ нервы. Вы не испытывали этого, а я цѣлый годъ живу такъ, что предъ глазами моими происходитъ вѣчный храмовой праздникъ, глупый, напоминающій нелѣпую оргію. Вотъ это-то самое я и хотѣлъ изобразить въ «Культурныхъ людяхъ», и изобразжу, ежели Богу угодно будетъ. А теперь не въ силахъ: мысли все мрачныя, точно меня обижаютъ до крови. Подумайте: круглый годъ не имѣть своего угла и жить на юру — это кто перенесетъ?

Пожалуйста, засвидѣтельствуйте отъ меня и отъ жены почтеніе многоуважаемой Софѣ Петровнѣ и поклонитесь Елисеевымъ. Впрочемъ, я Григорію Захаровичу недавно писалъ.

Весь вашъ

М. Салтыковъ.

V.

Парижъ. 16/4 мая.

Судя по письму вашему, многоуважаемый Николай Андреевичъ, я не предполагалъ съ вами до осени встрѣтиться, такъ какъ вы писали, что поѣдете въ Лугано, слѣдовательно, на Вѣну. Но Гр. Зах.¹⁾ пишетъ, что вы поѣдете на Берлинъ и будете тамъ между 18 и 20 ст. ст. Я, съ своей стороны, ѣду завтра въ Баденъ-Баденъ и былъ бы крайне вамъ обязанъ, если бы вы туда меня хорошенько увѣдомили, какого числа вы будете въ Берлинѣ (теперь ужъ вы, полагаю, можете опредѣлить), и гдѣ я могу васъ тамъ найти. Я непременно тамъ буду въ день вашего пріѣзда. Парижъ меня достаточно-таки изнурилъ. Погода до сихъ поръ стояла гадкая и только теперь начинаетъ поправляться. Я простудился и очень кашляю, страдая во время припадковъ кашля ужаснѣйшею одышкой. Думаю, что нѣсколько дней отдыха въ Баденѣ поправятъ меня.

¹⁾ Г. З. Елисеевъ.

(Я встрѣтилъ здѣсь у Тургенева одного доктора изъ Кобленца, Петерсгаузера, который слегка оскультировалъ меня и нашелъ во мнѣ четыре смертельныхъ болѣзни: болѣзнь правой почки, болѣзнь лѣвой стороны печени, страданіе сердца и общую анемію тѣла. Вотъ увидимся въ Берлинѣ, посмотрите, сколько въ этомъ есть правды. Одно скажу: астма страшно меня мучаетъ, и теперъ, когда умеръ министръ Рикаръ и когда всякому приходитъ на умъ эта смерть, то и мнѣ мнится какъ-то, не издохну ли и я такимъ же образомъ, то-есть задушенный¹⁾).

До свиданья. Поклонитесь отъ насъ многоуважаемой Софѣ Петровнѣ. Я же остаюсь навсегда вашъ

М. Салтыковъ.

Свиданіе друзей въ Берлинѣ, какъ и болѣе ранній проектъ путешествія въ Римъ, не состоялось. Салтыковъ такъ спѣшилъ домой, что засталъ Бѣлоголоваго еще въ Петербургѣ. Можно отмѣтить, что описанію Ниццы и своего тамъ тоскливаго житія на положеніи большаго Салтыковъ посвятилъ яркую страницу въ «Кругломъ годѣ» (1879 г.). «Помню,—пишетъ онъ,—нѣсколько лѣтъ назадъ судьба заперла меня на цѣлыхъ полгода въ Ниццѣ. Русскихъ въ этомъ городѣ масса (что въ значительной степени обусловливается близостью Монте-Карло съ его рулеткой), и въ этомъ множествѣ набралось человѣкъ съ десятокъ знакомыхъ, для которыхъ поѣздки въ Монте-Карло представлялись не съ руки. Въ томъ числѣ были: два земскихъ дѣятеля, одинъ предводитель дворянства, одинъ непомнящій родства экономистъ, одинъ задыхающійся прокуроръ, одинъ малокровный штабсъ-ротмистръ, одинъ «старый дипломатъ» (съ совершенно голою, точно дѣтскою, головою), два государственныхъ младенца (послѣдніе шестеро съ сохраненіемъ содержанія) и я. Всѣ мы безъ отдыха кашляли, пили микстуры, ѣли пилюли и претерпѣвали адскую скуку. Кругомъ—блескъ и прозрачность: Средиземное море плещетъ, померанцы благоухаютъ, пальмы, олеандры, лавровыя деревья чаруютъ взоры..... а мы сидимъ, кашляемъ и тоскуемъ. Нѣтъ у насъ ни собственнаго дѣла, ни собственной жизни. Министерство Бюффе-Брольи падаетъ, уступая министерству Бюффе-Дюфора, а намъ все равно. Гамбетта произноситъ рѣчь за рѣчью, а у насъ скулы болятъ отъ зѣвоты. Префектъ, мосье Декре балъ даетъ—насъ не приглашаетъ, и мы не печалимся этимъ, хотя понимаемъ, что въ качествѣ «знатныхъ иностранцевъ» имѣемъ право предъявить къ мосье Декре претензію. Ни намъ ни до кого дѣла нѣтъ, ни до насъ никому дѣла нѣтъ. Живемъ, какъ жили бы у себя въ Замоскворѣчѣ, и не понимаемъ, что тутъ такого, въ этой «заграницѣ», привлекательнаго. Развѣ вотъ услышимъ, что г. фонъ-Дервизъ столько-то десятковъ тысячъ пожертвовалъ въ пользу бѣдныхъ города Ниццы и былъ по этому случаю почтенъ отъ мосье Декре визитомъ—ну, на минутку какъ будто оживимся, молвимъ: «вотъ истинно-русскій патріотъ, какъ высоко держитъ знамя Россіи!» И затѣмъ—опять ничего, даже родная Русь—и та представляется воображенію, словно окутанная туманомъ, и ничѣмъ не напоминаетъ о себѣ, кромѣ замоскворѣцкой скуки...»

¹⁾ Строки, заключенныя здѣсь въ скобки, были раньше напечатаны въ воспоминаніяхъ П. А. Бѣлоголоваго.

Герои разсказа Щедрина для развлечения отъ ниццской скуки образовали «комиссію объ искорененіи». Чего?.. Да такъ вообще всего и въ частности литературы. Этотъ послѣдній проектъ побуждаетъ писателя произнести пламенную рѣчь, и для нашего времени ни чуть не устарѣвшую, на тему: *scripta manent, semper manent, in saecula saeculorum*, несмотря ни на какіе планы и ухищренія «комиссій объ искорененіи». «Да,—восклицалъ Щедринъ,—да, господа, литература не умреть! не умреть во вѣки-вѣковы! А посему, какъ бы намъ съ нашей комиссіей не осрамиться!..» Но комиссія, конечно, приняла мнѣніе «штабсъ-ротмистра и прокурора» и единогласно постановила: «одну часть произведеній литературы сжечь рукою палача, а другую потопить въ рѣкѣ, литераторовъ же водворить въ уѣздный городъ Мезень...»

Фантастическая комиссія «объ искорененіи» такъ живо напоминаетъ русскому читателю совсѣмъ не фантастическія комиссіи, многократно рѣшавшія судьбы литературы въ томъ же смыслѣ (только засѣдали онѣ не у Средиземнаго моря, а на берегахъ Невы), что невольно проникаешься вѣрой въ дѣйствительность этой сатирической картины. Но въ дѣйствительности русскіе «прокуроры» и «дипломаты» спасались въ Ниццѣ отъ «адской скуки» болѣе безобидными занятіями. Много лѣтъ спустя послѣ своего ниццскаго плѣна, въ 1884 году, Салтыковъ самъ вспоминаетъ въ письмѣ къ Бѣлоголовому (отъ 5-го апрѣля) объ одномъ изъ развлеченій нашихъ скучающихъ «знатныхъ иностранцевъ». Приведемъ здѣсь этотъ интересный отрывокъ изъ не появлявшагося еще въ печати письма сатирика:

«Поздравляю васъ съ Пасхой, которую вы встрѣтите *in partibus infidelium* среди зелени и цвѣтовъ. Я помню, какъ въ 1876 году генералы Шаблыкинъ, Сенявинъ, Бутовскій и Батюшковъ хоронили въ Ниццѣ своего Бога, а русскія кокотки усыпали цвѣтами крестный путь. Помню, какъ André, homme de reine въ пансіонѣ г-жи Daniel, прибѣжалъ въ субботу и объявилъ, что *ce matin les russes ont enterré leur Dieu, mais ne craigner rien: pour nuit il ressuscitera!* Вѣроятно, это и теперь происходитъ тѣмъ же порядкомъ, за исключеніемъ, быть-можетъ, André. А у насъ здѣсь, послѣ двухъ недѣль изряднаго тепла, опять снѣгъ, а сегодня пять градусовъ мороза. Какой съ Божьей помощью оборотъ!..»

Въ то время, когда Салтыковъ воспоминалъ объ этомъ развлеченіи скучающихъ въ цвѣтущей Ниццѣ генераловъ, въ Петербургѣ, засыпанномъ снѣгомъ, шла особенно усердная работа по части «искорененія» литературы, и въ слѣдующемъ же письмѣ (отъ 22 апрѣля 1884 г.) М. Е. извѣстилъ своего друга о томъ, что «Отечественныя Записки» приказали долго жить...

Владимиръ Розенбергъ.

Новые материалы о Бакунинъ и Герценъ.

Къ біографіи М. А. Бакунина ¹⁾.

I. Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Быть по сему».

Въ С.-Петербургѣ. 12 декабря 1844 года.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, разсмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ Правительствующаго Сената 5 Департамента, объ отставкѣ прапорщика Михаилѣ Бакунинѣ, и признавая его, по обстоятельствамъ дѣла, виновнымъ въ преступныхъ за границу сношеніяхъ съ обществомъ злонамѣренныхъ людей и въ ослушаніи вызову Правительства и по Высочайшей волѣ о возвращеніи въ Россію,—мнѣніемъ положилъ: подсудимаго сего, согласно съ приговоромъ Сената, лишивъ чина и дворянства, сослать, въ случаѣ явки въ Россію, въ Сибирь въ каторжную работу, а за тѣмъ и въ остальной части дѣла, объ имѣніи его, утвердить заключеніе Правительствующаго Сената.

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, князь Н. Васильчиковъ.

II. *Краткая записка ко всеподданнѣйшему докладу Правительствующаго Сената 5-го Департамента, 1-го отдѣленія объ отставномъ прапорщикѣ Бакунинѣ, преданномъ суду по Высочайшему повелѣнію за невозвращеніе изъ-за границы вопреки Высочайшей воли.*

Въ октябрѣ 1843 года, Генераль-Адъютантомъ графомъ Бенкендорфомъ получено было свѣдѣніе, что отправившійся въ 1840 году по паспорту за границу сынъ помѣщика Тверской губерніи отставной прапорщикъ, Михайла Бакунинъ, находясь въ Цюрихѣ, входилъ въ сношеніе съ обществомъ злонамѣренныхъ людей, и по принятіи Швейцарскимъ правительствомъ къ обнаруженію замысловъ сего общества, скрылся изъ Цюриха и переѣзжалъ изъ мѣста въ

¹⁾ Какъ извѣстно, за отказъ возвратиться въ Россію по требованію правительства Бакунинъ былъ приговоренъ въ 1844 году заочно къ ссылкѣ въ каторжные работы. Помѣщаемъ не бывшіе еще въ печати документы, къ этому дѣлу относящіеся. Они, помимо пролитія свѣта на самое «дѣло» и способы, которыми оно велось, имѣютъ большую цѣнность еще и въ томъ отношеніи, что содержатъ въ себѣ выписку «изъ формулярнаго списка подсудимаго» и черезъ то устанавливаются точнымъ образомъ и нѣкоторыя даты другихъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ жизни Бакунина до 1844 года.

мѣсто подъ разными именами; Графъ Бенкендорфъ, обязавъ отца упомянутого офицера, отставного-коллежскаго совѣтника Бакунина, чтобы онъ потребовалъ сына своего изъ-за границы и ни подъ какимъ предлогомъ не посылалъ къ нему денегъ, доколѣ онъ не возвратится въ Россію, отношеніемъ къ Вице-Канцлеру графу Нессельроде просилъ объ объявленіи чрезъ наше посольство и миссію прапорщику Бакунину, чтобы онъ немедленно возвращался въ Россію.

На это Вице-Канцлеръ увѣдомилъ Графа Бенкендорфа, что нашъ повѣренный въ дѣлахъ Швейцаріи, Коллежскій Совѣтникъ Струве, лично объявилъ въ Бернѣ 25 января означенное приказаніе прапорщику Бакунину: но сей послѣдній, хотя и обѣщалъ представить паспортъ свой для промѣна онаго другимъ на возвращеніе въ Россію; но не исполнивъ сего, уѣхалъ изъ Берна въ Германію, и письмомъ увѣдомилъ Струве, что онъ, Бакунинъ, по важнымъ для него дѣламъ необходимо долженъ отправиться въ Лондонъ.

Графъ Нессельроде въ слѣдствіе сего сообщилъ посольству нашему въ Лондонѣ, чтобы вразумить Бакунина, какой отвѣтственности онъ подвергаетъ себя неисполненіемъ требованій Правительства, и подтвердить приказаніе возвратиться въ Россію; послѣ чего доставилъ къ графу новое свѣдѣніе, полученное изъ Цюриха, что Бакунинъ во время пребыванія въ Швейцаріи былъ въ связяхъ со всѣми главными лицами, злоумышляющими объ измѣненіи настоящаго порядка вещей въ Государствахъ.

Объ обстоятельствахъ сихъ Графъ Бенкендорфъ всеподданнѣйше доводитъ до свѣдѣнія Государя Императора и какъ, съ одной стороны, прапорщикъ Бакунинъ упорствуетъ въ исполненіи приказаній правительства, а съ другой—офицеръ сей обнаружилъ весьма вредныя качества, то Его Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ: поступить съ Бакунинымъ такимъ же образомъ, какъ въ недавнемъ времени повелѣно поступить съ дворяниномъ Головинымъ, т.-е. подвергнуть его отвѣтственности по силѣ законовъ.

Изъ формулярнаго списка подсудимаго видно, что онъ 28 лѣтъ, изъ дворянъ, за родителями его 500 душъ крестьянъ въ Тверской губерніи, вступилъ въ службу фейерверкеромъ 1829 г. декабря «¹⁾ въ артиллерійское училище, переименованъ въ юнкера 1830 апрѣля 30, въ ономъ же училищѣ, по Высочайшему приказу произведенъ по экзамену прапорщикомъ 1833 января 22, Высочайшимъ приказомъ 18 декабря 1835 года уволенъ отъ службы за болѣзнію.

С.-Петербургскій Надворный Уголовный Судъ мнѣніемъ 27 апрѣля и Палата Уголовнаго Суда рѣшеніемъ 13-го іюня, 1844 года, присудила Бакунина за вышеупомянутое преступленіе, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу съ тѣмъ, чтобы имѣніе его было взято въ секвестръ.

Съ рѣшеніемъ симъ, пропущеннымъ Губернскимъ Прокуроромъ безъ протеста, согласился и С.-Петербургскій Гражданскій Губернаторъ, представившій дѣло это въ Правительствующій Сенатъ 21 іюля.

Правительствующій Сенатъ обращалъ оныя при указѣ отъ 14-го августа въ Уголовную Палату для учиненія подсудимому вновь вызова къ суду; но 16-го октября объявлено было Исправляющимъ должность Товарища Министра Юстиціи Высочайшее по-

¹⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

велѣніе о томъ, что Государь Императоръ, принимая въ соображеніе, что послѣ безуспѣшности сдѣланныхъ Бакунину Высочайшимъ именовъ письменныхъ вызововъ черезъ посредство посольства и словесныхъ внушеній объ отвѣтственности, которой онъ долженъ подвергнуться за преслушаніе, новый вызовъ послужилъ бы токмо къ напрасному промедленію дѣла, Высочайше повелѣтъ изволилъ: нынѣ же приступить къ разсмотрѣнію дѣла о Бакунинѣ для поступленія съ виновнымъ по законамъ, не дѣлая новыхъ вызововъ, а Правительствующему Сенату замѣтить неосновательность его дѣйствій по сему дѣлу, въ которомъ, если бы было сомнѣніе, то слѣдовало испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе.

По выслушаніи сего предложенія 18 октября, Сенатъ принялъ Высочайшее замѣчаніе къ исполненію въ подобныхъ случаяхъ, паче чаянія впередъ встрѣчаться могущихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ 19-го числа С.-Петербургской Уголовной Палатѣ о немедленномъ представленіи дѣла о Бакунинѣ его разсмотрѣніе, прекративъ всякое по оному производство.

А 26 октября Уголовная Палата, испробовавъ настоящее дѣло изъ Надворнаго Уголовнаго Суда, представила оное въ Правительствующій Сенатъ.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ это дѣло 26 октября, рѣшительнымъ опредѣленіемъ заключилъ: отставнаго прапорщика, Михайла Александрова Бакунина, согласно съ рѣшеніемъ судебныхъ мѣстъ первой и второй инстанцій, лишивъ чина, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, въ случаѣ явки въ Россію, сослать въ Сибирь въ каторжную работу; а имѣніе его, какое окажется гдѣ-либо собственно ему принадлежащимъ, взять на основаніи 271 ст. 15 тома Св. зак. Угол., теперь же въ секвестрѣ.

О таковомъ постановленіи Сената по силѣ 1308 ст. 15 т. поднести Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ и просить въ разрѣшеніи Высочайшаго указа.

Исправляющій должность Оберъ-Секретаря (подпись неразборчиво). Въ должности Секретаря, Зыбинъ.

Сообщилъ В. Богучарскій.

М. А. Бакунинъ.

I.

Въ Дрезденѣ, въ 1854 году, была издана книга, не поступившая въ продажу и составляющая теперь величайшую библиографическую рѣдкость; заглавіе ея въ переводѣ гласитъ: *«Указатель для германской политической полиціи на время отъ 1 января 1848 г. до сихъ поръ. Руководство для всякаго нѣмецкаго полицейскаго чиновника. Издаеъ —ръ»* (Anzeiger für die politische Polizei Deutschlands auf die Zeit vom 1 Januar 1848 bis zur Gegenwart. Ein Handbuch für jeden deutschen Polizeibeamten. Herausgegeben von —r). Книга носитъ краснорѣчивый эпиграфъ: *Facta loquuntur*. Имя Бакунина повторяется въ ней четыре раза:

1) Стр. 69. *Бакунинъ* Михаилъ, вмѣстѣ съ Мащини и Руге составляетъ революціонный триумvirатъ нашего времени. Родился

въ Торжкѣ (Torschak) въ Россіи, былъ императорскимъ (k. k.) русскимъ артиллерійскимъ офицеромъ, позднѣе литераторомъ; социалистъ, товарищ Руге, Тодта, Кёхли; какъ личность въ высокой степени опасная политически, былъ изгнанъ изъ Франціи, но, тѣмъ не менѣе, участвовалъ въ парижской февральской революціи, вступилъ въ союзъ съ Ледрю-Ролленомъ, писалъ возмутительныя воззванія къ русскимъ и австрійцамъ, сдружился въ Берлинѣ съ Гексамеромъ, Рейхенбахомъ, Вальдекомъ, д'Эстеромъ и Якоби, въ Саксоніи съ Шрекомъ, Рёкелемъ и литераторомъ Виттихомъ (теперь политическій эмигрантъ во Франціи), демократизировалъ и возбуждалъ къ возстанію, въ союзѣ съ польскими эмигрантами Гельтманомъ и Хршановскимъ, всю Саксонію, руководилъ дрезденскимъ возстаніемъ и дрезденскими поджогами, былъ арестованъ вмѣстѣ съ Гейбнеромъ, приговоренъ къ смертной казни и помилованъ къ пожизненному заключенію, и вслѣдъ за тѣмъ выданъ Австріи, а ею — Россіи.

2) Стр. 130. *Бакунинъ* Михаилъ, русскій эмигрантъ. Необычайно одаренный духовно и физически, онъ былъ тѣмъ болѣе опаснымъ противникомъ монархіи, что не отступалъ ни передъ какимъ средствомъ для достиженія своей цѣли — введенія республики. Онъ руководилъ въ особенности пражскимъ и дрезденскимъ возстаніями и по подавленіи послѣдняго, бѣжавъ въ Хемницъ, былъ на дорогѣ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ Кёнигштейнъ, откуда выданъ Австріи.

3) Тамъ же. *Головинъ* и *Тургеневъ*, русскіе эмигранты, за политическія и государственныя преступленія приговорены къ тяжкимъ наказаніямъ, въ апрѣлѣ 1848 года жили вмѣстѣ съ *Бакунинымъ* въ Берлинѣ и состоятъ въ сильнѣйшемъ подозрѣніи участія въ прусско-польскомъ возстаніи и вѣнской революціи.

4) Стр. 149. *Бакунинъ* и Либельтъ вождями революціи были избраны, на случай успѣха панславистскаго заговора 1848 года, въ эмиссары послѣдняго для Богеміи, Польши и Венгріи.

2.

Письмо неизвѣстнаго къ матери А. И. Герцена изъ Праги, гдѣ тогда, въ цѣпяхъ, содержался Бакунинъ. Адресъ: A M-me Louise Haag, Maison Mallard de la mer, à Nizze. Подлинникъ по-нѣмецки.

Милостивая Государыня!

Ваше почтенное письмо изъ Ниццы отъ 26 ноября 1850 г. съ приложеніемъ векселя на имя банкирскаго дома Леммель на триста франц. франковъ я исправно получилъ; по размѣнѣ я получилъ за вексель сто пятьдесятъ гульденовъ, каковая сумма будетъ употреблена въ пользу Бакунина согласно Вашему и его желанію. Онъ просилъ меня передать Вамъ его благодарность. При этомъ могу сообщить Вамъ, что физически онъ чувствуетъ себя прекрасно, вообще же его состояніе настолько хорошо, насколько это возможно въ его положеніи, которое по возможности, поскольку лишь это допустимо въ предѣлахъ закона, для него облегчается. Прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга

(подпись не разборчива).

Прага, 15 декабря 1850 г.

3.

Въ альбомѣ автографовъ, принадлежавшемъ А. И. Герцену, наклеена очень измятая, потомъ разглаженная, узкая полоска бумаги — записочка Бакунина, очевидно съ оказіей пересланная изъ Сибири; вверху почеркомъ Герцена написано: 1858.

«Я живъ, я здоровъ, я крѣпокъ, я женюсь, я счастливъ, я Васъ люблю и помню, и Вамъ равно какъ и себѣ остаюсь неизмѣнно вѣренъ —

Et si quelqu'un soupire,
c'est moi! c'est moi! c'est moi!

4.

Изъ воспоминаній Карла Грюна о Бакунинѣ, напечатанныхъ въ *Die Wage*, herausg. von Guido Weiss, 18 Aug. 1876, 4. Jahrg. № 32.

«Я познакомился съ Михаиломъ Бакунинымъ въ серединѣ 40-хъ годовъ въ Парижѣ. Тогда всѣ стремленія были однородны, всѣ національности уравнены; задача состояла въ томъ, чтобы разрушить старое, и на его мѣсто водворить нѣчто новое, великое — точно не знали, что именно. Русскіе радикалы, смѣлостью превосходившіе всѣхъ другихъ, импонировали особенно сынамъ великаго царства середины. Если эти русскіе шли такъ далеко, чего же не могли ждать мы, остальные!»

Однако наши личныя отношенія были весьма ограничены, прежде всего — вслѣдствіе полной противоположности нашего образа жизни. Бакунинъ и прочіе русскіе — изъ нихъ я припоминаю еще одного графа Толстого, Герцена же я никогда не видалъ, онъ жилъ тогда, кажется, въ Женевѣ, — не занимались въ сущности ничѣмъ, кромѣ чтенія газетъ; они превращали ночь въ день и день въ ночь. Они вставали не раньше полудня, завтракали, въ 6 часовъ обѣдали, и до 3, 4, даже 5 часовъ утра просиживали въ кафѣ, потомъ отправлялись спать, и на завтра забубенный кругъ начинался сызнова. При томъ въ Бакунинѣ тогда оставался еще слѣдъ изящной барственности, вслѣдствіе чего онъ, повидимому, не понималъ, что человѣкъ долженъ жить трудами рукъ своихъ, а думалъ, наоборотъ, что «жить» есть нѣчто такое, что разумѣется само собою.

Помѣстья Бакунина въ Россіи были конфискованы, такъ какъ онъ жилъ за границу безъ разрѣшенія и вопреки приказу императора Николая. Но, вѣроятно, его родные находили пути доставлять ему необходимыя средства, потому что онъ рвалъ больше перчатокъ, чѣмъ мнѣ обходился весь день.

Во второй разъ я встрѣтился съ нимъ двадцать лѣтъ спустя на берегахъ Роны, въ прекрасной Женевѣ, на конгрессѣ Лиги мира и свободы, въ 1867 году. Бакунинъ былъ все тотъ же, по крайней мѣрѣ, внутренно; внѣшніе онъ посѣдѣлъ, одежда на немъ была въ безпорядкѣ, высокій станъ сломленъ, ротъ безъ зубовъ, рѣчь большей частью непонятна. Но въ остальномъ онъ не измѣнился, больше того — сталъ еще сердечнѣе, благодушнѣе, внимательнѣе.

Онъ показалъ мнѣ свою маленькую жену, свою «спасительницу». Я съ трудомъ сохранилъ серьезность. Эта маленькая, худенькая полька рядомъ съ русскимъ богатыремъ едва доставала ему до груди. Точно пони рядомъ со слономъ въ циркѣ. Онъ отправилъ жену

съ какимъ-то молодымъ русскимъ въ театрѣ, а для насъ заказалъ настоящаго китайскаго чая съ настоящимъ коньякомъ, и мы много и долго болтали.

Онъ скупо удовлетворилъ мое любопытство относительно его романтическаго бѣгства чрезъ три части свѣта, и когда я просто замѣтилъ: «Ты бы это описалъ когда-нибудь», онъ отвѣтилъ серьезно и сухо (мы говорили, ради него, по-французски). «Il faudrait parler de moi-même». Этого онъ не хотѣлъ, его личное «я» не имѣло для него значенія. Потомъ онъ взялъ меня за руку: «Все-таки хорошо, что мы снова увидѣлись и въ принципѣ такъ единомышленны, атеизмъ, коммунизмъ...» Третій «измъ» я забылъ, но это былъ не нигилизмъ, а нѣчто въ родѣ «агамизма», или что-то въ этомъ родѣ по смыслу.

Насколько мнѣ позволяютъ судить мои свѣдѣнія и мое знаніе людей, Бакунинъ былъ честный человѣкъ. Онъ пострадалъ за свои идеи, жестоко поплатился за 48 и 49-й годы, и какъ бы безумны ни казались его убѣжденія, въ немъ всегда было что-то здоровое, даже сердечное. Пусть его голова не разъ срывалась съ цѣпи, но его чувствованія возбуждали симпатію. Никакой задней мысли, ничего желчнаго, никакого коварства, маніи величія, ни грана тщеславія въ немъ не было. Онъ уклонялся отъ славы, насмѣхался надъ извѣстностью. Онъ былъ и остался веселымъ послѣ всѣхъ перепесенныхъ имъ страданій, которыя десять разъ сокрушили бы всякаго другого; только онъ, гигантъ, стряхалъ съ себя бремя рока и каждый разъ снова являлъ изумленнымъ друзьямъ улыбающееся лицо на богатырскомъ торсѣ.

Сообщилъ М. Гершензонъ.

Иностранцы о Герценѣ.

1.

Арнольдъ Руге, изъ Парижа, 6 іюня 1849 г.¹⁾:

«Я познакомился еще здѣсь съ русскимъ Герценомъ, котораго, впрочемъ, скорѣе можно назвать нѣмцемъ, чѣмъ русскимъ, съ тѣмъ отличіемъ, что онъ обладаетъ талантомъ мечтательности (Schmärmen), какого я еще не встрѣчалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знакомы, о снѣ ночью нечего и думать. «Теперь революція, скоро она пройдетъ, — говоритъ онъ, — не будемъ расходиться по домамъ»; смотришь — по меньшей мѣрѣ уже 5 или 6 час. утра. Я ужасаюсь тому, что могъ даже только три дня выдержать такой образъ жизни, но онъ не слушаетъ никакихъ доводовъ; и правда, нужно много досуга, чтобы узнать все, что произошло здѣсь съ 1848 года, и чтобы притомъ дать время Герцену для неистощимыхъ изліяній его юмора. Я очень полюбилъ этихъ людей и желаю только, чтобы свѣтъ не сталъ слишкомъ филистерскимъ, потому что тогда, боюсь, снова водворится фатовство (Blasirtheit)».

¹⁾ Arnold Ruge's Briefwechsel und Tagebuchblätter aus den Jahren 1826—1880. Herausgegeben von Paul Nerrlich. Berlin, 1886. Bd. II.

Онъ же, изъ Брайтона, 9 января 1862 г.¹⁾:

«Русская революція только еще усугубляетъ безстыдство тѣхъ русскихъ, которые держатъ эту революцію на откупѣ, какъ Герценъ и Бакунинъ, и я готовлюсь услышать самыя надменные рѣчи о «молодости Россіи» и «отжившей гнилой Германіи».

2.

Письмо Фр. Боденштедта къ женѣ изъ Лондона, 9 мая 1859 г.²⁾.

«Вчерашній день я употребилъ на визиты къ Герцену и Льюису. Первый живетъ приблизительно въ полутора нѣмецкихъ миляхъ отъ меня. Ъхать приходится черезъ самыя оживленныя части города; послѣ часовой ѣзды попадаешь въ мѣстность, носящую преимущественно сельскій характеръ, гдѣ маленькіе дома и садики перемежаются красивыми парками и виллами (безъ исключенія каменными). Въ одной изъ красивѣйшихъ виллъ живетъ Герценъ; домъ расположенъ среди прелестнаго, оѣнненнаго величественными купами деревьевъ парка, почему и носитъ названіе Parkhouse. За все это жилище, съ полной богатой обстановкой, съ паркомъ и пр., Герценъ платитъ 300 ф. ст. въ годъ (нѣсколько больше двухъ тысячъ талеровъ), и весь его обиходъ и образъ жизни заставляютъ думать, что онъ спасъ все-таки значительную часть своего состоянія. Я пріѣхалъ къ нему около 2 час. и просидѣлъ приблизительно до 4-хъ, такъ что какъ разъ еще поспѣлъ къ Льюисамъ³⁾, которые ждали меня въ 5 час. къ обѣду и которые живутъ далеко внѣ Лондона. Герценъ изъяснилъ большую радость видѣть меня, и я долженъ признаться, что и мнѣ было весьма интересно познакомиться съ этимъ во всѣхъ отношеніяхъ очень замѣчательнымъ человѣкомъ, столь же остроумнымъ въ устной бесѣдѣ, какъ и въ своихъ писаніяхъ. Это неистощимое остроуміе — опасная вещь для политика; ему въ значительной мѣрѣ и надо приписать политическую сбивчивость (Confusion) Герцена; удачной остротѣ онъ готовъ пожертвовать всей всемирной исторіей. Онъ хочетъ преобразовать міръ, и не умѣетъ держать въ порядкѣ собственный домъ, въ которомъ царитъ изрядный кавардакъ. Многочисленная прислуга безнаказанно тиранизируетъ и обманываетъ его, такъ что въ Лондонѣ рассказываютъ объ этомъ чудовищныя исторіи. При этомъ онъ, несмотря на ѣдкую остроту своего ума, — само благодущіе, гостепріименъ, какъ русскіе въ старину (у него всегда открытый столъ), и любезнѣйшій человѣкъ въ обхожденіи. Что касается его наружности, то не знаю, съ кѣмъ бы изъ нашихъ знакомыхъ сравнить его, чтобы дать тебѣ представленіе о немъ. Онъ — широкоплечій, плотный, значительная голова съ могучимъ лбомъ, острыми глазами и энергическимъ выраженіемъ лица. Волосы на головѣ и бородѣ были черными, но теперь уже съ сильной просѣдью, хотя ему всего сорокъ шесть лѣтъ. Его дѣти, въ томъ числѣ красавица-дѣвочка 14 лѣтъ, играли съ другими дѣтьми на травѣ подъ цвѣтущими каштанами, между тѣмъ какъ я съ нимъ и живущимъ у него русскимъ поэтомъ Огаревымъ ходили взадъ и впередъ по парку».

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Westermann's Ieustr. Deutsche Monatshefte, Bd. 75, 1894 г., стр. 123.

³⁾ Т.-е. Льюисъ и его жена, Джорджъ Элліотъ.

Изъ неизданнаго письма Карла Фогта къ Герцену,

23 іюня 1856 г. ¹⁾.

«Я проглотилъ вашу книгу²⁾. Великолѣпенъ особенно докторъ съ его достаточными познаніями по анатоміи.

Прочитанное еще больше укрѣпило меня въ моихъ взглядахъ насчетъ Саши³⁾. Всѣ эти люди, такъ жизненно срисованные вами,—вѣдь это скорѣе тѣни, нежели живые люди. Всѣ они суетятся безъ цѣли, всѣ стараются чѣмъ-нибудь наполнить пустоту своего существованія—одинъ химіей, другой—кутежами, третій внѣшними формами, но каждый дѣлаетъ это единственно изъ скуки, отъ бездѣлья, вслѣдствіе инстинктивной потребности чѣмъ бы то ни было убить время. Никто не желаетъ примѣнять къ жизни свои знанія; всякій доволенъ, если ему удалось для себя одного обмануть часы и календарь. Молодые люди занимаются философіей, теоретически изслѣдуютъ вопросы свободы, твердо зная, что имъ никогда не придется осуществить эти принципы, добытые даже съ опасностью; словомъ, ни дать ни взять—представленіе китайскихъ тѣней, гдѣ подъ конецъ говоришь себѣ: все-таки время прошло не безъ пріятности.

Не знаю, мой другъ, правъ ли я, признавая этотъ недостатокъ прилежанія, особенно прилежанія общественнаго—главнымъ зломъ русской общественной жизни и вашего воспитанія вообще. Человѣкъ—соціальное животное, и онъ влачитъ жалкое существованіе, если не употребляетъ въ дѣло своихъ знаній какъ ради пользы другихъ людей, такъ и ради собственной. Нужна огромная сила духа, чтобы человѣкъ, *не имѣющій профессіи*, могъ наполнять свою жизнь полезнымъ дѣломъ,—а чтобы дѣятельность была хоть сколько-нибудь послѣдовательна, она должна сосредоточиваться въ опредѣленномъ кругѣ, который чувствуетъ себя обязаннымъ выполнить, прежде чѣмъ приняться за что-либо другое».

Сообщилъ М. Гершензонъ.

¹⁾ Нѣсколько писемъ Герцена къ Фогту опубликованы Г. Вѣтринскимъ въ брошюрѣ «Странички Герцена». Н.-Новгородъ. 1912. Ред.

²⁾ Повидимому, первая часть «Былого и Думъ» въ франц. переводѣ.

³⁾ Старшій сынъ Герцена, Александръ Александровичъ, впоследствии извѣстный физиологъ.

Критика и библиографія.

Эдуардъ Целлеръ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Перевелъ С. Л. Франкъ. Москва, 1912. Стр. X+256. Цѣна 1 р. 80 к.

Имя Эд. Целлера, какъ историка греческой философіи, стоитъ настолько высоко, что едва ли нуждается въ рекомендаціяхъ. Его большой трудъ (*Philosophie der Griechen*), несмотря на устарѣлость въ нѣкоторыхъ частяхъ, является до сихъ поръ классической работой по исторіи греческой философіи. Данный «Очеркъ» представляетъ изъ себя краткую обработку того же предмета, предназначенную служить пособіемъ къ университетскимъ лекціямъ и для самообразования. Въ Германіи и этотъ «Очеркъ» достаточно зарекомендовалъ себя въ качествѣ университетскаго учебника и выдержалъ уже девять изданій (последнее изданіе — уже посмертное¹⁾, со многими поправками и дополненіями согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ нѣмецкимъ редакторомъ Ф. Лорцингомъ). И въ Россіи «Очеркъ» появляется уже второй разъ въ переводѣ (первый переводъ его былъ сдѣланъ еще 26 лѣтъ тому назадъ — въ 1886 г. — проф. М. И. Каринскимъ и уже давно сталъ библиографическою рѣдкостью). Цѣнность настоящаго перевода увеличивается еще благодаря тому, что русскій переводчикъ, воспроизводя всѣ поправки и дополненія нѣмецкаго редактора, сдѣлалъ еще и отъ себя краткія дополненія, взятые изъ большого труда Целлера, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ текстъ «Очерка» давалъ слишкомъ краткія и старыя свѣдѣнія. Всѣ эти добавленія взяты переводчикомъ въ примѣчанія и потому нисколько не нарушаютъ цѣльности краткаго руководства. Кромѣ того, какъ нѣмецкій редакторъ, такъ и русскій переводчикъ прибавили въ примѣчаніяхъ значительное число указаній на новѣйшую литературу (также и русскую).

Все это, въ соединеніи съ огромною эрудиціею знаменитаго автора, точнымъ языкомъ его «Очерка», строго эволюціоннымъ методомъ, котораго онъ держится, придаетъ «Очерку» большой интересъ и для широкой публики, несмотря на конспективность и нѣкоторую сухость изложенія, неизбежную при краткомъ объемѣ книги.

Нужно ожидать, что книга и въ новомъ переводѣ, сдѣланномъ безукоризненно, будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и въ старомъ.

В. Перцевъ.

¹⁾ Знаменитый ученый скончался 19 мая 1908 г.

Ю. Кулаковскій. «Исторія Византіи». Т. I и II. Кієвъ. 1912 г.
Очерки по исторіи Византіи подъ ред. В. Н. Бенешевича, вып. I и II.
Спб. 1912.

Исторія Византіи, долго находившаяся въ загонѣ, стала пріобрѣтать нѣкоторую популярность о правѣ гражданства среди другихъ наукъ. Въ большинствѣ университетовъ курсъ византійской исторіи признанъ для студентовъ обязательнымъ, но не существуетъ соответствующихъ учебниковъ. Желая пополнить этотъ пробѣлъ, проф. Бенешевичъ предпринялъ изданіе переводной хрестоматіи по исторіи Византіи, которая, по его мнѣнію, имѣетъ цѣлью служить интересомъ какъ учебнымъ, такъ и научнымъ. Къ сожалѣнію, выборъ сдѣланъ не вполне удачно и первый выпускъ не можетъ сдѣлаться учебникомъ, пригоднымъ для университетскаго преподаванія или книгой для чтенія. Этотъ очеркъ политической исторіи Византіи Гельцера, приложенный въ видѣ справочника къ извѣстной исторіи византійской литературы Крумбахера и переведенный съ нѣмецкаго. Тутъ на 193 страницахъ изложены важнѣйшіе факты византійской исторіи, на каждой страницѣ множество именъ и годовъ, что дѣлаетъ очеркъ Гельцера очень полезнымъ для справокъ, но слишкомъ сухимъ для чтенія и труднымъ для заучиванія. Второй выпускъ гораздо удачнѣе и его можно прочесть съ удовольствіемъ. Въ немъ помѣщенъ краткій очеркъ государственнаго строя византійской имперіи извѣстнаго англійскаго историка Бѣри (а не Бьюри, какъ неправильно пишутъ переводчики) и очеркъ культурной исторіи Византіи Гельцера.

Публикѣ можетъ показаться, что не зачѣмъ было предпринимать переводную хрестоматію, когда появилась оригинальная Исторія Византіи. На такой подвигъ дерзнулъ проф. Кіевскаго университета Ю. А. Кулаковскій. Онъ задумалъ многотомную Исторію Византіи, и его колоссальный трудъ слѣдовало бы привѣтствовать, если бы онъ хоть сколько-нибудь соответствовалъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Но авторъ, специалистъ-филологъ, не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о тѣхъ вопросахъ, которыми обязанъ заниматься историкъ. Уподобляясь лѣтописцу, описываетъ онъ разныя событія по царствованіямъ, не дѣлая исключенія даже для экономическихъ вопросовъ и происхожденія крѣпостного права, по самому существу своему не укладывающихся въ тѣсныя хронологическія рамки. Общими вопросами онъ не задевается. Какъ существуетъ батальная живопись, такъ это батальный историкъ по преимуществу. Въ мельчайшихъ подробностяхъ описываетъ онъ походы и сраженія, и также церемоніи византійскаго двора. Способъ его изложенія самый первобытный, можно сказать наивный. Онъ кладетъ передъ собой греческаго лѣтописца, иногда и законъ или какой-нибудь другой документъ и добросовѣстно излагаетъ на русскомъ языкѣ то, что вычиталъ въ источникѣ, стараясь ничего не пропускать. Въ глубь событий авторъ проникнуть не старается. Разсказываетъ онъ, напр., кое-что о монофизитахъ и знакомитъ читателя съ догматическими тонкостями, по и не подозреваетъ, что монофизитство было не только церковнымъ ученіемъ, но и глубокимъ социальнымъ теченіемъ. Проф. Кулаковскій ничего не говоритъ о томъ, чѣмъ былъ византизмъ, съ какого времени надо начинать византійскую исторію, отличалась ли византійская имперія отъ римской или нѣтъ? Довольствуясь изложеніемъ отдѣльныхъ безсвязныхъ фактовъ, авторъ даже и не задевается вопросомъ, существовала ли какая-нибудь связь между внѣшней политикой, церковными дѣлами и экономическимъ состояніемъ византійской имперіи. Народонаселеніе византійскаго государства состояло изъ трехъ главнѣй-

шихъ элементовъ, римскаго, эллинскаго и восточно-азіатскаго, и тѣ же три теченія, римское, эллинское и восточное, красною ниткою проходятъ по всей византійской исторіи, сказываются и въ государственной жизни, въ искусствѣ и литературѣ. Прослѣдить эти разнообразныя культурныя основы и ихъ взаимодействіе въ своеобразномъ государственномъ тѣлѣ, называемомъ Византіей, составляетъ интересную задачу для всякаго историка цивилизаціи. Ю. А. Кулаковскій предпочелъ написать скучную исторію фактовъ, которая неодолима для обыкновеннаго читателя и почти бесполезна для ученаго.

II. Безобразовъ.

Историческое Обзорніе. Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣва. — Томъ семнадцатый. Спб. 1912.

Этотъ томъ составленъ весьма интересно и разнообразно. Мы находимъ здѣсь прежде всего обширную замѣчательно содержательную критическую статью самого редактора «Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ». Съ отличашею Н. И. Карѣва универсальностью познаній въ области исторіи XVIII вѣка авторъ разбираетъ нѣсколько трудовъ, вышедшихъ въ послѣднее время, и дѣлаетъ при этомъ рядъ замѣчаній, съ которыми въ той или иной мѣрѣ должны будутъ считаться авторы, даже если они и не согласятся безусловно со всѣми положеніями критика. Въ работѣ Н. И. Карѣва разобраны книги гг. Ковалевскаго, Лучицкаго, Тарановскаго, Вульфгуса, моя, Ардашева, Бороваго, а также нѣкоторыя статьи, появившіяся въ послѣднее время въ русскихъ журналахъ. Въ протоколахъ засѣданій «Société de l'histoire moderne et contemporaine» за январь 1912 года находимъ отчетъ о рефератѣ, прочитанномъ Н. И. Карѣвымъ въ Парижѣ, въ засѣданіи этого общества и въ этомъ же отчетѣ констатируется, съ какимъ интересомъ былъ выслушанъ докладъ русскаго историка о трудахъ по исторіи французской революціи, появившихся въ Россіи. Повидимому, рассматриваемая статья является распространеннымъ и дополненнымъ парижскимъ докладомъ. — Кромѣ этого обширнаго этюда, Н. И. Карѣвъ помѣстилъ въ «Историческомъ обзорніи» еще интересный критическій разборъ книги Бергъа «La Synthèse en histoire» (любопытно указаніе на ту путаницу, которую вноситъ Бергъ, смѣшивая *единично случившіяся* событія съ *индивидуальными* актами). Статья г-жи Глаголевой-Дакини «Крестьянскія волненія въ Дофинѣ въ концѣ XVIII вѣка» представляетъ интересную и съ знаніемъ дѣла выполненную попытку освѣтить на основаніи архивныхъ матеріаловъ на примѣрѣ одной провинціи — крестьянскія настроенія во Франціи предъ революціей. Статья г-жи Матафтиной «Изъ исторіи общественнаго мнѣнія во Франціи въ эпоху революціи» (вышедшая уже отдѣльнымъ изданіемъ) является самымъ подробнымъ и хорошо документированнымъ специальнымъ изслѣдованіемъ вопроса: какъ отнеслось общественное мнѣніе во Франціи къ процессу и казни короля Людовика XVI? На протяженіи ста страницъ убористаго шрифта авторъ на основаніи разнообразнѣйшихъ матеріаловъ изъ брошюрной сокровищницы Національной бібліотеки, а также газетъ 1792 — 1793 гг. возсоздаетъ живую и весьма характерную картину, которой недоставало для полной оцѣнки трагическихъ событій этого момента. Авторомъ использованы также рукописныя петиціи, сохранившіяся въ національномъ архивѣ. Г-жа Матафтина въ результатѣ своихъ изысканій пришла

къ заключенію, что «большинство во Франціи, въ частности въ Парижѣ, не желало казни короля», что, во всякомъ случаѣ, это — легче доказать, чѣмъ доказывать противоположное. Авторъ признаетъ, конечно, что его матеріалы, по существу, не отражаютъ общественнаго мнѣнія во всей полнотѣ, но и съ этою оговоркою результаты, которые были добыты, весьма любопытны. Книга кончается исторіографическимъ очеркомъ г. Бутенко о литературѣ по исторіи реставраціи во Франціи.

Въ сборникѣ — только одна статья, посвященная русской исторіи — М. А. Островской «Изъ жизни новгородскаго посадскаго міра въ XVII вѣкѣ»: это разборъ одного архивнаго суднаго дѣла второй половины XVII столѣтія, иллюстрирующаго классовую рознь между зажиточными и низшими слоями городского населенія при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Вообще этотъ 17-й томъ гораздо интереснѣе и содержательнѣе многихъ своихъ предшественниковъ.

Е. Тарле.

Е. Fueter. *Geschichte der neueren Historiographie*. 1911.

G. Billeter. *Die Anschauungen vom Wesen des Griechentums*. 1912.

О значеніи исторіографическихъ обзоровъ говорить не приходится: какъ немислимъ самый простой рисунокъ безъ знанія перспективы, такъ невозможно и всякое историческое чтеніе безъ знакомства съ исторіографической перспективой. — Но было бы крупной ошибкой отмѣтить лишь, хотя бы и почтенную, но все же чисто служебную роль исторіи любой науки. При умѣломъ заданіи и хорошемъ исполненіи исторія исторіографіи превращается изъ книги о книгахъ въ работу о направленіяхъ, о смѣняющихся другъ друга историческихъ школахъ, и необходимо при этомъ затрагиваетъ вопросъ о причинахъ этихъ смѣн; крупнѣйшія же причины коренятся въ настроеніи и потребностяхъ общества, и такимъ образомъ исторіографическій трудъ вырастаетъ въ исторію самосознанія определенной общественной среды.

Работа цюрихскаго ученаго Фютера какъ разъ и является исторіей европейскаго самосознанія, начиная съ гуманизма и вплоть до нашего времени. Было когда-то время, когда исторію какой-либо отрасли человѣческаго умѣнія или знанія изображали въ видѣ портретной галереи отдѣльных дѣятелей, плохо или совсѣмъ не связанныхъ между собой: такъ, исторію искусства, начиная съ Вазари и вплоть до Винкельмана, писали въ видѣ біографій отдѣльных художниковъ, исторію философіи, отъ Діогена Лаэртія и вплоть до Гегеля, — какъ изложеніе ученій отдѣльных философовъ¹⁾. Не избѣгла общей участи и исторія исторіи: атомизирующее, сугубо расчленяющее изложеніе держалось особенно долго (западнаго типа Wachler'a, не столько даже перечня, сколько послужнаго списка ученыхъ и историковъ, придерживавлась еще исторіографія Осокина, изданная въ 1888 г.), и тѣмъ значительнѣе заслуга Фютера и предъ предметомъ, и предъ читателемъ.

Читая Фютера, мы, дѣйствительно, все время не покидаемъ широкой сцены европейскихъ событій, ни разу не забираемся непрошенно и безрезультатно въ интимную детальную обстановку гелертера, всегда ощущаемъ точную и тонкую связь между жизнью и исторіей.

¹⁾ Таково было и построеніе исторіи литературы, а въ одной ея области, исторіи *средневѣковой* литературы, типъ *de viris illustribus* преспокойно дожилъ до нашего времени: см. не только Ebert'a, но и т. I (1912 г.) Manitius'a.

Эпоха гуманистовъ, кормившихся отъ щедротъ меценатовъ, создаетъ особую исторію красивую по формѣ, но легковѣсную въ научномъ и неприемлемую въ моральномъ отношеніи. Реформація, великій бунтъ противъ многихъ вѣковѣчныхъ, какъ будто исконныхъ, началъ, внесетъ вмѣстѣ съ полемическимъ задоромъ и критицизмъ, и обостренный, небывалый еще интересъ къ исторіи. Апеллировать къ исторіи, доказывать свою правоту ссылкой на прецеденты, на смыслъ прошлаго, стануть оба лагеря, и католическій, и протестантскій, и въ своей аргументаціи они стремятся заинтересовать широкаго, рядового читателя; вредная тенденціозность историческаго писательства этой эпохи какъ бы уравнивается этимъ цѣннымъ новоявленнымъ историзмомъ европейскаго общества. Но въ разгаръ же вѣроисповѣдной полемики обнаружился и крупный недостатокъ — бѣдность историческаго матеріала, и вотъ XVII в. съ неслыханной энергіей принимается за его накопленіе. Незабвенными трудами, главнымъ образомъ, католическихъ монашескихъ конгрегацій, не только создаются цѣлыя горы матеріала, но и кладется основаніе цѣлому ряду новыхъ наукъ, и прежде всего — самой исторіи: бывъ ранѣе отраслью лите атуры, она теперь, вслѣдствіе особыхъ критическихъ ме одовъ, становится *наукой*, системой знанія съ опредѣленной ученой традиціей. Получается даже какъ будто вредное переусердствованіе: изъ-за лѣса не видно дровъ, и прежній живой интересъ къ исторіи замѣтно падаетъ, скрывается въ тихіе ученые кабинеты; исторіи грозитъ просто сдѣлаться «слишкомъ» спеціальной, достояніемъ лишь цеховыхъ ученыхъ. Въ видѣ здоровой и непобѣдимой реакціи противъ подобнаго положенія выступаетъ блестящая фаланга писателей — «просвѣтителей» XVIII в.; они не только воскрешаютъ погаснувшій было интересъ, они дѣлаютъ его... первенствующимъ; исторія, по ихъ властному указанію, становится *главнѣйшимъ* знаніемъ: черпая изъ нея, и только изъ нея, возможно составить себѣ «раціональное», т.-е. разумное, единственно достойное человѣчества XVIII в. міровоззрѣніе, одинаково свободное какъ отъ невѣжественнаго незнанія, такъ и столь же невѣжественнаго лжезнанія. Исторія *должна* «просвѣщать», и этимъ, разумется, вносится опасный утилитарный оттѣнокъ; нерѣдко преобладаютъ и чисто-публицистическіе мотивы, и все же XVIII в. дѣлаетъ свое великое дѣло: создаются двѣ новыя замѣчательныя отрасли — исторія, такъ сказать, толковая, обнимающая именно тѣ проявленія человѣческаго духа (*esprit!*), оттѣнить которыя считаютъ особенно нужнымъ (изъ этого впослѣдствіи разовьется такъ называемая *исторія культуры*), и *истолкованіе* исторіи и ея хода, «философическая» исторія или «*философія исторіи*»...

Не менѣе наглядно и поучительно прослѣжено вліяніе в ли кой революціи, реакція 30-хъ и 48-хъ гг. и т. д.; повсюду несомнѣнная связь между исторической дѣйствительностью и историческимъ изображеніемъ проведена просто и убѣдительно, безъ всякой схематики, съ полной реальностью.

И вообще, нужно сказать, въ трудѣ Фютера безусловно преобладаетъ сторона положительная. Кромѣ большихъ собственныхъ знаній (особенно въ области гуманистической исторіографіи), у автора громадная начитанность, отъ многолѣтней спеціализаціи; даже его швейцарское происхожденіе представляетъ крупный плюсъ: занимая какъ бы нейтральное, интернаціональное положеніе, находясь въ

сторонѣ отъ романскихъ и германскихъ ученій и увлеченій, онъ съ необыкновенной объективностью можетъ судить объ исторіографическихъ національных божкахъ, находить несомнѣнныя пятна и на самыхъ признанныхъ солнцахъ, или, наоборотъ, воздать должное забытымъ или нарочито затертымъ. Признаться, на нѣмецкомъ языкѣ еще не приходилось читать столь убѣжденной и правдивой оцѣнки Фюстель-де-Куланжа, или столь рѣшительныхъ и отважныхъ поправокъ къ безусловному славословію Ранке, Зибеля и даже... самого Трейчке.

Пріятной особенностью является и, если не простое (вредить явная погоня за мѣткими словами), то всегда яркое изложеніе, тѣмъ болѣе что раньше фатальнымъ удѣломъ всякихъ исторіографій почему-то всегда была педантическая сухая рѣчь.

Есть, конечно, и значительные изъяны: недостатки въ архитектоникѣ (спеціальность автора, гуманисты, занимаютъ непропорціонально много мѣста), неравномѣрное распредѣленіе интереса (обдѣлена, напримѣръ, такъ называемая «либеральная» школа историковъ), отсутствіе нѣкоторыхъ, несомнѣнно, крупныхъ именъ, не всегда справедливая оцѣнка и т. п., но въ общемъ нельзя не сознаться, что этотъ *первый* опытъ *общевропейской* исторіографіи заслуживаетъ самаго широкаго интереса и распространенія.

Не менѣе благопріятной должна быть оцѣнка и второй новинки, опять-таки написанной швейцарскимъ ученымъ, Биллетеромъ. Его книга необычайно будитъ и стимулируетъ мысль: въ области оцѣнки греческой античности, т.-е. тамъ, гдѣ все какъ будто ясно и извѣдано, указывается, — притомъ просто и безпретенціозно, но тѣмъ болѣе неотразимо, — масса проблемъ, неясностей, скороспѣлыхъ, традиціонныхъ и противорѣчивыхъ сужденій.

Книга Биллетера — тоже исторіографія, но совершенно особаго, не встрѣчавшагося еще въ новѣйшей литературѣ, типа. Это — параллель знаменитому «Sic et non» («Да и нѣтъ») Абэляра. Какъ тогда цѣлью великаго схоласта было выставить спорность и противорѣчивость авторитетовъ по цѣлому ряду самыхъ основныхъ ученій и велѣній церкви и тѣмъ самымъ способствовать дальнѣйшему ихъ разсмотрѣнію, такъ нынѣ Биллетеръ заставляетъ профецировать предъ читателемъ всѣ главнѣйшія положенія догмы объ античности, снабжая ихъ точными выписками (и тоже противорѣчивыми!) изъ «авторитетовъ». Какъ твореніе Абэляра вызвало цѣлую бурю и на автора посыпались обвиненія въ явной неблагонадежности, такъ сходная судьба постигаетъ, повидимому, и начинаніе Биллетера: достаточно указать, что даже ученый такого широкаго почина, всегда взыскующій, признанный врагъ всякой предвзятости и самодовольнаго успокоенія, — О. Ф. Зелинскій, — не столько поддержаль, сколько суверенно отстранилъ (замѣтки въ «Русской Мысли», октябрь) предпріятіе молодого швейцарскаго «вопрошателя».

Книга Биллетера уже по внѣшности своей глубоко оригинальна: цѣнности ея какъ разъ въ *отсутствіи* того, что мы считаемъ безусловной принадлежностью всякой значительной работы, — именно, мы почти не видимъ самого автора, его аргументаціи, его индивидуальности; пять шестыхъ всей книги принадлежатъ не Биллетеру, а являются сплошными выписками изъ чужихъ работъ, сведенныхъ лишь авторомъ въ общую, иногда слишкомъ дробную, но, несомнѣнно, остроумную, систему. Цѣль автора — произвести *смотреть мнѣній*,

и, нужно сказать, этотъ ученый парадъ удался на славу: оказывается, что нѣтъ ни одного, не только крупнаго, но и второстепеннаго вопроса по исторіи античной Греціи, по которому мнѣнія признанныхъ авторитетовъ не расходились бы окончательно. Что одни считаютъ «счастьемъ» для Греціи, то другіе — прямымъ несчастьемъ; гдѣ одни видятъ преимущество, другіе усматриваютъ гибельность; когда одни (напримѣръ, Фюстель-де-Куланжъ) констатируютъ всепроникающую, глубокую религіозность, другіе (Ренанъ) отмѣчаютъ органическую иррелигіозность; гдѣ одни учатъ о согласованности, красотѣ, радости, — словомъ, о *гармоніи* греческаго міра во всѣхъ его проявленіяхъ, тамъ другіе, и не менѣе убѣдительно, указываютъ на вѣщую *дисгармонію* въ тѣхъ же областяхъ; что для однихъ «типично», то для другихъ — «исключеніе» и «случайность»... Словомъ, проблемъ, недоговорок, открытыхъ вопросовъ — безконечная вереница, и необычайное трудолюбіе, а также недюжинная начитанность Биллетера дали важный результатъ: ему воочію удалось доказать, что относительно античной Греціи, несмотря на двухтысячелѣтнюю (уже со времени римлянъ) разработку соотвѣствующихъ вопросовъ, еще не насталъ день седьмой, въ который можно опочить отъ дѣлъ.

Фютеръ своими *отвѣтами*, Биллетеръ своими *вопросами* одинаково ставятъ читателя въ замѣчательно плодотворную позицію, — заставляютъ его соприсутствовать и соучаствовать въ увлекательномъ дѣлѣ исторической творческой работы; въ *этомъ* смыслѣ обѣ западныя новинки являются новинками *крупными*.

Д. Егоровъ.

Проф. А. С. Мумокинъ. «Очерки по исторіи юридическаго положенія иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ». Одесса. 1912 г. 394 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

«Обозрѣвая все разнообразіе правъ иностранныхъ купцовъ въ данномъ государствѣ, мы можемъ изъ всей массы правъ извлечь такія, которыя ярче всего охарактеризуютъ иностранцевъ съ точки зрѣнія ихъ положенія людей торговыхъ». Такими словами опредѣляетъ авторъ разсматриваемой книги ея цѣль. Такая постановка вопроса, хотя и не вполне точна, но до нѣкоторой степени правильна. Дѣйствительно, если говорить о правахъ иностранныхъ купцовъ, то прежде всего необходимо выдѣлить только торговому иностранцу свойственныя особенности его правового положенія изъ тѣхъ отличныхъ отъ русскаго населенія правъ, которыми обладали всѣ вообще иностранцы, проживавшіе въ XVII в. въ Московскомъ государствѣ въ довольно значительномъ количествѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ такое опредѣленіе авторомъ своей задачи еще далеко не полно. Вѣдь по смыслу поставленной авторомъ задачи необходимо еще выяснитъ, каковы были особенности юридическаго положенія иностранныхъ купцовъ по сравненію съ купцами русскими. О необходимости такой постановки вопроса авторъ, повидимому, и не подумалъ, и поэтому въ своемъ изложеніи онъ всякій ограниченіе въ правѣ торговомъ, касавшіяся какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ купцовъ, считаетъ особенностью юридическаго положенія только купцовъ иноземныхъ, а это лишаетъ его выводы какой бы то ни было опредѣленности. Еще менѣе опредѣленными становятся выводы автора отъ того, что онъ, поставивъ рамки своего изслѣдованія, очень быстро о нихъ забываетъ и въ значительной части своей книги говоритъ попросту объ иноземцахъ и ихъ юридическомъ положеніи вообще, повторяя такимъ

образомъ то, что давно уже извѣстно, и исписывая цѣлые десятки страницъ фактами и выводами и ранѣе извѣстными и къ его темѣ не относящимися, а выдѣлить, собственно, купеческія права онъ зачастую даже и не пытается. Но распирая и этимъ совершенно обезцвѣчивая и обезцвѣчивая свою тему, авторъ въ то же время безъ всякихъ оговорокъ суживаетъ ее въ отношеніе объекта своего изслѣдованія. Изъ его книги мы рѣшительно ничего, буквально ни единого слова, не узнаемъ о томъ, что въ Московскомъ государствѣ были иноземные купцы и не изъ Западной Европы. Такъ что, если бы авторъ былъ точнѣе, ему и слѣдовало бы озаглавить свою работу аналогично той, которая и послужила фундаментомъ для его книги (Д. В. Цвѣтаевъ «Протестанты въ Россіи»), именно «Протестантскіе купцы въ Московскомъ государствѣ».

Авторъ говоритъ объ юридическомъ положеніи западно-европейскихъ купцовъ вообще, купцовъ всѣхъ національностей, нисколько не беспокоясь о томъ, возможна ли такая постановка вопроса. Думается, что такая постановка вопроса совершенно невозможна. Вѣдь какія бы гипотезы не приводилъ авторъ, но до Новоторговаго Устава, въ которомъ впервые рѣзко противопоставлены интересы московскихъ купцовъ интересамъ иноземнаго купечества вообще, права иноземныхъ купцовъ были чрезвычайно разнообразны въ зависимости отъ того, къ какой національности они принадлежали. Особыя привилегіи или стѣсненія въ торговлѣ иностранныхъ купцовъ зависѣли, помимо борьбы русскаго купечества съ иноземнымъ, отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ видную роль играли дипломатическія отношенія съ тѣмъ или инымъ государствомъ. Конечно, можетъ-быть, и до Новоторговаго Устава можно было бы найти нѣкоторые ограниченія или привилегіи, свойственныя всѣмъ иноземнымъ купцамъ (въ чемъ мы все-таки сомнѣваемся), но для этого прежде всего нужно было прослѣдить торговыя сношенія Московскаго государства съ каждой націей отдѣльно, выдѣлить элементы случайности, опредѣлить общія черты правового положенія и только тогда говорить объ общихъ нормахъ, опредѣлявшихъ положеніе всѣхъ иностранныхъ купцовъ. Авторъ пошелъ по иному пути. Онъ беретъ отдѣльные факты изъ юридическаго положенія купцовъ различныхъ національностей, составляетъ эти отрывочныя свѣдѣнія и строитъ на нихъ выводы.

Эти методологическіе недочеты приводятъ къ тому, что у автора мы не находимъ ни одного сколько-нибудь яснаго и опредѣленнаго отвѣта на поставленные имъ вопросы, и его выводы вносятъ только полную путаницу въ вопросъ о русской внѣшней торговлѣ. Но иногда историческая работа, несмотря на свои методологическіе недочеты, можетъ все-таки быть сколько-нибудь полезной: это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ пускаетъ въ оборотъ новый историческій матеріалъ, т.-е. широко пользуется мало доступнымъ архивнымъ матеріаломъ. Но и съ этой стороны книга г. Мулюкина рѣшительно ничего не даетъ. Вѣдь нельзя же серьезно считать вкладомъ въ науку три-четыре случайныхъ архивныхъ ссылки да 8, тоже случайно взятыхъ изъ богатаго фонда Архива Министерства Иностр. Дѣлъ, документовъ, напечатанныхъ въ Приложеніи. По существу архивный матеріалъ остался для автора почти неизвѣстнымъ.

Авторъ обнаружилъ и слабое знакомство съ литературой предмета (имѣемъ въ виду только литературу на *русскомъ* языкѣ). Даже съ тѣми книгами, на которыя онъ дѣлаетъ ссылки, знакомъ онъ поверхностно: на его изложеніе не оказала никакого вліянія статья Эирсова, на ко-

торуую онъ ссылается. Не смогъ онъ вполне опредѣленно усвоить и разницы между «заповѣдными» и «указными» товарами и т. д.

Мы не будемъ затруднять вниманіе читателей разборомъ всѣхъ главъ этой книги, остановимся только на одной изъ нихъ, характерной для способа составленія авторомъ своей книги. Неимѣющая никакого отношенія къ темѣ глава «Русская прислуга у иностранныхъ купцовъ» изложена г. Мулюкинымъ и менѣе обстоятельно и болѣе сбивчиво, чѣмъ соотвѣтственныя мѣста въ указанной выше книгѣ пр. Цвѣтаева («Протестанты въ Россіи», стр. 335—350). Въ ея фактическомъ содержаніи новаго почти ничего нѣтъ. Такъ, о привилегіяхъ англичанъ 1555 и 1567 гг. говорилъ еще Костомаровъ («Очеркъ торговли», стр. 242, 244); указъ 1628, не дошедшій до насъ, но вошедшій въ Уложение очень подробно, изложенъ у пр. Цвѣтаева (стр. 335); челобитье причтовъ 11 московскихъ приходовъ 1643 г. извѣстно изъ книги пр. Цвѣтаева (стр. 250—251), Соловьева («Ист. Рос.», кн. 2, стр. 1346); дѣло 1647 года о запрещеніи держать иноземцамъ у себя во дворахъ русскихъ людей, возникшее по челобитью патріарха Іосифа, гораздо полнѣе изложено у пр. Цвѣтаева (стр. 336), но г. Мулюкинъ считаетъ нужнымъ сдѣлать ссылку на архивъ; на стр. 119 конецъ этого же дѣла авторъ излагаетъ почти буквально словами пр. Цвѣтаева (ср. стр. 336), а ссылается опять-таки на архивный матеріалъ. Такой же характеръ носитъ архивная ссылка на стр. 126 (дѣло о разрѣшеніи нанимать иноземцамъ на Вологдѣ русскихъ работниковъ 1652 г.), гдѣ авторъ только нѣсколько иными словами излагаетъ то, что изложено у пр. Цвѣтаева (стр. 336—337). Остальной фактический матеріалъ этой главы взять, какъ это видно изъ ссылокъ самого автора (ср. 123, 124, 125 и сл.), г. Мулюкинымъ изъ книги пр. Цвѣтаева. Только два новыхъ факта сообщаетъ здѣсь авторъ: одинъ касается извѣстнаго запрещенія иностранцамъ вывозить съ собой за границу русскихъ людей, а другой—запрещенія 1628 г. Англійской компаніи держать у себя русскихъ работниковъ. Нельзя не замѣтить, что г. Мулюкинъ полагаетъ, что о дѣлахъ казанскихъ въ 1593 году челобитную Ѳеодору Ивановичу подаетъ *патріархъ* Гермогенъ (стр. 115).

Остальныя главы этой книги составлены по такому же способу. Для науки эта книга имѣетъ только отрицательное значеніе, ибо она служить прекраснымъ примѣромъ того, какъ не надо писать научной работы. Широкіе же круги читающей публики изъ знакомства съ этой книгой могутъ вынести только самое сбивчивое, а зачастую и невѣрное, представленіе и о виѣшней русской торговлѣ въ XVII вѣкѣ и о положеніи иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ. Гораздо лучше оба эти вопроса освѣщены, хотя и въ устарѣломъ въ настоящее время, но ясномъ и точномъ трудѣ Костомарова.

А. Гильгушевъ.

Вальденбергъ. «Государственныя идеи Крижанича». Спб. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Юрію Крижаничу не посчастливилось въ русской исторіографіи. До сихъ поръ крупная мысль историковъ проходила мимо него, и до послѣдняго времени мы не имѣли ни одного изслѣдованія о знаменитомъ хорватѣ. Мало того, даже біографія Крижанича не была съ точностью выяснена, и только капитальный трудъ г. Бѣлокурова пролилъ на нее нѣкоторый свѣтъ. Между тѣмъ изученіе Юрія Кр., несомнѣнно, во многомъ интересно. Не говоря уже о томъ, что его «Политичныя Думы» являются превосходнымъ первоисточникомъ для изученія внутренняго состоянія Россіи въ XVII вѣкѣ, они интересны и какъ политическій трактатъ, въ которомъ довольно своеобразно отразились его

теоретическіе взгляды и сужденіе. Въ своихъ «Думахъ» Крижаничъ и экономистъ, и историкъ, и политикъ, и государствовѣдъ, и социологъ, и во всѣхъ этихъ вопросахъ видна работа творческаго ума огромной силы,—ума, который на всѣ вопросы даетъ свой собственный отвѣтъ. Получивъ духовное, ультра-монтанское образованіе, Крижаничъ пополнилъ его посѣщеніемъ университетовъ, въ Вѣнѣ значительно расширившихъ его кругозоръ и давшихъ ему полную возможность выйти за предѣлы теологическаго міровоззрѣнія. «Политичны Думы» — прежде всего описаніе Россіи въ XVII вѣкѣ,—описаніе, преломленное сквозь призму опредѣленнаго политико-экономическаго міровоззрѣнія, и это послѣднее дѣлаетъ ихъ особенно цѣнными. Свои теоретическіе взгляды авторъ высказываетъ въ тѣхъ практическихъ совѣтахъ, которые онъ даетъ московскому правительству и безъ исполненія которыхъ, по мнѣнію автора, московское государство обречено на гибель.

Изучать Юрія Крижанича — очень трудно. Помимо того, что нужно быть хорошо знакомымъ съ тѣми политико-философскими вопросами, которые подымаетъ авторъ, нельзя обойтись безъ изученія хорватской и сербской литературы. Г. Вальденбергу, очевидно, послѣдняя совершенно незнакома, какъ осталась ему неизвѣстна и исторія Хорватіи въ XVII вѣкѣ, благодаря чему ему не удалось уловить сущность руководящихъ идей Юрія Крижанича.

Послѣдній вопросъ былъ неоднократно предметомъ изслѣдованія. Одни видѣли въ Криж. панславистскаго агитатора, другіе — агента католической церкви, сторонника уніи *par excellence*. Послѣднее съ неопровержимой ясностью доказано г. Бѣлокуровымъ, и всѣ попытки автора отстоять первое мнѣніе необфидительны и мало доказательны. Да и самъ авторъ склоненъ думать, что унитарная идея и славянофильство такъ тѣсно переплелись другъ съ другомъ, что одно безъ другого неотдѣлимо. Изучая руководящія идеи Кр., необходимо имѣть также въ виду и то, что Юр. Кр. приходилось занимать въ Москвѣ очень неудобную позицію и, чтобы удержаться на ней, нужно было балансировать то въ ту, то въ другую сторону, говорить не то, что думалъ, и льстить, хотя бы лезть и не просилась на языкъ. Умѣніе подойти къ московскому правительству со стороны Кр. несомнѣнно. Достаточно указать на его ловкую дипломатическую диверсію, его трактатъ *Putno opisanie od Moskwa do Lwowa*, предварительно посланный въ Москву, въ которомъ дается рядъ совѣтовъ относительно политики Москвы на Украинѣ и который далеко не объективно освѣщаетъ внутреннее состояніе на Украинѣ XVII в. Во всякомъ случаѣ «искренность» Крижанича находится подъ подозрѣніемъ, и это необходимо имѣть въ виду при изученіи его «панславистскихъ идей». Другой спорный вопросъ, можно ли составить полное представленіе о его теоретическихъ взглядахъ? Работа г. Вальденберга является лучшимъ отвѣтомъ на это. Авторъ собралъ и привелъ въ систему разбросанныя мысли Юрія Крижанича, такъ что въ общемъ получается полная картина его міровоззрѣнія. Но далеко не всѣ вопросы изслѣдованы полно. Философія исторіи, имѣющая огромное значеніе для его теоретическихъ взглядовъ, осталась безъ разсмотрѣнія, а между тѣмъ она во многомъ любопытна, и мѣстами напоминаетъ собою теорію Вико, которая, впрочемъ, совмѣщается здѣсь съ теоріей провиденціализма. Отъ философіи исторіи зависятъ и практическіе совѣты и теоретическія сужденія Юрія Крижанича.

Затѣмъ едва затронуты его экономическія идеи. О нихъ писалъ Брикнеръ, и др. и автору не мѣшало бы болѣе детально познако-

миться съ литературой вопроса. Осталось неразсмотрѣннымъ отношеніе Крижанича къ Польшѣ, а между тѣмъ для «искренности» Юрія Крижанича это послѣднее очень интересно. Не мало найдется пробѣловъ и въ другихъ частяхъ работы. И это отъ того, что, по нашему мнѣнію, авторъ подошелъ къ Крижаничу не такъ, какъ слѣдовало бы. Сначала было бы полезно изучить критически произведенія Крижанича, а потомъ уже начать теоретическое изученіе его идей.

В. Пичета.

Сочиненія С. О. Платонова. Статьи по русской исторіи (1883—1912). Спб. 1912 г. Ц. 3 руб.

Новое изданіе статей проф. Платонова, конечно, можно только привѣтствовать. Къ сожалѣнію, всѣ статьи переизданы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были впервые напечатаны, хотя бы даже послѣдующія изысканія и пошатнули точку зрѣнія самого автора. Преимущественно, послѣднее замѣчаніе приходится сдѣлать относительно его статьи «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», въ которой авторъ подымаетъ вопросъ принципиальной важности — объ ограниченіи царя Михаила Ѳеодоровича.

Отношеніе автора къ этому вопросу безусловно отрицательное. Современные данныя и извѣстія иностранцевъ слишкомъ недостаточны и недостоверны для положительнаго сужденія по данному вопросу. Этому выводу остался вѣренъ авторъ и во второмъ изданіи своихъ статей, несмотря на серьезные возраженія, сдѣланныя автору въ специальныхъ статьяхъ. Автору нельзя отказать въ мастерскомъ анализѣ памятниковъ, говорящихъ о записи, но въ то же время нельзя не считать его критику излишне подозрительной. Къ тому же авторомъ не приняты во вниманіе ни настроеніе служилаго люда во время смуты, ни политическая идеологія тушинскаго кружка, ставшаго впоследствии у власти, а послѣ взятія Москвы проводившаго кандидатуру Михаила Романова. Можетъ-быть, при этихъ условіяхъ выводы проф. Платонова не были столь категоричны. Вѣдь такіе авторитеты, какъ покойный В. О. Ключевскій и М. А. Дьяконовъ, держась иного мнѣнія по этому вопросу, очевидно, имѣли основанія, которые ускользнули отъ проф. Платонова. Еще больше возраженій вызываетъ статья «Священной памяти двѣнадцатаго года», появившаяся въ видѣ предисловія къ книгѣ, написанной г. Васенко (кстати сказать очень слабой, написанной безъ знакомства съ новымъ матеріаломъ и очень традиціонной по точкѣ зрѣнія). Если въ другихъ статьяхъ авторъ бывалъ очень остороженъ въ выводахъ, то здѣсь, наоборотъ, онъ слишкомъ поспѣшенъ въ нихъ, хотя бы дѣйствительное знакомство съ матеріаломъ говорило бы совсѣмъ другое. Нельзя не удивляться своеобразному взгляду проф. Платонова на причины войны. Авторъ много говоритъ о «непримиримости обоихъ государствъ», но въ чемъ она заключалась, проф. Платоновъ объ этомъ умалчалъ. Своеобразенъ также взглядъ на причину разрыва между Александромъ и Наполеономъ послѣ Тильзита. Недоразумѣніе между союзниками авторъ объясняетъ тѣмъ, «что тревожная жизнь тогдашней Европы давала слишкомъ много прямыхъ причинъ и поводовъ для недоразумѣнія и ссоръ между союзниками». Для выясненія поводовъ авторъ отсылаетъ къ первой главѣ книги Васенко, — главѣ, ничего не выясняющей и совершенно игнорирующей вопросъ континентальной системы, явившійся главной причиной разрыва и войны. Не вѣрно также указаніе проф. Платонова, напр., во время войны «сколь

ко-нибудь замѣтныхъ безпорядковъ не произошло». Да и участіе крестьянъ въ войнѣ было далеко не интенсивно и только стало замѣтнымъ послѣ взятія Москвы. Зато совершенно игнорировалъ вопросъ объ истинной природѣ какъ «дворянскаго» патриотизма, такъ и другихъ сословій. Во всякомъ случаѣ данную статью нельзя назвать научнымъ изслѣдованіемъ. Это рядъ сужденій проф. Платонова, — сужденій довольно смѣлыхъ, высказать которыхъ проф. Платоновъ едва ли рѣшился бы, если бы онъ и въ данномъ случаѣ оставался бы на почвѣ науки. Но во всякомъ случаѣ, послѣдняя статья — большой минусъ въ сборникѣ статей проф. Платонова.

В. Пичета.

Арс. Ляховъ. «Основные черты социальныхъ и экономическихъ отношеній въ Россіи въ эпоху императора Александра I». (Опытъ опредѣленія общаго абриса народно-хозяйственного цѣлаго). М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Въ небольшой книжкѣ (170 стр. небольшого формата) авторъ пытается объять совершенно необъятное для такого размѣра содержаніе. Кромѣ общаго введенія объ условіяхъ развитія народнаго хозяйства, онъ даетъ «географическую и популяціонистическую характеристику страны», говоритъ о «народно-хозяйственномъ наслѣдіи страны», вліяніи государства и права на ея экономическое развитіе, вліяніи сосѣдства, земледѣльческомъ и промышленномъ строѣ, общемъ характерѣ культуры эпохи, «отношеніи идей времени къ рабству», «отношеніи русской мысли эпохи къ существовавшему правовому и политическому укладу», о «самосознаніи эпохи», наконецъ о социальныхъ мечтахъ и думахъ народа. Это трудъ новичка въ наукѣ, который работаетъ не по источникамъ, а по пособиямъ, иногда даже не по основнымъ научнымъ трудамъ, а по составленнымъ на основаніи ихъ компиляціямъ. Авторъ прочелъ немало хорошихъ книгъ, но все же его знакомство съ литературой предмета далеко не полно.

Эта работа, очевидно, была сдѣлана съ цѣлью самообразованія, г.-е. не для того, чтобы дать популярную книжку для самообразованія, а съ цѣлью выяснить себѣ самому перечисленные вопросы относительно первой четверти XIX вѣка, и послѣ того, какъ эта цѣль была до известной степени достигнута, авторъ поступилъ бы всего правильнѣе, оставивъ свою рукопись въ письменномъ столѣ и принявшись за самостоятельную разработку по источникамъ одного изъ многихъ интересовавшихъ его вопросовъ. Авторъ самъ сознаетъ, что «кажется преждевременнымъ писать общій обзоръ всего народнохозяйственного организма Россіи въ этомъ періодѣ». Но ему *«хочется»*, собравъ тѣ уже многочисленныя черты и черточки, какія раскиданы по всѣмъ многочисленнымъ работамъ литературы... уловить и изложить тотъ обликъ, *который еще долженъ быть проверенъ по архивнымъ даннымъ*. Когда онъ утверждаетъ, что предлагаемый имъ путь — сначала группировка общихъ положеній и потомъ уже проверка ихъ по первоисточникамъ — «обычный путь научныхъ исканій, когда работой живой и часто отвлеченной логической мысли по уже добытымъ осколкамъ прошлаго, быть-можетъ, съ большимъ участіемъ творчества, создается абрисъ и ткется основа для будущихъ обстоятельныхъ трудовъ», — то онъ упускаетъ изъ виду, что такіе «абрисы», составленные при участіи «творчества», остаются для собственнаго употребленія, а не печатаются во всеобщее поученіе. Иначе можетъ случиться, что раздача «земель и крестьянъ» окажется прекращенною въ 1801 г. (стр. 68), тогда какъ прекращена была только раздача населенныхъ имѣній, а не ненаселенныхъ земель, иначе съ крайнимъ

преувеличеніемъ будетъ отмѣченъ «переходъ отъ оброка на барщину» (въ земледѣльческихъ губерніяхъ) (стр. 91), тогда какъ уже во второй половинѣ XVIII в. въ этихъ губерніяхъ барщина преобладала (въ семи губерніяхъ Великороссіи 74⁰/₁₀₀ крестьянъ на барщинѣ и 26⁰/₁₀₀ на оброкѣ), иначе будутъ въ преувеличенномъ видѣ представляться заслуги нѣкоторыхъ ученыхъ, весьма мало поработавшихъ въ данной области.

Не можемъ отрицать добрыхъ намѣреній автора, но посовѣтуемъ ему заняться болѣе специальнымъ трудомъ, если онъ мечтаетъ оставить нѣкоторый слѣдъ въ наукѣ: указывать пути другимъ ему еще нѣсколько рано. Посовѣтуемъ также писать, избѣгая такихъ выраженій, какъ «катящійся комъ денежнаго воздѣйствія» (86, 87), «научныя *генерализованныя* понятія», а также и повнимательнѣе слѣдить за корректурой, чтобы не оказалось, что въ 1825 г. вѣдѣнный долгъ Россіи исчислялся *миллиардами* (стр. 53).

В. Семевскій.

К. І. Зайцевъ. «Очерки исторіи самоуправленія государственныхъ крестьянъ». Труды студентовъ экономическаго отдѣленія С.-Петербургскаго Политехническаго Института имп. Петра В. № 6. Спб. 1912.

Г. Зайцевъ въ своихъ очеркахъ разсматриваетъ самоуправленіе государственныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II и въ первую половину XIX в. Для времени имп. Николая I онъ пользовался и неизданными матеріалами архива Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Къ сожалѣнію, онъ плохо освѣдомленъ въ научной литературѣ, посвященной предшествующимъ эпохамъ, и потому дѣлаетъ строгіе выговоры своимъ предшественникамъ, которыхъ бы онъ не сдѣлалъ, если бы былъ болѣе начитанъ. Такъ, напр., ему кажется неправильнымъ отождествленіе волости и погоста въ Сѣверной Россіи: «голословно отождествлять погостъ съ волостью нельзя, это нужно доказать», поучаетъ г. Зайцевъ. Однако на такое отождествленіе для данной части Россіи даютъ полное право наказы чернососныхъ (государственныхъ) крестьянъ Сѣверной Россіи ихъ депутатамъ въ комиссію сочиненія новаго Уложенія, напечатанные въ 123 т. «Сборн. Имп. Истор. Общества» и автору извѣстные. Но если ему не удалось сдѣлать этотъ выводъ изъ чтенія крестьянскихъ наказовъ, то онъ могъ бы найти его готовымъ въ извѣстномъ трудѣ проф. М. М. Богословскаго «Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.», первый томъ котораго напечатанъ въ 1909 г. и съ которымъ авторъ имѣлъ возможность познакомиться, такъ какъ писалъ свою работу въ 1909 — 10 г., а дополнялъ ее еще позднѣе. И вотъ что говоритъ г. Богословскій: «Названіе мелкихъ областныхъ единицъ, изъ которыхъ составлялись уѣзды, очень различны; но среди нихъ наиболѣе частыми и обыкновенными являются три: погостъ, станъ и волость, при чемъ можно замѣтить преобладаніе каждаго изъ названій по различнымъ уѣздамъ... Всѣ эти дѣленія представляютъ изъ себя группы поселковъ, связанныхъ церковнымъ, хозяйственнымъ и административнымъ единствомъ и совершенно одинаковыя по своему значенію» (стр. 28). Въ книгѣ проф. Богословскаго г. Зайцевъ могъ бы найти много свѣдѣній о волостяхъ. Можетъ-быть, послѣ этого онъ не будетъ удивляться, что одинъ изъ изслѣдователей исторіи крестьянъ на сѣверѣ Россіи во второй половинѣ XVIII в. «говоритъ о волости, какъ о чемъ-то само собой разумѣющемся» (стр. 19).

Если авторъ такъ строгъ къ своимъ современникамъ, которые могутъ за себя постоять, то нечего удивляться, что онъ очень строгъ и къ главному дѣятелю въ устроеніи быта государственныхъ крестьянъ въ

царствованіе Николая I — П. Д. Киселеву. Но нельзя мѣрять историческихъ дѣятелей съ точки зрѣнія современныхъ намъ взглядовъ, а слѣдуетъ брать ихъ въ томъ современномъ имъ окруженіи, при которомъ имъ приходилось работать. Уже одно горячее желаніе Киселева содѣйствовать серьезному улучшенію положенія крѣпостныхъ крестьянъ, его борьба съ стремленіемъ лишить ихъ земли и освободить по остзейскому образцу, представителемъ котораго явился кн. Меншиковъ, заслуживаетъ великой признательности. Что же касается его дѣятельности относительно государственныхъ крестьянъ, то очень важно было уже то, что ему удалось прекратить, какъ это извѣстно г. Зайцеву, обращеніе ихъ цѣлыми сотнями тысячъ душъ въ удѣльные въ обмѣнъ на соотвѣтственное число государственныхъ крестьянъ, что вызывало среди нихъ волненія. Напрасно относительно Киселева авторъ довѣряетъ показаніямъ М. А. Корфа, который въ своей запискѣ о секретныхъ комитетахъ при Николаѣ I по крестьянскому дѣлу цинично рассказываетъ, какъ радовался онъ вмѣстѣ съ другими членами комитета, если удавалось свести на-нѣтъ предполагаемыя мѣры на пользу крѣпостныхъ. Учителемъ Киселева былъ Пестель, съ которымъ онъ бесѣдовалъ объ его «Русской Правдѣ» и отъ котораго онъ, вѣроятно, и почерпнулъ свою вражду къ стремленіямъ обезземелить помѣщичьихъ крестьянъ и свое пониманіе положительныхъ сторонъ общиннаго землевладѣнія. Авторъ самъ отмѣчаетъ (стр. 104), что Киселевъ считалъ государственныхъ крестьянъ людьми свободными и добивался того, чтобы была издана грамота, подтверждающая ихъ вольности. Если это ему не удалось въ виду нежеланія имп. Николая исполнить это, то нельзя обвинить въ томъ Киселева. Напрасно автора «не интересуется», улучшилось ли попеченіемъ Киселева матеріальное положеніе крестьянъ (стр. 104 — 105), и тутъ опять нельзя на слово вѣрить Корфу (*Заблудный-Десятовскій*, гр. Киселевъ, II, 155 — 156). Напрасно авторъ не считается и съ тѣмъ, какъ много сдѣлалъ Киселевъ для улучшенія положенія государственныхъ крестьянъ въ Западной Россіи.

Я считаю Киселева единственнымъ талантливымъ государственнымъ дѣятелемъ времени имп. Николая I и, несмотря на возможные во всякомъ общественномъ служеніи ошибки, заслуживающимъ болѣе бережнаго отношенія къ его памяти.

Несмотря на несогласіе мое во взглядахъ съ авторомъ разбираемой книги, я вовсе не желаю отрицать его способностей къ научной работѣ. Онъ можетъ быть полезнымъ работникомъ въ области изученія исторіи крестьянъ, особенно если будетъ стремиться не столько выискивать мнимыя ошибки другихъ изслѣдователей, сколько избѣгать своихъ собственныхъ.

В. Семевскій.

Шуазель - Гуффье. «Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ», переводъ З. Мировичъ съ вступительной статьей А. А. Кизеветтера. М. 1912 г. Книгоиздательство Н. О. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к.

Мемуары гр. Шуазель-Гуффье, изданные впервые на французскомъ языкѣ въ 1829 г. и теперь появляющіеся въ полномъ русскомъ переводѣ, пользуются уже давно широкой и вполне заслуженной извѣстностью. Къ нимъ неизбѣжно долженъ былъ обращаться каждый, кто занимался эпохой Александра I, кто стремился дать исчерпывающую характеристику личности Александра, особенно въ связи съ событіями 1812 г. Конечно, въ этихъ разсказахъ читатель не встрѣтитъ вполне объективнаго отношенія къ центральной фигурѣ воспоминаній императору Александру I,

но это уже общая черта всѣхъ мемуаровъ, на которыхъ всегда лежитъ рѣзко выраженный отпечатокъ субъективизма. Однако подъ перомъ гр. Шуазель эта черта принимаетъ какіе-то гипертрофированные размѣры и все, что говорится въ ея мемуарахъ объ Александрѣ I, объявлено какимъ-то восторженнымъ отношеніемъ и даже прямо чувствомъ безграничнаго обожанія. «Факты говорятъ сами за себя,—читаемъ въ предисловіи къ французскому подлиннику,—и тѣ, которые связаны со славнымъ именемъ этого государя, имѣютъ такую притягательную силу, что для правдиваго ихъ изображенія достаточно выразить чувство благодарнаго сердца». Въ личности императора Александра, какъ она охарактеризована въ мемуарахъ, нѣтъ ни одной отрицательной черты, — даже нѣкоторыя его слабости, о которыхъ упоминаетъ гр. Шуазель, подъ ея перомъ находятъ себѣ оправданіе, и она ихъ сглаживаетъ своей нѣжной и любящей рукой. Если Сперанскій называлъ Александра «сущимъ прельстителемъ», то мемуары гр. Шуазель даютъ безконечное количество фактовъ для подтвержденія этой характеристики. Мягкій, вкрадчивый, любезный, удивительно тонкій въ обращеніи, особенно съ дамами, умѣющий всѣхъ подчинять своему вліянію и внушить собесѣднику чувство безграничнаго къ себѣ довѣрія,—вотъ каковъ обликъ императора Александра на страницахъ этихъ любопытныхъ мемуаровъ. «Въ его тонѣ и манерахъ проявлялось безчисленное количество различныхъ оттѣнковъ,—говоритъ гр. Шуазель.—Если онъ обращался къ лицамъ высокаго положенія, тонъ его былъ полонъ достоинства и въ то же время привѣтливъ. Къ лицамъ своей свиты онъ обращался съ почти фамиллярной добротой; къ пожилымъ дамамъ съ почтеніемъ; къ молодымъ особамъ — съ безграничной граціей, съ тонкимъ чарующимъ взглядомъ, полными выраженія». Подобнаго рода панегиристическимъ тономъ проникнуты всѣ рассказы гр. Шуазель-Гуффье, что даетъ полное основаніе охарактеризовать эту книгу вслѣдъ за редакторомъ ея русскаго перевода двумя словами: «Александръ — прельститель».

Основнымъ фономъ всего повѣствованія являются отношенія императора Александра къ польскому великосвѣтскому обществу въ 1812 г. Вообще отечественной войнѣ отведено наибольшее вниманіе въ мемуарахъ графини Шуазель. Много интересныхъ подробностей даютъ эти рассказы, и если отбросить субъективность освѣщенія, то фактическая сторона данной книги можетъ оказать значительную помощь въ дѣлѣ выясненія нѣкоторыхъ моментовъ изъ эпохи Александра I. Немало интересныхъ деталей можно встрѣтить въ мемуарахъ и для характеристики личной жизни императора и людей къ нему близкихъ. Но эти окружающія императора лица стоятъ на заднемъ планѣ и своимъ появленіемъ только оттѣняютъ обворожительную фигуру того, кого гр. Шуазель называетъ «ангеломъ, составляющимъ счастье всѣхъ окружающихъ». Теперь, когда особенно повышено вниманіе къ личности императора Александра и къ его эпохѣ, мемуары прочтутся съ большимъ интересомъ. Но надо помнить всегда при ихъ чтеніи, что многія событія изображены въ нихъ далеко не такъ, какъ это освѣщается современной исторической наукой. Такъ, напр., гр. Шуазель совершенно отрицаетъ участіе Александра въ переворотѣ 11 марта 1801 г. и влагаетъ въ его уста слова, обращенныя къ участникамъ заговора: «Чудовища!.. я никогда не приму короны, залитой кровью моего отца». Она не допускаетъ мысли о томъ, что у Александра могло быть стремленіе въ первые годы своего царствованія осуществить политическую реформу. «Александръ былъ слишкомъ разуменъ и уменъ,—по ея словамъ,—чтобъ не видѣть, что Россія представляла собой, — если можно сдѣлать это сравненіе, —

слишкомъ молодое дерево, чтобы прививать ему новыя учрежденія. Онъ многого ожидалъ отъ будущаго, отъ своей собственной неуспѣшной дѣятельности, и въ особенности отъ времени, которое одно могло совершить и укрѣпить великую реформу въ образѣ правленія».

Обрисовывая самыми мрачными красками личность Наполеона и его роль въ войнѣ 1812 г., гр. Шуазель противопоставляетъ Наполеону Александра и такъ характеризуетъ его настроеніе послѣ разгрома великой арміи: «Я не раздѣляю счастливую философію Наполеона, и эта несчастная компанія стоила мнѣ десятка лѣтъ жизни». Государь называлъ кампанію несчастной! Но вѣдь онъ былъ побѣдителемъ! Онъ торжествовалъ! Но это великодушное сердце не могло радоваться своимъ успѣхамъ при видѣ страданій всего человѣчества». Отмѣчая храбрость и даже военную геніальность Александра, авторъ мемуаровъ приводитъ довольно интересныя данныя объ отношеніи къ русскому императору французскаго общественнаго мнѣнія послѣ взятія Парижа союзными войсками. Въ честь Александра слагались пѣсни, въ которыхъ его сравнивали съ Генрихомъ IV; къ нему обращались многіе изъ парижскихъ жителей «по поводу своихъ семейныхъ несогласій».

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, въ какомъ разрѣзѣ изображены въ мемуарахъ факты и событія царствованія Александра I, но, несмотря на предвзятую точку зрѣнія и нѣсколько приподнятый, а подчасъ даже восторженный тонъ, эти мемуары являются довольно цѣннымъ историческимъ источникомъ.

В. Бочкаревъ.

С. В. Рождественскій. «Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ». Томъ первый. Спб. 1912 г., 679 + 48 стр. Цѣна 3 р. 50 коп.

Изученіе прошлаго нашихъ школъ и просвѣщенія вообще за послѣдніе годы замѣтно двинулось впередъ. Особенно счастливымъ въ этомъ отношеніи оказался восемнадцатый вѣкъ, преимущественно его вторая половина. Первая половина XVIII стол. уже давно нашла спеціальнаго изслѣдователя въ лицѣ проф. Владимирскаго-Буданова, еще въ 1874 г. издавшаго свою монографію «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка». Теперь особый научный интересъ привлекла къ себѣ эпоха Екатерины II. Интересъ этотъ обнаруживается прежде всего въ стремленіи разыскать новыя матеріалы, извлечь изъ архивовъ неизвѣстные документы. И если раньше мы располагали болѣе или менѣе удачно и прозорливо построенными схемами (напр., въ извѣстныхъ «Очеркахъ» П. Н. Милюкова), то теперь можетъ идти рѣчь о болѣе детальномъ и конкретномъ изученіи эпохи. Часто случайно найденный документъ даетъ возможность рисовать новыя перспективы. Примѣръ г. Кизеветера въ этомъ отношеніи достаточно поучителенъ. Ему удалось найти донесеніе архангелогородскаго посада въ учрежденную въ 1760 г. при Высочайшемъ дворѣ «комиссію о коммерціи». Интересенъ въ этомъ донесеніи голосъ мѣстнаго купечества, сѣтующій на отсутствіе у насъ коммерческаго образованія, отчего страдаютъ интересы русскаго купца, часто безграмотнаго, совсѣмъ неосвѣдомленнаго ни въ ариѳметикѣ, ни въ бухгалтеріи, ни въ географіи, ни, тѣмъ болѣе, въ законахъ, почему и «звергающагося часто въ яму банкротства». Но еще цѣннѣе въ этомъ донесеніи проектъ «учрежденія гражданской гимназіи въ г. Архангельскѣ», составленный передовымъ гражданиномъ Василемъ Крестининымъ. Здѣсь высказываются смѣлыя мысли, показывающія, на какую обще-

ственно-педагогическую высоту могли подняться пожеланія лучшихъ людей того времени. Идеалы Крестинина таковы: «Необходимость общеобразовательныхъ предметовъ въ профессиональной школѣ, предпочтеніе воспитательнаго воздѣйствія убѣжденіемъ и примѣромъ передъ системою наказаній, важное значеніе внѣкласснаго чтенія на ряду съ класснымъ обученіемъ, бесплатность обученія, доступность школы для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста или всеобщность обученія, установленіе тѣсной связи школы, какъ культурнаго центра, съ мѣстной общественной жизнью и широкое участіе общества во внутренней жизни школы, надѣленіе педагогическаго персонала самостоятельной инициативой въ установленіи порядка и пріемовъ преподаванія, видоизмѣненіе школьнаго устава примѣнительно къ даннымъ условіямъ»¹⁾. Такъ мыслить Крестининъ въ 1760 году, за полтора ста лѣтъ предвосхищая многое изъ того, что не осуществлено и въ наши дни.

А какова была практика школьнаго дѣла въ восьмидесятыхъ годахъ, когда у насъ уже стали возникать школы по австрійской системѣ, наглядно показываетъ другая работа г. Эйнгорна «Московское главное народное училище къ концѣ XVIII вѣка» («Журналъ Мин. Нар. Пр.», 1910 г.). По архивнымъ матеріаламъ авторъ прослѣдилъ бытовую жизнь этого разсадника просвѣщенія, показалъ, какъ убогъ былъ умственный, а часто и нравственный уровень первыхъ учениковъ училища, будущихъ учителей въ народныхъ школахъ: сюда поступалъ худшій элементъ изъ семинарій — мало способные и исключенные ученики. Понятно, что такъ медленно шло подготовленіе къ педагогической дѣятельности этихъ лицъ и какъ враждебно могли быть встрѣчены такіе учителя на мѣстахъ.

Монографія г. Майкова, посвященная Бецкому, также заключаетъ въ себѣ много свѣжаго архивнаго матеріала. Читатель детально узнастъ здѣсь, въ какой атмосферѣ нарастали реформаторскіе школьные планы императрицы и ея сотрудниковъ и какъ они реализовались въ жизни. Имя Бецкаго такъ неотдѣлимо сплелось съ жизнью этихъ закрытыхъ школъ, что его біографія есть вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ исторія.

Теперь появился новый трудъ г. Рождественскаго, долженствующій прежде всего суммировать ранѣе добытыя свѣдѣнія. Но авторъ взглянулъ на свою задачу шире.

Онъ постарался предварительно разыскать въ архивахъ государственномъ, Государственнаго Совѣта, Св. Синода и Министерства Народнаго Просвѣщенія цѣлый рядъ неопубликованныхъ еще документовъ, состоящихъ, главнымъ образомъ, изъ плановъ и проектовъ учебныхъ реформъ, какъ воплотившихся въ дѣйствующее законодательство, такъ и совсѣмъ неосуществленныхъ и вскорѣ забытыхъ. Эти документы, изданные отдѣльно²⁾, сами по себѣ представляютъ большую цѣнность для лицъ, изучающихъ исторію нашего школьнаго дѣла. По нимъ мы можемъ легко судить, каковы были просвѣтительные идеалы представителей господствующихъ классовъ, какая между послѣдними порой возникала борьба; можемъ знать, какое было соотвѣтствіе между пожеланіями общества и реформаціонными начинаніями правительства. Во всѣхъ этихъ проектахъ видимъ первые робкіе шаги въ проявленіи общественной инициативы.

¹⁾ А. Кизеветтеръ. «Школьные вопросы нашего времени въ документахъ XVIII вѣка». (Историческіе очерки, стр. 118).

²⁾ Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ. Составилъ С. В. Рождественскій при участіи В. Соломина и П. Тодорскаго. Спб. (Записки историко-филологическаго факультета Имп. С.-Петербургскаго университета. Часть XCVI. Вып. I).

Разсмотрѣнію этихъ проектовъ учебныхъ реформъ до учрежденія комиссіи о народныхъ училищахъ г. Рождественскій и посвящаетъ центральную часть своего изслѣдованія. Онъ критически-объективно всматривается какъ въ исторію проектовъ 1760—70-хъ годовъ, такъ и въ самые принципы новой системы просвѣщенія; разбираетъ далѣе типы и систему общеобразовательныхъ и профессиональныхъ школъ и выясняетъ условія осуществленія предполагаемыхъ новыхъ системъ. Читатель можетъ быть вполне удовлетворенъ этимъ обстоятельнымъ критическимъ очеркомъ: выводы автора всегда документально обоснованы, и въ тяжеловѣсныхъ, правда, разсужденіяхъ его читатель найдетъ достовѣрную историческую дѣйствительность.

Въ первой части труда авторъ разсматриваетъ вопросы народнаго просвѣщенія, какъ они ставились въ первой половинѣ XVIII вѣка. Если правительство ставило и рѣшало эти вопросы узко-профессионально, то, наоборотъ, въ публицистикѣ того времени они намѣчались шире, и опять любопытно прослѣдить взаимоотношеніе взглядовъ правительства и общества. Та же разница во взглядахъ сказалась и при учрежденіи перваго университета.

Въ послѣднемъ очеркѣ идетъ рѣчь о возникновеніи «комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ» и ея дѣятельности. Авторъ поступилъ совершенно правильно, показавъ своему читателю, какова была въ цѣльномъ своемъ построеніи австрійская система народныхъ училищъ, и какъ она была извращена у насъ. На Западѣ былъ въ первую очередь поставленъ вопросъ о матеріальномъ обеспеченіи училищъ и нормальной подготовкѣ учителей; у насъ же эти вопросы разрѣшались неестественно-странно, чѣмъ тормозилось проведеніе самой реформы. Авторъ приводитъ много характерныхъ данныхъ, какъ распространяли у насъ новыя школы, какъ онѣ встрѣчались мѣстнымъ населеніемъ и какія мѣры принимались правительствомъ, чтобы придать новой учебной системѣ строгое единообразіе.

Трудъ г. Рождественскаго весьма содержателенъ и объективенъ. Но нужно сказать, что читается онъ очень нелегко. Всяческія длинноты и обширныя извлеченія изъ источниковъ утомляютъ вниманіе, за деталями часто ускользаетъ главный планъ труда и основные выводы автора.

И. Соловьевъ.

В. Всеволодскій (Гернгроссъ). «Театръ въ Россіи въ эпоху отечественной войны». СПБ. 1912 г. Ц. 3 р. 75 к.

Наша литература о театрѣ такъ невелика, что каждое новое изслѣдованіе въ этой области невольно встрѣчается съ живѣйшимъ сочувствіемъ и интересомъ. Но истекшій годъ всѣмъ занимающимся исторіей русскаго театра и слѣдящимъ за ея научной разработкой доставилъ только одни непріятныя разочарованія. Послѣ совершенно уже ничтожной книги Э. фонъ Берга («Русская комедія до появленія Островскаго»), имѣющей нѣкоторое значеніе лишь по приложенному «Списку авторовъ и комедій», далеко, впрочемъ, неполному, появилась книга г. Всеволодскаго. Съ внѣшней стороны она издана безупречно: бумага, шрифтъ, форматъ, прекрасныя иллюстраціи, — все это не позволяетъ желать ничего лучшаго. Но, къ сожалѣнію, содержаніе книги стоитъ въ полномъ контрастѣ съ ея внѣшнимъ обликомъ. Прочитавши книгу г. Всеволодскаго, остаешься въ совершенномъ недоумѣніи относительно того, какія задачи преслѣдовалъ авторъ и какихъ читателей имѣлъ онъ въ

виду. Назвать «Театръ въ Россіи въ эпоху отечественной войны» научнымъ изслѣдованіемъ нельзя, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни новаго матеріала, ни новой постановки вопроса, нѣтъ, наконецъ, даже ни критическаго взгляда ни строго логическаго развитія мысли. Правда, авторъ немало поработалъ по первоисточникамъ и извлекъ нѣкоторыя неизвѣстныя еще данныя по исторіи театра изъ старыхъ газетъ, журналовъ, мемуаровъ и т. п. Но эти новыя данныя, не крупныя сами по себѣ и не снабженныя необходимыми комментаріями автора, а просто втиснутыя, какъ случайные факты, въ повѣствованіе, тонутъ среди хорошо и издавна уже извѣстнаго матеріала, которымъ не разъ пользовались историки театра. Поэтому, читая отдѣльныя главы книги г. Всеволодскаго, прежде всего вспоминаешь болѣе раннія статьи и изслѣдованія по тѣмъ же вопросамъ. Такъ, глава «Развлеченія и зрѣлища» невольно вызываетъ въ памяти многія страницы изъ «Старогаго Петербурга», «Старой Москвы» и «Старогаго житія» Пыляева; глава «Русскій драматическій театръ» — статьи о кн. Шаховскомъ Зотова («Реперт. и пант.», 1842, № 5), Гаршина («Ист. Вѣстн.», 1883, № 7), Ярцева («Ежегод. Имп. теат.», 1894—95), Б—ова («Русск. Вѣстн.», 1896, № 1), Сиротинина («Русск. Арх.», 1896, № 4), Смирновскаго («Исторія русск. литературы XIX в.», 1902), Варнеке («Ист. русск. театра», 1910); глава «Жоржъ Веймеръ» — статью «Актриса Жоржъ въ Россіи» Военскаго («Ист. Вѣстн.», 1901, № 11); глава «Провинціальный театръ» — «Полубарскія затѣи» Пыляева («Старое житіе»), и отчасти «Любительскій театръ» Дризена («Матеріалы къ исторіи русскаго театра»), главы «Московскій театръ» и «Французскій театръ» — статьи Пыляева «Нашъ театръ въ эпоху отечественной войны» («Старое житіе») и Бродскаго «Театръ и драма въ отечественную войну» («Отечественная война и русское общество», т. V). Въ сравненіи со всей этой предыдущей литературой книга г. Всеволодскаго даетъ такъ мало новаго, что ради него, пожалуй, и не стоило бы тратить время и трудъ на самостоятельное сочиненіе, тѣмъ болѣе, что оно не даетъ общей картины театра за время 1807 — 1814 гг., а представляетъ собой рядъ довольно случайныхъ характеристикъ различныхъ театральныхъ дѣятелей и явленій той эпохи.

Не входя въ детальный разборъ книги г. Всеволодскаго, ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями. Книга носитъ названіе «Театръ въ эпоху отечественной войны», въ ней есть глава «Русскій драматическій театръ», въ предисловіи авторъ рамками своего изслѣдованія ставитъ 1807 — 1814 гг. Почему же въ такомъ случаѣ онъ почти совершенно не коснулся той театральной литературы, которая именно и была вызвана какъ предшествующими войнами съ Наполеономъ, такъ и отечественною войною? Этотъ вопросъ, затронутый Пыляевымъ, на основаніи новаго матеріала болѣе тщательно разработанный Бродскимъ, еще далекъ отъ окончательнаго рѣшенія. Несомнѣнно, что война служила сильнымъ импульсомъ для появленія новыхъ театральныхъ пьесъ: объ этомъ свидѣлствуютъ и многочисленныя драмы, комедіи, комическіе оперы и балеты на современные темы, и неизвѣстны доселѣ имена новыхъ авторовъ среди обычныхъ писателей-театраловъ (напр., Иванъ Крюковъ, Федоръ Вертеръ), и участіе въ этомъ откликѣ провинціи (Орла, Казани), тогда какъ раньше почти вся литературная дѣятельность ограничивалась преимущественно Петербургомъ и Москвой. Но какую роль играла эта новая литература на театральной сценѣ, мы пока точно не знаемъ. Принято обычно приводить восторженные отзывы современниковъ объ этихъ пьесахъ, свидѣтельствующіе о необыкновенномъ успѣхѣ, но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Свидѣтельства современниковъ, какъ бы искренни

они ни были, всегда слишком субъективны и односторонни. Какъ примирить съ ними хотя бы тотъ фактъ, что «Дмитрій Донской» и «Пожарскій», самыя популярныя пьесы того времени, идутъ въ Москвѣ въ 1812 году первая только 5 разъ, а вторая—4. А если брать данныя за первую четверть XIX вѣка, опять-таки для Москвы, то на 39 постановокъ «Дмитрія Донского» и 35 «Пожарскаго» мы насчитаемъ 38 постановокъ «Отелло», 31 «Танкреда» и 30 «Эдипа въ Афинахъ». Если же обратиться къ комедіямъ и комическимъ операмъ, то увидимъ, что такая ничтожная комедія, какъ «Подложный кладъ» идетъ 56 разъ, «Слуга двухъ господъ» 45, комическія оперы «Дѣвишникъ» 60, «Ямъ» 48, а «Днѣпровская русалка» 194. Но на этотъ, какъ равно и на многіе другіе вопросы, связанные съ театральными пьесами эпохи отечественной войны, мы не найдемъ у г. Всеволодскаго никакого отвѣта. Онъ въ своей книгѣ обошелъ самый интересный и яркій фактъ въ исторіи русскаго театра за 1807—1814 гг., а заглавіе книги поставилъ въ полное противорѣчіе съ ея содержаніемъ. Во введеніи г. Всеволодскій говоритъ, что «именно бытовая сторона театра въ Россіи въ 12 году и интересна». Мысль совершенно вѣрная, если только «12 годъ» замѣнить періодомъ болѣе продолжительнымъ—первою четвертью XIX вѣка, такъ какъ съ бытовой стороны 12 годъ ничѣмъ не выдѣляется отъ ряда предшествующихъ и послѣдующихъ годовъ, особенно, если самъ г. Всеволодскій не внесъ въ свою книгу наиболѣе крупныя отраженія 12 года въ видѣ патріотическихъ пьесъ. Вѣдь разгромъ русскаго театра и французскій театръ въ Москвѣ во время пребыванія въ ней французовъ нельзя же считать за типичныя бытовые черты въ исторіи русскаго театра того времени—это не болѣе, какъ чисто случайные факты. Но «именно» бытовая исторія театра въ книгѣ г. Всеволодскаго мы и не видимъ. Въ очеркахъ г. Всеволодскаго не чувствуется ровно никакого критическаго отношенія къ передаваемымъ имъ фактамъ; они не объединены никакою руководящею мыслью автора; они механически передаются въ хронологической послѣдовательности и факты важные съ бытовой стороны перемѣшаны съ фактами чисто случайными. Напримѣръ, г. Всеволодскій рассказываетъ о занятіяхъ кн. Шаховскаго и Гнѣдича съ актрисой Семеновой. Съ бытовой стороны изъ этого ровно еще ничего не слѣдуетъ. Но если бы г. Всеволодскій, кромѣ того, упомянулъ о занятіяхъ Катенина съ Каратыгинымъ и Колосовой, Аксакова съ Мочаловымъ и т. п., то мы имѣли бы тогда интересную бытовую черту. А ихъ можно было бы установить немало, такъ какъ alexandrovская эпоха въ жизни русскаго театра является очень стройнымъ законченнымъ цѣлымъ.

Наконецъ надо упомянуть еще и о крайне фантастическихъ заявленіяхъ автора о какой-то побѣдѣ въ 12 году русскаго искусства надъ иноземнымъ. Курьезнѣе всего то, что примѣры, приводимые авторомъ, доказываютъ какъ разъ противное. На стр. 121 г., напр., Всеволодскій рѣшительно говоритъ о побѣдѣ національнаго элемента въ области трагедіи и оперы, а доказательствомъ этого служить извѣстная актриса Семенова, «погибшая отъ вліянія пагубнаго примѣра ложной metody, пагубной декламации г-жи Жоржъ и разныхъ учителей»... (стр. 92) или итальянецъ Кавосъ, написавшій музыку къ разнымъ комическимъ операмъ, и «вдохновлявшійся то Моцартомъ, то Керубини, то Спонтини, то Мегюлемъ, то Чимарозой и Фіорованти» (стр. 113).

Книга г. Всеволодскаго, какъ можно видѣть изъ сказаннаго выше, не выдерживаетъ никакой серьезной критики въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдованія. Но было бы нѣсколько рискованно рекомендовать ее и какъ популярную книгу для широкой публики. Популярная литера-

тура, не претендуя на новизну матеріала или его освѣщенія, должна все же давать читателю лишь твердо установленные факты и строго провѣренныя положенія. Въ «Театрѣ» же г. Всеволодскаго такъ много пустыхъ риторическихъ фразъ, недомолвокъ, неточностей, иногда и грубыхъ ошибокъ, что это изслѣдованіе невольно можетъ ввести въ соблазнъ мало подготовленнаго читателя. Чтобы не быть голословными, возьмемъ, напримѣръ, начало III главы, посвященной кн. Шаховскому. «Русскій театръ эпохи отечественной войны—это, конечно, раньше всего кн. А. А. Шаховской... онъ создалъ эпоху въ исторіи нашей сцены»... Но далѣе ничего не говорится о томъ, какую же именно эпоху создалъ кн. Шаховской; да и можетъ ли цѣлая эпоха быть охарактеризована однимъ лицомъ? Затѣмъ, почему г. Всеволодскій считаетъ кн. Шаховскаго забытымъ потомствомъ, разъ о немъ написанъ цѣлый рядъ статей, часть которыхъ указана нами выше; въ такой же мѣрѣ забыты и Княжнинъ, и Озеровъ, и Крыловъ (какъ драматургъ), и Загоскинъ, и Хмельницкій, и цѣлый рядъ другихъ писателей. Нельзя говорить, что до Шаховскаго у насъ не было драматической литературы, за исключеніемъ произведеній Фонвизина и Капниста; а пьесы Екатерины II, Плавильщикова, Крылова, а бытовая комедія и комическая опера XVIII в.? Невѣрно, что трагедіи Сумарокова и Княжнина къ 12 году уже сошли со сцены: «Дидона» ставилась еще въ 1822 году, а «Синавъ и Труворъ» въ 1816 г. «Шаховской считалъ себя послѣдователемъ Мольера». Но былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, считаетъ ли его таковымъ г. Всеволодскій — на это нѣтъ отвѣта. Почему, «переходя къ характеристикѣ Шаховскаго, нельзя не коснуться современной ему литературной кружковщины», разъ на слѣдующей страницѣ г. Всеволодскій говоритъ о «самостоятельности взглядовъ» Шаховскаго. Чего, дѣйствительно, нельзя дѣлать, такъ это безъ всякихъ поясненій ставить рядомъ «Арзамасъ» и «Вольное Общество», такъ какъ первый былъ просто шутливая пародія на общество, а во второмъ господствовали серьезные политическіе и экономическіе интересы. Невѣрно, что Шаховской «осмѣялъ Жуковскаго и Карамзина въ комедіи «Новый Стернь»: въ комедіи «Новый Стернь» осмѣяны Карамзинъ или его послѣдователи; въ то время, когда появилась эта комедія, Шаховской при всемъ желаніи не могъ осмѣять Жуковскаго. Послѣдній затронуть имъ въ комедіи «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды». Всѣ эти замѣчанія относятся всего лишь къ 4^{1/2} стр. текста книги г. Всеволодскаго.

К. Покровскій.

Горнфельдъ, А. Г. «О русскихъ писателяхъ». Томъ первый. Минувшій вѣкъ. Стр. 292. Ц. 1 р. 25 коп.

Книгу г. Горнфельда о русскихъ писателяхъ слѣдуетъ не только привѣтствовать, но и горячо рекомендовать всякому, кто любитъ литературу и кто вмѣстѣ съ тѣмъ стремится осмыслить свое отношеніе къ общимъ вопросамъ поэтического творчества. Въ лицѣ г. Горнфельда передъ нами не критикъ-импрессионистъ, находящійся всецѣло во власти своихъ капризныхъ настроеній и отражающій ихъ въ яркихъ, можетъ быть, но, въ концѣ-концовъ, надоѣдливыхъ, прихотливо-жеманныхъ лирическихъ арабескахъ. А. Г. Горнфельду, конечно, хорошо знакома живая сила непосредственнаго художественнаго впечатлѣнія, но онъ всегда даетъ отстояться этому впечатлѣнію; онъ ищетъ показать не себя черезъ писателя, а писателя сквозь неизбѣжную призму личнаго воспріятія; нерѣдко въ тонкій и умный анализъ отдѣльнаго литературнаго явленія онъ вплетаетъ волнующіе его широкіе и сложные вопросы поэтики и ея

методологіи. «Не то дорого знать, что земля круглая, а дорого знать, какъ дошли до этого»—эти слова Л. Н. Толстого, дѣйствительно, хорошо идутъ по многимъ статьямъ разбираемой нами книжки. Авторъ, какъ извѣстно, въ своихъ эстетическихъ сомнѣніяхъ нашелъ себѣ твердую опору въ воззрѣніяхъ Потебни, въ его лингвистической поэтикѣ; отсюда его интересъ къ стилю писателя, къ микроструктурѣ поэтического произведенія, къ тѣмъ клѣточкамъ, изъ которыхъ слагаются цѣльные художественные организмы; отсюда же его цѣнное методологическое положеніе: «въ томъ, что называется формой, нѣтъ ничего, что не было бы содержаніемъ». Съ этой точки зрѣнія онъ и разбираетъ работу проф. Мандельштама въ статьѣ «Книга о языкѣ Гоголя» и оспариваетъ въ замѣткѣ о реализмѣ г. Валерія Брюсова его попытку опровергнуть обычное представленіе Гоголя художникомъ-реалистомъ. Мы не всегда соглашаемся съ талантливымъ критикомъ; такъ, думается намъ, Мандельштамъ имѣлъ право, въ полномъ къ тому же согласіи съ приведеннымъ выше положеніемъ г. Г., разсматривать юморъ Гоголя, какъ явленіе поэтического стиля; пусть юморъ прежде всего «элементъ міровоззрѣнія и личности», но въ процессѣ художественнаго творчества сама личность опредѣляетъ себя именно въ формахъ и краскахъ поэтического языка. Равнымъ образомъ насъ не убѣждаетъ опасеніе г. Г. остаться безъ писателей реалистовъ, если изъ числа ихъ вычеркнуть Достоевскаго и Гоголя; вѣдь, съ другой стороны, если принять для реализма критерій г. Г. — *исканіе правды*, то у насъ едва ли не всѣ писатели окажутся реалистами. Оставаясь въ кругѣ тѣхъ же вопросовъ стиля, какъ носителя художественной мысли, отмѣтимъ въ особенности небольшую статейку «Объ одной фамиліи у Льва Толстого»; здѣсь авторъ съ рѣдкимъ мастерствомъ вскрываетъ таинственную работу сознательнаго и безсознательнаго въ процессѣ созданія гениальнымъ писателемъ одного только собственного имени (Халтупкина въ романѣ «Воскресеніе»). Не будемъ останавливаться на другихъ статьяхъ: «Литература и героизмъ» (полемика съ С. А. Венгеровымъ по поводу его книги «Героическій характеръ рус. литературы»), «Моцартъ и Сальери», «Русскія женщины Некрасова въ новомъ освѣщеніи» (почти исчерпывающій комментарий поэмы на основаніи «Записокъ» кн. Волконской и другихъ свѣжихъ матеріаловъ), «Эстетика Глѣба Успенскаго», «На порогѣ двойного бытія» (Ө. И. Тютчевъ), С. Т. Аксаковъ, — все это этюды, обильные живыми возбужденіями для вдумчиваго читателя. Задержимся нѣсколько на одной изъ большихъ статей сборника, посвященной Н. А. Кушевскому, талантливому и несправедливо забытому писателю 70-хъ годовъ, автору въ свое время популярнаго романа «Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ». Нельзя не согласиться съ г. Г., что мы очень грѣшимъ забвеніемъ прошлаго, что мы слишкомъ торопимся отказаться отъ «наслѣдства», въ томъ числѣ и литературнаго, — и рядъ писателей: кн. В. Ө. Одоевскій, Дружининъ, Гирсъ, Панаевъ, Кудрявцевъ и др. — давно ждутъ къ себѣ вполне ими заслуженнаго интереса и изученія. Для характеристики опредѣленной исторической эпохи талантливый писатель можетъ дать иногда больше любопытнаго матеріала, чѣмъ даже писатель первостепеннаго дарованія, творчество котораго естественно вырастаетъ изъ рамокъ данной дѣйствительности къ вѣчнымъ запросамъ человѣческаго духа; второстепенный писатель ниже и ближе къ уровню текущаго момента. А. Г. Горнфельдъ въ своей статьѣ ярко характеризуетъ своеобразный стиль и технику романа Кушевскаго, его героевъ и героинь на фонѣ бурной эпохи 60-хъ годовъ. *Негоревъ* — «понстинъ историческій романъ», и поэтому хотѣлось бы, чтобъ авторъ еще интимнѣе и крѣпче связалъ писателя и его героевъ съ

вѣяніями времени; было бы интересно также услышать подлинныя голоса тогдашней критики, откликнувшейся на произведение К. Слѣдовало бы сравнить текстъ журнальный и отдѣльнаго изданія романа, и тогда Горнфельду сталъ бы понятенъ большій успѣхъ отдѣльнаго изданія (1872), и онъ не сказалъ бы, что въ романѣ нѣтъ «волнующихъ сценъ и эффектныхъ положеній». Вѣдь отказавшись отъ «антиисторической манеры въ оцѣнкахъ», мы должны будемъ признать, что въ отдѣльное изданіе были введены авторомъ имена и сцены, полныя жгучаго захвата для тогдашняго общества. Такъ, вмѣсто Писарева — тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выработкѣ у молодежи новыхъ убѣжденій — стало для многихъ одіозное и для всѣхъ волнующее имя Чернышевскаго; значительно рѣзче и подробнѣе обрисована революціонная пропаганда Овѣрина среди крестьянъ, завершающаяся даже вооруженнымъ столкновеніемъ съ казаками; въ концѣ романа добавлено изображеніе обряда публичнаго объявленія приговора Овѣрину, воспроизводившее до деталей подобный же обрядъ, совершенный надъ Н. Г. Чернышевскимъ въ 1864 г. Невольно напрашивается предположеніе, не привнесъ ли К. нѣкоторыхъ чертъ Чернышевскаго въ самый характеръ Овѣрина, этого «мыслителя по преимуществу»? Такимъ образомъ, романъ К. явился, между прочимъ, характернымъ для своего времени выраженіемъ остраго вниманія къ личности и судьбѣ замѣчательнаго писателя, котораго въ шестидесятыхъ годахъ такъ или иначе зарисовывали: Писемскій въ лицѣ Проскриптскаго въ ром. «Взбаламученное море», Суворинъ — въ Самарскомъ, герой сожженной по судебному приговору повѣсти (1866 г.) «Всякіе» (здѣсь также сцена на эшафотѣ), П. М. Ковалевскій въ своемъ стихотвореніи (1864 г.) «Преступникъ»:

«На людной площади, привязанный къ столбу,
Безрешетно встрѣчалъ онъ грозную судьбу...».

Въ заключеніе пожелаемъ, пользуясь выраженіемъ г. Горнфельда, «непосредственнаго возвращенія романа Куцевскаго читающей публикѣ», а этой послѣдней еще разъ порекомендуемъ сборникъ превосходныхъ этюдовъ А. Г. Горнфельда.

Н. Сидоровъ.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Спб. 1911 — 1912. Тома I и II ц. по 3 руб., т. III ц. 4 р.

Покойный редакторъ-издатель «Вѣстника Европы» Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ оставилъ послѣ себя громаднѣйшій архивъ переписки съ множествомъ выдающихся дѣятелей литературы и общественности. Предпринятое вдовою покойнаго изданіе этой интереснѣйшей переписки, подъ редакціей М. К. Лемке, двигается довольно быстро вперед и дало уже въ трехъ вышедшихъ большихъ томахъ массу богатаго матеріала. Онъ важенъ какъ для личной характеристики и біографіи Стасюлевича и его корреспондентовъ, такъ и для исторіи общественности и литературы за послѣднія сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ, въ которыя «Вѣстникъ Европы» и его редакторъ-издатель занимали очень опредѣленное и видное мѣсто.

Планъ изданія, какъ объясняетъ редакторъ, опредѣлился частью хронологически, частью именами корреспондентовъ Стасюлевича. Въ хронологической послѣдовательности скомпилированы первые два тома, обнимающіе жизнь и дѣятельность Стасюлевича, кончая первыми годами изданія «Вѣстника Европы», когда его программа не была еще развернута вполне. Третій томъ объединяется именемъ И. С. Тургенева и его бли-

жайшихъ друзей, корреспондентовъ Стасюлевича. Четвертый уже вышелъ и является томомъ Гончарова ¹⁾, пятый будетъ томомъ Салтыкова, Некрасова и друг. и т. д. Все изданіе рассчитано на одиннадцать томовъ. Въ него войдетъ около 6.000 писемъ и разнообразный документальный и литературный матеріалъ съ ними связанный.

По мысли редактора, настоящее изданіе предназначается не только для специалистовъ, но для читателей «преимущественно вообще изъ интеллигентной публики», при томъ рассчитано на такого читателя, «который будетъ прочитывать томъ отъ начала до конца». Утвердительно можно сказать, что такого читателя, не-специалиста, изданіе не найдетъ и найти не можетъ. Каждый томъ его обремененъ множествомъ писемъ, мало интересныхъ для широкой публики, и въ мелочахъ, деталяхъ тонетъ множество богатаго матеріала, то черты, характеризующія замѣчательнаго человѣка, то выдающіеся факты общественности, то блестящія сужденія того или иного корреспондента о достойномъ вниманія всякаго образованнаго человѣка психологическомъ, литературномъ, общественномъ явленіи. Читатъ сплошь эти громадные томы нѣтъ никакой возможности: даже специалистъ по исторіи литературы и общественности ограничится просмотромъ изданія, чтобы впослѣдствіи обращаться къ нему для изученія отдѣльных моментовъ и для справокъ.

Личные алфавитные указатели, приложенные къ каждому тому, въ этомъ отношеніи весьма полезны. Нельзя сказать того же безусловно о комментаріяхъ и примѣчаніяхъ редактора. Редакторъ говоритъ: «зная по опыту, что сколько-нибудь громоздкихъ комментаріевъ и примѣчаній публика вовсе не читаетъ, и съ другой стороны, не рассчитывая сказать что-нибудь новое и важное для специалистовъ, я свелъ эту свою работу къ тому минимуму, который не обременитъ никого изъ читателей самыхъ разнообразныхъ круговъ». Къ сожалѣнію, въ этомъ стремленіи къ «необременительности» редакторъ мѣстами доходитъ до совершенной безсодержательности: что, напр., кому бы то ни было можетъ сказать комментарий къ фамиліи А. А. Андреева — «писательница» и только (стр. 443 перв. тома), и въ этомъ родѣ «необременительныхъ» поясненій весьма много. Нѣкоторые поясненія вызываютъ даже недоумѣніе: напр., П. В. Анненковъ въ письмѣ Стасюлевичу называетъ его въ обращеніи: «многоуважаемый нашъ патронъ и Brodherr» (стр. 294 тома III). Къ нѣмецкому слову «Brodherr» (господинъ-кормилецъ) находимъ поясненіе: «ошибочно написанное англійское brother—братъ». Съ другой стороны, иногда остаются неразъясненными факты, упоминаемые въ письмахъ, и для читателя изъ большой публики едва ли ясные. Въ письмѣ Побѣдоносцева, очень характерномъ, отъ 6 янв. 1881 г., напр., упоминается корреспонденція о какой-то проповѣди преосв. Амвросія, а что и какъ было сказано въ корреспонденціи предоставляется отыскать читателю въ газетѣ «Порядокъ» (т. I., стр. 484), или положиться на явно пристрастнаго ея критика. Въ то же время редакторъ находитъ мѣсто для комментаріевъ, чисто полемическихъ и направленныхъ противъ несимпатичныхъ ему лицъ, напр., противъ П. В. Валуева. Совершенно ясное въ своемъ злорадствѣ письмо Валуева по поводу смерти Каткова и хвалебныхъ о немъ некрологовъ «Новаго Времени» (т. I стр. 489) сопровождается фразой редактора: «Валуеву въ 1866 году было очень непріятно, что Катковъ сумѣлъ выскользнуть изъ-подъ его предостереженій и даже былъ еще польщенъ особымъ вниманіемъ свыше», самыя же отношенія

¹⁾ Этотъ томъ вышелъ во время печатанія настоящей книги журнала. О немъ дадимъ рецензію особо.

Валуева и Каткова только этою фразой и пояснены, и далѣе редакторъ еще попрекаетъ Валуева возвышеннымъ слогомъ его писемъ.

Какъ бы то ни было, г. Лемке далъ возможность русскому обществу ближе познакомиться съ новыми данными, важными для исторіи русскаго общества и литературы. Текстъ, повидимому, передать имъ точно, явныхъ неточностей намъ не попадалось. Неизбѣжны же при такой огромной работѣ, исполняемой притомъ столь быстро, дефекты и маленькія слабости редактора, какъ комментатора, не умаляютъ его крупной заслуги.

Первый томъ открывается статьями о Стасюлевичѣ К. К. Арсеньева, А. О. Кони и Л. Слонимскаго. Наиболѣе видное мѣсто по объему занимаетъ здѣсь переписка Стасюлевича съ П. А. Плетневымъ, которая обнимаетъ десять лѣтъ съ 1856 г. и заканчивается привѣтственнымъ (предсмертнымъ) письмомъ Плетнева «Вѣстнику Европы». Далѣе идетъ обширная переписка съ М. С. Куторгою, ученикомъ котораго былъ Стасюлевичъ, какъ историкъ. И та, и другая переписка важны, преимущественно, для біографіи Стасюлевича, вводя насъ въ кругъ его занятій и интересовъ въ молодости. Рядъ писемъ и документовъ касается профессорской дѣятельности Стасюлевича и въ частности исторіи его преподаванія Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу. Въ письмахъ къ женѣ за 1862 годъ, въ которыхъ видимъ много отраженій тогдашняго тревожнаго времени (пожары въ Петербургѣ и пр.), М. М. говоритъ и объ урокахъ Наслѣднику.

Очень замѣчательно, напр., письмо 17 іюня (стр. 410), излагающее лекцію или рѣчь Наслѣднику русскаго престола о причинахъ французской революціи. «Я убѣждалъ его (Наслѣдника) не вѣрить, что въ революціи нѣтъ ничего, кромѣ дурныхъ страстей, и просилъ его усвоить себѣ великую истину, что стремленіе къ свободѣ есть не результатъ празднои мысли философовъ, но потребность фізіологическаго развитія общества; что задача правительства состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать себя все болѣе и болѣе излишнимъ, и тогда само общество найдетъ для себя такое правительство необходимымъ. Я заключилъ свою лекцію словами Маколея, который сравниваетъ свободу съ тою феею, которая является людямъ въ отвратительномъ видѣ революцій и мятежей; тотъ, кто не обманулся внѣшнимъ видомъ феи и обласкалъ ее, для того она обращалась въ прекрасную женщину, а прогнавшихъ ее она бросала на погибель. Обвиняють общество, говорилъ я, что оно не хочетъ признавать дѣйствительныхъ условій жизни и мечтаетъ о небываломъ, однимъ словомъ, страдаетъ утопіей будущаго; но и правительство часто не хочетъ признавать дѣйствительныхъ условій и старается управлять обществомъ на основаніи отжившихъ условій и, слѣдовательно, страдаетъ утопіей прошедшаго. Обѣ утопіи происходятъ отъ невѣжества, и если общество можетъ быть невѣжественно, то и правительство можетъ страдать тѣмъ же. Для предупрежденія революціи нужно, чтобы хорошо и основательно изучены были настоящія условія жизни, и потому образованность, а не воснная сила спасетъ правительство отъ потрясеній... Я просилъ его (Наслѣдника) всегда имѣть храбрость не бояться свѣта науки; пусть онъ не вѣритъ коварству тѣхъ, которые увѣряють, что либеральные государи XVIII вѣка, какъ Фридрихъ II, Іосифъ II и Екатерина В., ускорили революцію; эти лица не были искренни въ своихъ реформахъ, они хотѣли воспользоваться философскими теоріями для утвержденія деспотизма; переписывались съ Вольтеромъ и гнали тѣхъ, которые читали его. Вотъ что бываетъ источникомъ революціи. Но обо всемъ этомъ я говорилъ полтора часа».

Это — цѣлая программа и той дѣятельности, которой съ теченіемъ времени посвятилъ себя Стасюлевичъ въ своемъ журналѣ, когда профессура для него закрылась.

Второй томъ занятъ письмами сотрудниковъ «Вѣстника Европы», вступившихъ въ него въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ журнала (1866 — 1868 гг.), или близкихъ къ нимъ лицъ. Письма В. Д. Спасовича (съ 1862 г.) становятся весьма пространны и живы, начиная съ начала нынѣшняго вѣка и особенно любопытны за время революціи. Одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ этомъ томѣ занимаетъ обширная переписка Стасюлевича съ К. Д. Кавелинымъ, извѣстнымъ мастеромъ стиля писемъ. Переписка очень интересна для характеристики, какъ Кавелина, такъ и времени, особенно что касается писемъ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ. Кавелинъ подробно говоритъ здѣсь, что находитъ онъ новаго въ русской деревнѣ со времени освобожденія, и подъ впечатлѣніемъ растущаго обѣднѣнія и правительственнаго произвола у него выражается такая, напр., фраза: «Живя въ деревнѣ и видя, что кругомъ дѣлается, невольно самъ чувствуешь въ себѣ нигилистическую (то-есть революционную. — Ч. В-й) струнку и понимаешь, что будь лѣтъ на тридцать моложе — сталъ бы тоже нигилистомъ» (стр. 138). Впечатлѣніе, произведенное на Кавелина одною изъ статей Льва Толстого, въ итогѣ вызываетъ у него восклицаніе: «страна, гдѣ такіе вопросы такъ настойчиво занимаютъ замѣчательные умы, каковъ умъ Льва Толстого, не можетъ быть названа сонной или апатичной» (стр. 161), но положеніе этихъ умовъ въ Россіи безнадежно характеризовано имъ въ другомъ письмѣ: «Мы — тюремные сидѣльцы, которымъ, въ видѣ милости, позволяютъ иногда отвести душу вздохомъ, да и то не слишкомъ громкимъ, чтобы не потревожить сна тѣхъ, кому наши вздохи могутъ быть непріятны» (стр. 169). Очень интересенъ планъ задуманной Кавелинымъ и до сихъ поръ никѣмъ не выполненной элементарной энциклопедіи основныхъ началъ права, политики и экономической жизни, о чемъ всѣ разсуждаютъ вкривь и вкосъ, «начиная отъ мужика и оканчивая министрами, членами Государственнаго Совѣта и высшимъ генералитетомъ» (стр. 179). Къ перепискѣ съ Кавелинымъ примыкаетъ переписка съ его біографомъ Д. А. Корсаковымъ, доходящая до времени революціи. Очень много напечатано въ этомъ же томѣ писемъ графа Алексѣя Толстого, важныхъ для его біографіи и исторіи поэтическаго творчества. Далѣе здѣсь же имѣются болѣе или менѣе любопытныя письма Д. Л. Мордовцева, В. В. Стасова, Александра Веселовскаго, А. Н. Островскаго, И. Е. Забѣлина и мн. др. лицъ.

Третій, Тургеневскій, томъ нѣсколько расхолаживаетъ ожиданія. 338 писемъ Тургенева въ большей своей части посвящены дѣловымъ отношеніямъ писателя и редактора журнала, и собственно для характеристики Тургенева и его біографіи даютъ очень мало новаго, такъ какъ масса писемъ его уже опубликована. Новыя письма обрисовываютъ извѣстное щепетильное отношеніе Тургенева къ тексту своихъ писаній; говорятъ о всегдашнихъ деликатно добрыхъ отношеніяхъ его къ начинающимъ силамъ литературы; ихъ онъ постоянно рекомендовалъ и поддерживалъ, между прочимъ, здѣсь рѣчь о французскихъ писателяхъ Золя, Мопассанъ и др.; извѣстно, что онъ ввелъ ихъ, можно сказать, въ русскую печать чрезъ «Вѣстникъ Европы». Подробно разсказана въ этомъ томѣ въ разныхъ письмахъ и исторія похоронъ Тургенева, которая организовалъ Стасюлевичъ. Очень содержательны и интересны многими подробностями о замѣчательныхъ людяхъ литературы многочисленные письма Анненкова, дополняющія его извѣстныя воспоминанія.

Къ этой перепискѣ приложено еще не бывшее полностью въ печати письмо Карла Маркса Анненкову о Прудонѣ, важное для исторіи идей вождя европейскаго пролетаріата. Не оправдываютъ ожиданій здѣсь же напечатанныя письма европейскихъ знаменитостей, сотрудничавшихъ въ «Вѣстникѣ Европы» — Ауэрбаха, Шпильгагена, Эмиля Золя, Мопассана, Цабеля и пр. Все это переписка совершенно дѣловая. Изъ другихъ болѣе или менѣе громкихъ именъ, проходящихъ въ этомъ томѣ, можно назвать Н. А. Бѣлоголоваго, Д. В. Григоровича, Я. П. Полонскаго и пр. Значительный интересъ представляетъ напечатанная въ приложеніи брошюра Стасюлевича, изданная имъ въ 1882 году въ Берлинѣ анонимно: «Черный передѣлъ реформъ императора Александра II», это — одинъ изъ выдающихся моментовъ той неутомимой идейной борьбы, которую всю свою жизнь велъ Стасюлевичъ съ реакціею, воплотившейся тогда въ лицѣ гр. Д. Толстого. Сравнительно меньше интереса представляютъ тѣ внутреннія обзорѣнія, которые также приложены къ настоящему тому, и въ свое время были вырѣзаны усердной не по разуму цензурой изъ «Вѣстника Европы».

Мы могли только бѣгло охарактеризовать здѣсь все богатство архива Стасюлевича; безъ этого изданія не можетъ обойтись теперь ни одинъ историкъ литературы и общественности за послѣднія 50 лѣтъ.

Ч. Вѣтринскій.

А. Ѳ. Кони. «На жизненномъ пути». Спб. 1912. Томъ первый. Изъ записокъ судебного дѣателя. Житейскія встрѣчи. 679 стр. Ц. 2 р. 50 к. Томъ второй. Изъ воспоминаній. Публичныя чтенія. Въ Верхней палатѣ. 792 стр. Ц. 2 р. 75 к.

Книга извѣстнаго нашего судебного дѣателя, академика Анатолія Ѳеодоровича Кони, принадлежитъ къ числу произведеній, говорящихъ сами за себя; на нихъ достаточно указать читателю. Широкий умъ, захватывающій разнообразнѣйшіе интересы — судебной специальности автора, общественности, литературы и науки, замѣчательная жизнь, полная стойкой борьбы за начала общественной справедливости и права; огромное разнообразіе встрѣчъ и близость съ виднѣйшими людьми Россіи въ ея литературныхъ, общественныхъ и государственныхъ верхахъ: настоящій литературный талантъ стилиста и тонкаго наблюдателя людей и жизни, — всѣ эти рѣдкія въ отдѣльности и еще болѣе рѣдкія въ такомъ сочетаніи качества и черты пройдутъ предъ читателемъ въ двухъ томахъ книги А. Ѳ. Кони, подводящей какъ бы итоги его жизни..

Предъ нами рядъ разнообразнѣйшихъ набросковъ, этюдовъ, портретовъ, характеристикъ, объединенныхъ мастерствомъ разсказа, всегда плавнаго, спокойнаго и внушительно-убѣдительнаго. Неизмѣнно серьезный и вдумчивый авторъ внимательнымъ окомъ слѣдитъ за проходившими предъ нимъ и шедшими рядомъ съ нимъ людьми и дѣлами. Какъ судебный дѣатель, имѣющій дѣло съ живыми людьми, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ, каждый требуетъ особаго вниманія, — А. Ѳ. Кони привыкъ тщательно индивидуализировать каждый подлежащій его разбирательству житейскій случай или правовой казусъ. И въ литературу онъ перенесъ тотъ же пріемъ: каждое явленіе, каждое живое человеческое лицо, о которомъ онъ поведетъ разсказъ, подъ его перомъ является нѣкоторымъ перломъ творенія, какъ-то особенно внутренне законченнымъ міромъ. Это — художникъ портретистъ, болѣе всего дорожащій своеобразиемъ и отдѣльностью любовно и выпукло выписываемыхъ имъ фигуръ.

Отъ этого онѣ кажутся иногда какъ бы оторванными одна отъ другой, описанныя имъ явленія не сведенными въ общую социальную картину видѣннаго и пережитаго авторомъ, въ отличіе отъ такихъ цѣльныхъ картинъ жизни, какъ «Семейная хроника» С. Аксакова, «Былое и Думы» Герцена и т. п. Но такъ обширна и разнообразна галлерея портретовъ Кони, столько явленій пережито и схвачено имъ, что изъ отрывочно разсказаннаго у читателя, умѣющаго мало-мальски разбираться въ подобномъ матеріалѣ, невольно складываются законченныя картины. При всей неизмѣнной корректности тона, А. О. Кони является прокуроромъ-обвинителемъ русскаго безправія, безтолочи и безнадежнаго бюрократизма нашихъ верховъ, съ чѣмъ, такъ часто вполне безнадежно, боролись и борются лучшіе русскіе люди. Эта борьба шла, начиная съ конца дореформенной эпохи, въ особенности въ восьмидесятые года, когда, по выраженію автора, «достаточно было не утратить способности краснѣть за себя и за другихъ при столкновеніяхъ съ раболопствомъ и предательствомъ единомышленниковъ или низостью противниковъ, чтобы получить кличку «краснаго», влекшую за собою иногда весьма осязательныя послѣдствія» (т. I, стр. 2), и вплоть до нашихъ дней, когда автору приходится вести горячую и—увы!—столь часто безплодную по своимъ ближайшимъ результатамъ борьбу въ нашей «Верхней палатѣ»,—Государственномъ Совѣтѣ,—борьбу за тѣ же элементарнѣйшія начала права и справедливости, какъ и полвѣка назадъ. Въ то же время книга обогащаетъ и невольно заражаетъ читателя тѣми же чувствами сердечнаго волненія, какими тепло насыщены краски портретовъ автора, волненія и піетета предъ воплощенными въ лучшихъ русскихъ людяхъ нравственными силами долга и любви къ родинѣ и ближнему.

Первый томъ «На жизненномъ пути» отведенъ преимущественно людямъ и явленіямъ и вопросамъ, связаннымъ съ судебною карьерою автора. Каждый судебный дѣятель найдетъ здѣсь не только рассказы о громкихъ судебныхъ дѣлахъ, въ свое время волновавшихъ общество (дѣло Овсянникова, игумены Митрофанія, Вѣры Засуличъ—впрочемъ, послѣднее затронуто лишь мимоходомъ—и проч.), но и живое изложеніе итоговъ богатѣйшаго служебнаго опыта Кони. Нѣкоторыя главы, это настоящій *vaedemesum* для того, кому судебная дѣятельность не только карьера, но и, дѣйствительно, служеніе обществу. Таковы главы «Пріемы и задачи обвиненія», «Обвиняемые и свидѣтели», «Свѣдующіе люди и эксперты»—настоящіе уроки, едва ли не исчерпывающіе дѣло, трезваго, вдумчиваго и гуманнаго судьи товарищамъ и ученикамъ. Здѣсь же находятъ себѣ, хотя и косвенное, но суровое осужденіе тѣ пріемы обвинительной власти, въ которыхъ слѣпая Оемида проявляетъ свои націоналистическія, вѣроисповѣдныя или начальственныя симпатіи...

Но намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, которымъ трудно отдѣлаться отъ угла зрѣнія на судебный міръ, внушенный намъ «Воскресеніемъ» или «Смертью Ивана Ильича», все-таки нѣсколько холодно въ этомъ мірѣ, гдѣ такъ свободно и легко движется мысль и укладывается человеческое чувство автора. Намъ все же нѣсколько чужда эта какъ бы олимпійская увѣренность автора въ томъ, что въ итогѣ игры судебного сита—если игра будетъ вестись по всѣмъ правиламъ закономѣрности добросовѣстности и искусства—отсѣется непременно безусловная истина. Подлинный глубокий трагизмъ жизни какъ бы прикрытъ въ судебныхъ разсказахъ автора его вниманіемъ къ профессиональнымъ мелочамъ, и *res indicatae* слишкомъ ужъ *pro veritate habentur*. Когда онъ, напр. (стр. 569 перваго тома), возмущается «изувѣрами», «прибѣгающими къ гнуснымъ противонравственнымъ дѣйствіямъ въ родѣ сваль-

наго грѣха» (имѣя въ виду сомнительныя обвиненія противъ «хлыстовъ»), невольно кажется, что авторъ слишкомъ ужъ близокъ къ той же плоскости, въ которой стоитъ и отрицательно имъ характеризуемый Реутскій. зря плодившій скорпическія и хлыстовскія дѣла.

Съ большей отрадой читатель отдастся власти таланта автора, когда тотъ переходитъ къ явленіямъ и характерамъ непосредственно обаятельнымъ своею жизненною правдою или общественнымъ значеніемъ. Таковы въ первомъ томѣ характеристики графа П. Гейдена (ему посвящена книга) или А. И. Урусова, или «житейскія встрѣчи» съ колоритными и оригинальными людьми, воспоминанія о «домочадцахъ» автора, облики которыхъ напоминаютъ извѣстныхъ «слугъ» Гончарова. Особенно же захватываетъ и увлекаетъ г. Кони своими воспоминаніями и публичными чтеніями о литературныхъ встрѣчахъ и знакомствахъ, помѣщенными въ первой большей части второго тома.

Левъ Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ, Писемскій, Апухтинъ, Чупровъ, Ключевскій, Стасюлевичъ, К. К. Арсеньевъ, гр. Д. Милютинъ, Вел. кн. Константинъ Николаевичъ, Дриль, Гротъ и многія другія лица, портреты которыхъ болѣе или менѣе живые и привлекающіе даны во второмъ томѣ, — это цѣлый вѣнокъ именъ, не только извѣстныхъ, но болѣею частью и безконечно дорогихъ каждому, кто не чуждъ интересовъ и обаяній русской литературы, общественности и гражданственности въ высшихъ проявленіяхъ послѣдней. Указанный уже нами рѣдкій даръ индивидуализаціи, теплое чувство и художественная полнота воспріятія придаютъ всѣмъ этимъ портретамъ незабываемую живость и красочность. Съ ними неминуемо будетъ считаться каждый изслѣдователь исторіи литературы и общественности, и въ предѣлахъ настоящей замѣтки возможно лишь бѣгло отмѣтить болѣе выдающееся.

Въ воспоминаніяхъ о Левѣ Толстомъ, кромѣ личной характеристики Толстого, приведено многое изъ бесѣдъ съ нимъ г. Кони. Среди литературы воспоминаній о великомъ писателѣ столько сообщено пустяковъ и опошленныхъ искаженій его рѣчей, что на статьѣ г. Кони прямо отдыхаешь душою, снова чувствуя вѣяніе живой великой души. Особенно интересны записи нѣкоторыхъ мнѣній Толстого о литературѣ. Здѣсь также подробно разсказаны тѣ житейскіе случаи, которые послужили толчкомъ къ созданію романа «Воскресеніе» и драмы «Живой трупъ». Первый изъ этихъ случаевъ дошелъ до Толстого чрезъ самого А. О. Кони. — Некрасовъ также воспользовался разсказомъ г. Кони для извѣстной небольшой поэмы «о холопѣ примѣрномъ, Яковѣ вѣрномъ». — Въ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ, между прочимъ, отмѣчено, какъ тяжело переживалъ онъ свое ложное положеніе въ семьѣ Віардо. — Относительно Достоевскаго разсказано подробно его посѣщеніе колоніи малолѣтнихъ преступниковъ подъ Петербургомъ, описанное, впрочемъ, и самимъ Достоевскимъ въ «Дневникѣ писателя». — Необыкновенно выпукло и живо изображенъ Писемскій. Это одна изъ тѣхъ характеристикъ, которыя навсегда остаются въ исторіи литературы, какъ лучшее выраженіе основныхъ чертъ житейской и нравственной фizioноміи писателя. Въ эти воспоминанія необходимо внести лишь небольшую поправку къ весьма точнымъ обыкновенно указаніямъ. Г. Кони говорить, что трагедія «Бывые соколы», которую онъ слышалъ въ чтеніи самого Писемскаго, впоследствии была переработана вплоть до измѣненія сюжета, такъ что въ печати г. Кони почти не могъ ея признать. Очевидно, что въ чтеніи Писемскаго онъ слышалъ не собственно трагедію «Бывые соколы», а ея продолженіе — «Птенцы послѣдняго

слета»; тамъ сохранены сцены, увлекшія и поразившія г. Кони въ чтеніи Писемскаго. — Весьма тепло написана и характеристика Гончарова, съ которымъ г. Кони сблизился въ послѣдніе печальные годы его жизни, и не менѣе содержательны всѣ остальные характеристики второго тома.

Вторая часть этого тома — рѣчи А. О. Кони въ Государственномъ Совѣтѣ. При всемъ самостоятельномъ интересѣ этихъ рѣчей, полныхъ убѣдительности и твердой настойчивости въ отстаиваніи интересовъ права и нашей неустойчивой гражданственности, эта вторая часть лишь механически связана съ первой половиной тома — воспоминаніями и публичными рѣчами. Одно дѣло живая литература и общественность, въ лицѣ ихъ виднѣйшихъ представителей, другое — политическія рѣчи по поводамъ преходящимъ и иногда сравнительно мелкимъ. Второй томъ, вслѣдствіе такого объединенія въ немъ существенно различныхъ по содержанію произведеній, неестественно распухъ и возросъ въ цѣнѣ. Жаль будетъ, если высокая цѣна книги отпугнетъ кое-кого отъ близкаго знакомства съ «жизненнымъ путемъ» автора. Этотъ путь высоко цѣненъ и интересенъ для всѣхъ и самъ по себѣ, и по блистательно представленнымъ «встрѣчамъ» на немъ съ людьми, давно признанными нашей гордостью и славой.

Ч. Вѣтринскій.

А. и М. Круазе. «Исторія греческой литературы». Руководство для учащихся и для самообразованія. Переводъ съ 7-го фр. изданія В. С. Елисеѣвой подъ редакціей и съ предисловіемъ С. А. Жебелева. СПб. 1912. Стр. XIV + 785. Цѣна 2 р. 50 к.

Съ тѣхъ поръ, какъ надъ русскою школою пересталъ тяготѣть въ прежнемъ объемѣ гнетъ обязательной классической выучки, сталъ постепенно выясняться совершенно неожиданный фактъ — повышенія въ русскомъ обществѣ интереса къ античному міру; и по преимуществу значеніе *греческой мысли*, на которую перестали смотрѣть сквозь призму грамматическихъ трудностей и филологическихъ тонкостей, стало вырисовываться предъ русскимъ образованнымъ читателемъ во весь колоссальный ростъ ея глубокой оригинальности и художественной красоты. Доказательствомъ этому можетъ служить и все увеличивающееся количество статей, посвященныхъ греческой культурѣ, въ русскихъ журналахъ, и участвовавшее появленіе капитальныхъ переводныхъ книгъ по греческой литературѣ, религіи и философіи; за одинъ послѣдній годъ появилось у насъ въ переводѣ цѣлыхъ 4 крупныхъ работы по исторіи греческой мысли: 2 книги знаменитаго эллиниста Теодора Гомперца «Греческіе мыслители» и «Жизнепониманіе греческихъ философовъ», новый переводъ «Исторіи греческой философіи» не менѣе знаменитаго Эд. Целлера и появляющаяся уже второй разъ въ переводѣ¹⁾ «Исторія греческой литературы» бр. Круазе. На послѣдней, какъ появившейся въ самое послѣднее время, мы и остановимся прежде всего.

Въ русской исторической литературѣ уже давно чувствовалась потребность въ такомъ обзорѣ греческой литературы, который бы соединялъ строгую провѣренность, научность и оригинальность выводовъ съ широтой взглядовъ, популярностью и доступностью изложенія. Изъ имѣющихся у насъ книгъ по греческой литературѣ — и оригинальныхъ, и переводныхъ — однѣ уже устарѣли (какъ, напр., прекрасная для своего

¹⁾ Первый (не оконченный, впрочемъ) переводъ, появившійся еще въ 1907 г. принадлежитъ С. И. Радцигу; изъ 29 главъ имъ было переведено лишь 15.

времени «Исторія классическаго періода греческой литературы» Магаффи или «Великіе греческіе писатели» Штолля), другія слишкомъ кратки и сухи (какъ, напр., «Исторія греческой литературы» Джебба), третьи (по преимуществу принадлежащія русскимъ авторамъ) или недостаточно полны или недостаточно оригинальны. Этихъ недостатковъ книга бр. Круазе чужда болѣе, чѣмъ какой-либо другой обзоръ греческой литературы на русскомъ языкѣ. Во французскомъ оригиналѣ она предназначена «для воспитанниковъ средней школы и для тѣхъ читателей, которые пожелали бы оріентироваться съ существенныхъ пунктахъ греческой литературы». Уже эта популяризаторская задача заставляеть авторовъ писать просто и доступно, не теряясь въ мелочахъ; къ этому присоединяется еще и та способность къ рѣзко очерченнымъ обобщеніямъ, которая вообще бываетъ присуща французскимъ авторамъ. Но за ясностью, простотою и доступностью изложенія въ книгѣ бр. Круазе скрывается огромная изслѣдовательская работа, и каждый ихъ выводъ, если и не всегда оригиналенъ, то всегда провѣренъ на основаніи источниковъ. Ручательствомъ серьезности работы бр. Круазе служить уже одно то, что данное «руководство» является популяризацией и сокращеніемъ болѣе обширной и пользующейся заслуженной извѣстностью пятитомной работы тѣхъ же авторовъ «Histoire de la littérature Grecque» (Paris, 1896—99), гдѣ интересующійся можетъ найти больше и документальности, и подробностей и гдѣ «изслѣдовательскій» характеръ работы обоихъ братьевъ выступаетъ наружу въ болѣе ясномъ видѣ.

Достоинствомъ разбираемой книги надо признать и широту охваченнаго авторами хронологическаго періода. Въ то время, какъ почти всѣ имѣющіеся на русскомъ языкѣ обзоры греческой литературы заканчиваются классическимъ періодомъ, книга бр. Круазе даетъ рядъ прекрасныхъ главъ не только объ александрійской поэзіи и наукѣ, но и о греко-римской эпохѣ, объ эллинскомъ возрожденіи послѣ Нервы до смерти Діоклетіана и даже о концѣ эллинизма въ IV и V вв. послѣ Р. Х.

При всѣхъ этихъ достоинствахъ въ книгѣ бр. Круазе есть одинъ недостатокъ. Французскіе авторы, несмотря на всю свою эрудицію, склонны придавать эволюціи греческаго духа слишкомъ самодовлѣющій характеръ. Они дали обѣщаніе въ предисловіи не вырывать разбираемаго писателя изъ «коллективной и анонимной основы, поддерживающей его» и ставятъ индивида «на очную ставку» съ окружающей его дѣйствительностью, но нельзя сказать, чтобы исполнили это обѣщаніе въ полной мѣрѣ. Для читателя было бы желательно и интересно увидѣть въ главѣ о Платонѣ, напр., указаніе на ту соціально-политическую и культурную почву, на которой это ученіе выросло, на ту концентрацію капиталовъ и ту аристократизацію жизни и мысли, которыя такъ характерны для Греціи времени Платона; для него было бы не менѣе полезно прочитать въ этихъ главахъ о ранней греческой лирикѣ — и объ экономическомъ переворотѣ VII—VI вѣка, происшедшемъ въ связи съ колонизаціоннымъ движеніемъ. Вообще надо сказать, что безконечныя нити, связывающія соціально-политическую исторію Греціи съ исторіей ея мысли, въ книгѣ бр. Круазе затронуты слабо, и часто чисто литературный разборъ произведеній греческой мысли заслоняетъ собой ихъ общеисторическое значеніе.

Но и безъ этого книга бр. Круазе даетъ много русской читающей публикѣ. Полнота свѣдѣній, ихъ провѣренность, доказательность выводовъ, простота изложенія, — все это придаетъ книгѣ большую цѣнность; а редакторъ русскаго перевода еще болѣе увеличилъ эту цѣнность.

дополнивъ библиографическія примѣчанія къ книгѣ и давъ этимъ возможность для желающихъ углубить ихъ знакомство съ греческой литературой.

В. Перцевъ.

Dr. Maurycy Straszewski. Dzieło filozoficznej myśli polskiej. Tom I. Krakow. 1912. Стр. 511.

Книга проф. Краковского университета Страшевскаго представляет собою первый томъ задуманной имъ исторіи польской философіи послѣ паденія Польши. Первый томъ обнимаетъ періодъ отъ послѣдняго раздѣла Польши до 1831 г.; второй отъ 1831 до 1871 г. и послѣдній отъ 1871 г. до нашего времени.

Такое странное на первый взглядъ дѣленіе исторіи философіи по политическимъ датамъ вытекаетъ изъ вполне правильной основной мысли проф. Страшевскаго, что въ Польшѣ исторія философскихъ исканій какъ и всего духовнаго творчества находится въ тѣснѣйшей связи съ политическими событіями, съ потерей политической независимости и мечтами о ея восстановленіи. Въ философіи польскіе умы искали опоры для своихъ патріотическихъ чаяній, что и привело къ расцвѣту польской мессіанистической философіи. Послѣдняя является идейной основой романтизма въ Польшѣ и потому исторію философской мысли въ Польшѣ приходится разсматривать и въ связи съ поэзіей, въ образахъ которой она нашла свое самое яркое выраженіе.

«Философія выступила у насъ въ одѣяніи поэзіи, — говоритъ г. Страшевскій, — и стыдиться этого одѣянія не слѣдуетъ. Нужно отказаться отъ предразсудка, что въ исторію философіи входятъ произведенія, написанныя только прозой. Къ ней относится все, что ведетъ къ обоснованію, углубленію и построенію міросозерцанія». Трудъ проф. Страшевскаго выходитъ, такимъ образомъ, изъ рамокъ исторіи философіи въ узкомъ смыслѣ слова (изложенія философскихъ ученій и ихъ взаимной связи), это — исторія философскихъ исканій, въ которыхъ отвлеченныя теоріи являются лишь средствомъ для жизненныхъ и, главнымъ образомъ, патріотическихъ цѣлей.

Разсматривать исторію этихъ исканій независимо отъ политическихъ событій трудно еще и потому, что приходится считаться и съ внѣшними условіями, въ которыхъ была постановлена работа польскихъ мыслителей. Условія эти были таковы, что въ работѣ не могло образоваться преемственности, традиціи, школы. Не было очаговъ, вокругъ которыхъ могла сосредоточиться правильная и спокойная философская работа. Разсадники просвѣщенія въ Польшѣ первой половины XIX вѣка — университеты въ Вильнѣ и въ Варшавѣ существовали очень недолго, и въ особенности недолго продолжалось благопріятное для ихъ процвѣтанія время: оно скоро смѣнилось гоненіями на польскихъ ученыхъ. Въ высшей степени характерной является судьба Голуховскаго, о которомъ рассказываетъ Страшевскій въ первомъ томѣ своей работы.

Йосифъ Голуховскій высоко одаренный ученый и другъ Шеллинга, обратившій на себя вниманіе въ Германіи книгой объ «отношеніи философіи къ жизни» (*Die Philosophie in ihrem Verhältnisse zum Leben ganzer Völker und einzelner Menschen*) прибылъ въ 1822 г. въ Вильно съ самыми радужными надеждами посвятить себя преподаванію философіи. Послѣ долгихъ стараній въ 1823 г. Голуховскому удалось добиться разрѣшенія начать курсъ философіи. Его первая же лекція о задачахъ философіи произвела на слушателей сильнѣйшее впечатлѣніе. Голуховскій увлекалъ аудиторію тѣми широкими горизонтами, которые открыва-

лись, благодаря философіи. «Задача философіи — создать возвышенную интуицію жизни. Философія освѣжаетъ жизнь, расширяетъ ее предѣлы, увеличиваетъ наше господство надъ жизнью, освобождаетъ нашъ духъ изъ цѣпей, нашу дѣятельность освобождаетъ изъ-подъ власти случайности и ведетъ ее къ свободѣ». Поэтому философія должна готовить и государственныхъ дѣятелей и вождей народа. Такъ проповѣдывалъ восторженный молодой философъ, но дѣйствительность поспѣшила охладить его преподавательскій пылъ. Новосильцевъ, встревоженный растущей популярностью Голуховскаго среди молодежи, потребовалъ измѣненія программы и выражалъ надежду, что «проф. Голуховскій при своихъ дарованіяхъ, богатомъ запасѣ знаній и высокой нравственности безспорно сможетъ оправдать надежды правительства». Очевидно, Голуховскій этихъ надеждъ не оправдалъ, такъ какъ въ 1824 г. былъ отстраненъ отъ каѳедры и этимъ его преподавательская дѣятельность окончилась. Еще болѣе печальна судьба Гѣне-Вронскаго, который при своихъ гениальныхъ дарованіяхъ, энциклопедическихъ знаніяхъ и фанатической вѣрѣ въ свое призваніе сдѣлать переворотъ въ наукѣ и философіи, долженъ былъ вести жизнь скитаній и лишеній. Гѣне-Вронскій и Голуховскій — самые оригинальные представители идеалистической мысли въ Польшѣ, оказавшіе сильное вліяніе на развитіе польскаго мессіанизма. Г. Страшевскій не даетъ исчерпывающаго очерка философіи Вронскаго и Голуховскаго, т. к. развитіе ихъ идей закончилось послѣ 1831 г., на которомъ останавливается онъ въ первомъ томѣ своего труда. Но давая общую характеристику Вронскаго, Страшевскій опровергаетъ распространенный взглядъ на него, какъ на мистика, его философія, наоборотъ, проникнута вѣрой въ разумъ, онъ — «романтикъ разума, какъ Голуховскій — романтикъ чувства». М. Страшевскій, самъ сторонникъ идеализма, съ особенной любовью останавливается на представителяхъ идеалистическихъ теченій въ польской философіи, но онъ удѣляетъ довольно много мѣста и польскимъ кантіанцамъ и позитивистамъ, проникнутымъ завѣтами «вѣка просвѣщенія», какъ Стапицъ и Снядецкій, страстный противникъ философіи Канта ¹⁾. Вообще книга г. Страшевскаго интересна собраннымъ въ ней матеріаломъ; отрицательную ея сторону составляетъ нѣкоторую хаотичность изложенія, отсутствіе ссылокъ на источники и библиографическихъ указаній и мѣстами излишне панегирическій тонъ.

Л. Козловскій.

И. Горбовъ. *Донателло*. (Москва, 1912).

Книга эта является цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу объ искусствѣ. Ее съ удовольствіемъ прочтутъ и спеціалисты и не-спеціалисты: авторъ въ доступной и вполне литературной формѣ даетъ детальное историческое изслѣдованіе о жизни и работахъ величайшаго скульптора Кватроченто. Параллельно съ художественнымъ разборомъ от-

¹⁾ Янъ Снядецкій хорошо былъ извѣстенъ въ русскихъ общественныхъ и литературныхъ кругахъ 20 годовъ XIX в., «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго охотно популяризовалъ его антикантіанскія идеи, желая опереться на его авторитетъ въ спорномъ вопросѣ о значеніи нѣмецкой идеалистической философіи (см. «В. Е.», 1817, № 20; 1819, № 11; 1822, № 23 и 24; 1823, № 2). Снядецкому возражалъ на страницахъ того же журнала одинъ изъ представителей нашего любуиудрія В. Андросовъ («В. Е.», 1823, № 3—4, 6). — Нелишне отмѣтить, что мистическое ученіе Вронскаго сильно интересовало кн. В. О. Одоевскаго даже въ срединѣ сороковыхъ годовъ, о чемъ свидѣлствуютъ, напр., его «Русскія письма» (бумаги въ Имп. П. библиотекѣ, переплетъ 26, л. 127).

Ред.

дѣльныхъ произведеній Донателло авторъ приводитъ исторію каждого изъ нихъ, почти всегда любопытную съ культурно-исторической точки зрѣнія, имѣющую нерѣдко значеніе и для пониманія художественнаго смысла произведеній. Дѣятельность Донателло авторъ подраздѣляетъ на три періода, отмѣчая, впрочемъ, схематичность такого значенія: 1) періодъ какъ бы подготовительный,—періодъ раннихъ, почти ученическихъ работъ, такихъ, какъ статуя Петра на Орѣ-Санъ-Микеле; 2) періодъ свободного творчества и 3) періодъ пессимизма. Первый періодъ заканчивается фигурами пророковъ фасада собора во Флоренціи. Но и среди нихъ фигура Іоанна Богослова, особенно индивидуально трактованная голова его, является уже переходомъ къ свободнымъ произведеніямъ художника. Второму періоду авторъ естественно удѣляетъ наибольшее вниманіе: сюда относятся самыя крупныя и значительныя произведенія Донателло—тѣ созданія, которыми онъ сказалъ свое слово въ искусствѣ, благодаря которымъ сдѣлался однимъ изъ крупнѣйшихъ художниковъ: отъ св. Георгія (Орѣ-Санъ-Микеле) и Цукконе Джоттовской кампаниллы до памятника Гаттамелаты въ Падуѣ—рядъ блестящихъ произведеній высшаго расцвѣта художественнаго реализма.

Къ періоду расцвѣта, кромѣ многихъ работъ, исполненныхъ Донателло въ родномъ городѣ его, относятся работы художника въ Сіенѣ, поѣздка его въ Римъ и отчасти пребываніе его въ Падуѣ. Но здѣсь же, въ Падуѣ, въ его творчествѣ начинаютъ звучать и новыя ноты, которыми характеризуется послѣдній, совпадающій со старостью, періодъ его дѣятельности. Характеристика произведеній этого послѣдняго періода (ей посвящена въ книгѣ Горбова послѣдняя глава: «Страданіе») производитъ впечатлѣніе нѣкоторой послѣдности. Такая психологическая загадка, какъ полный переломъ въ творчествѣ старѣющаго художника,—переломъ, сопровождавшійся смѣной жизнерадостнаго міросозерцанія глубочайшимъ пессимизмомъ и отразившійся даже на teknikѣ произведеній художника, заслуживалъ бы на нашъ взглядъ болѣе глубокаго разбора.

Во всемъ изложеніи авторъ придерживается хронологическаго метода. Въ этомъ и сила его и слабость: выигрывая въ послѣдовательности, книга теряетъ въ цѣлостности. Тѣмъ болѣе, что г. Горбовъ не ограничивается характеристикой художественныхъ произведеній Донателло, а хочетъ дать эти произведенія въ рамкѣ біографіи художника и тѣхъ историческихъ условій, въ которыхъ онъ жилъ и развивался. Попытка расширить тему, къ сожалѣнію, плохо удалась автору: отрывочныя картины культурно-бытового характера, которыми испещрена вся книга, не даютъ достаточно полнаго представленія объ одной изъ самыхъ интересныхъ эпохъ въ жизни человѣчества, какъ, повидимому, хотѣлъ авторъ. Они, съ другой стороны, нарушаютъ цѣльность изложенія, мѣшаютъ читателю сосредоточиться на центральномъ образѣ самого Донателло и въ должной мѣрѣ оцѣнить полноту и всесторонность характеристики его творчества. Это творчество авторъ трактуетъ въ связи съ работой другихъ художниковъ, современниковъ Донателло; кромѣ упомянутой выше параллели между рельефными работами Донателло и Гиберти, авторъ касается дѣятельности и Кверчіа, и Брунелеско (архитектора), и Вероккіо, и многихъ другихъ, съ кѣмъ Донателло соприкасался въ жизни и работахъ, при чемъ характеризуетъ ихъ и какъ самостоятельныхъ художниковъ. Съ этими бѣглыми характеристиками не всегда можно согласиться; трудно, напримѣръ, признать Вероккіо сентиментальнымъ, невозможно все искусство цѣлаго ряда крупныхъ скульпторовъ Возрожденія назвать «лишь пріятнымъ», какъ это дѣлаетъ авторъ. Но, тѣмъ не менѣе, эти экскурсы въ исторію искусства очень оживляютъ и дополняютъ

изложение. Здѣсь имѣется только одинъ существенный пробѣлъ: ничего не говорится о дѣятельности Мазачіо, по духу самаго близкаго къ Донателло художника его времени.

Лучшее въ книгѣ—характеристика самого Донателло. Г. Горбовъ съ достаточной яркостью характеризуетъ и его реализмъ, далекій отъ реализма фотографическаго, и психологическую глубину его твореній, и героическую черту въ нихъ; наконецъ отношеніе Донателло къ античному искусству, отъ котораго онъ всю жизнь оставался внутренне независимъ, несмотря на то, что заимствовалъ отъ него нѣкоторыя внѣшнія черты и научился отъ него высшей творческой свободѣ.

Къ книгѣ приложено множество снимковъ; почти всѣ произведенія самого Донателло, немало и вещей другихъ художниковъ. Качество снимковъ очень посредственно, нѣкоторые и совсѣмъ неудачны.

В. Степанова.

Памятники искусства Тульской губерніи. Матеріалы. Москва. Синодальная типографія. Выпуски I и II. 1912 г.

Благая мысль описать все, что еще сохранилось въ помѣщичьихъ усадьбахъ интереснаго въ художественномъ и историческомъ отношеніяхъ, безспорно принадлежитъ редакціи «Старыхъ Годовъ», на страницахъ которыхъ появился въ теченіе послѣднихъ лѣтъ рядъ интересныхъ изслѣдованій какъ-то: «Помѣщичьи усадьбы» Бар. Н. Н. Врангеля, «Останкино» П. П. Вейнера, «Ляличи» Н. Е. Макаренко и др. Въ настоящее время Тульскій Отдѣлъ Общества защиты и сохраненія памятниковъ искусства, основанный всего въ 1911 г., благодаря энергіи его предсѣдателя гр. Ю. А. Олсуфьева, ознаменовалъ свою дѣятельность выпускомъ двухъ томовъ «Матеріаловъ», заключающихъ въ себѣ снимки съ памятниковъ старины и церковной, архитектурной, а также съ произведеній масляными красками, художественной бронзы, серебра, мебели фарфора и т. д., заключающихся въ собраніяхъ гг. Давыдовскихъ, Нарышкиныхъ, гр. Олсуфьевыхъ, Писаревыхъ и Мясоѣдовыхъ; снимки исполнены превосходно; среди портретовъ и картинъ воспроизведены работы Тропинина, акварели Соколова, гуаши Орловскаго и т. д. Къ сожалѣнію, къ снимкамъ не приложено никакихъ описаній воспроизведенныхъ предметовъ, двѣ странички примѣчаній также даютъ очень мало, таблицы даже не перенумерованы, нѣтъ указателя, а потому очень трудно отыскать тотъ или иной предметъ, но въ общемъ появленіе этихъ «матеріаловъ» нельзя не привѣтствовать и можно пожелать, чтобы и другіе отдѣлы Общества сохраненія памятниковъ старины послѣдовали примѣру Тульского Отдѣла.

В. Адарюковъ.

Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. 29-й. 1912 г.

Въ послѣднемъ выпускѣ «Трудовъ» заслуживаютъ быть отмѣченными, между прочимъ, интересные матеріалы изъ архивныхъ дѣлъ 1857 — 1867 гг., посвященные борьбѣ съ сектантствомъ въ Аткарскомъ уѣздѣ. Матеріалы эти извлечены г. Коноваловымъ (Ф. П.) и переданы на храненіе въ Саратовскую Архивную Комиссію... Въ книгѣ они напечатаны не полностью, а въ видѣ болѣе или менѣе цѣльнаго очерка, дающаго довольно образную иллюстрацію къ исторіи религіозныхъ гоненій въ Россіи. Дѣло касается отношенія мѣстныхъ властей къ мѣстнымъ молоканамъ среди удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ. Передъ нами проходятъ рядъ хорошо знакомыхъ картинъ. Крестьянши Подѣ-

каловъ обвиняется «въ содержаніи молоканской секты» и, между прочимъ, «въ незаконномъ сожителствѣ съ мнимою женою своею Ириной Анфиногеновой». Оба вызываются въ четвертый разъ въ уѣздный судъ, который постановляетъ подвергнуть ихъ священническому вразумленію «для увѣщаванія въ ихъ заблужденіи въ столь вредной ереси и, въ случаѣ неоставленія ими оной, заключить ихъ подъ стражу». Последнее и выполняется 13 декабря 1860 г. Авторъ чрезвычайно ярко показываетъ, что стоило аткарскимъ сектантамъ практиковавшимся консисторскія увѣщанія ихъ въ Саратовѣ. «Собереть, бывало, уѣздный судъ партію сретиковъ и стараго и малаго, мужчинъ и женщинъ, нерѣдко съ грудными дѣтьми на рукахъ... и цѣлыми недѣлями... тянетъ ихъ изъ дому въ Аткарскъ, изъ Аткарска въ Саратовъ этапнымъ порядкомъ въ духовную консисторію. Тамъ ихъ принявши держатъ въ заключеніи 10—15 сутокъ и тѣмъ же порядкомъ возвращаютъ обратно ни съ чѣмъ: оказывается, что они не были еще на увѣщаваніи у своего приходскаго духовенства, а безъ того конспеторія увѣщавать ихъ не имѣетъ права. Едва такая партія возвращается, уѣздный судъ, несмотря на то, что получившій примѣръ, посылаетъ другую партію, и та такимъ же образомъ, совершивъ 500 верстный моціонъ, возвращается обратно съ тѣмъ, чтобы послѣ приходскаго увѣщаванія еще разъ спутешествовать въ консисторію подѣ командою сотскихъ и десятскихъ». Послѣ увѣщаванія, какъ мы знаемъ, берутъ «подъ стражу».

Такова канцелярская сторона дѣла. За увѣщаваніемъ нерѣдко на мѣстахъ слѣдуетъ и продолженіе, въ которомъ дѣйствующими лицами участвуютъ мѣстное духовенство и сельскія власти. Авторъ приводитъ характерную выдержку изъ прошенія, поданнаго сектантами с. Судачья п Березовки въ ноябрѣ 1860 г. министру внутреннихъ дѣлъ:

«Когда мы возвращены были на родину изъ консисторскихъ увѣщаваній и своимъ убѣжденіямъ мы не измѣнили и возвратиться къ православію отказались, тогда мѣстное духовенство съ сельскими властями подвергло насъ позорному поруганію и жестокимъ побоямъ. Староста с. Березовки и сотскій въ присутствіи священника четверымъ изъ насъ связали назадъ руки и били кулаками подѣ животъ; сидѣли въ Березовкѣ съ 17 по 25 мая, потомъ отправили насъ въ Краншевку, изъ Краншевки въ Елань; по истеченіи 6 сутокъ возвратили опять въ Краншевку и держали тамъ, безъ всякаго слѣдствія, шесть недѣль, нанося намъ ежедневныя истязанія и издѣвательства, лишивъ насъ свободы во все время ярового посѣва; сельскія власти съ духовенствомъ во главѣ довели насъ до крайняго разоренія, оставивъ насъ безъ посѣва хлѣба и годового пропитанія нашихъ семей».

Черезъ два года въ томъ же селѣ Судачьемъ развертываются еще болѣе жестокія сцены самосуда надѣ сектантами. И опять въ роли активныхъ подстрекателей и руководителей избиенія сектантовъ выступаютъ мѣстное духовенство и волостное уже начальство. Сектантовъ все старались направить на лоно господствующей церкви, употребляя всѣ средства.

«Духовенство,—гласитъ докладная записка, поданная сектантами 12 мая 1862 г. губернатору,—силою заставляло ходить въ церковь для говѣнія, также поступаютъ каждый праздникъ, говоря: если мы не пойдемъ, тотчасъ будутъ съѣзъ розгами и дадутъ по 500 ударовъ. На Страстной недѣлѣ сажали насъ въ холодную. На Свѣтлой пасхальной недѣлѣ священникъ съ причтомъ и иконами насильно входили къ намъ въ дома и требовали приличной награды за служеніе. Въ тѣхъ избахъ, которыя были заперты, сотскіе выламывали окна и отпирали двери и впускали духовенство».

Ничего, однако, не помогало. Тогда надѣ сектантами была произведена другого рода экзекуція. 10 января староста арестовывается всѣхъ

молоканъ и засаживаетъ ихъ въ холодную (въ полномъ смыслѣ слова). Здѣсь сектанты находятся трое сутокъ безъ ѣды и питья. 12-го «изнуренныхъ 3-дневнымъ голодомъ и невыносимымъ холодомъ» сектантовъ ведутъ на сходъ для расправы.

«Выводили не сразу всѣхъ, а по одному. Ворвутся нѣсколько мужиковъ, схватятъ за волосы и поволокутъ насъ на площадь и сзади сопровождаютъ кулаками и пинками. Возлѣ волостного правленія ожидало насъ сугубѣйшее тиранство: тутъ приготовлена была огромная куча распаренныхъ розогъ длинной отъ 5 до 6 четвертей... По приказанію засѣдателя... сорвали съ насъ одежду, повалили совершенно голыхъ на снѣгъ, при жестокомъ морозѣ, придавили ноги и головы, сѣкли насъ до потери сознанія, безъ милости и счета; когда розги о наши тѣла обламывались, ихъ замѣняли новыми... Когда мы впадали въ обморокъ, поднимали насъ на вѣтеръ и, приведя въ чувство, спрашивали: «будешь ли креститься?» При отрицательномъ отвѣтѣ клали опять и снова начиналось истязаніе и такъ было разъ по пяти. Нѣкоторые изъ истязаемыхъ въ безпамятствѣ крестились: «на другой день тираны наши гнали полуживыми насъ къ священнику въ церковь и тамъ заставляли подписываться, что будто бы мы добровольно обращаемся въ православіе».

Послѣ экзекуціи надъ сектантами былъ учрежденъ строгій полицейскій надзоръ, чтобы не дать имъ возможности принести жалобу. Но, тѣмъ не менѣе, жалоба была принесена,—чрезвычайно любопытны ея послѣдствія. Губернаторъ и уѣздный судъ въ данномъ случаѣ оказались на должной высотѣ. Но въ дѣло вмѣшалась Палата Государственныхъ Имуществъ, предложившая губернатору прекратить начатый судебный процессъ...

Въ той же книгѣ «Трудовъ» слѣдуетъ отмѣтить замѣтку «А. Н. Радищевъ, управляющій С.-Петербургской таможней».

С. М.

С. Р. Минцловъ. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. I. Новгородъ. 1912 г. Вып. II и III. Новг. 1912 г. Вып. IV и V. Новг. 1912 г. Цѣна 2 руб., 2 руб. 50 к. и 1 руб. 50 к.

«Обзоръ» г. Минцлова, начатый имъ въ 1911 году, въ настоящее время законченъ съ выходомъ въ свѣтъ IV и V выпусковъ, посвященныхъ царствованіямъ императоровъ Александра II, Александра III и Николая II. Въ подобномъ трудѣ давно уже чувствовалась необходимость, и всѣ, занимающіеся русской исторіей, не разъ, конечно, помянутъ добрымъ словомъ г. Минцлова, значительно облегчившаго работу въ этой области: сколько времени и труда съэкономить онъ для каждаго въ первой стадіи его работы, въ періодъ подыскиванія матеріаловъ! Но какъ первый въ своемъ родѣ, трудъ г. Минцлова страдаетъ нѣкоторыми недостатками, наличность которыхъ не даетъ возможности всегда положиться вполне на указанія составителя «Обзора». Самымъ существеннымъ недостаткомъ «Обзора» является нѣкоторая его неполнота: онъ не даетъ *исчерпывающаго* перечня матеріаловъ. Мы не имѣли возможности провѣрить страницу за страницей всѣ 5 выпусковъ «Обзора», содержащаго 4791 №№, и потому можемъ указать не всѣ пропуски, а лишь нѣкоторые. Полагаемъ, однако, что и это будетъ не лишнимъ. Въ вып. I, въ отдѣлѣ, отведенномъ Петру В., не названы «Записки о пребываніи Петра В. въ Нидерландахъ въ 1697—98 и 1716—17 гг.». Я. Н. Номена (Кіевъ, 1904 г., переводъ, введеніе и примѣчанія В. Кордта) и «Записка о бѣдной и суетной жизни человѣческой» В. В. Головина; въ томъ же выпускѣ, въ отдѣлѣ, отведенномъ

Павлу I, пропущены донесенія Витворта («Р. Стар.», 1898 г., № 10). Въ выпускѣ II и III не указанъ переводъ записокъ кн. А. Чарторижскаго на русскій языкъ въ «Р. Стар.», 1906 г., съ № 6; сейчасъ, съ выходомъ въ свѣтъ этихъ записокъ отдѣльнымъ изданіемъ этотъ пропускъ не является существеннымъ, по онъ подтверждаетъ, что не *все* въ «Обзорѣ» г. Минцлова указано точно. Въ выпускѣ IV и V не указаны воспоминанія г. Василича, относящіяся ко времени имп. Александра II и печатавшіяся въ 1911 г. въ «Русск. Вѣд.», «Очерки и воспоминанія» А. О. Кони (хотя названъ I-й томъ книги «На жизненномъ пути», вышедшей позже), книги В. Г. Короленко «Въ голодный годъ» и «Отошедшіе» (воспоминанія о Глѣбѣ Успенскомъ, Чернышевскомъ и Чеховѣ). Съ другой стороны, для царствованія Петра В. даны «Записки» бар. Н. А. Корфа, цѣликомъ относящіяся къ серединѣ XIX в., такъ какъ бар. Ник. Александровичъ Корфъ род. въ 1834 г. а умеръ въ 1883 г. Его «Записки», дѣйствительно, были напечатаны въ «Р. Стар.» въ 1884 г. (№№ 3—5), какъ вѣрно указываетъ г. Минцловъ, но только къ царствованію Петра В. онѣ никакого отношенія не имѣютъ; судя по тому, что г. Минцловъ время жизни автора этихъ «Записокъ» относитъ къ 1710—1766 гг., очевидно, что онъ бар. Ник. Александровича Корфа смѣшалъ съ бар. Ник. Андреевичемъ, дѣйствительно жившимъ въ указанные г. Минцловымъ годы и бывшимъ петербургскимъ ген.-полиц. при имп. Петрѣ III; приписать ему «Записки» бар. Ник. Алекс., г. Минцловъ и отнесъ ихъ къ царствованію Петра В. Кромѣ того, въ «Обзорѣ» г. Минцлова встрѣчаются иногда и другія неточности; такъ, напримѣръ, «Записная книжка любопытныхъ замѣчаній Великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина російскаго посольства въ 1697—98 гг.», издававшаяся нѣсколько разъ, отмѣчена дважды, какъ нѣчто различное: см. №№ 321 и 324 въ I выпускѣ, изданный же въ редакціи же Горбунова «Журналъ путешествія» («Р. Стар.», № 5 за 1879 г.) приписанъ составителемъ «Обзора» кн. Б. Куракину, что во все еще не доказано, и потому поставленъ подъ № 329, охватывающемъ различные документы, принадлежащіе кн. Б. Куракину. Воспоминанія принца Е. Вюртембергскаго, указанные въ изд. «Русской Были» и «Донской Рѣчи», не указаны въ заграничномъ изданіи и въ «Р. Арх.», 1878 г., т. I.; записки кн. Д. Х. Ливенъ, указанные въ изд. «Русской Были», не указаны въ «Истор. Вѣстникѣ», 1906 г., № 5; записки Саблукова, указанные въ 3-хъ изданіяхъ (см. №№ 1061—63), не указаны въ «Истор. Вѣстникѣ», 1906 г., № 1—3. Воспоминанія Н. А. Морозова «Въ началѣ жизни», цѣликомъ относящіяся къ царствованію имп. Александра II, почему-то отпесены въ отдѣлъ, посвященный царствованію имп. Николая II. Затѣмъ въ «Обзорѣ» г. Минцлова встрѣчаются ошибки въ годахъ и номерахъ разныхъ журналовъ и сборниковъ; напр., «Разсказы» Нартова о Петрѣ В. показаны въ 57 т. «Записокъ Имп. Академіи Наукъ», тогда какъ они помѣщены въ 52 т. «Сборника отд. русск. языка и словесн. Имп. Академіи Наукъ». Такія ошибки, можетъ-быть, даже чисто корректорскаго свойства, въ трудахъ, подобныхъ «Обзору» г. Минцлова, очень существенны, и потому должны тщательно предусматриваться. Наконецъ вызываетъ возраженіе система г. Минцлова относительно документовъ, охватывающихъ нѣсколько царствованій: они помѣщаются въ первомъ по времени изъ нихъ; поэтому, напримѣръ, записки гр. В. Н. Головиной названы въ I выпускѣ, въ отдѣлѣ, отведенномъ царствованію имп. Екатерины II, но ихъ нѣтъ въ отдѣлахъ, отведенныхъ царствованіямъ имп. Павла I и Александра I; записки Болотова показаны въ отдѣлѣ, отведенномъ царствованію имп. Анны, и не пока-

заны въ слѣдующихъ и т. п. Этимъ, конечно, затрудняется подыскиваніе матеріаловъ для опредѣленнаго вѣка и царствованія; г. Минцловъ рекомендуетъ поэтому заглядывать всегда въ «Обзоръ» предшествующаго царствованія, однако, примѣръ записокъ Болотова показываетъ, что при подборѣ матеріаловъ для царствованія Екатерины II обращеніе къ отдѣлу, отвѣдному царствованію Петра III, не поможетъ найти эти записки, — надо заглянуть много назадъ. Было бы лучше, если бы составитель «Обзора», указавъ полностью сочиненіе, охватывающее нѣсколько царствованій, въ первомъ по времени изъ нихъ, какъ онъ это дѣлаетъ теперь, кратко называлъ его въ послѣдующихъ отдѣлахъ, къ которымъ оно имѣетъ отношеніе, со ссылкой на предыдущую страницу, гдѣ можно найти о немъ полныя свѣдѣнія. Это, конечно, увеличило бы объемъ «Обзора», но зато цѣнность его поднялась бы весьма значительно.

К. Сивковъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Книгоиздательство «ЗАДРУГА»:
Французы въ Россіи. 1812 г. по воспоминаніямъ современниковъ иностранцевъ. Сборникъ, составленный А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживелеговымъ и С. П. Мельгуновымъ. Въ трехъ частяхъ. Ц. 3 р. 50 к.

Россія и Наполеонъ. Отечественная война въ воспоминаніяхъ. документахъ и художественныхъ произведеніяхъ. Иллюстрированный сборникъ, составленный Н. Л. Бродскимъ, П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ. Ц. 1 р. 25 к.

Пересъ. О томъ, что Наполеона никогда не было. Съ послѣсловіемъ А. М. Васютинскаго. Ц. 20 к.

Ц. Ложье. Дневникъ офицера великой арміи. Переведенъ подъ редакціей Н. П. Губскаго. Съ предисловіемъ А. М. Васютинскаго. Ц. 80 к.

Война и Миръ. Памяти Л. Н. Толстого. Сборникъ подъ редакціей В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера. Ц. 3 р. 50 к.

Книги для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Первобытная культура. Востокъ. Греція. Иллюстрированный сборникъ статей подъ редакціей А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова. Ц. 2 р. 25 к.

Н-во К. Ф. Некрасова:

Моранъ П. Павелъ I до восшествія на престолъ. Перев. съ франц. Н. П. Ширяевой. Ц. 3 р.

Мемуары кн. Адама Чарторижскаго и его переписка съ имп. Александромъ I. Перев. съ франц. А. Дмитриевой. Редак. А. Кизеветтера. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.

Мемуары г-жи де Ремюза. Перев. съ франц. О. Н. Рудченко. Ред. С. Ф. Фортунатова. Т. I. Ц. 2 р.

Шуазель-Гуффы. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Перев. З. Миновичъ. Вступительная статья А. А. Кизеветтера. Ц. 1 р. 50 к.

Милицына Е. Разказы. Т. III. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Клингеръ Фр. М. Жизнь, дѣянія и гибель Фауста. Перев. съ нѣмецк. А. Лютера. М. 1913 г. Ц. 1 р. 80 к.

Кн-во «Современныя Проблемы»:
Фр. Кирхейзенъ. Наполеонъ I. Его жизнь и его время. Т. I. Пер. съ нѣм. М. Кадишъ. Съ предислов. А. К. Дживелегова. М. 1913 г. Ц. 2 р. 50 к.

О. Пирлингъ. Россія и Папскій престолъ. Пер. съ франц. В. П. Потемкина. Кн. I. Русскій и Флорентійскій Соборъ. Ц. 3 р.

Ж. Мишлэ. Вѣдьма. Перев. съ фр. В. Фриче. М. Ц. 2 руб.

Изданія «Русской Мысли»:

Богучарскій В. Я. Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX в. Исторія «Народной Воли», ея происхожденіе, судьба и гибель. Ц. 3 р.

Целлеръ Эд. Очеркъ исторіи греческой философіи. Съ 9-го нѣм. изд. перев. С. Л. Франкъ. Ц. 1 р. 80 к.

Гуревичъ Л. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. Ц. 1 р. 75 к.

Т-во И. Д. Сытина:

Ильинскій А. Рихардъ Вагнеръ, его жизнь и твореніе. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Ф. Кони. На жизненномъ пути. Т. II. Ц. 2 р. 75 к.

Кн-во «Звѣзда». Популярная бібліотека: 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 101, 104, 105; Наука, искусство, литература: 4, 6, 7, 8.

Изданія Т-ва «**Бр. А. и И. Гранатъ**». Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблемы). Подъ редакц. проф. М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева. Вып. I — XI.

Из-во «**Грядущій День**». **Реми Гурмонъ**. Книга масокъ. Пер. съ фр. Е. М. Блиновой. Спб. 1913 г. **Виллари П.** Джир. Савонарола и его время. Пер. съ итальянск. Д. Н. Бербекова. Спб. 1913 г. Редакт. А. А. Волинскій. Т. I, т. II по 4 р.

Багалъ Д. И., проф. Очерки изъ русской исторіи. Т. II. Монографіи и статьи по исторіи Слободской украины. Харьковъ. 1913 г. Ц. 1 р. 80 к.

Богучарскій В. Активное народничество 70-хъ годовъ. М. 1912 г. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 2 р.

Виноградовъ Н. Матеріалы по исторіи, археологіи, этнографіи и статистикѣ Костромской губерніи. Вып. I. Писцовая и межевая книги по гор. Юрьевцу Поволжскому и Стрѣлецкой слободѣ 1676 г. Кострома. 1912 г. Цѣна не обозначена.

Вып. II. 1. Потомки Сусанина (очерки и матеріалы). 2. Сказаніе о спасеніи Михаила Θεодоровича Романова отъ руки поляковъ. Кострома. 1912 г. Цѣна не обозначена.

Двѣнадцатый годъ. Историческіе документы. Собств. Канцеляріи главнок. 3-ю Зап. Арміею г. А. П. Тормасова. Извлекъ изъ семейн. арх. и привелъ въ порядокъ Д. Ю. Ахлестышевъ. Спб. 1912 г. Ц. 3 р. 50 к.

Дельвигъ А. И., баронъ. Мои воспоминанія. Изданіе Моск. Публичн. и Румянцевскаго музеевъ. Ц. 2 р.

Доброхотовъ А. Пѣсни воли и тоски. 1900 — 1912 г. М. 1913 г. Стр. 336.

Довнаръ-Запольскій М. В., проф. Исторія русскаго народнаго хозяйства. Т. I. Ц. 3 р.

Изюмовъ А. Жилецкое землевладѣніе въ 1632 году. М. 1913 г. Ц. 2 р. 50 к.

К. Леонтьевъ. Собраніе сочиненій. Изд. В. Саблина. Тт. I — VIII.

Любомудровъ В. Эмбриологическія замѣтки. (О мальтузіанствѣ). Спб. 1913 г. Ц. 10 к.

Матвѣевъ Н. Москва и жизнь въ ней наканунѣ нашествія 1812 г. М. 1912 г. Ц. 1 р. 20 к.

Мелиховъ В. А. Культъ римскихъ императоровъ и его значеніе въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ. Харьковъ. 1912 г. Ц. 30 к.

— **Виргилій и его эклоги**. Харьковъ. 1912 г. Ц. 15 к.

Мурашевъ Г. В. А. С. Пушкинъ. (1. Творчество и личность творца. 2. Политическія убѣжденія А. С. Пушкина). Ц. 25 к.

Нижегородскій Ежегодникъ. Иллюстр. литературы. календарь-справочникъ. 1913 г. Подъ ред. Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина (Ч. Вѣтринскаго).

Отчеты Импер. Росс. Истор. Музея имени имп. Александра III въ Москвѣ за 1908, 1909, 1910 и 1911 гг.

Пархоменко Вл. Христіанство Руси до Владимира Святого. Харьковъ. 1912 г. Цѣна не обозначена.

Пиксановъ Н. К. Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы и библиографія. Семинарій по новой русской литературѣ. Спб. 1912 г. Ц. 35 к.

Пинесъ М. Я., д-ръ. Исторія еврейской литературы. Авторизов. Перев. съ французскаго, съ предисл. и примѣч. С. С. Вермея. Кн-во Столяръ Л. А. Ц. 3 р. 50 к.

Сборникъ поэтическихъ произведеній по исторіи христіанской церкви. Вып. I-й. Общая церковная исторія. Составилъ свящ. І. Жиловъ. Юрьевъ. 1912 г. Ц. 75 к.

Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. **М. Н. Покровскаго** при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Изд. Т-ва «Міръ». М. Кн. 1 — 8.

Сборники Нижегородской Губернск. Ученой Архивной Комиссіи. Т. XII, вып. 1 и 2; т. XIII, вып. 3, 4. Н.-Н. 1912 г.

Сергѣевъ А. Уходъ Таврическихъ ногайцевъ въ Турцію въ 1860 году. Симферополь. 1912 г. Цѣна не обозначена.

— **Ногайцы на молочныхъ водахъ (1790—1832 гг.)**. Историческій очеркъ. Симферополь. 1912 г. Цѣна не обозначена.

Синьякъ Пѣль. Отъ Эж. Делакруа къ нео-импрессионизму. Перев. съ французск. Ив. Дудина. М. Изд. І. Кнебель.

Собраніе сочиненій **Г. С. Сковороды**. Т. I. Съ біогр. Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскаго съ замѣч. и примѣчаніями В. Бончъ-Бруевича. Портретъ и факсимиле автора. Спб. 1912 г.

— **Толстовскій музей въ Спб. І. Срезневскій В. И. и Тукалевскій В. Н.** Описаніе музея. Спб. Ц. 50 коп.

Толстовскій ежегодникъ 1912 г. М. Ц. 2 р.

Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. 29-й 1912 г. Саратовъ. 1912 г.

Участіе Саратовской губерніи въ Отечественной войнѣ 1812 г. Изданіе Саратов. Учен. Арх. Комиссіи. Составилъ правитель дѣлъ Н. Ф. Хованскій. Ц. 1 руб.

Каталогъ масонской коллекціи Д. Г. Бурдылина. Русскій отдѣлъ (съ иллюстраціями). Составила Тира Соколовская. Спб. 1912 г.

Н О В Ы Я к н и г и.

Письма и бумаги имп. Петра Великаго. Т. VI. (июль—декабрь 1707). Спб. (Подъ редакц. И. А. Бычкова).

Архивъ Раевскихъ. Ред. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. Т. IV.

Грушевскій М. Иллюстрированная исторія Украйны. Пер. со второго украинскаго изданія. Спб.

Шмурло Е. Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Вып. I (XVIII вѣкъ). Спб.

Аваліани С. Л. Крестьянскій вопросъ въ Закавказьѣ. Т. I. Крѣпостное право и исторія крестьянской реформы въ Тифлисской и Кутаисской губ. Одесса.

П. Щеголевъ. Историческіе этюды. Спб.

Чернышевскій въ Сибири. Вып. II. Ц. 2 р.

Московский университетъ и С.-Петербургскій учебный округъ въ 1812 г. Документы изъ Архива Министерства Нар. Просв. Подъ редакціей **Н. Военскаго.**

Великій Князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Т. III. (М—Р.). Спб.

Карѣвъ Н. И. Собраніе сочиненій. Т. II. Философія исторіи въ русской литературѣ. Спб.

Гомперцъ. Жизнепониманіе греческихъ философовъ и идеаль внутренней свободы. Спб.

Э. Нисъ. Основныя черты современнаго масонства. Переводъ съ фр.

Гвицманъ А. М. Соціологія Уорда и ея отношеніе къ соціологическимъ построеніямъ Маркса. Ц. 1 р. 30 к.

Карръ Уильдонъ. Философія Бергсона. Пер. И. Румеръ.

Н. Зйгесъ. Статьи по философіи музыки. Кн. I.

Кн. С. Н. Трубецкой. Собраніе сочиненій. Т. V и VI. Курсъ исторіи древней философіи.

Н. Н. Михайловскій. Полное собраніе сочиненій. Т. X. Подъ ред. Е. Е. Колосова.

Ө. И. Тютчевъ. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біограф. очеркомъ В. Я. Брюсова. Изд. 6-ое. Ред. П. В. Быкова.

Полное собраніе сочиненій и писемъ **И. С. Никитина.** Т. I. Подъ ред. А. Г. Фомина. Вступ. статья Ю. И. Айхенвальда.

Е. В. Пѣтуховъ. Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литер. явленій древняго и новаго періода.

Н. К. Козминъ. Н. И. Надеждинъ. Жизнь и научно-литературная дѣятельность (1801—1836).

Н. Н. Трубицынъ. О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX вѣка. Библіотека великихъ писателей. Подъ ред. **С. А. Венгерова.** Мольеръ. Т. I.

Monografie w zakresie dziejow nowożytnych wydawca **Szymon Askenazy.** Tom XI. General Michał Sokolnicki, 1760—1815 przez **Michała Sokolnickiego.** Tom XII. Kosciol katolicki a Kataryna II. 1795—1797 przez **Macieja Loreta.** Tom XIX. Proby powstancze po trzecim rozbiore 1772—1774 przez **Maryana Kukieła.** Warszawa. 1912.

Henryk Moscicki. Dzieje porozbiorowa Litwy o Rusi. Wilno. 1912. Zeszyt XIII.

Etudes enfantines historiques par M. S. Rodocanachi.

Авторъ описываетъ пребываніе Пія VII въ Парижѣ, разыскиваетъ происхожденіе имени Наполеона, даетъ образъ венеціанской куртизанки поэтессы Возрожденія Вероники Франки, рассказываетъ объ авантюрахъ флорентинца Бонаккорсо-ди-Питти. Его книга, гдѣ Венеція, Флоренція и Феррара вырисовываются въ живыхъ и увлекательныхъ эскизахъ, найдетъ себѣ многочисленныхъ читателей, интересующихся прошлымъ Италіи. (**R. d. d. Mondes**).

L'âme athénienne — D'Eschyle à Aristophane, par M. Jean Richopin.

Это—исторія греческаго театра въ эпоху его расцвѣта въ VI и V вв. до Р. Х., въ эпоху, когда выступалъ Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, Аристофанъ. Въ этой, выросшей изъ конференцій автора, книгѣ краснорѣчіе Ж. Ришпена сочетается съ обширной эрудиціей. (**R. d. d. Mondes**).

Auerbach. La France et le Saint Empire Germanique depuis la paix de Westphalie jusqu'à la Révolution.

Duchesse d'Escars. Souvenirs de la marquise de Nadaillac, duchesse d'Escars.

Hauser. Les sources de l'histoire de France, t. III. Les guerres de religion.

Allard. Les origines du servage en France.

E. Cavagnac. Histoire de l'antiquité. Athènes.

Forniol-du-Clos. Richelieu et le clergé de France.

Sall'ard. Florian, sa vie, ses œuvres.

Caussy. Voltaire, seigneur de village.

Rocheblave. Agrippa d'Aubigné.

Philippi. Begriff der Renaissance.

Tavley R. H., The Agrarian Problem in the Sixteenth Century.

Въ книгѣ разсматривается періодъ аграрной исторіи Англіи съ конца царствованія Генриха VII до конца

гражданской войны. По вопросу объ огораживаньях XVI в. авторъ приходитъ къ выводу, сходному съ результатами изслѣдованій Gay'a: между 1455 и 1607 гг. аграрная революція охватила только 2,76 территории 24-хъ графствъ, и лишила земли отъ 30.000 до 50.000 человѣкъ (Daily News).

Clayton Joseph, Robert Kett and the Norfolk Rising. Secker, 8 s. 6 d. Работа Clayton'a — специальное изслѣдованіе, посвященное возстанію Кета, тѣсно связанному съ аграрнымъ переворотомъ XVI в. Clayton ставитъ чрезвычайно высоко благородную личность Кета, богатаго землевладѣльца, примкнувшаго къ возставшимъ крестьянамъ и руководившаго ими во все время возстанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воздастъ должное и самой крестьянской массѣ, проявившей чрезвычайную гуманность, составляющую рѣзкій контрастъ съ свирѣпостью усмирителей. (Daily News).

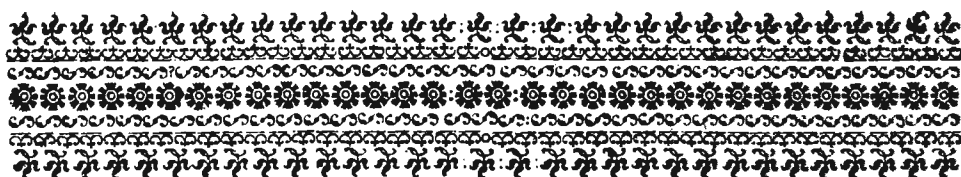
Wade, C. E., John Pym. Pytman, 7 s. 6 d. Новая работа объ извѣстномъ дѣятелѣ англійской революціи написана изслѣдователемъ, относящимся къ нему

отрицательно, почти враждебно. Герои Wade'a—Страффордъ и Лоодъ, а не Пимъ. Тѣмъ не менѣе, въ книгѣ собрано много новаго и цѣннаго матеріала. При скудости литературы о Пимѣ книгу Wade'a слѣдуетъ признать крупнымъ приобрѣтеніемъ. (Daily News).

Gretton R. H., A modern History of the English People. Vol. I, 1880—1898. Richards, 7 s. 6 d. Книга Gretton'a отличается отъ большинства историческихъ сочиненій, посвященныхъ новѣйшему времени, широтой своихъ рамокъ. Gretton излагаетъ не только политическую исторію, исторію законодательства, министерствъ и партій, но также исторію общественныхъ настроеній и нравовъ. Очень интересны главы объ эволюціи трэдъ-юніонизма и о социалистическомъ движеніи (Times).

Недавно вышла въ Вѣнѣ очень интересная книга извѣстнаго писателя Артура Голичера объ Америкѣ. Авторъ посвящаетъ двѣ главы русскимъ **дубоборамъ**, живущимъ въ Сѣв. Америкѣ.

Новая работа объ Александръ I.

Нашумѣвшее за послѣднее время новое изслѣдованіе Великаго Князя Николая Михайловича «Императоръ Александръ I» едва только появилось, какъ сдѣлалось почти библиографической рѣдкостью. Успѣхъ необычайный для работы, носящей специальный характеръ: надо имѣть въ виду, что $\frac{3}{4}$ книги посвящены документальнымъ приложеніямъ (на французскомъ языкѣ), охватывающимъ въ значительной своей части дипломатическую переписку и не могущимъ поэтому представить интереса для широкихъ круговъ читателей. Можно было бы радоваться тому фавору, который имѣетъ русская исторія на книжномъ рынкѣ, если бы этотъ поистинѣ головокружительный успѣхъ книги не создавался до нѣкоторой степени искусственно. Встрѣченная съ энтузіазмомъ нѣкоторыми органами печати, какъ изслѣдованіе, открывающее широкія историческія перспективы, новая работа объ Александрѣ I сразу обратила на себя вниманіе букинистовъ, скупившихъ выпущенное въ ограниченномъ количествѣ изданіе и повысившихъ продажную его цѣну съ 15 руб. на 40¹⁾. Къ сожалѣнію, авторъ не повторяетъ прекрасныхъ съ внѣшней стороны изданій своихъ работъ, имѣющихъ всегда первостепенное значеніе по матеріаламъ, включеннымъ въ нихъ; поэтому всѣ его труды, наиболѣе интересные для читателей, какъ, напр., работа, посвященная Елизаветѣ Алексѣевнѣ, быстро становятся библиографическими рѣдкостями (послѣдняя книга на рынкѣ ходитъ уже по 100 р.). Та же судьба постигла и новое изслѣдованіе автора. Быть-можетъ, теперь уже не стоитъ знакомить читателей съ этой исторической новинкой, такъ какъ съ ней знакомили и газеты и журналы (историческіе), давшіе большіе подчасъ очерки, излагавшіе и точку зрѣнія автора и тѣ матеріалы, которые включены въ его изслѣдованіе. Но ознакомленіе съ этой книгой до сихъ поръ носило почти всегда или формальный характеръ или характеръ неудержимаго дифирама безъ всякой попытки дать ея критическую оцѣнку (нѣкоторыя бѣглыя критическія замѣчанія были сдѣланы лишь А. А. Кизеветтеромъ въ статьѣ, напечатанной въ № 213

¹⁾ Содѣйствовали успѣху и упорно державшіеся, напр., въ Москвѣ слухи, что книга подверглась негласному запрету, хотя, какъ увидимъ ниже, основанія для этого, конечно, никакого нѣтъ. При современныхъ условіяхъ печати, однако, такіе слухи всегда содѣйствуютъ большому распространенію.

«Русскихъ Вѣдомостей»). Однако всякая серьезная историческая работа, къ каковымъ, несомнѣнно, относится цѣнное во многихъ отношеніяхъ изслѣдованіе В. К. Николая Михайловича, заслуживаетъ и серьезнаго къ себѣ отношенія, т.-е. указанія и положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ. И тѣ и другія имѣются въ указанной работѣ.

Всѣ историческіе труды автора обладаютъ одной большой цѣнностью. Имѣя доступъ къ архивнымъ хранилищамъ, закрытымъ другимъ историкамъ, авторъ нерѣдко публикуетъ драгоцѣннѣйшіе матеріалы и тѣмъ самымъ дѣлаетъ огромный вкладъ въ русскую историческую науку. Съ этой точки зрѣнія каждый изъ его трудовъ всегда бываетъ дѣйствительно почти научнымъ открытіемъ. И новое изслѣдованіе богато новыми матеріалами, какъ это уже много разъ было указано въ появившихся отзывахъ. Среди многообразныхъ документовъ слѣдуетъ выдѣлить особо тѣ матеріалы, которые характеризуютъ намъ личность Александра I. Это, пожалуй, и наиболѣе важное, что дается въ изслѣдованіи В. К. Николая Михайловича. Въ немъ отчетливо прежде всего выступаетъ роль молодого Александра въ дворцовомъ переворотѣ 1801 г. Въ приложеніяхъ авторъ напечаталъ интересную переписку кн. А. Н. Голицына и Р. А. Кошелева съ Александромъ въ періодъ такъ называемаго мистицизма, которая многое даетъ для обрисовки характера Александра I, для его личнаго пониманія и для объясненія его политики въ эпоху священнаго союза. Много заслуживающаго вниманія найдемъ мы въ другихъ матеріалахъ, опубликованныхъ въ приложеніяхъ. Однако опубликованіе нѣкоторыхъ документовъ способно вызвать и нѣкоторое недоумѣніе. Напр., въ первомъ томѣ публикуются «Записки Александра I къ Лагарпу во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ въ 1801 — 1802 гг.». Безспорно, матеріалъ интересный, но дѣло въ томъ, что всѣ эти письма давно уже опубликованы и хорошо извѣстны занимающимся данной эпохой. Они напечатаны еще въ 1870 г. въ V т. «Сборника Русскаго Историческаго Общества», много разъ цитировались и цитируются въ общихъ историческихъ работахъ. Въ указанномъ сборникѣ эти письма напечатаны полнѣе, съ прибавленіемъ и болѣе раннихъ и болѣе позднихъ (напечатаны они къ тому же и на французскомъ и на русскомъ языкѣ). Непонятно, для чего слѣдовало вновь перепечатывать лишь часть этихъ писемъ. Во всякомъ случаѣ, для избѣжанія недоразумѣній надлежало бы оговорить то, что письма эти не новыя.

Такое же недоумѣніе вызываетъ, напр., и напечатаніе матеріаловъ по исторіи волненій въ 1820 г. въ Семеновскомъ полку. Здѣсь перепечатывается (съ ссылкой на «Русскій Архивъ», 1875 г., № 6) донесеніе кн. И. В. Васильчикова императору о происшедшихъ волненіяхъ. Почему авторъ считаетъ необходимымъ перепечатать только это донесеніе? Можно подумать потому, что дальше слѣдуютъ собственноручныя «секретныя замѣчанія» Александра, но и они напечатаны въ томъ же номерѣ журнала. Понятна была бы перепечатка этихъ документовъ, если бы авторъ хотѣлъ собрать всѣ официальные матеріалы о волненіяхъ 1820 г., но этого нѣтъ. Къ указаннымъ документамъ прибавленъ лишь третій, представляющій копію письма императора къ гр. М. А. Милорадовичу. Эта копія была уже напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» (1897 г.

кн. II). Далѣе авторъ печатаетъ по рукописи изъ бумагъ гр. Закревскаго (приложеніе XI, къ II т.) «Собственноручные рескрипты государя императора Александра I къ графу Аракчееву съ 1796 г. по 1822 г.». Эти рескрипты были изданы нѣкогда самимъ Аракчеевымъ, и авторъ, перепечатывая ихъ, свѣрилъ рукописный матеріалъ съ печатнымъ изданіемъ. Многія изъ этихъ писемъ, частью перепечатанныхъ уже въ историческихъ журналахъ и частью въ общихъ историческихъ трудахъ (Шильдеръ, Богдановичъ), не являются большой новинкой. Цѣнность этой перепечатки можетъ заключаться, конечно, въ томъ, что здѣсь они собраны въ одномъ мѣстѣ. Однако все же это неисчерпывающее собраніе, какъ можетъ показаться на первый взглядъ: нѣтъ, напр., письма изъ Варшавы 2 марта 1818 г., нѣтъ письма 18 октября 1809 г. (напечатаны въ «Русской Старинѣ», 1870 г., т. I).

За письмами Александра къ Аракчееву идутъ письма Аракчеева къ Александру съ 1810 г. по 1824 г. (приложеніе 12). Авторъ ихъ взялъ изъ архива канцеляріи Военнаго Министерства. Но они всѣ напечатаны въ приложеніяхъ къ VI т. сочиненія Богдановича «Исторія царствованія императора Александра I» (кромѣ двухъ №№ 52 и 73, зато у Богдановича имѣются два письма (стр. 91 и 93), которыхъ нѣтъ у В. К. Николая Михайловича; у Богдановича помѣщены письма и болѣе раннихъ датъ—съ 1804 г., и болѣе позднихъ—1825 г.).

Едва ли стоило, наконецъ, печатать отрывки изъ донесеній французскихъ дипломатовъ 1816—1818 гг., въ виду того, что они полностью напечатаны въ «Сборникѣ Ист. Общ.», т. 112 и 119. Мы взяли нѣсколько наиболѣе яркихъ примѣровъ.

Конечно, въ общемъ это не ослабляетъ значенія, которое имѣютъ вновь опубликованныя данныя.

Текстъ въ работѣ автора занимаетъ приблизительно $\frac{1}{4}$ изслѣдованія. «Не намъ,—говоритъ предисловіе,—рѣшать вопросъ, возвеличить или понизить предлагаемое историческое изслѣдованіе образъ Благословеннаго монарха. Думаемъ, что, какъ правитель великой страны, Александръ займетъ первенствующее мѣсто въ лѣтописяхъ общей исторіи; какъ русскій государь, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественннй войны; въ другіе же періоды двадцатичетырехлѣтняго царствованія интересы Россіи, къ сожалѣнію, отходили на второй планъ. Что же касается личности Александра Павловича, какъ человѣка и простаго смертнаго, то врядъ ли обликъ его, такъ сильно очаровывавшій современниковъ, черезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаетъ столь же обаятельнымъ». Изъ этого уже предувѣдомленія видно, что авторъ не раздѣляетъ въ значительной степени той исторической легенды, которая утвердилась около Александра и изображаетъ его личность въ приподнятыхъ тонахъ и которая до сихъ поръ еще находитъ откликъ въ современныхъ историческихъ работахъ (напр., у проф. Н. Н. Ѳирсова, А. А. Корнилова и др.). Но потому и становится интересной личность Александра для историка, что она и теперь нерѣдко окружается таинственностью загадки. Какъ же разрѣшается эта загадка въ новомъ изслѣдованіи? Работа В. К. Николая Михайловича не является полной біографіей; это и не исторія царствованія Александра I. «Мы давали и даемъ матеріалы, которыми будущіе русскіе историки могутъ воспользоваться», говоритъ авторъ. Возможно, что именно

по этой причинѣ и не получилось въ работѣ вполнѣ цѣльной фигуры того, кто для нѣкоторыхъ историковъ все еще неразгаданный сфинксъ. Анализируя «сложную личность» Александра, авторъ въ сущности приходитъ къ такимъ выводамъ. Александръ былъ отъ природы человѣкъ чрезвычайно даровитый, добрый и блажелательный къ ближнему. Но почти такимъ же природнымъ свойствомъ его характера является двуличность, дававшая ему возможность всегда дѣйствовать на два фронта. Обстановка дѣтства и ранней юности внесла въ его голову путаницу понятій и идей. Отсюда столь большая расплывчатость въ эпоху либеральныхъ начинаній. Но Александръ вовсе не былъ слабохарактернымъ человѣкомъ, легко поддававшимся чужимъ вліяніямъ. Послѣ Тильзита въ вождедѣніяхъ Александра твердо засѣла одна лишь мысль—низвергнуть могущество и первенство Наполеона. Александръ опредѣленно съ этого момента ведетъ свою линію и достигаетъ желанныхъ успѣховъ. Затѣмъ пресыщенный славой, онъ отдается всецѣло «зловредному мистицизму» (но и здѣсь онъ самостоятеленъ) и, въ концѣ-концовъ, совершенно отстраняется отъ заботы по внутреннему управленію. Такова, конечно, въ очень приблизительныхъ и грубыхъ формахъ схема автора, рисующая намъ «дѣйствительную» фигуру «Благословеннаго монарха». Авторъ отмечает (не всегда, впрочемъ, какъ увидимъ ниже) пелену той чувствительности, которой любили окутывать фигуру коронованнаго Гамлета. Подобная трезвая точка зрѣнія, примыкающая къ новѣйшимъ взглядамъ, начинающимъ господствовать въ исторіографіи Александра, является положительной стороной работы Великаго Князя Николая Михайловича. «Опредѣлить характеръ Александра I, какъ человѣка, задача не изъ легкихъ», замѣчаетъ авторъ. И это дѣйствительно такъ, потому что моральная оцѣнка личности неизбежно въ наибольшей дозѣ страдаетъ субъективностью. Здѣсь всякаго рода выводы и заключенія легко могутъ быть оспариваемы. Мы знаемъ поступки, факты, но какъ судить о внутреннихъ мотивахъ, ихъ вызвавшихъ, какъ проникнуть въ психологію человѣка? Лично мы во многомъ разойдемся съ авторомъ при оцѣнкѣ Александра, какъ человѣка и какъ монарха. По моему мнѣнію, «сложная» натура Александра чрезвычайно проста и прозаична, что я и старался показать въ общей характеристикѣ «Благословеннаго монарха», данной во II т. изданія Исторической Комиссіи Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. Зн. «Отечественная война и русское общество». Для выясненія личности Александра, какъ она рисуется мнѣ, пришлось бы повторить то, что излагалось тамъ. Но приходится оговориться, какъ разъ мое упрощенное пониманіе загадочнаго сфинкса начала XIX в. и вызвало возраженія въ печати ¹⁾. Трудно, однако, отрѣ-

¹⁾ Напр., въ рецензіи А. А. Кизеветтера въ «Русской Мысли», согласнаго въ общемъ съ точкой зрѣнія автора; въ рецензіи Б. И. Сыромятникова въ «Вѣстникѣ Воспитанія», повидимому, склоняющагося къ старому пониманію и мало считающагося съ новыми данными. Наконецъ, совершенно отрицательно отнесся къ моей характеристикѣ рецензентъ «Современника» г. Бороздинъ (съ чѣмъ, впрочемъ, не согласилась сама редакція). Не знаю компетентность г. Бороздина въ данномъ вопросѣ, но не могу не отмѣтить одного курьеза: рецензентъ торжественно говоритъ, что мои взгляды являются шагомъ назадъ послѣ работы Великаго Князя Николая Михайловича. Можетъ-быть, но только почтенный рецензентъ забылъ сдѣлать существенную оговорку, что моя статья появилась въ свѣтъ за годъ слишкомъ до указанной работы. Насколько субъек-

шиться отъ своего представленія при критикѣ другой точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что аргументы возражавшихъ не всегда представляются мнѣ убѣдительными.

Тѣ, которые желаютъ вырисовывать сложную натуру Александра, принуждены или затушевывать факты, или вовсе ихъ игнорировать, или придумывать очень сложныя конъюнктуры для объясненія смущающихъ ихъ историческихъ загадокъ. Последняго не избѣгъ и авторъ разсматриваемой работы. Не желая обольщаться чарующей по внѣшности фигурой «Благословеннаго монарха», не замалчивая и темныхъ сторонъ его характера (двуличности), авторъ хочетъ все же разгадать «сложную» натуру и разъяснить непонятныя загадки. Какимъ образомъ человекъ, постоянно ссылавшійся «на слово Христово», могъ «смотрѣть сквозь пальцы на всѣ изувѣрства Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ?» Это невѣроятное противорѣчіе автора объясняется не двуличностью Александра, а «особаго рода» религиознымъ фанатизмомъ (стр. 347). Неясно, однако, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ послѣднимъ. Такъ, пожалуй, и звѣрства самого Аракчеева можно объяснить особаго рода религиозностью—вѣдь извѣстно, что у Аракчеева была сентиментальная и чувствительная душа. Не «особаго рода» религиознымъ фанатизмомъ приходится объяснить это «непонятное» противорѣчіе, а проще: ханжество почти всегда бываетъ связано съ двуличностью и подчасъ жестокостью.

Никакой искренности у Александра не было отъ начала дней своихъ до конца жизни. Это былъ человекъ, только и думавшій о своей популярности, о славѣ и умѣвшій приспособляться ко всѣмъ обстоятельствамъ въ жизни. Человекъ болѣзненно самолюбивый и упрямый, любившій лесть и фиміамъ, онъ былъ весьма чувствителенъ ко всякому порицанію и никогда его не забывалъ.

И въ періодъ своего либерализма (въ значительной степени основаннаго на стремленіи къ популярности) Александръ любилъ власть и не переносилъ возраженій. Онъ колебался, потому что не зналъ, какую взять линію поведенія при создавшемся положеніи, какъ соединить популярность реформатора съ незыблемостью деспотизма—не могъ онъ учесть и настроенія дворянства. Дипломатъ, готовый на всѣ уступки, когда это нужно, и думающій въ то же время только о соперничествѣ съ популярностью Наполеона, Александръ проявляетъ твердость, когда поставлено на карту его самолюбіе, та первенствующая роль, которую онъ стремился играть въ Европѣ. Въ его послѣдующемъ мистицизмѣ также немало наноснаго: это подводило красивое идеологическое основаніе подъ ту реакціонную политику, которую въ значительной степени онъ вынужденъ былъ вести, какъ охранитель европейскаго спокойствія и стараго соціальнаго мира. Александръ былъ упрямъ, но онъ отнюдь не человекъ сильной воли. Онъ ошибался, но никогда не склоненъ былъ признать своихъ ошибокъ. Изъ самолюбія онъ былъ еще болѣе упрямъ. Онъ зарывался въ своемъ упрямствѣ, терялъ популярность, начиналъ бояться—отсюда противорѣчія,

тивна оцѣнка личности, показываетъ то, что если одинъ рецензентъ готовъ признать мою статью публицистическимъ упражненіемъ на историческую тему, почти памфлетомъ за отрицательное отношеніе къ личности Александра, то другіе (г. Рожковъ въ «Современномъ Мирѣ») упрекали меня за шаблонную идеализацію.

отсюда такая полная солидарность въ концѣ царствованія съ дворянской реакціей и разрывъ съ либеральными традиціями.

Возможно, что съ подобной характеристикой Александра I, слишкомъ рѣзко расходящейся съ обычнымъ представленіемъ, и нельзя согласиться. Но, тѣмъ не менѣе, едва ли можно согласиться и съ нѣкоторыми выводами новаго изслѣдованія. У автора много предвзятыхъ точекъ зрѣнія, которыя во всякомъ случаѣ должны мѣшать его объективности. И едва ли не главнымъ недостаткомъ работы является тотъ рѣзко выраженный націонализмъ, который красной нитью проходитъ черезъ всю работу. Это сказывается и въ отдѣльных заключеніяхъ, и даже въ мелочахъ, въ простой терминологіи. Авторъ не можетъ спокойно говорить о Чарторижскомъ: «тщеславный панъ» (217), «потоки чернилъ польскаго князя» (131) и т. д.—подобные эпитеты и термины сплошь и рядомъ пестрятъ въ работѣ. Говоря о безтактности Лагарпа, обратившагося къ Александру съ непрошеннымъ совѣтомъ по поводу суда надъ убійцами Павла ¹⁾, авторъ замѣчаетъ: «На Руси и государь и всѣ подданные никогда не терпѣли такого рода вмѣшательства со стороны иностранцевъ» (18). И поэтому авторъ находитъ, что Александръ, замѣявши все дѣло, поступилъ «мудро и логично». Но вся эта громкая тирада рѣшительно не находитъ себѣ подтвержденія въ фактахъ.

Въ вину Александру, главнымъ образомъ, будетъ поставлено то, что онъ не понялъ «духа русскаго человѣка» (къ сожалѣнію, понятіе также слишкомъ произвольное) и не послѣдовалъ за Екатериной, давшей примѣръ, «какъ нужно царствовать и управлять народомъ» (1). Для насъ царствованіе Екатерины — эпоха типичной дворянской монархіи, съ оттѣнкомъ просвѣщеннаго абсолютизма, отнюдь не является идеаломъ, какъ «нужно управлять народомъ». Вѣроятно, наше пониманіе *народныхъ* интересовъ существенно разойдется съ представленіемъ автора. Но не въ этомъ дѣло. Въ растяжимое понятіе «духъ русскаго народа» каждый вкладываетъ свое содержаніе. Въ пониманіи автора «духъ русскаго народа» не допускалъ, на примѣръ, «конституціонныхъ началъ въ Финляндіи». «Императоръ всероссійскій проявилъ большую «государственную мудрость», сумѣвъ «отлично воспользоваться обстоятельствами для завершенія дѣла достойнаго его предка Петра Великаго», т.-е. присоединивъ Финляндію. Но его «опыты либерализма», ограниченіе власти въ качествѣ великаго князя Финляндіи, были ошибочны и повлекли за собой «рядъ недоразумѣній и постоянныхъ треній, трудно разрѣшимыхъ» (76). Конечно, само собой, что не «опытъ либерализма» александровскихъ дней, а позднѣйшая политика создала эти недоразумѣнія, легко разрѣшимыя.

Не понялъ «духа русскаго народа» Александръ и въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Великій князь Николай Михайловичъ считаетъ политику Александра I въ Польшѣ противной интересамъ Россіи. Въ конституціонномъ устройствѣ Польши авторъ видитъ «воплощеніе идей либерализма годовъ юности и лагарповскихъ завѣтовъ» (341). Въ послѣднемъ авторъ приближается къ той точкѣ зрѣнія, которая была нѣкогда высказана въ литографированномъ курсѣ покойнаго Ключевскаго. Мы думаемъ, что въ конституціонномъ

¹⁾ «Sire! — писалъ Лагарпъ. — C'est par une justice impartiale, publique sévère et prompte, que de pareils attentats peuvent et doivent être réprimés» Другими словами Лагарпъ требовалъ *беспристрастнаго и гласнаго* суда.

устройствъ Польши Александръ вовсе не отдавалъ дани своему либерализму. Здѣсь говорили и реальные интересы и обычная любовь къ популярности. Авторъ видитъ въ проведеніи конституціонныхъ началъ въ Польшѣ полную послѣдовательность и усматриваетъ въ этомъ до нѣкоторой степени доказательство самостоятельности Александра, такъ какъ «всѣ лучшіе русскіе люди того времени осуждали политику Александра» (215). Рассказывая, какъ «польскія дамы навзрыдъ рыдали отъ умиленія во время рѣчи Александра» при открытіи третьяго сейма, авторъ не удержится, чтобы не сказать о «неутолимыхъ полякахъ». Въ сущности нетрудно показать, что воображаемой послѣдовательности въ дѣйствіяхъ Александра по отношенію къ Польшѣ не было въ дѣйствительности. Не думая никогда о выполненіи обѣщаній, дававшихся когда-то Чарторижскому, и вынужденный отчасти обстоятельствами, отчасти изъ самолюбія дать конституцію Польшѣ, Александръ, кажется, все сдѣлалъ, чтобы лишить эту конституцію реальной силы. Если не игнорировать дѣйствительныхъ фактовъ въ этой области, врядъ ли можно удивляться недовольству поляковъ той фикціей, которая была имъ представлена. Стоитъ обратиться хотя бы къ работѣ В. И. Семевского: «Общественныя и политическія идеи декабристовъ», чтобы воочию въ этомъ убѣдиться. И историку, являющемуся даже предубѣжденнымъ противникомъ автономистическихъ принциповъ, нельзя отнестись безъ критики въ своемъ изслѣдованіи того, что не подходитъ къ его взглядамъ. Въ работѣ В. И. Семевского авторъ могъ бы почерпнуть, между прочимъ, и значительное количество фактовъ, свидѣтельствующихъ, что далеко не все русское общество такъ враждебно было настроено по отношенію къ политикѣ Александра въ Польшѣ. Припомнимъ хотя бы восторгъ, вызванный варшавской рѣчью при открытіи перваго сейма, и надежды, которыя рождались не у Растопчина, конечно, а въ средѣ молодой прогрессивной части русскаго общества. Политика Александра въ Польшѣ подчасъ вызывала обиду за Россію, но это совсѣмъ не то, что отмѣчается авторомъ разбираемаго сочиненія. Очевидно, такимъ образомъ, авторъ или сознательно умалчалъ о подобномъ настроеніи или недостаточно о немъ былъ освѣдомленъ, хотя вопросъ этотъ довольно определенно выясненъ въ историографіи. Въ концѣ-концовъ, если польская конституція была аномаліей, возможной только въ «пезрѣлой головѣ Александра», какъ выражался братъ послѣдняго Константинъ, то эту аномалію вызывали не противорѣчія польской конституціи конкретнымъ интересамъ Россіи или какому-то специфическому духу русскаго народа, а то, что дѣйствительно нельзя было, по мѣткому выраженію современника, пристраивать конституціонныя сѣни къ деспотическимъ казармамъ: нельзя было одновременно провозглашать въ салонахъ г-жи Сталь либеральныя идеи и давать *carte-blanc* Константину—считаться или не считаться съ конституціей. Намъ вообще иногда представлялось при чтеніи книги, что авторъ, начитанный въ области дипломатическихъ вопросовъ (имъ и опубликованы часто наиболѣе цѣнные документы), не всегда достаточно въ курсѣ существующей русской исторической литературы. Напримѣръ, по меньшей мѣрѣ странно, говоря о проектѣ Сперанскаго въ 1809 г., ссылаться только на устарѣвшую уже работу Шильдера (къ тому же авторъ, любящій полемизировать съ покойнымъ Шильдеромъ, не придаетъ его трудамъ научнаго значенія) и на статью г. Тимирязева, напечатанную въ 1897 г. (!) въ «Историческомъ Вѣстникѣ». «О са-

момъ проектѣ мы не будемъ распространяться,—говорить авторъ.— Все извѣстно изъ книги Шильдера и изъ статей В. А. Тимирязева» (69). Смѣло, однако можно сказать, что далеко не «все извѣстно» изъ этихъ работъ.

Результатомъ такого отчасти игнорированія существующей литературы, отчасти же предвзятой точки зрѣнія является цѣлый рядъ положеній (помимо указанныхъ), съ которыми не всегда можно согласиться.

Александръ, какъ мы знаемъ, не понялъ духъ русскаго народа. Была только одна пора, когда Александръ сумѣлъ «приблизиться» къ этому духу, это была година Отечественной войны, пора «расцвѣта недюжинныхъ способностей» Александра. Къ сожалѣнію, на этомъ періодѣ, который былъ лучшимъ изъ всѣхъ годовъ царствованія Александра, авторъ останавливается лишь вскользь. Онъ констатируетъ, что въ 1812 г. Александръ «созналъ народную мощь, всегда существовавшую на Руси, и сплотился съ ней».— 1812 г. «сблизилъ царя съ народомъ» и «какъ жаль,—добавляетъ авторъ,—что Александръ не отдалъ себѣ въ этомъ настроеніи вполне яснаго отчета и слишкомъ быстро забылъ все то, что можно было создать на этой благодарной почвѣ» (113). Авторъ доказываетъ, что Александръ былъ «главнымъ руководителемъ и организаторомъ состоявшагося погрома» французской арміи). Правда, не знаю, насколько основательно это красивое построеніе о единеніи царя съ народомъ въ 1812 г., и въ чемъ оно реально выразилось. Можно было бы, пожалуй, говорить о единеніи царя съ дворянствомъ, выразившемся чрезвычайно отчетливо въ дворянской публицистикѣ хотя бы Растопчина и въ недавно опубликованномъ секретномъ письмѣ Александра къ псковскому губернатору. Припомнимъ, какъ Растопчинъ писалъ Александру 13 сентября: «О мирѣ ни слова: то было бы смертнымъ приговоромъ для насъ и для васъ», т.-е. это былъ бы смертный приговоръ тому социально-политическому строю, который базировался на крѣпостномъ правѣ! Не даромъ масонъ Поздѣевъ отмѣтилъ, что дворянство и самодержавіе неразрывно связаны между собой. И въ письмѣ Александра къ псковскому губернатору чернымъ по бѣлому написано: дворянство должно организоваться для защиты своихъ правъ и своей собственности. Автору единеніе царя съ народомъ обрисовалось такъ опредѣленно, вѣроятно, потому, что онъ слишкомъ довѣрился «мастерски» написаннымъ манифестамъ Шишкова. Въ этихъ неуклюжихъ и въ дѣйствительности малопонятныхъ манифестахъ много говорилось на тему объ единеніи въ одну душу всѣхъ сословій. Въ 1812 г. это были красивыя фразы, лишеныя реального содержанія, и врядъ ли историку слѣдуетъ ихъ повторять. Съ точки зрѣнія дворянской идеологіи, назначеніе Растопчина на постъ московскаго главнокомандующаго, возможно, и было удачно, но едва ли оно могло поднять народный духъ и возбудить любовь къ родинѣ, какъ думаетъ авторъ. Плоха та любовь къ родинѣ, которую надо было возбуждать фальшивыми растопчинскими афишами. Я думаю, что пора уже сдать окончательно въ архивъ легенду о патріотическихъ подвигахъ гр. Растопчина въ 1812 году. Впрочемъ, спорить съ авторомъ на этой почвѣ трудно, такъ какъ онъ ограничился въ данномъ случаѣ только установленіемъ опредѣленныхъ тезисовъ.

Такъ или иначе, но, и по мнѣнію автора, Александръ не удержался на той высотѣ, на которую его поставила Отечественная война. «Увлеченія успѣхами политики и внѣшней славы привели къ продолженію борьбы на чужихъ земляхъ, гдѣ русскія войска всегда являлись освободителями угнетенныхъ владычествомъ Наполеона. Роль русскаго государя была возвышенная и благородная, но и только. Интересы Россіи не требовали такого вмѣшательства» (340). Съ послѣднимъ утвержденіемъ, конечно, нельзя не согласиться. Однако въ то же время нельзя вновь не указать на то, что «возвышенная и благородная роль» Александра въ событіяхъ 1813 — 15 гг. въ значительной степени сводилась къ удовлетворенію личнаго честолюбія, къ осуществленію давнишней завѣтной мечты о первенствѣ въ Европѣ. Какъ было отказаться отъ заманчивой перспективы и неужели надо было считаться съ реальными интересами страны? Съ другой стороны, если внѣшняя политика послѣ 1812 г. и шла иногда подъ флагомъ освобожденія отъ деспотизма, когда нужно было оказать вліяніе на общественное мнѣніе въ Зап. Европѣ и когда нужно было привлечь на свою сторону такихъ нѣмцевъ, какъ знаменитый Штейнъ (которые, по выраженію автора (113), «копошились» около Александра ¹); если это создавало въ средѣ русской молодежи миражъ возвышенной цѣли войны, то въ дѣйствительности основной пружиной освобожденія Европы отъ наполеоновскаго деспотизма являлась борьба съ послѣднимъ проблескомъ революціи, ненавистнымъ господствующимъ дворянскимъ кругомъ: деспотъ Наполеонъ все же былъ порожденіемъ революціи. И знаменательно, что къ новой войнѣ, требовавшей новыхъ издержекъ, эти дворянскіе круги отнеслись въ общемъ сочувственно: надо было раздавить гидру революціи, замазать то окно въ Европу, которое грозило Россіи духомъ социальныхъ преобразованій. Дворянская публицистика опредѣленно высказывала подобныя мысли, придавая иногда своимъ вождѣлѣніямъ облагораживающую форму провиденціальной миссіи Россіи по пути, предоставленномъ Божественнымъ Провидѣніемъ. Если разсмотрѣть на этой социальной почвѣ мистицизмъ послѣ 1812 г., онъ становится и глубже, и гораздо проще и понятнѣе. Отдѣльныя личности могли увлечься мистическими исканіями, но почему этотъ мистицизмъ пріобрѣтаетъ широкую популярность (авторъ, конечно, ошибается, полагая, что «все русское общество увлекалось» мистикой, «зная, что и императоръ Александръ предавался глубокимъ колебаніямъ на почвѣ редигозной») (203)? Едва ли здѣсь помимо подражательнаго чувства не играли роли и вопросы, совершенно посторонніе религіи: это былъ флагъ, подъ которымъ было очень удобно провести ликвидацію всѣхъ нравственныхъ обязательствъ, принятыхъ въ періодъ единенія царя съ народомъ, т.-е. 1812 г., когда признавалось, что побѣда «одержана не арміей, но бородами московскими и калужскими» (съ чѣмъ, впрочемъ, мы лично совершенно не согласны) ²).

¹) Любопытно, что въ своемъ презрительномъ отношеніи къ этимъ копошившимся около Александра нѣмцамъ, авторъ на одну доску ставитъ и Штейна, и Пфуля, и др.

²) Настоящая точка зрѣнія на мистицизмъ въ связи съ войной 1812 г. болѣе подробно развита въ моей статьѣ «Правительство и общество послѣ войны», напечатанной въ VII т. «Отечеств. война и русское общество».

Въ своемъ изслѣдованіи Великій Князь Николай Михайловичъ совершенно не затрагиваетъ социальныхъ вопросовъ, которые, однако, какъ всегда, имѣли чрезвычайно существенное значеніе для опредѣленія общественныхъ настроеній въ разные моменты Александровскаго царствованія. Между тѣмъ социальная идеология можетъ отчасти пояснить и ранній либерализмъ Александра, общественныя настроенія въ эпоху Отечественной войны, а по связи съ ними и роль Александра I, и мотивы заграничныхъ походовъ, и мистицизмъ, и, наконецъ, ликвидацію войны (манифестъ 1816 г., гдѣ объявлялось, что благодарность воздастъ Богъ).

Психология Александра во вторую половину царствованія намъ представляется наименѣе отчетливо представленной у автора. Онъ глубоко правъ, ставя «аракчеевщину» въ связь съ священнымъ союзомъ и мистицизмомъ: послѣднее привело къ первому. Но по отношенію лично къ Александру авторъ въ значительной степени примыкаетъ къ старой школѣ и впадаетъ самъ съ собой въ противорѣчіе. Александръ, какъ выясняетъ изслѣдованіе, не любилъ поддаваться чужимъ вліяніямъ, между тѣмъ оказывается, что именно Меттернихъ сбиль «съ толку довѣрившагося ему такъ неосторожно русскаго императора» (340). Отдавшись «религиозно-мистическимъ утопіямъ», Александръ началъ «тяготиться всѣмъ тѣмъ, что входило въ атрибутъ царской власти, и мало-по-малу окончательно отстранился отъ заботъ по внутреннему управленію, довѣрившись одному только человѣку — Аракчееву» (269). Аракчеевъ сталъ хозяиномъ Россіи, а «душевно-истрадавшійся монархъ» молчалъ и все покорно подписывалъ. Едва ли въ настоящее время можно вполне присоединиться къ такому заключенію. Мы хорошо знаемъ, что въ дѣйствительности Александръ не уклонялся отъ дѣлъ внутренняго управленія, какъ въ свое время казалось современникамъ. Александръ входилъ во всѣ мелочи управленія, часто Аракчеевъ дѣйствовалъ лишь по инициативѣ Александра. И въ противорѣчьи съ самимъ собой авторъ соглашается съ мнѣніемъ А. А. Кизеветтера, что Аракчеевымъ Александръ только прикрывалъ себя отъ отвѣтственности¹⁾. Можно ли при существующихъ данныхъ утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ, что Александръ у себя, въ Россіи, не боролся съ революціоннымъ настроеніемъ: «Какъ разгадать, отчего государь чуть было не вмѣшался активно въ итальянскія дѣла, чтобы бороться съ карбонарствомъ, а у себя на Руси ничего не предпринималъ, чтобы пресѣчь надвигающуюся бѣду, и сказалъ такую фразу: «*Ce n'est pas à moi à sévir*». Авторъ объясняетъ это противорѣчіе тѣмъ, что «душевно-истрадавшійся монархъ вспоминалъ свои заблужденія молодости», и это дѣлало его снисходительнымъ «къ прегрѣшеніямъ ближняго, согласно ученію любви во Христѣ»; «совѣсть должна была мучить монарха и заставила его отнестись милостиво къ заблужденіямъ другихъ» (меньшей братіи). Съ другой стороны, «душевно-истрадавшійся монархъ, добровольно, вполне обдуманно сдалъ бразды правленія родиной Аракчееву» (261), слѣдовательно, бороться съ революціей долженъ былъ Аракчеевъ, которому Вел.

¹⁾ Между прочимъ авторъ самъ указываетъ, что Александръ входилъ во всѣ «детали» военныхъ поселеній и приводитъ это въ доказательство абсурдности той мысли, что въ концѣ жизни Александръ хотѣлъ уйти отъ царства и сложить власть, которая его тяготила.

Ки. Николай Михайловичъ даетъ очень рѣзкую оцѣнку. И больше всего онъ бичуетъ Аракчеева за то, что тотъ, зная о заговорѣ среди офицеровъ, не принялъ соответствующихъ мѣръ. Аракчеевъ «пренебрегъ опасностью, въ которой находилась жизнь (!) государя» (331). «Если унтеръ-офицеръ Шервудъ, родомъ англичанинъ, пришелъ къ такого рода заключеніямъ, то пишущій эти строки,—говорить авторъ,—только можетъ добавить чувство глубокаго негодованія и отвращенія къ роли Аракчеева... Здѣсь вполне отчетливо выразилась вся подлая фигура грузинскаго помѣщика». Безспорно, это вновь сильная тирада. Но неужели за эту наименьшую вину съ его стороны главнымъ образомъ надо клеймить Аракчеева? Во-первыхъ, никакая опасность жизни Александра не угрожала; во-вторыхъ, совершенно законно разстройство Аракчеева послѣ убійства Минкиной, отчего онъ сталъ пренебрегать государственными дѣлами. Авторъ удивляется, какъ могъ «такой государственный человѣкъ, какъ графъ Аракчеевъ», пренебречь спокойствіемъ государства для «пьяной, толстой, рябой, необразованной, дурного поведенія и злой женщины». Спора нѣтъ, личность свирѣпой любовницы Аракчеева отвратительна (не по внѣшнимъ, конечно, качествамъ, а по внутреннимъ). Но такой же свирѣпый и отвратительный Аракчеевъ ее любилъ... Но самое главное то, что Александръ вовсе не такъ слѣпо смотрѣлъ на тайныя общества и на ихъ дѣятельность, какъ это представляется автору. «*Ce n'est pas à moi à sévir*» — только новая красивая фраза, если она была сказана въ дѣйствительности, которая рѣшительно опровергается фактической стороной дѣла. По изложенію автора выходитъ, что Александръ лично вмѣшался только въ семеновскую исторію, гдѣ проявилъ излишнюю «строгость и жестокость». Къ этой жестокости привело Александра, по мнѣнію автора, «чувство любви и горечь разочарованія». Онъ любилъ Семеновскій полкъ, помнилъ заслуги полка при восшествіи на престолъ въ 1801 г., онъ гордился боевыми подвигами возлюбленнаго полка на поляхъ брани, и вдругъ именно въ Семеновскомъ полку случилось такого рода происшествіе, гдѣ «уваженіе къ шефу, къ начальству было забыто и дисциплина *нахально* (курсивъ автора) нарушена» (263). Надо сказать, что волненія въ Семеновскомъ полку у автора изложены формально. Если бы авторъ использовалъ данныя, имѣющіяся въ статьѣ В. И. Семевского: «Волненія въ Семеновскомъ полку въ 1820 году», напечатанной въ «Быломъ» (1907 г.), то, вѣроятно, ему пришлось бы нѣсколько измѣнить свою точку зрѣнія. Авторъ совершенно забываетъ о всѣхъ мѣрахъ сыска и преслѣдованій, начавшихся по инициативѣ Александра послѣ волненій въ Семеновскомъ полку и опровергающихъ апатичность Александра въ борьбѣ съ кажущейся революціей и отношеніе его къ врагамъ, «согласно ученію любви во Христѣ».

Такимъ образомъ, если авторъ и не очаровывается личностью Александра, то, тѣмъ не менѣе, онъ всегда стремится его нѣсколько реабилитировать, оставляя въ сторонѣ тѣ факты, которые накладываютъ черный фонъ на дѣйствительность Александра.

Оттѣнокъ такого, нѣсколько оправдывающаго отношенія къ Александру, наложенъ на всю работу. Возьмемъ юность Александра, когда воспитанникъ Лагарпа вынужденъ мириться съ тяжелымъ режимомъ павловскаго царствованія. Обладая «большимъ тактомъ и выдержкой», Александръ «безропотно покорялся фанта-

зіямъ Павла Петровича», хотя часто и приходилъ «въ отчаяніе отъ скуки общаго непригляднаго режима» (338). Авторъ ставитъ въ вину *безпечность* Александра, который «иногда вздыхалъ дома наединѣ съ своей супругой и ничѣмъ не выражалъ своихъ истинныхъ чувствъ, покорно покоряясь судьбѣ и не дѣлая никакихъ попытокъ сблизиться съ батюшкой, чтобы раскрыть ему глаза или уберечь его отъ готовящейся грозы» (2). Такимъ образомъ, авторъ занимаетъ промежуточное положеніе между тѣми историками, которые любятъ останавливаться на душевныхъ страданіяхъ молодого, либеральнаго и просвѣщеннаго наслѣдника, принужденнаго подчиняться капральской палкѣ гатчинскаго режима, и тѣми, которые указываютъ, что при характерѣ Александра, при его врожденной любви къ солдатской муштрѣ гатчинскій режимъ ему отнюдь не былъ тяжелъ (въ нѣкоторомъ противорѣчій съ самимъ собой авторъ указываетъ, что Александръ, «слыша о ропотѣ и недовольствѣ, продолжалъ усердно и безопасно свои любимыя военныя занятія»). Александръ прекрасно умѣлъ лавировать между салономъ Екатерины и казармой Павла, тамъ и здѣсь чувствуя себя, какъ дома. При умѣннѣ жить «на два ума» и держать «двѣ парадныя фізіономіи», онъ не попадалъ въ «страдательное положеніе». Конечно, безпокойный режимъ Павла былъ тяжелъ для Александра, особенно при его склонности въ юныхъ годахъ къ лѣни и къ спокойной жизни, какъ этотъ режимъ былъ тяжелъ рѣшительно для всѣхъ. Но вѣдь мы говоримъ о моральныхъ страданіяхъ — это область иныхъ чувствованій. Чтобы опредѣлить положеніе Александра, стоитъ только заглянуть въ воспоминанія Чарторижскаго, человека, искренно расположеннаго къ Александру, несмотря на всѣ превратности судьбы, даже тогда, когда исчезли всѣ «иллюзіи». «Оба молодые великіе князя, — пишетъ Чарторижскій, — отдались обязанностямъ своей службы съ неутомимымъ рвеніемъ молодыхъ людей, которымъ въ первый разъ даютъ какое-нибудь дѣловое занятіе, и съ серьезнымъ сознаніемъ важности исполняемаго дѣла». Великіе князья подвергались насмѣшливымъ осужденіямъ за то, что они, не разсуждая, такъ горячо пристрастились къ этимъ причудамъ, но они, «не останавливаясь передъ порицаніемъ большинства, стремились лишь къ точному повиновенію желаніямъ и даже эксцентричнымъ капризамъ своего отца. Они входили въ мельчайшія подробности военной службы и исполняли ихъ съ непримѣрнымъ усердіемъ». «Великіе князья, — добавляетъ Чарторижскій, — жалѣли, что не могли переселиться туда (въ Гатчину) и, говоря о томъ, что дѣлалось въ маленькой арміи Павла, принимали видъ павловскихъ солдатъ и самодовольно повторяли: «это по-нашему, по-гатчински». Весьма возможно, что это и извратило умъ Александра, который «за все время, пока былъ великимъ княземъ, не прочелъ до конца ни одной серьезной книги». Воспитаніе многое объясняетъ, но фактъ остается фактомъ, и врядъ ли Александру поэтому такъ нравственно тяжело было переносить павловское царствованіе: любовь къ человѣчеству, мечты о равенствѣ и свободѣ, — все это были лишь общія фразы, лишеныя конкретнаго содержанія.

Факты, приведенные авторомъ новаго изслѣдованія, по нашему мнѣнію, показываютъ, что Александръ, вопреки общему представленію, принялъ довольно активную роль въ событіяхъ 11 марта. Но самъ авторъ объясняетъ дѣло свойственной Александру

«безпечностью»: «не задумываясь глубоко о возможных послѣдствіяхъ», Александръ, давъ согласіе, пребывать въ состояніи полудремоты до окончанія заговора». Правда, лично для автора «мало понятно» «это нравственное состояніе двадцатитрехлѣтняго юноши». Впослѣдствіи эта «полудремота» стоила Александру «ряда невыносимыхъ мученій совѣсти». Можно соглашаться и не соглашаться съ послѣднимъ заключеніемъ, но, во всякомъ случаѣ, для опредѣленія личности Александра его поведеніе въ данный моментъ чрезвычайно характерно. Произошла катастрофа, и вновь чувство нравственной справедливости вошло въ коализію съ политикой. Мы уже знаемъ, что авторъ считаетъ совершенно понятнымъ «по сложнымъ обстоятельствамъ того времени» поведеніе Александра, не наложившаго никакой кары «ни на главарей, ни на прочихъ исполнителей кроваваго дѣянія». Можетъ-быть, это было и «мудро и логично». Но сдѣланный авторомъ выпадъ противъ Лагарпа едва ли справедливъ: вѣдь Лагарпъ не могъ знать, что его ученикъ—соучастникъ заговора: знай онъ это, вѣроятно, осторожный Лагарпъ и не высказалъ бы своего мнѣнія о возможной расправѣ съ заговорщиками. Указывая, что фактически всѣ участники заговора были удалены отъ двора и подверглись «позднѣйшей опалѣ», автору приходится пояснить, почему въ дѣйствительности это было сдѣлано не со всѣми. Мотивы оказываются различными: на Уварова, напр., который «почти ежедневно былъ званъ къ столу государя», а также былъ «*persona grata*» у Маріи Θεодоровны, смотрѣли сквозь пальцы, «благодаря его счастливому характеру и ничтожности его личности». Передъ нами и другая несимпатичная фигура непосредственнаго убійцы—Беннигсена, оставшагося на военной службѣ и бывшаго виднымъ дѣятелемъ во всѣхъ наполеоновскихъ кампаніяхъ. «Государь и вдовствующая императрица его принимали у себя и писали ему дѣловыя письма». «Думается,—говоритъ авторъ по этому поводу,—если на эту личность смотрѣли сквозь пальцы, то благодаря тому только, что онъ былъ иностранецъ... и цѣнили его военные дарованія» (14). Если мы припомнимъ утвержденіе автора по поводу письма Лагарпа, что на Руси никогда не терпѣли иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла, то, казалось бы, иностранное происхожденіе Беннигсена должно было привести какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ. У Беннигсена цѣнили военные дарованія, но, быть-можетъ, и Н. П. Панинъ былъ хорошій дипломатъ. Очевидно, приходится подыскивать другія объясненія. Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ Беннигсену авторъ не совсѣмъ правъ, указывая, что его терпѣли, но не довѣряли. Дѣйствительно, Александръ его не любилъ, какъ не любилъ вообще самомнительныхъ людей, выступающихъ съ непрошенными совѣтами (за это именно не любилъ онъ и Растопчина). Но Беннигсенъ былъ довѣреннымъ лицомъ Маріи Θεодоровны, не даромъ Александръ перелюстрировалъ письма своей матери (Дневникъ Г. Н. Вилламова 1807 г. «Рус. Ст.», 1912, 1, 38). Жаль, что авторъ вообще мало остановился на взаимныхъ отношеніяхъ матери къ сыну, которыя могутъ приподнять таинственную завѣсу дворцовыхъ отношеній въ первые годы царствованія Александра и къ тому же чрезвычайно характерныхъ для обрисовки личности Александра—его поразительной неискренности. Въ жизни Александра былъ еще случай, который остановилъ на себѣ вниманіе автора—паденіе Сперанскаго. Авторъ вполне справед-

ливо отвергаетъ старыя «фантастическія предположенія» — никакой, конечно, измѣны не было. «Врядъ ли допустимо», чтобы Александръ въ нее вѣрилъ, «но государь понялъ главное, что нужна жертва (!) для успокоенія встревоженныхъ умовъ». «И тогда,— пишетъ авторъ,— станетъ понятнымъ выраженное государемъ сужденіе о Сперанскомъ, что «онъ никогда не измѣнялъ Россіи, но измѣнялъ исключительно лично мнѣ». Другими словами, Сперанскій осмѣливался критиковать императора за его спиною, а иногда и острить насчетъ Александра. Вотъ въ чемъ заключалась личная измѣна. Тогда Благословенный монархъ рѣшился выдать Сперанскаго его врагамъ, съ грустью и болью въ сердцѣ, со слезами на глазахъ, но выдалъ, зная, однако, что онъ не виноватъ и не предатель» (100). Согласимся съ авторомъ. Что приходится тогда сказать о человѣкѣ, который разстается «съ грустью и болью въ сердцѣ, со слезами на глазахъ» и не раскроетъ истинной причины тому, кого ссылаетъ, какъ предателя, и не будетъ отвѣчать лично на всѣ оправданія сосланнаго...

Благодаря такой нѣкоторой двойственности въ характеристикѣ, Александръ для читателя, пожалуй, такъ и останется неразгаданнымъ сфинксомъ. Между тѣмъ намъ кажется, что всякій нимбъ окончательно и всецѣло долженъ быть снятъ съ имени Александра I. Въ итогъ своей работы авторъ задается вопросомъ: заслуживаетъ ли Александръ «быть причисленнымъ къ великимъ государямъ и правителямъ?» (342). «Смѣемъ думать, что да»,—отвѣтъ нѣсколько неожиданный. Неожиданный уже потому, что самъ авторъ, оцѣнивая внѣшнюю постановку Александра, говоритъ: «Геніальность Наполеона отразилась, какъ на водѣ, на немъ (на Александрѣ) и придала ему то значеніе, котораго онъ не имѣлъ бы, не будь этого отраженія». Оцѣнивая дѣятельность Александра въ Россіи, авторъ приходитъ къ такому окончательному заключенію: «Время его правленія нельзя причислить къ счастливымъ для русскаго народа, но весьма чреватымъ по послѣдствіямъ въ исторіи нашей родины». За что же причислять въ такомъ случаѣ Александра къ сонму великихъ людей? Впрочемъ, понятие «великій» весьма растяжимо: авторъ къ числу великихъ причисляетъ и Людовика XIV.

Мы остановились преимущественно на критикѣ изображенія личности Александра I въ трудѣ Вел. Кн. Николая Михайловича. Можно было бы указать и другіе пробѣлы, вытекающіе, по нашему мнѣнію, изъ указанныхъ выше причинъ. Одно замѣчаніе необходимо сдѣлать по поводу военныхъ поселеній. «Мы склонны видѣть,—пишетъ авторъ,—связь между идеей устройства военныхъ поселеній и религіознымъ настроеніемъ Благословеннаго монарха. Вѣдь основой введенія такого рода поселеній было желаніе облегчить участь солдатъ въ мирное время, дать имъ возможность жить съ семьями, надѣлать ихъ земельной собственностью, другими словами, самая мысль была высоко-гуманная, пропитанная великодушными стремленіями». Мы думаемъ, что основа военныхъ поселеній болѣе прозаична, какъ и свидѣлствуютъ всѣ извѣстные намъ официальные документы. Это была нѣсколько странная идея—обеспечить Россіи сильную и дешевую армію и создать фикцію вознагражденія за 1812 годъ. Безспорно, Александръ былъ творцомъ этой идеи въ ея русскомъ осуществленіи и очень упрямо проводилъ ее въ жизнь, несмотря на всѣ возраженія и ужасы, творившіеся вокругъ. Авторъ polemизуесть съ Шильдеромъ и находитъ, что «въ общемъ крестьянство

не обнаружило того негодованія, которое старались изобразить впоследствии въ литературѣ». «Вначалѣ не замѣчалось особаго ропота. Впоследствии часто отношенія обострялись больше ради мелочей (!), какъ приказанія брить бороды, носить казенные мундиры, а иногда вслѣдствіе излишней строгости или безтактности мѣстнаго, подчасъ слишкомъ ретиваго начальства» (232). Къ сожалѣнію, и здѣсь приходится вѣрить только на слово автору, такъ какъ имъ не приведено никакихъ фактовъ, опровергающихъ факты, ранѣе опубликованные. Фактовъ объ ужасахъ въ военныхъ поселеніяхъ о ненависти къ нимъ населенія съ самаго начала ихъ возникновенія, о столкновеніяхъ на этой почвѣ — болѣе чѣмъ достаточно. Polemica невозможна до тѣхъ поръ, пока не будутъ опубликованы тѣ факты, которые заставляютъ автора опровергать прочно установившееся мнѣніе въ исторической литературѣ¹⁾. Правда, оцѣнка событій очень субъективна. Такъ, наприимѣръ, авторъ считаетъ «мелочью» насильственное бритье бороды (добавимъ, старообрядцамъ), а между тѣмъ на почвѣ этихъ въ сущности религіозныхъ гоненій въ Новгородской губ. выростала эпидемія самоубійствъ, повторявшая въ миниатюрѣ то, что было въ Россіи въ массовыхъ разбѣрахъ при гоненіяхъ на старообрядцевъ въ концѣ XVII в. и въ петровское время.

Авторъ не допускаетъ мысли, чтобы Александръ могъ бы сказать свою знаменитую фразу, «что военныя поселенія будутъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова». Онъ увѣряетъ, что «Александръ не были присущи рѣзкости, особенно въ словахъ, и что упомянутое выраженіе вообще мало соотвѣтствовало его характеру». Съ этимъ, конечно, можно спорить. Нѣчто подобное Александръ не разъ говорилъ, а отчасти и дѣлалъ, въ пылу гнѣва и раздраженія. Александръ не разъ проявлялъ на ряду съ сентиментализмомъ и чувствительностью жестокость, которую нѣкоторые изъ современниковъ готовы были считать даже его природной чертой. Впрочемъ, и самъ авторъ, какъ мы видѣли уже, склоненъ считать, что Александръ «могъ съ легкимъ сердцемъ подписывать лютые приговоры къ наказанію солдатъ», и приписываетъ это «особаго рода религіозному фанатизму» Александра, связаннаго «съ тѣми нравами и обычаями, при которыхъ протекала его жизнь».

Можно привести и другія болѣе мелкія положенія и неточности, вызывающія возраженія. Авторъ совершенно невѣрно излагаетъ извѣстный проектъ Аракчеева объ освобожденіи крестьянъ, говоря, что онъ основывался на «покупкѣ *всѣхъ* помѣщичьихъ крестьянъ» (235). Едва ли можно признать кн. А. Н. Голицына выдающимся государственнымъ дѣятелемъ (186). Нельзя, конечно, объяснять появленіе тайныхъ политическихъ обществъ покровительствомъ, якобы оказываемымъ масонамъ. Невѣрно по существу, что Бернадотъ *первый* указалъ Александру въ 1812 г. способъ веденія Отечественной войны (95): мысль отступленія была высказана еще Барклаемъ въ 1807 г. Характеризуя Сперанскаго и Аракчеева въ 1809 г., авторъ приводитъ позднѣйшій отзывъ Батенкова

¹⁾ За послѣднее время вообще стали высказывать въ литературѣ новыя точки зрѣнія на военныя поселенія. Такъ, А. А. Корниловъ считаетъ ихъ опытомъ «своеобразнаго военно-государственнаго социализма». Точка зрѣнія оригинальная, но совершенно не убѣдительная.

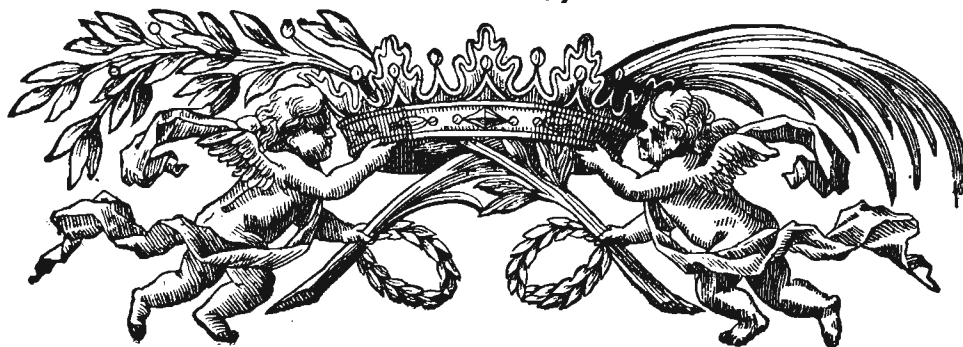
(безъ оговорокъ), отчего характеристика Сперанскаго получается, конечно, неправильная и т. д. Вѣроятно, нѣкоторыя мелочи просто слѣдуетъ отнести къ числу оговорокъ, напр., употребленіе термина Совѣтъ Министровъ вмѣсто Комитета Министровъ (210): утверженіе, что Голицынъ *давно* (1816 г.) управлялъ въ качествѣ министра духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія всѣми дѣлами церкви (177), что Кошелевъ при воцареніи Александра I сталъ дѣятельнымъ членомъ Библейскаго Общества и пр. (181). Наконецъ, въ научной работѣ можно было бы избѣгать такихъ выраженій, какъ «нѣкоторые изъ русскихъ тогда еще осмѣлились критиковать государя» и т. п.

Все это въ значительной степени только мелочи, которыя не измѣняютъ общаго характера изслѣдованія. Оно можетъ вызвать много и общихъ и частныхъ возраженій. Но, во всякомъ случаѣ, оно будитъ мысль, ставитъ новые вопросы и даетъ новые матеріалы. Въ этомъ его большая заслуга. Оно, наконецъ, въ значительной степени отступаетъ отъ все еще держащейся въ литературѣ традиціонной точки зрѣнія¹⁾.

С. Мельгуновъ.

¹⁾ Въ настоящее время книга Вел. Кн. Николая Михайловича вышла новымъ изданіемъ—цѣликомъ уже на французскомъ языкѣ (ц. 15 р.).

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

1. Статьи нѣмецкихъ авторовъ по русской исторіи въ историческомъ журналѣ Теодора Шимана.

Берлинскій профессоръ Шиманъ, извѣстный специалистъ по новой исторіи Россіи, издаетъ съ 1911 года журналъ, посвященный исключительно исторіи государствъ восточной Европы, т.-е. Россіи, Польши и балканскаго славянства. Журналъ называется *Seitschrift für osteuropäische Geschichte*. Въ немъ помѣщаются научныя изслѣдованія, историческіе документы, критическіе обзоры и, наконецъ, весьма подробно составляемая хроника, въ которой отмѣчаются текущія новости исторической литературы, и между прочимъ, дается обзоръ историческихъ статей общихъ и специальныхъ русскихъ журналовъ.

Такимъ образомъ, названное изданіе довольно широко знакомитъ нѣмецкую публику, интересующуюся исторической наукой, съ движеніемъ русской научно-исторической литературы. Для насъ журналъ Шимана интересенъ съ другой стороны: мы находимъ тамъ работы нѣмецкихъ изслѣдователей въ области русской исторіи. По этимъ работамъ мы можемъ судить о томъ, какого рода вопросы по исторіи нашего отечества привлекаютъ вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ и какъ ставится ими разработка этихъ вопросовъ.

Въ настоящей замѣткѣ я и намѣренъ вкратцѣ изложить содержаніе наиболѣе важныхъ статей по русской исторіи, принадлежащихъ нѣмецкимъ сотрудникамъ шимановскаго журнала ¹⁾.

¹⁾ Въ журналѣ Шимана печатаются также и русскіе авторы. Такъ, мы находимъ тамъ статьи: С. М. Горяинова о сношеніяхъ Россіи съ Тиролемъ въ 1812 и 1813 гг.; Великаго Князя Николая Михайловича о перепискѣ Александръ I съ императрицей Маріей Ѳеодоровной; г. Фроловскаго о нѣмецкомъ переводѣ Наказа Екатерины II. Кромѣ того, въ отдѣлѣ рецензій приняли до сихъ поръ участіе А. С. Лаппо-Данилевскій, М. Вишницеръ, А. Прѣсняковъ и друг. Въ нашей замѣткѣ мы остановимся только на статьяхъ нѣмец. авторовъ.

I.

Среди этихъ статей только одна посвящена древней русской исторіи. Леопольдъ Гетцъ, авторъ новѣйшей монографіи о Русской Правдѣ, помѣстилъ на страницахъ шимановскаго журнала обширную работу: «Титуль Великій князь въ древнѣйшихъ русскихъ лѣтописяхъ». Авторъ перебираетъ одно за другимъ всѣ мѣста лѣтописныхъ текстовъ, въ которыхъ употребленъ названный титуль, и старается установить путемъ сопоставленія всѣхъ этихъ мѣстъ политическое и юридическое значеніе, которое придавалось этому титулу въ разныя эпохи и въ различныхъ мѣстностяхъ древней Руси. Помимо разрѣшенія этой специальной своей задачи Гетцъ попутно дѣлаетъ нѣкоторыя наблюденія, относящіяся до вопроса о взаимоотношеніи различныхъ лѣтописныхъ сводовъ.

Всѣ другія статьи, подлежащія нашему разсмотрѣнію, сразу переносятъ насъ въ XVIII и XIX столѣтія.

Вальтеръ Реке далъ обстоятельную статью, посвященную новому пересмотру исторіи знаменательной политической борьбы, вспыхнувшей между «верховниками» и «шляхетствомъ» въ 1730 году передъ воцареніемъ Анны Іоанновны. Этому эпизоду нашей исторіи былъ уже посвященъ рядъ специальныхъ работъ гг. Корсакова, Загоскина, Милюкова, не говоря о томъ, что и всѣ авторы общихъ сочиненій и курсовъ по новой русской исторіи такъ или иначе касались связанныхъ съ нимъ событій. Казалось, вопросъ изученъ, что называется, вдоль и поперекъ. Тѣмъ не менѣе, Вальтеръ Реке, подвергнувъ самостоятельному изслѣдованію относящіеся сюда первоисточники, сумѣлъ выдвинуть нѣсколько свѣжихъ соображеній, возбуждающихъ немалый интересъ. Не всѣ эти соображенія безусловно убѣдительны, но имъ во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ серьезности и остроуміи. Говоря о событіяхъ 1730 г., теперь уже будетъ невозможно не посчитаться такъ или иначе съ конструкціей названнаго нѣмецкаго автора. Я отмѣчу лишь тѣ пункты этой конструкціи, въ которыхъ Вальтеръ Реке наиболѣе рѣшительно расходится съ своими предшественниками по изученію даннаго вопроса. Во-первыхъ, Реке находитъ, что посланные Аннѣ Іоанновнѣ въ Митаву «кондиціи» вовсе не были скопированы съ шведскаго образца. Мысль о шведскомъ происхожденіи этихъ кондицій, высказанная еще проф. Корсаковымъ, получила затѣмъ сильное подкрѣпленіе со стороны шведскаго историка Іорне, къ которому всецѣло примкнулъ и П. Н. Милюковъ. Реке оспариваетъ выводы этихъ изслѣдователей. Прежде всего онъ считаетъ, что участіе Фика въ работахъ кн. Д. М. Голицына сильно преувеличено: послѣдующая слѣдственная коммиссія не признала за Фикомъ никакой серьезной вины. Затѣмъ, по мнѣнію Реке, всѣ тѣ «пункты», которые сближаются Іорне и Милюковымъ съ предполагаемымъ шведскимъ источникомъ, могли быть совершенно естественно подсказаны туземными историческими прецедентами, тѣми притязаніями на властную политическую роль, которыми одушевлялось допетровское боярство и которыя цѣликомъ ожили въ душѣ потомка и правовѣрнаго послѣдователя этихъ бояръ князя Димитрія Голицына. Эти соображенія соотвѣтствуютъ основной идеѣ статьи Реке, который видитъ въ «затѣйкѣ»

Димитрія Голицына исключительно запоздалый пережитокъ старинной борьбы московскаго боярства съ царской властью. Однако полемика Реке съ Йорне и Милюковымъ въ этомъ пунктѣ не кажется намъ убѣдительною. Реке, несомнѣнно, преувеличиваетъ зрѣлость политическаго сознанія московскаго боярства, а кромѣ того, упускаетъ изъ виду слѣдующее важное обстоятельство: если бы даже Голицынъ и могъ почерпнуть всѣ выраженные въ «кондиціяхъ» притязанія въ историческихъ преданіяхъ русской родовой знати, то и въ такомъ случаѣ иноземный, въ данномъ случаѣ, шведскій, образецъ могъ оказаться для него крайне необходимымъ, какъ руководство для *формулировки* этихъ притязаній въ ясныхъ и законченныхъ терминахъ. И въ этомъ отношеніи произведенное въ работѣ Йорне сближеніе текста кондицій 1730 г. съ текстомъ шведскихъ государственныхъ актовъ 20-хъ годовъ XVIII столѣтія сохраняетъ все свое значеніе и послѣ доводовъ Реке. Зато гораздо болѣе интересъ представляютъ соображенія Реке о такъ называемомъ «конституціонномъ планѣ» Димитрія Голицына. Предшествующіе изслѣдователи и въ особенности П. Н. Милюковъ очень подчеркивали то обстоятельство, что Голицынъ не остановился на выработкѣ «кондицій», а составилъ затѣмъ цѣлый проектъ конституціи, въ которомъ, въ отвѣтъ на поднявшуюся среди шляхетства оппозицію его олигархическимъ планамъ, сдѣлалъ рядъ существенныхъ уступокъ шляхетскимъ притязаніямъ. П. Н. Милюковъ на основаніи этихъ уступокъ находитъ даже вообще невозможнымъ характеризовать Д. М. Голицына, какъ послѣдовательнаго и непримиримаго олигарха. Реке, наоборотъ, считаетъ Голицына олигархомъ чистой воды и доказываетъ, что Голицынъ никогда не сходилъ съ почвы «кондицій», составленныхъ въ рѣзко олигархическомъ духѣ. Что же касается до «плана конституціи» Голицына, которому П. Н. Милюковъ посвящаетъ такъ много вниманія, то Реке отвергаетъ самый фактъ его составленія. Вотъ его аргументы. Планъ этотъ нигдѣ не былъ найденъ. Протоколы Верховнаго Совѣта хранятъ о немъ полное молчаніе. Большинство дипломатическихъ агентовъ въ своихъ донесеніяхъ не упоминаютъ о немъ. Всѣ данныя объ этомъ «планѣ» исчерпываются свидѣтельствами, которые находятся въ донесеніяхъ испанскаго посланника де-Лиріа, англійскаго дипломатическаго агента Рондо и французскаго — Маньяна; при чемъ только одинъ Маньянъ приписываетъ составленіе этого плана именно Голицыну, а де-Лиріа и Рондо не обозначаютъ, отъ кого вышелъ этотъ планъ. Совпаденіе показаній этихъ трехъ свидѣтелей и ставило до сихъ поръ внѣ сомнѣнія вопросъ о появленіи этого конституціоннаго плана. Все, что говорили Корсаковъ и Милюковъ о содержаніи «плана», было основано на бѣглыхъ и отрывочныхъ сообщеніяхъ трехъ выше названныхъ иностранныхъ дипломатовъ.

Реке считаетъ, что никакого «конституціоннаго плана», который можно было бы приписать Голицыну помимо «кондицій», не существовало. Прежде всего онъ доказываетъ, что передъ нами не три самостоятельныхъ извѣстія объ этомъ планѣ, а только одно, лишь трижды повторенное. Де-Лиріа, Рондо и Маньянъ какъ разъ составляли тѣсный дипломатическій комплотъ, сообща дѣйствовали, сообща добывали свѣдѣнія, вели общую дипломатическую кампанію. Реке и доказываетъ далѣе, что Маньянъ и Рондо получили свѣдѣнія, о «планѣ» отъ своего испанскаго колъ-

леги, а де-Лиріа, передавая эти свѣдѣнія, самымъ невозможнымъ образомъ перепуталъ всѣ факты. Онъ вообще былъ чрезвычайно плохо освѣдомленъ о ходѣ событій, и его сообщенія кишатъ грубыми ошибками. Многія изъ этихъ ошибокъ воспроизведены затѣмъ и у Маньяна. Въ результатѣ подробнаго анализа донесеній де-Лиріа и Маньяна Реке приходитъ къ заключенію, что эти дипломаты, не будучи освѣдомлены о подлинномъ текстѣ «кондицій», не могли разобраться въ доходившихъ до нихъ отрывочныхъ слухахъ о разнаго рода проектахъ и, запутавшись въ этихъ слухахъ, совершенно произвольно составили себѣ представленіе о существованіи какого-то «плана конституціи», исходящаго отъ верховниковъ, при чемъ этотъ мнимый «планъ» они смѣшивали то съ кондиціями, то съ различными обрывками шляхетскихъ проектовъ: вотъ почему въ составъ этого мнимаго «плана» и попали черты, не вяжущіяся съ олигархическими стремленіями Голицына.

Мы не будемъ излагать анализа донесеній де-Лиріа и Маньяна, предложеннаго у Реке. Это потребовало бы довольно много мѣста. Скажемъ только, что наблюденія Реке представляются намъ не лишенными основанія, и что заключенія, изъ нихъ вытекающія, совершенно измѣняютъ выдвинутую П. Н. Милюковымъ конструкцію роли Голицына въ событіяхъ 1730 г. Если отвергнуть вмѣстѣ съ Реке существованіе голицынскаго «плана конституціи» и остаться при однихъ «кондиціяхъ», то придется согласиться и съ тѣмъ, что идеаломъ Голицына была ничѣмъ не смягченная олигархія.

Въ статьѣ Реке находимъ еще интересныя соображенія о дѣйствіяхъ Василя Лукича Долгорукова, о взаимоотношеніи генералитета и рядового шляхетства во время событій 1730 г. и т. д. Излагать этихъ соображеній мы уже не будемъ, такъ какъ это ввело бы насъ въ слишкомъ спеціальныя подробности.

XVIII вѣку посвящена еще статья Фридриха Андреа объ отношеніяхъ Екатерины II къ Мерсье-де ла Ривіеру. Въ статьѣ находимъ детальный разборъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ о пребываніи французскаго экономиста въ Россіи и о причинахъ недовольства Екатерины знакомствомъ съ этимъ самоувѣреннымъ доктринеромъ. Наконецъ двѣ статьи переносятъ насъ въ царствованіе Николая I.

Шиманъ по архивнымъ матеріаламъ рассказываетъ о дипломатической поѣздкѣ въ Берлинъ фельдмаршала Дибича въ 1830 г. Этотъ эпизодъ живо рисуетъ международную роль Россіи въ царствованіе Николая I. Лишь только въ Петербургѣ были получены извѣстія объ іюльской революціи во Франціи, императоромъ Николаемъ Павловичемъ овладѣлъ стремительный порывъ воинственности. Онъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что государственный переворотъ въ Парижѣ тотчасъ же объединитъ всѣ монархическія правительства Европы для общаго выступленія противъ революціонной Франціи. Въ Вѣну былъ посланъ графъ Алексѣй Орловъ, въ Берлинъ — Дибичъ. Они должны были сообщить австрійскому и прусскому правительствамъ военные планы русскаго императора для согласованія ихъ съ операціями, намѣченными Австріей и Пруссіей. Что названныя державы обьяты рѣшимостью сколь возможно скорѣе наказать французскихъ мятежниковъ, въ этомъ при петербургскомъ дворѣ не допускали и тѣни сомнѣнія. Между тѣмъ воинственный пылъ Россіи испугалъ Австрію и Прус-

сію въ гораздо большей мѣрѣ, нежели сама іюльская революція. Для императора Николая Павловича все казалось простымъ и яснымъ; въ его глазахъ положеніе исчерпывалось самой элементарной борьбой двухъ началъ—революціи и легитимизма. Немудрено, что австрійскіе и прусскіе дипломаты, имѣвшіе на рукахъ рядъ деликатныхъ и сложныхъ вопросовъ международной политики, были чрезвычайно встревожены прямолинейными призывами изъ Петербурга и доносившимся оттуда бряцаніемъ оружія. Дибичъ встрѣтилъ въ Берлинѣ болѣе чѣмъ кислый пріемъ. Онъ рассчитывалъ, что его встрѣтятъ, какъ ангела-хранителя. На самомъ дѣлѣ къ нему отнеслись, какъ къ незванному гостю, который своимъ неожиданнымъ появленіемъ вноситъ досадную безтолковщину въ планы хозяина и отъ котораго стараются отдѣлаться подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Въ статьѣ Шимана и данъ подробный рассказъ о томъ, какъ усиліями прусскаго правительства была ликвидирована миссія Дибича.

Не менѣе интересна и статья Рихарда Саломона о той дипломатической суматохѣ при европейскихъ дворахъ, которая предшествовала признанію европейскими правительствами Наполеона III въ качествѣ французскаго императора. Въ 1908 г. въ Петербургѣ вышла работа А. М. Зайончковскаго «Восточная война 1853—56 гг.». Эта книга прошла какъ-то незамѣченной у насъ въ Россіи, между тѣмъ, какъ она заслуживаетъ серьезнаго вниманія по богатству заключающихся въ ней архивныхъ данныхъ. Между прочимъ, тамъ находится не мало интереснаго матеріала и по вопросу о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ произошло признаніе Наполеона III французскимъ императоромъ со стороны Россіи. Рихардъ Саломонъ и положилъ этотъ матеріалъ въ основу своей статьи, подвергнувъ въ связи съ этимъ пересмотру и всю остальную литературу даннаго вопроса. Въ результатѣ получился очень живой очеркъ международного положенія въ Европѣ въ началѣ 50-хъ годовъ XIX столѣтія. Воцареніе Наполеона III задавало для европейской дипломатіи чрезвычайно сложную и щекотливую задачу. Союзнымъ договоромъ 20 ноября 1815 г. Австрія, Англія, Пруссія и Россія торжественно установили, что ни одинъ Бонапартъ никогда не долженъ пользоваться во Франціи верховной властью и что всякой попыткѣ къ нарушенію этого правила поименованныя выше державы противопоставятъ самое рѣшительное противодѣйствіе. Итакъ, признать Наполеона III значило для этихъ державъ отречься отъ собственныхъ обязательствъ, отречься отъ защиты принципа легитимизма въ пользу династіи, выдвинутой государственными переворотами и плебисцитами. Но, съ другой стороны, европейскія державы, стоявшія за охрану монархизма и легитимизма, по ироніи судьбы оказывались передъ дилеммой: либо признать Наполеона III, либо отвергнуть въ его лицѣ единственную силу, которая могла въ тотъ моментъ противостать успѣхамъ республиканской идеи. Легко представить себѣ, какая напряженная работа была задана этой дилеммой дипломатическимъ перьямъ. Съ самаго начала было ясно, что во имя борьбы съ республиканизмомъ монархическія державы пойдутъ на признаніе Наполеона III. Но это признаніе предстояло окружить дипломатическими фикціями, которыя должны были прикрыть флеромъ словесныхъ хитросплетеній фактическое отреченіе державъ отъ договора 1815 года. Рихардъ Саломонъ и прослѣживаетъ въ своей

статьѣ шагъ за шагомъ филигранную работу дипломатическихъ искусниковъ въ этомъ направленіи.

Англія съ самаго начала выказала рѣшительную склонность признать Наполеона III безъ дальнихъ оговорокъ и колебаній. На противоположномъ полюсѣ стояла Россія. Императоръ Николай Павловичъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы въ кругъ коронованныхъ особъ вошелъ полноправнымъ членомъ государь, достигшій власти при посредствѣ революціи.

Задачу построить золотой мостъ между договоромъ 1815 года и признаніемъ Наполеона взяла на себя Австрія. Рихардъ Саломонъ изображаетъ съ большой живостью, какъ изъ Вѣны время отъ времени выходили одна за другой ноты, имѣвшія цѣлью убѣдить императора Николая Павловича въ томъ, что можно поставить дѣло на такую почву, при которой признаніе Наполеона не будетъ противорѣчить договору 1815 года. Эти измышленія вѣнской дипломатіи встрѣтили въ Петербургѣ самый хмурый пріемъ, но, въ концѣ-концовъ, пришлось признать, что ничего лучшаго придумать невозможно, и петербургское министерство иностранныхъ дѣлъ начинало оперировать фикціями, подсказанными изъ Вѣны.

Любители дипломатическаго спорта найдутъ въ статьѣ Саломона не мало любопытнѣйшихъ его образчиковъ. Приведу здѣсь два примѣра. Сначала Австрія предложила стать на такую точку зрѣнія: договоръ 1815 г. устранялъ отъ французской короны *всѣхъ* Бонапартовъ; но вѣдь теперь рѣчь идетъ о признаніи права на корону лишь за *однимъ* изъ нихъ! Какъ будто понятіе *всѣ* не обнимаетъ въ данномъ случаѣ и cadaquo въ отдѣльности!

Иначе говоря, Австрія предлагала признать Наполеона только лично, не распространяя признанія на его династію. Наполеонъ отвѣтилъ на это присоединеніемъ къ своему титулу цифры III, подчеркнувъ тѣмъ два важныя обстоятельства: 1) что онъ смотритъ на себя, какъ на члена наполеоновской *династіи* и 2) что онъ игнорируетъ всю работу общеевропейской дипломатіи въ промежутокъ времени между 1815 и 1852 годами: вѣдь европейскія державы никогда не давали своего признанія Наполеону II! Это обстоятельство создавало новое чрезвычайное осложненіе для выполненія той задачи, которую преслѣдовала Австрія. Николай Павловичъ написалъ на донесеніи Бруннова по вопросу о цифрѣ III въ титулѣ Наполеона: «Я предлагаю называть его Людовикомъ Наполеономъ и больше ничего. Если онъ разсердится на это, тѣмъ хуже для него; а если онъ начнетъ грубить, то Киселевъ покинетъ Парижъ». Вслѣдъ за этимъ подымался и другой деликатный вопросъ: возможно ли въ личной перепискѣ монарховъ прилагать къ Наполеону обычное обращеніе «государь, братъ мой»?

Западные дипломаты скоро изыскали способы мотивировать уступку и по этимъ двумъ пунктамъ. Цифру III было рѣшено признать съ оговоркой, что она принимается не въ политическомъ, а только въ ариѳметическомъ смыслѣ! Формула, оказавшаяся удобной именно въ силу своей безсодержательности. Что же касается наименованія Наполеона «братомъ», то здѣсь сослались на прецеденты примѣненія такого обращенія къ выбраннымъ монархамъ, припомнивъ для этой цѣли и выборныхъ королей прежней Польши.

Но по этимъ двумъ пунктамъ Николай Павловичъ рѣшилъ не идти на уступки. Киселевъ долженъ былъ предъявить Наполе-

ону свои вѣрительныя грамоты, въ которыхъ не было злополучной цифры III, а слово Fête было замѣнено словами «Bon Ami». При содѣйствіи Морни Киселеву удалось обезпечить принятіе этихъ грамотъ. Наполеонъ на аудіенціи сказалъ Киселеву, что въ виду настоящихъ обстоятельствъ онъ обращаетъ вниманіе на сущность дѣла, а не на внѣшнюю форму.

Русскіе дипломаты провозгласили этотъ исходъ, какъ крупную дипломатическую побѣду Россіи. Въ этихъ восторгахъ сказалось, однако, лишь полное непониманіе сущности политическаго момента. Саломонъ заканчиваетъ свою статью правильнымъ указаніемъ на то, что изложенная имъ дипломатическая кампанія явилась прелюдией къ тѣмъ событіямъ 1855 года, которыя сулили самые тяжкіе удары международному положенію Россіи.

II.

Кромѣ изслѣдованій и статей въ журналѣ Шимана, какъ уже сказано, помѣщаются и подлинныя тексты или подробные обзоры неизданныхъ ранѣе историческихъ документовъ. Отмѣчу здѣсь наиболѣе интересное и въ этой области. Шиманомъ опубликованы: 1) собственноручная записка императора Николая I о французской революціи 1848 г., написанная подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ только что разыгравшихся событій, 2) письмо великой княгини Александры Ѳеодоровны, будущей императрицы, къ своему брату отъ 13 декабря 1825 г., 3) записка маіора Ройеръ-Люнеса о русскихъ придворныхъ и политическихъ новостяхъ въ 1817 г. и 4) записка, составленная въ 1859 г. однимъ русскимъ дипломатомъ о славянскомъ движеніи въ Австріи.

Въ запискѣ 1848 г. императоръ Николай I отыскиваетъ причины февральской революціи. Коренную причину онъ видитъ въ томъ, что Европа по неизвинительному ослѣпленію признала переворотъ 1830 года и этимъ подорвала принципъ легитимизма. Затѣмъ онъ указываетъ на то, что во время польскаго возстанія Пруссія и Австрія предоставили свободный пріютъ польскимъ бѣглецамъ и этимъ облегчили распространеніе мятежныхъ идей по всей Германіи, чему способствовало также пагубное направленіе дѣятельности нѣмецкихъ университетовъ. Николай Павловичъ не находитъ, далѣе, словъ для достаточнаго порицанія парламентской реформы въ Англіи. «Въ силу этой реформы,—говоритъ онъ,—прежняя Англія исчезла съ лица земли и народилась новая, которая сохранила отъ былого времени одни только пороки и объявила себя повсемѣстной покровительницей всякаго безпорядка, всякихъ революціонныхъ потрясеній и переворотовъ».

Записка заканчивается соображеніями о томъ, что предстоитъ дѣлать Россіи. «Если вспыхнетъ война между Австріей и Пьемонтомъ,—пишетъ Николай Павловичъ,—Россія не будетъ вмѣшиваться: «я никогда не соглашусь послать русскія войска въ столь отдаленныя мѣстности». Но если пламя революціи охватитъ Германію, тогда намъ придется въ нашихъ собственныхъ интересахъ выступить со всѣми нашими силами на подавленіе этого зла»,—такое заключеніе записки.

Письмо Александры Ѳеодоровны въ высшей степени интересно потому, что оно писано наканунѣ 14 декабря 1825 г. Великая кня-

гиня сообщаетъ брату, какъ ея супругъ присягнулъ своему старшему брату Константину. «Этимъ поступкомъ,—пишетъ Александра Ѳеодоровна,—Николя сразу завоевалъ высокое уваженіе націи: всѣ убѣдились въ величій его характера». Когда вскрыли пакетъ съ отреченіемъ Константина въ пользу Николая Павловича, императрица Марія Ѳеодоровна пожелала лично говорить съ членами Государственного Совѣта. Произошла, по словамъ Александры Ѳеодоровны, раздирающая душу сцена, но затѣмъ всѣ успокоились. Марія Ѳеодоровна заявила, что ей было извѣстно отреченіе Константина и что Николай на основаніи этого отреченія можетъ получить корону по праву и согласно желанію покойнаго императора, но она съ своей стороны можетъ только одобрить образъ дѣйствій Николая Павловича, который послѣдовалъ чувству долга. Всѣми было рѣшено ждать окончательнаго разрѣшенія вопроса отъ самого Константина. «Что предстоитъ намъ—мы не знаемъ,—писала Александра Ѳеодоровна, но, главное, достигнуто *общее спокойствіе*». Это было написано наканунѣ 14 декабря.

Донесеніе Ройеръ-Люнеса—прусскаго чиновника—представляетъ собою отчетъ объ его поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1817 г., изготовленный имъ для Гарденберга. Ройеръ-Люнесъ пробылъ въ Петербургѣ нѣсколько недѣль и передалъ въ отчетъ всѣ тѣ наблюденія и слухи о придворной и политической жизни въ Россіи, которые могли такъ или иначе интересовать прусское правительство. Въ этихъ сообщеніяхъ много очевидныхъ ошибокъ, но онѣ интересны именно тѣмъ, что по нимъ можно судить, съ какими надеждами и съ какими опасеніями взирали въ то время Пруссія на свою восточную сосѣдку. Очень характерно то, что среди этихъ опасеній на первомъ планѣ стояла боязнь передъ возможностью возстановленія самостоятельной Польши. Въ этомъ вопросѣ глаза у прусскаго страха были такъ велики, что Ройеръ-Люнесъ серьезно заговорилъ даже въ своемъ отчетѣ о возможности провозглашенія Константина Павловича королемъ самостоятельной Польши и съ этою возможностью онъ ставилъ въ связь слухи о рѣшеніи Константина Павловича отказаться отъ правъ на русскую корону.

Наконецъ записка 1859 г. о славянахъ въ Австріи, составленная русскимъ дипломатомъ, содержитъ въ себѣ доказательства необходимости оказанія со стороны русскаго правительства матеріальной и моральной поддержки дѣятелямъ славянскаго, преимущественно чешскаго, культурнаго движенія въ Австріи. Къ сожалѣнію, текстъ этой записки не снабженъ никакими указаніями на счетъ обстоятельствъ ея составленія, а также не выяснена и личность автора записки.

Ал. Кизеветтеръ.

2. Изъ иностранныхъ журналовъ.

1. *Марія-Антуанетта предъ судомъ исторіи.*

Графъ Сегюръ заканчиваетъ вторую часть своего труда «На закатѣ монархіи», посвященнаго исторіи монархіи Людовика XVI предъ революціей (*Revue des Deux Mondes*. 1912. C-te Segur. Au couchant de la monarchie). Главы этой части трактуютъ о первомъ министерствѣ Неккера; съ обычнымъ мастерствомъ авторъ рисуется на основаніи многочисленныхъ современ-

ныхъ мемуаровъ умѣренную политику ловкаго финансиста, который задавался исключительно дѣловой и практической программой реформъ въ противоположность теоретику Тюрго; подробно излагаетъ всѣ перипетіи борьбы за власть Неккера съ восьмидесятилѣтнимъ министромъ-менторомъ молодого Людовика XVI, графомъ Морепа. Среди суетоки и интригъ придворной жизни постепенно выступаетъ на первый планъ молодая легкомысленная королева Марія-Антуанетта, руководимая исключительно чувствами родственной любви и дружеской пріязни. Австрійская родня старается насильственно втянуть ее въ политику—и королева изъ всѣхъ силъ стремится помочь «своей дорогой мамашѣ» и «своему дорогому брату» Іосифу II, не останавливаясь даже предъ рискомъ войны Франціи съ Пруссіей изъ-за австрійскихъ интересовъ. Искусному царедворцу Морепа приходится выдержать жестокую сцену вслѣдствіе его отказа поддерживать австрійскія притязанія королевы. Постепенно молодая королева привыкаетъ къ навязываемой ей роли руководительницы слабаго короля, но попрежнему остается вѣрна интересамъ своего интимнаго кружка съ герцогиней Полиньякъ во главѣ. Неккеръ, несмотря на свою бережливость, умѣетъ сблизиться съ кружкомъ королевы и воспользоваться ея вліяніемъ, чтобы низвергнуть безпорядочное хозяйничанье морского министра де Сартина и военного де Монбаре... Прошли годы... И недавно опубликованная О. Гейденстамомъ переписка М.-Антуанетты съ Барнавомъ (O. G. Heidenstam. Lettres de Marie-Antoinette et de Barnave. Revue de Paris 1912. №№ 21, 23) знакомитъ насъ съ политикой королевы послѣ неудачнаго бѣгства въ Вареннъ (1791 г.). Въ замкѣ Лефстадъ въ Швеціи Гейденстаму удалось найти большую связку писемъ (44) королевы и столько же Барнава.

Во время переѣзда изъ Варенны въ Парижъ, королева сумѣла привлечь на свою сторону Барнава, сопровождавшаго королевскую семью въ числѣ другихъ делегатовъ Національнаго Собранія. Онъ общалъ королю свою поддержку при содѣйствіи друзей, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ Дюпоръ и А. Ламеть. Черезъ Марію-Антуанетту они стараются убѣдить короля признать конституцію, добиться возвращенія эмигрантовъ и склонить императора признать конституцію, рекомендуютъ осторожное поведеніе, чтобы остановить революціонное движеніе. Послѣднія два желанія оказываются неисполнимы. Благодаря стараніямъ Барнава Собраніе восстанавливаетъ королевскую власть. Королева довольна и старается убѣдить своихъ тайныхъ совѣтниковъ отказаться отъ остальныхъ требованій,—въ концѣ-концовъ, уступаетъ ихъ настояніямъ, но не достигаетъ ничего, кромѣ уклончиваго отвѣта Леопольда Австрійскаго. Республиканская демонстрація на Марсовомъ полѣ вызываетъ у нея сомнѣніе въ примиреніи съ революціонерами. Напрасно «тайный комитетъ» объясняетъ ей, насколько возвысится королевская власть отъ союза съ народомъ послѣ признанія конституціи: королева не надѣется на прекращеніе анархіи и теперь старается извлечь возможную пользу отъ своихъ совѣтниковъ. Напрасно совѣтники уговариваютъ ее «примкнуть къ народу». Новое охлажденіе вызываетъ назначеніе нежелательнаго кандидата министромъ и неудача свиданія. Теперь «тайный комитетъ» именуется королевой «эти господа». Личному вліянію Барнава удается восторжествовать на нѣкоторое время, но отказъ короля утвердить декретъ объ изгнаніи неприсягнувшихъ священниковъ способствуетъ разрыву: недоразумѣнія изъ-за мелкихъ вопросовъ, въ которыхъ «тайный комитетъ» видитъ торжество придворныхъ реакціонеровъ, растутъ и, наконецъ, 28 декабря переписка прекращается. Сильное вліяніе на королеву оказываетъ Ферзенъ; убѣждая тайныхъ совѣтниковъ въ своей

искренности, королева пишет Ферзену, что «видитъ ихъ и сносится лишь для того, чтобы ими воспользоваться»... Такимъ образомъ окончательно дорисовывается ловкая, изворотливая, но недальновидная политика королевы, политика оттяжекъ и отсрочекъ, вопреки увѣреніямъ автора статьи Гейденстама.

2. Наполеонъ и восточный вопросъ.

Послѣднія отголоски юбилейной литературы доносятся къ намъ изъ ушедшаго въ вѣчность 1912 года.

Статья Г. Шмидта «Наполеонъ и Балканскія дороги» (*Revue de Paris*. № 23. 1912 — Schmidt: Napoleon et les routes Balcaniques) на основаніи архивныхъ матеріаловъ изображаетъ стремленіе Наполеона въ 1810—1812 гг. захватить для французской промышленности турецкіе рынки, организовать новые караванные пути изъ Салоникъ въ Иллирійскія провинціи, — передовой постъ наполеоновской имперіи на востокъ, — чрезъ Македонію и Боснію для доставки хлопка изъ Малой Азіи. Невозможное состояніе горныхъ дорогъ, разбойничество сербовъ и арнаутовъ, интриги Англіи и Австріи, соперничество греческихъ купцовъ и духовенства, грабительство турецкихъ чиновниковъ парализовали всѣ энергичныя усилія французскихъ консуловъ. Наполеонъ руководился одними экономическими соображеніями и потому отклонилъ просьбу Кара-Георгія о помощи сербамъ, несмотря на то, что послѣдній обѣщалъ въ 1810 взамѣнъ поддержки 40.000 сербовъ и 20.000 черногорцевъ.

Совершенно иначе отнесся Наполеонъ къ донесеніямъ агентовъ своихъ о томъ, что венгерское дворянство недовольно политикой Франца I. (Статья Людовика Горанскаго—Louis de Hoganszky: Napoleon et la Hongrie—въ *Revue de la Hongrie*. 1912 №№ 9, 10). Онъ сдѣлалъ смѣлую попытку оторвать Венгрію отъ Австріи. Очень любопытную прокламацію его къ Венграмъ перевелъ на венгерскій языкъ и редактировалъ, по-видимому, поэтъ Бачани. Но венгерская знать уже въ 1808 году на сеймѣ успѣла столковаться и помириться съ королемъ, и прокламація не имѣла никакого успѣха: лишь небольшая кучка горячихъ патріотовъ втайнѣ сочувствовала въ то время идеѣ венгерской независимости.

А. Васютинскій.

3. О значеніи эпохи Отечественной войны.

Статья А. А. Корнилова «Эпоха Отечественной войны и ея значеніе въ новѣйшей исторіи Россіи» («Русская Мысль» 1912 г. ноябрь), ставитъ себѣ чрезвычайно обширныя задачи. Статья начинается съ Екатерины II и кончается крестьянской реформой: таковъ ея хронологическій захватъ. Внутри этой широкой хронологической рамы читатель находитъ самый разнообразный матеріалъ: тутъ и попытка заново освѣтить личность Александра I, и стремленіе выяснитъ основныя тенденціи его внѣшней политики — тоже, отчасти, по новому — и кое-что о литературѣ двѣнадцатаго года, и очень много о военныхъ дѣйствіяхъ — и особенно много, этому авторъ, видимо, придаетъ особенную важность, о социально-экономическомъ развитіи Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. Статья большая, болѣе трехъ печатныхъ листовъ: но вмѣститъ туда столько фактовъ можно было лишь при необыкновенной компактности изложенія. Съ перваго взгляда можно было полагать, что компактность

изложенія можетъ невыгодно отразиться на его замыслѣ. Поговорка: «коротко и ясно» такъ же мало вѣрна, какъ и большинство поговорокъ. Короткое рѣдко бываетъ вполне яснымъ и для того, чтобы выразить свою мысль съ достаточной ясностью, приходится иногда сказать довольно много словъ. Возьмемъ для образчика упоминавшуюся нами выше характеристику Александра I. Какъ извѣстно, въ нашей исторической литературѣ эта характеристика прошла двѣ фазы. Въ дореволюціонное время, когда царствующія особы моложе Екатерины II не могли имѣть недостатковъ, это былъ прекраснѣйшій мечтатель, вступившій на престолъ съ мыслью облагодѣтельствовать своихъ подданныхъ; трудныя обстоятельства, дурные совѣтники, отчасти тупоуміе и неблагодарность самихъ благодѣтельствуемыхъ ожесточили прекрасное сердце — къ концу жизни отъ мечтателя остается мрачный мистикъ и коронованный хозяинъ Аракчеева. Послѣ 1905 года появилась возможность говорить и о недостаткахъ даже внуковъ Екатерины II; тутъ же ястатіи выяснилось участіе Александра Павловича въ заговорѣ 11 марта 1801 года и нѣкоторые другіе факты (выяснились, нужно прибавить, для русской публики: европейская давно объ этомъ знала, хотя бы изъ мемуаровъ Чарторыжскаго). Нельзя же было не использовать новыхъ возможностей: прекраснѣйшаго мечтателя смѣнилъ хитрый притворщикъ, игравшій роль чуть ли не изъ любви къ искусству, иногда, — даже тамъ, гдѣ притворяться не было ни малѣйшей практической необходимости. Обѣ эти характеристики сами по себѣ цѣльны и закончены; не будемъ настаивать, что онѣ обѣ одинаково неисторичны — Александръ никогда не былъ ни шиллеровскимъ юношей, ни Макиавелли на престолѣ; это просто былъ типичнѣйшій русскій баринъ французскаго воспитанія, больше всего любившій нѣмцевъ за то, что они аккуратны, исполнительны и отъ нихъ ничѣмъ не пахнетъ. Ясно одно: двѣ характеристики исключаютъ одна другую, либо «мечтатель», либо «хитрый десантъ», но не то и другое сразу. Александръ г. Корниловъ уже при вступленіи на престолъ былъ «человѣкомъ не только необычайно много для своихъ лѣтъ вынесшимъ и пережившимъ, но и надломленнымъ жизнью. Къ этому времени онъ уже утратилъ послѣднее довѣріе къ людямъ и въ то же время окончательно выработалъ въ себѣ способность носить личину, играть роль...» А пятью строками ниже мы узнаемъ, что «все это не мѣшало ему» оставаться «попрежнему идіологомъ и мечтателемъ», который «началъ съ попытки осуществить свои старыя мечты объ облагодѣтельствovanіи Россіи идеальнымъ политическимъ строемъ». Какіе мотивы могли побудить человѣка «утратившаго послѣднее довѣріе къ людямъ» призывать этихъ людей къ участію въ управленіи, то-есть оказывать имъ, съ точки зрѣнія государя, величайшую степень довѣрія, этого г. Корниловъ не объясняетъ. Онъ вообще не приводитъ никакихъ фактовъ, которые обосновывали бы его характеристику Александра, или хотя бы иллюстрировали ее. Когда говорятъ вещи заурядныя, обыкновенныя, можно поступить и такъ: Х. былъ добръ, Y. былъ золъ — ну и Богъ съ ними. Правда, при такой манерѣ въ памяти читателя ничего не останется: но что было бы съ этою несчастною памятью, если бы она запоминала все прочитанное? Вотъ, однако, приходитъ историкъ и говоритъ: Z былъ золъ и добръ въ одно и то же время. Тутъ самый смирный читатель забунтуетъ и потребуетъ, чтобы ему показали такую необыкновенную вещь наглядно. Но г. Корниловъ некогда: онъ спѣшитъ къ внѣшней политикѣ своего необыкновеннаго героя, и его повѣствованіе развертывается съ такою же «паразитальной быстротой», какъ и эта послѣдняя.

Но оставимъ личныя характеристики. Пусть г. Корниловъ не просто «сложилъ» то, что писалось въ разныхъ историческихъ книжкахъ объ Александрѣ I до и послѣ 1905 года, пусть для своей характеристики онъ продѣлалъ сложныя психологическія операціи, скрывъ ихъ отъ насъ. Но вотъ эта самая внѣшняя политика: тутъ уже мы на почвѣ настоящей исторіи. Когда-то, въ дни Ранке, международныя отношенія были главнымъ доменомъ исторической науки высокаго стиля. Все остальное, въ особенности злосчастная экономика, отбрасывалось на третій планъ. А. А. Корниловъ уже не принадлежитъ къ этой школѣ: онъ щедрою рукой отдаетъ дань новѣйшимъ ересямъ, и одинъ изъ *первыхъ* въ числѣ историковъ, не состоящихъ подъ отлученіемъ, рѣшается видѣть въ *экономическихъ* условіяхъ *главный* моментъ политики Александра Павловича по отношенію къ Англіи и Франціи (стр. 113 — 115 его статьи). Только непосвященные могли бы удивиться, что усвоивъ ересь, ортодоксальный авторъ остерегается назвать первоисточники своего мнѣнія: подъ соотвѣтствующими страницами вы найдете имена Алобера Сореля, Вандаля, С. М. Соловьева и даже Файфа (отчего не Иловайскаго? у него тоже кое-что есть о Трафальгарскомъ сраженіи, напримѣръ, и даже о континентальной блокадѣ). Такъ и Лютеръ ссылаясь на ап. Павла и блаженнаго Августина — Гуса же, въ качествѣ предшественника, заставила его назвать, какъ извѣстно, лишь провокаторская выходка его недобросовѣстнаго противника. Мы вовсе не хотимъ подражать этому послѣднему: важна побѣда *мнѣнія*, а не имена, еретики—люди по самому существу дѣла безыменные. Напротивъ, мы даже склонны сожалѣть, что иногда г. Корниловъ не только вскрываетъ свои источники, но и принимается ихъ критиковать. Возможно, что, будь у него въ распоряженіи достаточно мѣста, это вышло бы и очень поучительно. При краткости же, на которую онъ осужденъ, выходить иногда не совсѣмъ хорошо. Такъ, на стр. 131-й г. Корниловъ читаетъ суровую нотацію «легковѣрнымъ историкамъ подобнымъ Вандалю», думавшимъ, будто Александру Павловичу послѣ Тильзита грозила участь его отца — такъ была возмущена русская знать разорявшимъ ее разрывомъ съ Англіей. Все это, по мнѣнію г. Корнилова, «плоды досуговой фантазіи», главнымъ же образомъ «злостное изобрѣтеніе» Савари, наполеоновскаго оберъ-сыщика, состоявшаго въ то время посломъ Франціи въ Петербургѣ. Мемуары этого Савари, откуда, будто бы, почерпнуть Вандалемъ этотъ фактъ, «источникъ не особенно надежный и требующій большой критики, для чего необходимо хорошее знаніе русскихъ обстоятельствъ того времени». Все это такъ, бѣда въ томъ, что, во-первыхъ, для критики Савари необходимо также и «хорошее знаніе» дипломатической, а отчасти и недипломатической, переписки того времени. Если г. Корниловъ дастъ себѣ трудъ сопоставить хотя бы показанія, сведенныя на стр. 68 — 71 I тома извѣстной книги Шимана («Geschichte Russlands unter Nikolaus I»), онъ увидитъ, что о критическомъ положеніи Александра и зловѣщемъ настроеніи русскаго дворянства говорила буквально вся Европа, при чемъ пессимизмъ начинался очень близко отъ императора — имъ проникнуты письма императрицы Елизаветы Алексѣевны этого періода. Эти письма намѣчаютъ и центръ оппозиціи — императрицу Марію Феодоровну: кто вспомнить роль этой государыни 11 марта 1801 года, тому одинъ этотъ фактъ яркимъ свѣтомъ освѣтитъ всю ситуацію. А держалась эта ситуація долго: еще въ маѣ 1809 г. преемникъ Савари, Коленкуръ, писалъ, что въ инныхъ домахъ «говорять о томъ, что нужно убить императора, такъ же хладнокровно, какъ говорили бы о дождѣ или хорошей погодѣ». Коленкуръ

по этому поводу еще пробуетъ шутить, но въ слѣдующемъ же донесеніи сообщаетъ о полицейскихъ мѣрахъ, принимаемыхъ противъ «болтуновъ». А къ слову шутливое настроеніе почти вовсе оставляетъ Коленкура: «о катастрофѣ говорятъ громче, чѣмъ когда бы то ни было» (см. изданіе В. Кн. Николая Михайловича, «Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи», СПб. 1905 г., т. III, стр. 275, 287, 371). Какъ видимъ, дѣло было гораздо сложнѣе, чѣмъ представляется г. Корнилову. А во-вторыхъ, и это, быть-можетъ, самое главное, ибо изъ-за этого весь сыръ-боръ загорѣлся, Вандаль-то нигдѣ не выдаетъ *подозрѣній* Савари за фактъ. Мы не знаемъ, какъ читается это мѣсто въ русскомъ переводѣ, на который ссылается г. Корниловъ, но въ оригиналѣ книги Вандалья опредѣленно стоитъ: «его (Савари) сыщицкія привычки (*ses habitudes scrutatrices*) заставляютъ его всюду видѣть заговоры» ¹⁾. Легковѣрный французскій историкъ былъ куда осторожнѣе своего русскаго критика...

Мы были бы, однако, очень неправы, если бы стали утверждать, что г. Корниловъ, механически сопоставляя выводы другихъ авторовъ въ общемъ и цѣломъ, лишь въ отдѣльныхъ подробностяхъ пытается критиковать этихъ авторовъ, да и то неудачно. Ничего подобнаго: какъ разъ въ той области, гдѣ особенно сказывается его зависимость отъ анонимныхъ его предшественниковъ, наиболѣе сильна у него и тенденція къ самостоятельнымъ выводамъ и обобщеніямъ. Начиная и тутъ съ «поправокъ», онъ постепенно приходитъ къ концепціи, несомнѣнную оригинальность которой охотно признаютъ злѣйшіе изъ еретиковъ. «Поправки», начинаются по поводу паденія Сперанскаго. Сторонниками «экономическаго матеріализма» весь эпизодъ съ «проектами и реформами» Сперанскаго ставится въ связь съ экономическими условіями момента, но прослѣдить эту связь въ деталяхъ очень трудно, за отсутствіемъ матеріала. Тутъ нужны новыя архивныя изысканія—безъ нихъ ничего не сдѣлаешь. Г. Корниловъ не хочетъ, однако, остановиться на полдорогѣ и смѣло объясняетъ, напимѣръ, паденіе Сперанскаго, какъ результатъ краха его *финансоваго* плана. Сперанскій пытался поднять курсъ ассигнацій, страшно упавшихъ, благодаря континентальной блокадѣ; но его мѣропріятія не были осуществлены полностью, по независимымъ отъ него причинамъ: «понятно, что курсъ ассигнацій не могъ при этихъ условіяхъ повыситься. Публика имѣла полное основаніе считать себя обманутой, и гнѣвъ ее обрушился на того государственнаго человѣка, который честно открылъ обществу глаза на дѣйствительное положеніе дѣлъ и отнюдь не былъ повиненъ въ неисполненіи того *финансоваго* плана, который былъ правильно имъ задуманъ и формулированъ» (стр. 129). Въ примѣчаніи къ слѣдующей страницѣ г. Корниловъ подчеркиваетъ оригинальность своей точки зрѣнія и въ *этомъ* смыслѣ онъ, конечно, совершенно правъ. Но не все оригинальное вѣрно. Въ только что появившейся (въ ноябрьской книжкѣ «Журн. Мин. Народн. Просв.»), новой работѣ проф. Тарле («Экономическія отношенія Франціи и Россіи при Наполеонѣ I») ²⁾, основанной на богатомъ архивномъ матеріалѣ, г. Корниловъ найдетъ очень обстоятельный отвѣтъ на вопросъ: кому, въ первую голову, былъ невыгоденъ низкій, и все болѣе падавшій, курсъ русскаго рубля? Отъ этого, прежде всѣхъ другихъ, страдали *французы*. Всякая кредитная сдѣлка съ русскими

¹⁾ «Napoléon et Alexandre I, 3-me éd., I, p. 12 q.

²⁾ Статья эта представляетъ главу изъ имѣющаго выйти вскорѣ на эту тему изслѣдованія Е. В. Тарле (въ изданіи Т-ва «Задруга»).

коммерсантами, — а какъ же вести торговлю, не прибѣгая къ кредиту? — была для нихъ чистымъ разореніемъ; вексель на тысячу рублей сегодня стоитъ три тысячи франковъ, а черезъ шесть мѣсяцевъ только полторы. Наполеонъ былъ заваленъ слезными челобитными своихъ подданныхъ, онъ отпускалъ милліоны франковъ въ распоряженіе своихъ пословъ спеціально на поддержаніе курса русскихъ ассигнацій. А когда ничто не помогало, и русскій рубль неудержимо падалъ, Наполеонъ въ отчаяніи задался планомъ, во всей его величественной дикости, кажется, впервые опубликованнымъ на страницахъ изслѣдованія г. Тарле: онъ рѣшилъ организовать торговлю съ Россіей на началахъ натурального обмѣна. Русское сырье должно было непосредственно вымѣниваться на французскіе товары по фиксированной въ Парижѣ цѣнѣ. Можетъ-быть, если бы русскій рынокъ зависѣлъ отъ французскаго, Наполеону удалось бы, хотя на время, превратить Россію въ форменную французскую колонію. Но такъ какъ французы доставляли въ Россію предметы роскоши, а русскіе во Францію предметы первой необходимости, то зависимость была обратная. Реставрація натурального хозяйства въ XIX вѣкѣ кончилась неудачей (изъ данныхъ, приводимыхъ г. Тарле, не видно даже, чтобы къ осуществленію плана было приступлено), русскій рынокъ, въ концѣ-концовъ, сталъ обходиться вовсе безъ французскихъ товаровъ — и это было одной изъ непосредственныхъ причинъ войны двѣнадцатаго года. Итакъ, если бы паденіе курса ассигнацій было причиной паденія Сперанскаго, то нужно было бы ожидать, что его низвергла французская партія: между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ онъ былъ низвергнутъ шовинистически-настроенными русскими помѣщиками, которымъ, какъ поставщикамъ сырья на европейскій рынокъ, низкій курсъ ассигнацій, самъ по себѣ, могъ быть только выгоденъ. Чѣмъ меньше стоилъ русскій рубль, тѣмъ больше рублей получали они за каждый пудъ отпущеннаго за границу товара. Бѣда была въ томъ, что, благодаря разрыву съ Англіей и закрытію, вслѣдствіе этого, морского пути, количество этихъ пудовъ падало еще быстрѣе курса ассигнацій. Это именно — разрывъ съ Англіей — и было причиной негодования помѣщичьей массы противъ Сперанскаго, во внутренней политикѣ бывшаго символомъ русско-французскаго союза. Тутъ мы опять имѣемъ одинъ изъ образчиковъ того настроенія, которое г. Корниловъ склоненъ считать выдумкой Савари, и которое на самомъ дѣлѣ было, въ періодъ 1807 — 11 гг., весьма реальнымъ фактомъ.

Къ этому надо добавить, что г. Корниловъ — можетъ-быть, опять-таки благодаря неестественно компактному изложенію, — не различаетъ, какъ именно отражалась континентальная система на интересахъ различныхъ группъ и слоевъ русскаго общества. Онъ говоритъ о гнѣвѣ «публики», о начавшемся именно въ это время «разореніи дворянскихъ имѣній во внутреннихъ и западныхъ губерніяхъ» — мы потомъ увидимъ, какую, совершенно исключительную, роль играетъ этотъ фактъ въ его общей схемѣ — наконецъ, даже объ «экономическомъ разореніи страны», всей страны, всей Россіи. Между тѣмъ, уже современники (Коленкуръ въ своихъ донесеніяхъ Наполеону) сумѣли подмѣтить, что *больше всего* терпѣло отъ блокады высшее дворянство — главный покупатель заграничныхъ товаровъ и главный сбытчикъ русскаго сырья (въ то время не хлѣба еще, какъ, повидимому, склоненъ думать г. Корниловъ — чередъ хлѣбу пришелъ гораздо позже, — а *железа и пеньки*: уральское железу, вывозившееся почти исключительно въ Англію, потеряло, благодаря блокады, 60% своей цѣны). «Для знати, за весьма немногими исключеніями, дѣло непоправимо», писалъ Коленкуръ. Но

онъ же констатируетъ, что *промышленность*, наоборотъ, сдѣлала крупные успѣхи въ Россіи, благодаря континентальной системѣ, и что въ этомъ промышленномъ процвѣтаніи были заинтересованы не только купцы, а и помѣщики. Относительно промышленности, на нѣкоторые факты, подтверждающіе наблюденіе Коленкура, обращалось ужъ вниманіе и раньше: на то, напримѣръ, что первая частная бумагопрядильня появляются у насъ въ 1808 году, при чемъ къ 1812 г. ихъ въ одной Москвѣ было уже 11 (*Туганъ-Барановскій «Фабрика»*, 2-е изд., стр. 67). Цитированная выше статья г. Тарле даетъ нѣсколько новыхъ, чрезвычайно любопытныхъ, подробностей. Онъ приводитъ цифры ввоза американскаго хлопка въ Россію, и цѣны на хлопокъ на петербургской биржѣ. За три года, съ 1809 по 1811, ввозъ хлопка въ Россію увеличился въ 18 разъ — съ полумилліона фунтовъ въ 1809 г. до 9 слишкомъ милліоновъ въ 1811 г. При чемъ подвозъ шелъ такъ быстро, что обычное потребленіе и цѣна хлопка за то же время упала вдвое: съ 45 р. асс. за пудъ до 25 р. И немудрено: *ни одна страна Европы не ввозила въ эти годы столько хлопка, какъ Россія!* Г. Тарле утверждаетъ даже, что хлопокъ отчасти вывозился изъ Россіи на западъ; доказательствъ этому у него мы не нашли, и, во всякомъ случаѣ, ясно, что должны же были что-нибудь перерабатывать росшія, какъ грибы, прядильни. Но развитіе промышленности, удешевляя фабрикаты, увеличивалъ ростъ неземледѣльческаго населенія и, стало-быть, расширяя рынокъ для сельскохозяйственныхъ продуктовъ, не могло быть безразлично для помѣщиковъ. И не случайно къ этому именно времени (1809 г.) относятся хлопоты Вольнаго Экономическаго Общества о рациональной организаціи барщиннаго хозяйства — хлопоты, вызвавшія появленіе проектовъ Швиткова, Погодина и др. «Страна» шла не къ «разоренію», а скорѣе наоборотъ: континентальная блокада «положила начало» промышленному подъѣму первой половины XIX столѣтія. Если же дворянство использовало подъѣмъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ купечество, то на это была своя причина, связанная не столько съ существованіемъ континентальной блокады, сколько съ ея прекращеніемъ: вскорѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ хлѣбныя цѣны въ Европѣ стали быстро падать, начался затяжной аграрный кризисъ, разрѣшившійся только въ 40-хъ годахъ.

Какъ видитъ читатель, если разсматривать экономическое отраженіе наполеоновскихъ войнъ на внутреннемъ развитіи Россіи, придется поставить вопросъ: почему освобожденіе крестьянъ не произошло въ 20-хъ годахъ, а должно было ждать еще 40 лѣтъ? Суммарнымъ отвѣтомъ можетъ служить только что упоминавшійся аграрный кризисъ — входить въ подробности не позволяютъ размѣры настоящей замѣтки. Это излишне еще и потому, что задачей послѣдней является — познакомить читателей со статьею г. Корнилова, а онъ, повидимому, и не подозреваетъ о существованіи упомянутаго кризиса и его вліяніи. Въ то же время онъ очень хочетъ связать два крупныхъ момента русской исторіи: 1812 годъ и 19 февраля. Ставъ весьма аккуратно спиною къ единственному объясненію, которое дѣлало эту связь возможной, онъ, со свойственной ему быстротою изложенія, идетъ по избранному имъ пути все дальше и дальше: можно представить себѣ, къ чему онъ приходитъ. Схема у него получается, приблизительно, такая: наполеоновскія войны и, въ частности, континентальная блокада разорила русскихъ помѣщиковъ, положила начало ихъ колоссальной задолженности. Уже скоро по окончаніи войны ихъ кредитъ оказался исчерпаннымъ — капиталовъ на дальнѣйшее развитіе хозяйства не оказывалось. Въ то

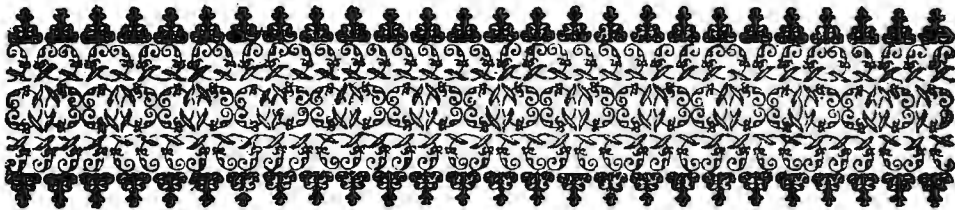
же время население центральных земледельческих губерний росло очень быстро: въ помѣщичьихъ имѣніяхъ получалось «относительное перенаселеніе» крѣпостныхъ рукъ, которымъ ихъ владѣльцы, за отсутствіемъ капиталовъ, не могли дать никакого употребленія. «При такихъ условіяхъ дворянству центральныхъ черноземныхъ губерній было невозможно использовать съ выгодой для себя такой избытокъ крѣпостныхъ людей, который получался отъ естественнаго роста населенія и который тѣмъ не менѣе приходилось кормить» (!!). Мы не будемъ задерживать вниманіе читателя на этой необыкновенной картинѣ: помѣщика, кормящаго на свой счетъ своихъ крестьянъ. По совѣсти говоря, мы бы охотно обошли этотъ комическій пассажъ, ибо уже тутъ-то совершенно ясно, что надъ почтеннымъ авторомъ лишній разъ подшутила «сверхъестественная сжатость его изложенія. Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, историкъ крестьянской реформы не знать, кто кого кормилъ при крѣпостномъ режимѣ. Но совсѣмъ обойти нельзя, ибо только этой картиной мотивируетъ г. Корниловъ финалъ всего изображеннаго имъ фантастическаго процесса: стремленіе помѣщиковъ «развязаться со своими крѣпостными, ставшими для нихъ обузою» (стр. 153, курс. г. Корнилова). Объ «относительномъ перенаселеніи» крѣпостныхъ имѣній, какъ необходимомъ *условіи* эволюціи помѣщичьяго хозяйства отъ феодальныхъ формъ къ буржуазнымъ столько было говорено пишущимъ эти строки, что онъ не видитъ никакой надобности повторять самого себя. Но онъ долженъ протестовать противъ злоупотребленія этимъ аргументомъ: даже добродѣтель, будучи чрезмѣрно преувеличена, можетъ превратиться въ порокъ. Во-первыхъ, «относительное перенаселеніе» сильнѣе давало себя чувствовать во второй половинѣ XVIII вѣка, чѣмъ въ первой XIX — до наполеоновскихъ войнъ, чѣмъ *послѣ* нихъ. Пока имѣніе не превратилось въ «фабрику для производства хлѣба», помѣщику центральной Россіи часто, дѣйствительно, нечѣмъ было занять крѣпостныхъ у себя дома и на землѣ — и онъ или гналъ ихъ на заработки въ городъ, или устраивалъ въ имѣніи фабрику, или просто давалъ труду крѣпостныхъ непроизводительное употребленіе (крѣпостныя труппы, оркестры и т. под.). Но и тутъ онъ не чувствовалъ жгучей потребности «развязаться» съ ними. По мѣрѣ же того, какъ сталъ развѣиваться хлѣбный экспортъ, каждая крестьянская душа стала находить себѣ «производительное» примѣненіе на барщинѣ. Если бы центральныя губерніи и дѣйствительно чувствовали «избытокъ» рабочихъ рукъ, имъ ничего не стоило бы избавиться отъ него, сбывая «лишнихъ» крѣпостныхъ въ черноземныя губерніи юга и юго-востока, гдѣ все время, вплоть до 19 февраля, чувствовался не избытокъ, а, наоборотъ, недостатокъ рабочей силы. Иди развитіе такъ, какъ представляетъ его себѣ г. Корниловъ, черноземный центръ занялъ бы въ крѣпостной Россіи приблизительно то положеніе, какое заняла въ свое время Виргинія въ ряду рабовладѣльческихъ штатовъ Сѣверо-Американскаго союза, — положеніе громаднаго «рабскаго завода», поставляющаго рабочую силу на всю страну. Но наши помѣщики центральныхъ губерній нашли для себя выгоднѣе интенсифицировать свое собственное хозяйство, чѣмъ «разводить» крестьянъ для чужого: они не были въ такомъ безвыходномъ положеніи, какъ виргинскіе плантаторы съ ихъ безнадежно истощенной землей. Они надѣялись, что на буржуазныхъ основаніяхъ дѣло у нихъ пойдетъ лучше и прибыльнѣе — и были правы въ предѣлахъ предвидимаго для 60-хъ годовъ: кто же могъ тогда ожидать, что хлѣбныя цѣны, такъ бойко пошедшія въ гору съ середины столѣтія, въ послѣдней его четверти такъ же быстро покатятся

подъ гору? Какъ видимъ, дѣйствительная мотивировка крестьянской реформы не имѣетъ ничего общаго съ тою, которую подставляетъ г. Корниловъ, увлекшійся «экономическимъ», какъ ему кажется, объясненіемъ. Ибо «экономизмъ» здѣсь только кажущійся: что же экономическаго въ томъ, что помѣщики, разоренные войной, быстро «исчерпали свой кредитъ» и оказались не въ состояніи (на всѣ слѣдующія 40 лѣтъ!) капитализировать свое хозяйство? Если бы такой фактъ былъ возможенъ, это была бы капитуляція экономики передъ политикой — яркое доказательство того, что органическій ростъ народнаго хозяйства ничто передъ случайными политическими вліяніями. Къ счастью, «экономическому матеріализму» такая опасность вовсе не угрожаетъ, ибо самый фактъ — *sit venia verbo* — выдуманъ А. А. Корниловымъ. Какъ мало былъ «исчерпанъ» помѣщичій кредитъ даже поколѣнія два спустя послѣ наполеоновскихъ войнъ — покажетъ пара цифръ: въ 1833 году помѣщичья задолженность выражалась цифрой 950 милл. р. ассигнаціями, т.-е. 270 милл. р. серебромъ; въ 1859 г. она составляла уже 425 милл. р. серебромъ, за четверть столѣтія помѣщики смогли занять еще 155 мил. р., т.-е. увеличить свой долгъ болѣе, чѣмъ въ полтора раза, т.-е. это было въ 30-хъ — 50-хъ годахъ, а г. Корниловъ увѣряетъ, что уже «исправка» послѣ разоренія двѣнадцатаго года «исчерпала» ихъ кредитъ! А что задолженность помѣщичьяго землевладѣнія не стояла ни въ какой связи съ военными разореніями, показываетъ скала губерній по степени ихъ задолженности. Десять первыхъ мѣстъ, по даннымъ редакціонныхъ комиссій, занимали въ 1859 г. губерніи: Казанская, Орловская, Пензенская, Саратовская, Тульская, Пермская, Калужская, Тамбовская, Рязанская и Симбирская. Ни въ одной изъ нихъ, кромѣ Калужской, «галлы» и ногой не были — зато всѣ эти губерніи черноземныя (кромѣ Пермской — промышленной: уральскіе заводы), т.-е. всѣ принадлежатъ къ району хлѣбнаго экспорта и интенсификаціи сельскаго хозяйства. Эта послѣдняя и лежитъ въ основѣ той эволюціи, которая привела къ 19 февраля. Привходящую роль — въ направленіи эволюціи, а не противъ него — сыграла и континентальная блокада. Но роль второстепенную и какъ разъ обратную той, какую отводитъ этой блокадѣ г. Корниловъ.

Мы не будемъ касаться того, тоже весьма оригинальнаго, пониманія самой крестьянской реформы, какое даетъ г. Корниловъ (на стр. 150). Онъ увѣряетъ, что «ликвидация крѣпостного права въ Россіи произведена была на явно демократическихъ основаніяхъ и послужила затѣмъ отправнымъ пунктомъ мощнаго развитія и укрѣпленія въ русской жизни демократическихъ началъ». Это, конечно, стоить крѣпостныхъ крестьянъ, «обѣдающихъ» своего помѣщика. Но такъ какъ въ пользу этой сентенціи не приводится не только фактовъ — ими г. Корниловъ вообще не очень балуетъ своихъ читателей, — но и сколько-нибудь обстоятельныхъ апріорныхъ разсужденій, то оспаривать ее едва ли нужно — едва ли даже возможно.

М. Покровскій.

Д. Н. Маминъ - Сибирякъ.

† 2 ноября 1912 года.

«Во-первыхъ, не слѣдуетъ подлаживаться подъ публику»... писалъ Д. Н. Маминъ-Сибирякъ издательницѣ журнала «Миръ Божій», Ал. Арк. Давыдовой, въ 1894 г., когда онъ завѣдывалъ беллетристическимъ отдѣломъ журнала. «Я пишу для самообразованія, а не для тѣхъ, кто ищетъ только развлеченія. Какъ автору, мнѣ выгоды пикантныя темы, но всему свое время и мѣсто»... («Соврем. Миръ», 12 г., XI, 358). Это «во - первыхъ» чрезвычайно характерно въ устахъ Мамина: оно было для него и «во-вторыхъ», и «въ-третьихъ», и т. д., вообще, во всѣхъ случаяхъ, опредѣляя одну изъ основныхъ чертъ его облика, какъ писателя, шедшаго своимъ путемъ и задававшаяся серьезными задачами «самообразованія», чуждаясь модныхъ и «пикантныхъ» темъ. Въ одномъ изъ своихъ романовъ — «На улицѣ», появившемся еще въ 1886 г. (въ «Русск. Мысли»), Маминъ рѣзко изобличалъ вліяніе «улицы», налагающей свой отпечатокъ на все, что подчиняется ея власти. Между тѣмъ, по мнѣнію автора, эта власть особенно ощутительна — «въ наше несчастное время, (которое) есть время господства улицы по преимуществу, и нужно обладать настоящимъ геройствомъ, чтобы не поддаться этому всеисильному вліянію. Есть, конечно, истинная и великая наука, есть великіе, истинные дѣятели, есть красота, поэтическое вдохновеніе, энергія, таланты, которые остаются незараженными этой уличной атмосферою, но вѣдь геройство необязательно»... Самъ Дмитрій Наркисовичъ во многомъ выказалъ это геройство, и приведенная цитата изъ его частнаго

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

письма отнюдь не была у него пустой фразой. Онъ обладалъ достаточнымъ мужествомъ, чтобы бороться съ требованіями «улицы», а въ результатѣ обрекъ себя на сравнительное одиночество еще въ лучшую пору расцвѣта своего таланта. — Незадолго до смерти онъ, правда, получилъ, по поводу исполнившагося 40-лѣтія литературной дѣятельности, привѣтствія со всѣхъ концовъ Россіи и могъ убѣдиться, что его цѣнятъ и любятъ, но это позднее признаніе застало его больнымъ, приговореннымъ, еще не старымъ, но уже изжившимъ свой вѣкъ. Юбилей Мамина развѣ что помогъ скрасить томительные часы неизлѣчимаго недуга какъ бы прощальной улыбкой земли, сознаніемъ, что человекъ жилъ и трудился не даромъ, что его будутъ помнить, что его творенія живы, — весь онъ не умереть...

Конечно, не умереть созданное Маминымъ, какъ бы ни перемѣнялись общественныя настроенія и формы искусства. Онъ принадлежитъ исторіи. Его еще будутъ изучать и по его произведеніямъ воссоздавать картины данной эпохи русской жизни, которую онъ воспроизводилъ непосредственно въ художественныхъ перевоплощеніяхъ.

Маминъ, несомнѣнно, занимаетъ весьма почтенное мѣсто въ нашей новѣйшей литературѣ съ 70-хъ годовъ. Онъ былъ и выдающимся художникомъ и вдумчивымъ бытописателемъ восточныхъ окраинъ Европейской Россіи, но надо всей его литературной карьерой словно легла какая-то пелена, не давшая ему возможности развернуться въ полномъ блескѣ первоклассной величины. Были и другія причины, кромѣ вышеуказанной стойкости въ борьбѣ съ «улицей», обусловившія его не столь значительную популярность. Онъ началъ свою литературную дѣятельность, когда въ зенитѣ творчества были «великіе»: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Толстой; болѣе ярко свѣтили и его сверстники «меньшіе» — Глѣбъ Успенскій и Гаршинъ; едва развернувшись, онъ уже оказался предтечей иныхъ, заслонившихъ его славу — и современниковъ и преемниковъ — Короленко, Чеховъ, Горькій, Купринъ...

Маминъ словно не доходилъ до какой-то черточки, чтобы закрѣпить своимъ именемъ художественные образы и мотивы, которые, однако, онъ первый умѣлъ уловить и намѣтить. Такъ, напримѣръ, есть у него цѣлый рядъ рассказовъ изъ жизни бродягъ и бѣглыхъ съ Сибирской каторги, но, когда появился «Соколинецъ» Короленко и его же «Рассказы Сибирскаго туриста», они отодвинули на второй планъ описаніе Мамина и за Короленко осталась слава наилучшаго изобразителя быта ссыльных въ Сибири. Есть у Мамина талантливые и вдумчивые очерки о босякахъ и сбившихся съ круга людяхъ, но когда стали появляться яркіе, выпуклые, красочные рассказы Горькаго, предшественники героевъ Горькаго были какъ бы забыты, и ему вмѣнили честь открытія цѣлаго міра босяковъ и «бывшихъ людей». И самый этотъ терминъ «бывшихъ людей» не принадлежитъ Мамину, который добросовѣстно выписывалъ и разныя названія оборванцевъ, а Горькій остановился на одномъ обозначеніи, и терминъ «босякъ» облетѣлъ всю Россію. Есть у Мамина и вполне чеховскіе настроенія и мотивы, но «пѣвцомъ тоски по идеалу» провозглашенъ былъ Чеховъ, а Маминъ не создалъ своей полосы творчества въ соотвѣтствіи съ цѣлымъ періодомъ жизни русскаго общества. — Сравните описаніе самосуда крестьянъ въ «Бойцахъ» Мамина тоже съ картиной самосуда надъ конокрадомъ у Куприна: у послѣдняго много ярче, рельефнѣе, сильнѣе. И вопросъ не въ меньшемъ талантѣ Мамина, а въ томъ, что, вѣрно схвативъ и описавъ сюжетъ, онъ, какъ во многомъ пионеръ и инициаторъ, еще не достигаетъ нужной выразительности, вполне законченнаго образа; чего-то чуть-чуть не хва-

таетъ, такъ, чтобы нельзя было ничего ни прибавить, ни убавить, какъ въ наиболѣе совершенныхъ образахъ у Куприна.

Конечно, идя сперва впереди, потомъ рядомъ съ названными писателями, Маминъ занимаетъ въ ихъ средѣ самостоятельное мѣсто. Онъ обладалъ крупнымъ художественнымъ дарованіемъ и выдѣлялся также нѣсколько исключительнымъ полемъ наблюденія, откуда черпалъ главный матеріалъ для творчества. Это сознаніе своей какъ бы обособленности мѣстнаго бытописателя было ему присуще, и мнѣ довелось слышать отъ него весьма опредѣленную самооцѣнку. Въ 1897 году пришлось мнѣ впервые съ нимъ встрѣтиться по одному литературному дѣлу, когда Дмитрій Наркисовичъ жилъ въ Царскомъ. Я живо помню это первое знакомство: сидѣлъ онъ за письменнымъ столомъ, покуривая короткую трубку, ласково, привѣтливо знакомясь съ новымъ для него лицомъ. «Читайте мои уральскіе рассказы, — говорилъ Дм. Нарк. — Это лучшее, что у меня есть. Выросъ тамъ, впиталъ въ себя. А то пишу я также романы, знаете, такіе большіе, длинные... но свои рассказы съ Урала я больше люблю. Вы что отъ меня хотите — новый рассказъ или романъ? Я отвѣтилъ, что по типу изданія, которое желало его сотрудничества, форма рассказа была болѣе подходящей. «Ну, вотъ и отлично: рассказъ дамъ, но вѣдь и рассказы теперь требуютъ все покороче, ну какъ тамъ Чеховъ пишетъ, съ воробыный носъ...» Черезъ два мѣсяца Маминъ завезъ мнѣ небольшой прекрасный рассказъ «Грѣхъ» ¹⁾ — изъ воспоминаній объ Уралѣ — изъ быта духовенства — встрѣча съ бродягой, но въ корректурѣ хотѣлъ непременно сдѣлать еще сокращенія, противъ которыхъ я уже протестовалъ: то ему казалось, что есть длинноты, то слишкомъ опредѣленно, какъ онъ выражался, поставлены точки на і, — однимъ словомъ, онъ боялся расплывчатости, длинноты, недостаточной художественной экономіи, сжатой выразительности образовъ, недочетовъ, которые зналъ за собой, и шутя приговаривалъ: «хочу, чтобы было по-новому, чтобы не отставать»... Онъ чувствовалъ уже тогда, что кто-то его обгоняетъ, или уже обогналъ.

Расцвѣтъ его дѣятельности: 80-ые и 90-ые годы. Какъ разъ одно изъ раннихъ его произведеній — «Бойцы», появившіеся еще въ 1883 году, есть и одно изъ самыхъ удачныхъ: тутъ и быть, исторія и этнографія, преданья старины и живые образы современности, яркій діалогъ и рассказъ — исповѣдь невольнаго убійцы, — предтеча «убивца» Короленко, появившагося черезъ 5 — 6 лѣтъ. Но мы знаемъ, какъ трудны были самыя первыя начинанія Мамина, ибо кто же не читалъ его «Черты жизни» милаго представителя литературной богемы — Пепко, и въ однофамильцѣ Пепко-Поповѣ, самомъ рассказчикѣ, не узнавалъ тоже «черты жизни» автобіографическаго характера. Дмитрій Наркисовичъ этого и не скрывалъ. Онъ медленно, проходя рядъ послѣдовательныхъ инстанцій, добрался до такъ назыв. большой литературы, двери къ которой не разъ передъ нимъ закрывались; и не передъ нимъ однимъ: возвращенная рукопись изъ редакціи «толстаго журнала» отнюдь не служить доказательствомъ, что молодой авторъ долженъ поставить крестъ на своей литературной дѣятельности. Маминъ, такъ же какъ въ аналогичномъ случаѣ немного позже Короленко, передъ лицомъ того же редактора «Отечественныхъ Записокъ» — Щедрина, отказавшаго обоимъ принять ихъ раннія произведенія, не смутился первой неудачей, и благо ему за настойчивость и упорство въ работѣ: сознаніе своего таланта вывело его на большую дорогу русской литературы, такъ же какъ впо-

¹⁾ Напечатанъ въ «Космополисѣ» за 1897 г., октябрь—ноябрь.

слѣдствіи, развернувшись и давъ то, что онъ могъ дать, онъ почувствовалъ и нѣкоторые предѣлы своего красиваго, богатаго, выдающагося, но имѣющаго свои опредѣленные рамки дарованія.

Маминъ — чрезвычайно объективный художникъ. На эту черту его манеры писать неоднократно обращали вниманіе. Онъ изображаетъ жизнь съ наивозможной полнотой, не стараясь ни разжалобить васъ, ни привести къ какой-нибудь предвзятой идеѣ. Онъ обладалъ главнымъ свойствомъ художественной натуры — умѣньемъ сочувственно переживать чужія жизни, и самъ видѣлъ свое счастье въ томъ, чтобы—«жить тысячу жизней, страдать и радоваться тысячу сердецъ» («Черты изъ жизни Пепко»). Его персонажи, положительные и отрицательные, дышатъ непосредственностью жизненныхъ явленій, и авторъ къ нимъ относится безъ всякой предвзятости. Фальшивомонетчикъ бродяга, Иванъ — «лѣтний», крѣпостникъ и деспотъ Бахиревъ, пьяница Савоська, сплавщикъ по Чусовой, воинственный полкъ Андронъ временъ крѣпостного права, и десятки другихъ дѣйствующихъ лицъ въ разсказахъ Мамина освѣщены ровнымъ свѣтомъ художественной правды, и кажется, что художникъ проникнуть единственной заботой описать ихъ, какъ онъ видитъ ихъ непредвзятымъ глазомъ, выставить ихъ такъ, чтобы можно было какъ бы кругомъ ихъ обойти и всесторонне узнать. Это письмо реалиста, пріемъ въ духѣ Джотто, художника, который не ставилъ себѣ другой задачи, какъ описывать то, что есть. Очень рѣдки замѣчанія автора отъ себя. Онъ, правда, высказываетъ иногда личные впечатлѣнія, но скорѣе огульнаго характера, относящіеся къ цѣлымъ группамъ человѣческихъ особей. Напримѣръ, разсказывая объ инородцахъ, о пермякахъ, скопляющихся во время сплава на Чусовой, Маминъ пишетъ: «наблюдая этихъ позабытыхъ исторіей людей, эту живую иллюстрацію желѣзнаго закона вымиранія слабѣйшихъ цивилизацій подъ напоромъ и давленіемъ сильнѣйшихъ, я испытывалъ самое тяжелое, гнетущее чувство, которое охватывало душу мертвящей тоской». Но вѣдь—это законъ природы, даже «желѣзный законъ», неумолимый и неотвратимый: поэтому никакой протестъ противъ него, по сущности, немислимъ. Безразсудно спорить противъ необходимости. Протестъ тутъ излишенъ, неумѣстенъ. Законъ природы — это для Мамина борьба за существованіе, при чемъ сильнѣйшій одерживаетъ неизмѣнно верхъ: «одна букашка душитъ другую, червякъ точитъ червяка, весело чирикающая птичка одинаково весело ѣстъ и букашку, и червяка, дѣлаясь въ свою очередь добычей кошки или ястреба. Въ этомъ концертѣ пожиранія другъ друга творится тайна жизни». И земля автору не разъ представляется совсѣмъ «безсудной». Но главное то, что выше природы для него ничего нѣтъ. Описывая ландшафтъ по берегамъ Чусовой, Маминъ замѣчаетъ: «такъ въ состояніи творить только одна природа... Человѣку только остается безъ конца черпать изъ этого неизсякаемаго, всегда подвижнаго и вѣчно новаго источника». Реализмъ приведенъ къ натурализму, и это является какъ бы послѣднимъ словомъ художника. Чувствуется вѣяніе доктринъ Золя.

Природу въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. ландшафтъ, внѣшнюю, окружающую насъ обстановку, Маминъ умѣлъ глубоко чувствовать и воспроизводить. Онъ самъ говоритъ о себѣ въ «жизни Пепко»: «была одна область, въ которой я чувствовалъ себя до извѣстной степени сильнымъ и даже компетентнымъ, это — описаніе природы. Вѣдь я такъ ее любилъ и такъ тосковалъ по ней, придавленный петербургскою слякотью, сыростью и, вообще, мерзостью. У меня въ душѣ жи. и и южное солнце, и высокое синее небо, и широкая степь, и роскошный южный лѣсъ».

Лучше всего и, скажу, проникновеннѣе удавались Мамину описанія лѣса. Это, вообще, какъ бы особое преимущество русскихъ художниковъ глубоко чувствовать своеобразную красоту и жизнь лѣса. Маминъ — это какъ бы Шишкинъ въ литературѣ, со всѣмъ знаніемъ и пониманіемъ особенностей лѣсной жизни, лѣсного ландшафта, всей поэзіи лѣсной глуши, и въ то же время со всей добросовѣстностью, какъ и у Шишкина, точнаго воспроизведенія, почти копированія очертаній лѣса въ разные времена года и въ различные часы дня. Маминъ такъ же, какъ и Шишкинъ, прежде всего удивительный рисовальщикъ.

Не будучи лирикомъ по темпераменту, скорѣе склонный къ юмору, стремясь быть наивозможно трезвымъ наблюдателемъ дѣйствительности, Маминъ, однако, вносилъ и нѣкоторый коррективъ къ тому, что есть, воображаемымъ — что могло бы быть: «жизнь въ возможности». Эту идею облюбовалъ въ одномъ изъ рассказовъ Мамина — «Поправка доктора Осокина», своеобразный чудакъ-докторъ, жившій въ захолустномъ городкѣ Пропадинскѣ, работая надъ какимъ-то большимъ сочиненіемъ въ досужее время отъ практики. Тридцать лѣтъ провелъ Семенъ Павловичъ Осокинъ одинокимъ холостякомъ, пользуя больныхъ, но почти нигдѣ не бывая иначе, какъ на практикѣ, и едва ли не единственной его личной знакомой, изрѣдка его посѣщающей, была акушерка Матрена Ивановна. И вотъ разъ случайно, заглянувъ въ одну изъ комнатъ холостой квартиры доктора, гдѣ помѣщалась собака, Матрена Ивановна, упрекая хозяина въ его одиночество, замѣтила: «Вотъ тутъ бы у тебя и жила старшая твоя дочь. Къ стѣнкѣ бы кровать поставить, въ углу этажерочку, тутъ комодикъ, письменный столикъ» и т. д. Семена Павловича это указаніе поразило. Онъ какъ-то вдругъ спохватился, что — «цѣлый отдѣлъ жизни проглядѣлъ, *жизнь въ возможности*». Припомнилось ему одно его прежнее увлеченіе актрисой, которая отказала ему въ рукѣ, а теперь, состарившись и впавши въ бѣдность, грустно доживала дни на положеніи прихлебалки у доброй сердцемъ Матрены Ивановны. Идея, внезапно мелькнувшая въ головѣ д-ра Осокина, постепенно охватываетъ его до маньячества. Жизнь поправлять уже поздно; назадъ не вернешься, но остается — «жизнь въ возможности». Какъ бы въ назиданіе себѣ Осокинъ заказываетъ полную обстановку комнаты молодой дѣвушкѣ, его воображаемой «старшей дочери», показываетъ ее нѣкогда любимой имъ женщинѣ, передѣлываетъ по иному свое сочиненіе и вскорѣ окончательно сходитъ съ ума. «Поправки» могутъ относиться только къ будущему, къ тѣмъ, кто начинаетъ жить сначала. Тотъ же мотивъ встрѣчается и въ другихъ произведеніяхъ Мамина: въ рассказѣ «Папа» также стараго холостяка тревожатъ «незримыя дѣтскія тѣни», какъ символъ неосуществившихся существованій. Но они были *возможны*. И эту возможность теперь учитываетъ д-ръ Осокинъ, измѣняя формулу закона неуничтожаемости силы и матеріи добавочнымъ элементомъ: къ существующему нужно прибавить «нарастающую органическую жизнь». «За внѣшнимъ міромъ, вѣчно слагающихся и разлагающихся силъ и матерій вырастаетъ неизмѣримо большій внутренній міръ самыхъ сложныхъ и неуловимо тонкихъ проявленій дѣятельности». Въ бредовыхъ представленіяхъ душевно больного д-ра Осокина, такъ же какъ въ чеховской «Палатѣ № 6», кроется указаніе на положительные черты міропониманія автора. И хотя Маминъ самъ иронизируетъ надъ «дочерью въ возможности» сошедшаго съ ума Семена Павловича, однако, это и есть тотъ путь къ плодотворнымъ утопіямъ, которыя служатъ импульсомъ къ усовершенствованію формъ и условій жизни. Дѣйствительность неприглядна. Грустные итоги жизни неоднократно подчер-

квиваются Маминымъ въ драматическихъ или даже трагическихъ финалахъ въ большинствѣ его романовъ и повѣстей. Но за міромъ дѣйствительности есть міръ возможный. Маминъ только указалъ на него. Онъ не развернулъ намъ положительныхъ сторонъ своего міросозерпанія. Оно, по сущности, несомнѣнно гуманитарное, проникнуто и сочувствіемъ къ обездоленнымъ, и любовью къ правдѣ и справедливости и участіемъ ко всѣмъ безъ различія самымъ малымъ, ничтожнымъ человѣческимъ особямъ, принадлежащимъ къ населенію, обреченному «железнымъ закономъ» исторіи на вымирание. Но, именно, этотъ «железный законъ» какъ бы сковывалъ и творческую фантазію самого Мамина, мѣшалъ ему прояснить то лучшее, чего надо ожидать взаимѣ неудовлетворительной дѣйствительности. Онъ далъ волю своей фантазіи лишь въ прелестныхъ «Аленушкиныхъ сказкахъ», — умѣя говорить съ дѣтьми дѣтски вразумительнымъ и въ то же время необыкновенно поэтическимъ языкомъ. Его самого посѣтили лишь «дѣтскія тѣни», не выросшія въ могущественные, сильные и воплощѣнные идеалы, во имя которыхъ мы можемъ требовать исправленія дѣйствительности, не потенциально, а фактически..

Но за нимъ есть другія заслуги: я уже указывалъ, что будущій историкъ найдетъ въ произведеніяхъ Мамина богатый матеріалъ для изученія современной ему дѣйствительности. С. Я. Елпатьевскій въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ о Дмитріи Наркисовичѣ («Русск. Богатство» № 11) предполагаетъ, что его признаетъ и народъ. Этому можно только порадоваться. «Придетъ къ нему коренная Россія... — пишетъ С. Я. Елпатьевскій, — придетъ къ такому родному и близкому, такому яркому и художественному, такъ ясному и понятному для широкихъ массъ». Онъ, дѣйствительно, въ своихъ произведеніяхъ обращается ко всему народу, пишетъ доступно и ясно для всѣхъ, чуждъ партійныхъ предубѣжденій. И даже когда его причисляютъ къ «народникамъ», то въ условномъ смыслѣ: по *интересу* къ народной жизни, по внимательному и сочувственному отношенію къ жизни широкихъ массъ, а совсѣмъ не въ силу усвоенной отвлеченной доктрины народничества. Какъ настоящій художникъ, Маминъ думалъ только о правдѣ изображенія: онъ не прославлялъ и не изобличалъ, а только описывалъ. И накопился у него за 40 лѣтъ плодотворной дѣятельности огромный матеріалъ такихъ описаній — все человѣческіе документы, подлинныя, заправскіе. — Два момента въ жизни широкихъ слоевъ русскаго общества, народа, въ тѣсномъ смыслѣ слова, особенно привлекали его вниманіе: первый моментъ — переходъ крестьянства отъ крѣпостной зависимости къ волѣ, второй — ростъ капиталистическихъ предпріятій и отношеніе населенія, рабочей силы, къ захватамъ предпринимателей. «Три конца», «Братья Гордеевы», «Горное гнѣздо», «Хлѣбъ» и «Золото» останутся вмѣстѣ съ многочисленными уральскими и сибирскими разсказами Мамина неуывдаемыми страницами русской художественной литературы новѣйшаго періода. Такова сила правды, таково значеніе объективно-художественнаго воспроизведенія жизни, таковъ смыслъ внимательнаго изученія современной дѣйствительности — они вѣчны. И не можетъ быть примѣненъ къ такому художнику-изобразителю жизни недавно пущенный въ оборотъ эпитетъ «напрасный талантъ», такъ какъ онъ именно всего менѣе «напрасный», а, наоборотъ, нужный, всегда полезный, служа и болѣе непосредственно цѣлямъ прогресса: нужно прежде всего знать то, что есть, чтобы знать, что и какъ улучшить. На реальномъ знаніи опирается реальное поступленіе впередъ.

Θ. Батюшковъ.

Вячеславъ Евгеніевичъ Якушкинъ (1856 — 1912 г.).

3 декабря скончался В. Е. Якушкинъ — солидный ученый, видный общественный дѣятель, прогрессивный публицистъ и человѣкъ душевной чистоты. Онъ съ честью продолжалъ традиціи своего дѣда-декабриста и отца, наиболѣе извѣстнаго трудомъ по обычному праву. Дѣдъ-декабристъ, Иванъ Дмитріевичъ, убѣдившись въ неправильности своихъ первоначальныхъ предположеній о бесплатномъ освобожденіи своихъ крестьянъ съ одною усадебною землею (на что они не согласились), занятъ былъ проектомъ о выкупѣ правительствомъ помѣщичьихъ крестьянъ съ землею. При этомъ онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ общиннаго землевладѣнія. Отецъ, Евгеній Ивановичъ, доказалъ свою любовь къ народу не только своею научною работою, но и тѣмъ, что свое смоленское имѣніе въ полномъ его объемѣ отдалъ безвозмездно крестьянамъ во время реформы 1861 г., а фактически еще раньше ея ¹⁾. Понятно, что Вячеславъ Евгеніевичъ, воспитанный отцомъ и матерью въ духѣ горячей любви къ народу, посвятилъ значительную часть своей жизни служенію его интересамъ.

Ученикъ Ярославской гимназіи, студентъ Московскаго университета, по окончаніи курса въ немъ В. Е. Якушкинъ былъ оставленъ для подготовленія къ кафедрѣ русской исторіи и началъ научную дѣятельность въ 1879 г. Достаточно однѣхъ семейныхъ традицій, не говоря уже о теченіяхъ того времени въ русской исторической наукѣ, чтобы понять, почему одна изъ первыхъ болѣе крупныхъ его научныхъ работъ была посвящена Радищеву, именно суду надъ нимъ, по неизданному матеріалу («Рус. Стар.» 1882 г., т. 35).

Слѣдя за литературнымъ синодикомъ молодого ученаго въ восьмидесятые годы, мы видимъ, что его вниманіе раздвояется между Пушкинымъ, пристальнымъ изученіемъ его рукописей, эпизодическими работами надъ нѣкоторыми декабристами (Рылѣвъ, Матв. Ив. Муравьевъ - Апостолъ) и подготовкою диссертациі по исторіи крестьянъ, вышедшей въ свѣтъ въ 1890 году. Молодой ученый какъ будто колеблется, чему отдаться, — русской исторіи или исторіи русской литературы, и это колебаніе неблагоприятно отразилось на его главномъ, специальномъ трудѣ. Русская исторія и исторія литературы такъ тѣсно связаны между собою, что одновременное изученіе ихъ могло бы быть только полезно, но дѣло въ томъ, что Якушкинъ погрузился въ самое кропотливое изученіе пушкинскихъ рукописей Румянцевскаго музея.

Само по себѣ эта детальнѣйшая работа, въ которой чувствуется вліяніе школы Тихонравова, оказала очень большія услуги дѣлу изученія пушкинскаго текста (см. «Рус. Стар.» 1884 г., т. 41—44); но отвлеченіе въ сторону отъ главной своей задачи — труда по исторіи крестьянъ, привело къ тому, что свою магистерскую диссертацию — «Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вв.» — онъ ограни-

¹⁾ Объ Евг. Ив. Якушкинѣ см. мой некрологъ въ «Русск. Богатствѣ» 1905 г. № 5.

чилъ лишь первымъ выпускомъ, посвященнымъ XVIII вѣку, и притомъ, положивъ во главу угла своей работы одно «Полное Собрание Законовъ», онъ, по собственнымъ его словамъ, «не задавался изученіемъ поземельныхъ отношеній» и «долженъ былъ сосредоточиться на памятникахъ officialнаго законодательства».

Правда, авторъ не ограничился своимъ главнымъ печатнымъ источникомъ и къ 204 страницамъ текста книги прибавилъ 150 стр. приложений, почерпнутыхъ изъ Архива Министерства Юстиціи, но онъ самъ признаетъ, со свойственною ему добросовѣстностью и великою скромностью, что въ основѣ его «изслѣдованія лежатъ данныя изъ «Полн. Собр. Законовъ», архивный матеріалъ, дополняя эти данныя, нисколько не повліялъ на существенное измѣненіе» его «выводовъ; исторія нашей поземельной политики очерчена... на основаніи «П. С. З.»,—ни одной новой черты не впесено въ нее изъ архивнаго матеріала». Авторъ признаетъ что этотъ officialный печатный матеріалъ уже былъ изученъ Невוליнымъ, но указываетъ на то, что его собственная работа «отличается особенностью въ постановкѣ вопросовъ». Однако первая половина работы, касающаяся ограниченій права частнаго землевладѣнія, настолько исчерпана Невוליнымъ, насколько это можно было сдѣлать по «Полному Собранию Законовъ», а во второй половинѣ книги авторъ напрасно распространилъ понятіе «надѣла» на помѣстное владѣніе, относительно же крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ не пожелалъ задаться изученіемъ и фактическихъ поземельныхъ отношеній и формъ крестьянскаго землевладѣнія. Выводы Якушкина въ этой второй половинѣ труда вызвали весьма серіозныя замѣчанія со стороны такого талантливаго критика, какъ П. Н. Миллюковъ (см. его статью «Русская аграрная политика прошлаго столѣтія», въ «Руск. Мысли», 1890 г., № 5, стр. 198 — 213). По указаннымъ причинамъ изслѣдованіе Якушкина, не получившее значительнаго распространенія и вслѣдствіе крайней сухости его изложенія, не оставило замѣтнаго слѣда въ наукѣ.

Съ другой стороны, въ статьѣ «Радищевъ и Пушкинъ» («Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос.» 1886 г.), составляющей результатъ изученія политическаго міросозерцанія Пушкина, Якушкинъ пожелалъ доказать, что гениальный поэтъ въ послѣдній періодъ своей жизни не испыталъ никакой существенной перемѣны въ своихъ убѣжденіяхъ, а являлся выразителемъ и носителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ; но и этотъ трудъ автора, когда чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ перепечатанъ въ сборникѣ его статей «О Пушкинѣ» (М., 1899 г.), встрѣтилъ серіозныя возраженія со стороны другого талантливаго русскаго историка В. А. Мякотина (см. его книгу «Изъ исторіи русскаго общества», изд. 2-е. СПб. 1906 г., статья «Изъ пушкинской эпохи», стр. 260 и слѣд).

По полученіи магистерской степени за свою диссертацию Якушкинъ нѣсколько лѣтъ читалъ въ званіи приватъ-доцента курсы по исторіи русскаго просвѣщенія, русской журналистики и русскихъ университетовъ. Въ этихъ областяхъ у В. Е. были весьма солидныя знанія, и если эти лекціи были имъ написаны, то было бы чрезвычайно желательно, чтобы люди, близкіе покойному, издали ихъ: они, несомнѣнно, сослужатъ полезную службу широкимъ кругамъ общества.

Съ 1887 г. начинается сотрудничество В. Е. въ такомъ вліятельномъ, распространенномъ и принципиальномъ органѣ, какимъ являются «Русскія Вѣдомости»; затѣмъ, Якушкинъ становится членомъ редакціи этой газеты вплоть до 1899 г., сотрудничество же его продолжается еще десять лѣтъ послѣ того. Здѣсь онъ работалъ по весьма разнообразнымъ вопросамъ политическимъ, экономическимъ, народнаго просвѣщенія, осо-

В. Е. Якушкинъ.

(Снято по выходѣ изъ тюрьмы по Выборгскому процессу въ 1908 г.).

В. Е. Якушкинъ съ отцомъ и женой.

Комната въ квартирѣ Е. И. Якушкина; на стѣнахъ портреты дондариотовъ. Снято въ 1899 г. во время пребыванія В. Е. въ Ярославль послѣ высылки изъ Москвы за рѣчь, произнесенную на Пушкинскихъ торжествахъ.

бенно же охотно писалъ онъ на темы, касавшіяся крестьянства и земскаго самоуправленія. Распространенію въ широкихъ кругахъ общества знаній по русской исторіи и исторіи литературы онъ послужилъ и особыми статьями въ этой газетѣ, и обзоромъ въ ней новинокъ въ историческихъ журналахъ (очень часто подъ всевдонимомъ В. Веденѣвъ). Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ заслуживаютъ того, чтобы люди близкіе собрали ихъ въ особый сборникъ. Газетная работа — дѣло трудно-совмѣстимое съ серьезными научными трудами, однако, В. Е. стремился поработать въ это время и въ научной области, преимущественно въ области исторіи литературы, обыкновенно сообщая при этомъ новый, никѣмъ еще не использованный матеріалъ, или и прямо печатая тексты (прекрасное изданіе первоначальной рукописи: «Горе отъ ума», 1823 г., изданіе нѣсколькихъ неизданныхъ статей Бѣлинскаго).

Въ 1899 г. Якушкинъ пострадалъ за желаніе почтить память своего главнаго любимца въ прошлой русской литературѣ. Его рѣчь въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 27 мая объ «Общественныхъ идеалахъ Пушкина» послужила поводомъ къ административной высылкѣ В. Е. изъ Москвы. На мое привѣтствіе ему по этому поводу, онъ отвѣчалъ 27 іюля: «Съ 19 іюня я сижу въ Ярославлѣ подъ гласнымъ надзоромъ, который выражается только однимъ стѣсненіемъ: я не могу выходить за черту города. Въ министерствѣ мнѣ обѣщали освободить меня и возстановить во всѣхъ правахъ къ декабрю. Теперь, когда въ Петербургъ начнутъ съѣзжаться, можно будетъ хлопотать объ ускореніи дѣла, — послѣднее осложняется тѣмъ, что инициатива шла изъ Москвы, такъ что для отмѣны принятой мѣры, нужно, если не согласіе Москвы, такъ сношеніе съ нею. Все-таки теперь есть надежда ускорить ходъ дѣла; такъ какъ въ концѣ сентября у меня уѣздное земское собраніе, то мнѣ очень важно къ тому времени освободиться отъ надзора и получить право передвиженія».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что Якушкинъ мало огорчается личными для себя стѣсненіями, но очень беспокоится о тѣхъ помѣхахъ, которыя стоятъ на пути его новаго общественнаго служенія, — на этотъ разъ въ формѣ земской работы. Только въ февралѣ 1890 г. онъ дождался прекращенія административной ссылки: 18 февраля 1900 г. онъ писалъ мнѣ: «Послѣ восьмимѣсячнаго сидѣнія въ Ярославлѣ и теперь, наконецъ, возстановленъ въ правахъ свободнаго передвиженія и пр.; съ меня сняты всѣ ограниченія, и сегодня я уѣзжаю въ Москву».

Съ 1899 г. Якушкинъ становится гласнымъ курскаго губернскаго земства, и, вмѣстѣ съ другими прогрессивными гласными, онъ много поработалъ надъ дѣломъ народнаго образованія въ этой губерніи. Это естественно привело его къ участию въ земскихъ сѣздахъ и въ Союзѣ Освобожденія. Между прочимъ, онъ вошелъ въ составъ общеземскаго бюро, созвавшаго ноябрьскій земскій сѣздъ 1904 г. и принималъ въ работахъ бюро и сѣзда самое дѣятельное участіе. Имъ былъ написанъ основной докладъ этого бюро ноябрьскому сѣзду по вопросу объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго развитія нашей государственной и общественной жизни, обсужденіе котораго закончилось открытымъ заявленіемъ о необходимости конституціи. На учредительномъ собраніи конституціонно-демократической партіи онъ не могъ присутствовать вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки, тѣмъ не менѣе его участіе въ совѣщаніяхъ, созываемыхъ освобожденцами и земцами-конституціоналистами, было настолько значительно, что онъ почти единогласно избранъ былъ членомъ центральнаго комитета кадетской партіи. Наиболѣе энергично было его участіе въ аграрной комиссіи при этомъ комитетѣ.

Чрезвычайно цѣнно для характеристики міросозерцанія В. Е. свидѣтельство г. А. Максимова («Русскія Вѣдомости» 1912 г. № 279, 4 дек.), что Якушкинъ «занималъ мѣсто на крайнемъ лѣвомъ флангѣ» кадетской партіи, «былъ выразителемъ наиболѣе демократическихъ теченій», имѣвшихся въ ея средѣ, и это «съ наибольшей опредѣленностью сказывалось именно въ разработкѣ аграрнаго вопроса. В. Е. былъ сторонникомъ наиболѣе полного и коренного рѣшенія этого вопроса, и его не пугала... мысль о націонализациі земли. Окончательная форма, въ которую вылилась программа кадетской партіи, не вполне отвѣчала пожеланіямъ Якушкина. Естественнымъ и заслуженнымъ увѣнчаніемъ высоко полезной общественной работы В. Е. было избраніе его въ члены первой Государственной Думы курскимъ губернскимъ собраніемъ, при чемъ рѣшающую роль сыграли выборщики отъ крестьянъ. Проектъ аграрной реформы, внесенный въ Думу (такъ называемое «заявленіе 42-хъ»), было выработано при его дѣятельномъ участіи, и онъ первый подъ нимъ подписался. По свидѣтельству г. О. Кокошкина («Русск. Вѣд.» 1912 г., № 280), воззрѣнія Якушкина на аграрный вопросъ «казались слишкомъ радикальными и ему приходилось выдерживать не мало споровъ, въ которыхъ онъ отстаивалъ» свои взгляды «со стойкостью и жаромъ человѣка, твердо убѣжденнаго и вложившаго въ вопросъ всю свою душу».

Въ Думѣ онъ выступалъ на защиту записки, внесенной по этому предмету кадетскою партіею. Въ засѣданіи 27 мая, во время преній по земельному вопросу, Якушкинъ произнесъ рѣчь, въ которой не отрицалъ, что кадетская записка есть «компромиссъ съ жизнью», но, указывая на то, что въ основу ея положено «сознаніе земельной тѣсноты, отъ которой страдаетъ русскій народъ», онъ утверждалъ, что проведеніе реформы на указанныхъ въ запискѣ основаніяхъ приведетъ къ совершенному обновленію деревенской жизни, къ улучшенію быта крестьянъ, а это отразится на улучшеніи положенія и всего государства въ социальномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Онъ пояснялъ, что составители записки не задавались цѣлью «провозгласить право каждаго гражданина на извѣстный участокъ земли», а только утверждали, что «малоземельные и безземельные земледѣльцы должны получить дополнительный надѣлъ»... «Если бы мы составляли», продолжаетъ Якушкинъ, «теоретическій трактатъ, а не имѣли бы въ виду составлять законопроектъ, имѣющій возможность осуществиться на дѣлѣ, мы бы не только съ другими нашими товарищами по Думѣ провозгласили необходимость трудовой нормы для населенія, мы бы пошли и дальше. Мы бы сказали, что необходимо обезпечить и будущій приростъ населенія. Мы бы признали, что сельское общество или отдѣльная семья, получающая надѣлъ, должны получить землю выше трудовой нормы для того, чтобы былъ запасъ на будущее. Но мы считались съ дѣйствительными условіями, съ тѣми размѣрами земли, которыми можно воспользоваться для надѣленія крестьянъ». При этомъ Якушкинъ высказалъ «свое личное мнѣніе», что, въ виду трудности въ большинствѣ случаевъ опредѣлить потребительную норму, ее правильнѣе было бы замѣнить въ законопроектѣ, въ видѣ «обязательной нормы» «указаніемъ на высшій надѣлъ 1861 г. «Конечно», продолжаетъ онъ, «для этого потребуется пожертвовать частнымъ землевладѣніемъ... (т.-е. частью его). Но мы не задавались вовсе цѣлью уничтоженія всей частной собственности (на землю)... «Нашъ проектъ признаетъ, что частная собственность должна быть отчуждена на основаніи справедливой оцѣнки....., въ исчисленіи которой устраняются всѣ условія, связанныя съ кабальными цѣнами, какъ на аренды, такъ и на рабочій трудъ». Упомянемъ еще, что въ засѣданіи Думы 27 іюня во время обсужденія

запроса о крестьянскомъ союзѣ, Якушкинъ горячо поддерживалъ за-
просъ.

Въ 1906 г. В. Е. послужилъ интересамъ крестьянства не только какъ депутатъ въ Государственной Думѣ, но и какъ редакторъ двухъ хорошихъ и дешевыхъ газетъ, имѣвшихъ цѣлью дать хорошее чтеніе народу. Ближайшее участіе въ ней принимали А. А. Мануиловъ и В. А. Розенбергъ, а также И. П. Бѣлоконскій, Н. Н. Щепкинъ и другіе. Въ ней сотрудничали А. С. Посниковъ, Н. Дружининъ, С. П. Мельгуновъ, А. Быкова, Н. И. Карѣевъ, В. Дерюжинскій, И. В. и Н. В. Якушкины и др. Въ ней рассматри-
вались вопросы о землѣ, народномъ образованіи, о выборахъ, объ исклю-
чительныхъ законахъ, смертной казни, рабочихъ союзахъ, фабричномъ за-
конодательствѣ, свободѣ слова, о многихъ другихъ явленіяхъ русской и
западно-европейской жизни, давались характеристики нѣкоторыхъ знаме-
нитыхъ писателей и общественныхъ дѣятелей русскихъ и иностранныхъ.
Послѣ роспуска первой Думы газета была прекращена администраціей.

Въ томъ же году, съ 16 сентября, также подъ редакціей В. Е. Якуш-
кина, стала издаваться, совершенно аналогичная первой, газета «Народный
Путь», гдѣ, между прочимъ, печатались такія статьи: «Другъ рабочихъ
(Р. Оуэнъ)», А. Быковой «Король Людовикъ XVI и неудачная попытка ре-
формъ», А. С. Посникова «Разрушеніе общины (по поводу указа 9 ноября)»,
В. Е. Якушкина о Рылѣевѣ, С. П. Мельгунова «Государство и церковь
въ Россіи» и т. п. Газета могла просуществовать только до конца года.

Въ 1905 г. Якушкинъ вмѣстѣ съ В. А. Розенбергомъ воспользо-
вались удобнымъ временемъ для того, чтобы свести счеты съ цензурой въ
интересной книгѣ «Русская печать и цензура въ прошломъ и настоя-
щемъ», гдѣ перу В. Е. принадлежитъ статья «Изъ исторіи русской цен-
зуры». Въ томъ же году для широкихъ круговъ читателей Якушкинъ
написалъ брошюры о Сперанскомъ и Аракчеевѣ и о Государственной
Думѣ, а въ 1906 г. брошюры «Крестьянская реформа 1861 г. и русское
общество», «Въ Государственной Думѣ о землѣ» (включенная затѣмъ въ
списокъ книгъ, изъятыхъ изъ обращенія) и «Декабристы, кто они были
и чего они хотѣли». Въ этомъ же году появилась въ свѣтъ его книга
«Государственная власть и проектъ государственныхъ реформъ, съ при-
ложеніемъ конституціи Н. Муравьева» (послѣдняя, къ сожалѣнію, напе-
чатана не совсѣмъ исправно). Все это показываетъ, съ какою готовно-
стью В. Е. слѣжилъ распространенію знаній и правильныхъ съ его точки
зрѣнія общественныхъ взглядовъ въ обществѣ и народѣ.

За процессомъ депутатовъ, подписавшихъ выборское воззваніе послѣ
роспуска первой Думы, послѣдовало трехмѣсячное заключеніе Якушкина
въ Таганской тюрьмѣ, въ Москвѣ, совершенно подорвавшее его здоровье.
Здѣсь онъ продолжалъ работу надъ редактированіемъ академическаго
изданія сочиненій Пушкина. Онъ редактировалъ весь II т. и подготовилъ
часть матеріала для III тома¹⁾.

Изъ тюрьмы Якушкинъ вышелъ совершенно больнымъ. Кромѣ при-
чинъ физическихъ, вызвавшихъ нервный ударъ, несомнѣнно, окончатель-
ному разрушенію его здоровья должно было содѣйствовать и крушеніе
надеждъ, которыя онъ возлагалъ на Думу. Горячему защитнику общин-
наго землевладѣнія должна была глубоко претить столыпинская «ставка
на сильныхъ», онъ понималъ, какъ дорого она обойдется русскому кре-

¹⁾ Предоставляя судъ надъ этимъ трудомъ специалистамъ по Пушкину, позво-
ляю себя высказать свое личное мнѣніе, что лучше было бы кропотливый
трудъ Якушкина надъ текстомъ поэта напечатать въ видѣ особаго изслѣдова-
нія, какъ, напр., есть особое изслѣдованіе Доманицкаго о текстѣ Т. Г. Шевченка,
а въ изданіе произведеній поэта внести лишь главные результаты изслѣдованій.

стьянству, онъ печаталъ статьи противъ указа 9 ноября и въ своей газетѣ (выше уже было упомянуто о статьѣ въ «Народномъ Пути» на эту тему А. С. Посникова). При все болѣе надвигавшемся тяжеломъ безвременьи Якушкинъ уже не могъ поправиться.

Я не пишу панегирика Якушкину, — онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, память которыхъ не нуждается въ преувеличенныхъ похвалахъ; желая быть правдивымъ, я долженъ сказать, что В. Е. Якушкинъ не занялъ мѣста въ первыхъ рядахъ русскихъ историковъ, онъ не былъ блестящимъ публицистомъ, онъ не выдѣлился какъ замѣчательный ораторъ ни въ земскихъ собраніяхъ, ни въ земскихъ съѣздахъ, ни въ собраніяхъ Союза Освобожденія, ни въ собраніяхъ Думы, но онъ вездѣ, въ области науки, журналистики и общественной дѣятельности былъ чрезвычайно полезенъ: и какъ историкъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, и какъ университетскій преподаватель, и какъ публицистъ, и какъ усердный работникъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, и какъ земскій дѣятель, и какъ редакторъ газеты для народа и, наконецъ, какъ представитель народа, требующій для него земли: этотъ послѣдній моментъ былъ апогеемъ его дѣятельности, подготовленнымъ всею предшествующею его жизнью. Специализированіе въ какой-нибудь одной области, вѣроятно, сдѣлало бы въ ней имя Якушкина гораздо болѣе замѣтнымъ, но онъ былъ слишкомъ отзывчивый человѣкъ, чтобы замкнуться въ ученую или иную скорлупу. И тѣмъ не менѣе сумма сдѣланнаго имъ въ разныхъ областяхъ весьма велика, и онъ былъ достойнымъ великой хвалы носителемъ своего жизненнаго тягла. Якушкинъ былъ мирской, общинный человѣкъ, онъ охотно несъ невидную коллективную работу. Какъ далеко шагнуло бы наше общество, если бы у насъ было побольше такихъ людей!

В. Семевскій.

Памяти П. И. Бартенева.

(† 22 октября 1912 г.).

Смерть П. И. Бартенева — несомѣнно, и смерть «Русскаго Архива». Во всей исторіи русской литературы я не знаю другого такого случая полного воплощенія личности редактора, во всемъ ея объемѣ, въ журналѣ, — такого *тождества* человѣка и книги. Жизнь П. И., органически срослась съ жизнью «Архива». И такъ естественно было, что П. И. уже смертельно больной, до послѣдней минуты сознанія подбиралъ матеріалы и правилъ корректуры для своего журнала; и такъ естественно будетъ, что 50-ми годами, въ 1912 г., закончится и существованіе «Русскаго Архива».

Вмѣстѣ они росли и старѣлись. Незамѣтный, никому почти неизвѣстный «домашній учитель» семьи Жуковского, позднѣе — бібліотекаръ Чертковской бібліотеки сдѣлался редакторомъ *перваго* историческаго въ полномъ смыслѣ этого слова журнала на Руси, занялъ видное положеніе въ Москвѣ, сдѣлался одною изъ ея достопримѣчательностей; «Архивъ» обратился въ цѣлую бібліотеку томовъ, безъ которой уже никогда не обойдется русская исторіографія. До конца она сохранила «особый отпечатокъ» Старой Москвы, уже отходящей въ прошлое.

Редакторъ, который при первомъ свиданіи съ сотрудникомъ отбиралъ у него самыя точныя біографическія и генеалогическія справки о немъ самомъ, его женѣ и т. д., который въ своей богатой памяти бла-

тоговѣйно хранилъ всѣ «анекдоты прежнихъ дней», для котораго всѣ преданія прошлаго были жизнью души; журналъ, который 50 лѣтъ намеками или открыто, въ примѣчаніяхъ «П. Б.», твердилъ о томъ, что Елизавета Петровна была обвинена съ Разумовскимъ, а Екатерина II — съ Потемкинымъ, и велъ изъ-за этихъ изобличеній, давно уже обросшихъ мохомъ, крайне энергичную борьбу съ цензурой — это ли не «особый отпечатокъ»? Извѣстное преданіе рассказываетъ о великосвѣтской дамѣ, любительницѣ исторіи, которая послѣ смерти, представъ на судъ, прежде всего хотѣла узнать у судіи тайны «Желѣзной Маски», княжны Таракановой и т. д. Къ подобнымъ «историческимъ загадкамъ» всю жизнь тянуло и П. И. Раскапывая родственныя связи современниковъ, ихъ семейные архивы, онъ все время собиралъ крохи для освѣщенія этихъ загадокъ. И на молодыхъ современниковъ какъ-то странно дѣйствовали всѣ эти его ссылки на устные свидѣтельства Жуковского, Вяземскаго, цѣлаго Пантеона дѣятелей далекаго прошлаго, которое для П. И. было живымъ...

Онъ любилъ пикантность полной неожиданности. Увидѣвъ въ собесѣдникѣ интересъ къ Радищеву, Новикову, Тургеневу, онъ не возражалъ по существу — всякій интересъ къ прошлому даже у людей «иначе мыслящихъ» былъ для него, послѣдовательнаго консерватора, всегда цѣненъ, — но сообщалъ, напр., со словъ Жуковского, Вяземскаго и другихъ именитыхъ покойниковъ, что они — истязали крестьянъ, что въ личной жизни они были очень далеки отъ своихъ «завиральныхъ идей» и т. д. Въ то же время консерватизмъ не мѣшалъ ему съ увлеченіемъ цитировать очень злыя, даже убійственныя для высокопоставленныхъ лицъ эпиграммы Соболевскаго — именно потому, что онѣ были убійственно-злы и остроумны. И онъ приводилъ факты, мѣткіе и яркіе, за которые могъ съ радостью ухватиться не только либераль, но и радикалъ, и которые въ корѣ были его собственное міровоззрѣніе, потому что историческій анекдотистъ билъ въ немъ въ данную минуту консерватора...

Все или очень многое было создано имъ изъ ничего. У него было изумительное чутье для розысковъ и добычи нужныхъ матеріаловъ. Передъ нимъ открывались завѣтные сундуки, шкапчики, шифоньерки, изъ которыхъ извлекались благоговѣйно хранимые семейные документы. Волей или неволей умножали они богатый архивъ «Русскаго Архива» — тому, что только случайно сдѣлалось частною собственностью, давно бы ужъ пора сдѣлаться собственностью общественною...

50 лѣтъ журналъ жилъ бесплатными матеріалами и бесплатнымъ, за самыми рѣдкими, больше анекдотическими тоже исключеніями, сотрудничествомъ. И это казалось простымъ, естественнымъ не только редактору, но и подавляющему большинству сотрудниковъ. Когда «Архивъ» сталъ хирѣть вмѣстѣ съ П. И., обезпеченный редакторъ какъ-то заговорилъ со мной о томъ, что нужно его поднять. Сдержанно я указалъ ему на главную причину упадка: теперь уже нельзя базировать дѣла на бесплатномъ трудѣ. — «Я и самъ объ этомъ давно и много думаю,

П. И. Бартевѣвъ.

В. В., рѣшилъ все измѣнить... платный гонораръ». Но и гонорары вышли анекдотичными и падающаго дѣла не подняли...

Я всегда удивлялся работоспособности и памяти П. И. Онъ никому, до послѣдней минуты, не уступилъ не только редакторской, но и корректорской работы. Я бывалъ у него въ разные часы, и неизмѣнно заставлялъ его за столомъ, за рукописями и корректурами, за новыми историческими книгами — ничто не ускользало отъ его бдительнаго глаза. Большой старикъ, онъ могъ работать по 12 — 15 часовъ въ сутки, сохраняя свѣжесть головы, оживленность, повышенный интересъ ко всему крупному и мелкому въ области нашего прошлаго.

Всегда въ немъ чувствовался историкъ стараго закала — «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма». «Исторіософію» онъ не любилъ такъ же, какъ и иностранныя слова (изъ нихъ онъ, кажется, только и признавалъ слова «архивъ» и «исторія», а остальные всячески старался замѣнить: помню, напр., что онъ *обидѣлся* на меня за слово «анонимный» въ одной моей статьѣ и вездѣ своимъ характернымъ почеркомъ измѣнилъ его на «безыменный»). Больше всего цѣнилъ онъ личную переписку, мемуары («воспоминанія»), интересовался не процессами, а конкретными явленіями, не отвлеченными рассужденіями, а характеристическими анекдотами, живыми штрихами прошлой жизни, ея интимными подробностями. Именно имъ онъ и давалъ всего больше мѣста въ своемъ журналѣ, который еще долго будетъ неисчерпаемымъ источникомъ такого рода матеріаловъ для историковъ.

Трогательна была въ немъ любовь къ русской поэзіи. Часами могъ онъ цитировать наизусть Пушкина, Жуковского, Вяземскаго, Соболевскаго, не дѣлая ни одной ошибки, передавая весь своеобразный аромать старой дикціи со всѣми ея нюансами. За поэтическій талантъ онъ готовъ былъ простить всю «завиральность» идей, тепло говорилъ даже о «либерализмѣ» Пушкина и Соболевскаго и никогда не упоминалъ о томъ, что онъ «истязалъ своихъ крестьянъ»...

Это была живая лѣтопись нашей литературы за XIX вѣкъ, на «ветшаномъ» пергаментѣ, со страпными подчасъ интерполяціями, всегда своеобразная и интересная, даже тогда, когда рѣчь заходила объ «истязаніи крестьянъ»: то и дѣло онъ проговаривался колоритными, живыми фактами, часто воскрешалъ прошлое до полной осязательности.

Слушая П. И., я *чувствовалъ* Жуковского, Вяземскаго, Соболевскаго... даже тогда, когда они являлись неожиданными свидѣтелями изболбичителями...

Въ П. И. умеръ одинъ изъ послѣднихъ могиканъ старой Москвы, со всѣми ея противорѣчіями, психологическими и жизненными диссонансами. Въ «Русскомъ Архивѣ» онъ оставилъ и поставилъ для себя драгоценный памятникъ — огромный по виду, смѣшанный по содержанію, изъ золота и свинца, съ дѣтски-наивными украшеніями и глубокими по смыслу надписями. Невинную слабость къ анекдотамъ ему, конечно, скою простять; за опубликованіе тысячъ интереснѣйшихъ воспоминаній, писемъ, литературныхъ произведеній, біографическихъ свѣдѣній ему всегда будутъ благодарны всѣ тѣ, кто любитъ прошлое. Какъ сборникъ историческихъ матеріаловъ (*не изслѣдованій*) «Русскій Архивъ» не превзойденъ еще ни однимъ журналомъ — не только потому, что онъ издавался 50 лѣтъ, но и потому, что П. И. раньше всѣхъ вышелъ на ниву, больше всѣхъ работалъ самъ, собиралъ удачливо все, что только можно было собрать, жалъ тогда, когда колосья ломились отъ зеренъ. Потомкамъ придется имѣть дѣло съ уже сильно оскудѣвшею почвою...

В. Каллашъ.

П. И. Щукинъ.

(12 октября 1912 г.).

12 октября 1912 г. смерть унесла одного изъ видныхъ Московскихъ гражданъ: умеръ П. И. Щукинъ. Происходя изъ купеческаго рода, онъ былъ извѣстенъ не только въ томъ кругѣ, къ которому принадлежалъ по рожденію и какъ участникъ обширнаго торговаго дѣла, но не менѣе того его хорошо знали и въ интеллигентныхъ кружкахъ, гдѣ ему приходилось вращаться, особенно въ послѣднія 20 лѣтъ, какъ владѣльцу превосходнаго, основаннаго имъ, музея древностей и богатаго архива, привлекавшихъ къ Петру Ивановичу людей науки. Собраній древностей, конечно, не такихъ крупныхъ и разнообразныхъ, какъ щукинское, но все же значительныхъ, не мало, но владѣльцевъ таковыхъ, подобныхъ покойному П. И. Щукину, встрѣтить можно рѣдко. Петръ Ивановичъ не представлялъ того типа коллекционеровъ, для которыхъ собираніе фарфора, бронзы, серебра, монетъ и т. п. есть одинъ изъ видовъ спорта, у П. И. любовь къ собиранію предметовъ древности вытекала изъ чувствъ болѣе возвышенныхъ, чѣмъ чувства спортсмена: онъ собиралъ старину, какъ матеріалъ для научныхъ изслѣдованій, что и доказалъ какъ своими многочисленными изданіями, такъ и тѣмъ, исполненнымъ величія, фактомъ — принесеніемъ при жизни въ даръ государству своего превосходнаго собранія со всѣми зданіями и землею. Такіе гражданскіе подвиги не часты, ими должно гордиться, и имя П. И. Щукина отнынѣ занесется на страницы исторіи русскаго просвѣщенія.

П. И. Щукинъ.

О многихъ внѣшнихъ фактахъ жизни П. И. мы бы, конечно, никогда не узнали, если бы два послѣднихъ года своей жизни онъ не посвятилъ «Воспоминаніямъ», напечатаннымъ въ X и не въ вышедшемъ, за смертью издателя, XI томѣ «Щукинскаго сборника». Эти безхитростныя записки, безъ всякой претензіи на литературную форму, тѣмъ не менѣе даютъ живой очеркъ жизни ихъ автора и той среды, гдѣ онъ жилъ или вращался. Родился П. И. въ 1853 г. въ Москвѣ. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ отданъ отцомъ въ Бемскую нѣмецкую школу въ Выборгѣ, гдѣ пробылъ около 4 лѣтъ, и оттуда перешелъ въ петербургскій пансіонъ Гирста, въ которомъ пробылъ до 1871 г. Выйдя изъ пансіона Гирста, П. И. мечталъ о высшемъ образованіи, ради чего ѣздилъ съ отцомъ къ извѣстному педагогу Стоюнину, который его проэкзаменовалъ, но нашелъ не достаточно подготовленнымъ для поступленія въ какое-нибудь высшее учебное заведеніе и совѣтовалъ заниматься науками дома. Повидимому, недолго бралъ П. И. уроки у Басистова, Сту-

пина, Дюфора и др. педагоговъ 70-хъ годовъ — ему пришлось перейти къ практической жизни: онъ сталъ заниматься у отца торговымъ дѣломъ и уже въ 1872 г. впервые поѣхалъ съ отцомъ за границу, гдѣ прожилъ въ разныхъ торговыхъ учрежденіяхъ нѣсколько лѣтъ сначала въ Берлинѣ, потомъ въ Ліонѣ, предпринимая экскурсіи въ Парижъ, Лейпцигъ и др. города. Надо отдать должъ справедливости П. И-чу, что онъ не былъ поглощенъ за границею только одной матеріальной стороною жизни, подобно большинству людей его круга; его духовные интересы заставляли употреблять свободное отъ занятій время на слушаніе популярныхъ лекцій въ берлинскихъ ремесленномъ и купеческомъ фрейнахъ, гдѣ, между прочимъ, читали по разнымъ отраслямъ знаній такія знаменитости, какъ Вирховъ, Шпильгагенъ и др. По «Воспоминаніямъ» можемъ судить, какъ у П. И. начала за границей появляться жилка собирателя, развившаяся впослѣдствіи въ настоящую страсть. Первое, что онъ сталъ собирать, были книги, которые покупалъ у букинистовъ Ліона, а затѣмъ эстампы, рисунки и т. п. Въ 80-хъ годахъ П. И. сталъ увлекаться собираніемъ восточныхъ предметовъ — персидскихъ, японскихъ, китайскихъ; такъ, на Парижской выставкѣ 1889 г. имъ были куплены великолѣпныя японскія ширмы со сдѣланными изъ разноцвѣтной шелковой матеріи фигурами, изображающими бытовые сцены. Ширмы эти привлекаютъ вниманіе своей своеобразной красотой всѣхъ посѣтителей музея. Впослѣдствіи, въ 1907 г., П. И. часть своей восточной коллекціи, именно персидскій отдѣлъ, издалъ на 32 табл. рисунокъ съ краткимъ текстомъ. Собраніе восточныхъ предметовъ П. И. пополнялъ до самой смерти; онъ придавалъ большое значеніе изученію орнамента и формъ Востока, у котораго мы многое заимствовали. Параллельно съ предметами восточнаго издѣлія собирались не менѣе ревностно и западные; не мало превосходныхъ образцовъ западнаго серебрянаго дѣла украшаютъ его витрины. Поясняя цѣль собиранія предметовъ Востока и Запада, П. И. въ своей статьѣ «Щукинскій музей за 18 лѣтъ своего существованія (1892 — 1910 гг.)» выражается такъ: «Я поставилъ себѣ задачею собирать не только русскіе предметы, но также восточные и западные, и, собирая послѣдніе, наглядно показать, какое вліяніе имѣли Востокъ и Западъ на русскую культуру. Собранныя такимъ образомъ коллекціи служатъ не только научнымъ, но и учебно-образовательнымъ цѣлямъ».

Въ этихъ словахъ прекрасно выразилась вся цѣль собиранія П. И., вся осмысленность, съ какою онъ составилъ свое драгоценное собраніе.

Начало 90-хъ годовъ можно считать началомъ поворота къ общественной музейской дѣятельности П. И. Начиная съ этого времени, П. И. главные средства употреблялъ на покупку предметовъ древняго русскаго быта и искусства, кромѣ курганныхъ древностей, которыхъ въ его собраніи лишь незначительное количество. Собраніе его къ этому времени настолько разрослось, что частная квартира стала тѣсна, и онъ задумалъ выстроить специальное зданіе, для чего и приобрѣлъ обширное мѣсто на Малой Грузинской улицѣ, гдѣ воздвигъ въ 1893 г. по проекту арх. Б. В. Фрейденберга первое зданіе музея, одно изъ лучшихъ сооружений Москвы въ русскомъ стилѣ XVII в. Читая вышедшее въ 1895 г. «Краткое описаніе Щукинскаго музея», можемъ видѣть, съ какою любовью и заботливостью относился П. И. къ внѣшней и внутренней отдѣлкѣ

своего дѣтища. Всѣ архитектурныя детали, вся орнаментація были взяты П. И. съ древнихъ русскихъ памятниковъ и частью изъ его собственной коллекціи: напр., роспись потолка музейнаго входа воспроизводитъ орнаментацію грамоты, пожалованной Петромъ Великимъ Якову Брюсу въ 1710 году. Впослѣдствіи П. И. выстроилъ другое зданіе музея, которое соединилъ съ первымъ подземнымъ ходомъ, и, наконецъ, построилъ обширное помѣщеніе для архивныхъ бумагъ.

Заботливость П. И. о сохраненіи своего собранія выразилась не въ одной только постройкѣ зданія музея; онъ отлично понималъ, что однѣ стѣны не могутъ быть гарантіей для цѣлости собранія въ дальнѣйшемъ будущемъ, поэтому онъ еще въ 1891 г. составилъ духовное завѣщаніе, по которому всѣ старинныя вещи завѣщалъ Историческому музею. Черезъ нѣсколько лѣтъ завѣщаніе это было уничтожено и свою завѣтную мысль — передать все собранное имъ на пользу наукъ — П. И. осуществилъ въ 1905 г. на дѣлѣ: онъ принесъ въ даръ все собраніе предметовъ древности и искусства архива и книгъ вмѣстѣ съ владѣніемъ, т.-е. землею и музейными и другими постройками, Историческому музею, оставаясь пожизненнымъ распорядителемъ своего собранія и продолжая пополнять его на свои средства. Теперь, когда этотъ достойный гражданинъ преждевременно умеръ и все собранное имъ стало достояніемъ науки, мы, казалось бы, могли теперь же оцѣнить результаты его двадцатилѣтнихъ трудовъ и заботъ, но одного поверхностнаго взгляда на все содержимое въ музеѣ достаточно, чтобы сказать, что не только на научную оцѣнку, но на простое приведеніе въ систему этого огромнаго собранія потребуется много времени и много труда, — такъ оно велико. Изданія покойнаго П. И. какъ по вещественнымъ памятникамъ, такъ и по рукописному и архивному отдѣламъ даютъ понятіе лишь о меньшей части его собранія; богатая коллекція великолѣпныхъ древнихъ мѣдныхъ крестовъ и иконъ, превосходнаго шитья, облачений, старинныхъ матерій, издѣлій изъ стекла, табакерокъ, перстней, печатей и проч. и проч. совсѣмъ почти не тронуты въ изданіяхъ ихъ покойнымъ владѣльцемъ и въ будущемъ изданіе таковыхъ дастъ отличное понятіе о многихъ отрасляхъ русскаго искусства, такъ какъ всѣ предметы собранія представлены въ лучшихъ образцахъ какъ по издѣлію, такъ и по сохранности, что характеризуетъ вкусъ и пониманіе П. И.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ изданіяхъ П. И. Все изданное имъ свидѣтельствуетъ объ его скромности. Не чувствуя себя достаточно компетентнымъ для археологическихъ и вообще научныхъ изысканій, П. И. во всѣхъ изданіяхъ, какъ вещественныхъ, такъ и архивныхъ памятниковъ, никогда не пускался въ объясненія, зная хорошо этотъ скользкій путь, а описывалъ или издавалъ все «по натурѣ», предоставляя своими изданіями матеріалъ для изслѣдованія специалистамъ. Изъ всѣхъ его изданій только «Опись» рукописнаго собранія имѣетъ научный комментарий, составленный А. И. Яцимирскимъ.

Всѣ люди науки, которымъ случалось прибѣгать къ П. И., какъ къ владѣльцу научныхъ сокровищъ, находили въ немъ отзывчиваго человѣка, готоваго съ великою охотою прійти на помощь. Это его драгоцѣнное качество заставляетъ еще болѣе пожалѣть объ утратѣ, какую понесло русское интеллигентное общество въ лицѣ П. И. Щукина.

А. Орѣшниковъ.

Артуръ Гёргей.

Гёргей умеръ два-три мѣсяца тому назадъ, а принадлежитъ онъ исторіи уже болѣе шестидесяти лѣтъ. О немъ давно говорили, какъ о человѣкѣ, котораго нѣтъ въ живыхъ. И немногіе знали, что онъ еще не умеръ и доживаетъ послѣдніе дни въ Будапештѣ. Ему было 95 лѣтъ въ моментъ смерти (род. въ 1817 году).

Гёргей былъ однимъ изъ вождей венгерскаго повстанья 1848 — 1849 гг. Годъ, который онъ находился въ рядахъ венгерской революціонной арміи и во главѣ ея, сдѣлалъ его имя бессмертнымъ, а долгую его жизнь — несчастной.

Венгерская революція могла быть успѣшной, если бы мадярамъ приходилось имѣть дѣло только съ Австріей. Твердую надежду на побѣду давали два условія: во-первыхъ, то, что судьба крестьянской реформы въ Венгріи была тѣсно связана съ судьбою революціи и не могла быть отъ нея отдѣлена, какъ въ Пруссіи и Австріи; во-вторыхъ, то, что у Венгріи была обученная армія.

Но мадяры сдѣлали одну ошибку, которая поставила передъ ними рядомъ съ обезсиленной Австріей новаго, сильнаго врага. Въ январѣ 1849 г. главнокомандующимъ венгерской арміей былъ назначенъ польскій генералъ Іосифъ Дембинскій, наполеоновскій солдатъ, даровитый полководецъ, но — польскій патріотъ. Онъ ненавидѣлъ Россію, и для него венгерская революція имѣла одинъ главный смыслъ. Онъ видѣлъ въ ней пламя, способное зажечь революціоннымъ огнемъ и Польшу. Онъ носился и съ болѣе широкимъ планомъ: сдѣлать независимую, освобожденную Венгрію, опорою для массоваго возстанія славянъ противъ русскаго самодержавія. Для императора Николая именно планы Дембинскаго, которые находили восторженныхъ сторонниковъ въ Польшѣ, послужили главной побудительной причиною идти спасать изнемогавшую Австрію.

Гёргею пришлось стать во главѣ венгерской арміи тогда, когда русскія войска вторглись уже въ страну (весною 1849 года), т.-е. когда побѣда сдѣлалась невозможной. До тѣхъ поръ, пока онъ не былъ главнокомандующимъ, онъ обнаружилъ два качества: большой военный талантъ и большое своеволие. Теперь, когда отъ согласнаго образа дѣйствій у мадяръ зависѣло все, Гёргей сталъ держать себя совершенно непозволительно, до такой степени непозволительно, что навлекъ на себя обвиненіе въ измѣнѣ. Онъ ссорился съ Кошутымъ, не хотѣлъ столковываться съ другими генералами, не подчинялся правительству. Въ самый критическій моментъ для страны онъ слушался только голоса своего тщеславія.

Въ концѣ-концовъ, Кошутъ во имя патріотизма, который безмолвствовалъ въ душѣ Гёргея, уступилъ ему диктатуру. Это было 11 августа. Два дня спустя, 13 августа, онъ сдалъ русскому генералу Ридигеру, при Вилагошѣ, главную венгерскую армію въ 23,000 человѣкъ при 130 орудіяхъ. Сдача была «безусловная», но Николай уприсилъ Франца-Іосифа «подарить» ему жизнь Гёргея.

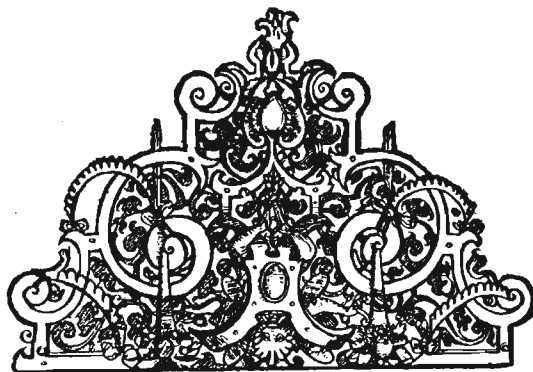
И сдача, и помилованіе (все остальные высшіе офицеры венгерской арміи, не успѣвшіе бѣжать ¹⁾), были либо повѣшены, либо, въ лучшемъ случаѣ, разстрѣляны) усилили разговоры объ измѣнѣ. Еще двадцать лѣтъ спустя Гѣргею приходилось громко протестовать противъ этихъ обвиненій.

«Вы утверждали и продолжаете утверждать,—писалъ онъ въ 1867 году,—что вилагошская капитуляція была актомъ измѣны. Это — ложь. Катастрофа 13 августа была только конкретнымъ, потрясающе естественнымъ выраженіемъ дѣйствительнаго положенія».

Только въ 1885 году его прежніе боевые товарищи торжественно засвидѣтельствовали передъ страной, что въ 1849 году Гѣргей исполнилъ свой долгъ передъ родиною, и что обвиненія въ измѣнѣ не основаны ни на чемъ.

Исторія уже произнесла свой приговоръ надъ Гѣргеемъ. Она тоже отвергаетъ обвиненіе въ измѣнѣ, но она сурово осуждаетъ чловѣка, которому родина ввѣрила одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ постовъ въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ жизни народа, и который не захотѣлъ забыть себя для блага родины.

А. Дживелеговъ.

¹⁾ Сюда не вошли еще офицеры отряда Клапки, который завоевалъ себѣ свободный пропускъ за твердынями Коморна.

П. А. Кропоткинъ, какъ историкъ французской революціи.

(Къ семидесятилѣтію его рожденія).

«По богатымъ матеріаламъ Британскаго музея я принялся за изученіе французской революціи.—именно, какъ начинаются революціи. Но это меня не удовлетворяло: мнѣ нужна была болѣе живая дѣятельность, и я скоро отправился въ Парижъ» (1878 г.)... («Записки Революціонера» стр. 372).

Политическій мыслитель и социальный реформаторъ не можетъ не быть историкомъ. Страстное желаніе оправдать свои общественные идеалы, найти ихъ предвозвѣстники и въ далекомъ прошломъ и въ близкомъ настоящемъ ведетъ его неминуемо къ изученію тѣхъ историческихъ событій, въ которыхъ онъ можетъ или хочетъ найти доказательства и иллюстраціи своей теоріи общественной эволюціи.

Прямымъ примѣромъ является послѣдній трудъ П. А. Кропоткина.

Едва ли чья иная жизнь обильна такими рѣзкими и яркими контрастами. Исконный Рюриковичъ (прямой потомокъ Ростислава Мстиславича Смоленскаго), камеръ-пажъ императора, скромный офицеръ Амурскаго казачьяго войска, искусный сибирскій администраторъ, ученый изслѣдователь невѣдомыхъ сибирскихъ окраинъ, студентъ, участникъ революціоннаго кружка Чайковскаго, политическій заключенный и, наконецъ, эмигрантъ — таковъ его необычный жизненный путь. Сама судьба настойчиво толкала къ социологическимъ обобщеніямъ.

Уже въ Сибири среди инородцевъ Кропоткинъ сознаетъ «созидательную работу невѣдомыхъ массъ, о которой рѣдко упоминается въ книгахъ», понимаетъ «значеніе этой работы въ ростѣ общества»... Путемъ прямого наблюденія онъ постигаетъ «роль, которую неизвѣстныя массы играютъ въ крупныхъ историческихъ событіяхъ», и приходитъ къ такимъ же мыслямъ о вождахъ и толпѣ, которыя высказываетъ Л. Н. Толстой въ своемъ великомъ произведеніи «Война и миръ» («Зап. Революціонера» стр. 194). «Хожденіе въ народъ» и жизнь за границей среди Юрской федераціи Интернаціонала окончательно опредѣлили его социальную философію.

«Послѣ долгихъ безсонныхъ ночей я пришелъ къ убѣжденію, что въ великой социальной революціи народу придется бороться съ противниками гораздо болѣе сильными и умственно и физически—съ средними классами: и никакая революція не можетъ совершиться безъ того, чтобы новые идеалы не проникли глубоко въ тотъ классъ, котораго экономическая и политическія привилегіи придется разрушить» (ibidem 261 стр.).

П. А. Кропоткинъ при окончаніи Пажескаго корпуса (1861).

Во время службы въ Забайкальскомъ казачьемъ полку (1863).

П. А. Кропоткинъ и Ребнадеръ въ Финляндіи во время экскурсії по изслѣдованію сабдговъ ледниковаго періода.

Теперь ему ясно представляется процесс исторического развития человечества. «Оно никогда не совершается тѣмъ медленнымъ и однообразнымъ шагомъ, который ему приписываютъ... безпрестанно прерывается мѣстными революціями, а эти революціи, эти періоды ускоренной эволюціи, точно такъ же необходимы для гармоніи природы, какъ и эпоха замедленной эволюціи» («Новыя времена», 13). Отнынѣ идеаломъ человеческого общежитія для него становится федерація объединенныхъ между собой свободнымъ соглашеніемъ самостоятельныхъ общинъ, члены которыхъ связаны между собой солидарностью и взаимностью.

Такъ выдающийся естествоиспытатель-эволюціонистъ, одинъ изъ блестящихъ представителей индуктивнаго метода въ геологіи и географіи, преобразуется въ страстнаго соціальнаго мыслителя-революціонера; убѣжденный пламенный революціонный агитаторъ становится историкомъ. И, естественно, его вниманіе рано останавливается на себѣ эпоха революціонная по преимуществу.

И если въ «рѣчахъ революціонера» любимыми иллюстраціями являются событія великой французской революціи, если они представляются намъ типическими, то вполне понятно, что уже въ 1878 году, П. А. Кропоткинъ принимается за изученіе интересующихъ его матеріаловъ.

Шли годы... По словамъ П. А. Кропоткина, онъ съ 1886 года изучалъ отдѣльныя событія революціи по литературнымъ матеріаламъ Британскаго музея, и, наконецъ, на закатѣ дней, почти семидесятилѣтнимъ старикомъ, въ 1909 году онъ издаетъ свою «Великую Французскую Революцію»—большой томъ въ 750 стр. слишкомъ.

Трудъ П. А. Кропоткина былъ встрѣченъ съ большимъ одобреніемъ французскими учеными (Aulard) и съ ироніей нѣмецкими (A. Wahl), но нашелъ лишь въ Россіи серьезный анализъ проф. Н. И. Карѣева; да онъ и не могъ не вызвать разнаго отношенія критики, не могъ остаться незамѣченнымъ по своему оригинальному построению.

По воззрѣнію автора, французская революція складывается изъ двухъ теченій: идеи политической реорганизации исходятъ отъ буржуазіи, которая сознала свою силу и стремится къ захвату власти; отъ народныхъ массъ,—городскаго пролетаріата и крестьянства,—которые желаютъ немедленно улучшить свое экономическое положеніе, исходятъ активныя революціонныя выступленія.

Но едва сломана власть, союзъ буржуазіи съ народными массами прекращается; и буржуазія, представляемая Національнымъ Собраніемъ, стремится использовать революцію въ свою пользу.

Тогда дѣло революціи берутъ въ свои руки массы. Рядъ революціонныхъ выступленій перемежается періодами реакціи вплоть до 1794 года.

Народъ «великій незнакомецъ» создаетъ самовольныя революціонныя организаціи, коммуны, которыя и являются «душой великой революціи».

Эти народныя коммуны не отдѣляются отъ народа и чрезъ посредство дистриктовъ, секцій и «трибъ» поддерживаютъ съ нимъ непрерывную связь. Главными типическими представителями новаго свободнаго строя съ непосредственнымъ народнымъ самоуправленіемъ, съ организаціей общественнаго производства и потребленія являются 60 дистриктовъ, потомъ 48 секцій Парижа.

Буржуазія, представленная Жирондой, вступаетъ въ борьбу съ Парижской коммуной, объединившей секцій, и Горой, защищающей народную революцію.

Возстаніе 31 мая приводитъ къ гибели Жиронды. Слѣдствіемъ его является рѣшеніе земельного вопроса. Послѣ этого народъ, руководимый коммунистами, хочетъ идти дальше по пути обобществленія земли, промышленности и средствъ существованія, но встрѣчаетъ сопротивленіе Горы. Центральному правительству Конвента удастся бюрократизировать коммуны и секціи, обратить ихъ, равно какъ и народныя общества, въ подчиненные органы.

«Такимъ образомъ народный организмъ революціи пораженъ въ самомъ корнѣ» (стр. 683), «революція, остановленная на полпути, гибнетъ» (стр. 686), и авторъ послѣ этого ограничивается сжатымъ изложениемъ дальнѣйшихъ событій, «находя скучнымъ рассказывать объ интригахъ различныхъ партій...» «Революція кончена и народъ потерялъ къ ней интересъ» (705 стр.).

Такимъ образомъ «Исторія Великой Франц. Революціи» Кропоткина является яркой иллюстраціей его социальныхъ теорій, итогомъ умственного труда его жизни, лебединой пѣснью писателя.

Многія положенія весьма спорны (напр., вопросъ обобществленія производствъ въ секціяхъ), иное освѣщено весьма тенденціозно (эволюція Якобинскаго клуба и роль Робеспьера), почти обойдено (дѣятельность Дантона), опущено (народные клубы),—но рѣзкая постановка вопроса о коммунѣ и секціяхъ уже принесла пользу исторической наукѣ: предъ нами цѣлый рядъ серьезныхъ научныхъ изслѣдованій объ этихъ революціонныхъ организаціяхъ.

Исполняются слова самого П. А. Кропоткина: «Будь силенъ, думай и дѣйствуй со страстью,—тогда твой умъ, твоя любовь, твоя энергія передадутся другимъ...»

А. М.

Тадеушъ Корзонъ.

(Къ пятидесятилѣтію научной дѣятельности).

3-го ноября варшавское «Общество любителей исторіи» (Towarzystwo miłośników historyi) чествовало выдающагося польскаго историка Тадеуша Корзона, автора труда, составившаго эпоху въ новѣйшей польской исторіографіи, «Внутренняя исторія Польши при Станиславѣ Августѣ» (Wewnętrzne dzieje Polski za króla Stanisława Augusta), первое изданіе котораго появилось въ 1882—1884 гг. Въ этомъ году исполнилось 50 лѣтъ съ начала литературно-научной и преподавательской дѣятельности Корзона, и этотъ юбилей совпалъ съ 50-лѣтней же годовщиной другого событія въ жизни историка: въ 1862 г. Корзонъ военнымъ судомъ въ Вильнѣ былъ приговоренъ къ смертной казни. Приговоръ этотъ, на которомъ настаивалъ ковенскій губернаторъ адмиралъ Кригеръ и который былъ вынесенъ съ нарушеніемъ формальностей военно-уголовнаго процесса, былъ, однако, отмененъ, и Корзонъ былъ лишь сосланъ въ Оренбургъ на 5 лѣтъ; въ вину ему ставилось то, что его рукой были сдѣланы помѣтки на прокламаціи патріотическаго содержанія, найденной у него во время обыска. Вернувшись изъ ссылки, Корзонъ поселился въ Варшавѣ и занялся преподавательской дѣятельностью. Не занимая кафедръ въ университетѣ, не будучи допущеннымъ къ преподаванію въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, Корзонъ вынужденъ былъ давать частные уроки и занять мѣсто преподавателя всеобщей исторіи въ коммерческомъ училищѣ

Кроненберга. Неблагоприятныя условія не помѣшали, однако, ему вступить на путь самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій, основанныхъ на богатомъ архивномъ матеріалѣ. Основываясь на новыхъ матеріалахъ, Корзонъ выступилъ съ пересмотромъ положеній господствовавшей въ 80-хъ годахъ краковской школы историковъ (Шуйскій, Бобржинскій, Каминка). Краковская школа, проводившая въ историческихъ трудахъ свое консервативное политическое міросозерцаніе, доказывала, что паденіе Польши было неизбежнымъ слѣдствіемъ того, что она не создала сильной монархической власти. Противъ этой точки зрѣнія и выступилъ Корзонъ, показавшій на основаніи богатаго цифрового матеріала, что въ разныхъ областяхъ земли Польши конца XVIII вѣка замѣчалось прогрессивное развитіе, несмотря на слабость королевской власти,—развитіе, которое и было прервано вмѣшательствомъ монархическихъ государствъ.

Корзонъ, виднѣйшій представитель варшавской школы историковъ, отличается отъ названныхъ выше историковъ краковской школы и приемами изслѣдованія: онъ больше послѣднихъ обращаетъ вниманія на факты хозяйственные, широко пользуется статистическимъ матеріаломъ. Въ этомъ, быть-можетъ, сказалось то юридическое образованіе, которое Корзонъ получилъ въ Московскомъ университетѣ. Корзонъ былъ студентомъ юридическаго факультета Московскаго университета въ 1855—1859 гг. Онъ обратилъ на себя вниманіе работою «Сравнительный взглядъ на уголовное судопроизводство Англіи и Франціи». Ему предлагали заграничную командировку для приготовленія къ профессорскому званію, но онъ отказался, уѣхалъ на родину и поступилъ на мѣсто преподавателемъ исторіи Ковенской гимназіи.

Т. Корзонъ.
(Изъ Tygodn.. Illust.)

Въ Ковнѣ онъ и подвергся аресту съ описанными выше трагическими послѣдствіями. О пребываніи въ Москвѣ Корзонъ сохранилъ очень пріятныя воспоминанія, хотя сильно бѣдствовалъ въ эти годы. Польская студенческая бѣдность, къ которой принадлежалъ и Корзонъ, ютилась въ дешевыхъ квартирахъ Малой Бронной, Козиhi и Патріаршихъ прудовъ, гдѣ комнату можно было получить за 3 р. въ мѣсяцъ, и обѣдала въ самой дешевой столовой, хозяйка которой за два рубля въ мѣсяцъ отпускала обѣдъ изъ двухъ блюдъ; благотѣтельница эта иногда, впрочемъ, разрѣшала себѣ «льготные дни» и заявляла столовникамъ, что «сегодня обѣда не будетъ, такъ какъ печь развалилась». Лѣтомъ жили на дачѣ въ Богородскѣ и питались молокомъ. Большой популярностью, вспоминаетъ Корзонъ, пользовался среди студентовъ нѣкій Чистяковъ, который держалъ для виду бакалейную лавочку, но больше занимался ссудой денегъ подъ высокіе проценты и подъ залогъ часовъ и платья. Воспоминанія Корзона о студенческихъ годахъ въ Москвѣ напечатаны въ сборникѣ, изданномъ польскимъ благотворительнымъ обществомъ въ Москвѣ въ 1905 г. подъ заглавіемъ «Znicz».

Л. Козловскій.

М. Ѳ. Казаковъ.

(По поводу столѣтія со дня смерти).

Царствованіе Екатерины II—это царствованіе классическихъ идеаловъ въ русскомъ искусствѣ, русскомъ зодчествѣ.

Рѣдко когда искусство было такъ органически связано съ жизнью того общества, особенно пышнаго общества той былой, екатерининской эпохи. Это искусство не было ненужной щиппой, не было только украшеніемъ жизненнаго уклада, а было нужно тогдашнему обществу.

Главной законодательницей культурныхъ настроеній во второй половинѣ XVIII вѣка являлись, безспорно, Франція, отчасти Англія; но Франція вся отдалась этому классическому вѣянію и такъ ярко

выражала его въ стихахъ Расина и Корнеля, и въ искусствѣ все блестящее, все, чѣмъ была полна эпоха Ватто,—теперь уступило мѣсто строгому, простому и античному.

Въ архитектурѣ эта античность стала идеаломъ, воскресъ духъ Палладіо и появился цѣлый рядъ блестящихъ художниковъ.

Не могла стоять особнякомъ Россія въ этомъ стремленіи къ классическому и простому и, разъ искусство ея было занесеннымъ, заимствованнымъ, то и естественнымъ стало и у насъ въ Россіи это изученіе классическихъ формъ, и измѣненіе ихъ въ такомъ искусствѣ, какъ зодчество, теперь стало вполне понятнымъ.

Къ концу екатерининскаго царствованія у насъ былъ цѣлый рядъ архитекторовъ, русскихъ зодчихъ, отлично усвоившихъ это классическое направленіе и внесшихъ въ него

свое своеобразное пониманіе красоты и по-своему выразившихъ эту красоту. Среди русскихъ зодчихъ имя Матвѣя Ѳедоровича Казакова останется навсегда памятнымъ и славнымъ именемъ.

Этотъ художникъ затмилъ собой славу многихъ своихъ собратій и во многомъ превосходитъ прославленнаго В. И. Баженова. Москвичъ, никогда не бывавшій за границей, не учившійся въ Академіи — Казаковъ лично себѣ обязанъ, своему творческому духу, своему въ высшей степени рѣдкому художественному интеллекту.

Это не былъ только строитель—пѣтъ, это былъ огромный художникъ, сумѣвшій изучить классическую архитектуру и перевозсоздать ея красоту и выразить такъ просто, такъ благородно эту красоту.

М. Ѳ. Казаковъ.

Глядя теперь на сохранившіяся его творенія, изумляешься, съ какой легкостью они выстроены, какъ изящны эти зданія, воздушны, несмотря на ихъ монументальность.

Сынъ «подканцеляриста главнаго комиссаріата» Казаковъ, обучившись въ школѣ кн. Ухтомскаго — тогдашней единственной академіи и единственной художественной школѣ Москвы, — вышелъ изъ нея сформировавшимся талантомъ. Тамъ въ этой школѣ или, какъ именовалась она тогда, «командѣ», Казаковъ почерпнулъ знакомство съ классической архитектурой; кн. Ухтомскій былъ поклонникомъ античнаго зодчества, и онъ сумѣлъ заинтересовать и выдѣлить своего талантливаго ученика.

Конечно, Казакову извѣстны были всѣ тогдашніе увражи, выходившіе въ свѣтъ главнымъ образомъ во Франціи; но Казаковъ не перечертилъ только эти увражи, не занялся повтореніемъ готовыхъ формъ, нѣтъ—онъ посмотрѣлъ на нихъ съ иной стороны, онъ вдохнулъ въ нихъ какую-то теплоту, придалъ всему монументальному тотъ оттѣнокъ чего-то уютнаго, чѣмъ была такъ полна Москва въ концѣ XVIII вѣка. Эту уютность Казаковъ передалъ и зданіямъ чисто официальнымъ, и зданіямъ «партикулярнымъ»,—а, создавъ рядъ красивыхъ формъ, онъ тѣмъ самымъ подготовилъ тотъ типъ милыхъ особняковъ и барскихъ усадебъ, которые и до сихъ поръ плѣняютъ насъ своей красотой.

Этотъ великій зодчій разсказалъ намъ въ такихъ простыхъ словахъ такую возвышенную поэтическую повѣсть о красотѣ; онъ показалъ намъ истинную красоту—истинную потому, что она проста, и простота казакскихъ твореній надолго останется намъ идеаломъ, почти такимъ же, какимъ являлся въ ту эпоху великій Палладіо и Витрувій.

Сохранился рядъ зданій, исполненныхъ Казаковымъ, и изъ нихъ лучшее твореніе — это зданіе Окружнаго Суда въ Кремлѣ, съ его очаровательной «круглой» залой, такой воздушной, такой граціозной и такой простой. А еще большей простотой вѣдетъ отъ другого зданія — это Голицынская больница (1794), храмъ которой надолго останется образцомъ зодчества XVIII вѣка.

Невдалекѣ отъ Голицынской больницы была выстроена Казаковымъ «публичная галлерей» — красивое зданіе, предназначавшееся ея строителемъ кн. Д. М. Голицынымъ подъ музей; это былъ первый музей съ произведеніями искусствъ, но, къ сожалѣнію, сокровища, въ немъ бывшія, были распроданы въ 1818 г. на нужды больницы и само зданіе перестроено было для больничнаго корпуса.

Казаковъ, выстроивъ зданіе университета (теперь измѣненное зданіе «старого» университета), выстроилъ великолѣпную залу Благороднаго Собранія, выстроилъ цѣлый рядъ дворцовъ частнымъ лицамъ, какъ, напр., домъ Безбородко (впослѣдствіи Слободской дворецъ)—домъ, отъ котораго приходилъ въ восторгъ Августъ Понятовскій.

Искренне восхищалась утонченная художница Виже-Лебрень другимъ интереснымъ домомъ—это домомъ кн. А. Б. Куракина, восторгались современники, глядя на домъ гр. А. К. Разумовскаго на Гороховомъ полѣ (теперь отд. Сиротск. Николаевскаго института); домъ этотъ былъ «украшенъ всѣмъ, что только можетъ придумать зодчество, соединяя пышность съ простотою» — такъ описывали творчество Казакова современники.

Когда былъ задуманъ Баженовымъ Кремлевскій дворецъ, который не былъ осуществленъ, но граціозный проектъ котораго изумлялъ даже иностранцевъ, то къ «проектированію» этого дворца былъ приглашенъ Казаковъ, какъ архитекторъ значительный и талантливый.

Но въ Кремлѣ Казаковъ успѣлъ построить только домъ для митрополита Платона—теперь перестроенный Николаевскій дворецъ, а цѣлому

ряду другихъ его интересныхъ проектовъ («экзерцицъ-гауза», дворцовыхъ построекъ) не суждено было осуществиться ¹⁾.

Но въ рядѣ разныхъ казенныхъ строеній Казаковъ проявилъ оригинальное уклоненіе своего творчества.

Это уклоненіе выразилось въ исканіи новыхъ какихъ-то полурусскихъ, полуготическихъ формъ, что сказалось такъ ярко въ зданіи Петровскаго дворца, Царицынскаго и неосуществившихся проектовъ дворцовъ въ с. Булатниковѣ и Коньковѣ (недалеко отъ Царицына).

Но эта экзотичность только еще разъ показала богатство духа великаго зодчаго, его недовольство своими созданіями, его стремленіе къ новымъ формамъ. Но великимъ Казаковъ останется въ своихъ совершенныхъ классическихъ твореніяхъ, въ которыхъ такое ему только присущее пониманіе античной красоты.

Изумительна дѣятельность Казакова! Не было ни одного казеннаго и частнаго зданія, въ которомъ Казаковъ не участвовалъ или своими дѣлами или совѣтами.

Рѣдкая работоспособность, рѣдкое усердіе, «неутомимое во всю жизнь снисканіе ученѣйшихъ познаній», приводили въ изумленіе современниковъ и радуютъ теперь насъ тѣмъ, что Москва дала намъ такого великаго зодчаго, сто лѣтъ тому назадъ окончившаго свою долгую жизнь тамъ, гдѣ-то въ Рязани, куда уѣхалъ Казаковъ при нашествіи французовъ и при сожженіи дорогой ему Москвы, которую онъ изукрасилъ лучшими зданіями.

Да и не одна Москва обязана своей былой красотой Казакову — сколько вліянія было его и въ провинціи, куда часто командировался онъ: то для отстройки сгорѣвшей Твери, гдѣ сохранился имъ перестроенный дворецъ (теперь губернаторскій домъ), то Казаковъ ѣздилъ въ Калугу, когда было образовано Калужское намѣстничество и гдѣ Екатерина хотѣла строить себѣ дворецъ. Въ Калугѣ сохранился домъ Кологривовой — прелестное Казаковское созданіе.

Былъ цѣлый огромный проектъ выстройки всего города по указанію Казакова — это г. Екатеринославъ, тогда только что зародившійся, гдѣ Потемкинъ желалъ выстроить цѣлый аѳинскій акрополь.

Нужно удивляться еще тому, какъ Казаковъ среди такой массы дѣлъ находилъ время заниматься, напр., гравированіемъ и до насъ дошли три офорта, имъ гравированные, въ духѣ пиралези, — ихъ подробно описалъ Ровинскій и передалъ ихъ вмѣстѣ съ своимъ богатымъ матеріаломъ въ Румянцевскій музей.

Возникла цѣлая школа послѣдователей и учениковъ Казакова, — школа, оставившая намъ рядъ красивыхъ зданій уже слѣдующей эпохи — эпохи Емпе, эпохи, довершающей собою блестящую пору екатерининскаго классицизма, — лучшимъ выразителемъ котораго былъ забытый гениальный Казаковъ.

И. Бондаренко.

Акварель Е. Lami въ Румянцевскомъ музеѣ.

Въ картинной галлерей Румянцевскаго музея (залъ 11-ый) выставленъ недавно акварельный рисунокъ Е. Lami изъ собранія рисунковъ, принадлежащихъ музею. Акварель (разм.: 50 с. ш., 33 с. в.) изображаетъ

¹⁾ См. о нихъ подробно нашъ очеркъ «Архитекторъ» М. О. Казаковъ (1833—1812) изд. Моск. Архитект. Общ.

«Русскій отдѣлъ на Всемирной Лондонской Выставкѣ 1851 года». На рисунокѣ справа подпись «Eugène Lami 1851. Londres».

Прямой наслѣдникъ французскихъ иллюстраторовъ XVIII вѣка, Eugène Lami родился въ 1800 г. (12 янв.) въ Парижѣ и, проживъ долгую жизнь, полную непрерывной творческой работы, скончался тамъ же въ 1890 г. (19 декаб.)¹⁾. Этотъ человекъ былъ свидѣтелемъ по крайней мѣрѣ десяти политическихъ режимовъ, смѣнившихъ другъ друга въ теченіе XIX в. во Франціи. Онъ пережилъ и рядъ духовныхъ революцій, направлявшихъ исторію французскаго искусства въ XIX вѣкѣ. Онъ видѣлъ битвы и слышалъ лозунги романтиковъ, реалистовъ, импрессионистовъ. Не примыкая ни къ одной изъ этихъ группъ всецѣло, онъ всегда оставался самъ собой. Ни Horace Vernet съ его рутиннымъ мастерствомъ, ни Gros съ его запоздавшимъ классицизмомъ, первые учителя Lami, не могли заглушить въ немъ полного жизни, изящнаго бытописателя. Громадное вліяніе оказали на Lami огненный, въ изображеніи движенія Géricault и предшественникъ импрессионизма англичанинъ Bonnington. По его совѣту, Lami совершилъ въ 1824 г. первую поѣздку въ Англію, куда неоднократно возвращался впослѣдствіи. Онъ подолгу вглядывался въ Англіи въ произведенія Ванъ-Дейка, Reynolds'a, Lawrence'a и Constable'a, и эти впечатлѣнія развивали его какъ колориста. Акварель сдѣлалась излюбленной техникой Lami, въ которой онъ достигъ замѣчательнаго мастерства. Движеніе и изящная гармонія красокъ— вотъ типичныя черты его таланта. Въ изображеніяхъ баталій, модномъ тогда родѣ живописи, прославившемъ его учителя Vernet, Lami умѣлъ схватить красоту живописнаго движенія и использовать цвѣтныя пятна мундировъ какъ элементы колоритныхъ сочетаній. Онъ былъ, по преимуществу, изобразителемъ высшаго придворнаго свѣта, всего, что радовало глазъ красотой красокъ и движенія: блестящихъ празднествъ (замѣчательна его большая акварель «Праздникъ, устроенный Наполеономъ III въ честь королевы Викторіи въ залѣ Версальскаго театра въ 1855 г.), парадовъ и баталій, скачекъ, жизни замковъ, soirées de galas при дворахъ Луи Филиппа и 2-ой имперіи, обнаженныхъ плечъ, строгихъ фраковъ и блистающихъ мундировъ, люстръ и колоннадъ. Любезный, скромный, изящный и уравновѣшенный, принятый и при дворѣ, и среди художниковъ, и за кулисами театровъ, и въ спортивномъ мірѣ, онъ самъ былъ человекъ этой эпохи и казался близкимъ и своимъ въ томъ обществѣ, которое онъ изображалъ. Дэнди Lami и буржуа Daumier взаимно дополняютъ другъ друга. Lami былъ извѣстенъ и своими литографіями (Collections des uniformes des armées francaises; Voyage a Londres; Quadrille de Marie Stuart, danse devant la duchesse de Berry), и какъ иллюстраторъ (иллюстрація къ произведеніямъ его друга Alfred de Musset и къ изданіямъ Janin «L' Hiver» и «L' Eté à Paris»). Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ жизни Lami писалъ историческіе жанры, изображавшіе дворъ Людовика XIV и эпохи Регентства.

Какъ всѣ произведенія Е. Lami, и акварель изъ собранія Румянцевскаго музея — безцѣнный документъ въ смыслѣ бытовой картинки. Въ яркихъ и правдивыхъ чертахъ воскресаетъ передъ зрителемъ внѣшняя культура эпохи и особенно своеобразная красивость формъ и линій, созданныхъ модой того времени. Lami тонко понималъ красоту и прелесть современныхъ ему нарядовъ; онъ былъ настоящимъ живописцемъ современности.

¹⁾ Недавно вышла превосходно и роскошно изданная монографія о творчествѣ Lami P. A. Lemoigne Eugène Lami (1800—1890) Paris, Manzi, Joyant et C-e 1912. См. также I. Laran Eugène Lami. Gaz. des Beaux-Arts 1912.

Эта эфемерная условная краса моды, точно легкая капризно-своевольная и опьяняющая пѣна, безпрестанно умираетъ и рождается на поверхности житейскаго моря, какъ отраженіе самыхъ разнородныхъ силъ, кипящихъ въ глубинѣ его. Міросозерцаніе эпохи, ея психическое настроеніе, случайное событіе, возбуждившее общее вниманіе, причудливая выдумка отдѣльнаго лица — все питаетъ моду въ тысячѣ ея разнообразныхъ видоизмѣненій. Исторія быта и культуры давно отмѣтила и изучила всѣ смѣнявшія другъ друга фазы моды, но объяснить научно и убѣдительно для всѣхъ внутреннюю логику данной фазы, связать ее съ опредѣленной психологіей эпохи, съ той или другой общею причиною, короче, выяснить закономерность каждаго явленія моды еще не удавалось до сихъ поръ историкамъ. Впрочемъ, можетъ быть отмѣчена одна довольно постоянная особенность въ развитіи моды — это стремленіе подчеркивать, преувеличивать¹⁾. Безсознательно присуще каждой модѣ стремленіе выдѣлить то ту, то эту часть фигуры. Преувеличеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока не переходитъ въ полную безсмыслицу, недопустимую по внѣшнимъ условіямъ дѣйствительности. Тогда наступаетъ рѣзкій поворотъ къ противоположному принципу. Длинныя узкія женскія фигуры въ платьяхъ empire, съ поднятою чуть не къ подбородку грудью, переходятъ въ 20 и 30-хъ годахъ XIX в. въ укороченныя и безмѣрно широкія въ плечахъ, съ «осиной таліей», при чемъ широта фигуры становится почти равной высотѣ ея. Въ началѣ 40-хъ годовъ наступаетъ сравнительно короткое затишье, когда фигура женщины приблизилась къ ея нормальному виду въ модахъ того времени, съ узкими рукавами, тѣсно прилегающимъ корсажемъ и умѣренной широтою юбки. Но дальше начинается тѣмъ болѣе неудержимое стремленіе къ новымъ крайностямъ. Объемъ юбки постепенно начинаетъ расширяться и достигаетъ къ 1860 году 10 метровъ въ окружности. Чтобы придать линіямъ округлость, на помощь призывались конскій волосъ, тростникъ, китовый усъ, крахмалъ и безконечное количество надѣтыхъ одна на другую юбокъ, пока всю эту громоздкую тяжесть не смѣнилъ наконецъ легкій кринолинъ (отъ *crin* — конскій волосъ). Эту клѣтку изъ стальныхъ полосъ всего полфунта вѣсомъ (Thomson's «cage diamant») привѣтствовали какъ освобожденіе, и она доставила своему изобрѣтателю въ теченіе 4-хъ недѣль 250.000 fr. Воланы (*volant*), оборки кругомъ юбки, изъ кружевъ, тюля или тарлатана также были средствомъ расширять объемъ юбки. Въ 1840 году еще довольствуются однимъ воланомъ, въ 46-омъ году число ихъ достигаетъ 9-ти, въ 52-омъ году — 15-ти, въ 58-омъ году — 25-ти. Въ 1859 году на одномъ балу на императрицѣ Евгеніи было платье изъ бѣлаго атласа съ 103-мя воланами изъ тюля! Воланы красиво подбигались въ различныхъ оттѣнкахъ и цвѣтахъ и богато украшались еще сверхъ того кружевами, рюшами, лентами и вышивками. Много нужно было ловкости, вниманія къ себѣ и выдержки, чтобы носить такое платье съ тѣмъ изяществомъ и граціей, которыя присущи всѣмъ этимъ фигуркамъ въ произведеніяхъ Е. Lamé и другихъ художниковъ той эпохи. Протянуть руку своему ребенку, пройти въ обыкновенную дверь, прилечь на софу, усѣсться въ экипажѣ для дамы въ кринолинѣ было трудною задачей, требовавшей терпѣливаго характера. Особенно должны

¹⁾ См. *M. von Bochn. O. Fischel Die Mode im 18-ten Jahrh* и тѣхъ же авторовъ *Die Mode im 19-ten Jahrh München 1908*, одно изъ лучшихъ изданій послѣдняго времени по этому вопросу; изъ него взяты приводимыя ниже фактическія данныя изъ исторіи моды.

Русский отдѣль на всемірной выставкѣ
въ Лондонѣ въ 1851 году.

Акварель Е. Гати въ Румянц. музей.

были страдать отъ этой моды мужнины. Между все шире раздувавшихся кринолиновъ имъ почти не оставалось мѣста на свѣтѣ. Всюду и во всемъ имъ приходилось уступать и отступать передъ новой модой. Естественно, что ея фантастическія и необычныя формы вызвали безконечныя наладки и насмѣшки современниковъ и давали обильный матеріалъ для карикатуристовъ той эпохи. Но мы, потомки, не знающіе неудобствъ кринолина и волановъ, можемъ отнестись къ нимъ болѣе спокойно. Въ качествѣ типичнаго явленія эпохи, придающаго ей опредѣленный стиль, мода получаетъ для насъ цѣнный художественный смыслъ. Какъ въ каждой изжитой формѣ прошлаго, историкъ цѣнитъ въ ней печать времени, ея своеобразность, индивидуальность, то, что она вообще существовала нѣкогда, независимо отъ рациональности ея формъ. Тѣмъ болѣе, если эти формы прошли черезъ призму творчества Е. Lamі. Тогда ихъ линіи и краски образуютъ чудныя гармоніи, слагаются въ проникнутый внутреннимъ единствомъ организмъ искусства. Тогда и отрицательное въ жизни претворяется искусствомъ въ обаяніе эстетически прекраснаго.

Примѣромъ служить акварель Lamі въ Румянцевскомъ музеѣ. На ней изображенъ выставочный павильонъ изъ стали и желѣза. На фонѣ его стѣнъ, обтянутыхъ краснымъ, выдѣляются издѣлія изъ малахита, вазы разныхъ формъ и величинъ и посреди нихъ фарфоровая ваза императорскаго завода, съ написанной на ней сѣровато-розовыми красками картиной. Но вещи сами только фонъ для людей, тонко и любовно представленныхъ художникомъ. Впечатлѣніе легкости, изящества и жизни наполняетъ всю картину. Чертами полными характера, стиля и движенія передаетъ Lamі каждую фигурку: даму съ такой хрупкой тоненькою таліей и рядомъ съ нею господина въ костюмѣ, многоцвѣтномъ и вмѣстѣ мягко-гармоничномъ, или другую даму справа въ ярко-лазоревыхъ перчаткахъ, на которой отъ легкаго и быстрого движенія плавно колеблется пышное облако волановъ на слегка подбранномъ рукою платьѣ. Замѣчательно использовалъ Lamі прозрачность акварели для изображенія глубины воздушнаго пространства и эффектовъ свѣта въ обширномъ павильонѣ. Но что особенно красиво и типично для Lamі — это серебристо-сѣрая гамма его красокъ, въ которой сочетались съ поразительной гармоніей разнородныя цвѣтныя пятна. Тона розовый и сѣрый, который мѣстами сгущается до синяго, составляютъ самую основу этой гаммы; въ живомъ контрастѣ съ ними выступаютъ пятна золотисто-палевыхъ тоновъ въ платьяхъ, въ кандебрахъ, въ вазахъ. Естественнымъ и лучшимъ дополненіемъ къ этимъ основнымъ цвѣтамъ служитъ красный цвѣтъ, особенно любимый Lamі. По своеобразному характеру краснаго тона всегда можно узнать его произведенія. Сильный красный тонъ, нѣсколько холодный отъ свѣта, образуетъ фонъ для надписи вверху; онъ сгущается въ тѣни, подъ навѣсомъ красной панели, до темно-малиноваго тона; тотъ же красный цвѣтъ, освѣщаясь постепенно, снова выступаетъ въ слегка коричневатой шали (слѣва, рядомъ съ вазами), въ эффектномъ пятнѣ офицерскаго мундира, и ярко и тепло загорается подъ солнечнымъ лучомъ, озарившимъ правый уголъ картины. Завершая эти сочетанія, художникъ переходитъ къ песочной полосѣ пола внизу, къ коричневымъ и синеватымъ балкамъ желѣзныхъ переплетовъ вверху и, для усиленія глубины пространства, къ темной фіолетово-коричневой одеждѣ дѣвочки справа. Какую-то особую повышенную остроту жизни вносятъ сверхъ того разбросанныя кое-гдѣ пятна свѣтло-зеленоватаго и ярко-голубого тона (шаль, перчатки, зонтики, полосы справа на стѣнѣ). И объединяя все это богатство и въ то же

время повышая по контрасту силу всѣхъ тоновъ, сверкаютъ пятна абсолютно бѣлаго въ буквахъ надписи, въ лосинахъ офицера, въ круглыхъ лампахъ канделябровъ. Прибавьте къ привлекательности красокъ нервный и изящный рисунокъ Lami, блескъ и легкость ударовъ его кисти, глубину и мягкость точно еще влажныхъ и насыщенныхъ пятенъ, и вся картина покажется вамъ полною движенія, нѣжной и воздушной точно тюлевый воланъ, изящно оживленный цвѣтистою гирляндой.

Такъ оживаетъ въ толкованіи Е. Lami, преобразующаго жизнь въ своемъ творествѣ, красивая причудливость этой моды, столь абсурдной по общему ея характеру. Но «вѣчно женственное» смягчало въ жизни жесткую нелѣпость этихъ линий исходящимъ изъ него изяществомъ и граціей, а искусство ловило эти отраженія живой человѣческой души и собрало ихъ въ своемъ «магическомъ кристаллѣ». Тогда, отраженный въ его граняхъ, весь этотъ базаръ житейской суеты и тщеславія за-сверкалъ новой высшей красотой, и свѣтъ ея сталъ озарять исканія жизни.

Больше, чѣмъ къ кому-нибудь, подходятъ къ Е. Lami мѣткія слова Гонкуровъ: «Талантъ, это способность влагать въ то, что ты дѣлаешь, часть рисунка, который замѣчаешь ты самъ,—и только ты одинъ,—въ чертахъ современной жизни,—это сила и, я бы сказалъ, смѣлость отважиться на цвѣтъ, который ты видишь своимъ зрѣніемъ парижанина XIX вѣка».

Н. Романовъ.

Музей изящныхъ искусствъ императора Александра III въ Москвѣ.

Музей правильнѣе было бы назвать музеемъ скульптуры: и живопись и архитектура представлены въ немъ пока въ очень незначительномъ объемѣ, какъ бы случайно. Зато собраніе гипсовыхъ слѣпковъ скульптуры богато до роскоши въ отдѣлѣ греческаго искусства и довольно полно для итальянскаго Возрожденія.

Такое собраніе преслѣдуетъ цѣли двоякаго рода: чисто-педагогическія и эстетическія. Насколько велико его педагогическое значеніе, какъ нагляднаго пособія при изученіи исторіи, объ этомъ говорить не приходится. Каждый день по заламъ его проходятъ экскурсіи учащихся, количество которыхъ показываетъ, до какой степени назрѣла потребность въ учрежденіи такого рода.

Но на ряду съ этимъ возникаетъ вопросъ о художественной цѣнности коллекціи, состоящей преимущественно, а въ большинствѣ отдѣловъ даже исключительно изъ слѣпковъ. Слѣпки, конечно, не копіи; въ нихъ не можетъ быть ни грубыхъ, ни мелкихъ ошибокъ, ни отступленій отъ оригиналовъ, которыя такъ непріятны всегда въ работахъ копистовъ. Въ слѣпкахъ дается чисто-механическая перепечатка оригиналовъ. Это своего рода скульптурная фотографія; передъ обычной свѣтовой фотографіей техника слѣпковъ имѣетъ преимущества пластичности и точнаго воспроизведенія размѣровъ оригинала, зато уступаетъ ей въ тонкости передачи: гипсъ слишкомъ грубый матеріалъ, въ немъ теряются неуловимыя черточки, невидимыя глазу и все же вліяющія на впечатлѣніе неровности поверхности; въ истинномъ произведеніи искусства нѣтъ главнаго и второстепеннаго, есть только единое цѣлое, и малѣйшее нарушеніе художественной гармоніи можетъ уничтожить впечатлѣніе.

Вотъ, напримѣръ, чудесный архаическій рельефъ—рожденіе Афродиты. На оригиналѣ всѣ подробности кажутся созданными причудливой игрою волнъ, изъ которыхъ выходитъ богиня. Достигается такое впечатлѣніе тѣмъ, что не только въ контурахъ фигуръ, но и въ мельчайшихъ деталяхъ преобладаютъ волнистыя линіи. Эти линіи на слѣпкѣ сгладились, потеряли пластичность, и вся композиція застыла въ мертвенной неподвижности. Печально то, что въ слѣпкахъ больше другихъ теряютъ лучшія произведенія искусства: скульптуры Пароенона, Гермесъ Праксителя и всѣ безъ исключенія произведенія Микель-Анжело. Зато древніе Аполлоны съ Іонійскихъ острововъ, или безпомощныя скульптуры романскаго стиля вышли такъ хорошо, что ихъ трудно было бы отличить отъ оригиналовъ. Удачны и замысловатыя бездѣлушки эллинистической эпохи и произведенія римской подражательной скульптуры. Пропать, отдѣляющая искусство творческое отъ искусства, близкаго къ ремеслу, здѣсь сильно уменьшилась.

Бронзы передаются лучше, чѣмъ мраморъ,—фактъ понятный самъ по себѣ: художникъ, готовящій модель, считается съ неизбѣжнымъ при отливаніи статуи въ форму исчезновеніемъ тончайшихъ подробностей и соотвѣтственно измѣняетъ пріемы. Большое значеніе имѣетъ раскраска гипса «подъ бронзу».

Комнаты въ обоихъ этажахъ музея расположены вокругъ центральныхъ залъ, широкой, цвѣтнымъ мраморомъ выложенной лѣстницы главнаго входа и двухъ внутреннихъ дворишковъ.

Оба очень эффектны, но произведенія искусства, размѣщенные въ нихъ, сильно пострадали. Въ «греческомъ» дворикѣ особенно неудачна попытка воспроизвести уголокъ Пароенона; три колонны его, ушедшія основаніемъ въ подвальный этажъ, сдавленные стѣнами и потолкомъ, производятъ самое непріятное впечатлѣніе и, конечно, не могутъ дать и отдаленнаго понятія о строгой гармоничности самаго логичнаго изъ всѣхъ архитектурныхъ стилей. Нѣсколько удачнѣе каріатиды Эрехтейона, поставленныя, къ сожалѣнію, гораздо выше угла Пароенона. Лучшее всего изящный памятникъ Лизикрата съ легкими колоннами и граціозными капителями коринтскаго стиля.

Въ «христіанскомъ» дворикѣ преобладаетъ эпоха Возрожденія. Онъ весь напоминалъ бы своимъ видомъ внутренній дворъ флорентинскаго палаццо, если бы не нарушали гармоніи тяжелый романскій порталъ собора Фрейберга Саксонскаго, да полуготическая работа Петера Фишера — гробница св. Зебальда. И здѣсь же произведенія итальянскихъ мастеровъ Возрожденія; среди нихъ Давидъ Микель-Анжело, и конныя статуи кондотьеровъ работы Донателло и Вероккио—произведенія, предназначавшіяся не для закрытыхъ помѣщеній; оригиналы двухъ послѣднихъ до сихъ поръ стоятъ на площадяхъ, на возвышенныхъ постаментахъ. Въ двухъ дворикахъ сосредоточено все, что даетъ пока музей по исторіи архитектуры, если не считать стильной декораціи потолковъ отдѣльныхъ залъ и нѣкоторыхъ дверей да отдѣлки египетскаго зала, занимающаго въ музеѣ совсѣмъ особое положеніе.

Въ немъ помѣщена оригинальная египтологическая коллекція В. С. Голенищева. Значеніе ея, главнымъ образомъ, культурно-историческое. Для изученія исторіи искусства древняго Египта собраніе Голенищева даетъ только небольшое число работъ, такъ что и здѣсь пришлось прибѣгнуть къ слѣпкамъ; ихъ выставлено, впрочемъ, немного. Среди оригиналовъ преобладаютъ надгробныя стелы съ рельефами и іероглифами.

За выразительными художественными изображеніями челоѣка на рельефахъ времени пирамидъ (особаго вниманія заслуживаютъ рельефы изъ *мастаба* чиновника Иси), слѣдуютъ грубо натуралистическія, приземистыя фигуры средняго царства, которыя, въ свою очередь, уступаютъ мѣсто изящнымъ, но нерѣдко формально трактованнымъ рельефамъ новаго царства. Свободныя группы древняго царства, къ сожалѣнію, посредственной работы. Изъ эпохи средняго царства имѣется прекрасно сдѣланный небольшой портретный бюстъ Аменемхета III—дѣйствительно, художественная работа, въ которой условность, обычная въ египетской скульптурѣ, не мѣшаетъ ни тонкой характеристикѣ, ни очевидному портретному сходству. Среди обломковъ менѣе интереснаго не самостоятельнаго искусства позднѣйшихъ эпохъ видное мѣсто занимаетъ собраніе портретовъ изъ Фаюма. Портреты эти,—изображенія умершихъ, рисованные красками на тонкихъ деревянныхъ дощечкахъ,—клались въ могилы вмѣстѣ съ муміей. Они относятся къ началу нашей эры и особенно цѣнны, какъ отголоски погибшей греческой живописи и выросшей изъ нея духовнаго наслѣдія живописи эллинистической. На многихъ изъ этихъ портретовъ видно добросовѣстное стараніе художниковъ сохранить черты умершаго. Краски сохранялись превосходно. Умѣлое пользование ими показываетъ высокое развитіе техническихъ приѣмовъ.

Главное богатство египетской коллекціи музея составляютъ всѣ тѣ художественныя и нехудожественныя мелочи: статуэтки, амулеты, украшенія, предметы культа и роскоши, которыя позволяютъ заглянуть въ бытъ страны Нила. И эти произведенія расположены тоже по эпохамъ въ строгомъ порядкѣ. Ихъ сохранилось больше отъ позднѣйшихъ временъ, но есть и предметы очень древніе, въ родѣ относящихся къ эпохѣ средняго царства моделей лодокъ, въ которыхъ мертвый съ богомъ Ра проѣзжаетъ по загробному міру, или древнихъ папирусовъ-списковъ «книги мертвыхъ» и описаній загробной жизни временъ новаго царства. Къ этому же времени относятся муміи Озириса, статуи *ушебти*-отвѣтчиковъ за умершаго въ загробномъ мірѣ. Особенно велико количество всевозможныхъ амулетовъ, отъ дурного глаза, отъ укуса змѣй и др., скорабеевъ-печатей и скорабеевъ-замѣстителей сердецъ мумій; много статуэтокъ Горуса и Беа — безобразнаго покровителя красоты. Разрисованные ящики для мумій и самыя муміи. Канопы—сосуды, въ которыхъ сохранялись внутренности умершихъ. Различныя украшенія и туалетныя бездѣлушки. Цѣлый міръ сложной и своеобразной культуры. Своей отдѣлкой залъ напоминаетъ крытый ипостиль египетскаго храма. Тяжелыя колонны, поддерживаютъ потолокъ, — звѣздное небо съ летящими въ среднемъ полѣ коршунами верхняго Египта.

За азіатскимъ заломъ слѣдуетъ самый обширный въ музеѣ отдѣлъ греческаго искусства. Начинаясь внизу двумя залами раннихъ архаиковъ и эгинетовъ, онъ занимаетъ еще 9 залъ верхняго этажа. Передъ зрителемъ въ послѣдовательномъ развитіи проходятъ произведенія ранняго архаизма, улыбающіеся застывшею улыбкою Аполлоны, которые не умѣютъ еще согнуть колѣни; дальше расцвѣтъ архаизма: научившіеся свободному и сильному движенію эгинеты; фронтоны храма Зевса въ Олимпіи и рельефъ рожденія Афродиты. Рядомъ нарождающееся новое искусство: реализмъ Мирона и исканія пропорціи Поликлета. Большой залъ Фидіи и скульптуръ Пароенона; по карнизу его длинной лентою тянется фризъ — процессія идеализированнаго аѳинскаго народа. Вся исторія неутомимо идущаго впередъ развитія греческаго искусства въ VI, V и IV вѣкѣхъ представлена очень полно, даже роскошно: если произведеніе художника извѣстно въ нѣсколькихъ репликахъ — даны

часто слѣпки со всѣхъ (мироновскій Дорифоросъ); если оно сохранилось въ испорченномъ видѣ и кромѣ оригинала имѣются реставраціи, мы видимъ слѣпки и оригинала и реставраціи (Нике Пейонія). Собрано почти все, что можно было собрать, что заслуживало вниманія и въ этой полнотѣ коллекціи — главная цѣнность ея. Послѣ залъ Праксителя, Скопаса и Лизиппа начинаются эллинистическія школы, представленныя въ ихъ лучшихъ произведеніяхъ, но уже съ меньшей полнотою; великолѣпный пергамскій алтарь воспроизведенъ пока только отчасти, недостаетъ и многихъ извѣстныхъ статуй.

Римской скульптурѣ посвященъ одинъ залъ: здѣсь собраны бюсты римскихъ императоровъ, нѣсколько статуй и помпеянскія бронзы (въ наибольшемъ, сравнительно, количествѣ). Всего интереснѣе оригинальное собраніе римскихъ монетъ отъ Юлія Цезаря до паденія имперіи. Прекрасная чеканка даетъ представленіе о томъ, какими хорошими портретистами были римляне. Во времена Константина и послѣ него техника грубѣетъ, понижается и художественная цѣнность выдѣлки. Общій уладокъ искусства отражается и здѣсь.

Гораздо бѣднѣе представлены средніе вѣка: въ одномъ залѣ размѣщены (и даже довольно просторно) и ранне-христіанское искусство и романскій стиль и готика. Надо надѣяться, что въ будущемъ отдѣлы эти будутъ расширены. Здѣсь особенно останавливаютъ вниманіе стоявшіе колоссальнаго труда рисунки, воспроизводящіе живопись въ катакомбахъ и великолѣпно скопированныя мозаики Равенны и Венеціи. Готическая скульптура много теряетъ внѣ связи съ архитектурой. Странно тоже видѣть Никколо Пизано въ обществѣ сѣверныхъ мастеровъ.

Скульптура итальянскаго Возрожденія занимаетъ 2 зала. Въ первомъ собраны произведенія кватрочентистовъ, Донателло и его современниковъ. По счастью, тутъ много бронзы: бронзовыя двери Гиберти, рельефы сіенскаго баптистерія, рельефы алтаря падуанскаго собора работы Донателло, его же распятіе, два изображенія Крестителя и маленький Давидъ. Все это, какъ всѣ бронзы коллекціи, выполнено очень удачно и близко къ оригиналамъ. Гораздо слабѣе мраморная каедрa и гробница Лука делла Роббіа, произведенія Кверчіа, Бенедетто да Майяно и всѣ вещи Донателло, сдѣланныя не изъ бронзы. Донателло представленъ всего богаче, но далеко не всѣ вещи его воспроизведены. Творчество другихъ художниковъ характеризуемо часто очень немногими ихъ вещами.

Зала чинквеченто во всемъ музеѣ производитъ едва ли не самое грустное впечатлѣніе. А между тѣмъ, въ ней помѣщены почти всѣ, за немногими исключеніями, произведенія величайшаго художника Возрожденія — Микель-Анжело. Къ сожалѣнію, творчество его оказалось совершенно непередаваемымъ въ слѣпкахъ. Извѣстно, что художникъ работалъ непосредственно на мраморѣ. Передать великое богатство его скульптурныхъ обертоновъ никогда не удавалось копистамъ; въ слѣпкахъ отпечаталось тоже только внѣшнее, за контурами нѣтъ движенія и позы безжизненны. Всѣ слѣпки производятъ на всякаго, знакомаго съ оригиналами, непріятное впечатлѣніе, не меньше чѣмъ Давидъ «христіанскаго» дворика, оказавшійся неожиданно тяжелымъ непропорціональнымъ, почти безобразнымъ. Особенно неудачна группа *Pieta*. Лучше другихъ статуя Вакха, но это произведеніе начинающаго художника въ оригиналѣ несравненно слабѣе позднѣйшихъ созданій. Здѣсь же слѣпки вещей другихъ художниковъ: Сансовино, Челлини Джованни да Болонья. Но, что особенно цѣнно, такъ это оригинальная

группа Джакомо Сансовино — мадонна съ Христомъ и Іоанномъ Крестителемъ, прелестная вещица изъ темной бронзы, каждой подробностью, каждой линіей говорящая о свѣтломъ духѣ Возрожденія: и поза Мадонны склонившейся надъ раскрытой книгою, и движеніе маленькаго Христа, тянущагося къ Іоанну, и веселый здоровый мальчикъ Креститель, который поднялся на цыпочки, чтобы обнять Христа.

Къ христіанскому дворику, примыкаетъ залъ «Сѣвернаго Возрожденія», въ которомъ собраны часто очень далекія по духу произведенія французскихъ и германскихъ школъ XV и XVI в.

Въ настоящее время музей еще не вполне оборудованъ; многіе памятники еще только устанавливаются. И цѣлые отдѣлы закрыты пока для публики, въ томъ числѣ египетскій залъ.

В. Степанова.

Выставка 12-го года.

Въ промежутокъ 12-го іюня 1812 года по 26 марта 1814 потокъ французскихъ войскъ успѣваетъ докатиться до Москвы и, быстро тая въ огромныхъ снѣжныхъ равнинахъ, покатился обратно; за нимъ Россія, въ роли освободительницы поработенной Европы, вмѣстѣ съ союзными войсками, побѣдоносно совершаетъ путь въ Парижъ и вновь мѣняетъ карту Европы. Тяжкія испытанія смѣняются гордымъ блескомъ военной славы. Величіе и быстрота событій, связь съ трагическою судьбою величайшаго изъ людей данной эпохи дѣйствуютъ на современные умы, будятъ національное чувство и глубоко врѣзываются въ память народовъ. Закрѣпить эти событія въ памяти грядущихъ поколѣній, стать ихъ нагляднымъ памятникомъ — такова идея музея 12-го года.

Къ юбилейному 1912 году Комитетъ по устройству музея собралъ большой и интересный матеріалъ, который теперь и выставилъ на устроенной имъ выставкѣ 12-го года въ залахъ Историческаго музея, присоединивъ для полноты картины рядъ предметовъ, временно данныхъ на выставку учрежденіями и отдѣльными лицами.

Матеріалъ логически долженъ былъ распредѣлиться по отдѣльнымъ группамъ: лица, принимавшія то или другое участіе въ событіяхъ данной эпохи; войско; военныя дѣйствія; все, относящееся къ непріятелю и его пребыванію въ Россіи; наконецъ, отраженіе событій въ искусствѣ и бытѣ. Приблизительно такъ и распредѣляется матеріалъ на выставкѣ.

Иконографическій матеріалъ, не давая ничего выдающагося въ художественномъ отношеніи, собранъ въ большомъ количествѣ и для своихъ цѣлей представленъ хорошо. Залъ Александра I, посвященный ему и царской семьѣ, заключаетъ въ себѣ много портретовъ самого императора, начиная съ младенческихъ лѣтъ и различныхъ типовъ, портреты популярной императрицы Елизаветы Алексѣевны, Константина Павловича и др. членовъ царствующаго Дома, предметы обстановки и личные предметы представленныхъ лицъ. Обширный слѣдующій залъ заполненъ собраніемъ портретовъ военныхъ дѣятелей, а также собраніемъ предметовъ и бумагъ, относящихся къ тѣмъ или другимъ лицамъ. Отдѣлъ войска и военныхъ дѣйствій представленъ не такъ полно, какъ это должно было бы быть. Войско пока представлено генералами и офицерами по преимуществу. Не говоря о томъ, что въ эту войну «сѣрая масса» очень ясно показала, что она не только «пушечное мясо», но съ чисто военной точки зрѣнія интересно было бы показать возможно

наглядно организацию, состояніе русскаго войска, походное снаряженіе и военный бытъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Теперь на выставкѣ даже формы обмундированія русскихъ войскъ представлены хуже, чѣмъ французскихъ. Военныя дѣйствія показаны картою движеній войскъ, двумя планами Бородинской битвы, составленными теперь, и однимъ современнымъ; планы вполне ясны и наглядны. Планы другихъ сраженій нарисованы въ маленькой раскладной книгѣ. Очень желательно въ будущемъ, чтобы планы, хотя бы важнѣйшихъ сраженій, были вычерпаны подобно Бородинскому, по возможности, съ наименованіемъ главныхъ дѣйствующихъ частей и указаніемъ ихъ численности.

Походъ 1813—1814 гг., который далъ Россіи такое значеніе въ концертѣ европейскихъ державъ, представленъ и разработанъ недостаточно.

Отраженіе событій въ искусствѣ и бытѣ представлено картинами рисунками, скульптурой и интереснымъ собраніемъ бытовыхъ предметовъ съ рисунками, портретами и надписями.

Кромѣ матеріала, входящаго въ непосредственныя задачи музея, комитетомъ привлечено на выставку много бытовыхъ предметовъ, относящихся собственно ко всей александровской эпохѣ. Мысль сама по себѣ хорошая, но вырванные изъ обстановки и помѣщенные въ голые и неуютные залы они сильно теряютъ въ своей прелести. Заканчивается выставка «юбилейною» комнатою, устроенною П. Н. Миллеромъ, гдѣ выставлены главнымъ образомъ изданія и мелкія вещи, выпущенныя къ юбилейному 1912 году.

Кромѣ краткаго путеводителя, выставочнымъ комитетомъ изданъ большой подробный каталогъ для любителей и специалистовъ. Составленъ и изданъ онъ хорошо. Каждому отдѣлу предпослано введеніе.

Отдѣламъ военнаго характера предшествуютъ хорошо составленныя статьи генерала В. А. Петрова. И. Е. Бондаренко картинно вводитъ въ старую Москву эпохи Ампира¹⁾. Александровскій залъ предпосланъ В. Божовскимъ обстоятельный очеркъ иконографіи этой залы. Нельзя только согласиться съ такою краткою характеристикой, которая приложена къ Лагарпу: «съ 18 лѣтъ онъ (Александръ I) попалъ въ руки Лагарпа, отчаяннаго революціонера и якобинца», и больше ничего. Можетъ-быть, въ серьезномъ изданіи лучше было бы опустить лирику и «слезу» послѣдней страницы, а также и изслѣдованіе о томъ, была ли табакерка № 285 Наполеона и его любимой. Оно съ лучшей стороны рекомендуетъ добросовѣстность автора, но должно оставаться за кулисами.

Въ заключеніе должно сказать, что тѣ недочеты, о которыхъ говорилось въ обзорѣ выставки, является только *desiderata* по отношенію къ будущему музею, но не могутъ, конечно, быть поставлены въ упрекъ устроителямъ, т. к. весь матеріалъ собранъ путемъ различныхъ пожертвованій, что неминуемо вноситъ элементъ случайности и неравномѣрности; въ смыслѣ же разборки его и изученія сдѣлано все возможное. Генералъ В. А. Петровъ, В. Божовскій, И. Е. Бондаренко, П. Н. Миллеръ и др. лица не за страхъ, а за совѣсть потрудились для выставки; своимъ теперешнимъ состояніемъ и своимъ отличнымъ каталогомъ она обязана ихъ любовному отношенію къ дѣлу.

Е. Коршъ.

¹⁾ Авторъ слишкомъ преувеличиваетъ, однако, культурную роль дворянства: увлекаясь эстетикой дворянскаго быта нач. XIX в., авторъ забываетъ тѣневую сторону быта, очень далекую отъ настоящихъ «цвѣтовъ французской просвѣщенности».

Ред.

Мелкія сообщенія.

С. Кржемницкій.
(Изъ Tugodn. Illust.).

† Станиславъ Кржемницкій.

Въ Варшавѣ въ ноябрѣ умеръ критикъ и историкъ литературы Станиславъ Кржемницкій, участникъ возстанія 1863 г. Онъ входилъ въ составъ революціоннаго правительства и стоялъ во главѣ секціи печати. Благодаря строгой конспираціи эта дѣятельность его осталась неизвѣстной, и послѣ окончанія возстанія Кржемницкій могъ остаться въ Варшавѣ и отдаться мирной литературной и журнальной работѣ. Въ послѣдніе годы Кржемницкій былъ однимъ изъ редакторовъ очень цѣннаго для изученія исторіи польской литературы пособія коллективнаго труда «Sto lat mysli polskiej» («Сто лѣтъ польской мысли»).

† Профессоръ Ѳ. Гомперцъ.

Изъ преклонномъ возрастѣ скончался въ Вѣнѣ извѣстный профессоръ философіи Ѳ. Гомперцъ, обогатившій нѣмецкую литературу цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ сочиненій. Гомперцъ рассматривалъ философію лишь какъ средство для опредѣленной цѣли, лишь для

выясненія развитія античной духовной жизни. Его главное сочиненіе, въ которомъ онъ, по собственному заявленію, «подвелъ итоги своего жизненнаго труда», — «Греческіе мыслители» (Griechische Denker), написано не для философовъ.

Гомперцъ въ отличіе отъ предшествовавшихъ философовъ не отстаиваетъ опредѣленной точки зрѣнія. Онъ даетъ въ этомъ капитальномъ произведеніи изложеніе всей греческой философіи не съ точки зрѣнія философскаго идеализма — онъ сторонникъ безусловнаго эмпиризма, опытной философіи. Съ особенной любовью онъ психологически расчленяетъ добытыя простыя истины и старается вывести изъ нихъ заключеніе, въ чемъ собственно заключается человѣческое познаніе, въ какомъ отношеніи оно находится къ всеобъемлющему человѣческому «мышленію». Этотъ методъ приводитъ философію въ соприкосновеніе съ отдѣльными науками и оттѣсняетъ ее отъ пережившихъ себя философскихъ методовъ.

Книга Гомперца переведена на русскій языкъ.

Л. Соколовскій.

Новое историческое общество
въ Москвѣ.

11 декабря въ Москвѣ начала функционировать «секція соціальной исторіи» молодого научнаго общества имени А. И. Чупрова.

«Общество имени Чупрова для работки общественныхъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ», какъ оно официально называется, или, попросту, какъ его зовутъ въ Москвѣ, «Чупровское общество» — учрежденіе слишкомъ мало извѣстное, особенно за предѣлами Москвы, чтобы можно было ограничиться однимъ его упоминаніемъ. Возникло оно только въ прошломъ году (уставъ утвержденъ 11 мая 1911 г.) по инициативѣ, главнымъ образомъ, молодыхъ экономистовъ, груп-

шировавшихся въ университетѣ въ кругѣ кафедры А. А. Мануилова. Широко задуманный семинарій по вопросамъ теоріи экономической науки скоро превратился въ научный кружокъ не только студентовъ, но и, главнымъ образомъ даже, лицъ избравшихъ политическую экономію и связанныхъ съ ней дисциплины своей специальностью. Когда «пезависяція», обстоятельства заставили А. А. Мануилова, а за нимъ и рядъ другихъ профессоровъ, покинуть университетъ ни эти профессора, ни ихъ ученики не собирались порвать своей связи съ наукой и другъ съ другомъ. Пріютившіеся первое время въ секціи сельскохозяйственной экономіи стараго Московскаго Сельско-Хозяйственнаго Общества, экономисты скоро пришли къ мысли о необходимости основать свое общество, въ котромъ соціально научныя работы явились бы главной цѣлью, а не побочной только, теоретической функцией. Работа сразу пошла живымъ темпомъ, цѣлый рядъ интересныхъ докладовъ и не менѣе интересныхъ и оживленныхъ преній по нимъ доказываетъ живучесть молодого общества и наличность значительнаго круга лицъ, которымъ близки вопросы общественной жизни и науки, ее изучающей.

Секція соціальной исторіи, образовавшейся при общества подѣ предѣтельствомъ проф. Д. М. Петрушевскаго, начала функционировать 11 декабря. Былъ прочитанъ докладъ Н. М. Никольскаго: «О феодализмѣ въ древнемъ Израилѣ». Докладчикъ далъ нѣкоторые штрихи своей специальной работы, выдвигая только тѣ стороны, которыя казались ему доказанными и несомнѣнными. Общее впечатлѣніе отъ доклада, однако, сильно проигрываетъ отъ того, что главный вопросъ — въ чемъ научный интересъ, въ чемъ характерныя особенности древне-израильскаго феодализма — остался совершенно неподчеркнутымъ. Можно быть различнаго мнѣнія объ извѣстной работѣ покойнаго Н. П. Павлова-Сильванскаго «Феодализмъ въ удѣльной Руси», но сравненіе съ ней невольно возникало при слушаніи доклада г. Николь-

скаго, и намъ кажется это сравненіе — не въ пользу докладчика. Книга Павлова-Сильванскаго въ методологическомъ отношеніи и интересна и поучительна. Но, чтобы подобная работа была интересна и плодотворна, необходимо соблюденіе двухъ основныхъ условій: надо точно опредѣлить характерную систему, ясную форму общественнаго уклада, какъ основаніе для сравненія, и не менѣе точно и полно ту среду, тотъ болѣе или менѣе сложный комплексъ, къ которому мы эту форму собираемся приложить. Въ докладѣ г. Никольскаго не выяснилась, по нашему впечатлѣнію, ни эта основная форма, которую докладчикъ съ увѣренностью считаетъ характерной для общественной структуры древняго Израиля, ни тотъ комплексъ историческихъ фактовъ и отношеній, который требуетъ примѣненія къ себѣ классификаціи явленій феодализма, чтобы предстать въ стройномъ, цѣльномъ и болѣе понятномъ видѣ. Въ возникшемъ послѣ доклада обмѣнѣ мнѣній, въ котор. принимали главное участіе, кромѣ докладчика, пр. Д. М. Петрушевскій, проф. П. П. Гензель и С. Б. Веселовскій, основной методологическій вопросъ доклада тоже не получилъ полнаго развитія и *необходимость* говорить о феодализмѣ въ древнемъ Израилѣ осталась недоказанной.

В. К.

Общество исторіи и древностей россійскихъ.

Въ засѣданіи 30 ноября 1912 года было сдѣлано сообщеніе С. Б. Веселовскимъ: «Мірская раскладка податей на посадахъ и въ черныхъ волостяхъ въ XVII вѣкѣ». Давши детальный анализъ мірской раскладки податей, С. Б. Веселовскій пришелъ къ выводамъ, что установившееся въ наукѣ противоположеніе мірскаго оклада правительственному сошному не основательно и не выдерживаетъ критики. Мірскаго и сошныя оклады стоятъ въ тѣсной связи. Поэтому служилое землевладѣніе, разрушая старые порядки мірскаго оклада, одновременно раз-

рушало и правительственное сошное письмо.

Славянская Комиссія Московскаго Археологическаго Общества.

Въ засѣданіи 1 ноября были сдѣланы сообщенія:

а) игуменомъ о. Никаноромъ: «Сокращеніе «Великой Науки» Раймунда Лյоллія Андреемъ Денисовымъ». Докладчику удалось найти два списка (Публич. Биб. изъ собранія Тихонова № 659 и Хлудов. Биб. № 235) «Великой Науки» въ обработкѣ Андрея Денисова, извѣстнаго старообрядца безпоповца старо-поморскаго согласія. Работа Денисова состояла, главнымъ образомъ, въ сокращеніи текста «Великой Науки», отчасти въ заимствованіяхъ изъ «Краткой науки» и въ замѣнѣ диалогической формы монологической. Очевидно, Денисовъ хотѣлъ создать учебную книгу по философіи, логикѣ и этикѣ.

б) А. А. Покровскимъ: «Къ біографіи Антонія Подольскаго». А. А. Покровский, на основаніи только что опубликованныхъ новыхъ данныхъ («Приходо-расходныя книги московскихъ приказовъ», кн. I, Русс. Ист. Биб., т. XVIII), освѣтилъ его общественное положеніе: Подольскій былъ подьячимъ «Разряда», служившимъ по денежному столу. Подольскій, на ряду съ другими современниками, интересенъ по своей склонности къ церковно-богословскимъ вопросамъ. Его сочиненія какъ бы готовятъ ту почву, на которой въ половинѣ XVII вѣка возникаетъ дѣло Никона, а въ концѣ столѣтія — споры Сильвестра Медвѣдева съ его противниками. Подольскій интересенъ и по одной изъ первыхъ въ Москвѣ попытокъ стихосложенія.

Въ засѣданіи 8 декабря были сдѣланы сообщенія:

а) А. А. Покровскимъ: «Русская проповѣдь въ началѣ XIX вѣка и старый печатный дворъ въ 1812 году». Въ первой части своего доклада А. А. Покровский далъ характеристику русской проповѣди начала XIX вѣка преимущественно въ связи съ современными политическими и военными событіями. Въ

отличіе отъ эпохи 1805 — 1807 гг., въ 1812 году чуть ли не каждое событіе отечественной войны нашло себѣ отраженіе въ словахъ многочисленныхъ проповѣдниковъ того времени.

б) Б. С. Пушкинымъ: «Синодальная типографія и 1812 годъ».

в) К. В. Покровскимъ: «Изъ переписки Селивановскаго». К. В. Покровский сообщалъ нѣсколько документовъ изъ собранія бумагъ извѣстнаго типографа С. И. Селивановскаго. Всѣ эти документы рисуютъ положеніе Москвы въ послѣдніе дни пребыванія въ ней французовъ и въ первое время ея освобожденія. Изъ нихъ особенно интересно письмо приказчика Селивановскаго Тимофея Захарова; онъ очень живо и образно рассказываетъ о грабежахъ въ Москвѣ подмосковныхъ крестьянъ, которые «нечетно» пріѣзжали въ городъ «на парахъ, на тройкахъ» «для поднятія непозволительныхъ товаровъ». Этотъ грабежъ продолжался три дня и былъ прекращенъ Гельманомъ, который «успѣлъ наказать болѣе 600 человекъ бунтующаго чернаго народа».

Общество любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ.

17 ноября В. В. Сиповскій сдѣлалъ докладъ «О сѣверныхъ сказкахъ (по поводу сборника Н. Е. Онуčkова)», въ которомъ разсматривалъ вопросы о происхожденіи и классификаціи сказокъ, о переходѣ ихъ въ народные романы и объ эволюціи народныхъ сюжетовъ въ изящной литературѣ. 8 декабря былъ заслушанъ докладъ П. Н. Сакулина подъ заглавіемъ «Русская Икарія». Рѣчь шла объ утопическомъ романѣ кн. В. Ө. Одоевскаго «4338 годъ» (1837 — 1839 г.), отразившемъ какъ идеалы автора, такъ и характерныя черты николаевской эпохи.

Общество исторіи литературы въ Москвѣ.

17 ноября М. А. Петровскій прочелъ докладъ: «О вліяніи Гофмана на русскую литературу». Докладчикъ про-

слѣдилъ вліяніе Гофмана съ 20-хъ годовъ по 80-ые, останавливаясь болѣе подробно на Погорѣльскомъ, славянофилахъ, В. Ө. Одоевскомъ, Ал. Толстомъ, Григоровичъ и Вл. Соловьевъ.

1 декабря Е. Н. Елеонская прочла докладъ: «Сказки въ Россіи въ XVIII в.». Возводя сборники сказокъ XVIII в. къ двумъ источникамъ: литературнымъ произведеніямъ и устной традиціи, Е. Н. Елеонская сопоставила сказки перваго рода съ французскими и др. иностранными, относительно же устной традиціи указала рядъ данныхъ для выясненія состоянія ея въ XVIII в.

15 декабря Н. С. Арсеньевъ прочелъ докладъ: «Опытъ характеристики Кальдерона (по его *Comedias*)». Докладчикъ высказалъ мнѣніе, что Кальдеронъ, уступая многимъ изъ испанскихъ драматурговъ въ изображеніи современной ему національной дѣйствительности, превосходитъ ихъ, однако, въ силѣ идеализма и въ идейной глубинѣ, являясь, такимъ образомъ, наиболѣе яркимъ выразителемъ національнаго идеала.

Новое изданіе.

Книгоиздательство «Задруга» приняло большое трехтомное изданіе съ

иллюстраціями подъ заглавіемъ «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ».

Въ изданіи участвуютъ: Н. Л. Бродскій, А. М. Васютинскій, М. О. Гершензонъ, М. В. Довнаръ-Запольскій, Л. С. Козловскій, Н. К. Кульманъ, С. П. Мельгуновъ, Н. К. Пиксановъ, В. П. Обнинскій, Е. И. Тарасовъ, Е. В. Тарле, В. Н. Тучаевскій, И. С. Рябининъ, В. И. Семевскій, А. В. Семена, Н. П. Сидоровъ, Т. О. Соколовская, И. М. Херасковъ, П. Е. Щеголевъ.

Этотъ трудъ долженъ подвести какъ бы итоги того, что сдѣлано въ настоящее время по исторіи русскаго и западно-европейскаго масонства. Центромъ сборника будетъ масонство русское.

„Русскій Архивъ“.

Въ настоящее время, какъ выяснилось, изданіе журнала «Русскій Архивъ» будетъ продолжаться. Журналъ будетъ выходить «на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ». Въ видѣ приложенія издатели дадутъ собраніе статей и примѣчаній П. И. Бартенева.

Къ роману Лили Браунъ.

Выбирая беллетристическое произведение для «Голоса Минувшаго», редакция остановилась на только что появившемся романѣ Лили Браунъ «Die Liebesbriefe der Marquise». Романъ написанъ крупной общественной дѣятельницей, самой тонкой и самой образованной изъ представительницъ социаль-демократіи въ Германіи. Она много лѣтъ изучаетъ исторію и современное положеніе женскаго вопроса и выпустила цѣлый рядъ изслѣдованій и памфлетовъ въ этой области. Какъ психологическій типъ Лили Браунъ — явленіе необычайно яркое. Въ ея жилахъ течетъ королевская кровь, и выросла она на самыхъ верхнихъ ступенькахъ общественной лѣстницы. Внутренній переворотъ, бросившій ее изъ раззолоченныхъ аристократическихъ салоновъ въ станъ обездоленныхъ, показываетъ, что у нея страстная душа, богатая порывами, чуткая къ добру, не затвердѣвшая въ свѣтской фальши.

До сихъ поръ ея единственнымъ беллетристическимъ произведеніемъ былъ автобіографическій «романъ» «Memorien einer Sozialistin». «Письма маркизы» такимъ образомъ ея первая проба въ сферѣ художественнаго вымысла. Проба — блистательно удавшаяся. Такъ глубоко проникнуты настроеніями XVIII вѣка, такъ сжиться съ психикой людей стараго порядка, такъ усвоить себѣ тягучій и томный языкъ того времени, капризный и въ то же время безконечно — богатый отѣнками — могъ только писатель съ незауряднымъ талантомъ.

Но это не все. Въ «Письмахъ маркизы» не одни крупныя художественныя достоинства. Для редакціи «Голоса Минувшаго» особенно цѣнно было то, что съ этими крупными художественными достоинствами соединяется вѣрность исторической правды. Отдѣльные факты, черты быта, малѣйшія подробности такъ точно отвѣчаютъ исторической дѣйствительности, что предполагаютъ очень тщательное изученіе эпохи. И, быть-можетъ, еще другое. Мы боимся утверждать съ опредѣленностью, но сопоставленіе «Писемъ маркиза» съ нѣкоторыми данными «Мемуаровъ социалистки», какъ будто, даетъ право предполагать, что эта «пожелтѣвшая связка писемъ» — не цѣликомъ продуктъ вымысла.

Героиня нашего романа эльзаска. Княжество Монбельеръ (Мѣмпельгардъ) — одинъ изъ нѣмецкихъ клинговъ въ тогдашнихъ французскихъ владѣніяхъ. А въ «Мемуарахъ социалистки» разсказывается, что бабушка автора, незаконная дочь короля, была родомъ изъ Эльзаса и всю жизнь не могла согрѣться въ сыромъ и холодномъ климатѣ Помераніи. Кто знаетъ, быть-можетъ, въ какомъ-нибудь потайномъ ящикѣ бабушкинаго секретэра и хранились эти листки, письма обожателей дѣйствительно существовавшей, дѣйствительно блиставшей эльзасской красавицы.

Но если даже прекрасная Дельфина — вымыселъ, то это вымыселъ яркій и правдивый. А весь романъ, на послѣднихъ страницахъ котораго авторъ представляетъ намъ и картины великой революціи, такъ пропитанъ любовью къ народу и написанъ такъ увлекательно съ внѣшней стороны, что можетъ тягаться съ произведеніями самыхъ крупныхъ современныхъ нѣмецкихъ писателей.

ЛИЛИ БРАУНЪ.

* * * *

ПИСЬМА
МАРКИЗЫ.

ПЕРЕВОДЪ Э. К. ПИМЕНОВОЙ.

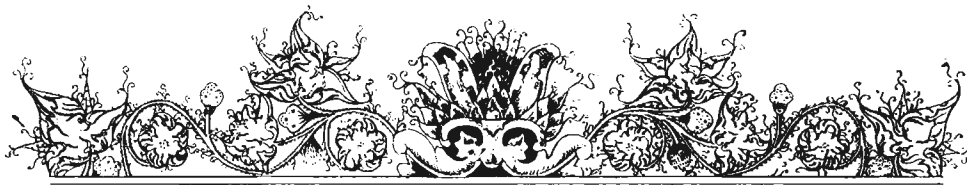
== ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ ==
„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“.

МОСКВА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.

1913.

Когда старая графиня Лаваль, удобно развалившись въ своемъ глубокомъ креслѣ, заговаривала о Дельфинѣ Монжуа, при чемъ на ея тонкихъ губахъ играла веселая, чувственная улыбка, то ея строгая дочь, многозначительно взглянувъ на собравшуюся въ комнатѣ молодежь, неизмѣнно восклицала предостерегающимъ тономъ: «Но, мама!..»

Графиня умолкала, и на лицѣ ея, цвѣта слоновой кости, появлялась легкая краснота. Было ли то выраженіемъ досады или смущенія — неизвѣстно, но только всю остальную часть вечера она бывала необыкновенно молчалива.

Если же которая-нибудь изъ ея внучекъ приходила къ ней, когда она бывала одна, то ее не приходилось долго упрашивать. Она охотно рассказывала слушающей ее съ жадностью внучкѣ о Дельфинѣ, обладавшей чудеснымъ свойствомъ приковывать къ себѣ всѣ сердца. Игривый геній Рококо, наполовину богъ любви, наполовину Фавнъ, напѣвалъ свои пастушескія пѣсни надъ ея колыбелью, героическая эпоха Наполеона наполняла своимъ шумомъ ея старость. Вокругъ ея благоухающей кудрявой головки бушевалъ ураганъ 89-го года, а гроза іюльской революціи коснулась уже ея сѣдыхъ волосъ. Скользящая поступь менуэта, шелестъ шелковыхъ платьевъ, стукъ каблучковъ, звонъ набата, громъ пушекъ, а въ промежуткахъ — топотъ, тихій смѣхъ, сдержанное рыданіе — вотъ была ея исторія!

Въ одну изъ зимъ, когда мягкій глубокій снѣгъ, окружавшій ея замокъ у подножія Вогезъ, заглушалъ всѣ звуки, ея жизнь тихо угасла.

— Незадолго до своей смерти, — рассказывала графиня Лаваль, — Дельфина еще разъ тщательно занялась своимъ туалетомъ. Мнѣ показалось даже, что она слегка нарумянила свои щеки и чуть-чуть подвела свои красивые черные глаза. «Мой послѣдній гость, — сказала она, — не долженъ имѣть повода жаловаться на недостатокъ благовоспитанности съ моей стороны...»

Ея внуки получили въ наслѣдство старый замокъ, откуда отлетѣло, казалось, всякое дыханіе жизни, а длинныя нити жемчуга потускнѣли, словно тоскуя по бѣлоснѣжной шеѣ и рукамъ, которыя онѣ нѣкогда украшали...

Графиня Лаваль, племянница Дельфины Монжуа, взяла оттуда только пачку старыхъ писемъ. Для нея они были болѣе цѣнными, чѣмъ всѣ мертвыя сокровища, потому что въ этихъ пожелтѣвшихъ листахъ она чувствовала бѣніе сердца маркизы...

ГОДЫ ДѢВИЧЕСТВА.

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ Дельфинъ.

Замокъ Этиупъ, 16 іюня 1771 г

Прелестная Дельфина, граціознѣйшая изъ всѣхъ нимфъ!

Со вчерашняго дня я не смыкалъ глазъ. Я постоянно видѣлъ васъ передъ собой,—васъ, ускользящую отъ меня, самаго влюбленнаго изъ всѣхъ пастуховъ, и исчезающую въ аллеяхъ, за водопадами, точно погружаясь въ ихъ прохладныя струи. Но тотъ мигъ, когда толпа геніевъ, спасаясь отъ преслѣдованій, искала защиты въ храмѣ Венеры,—именно тамъ я заслужилъ васъ, побѣдивъ въ борьбѣ своего соперника барона Вурмсера,—этотъ чудный мигъ я не осмѣливаюсь вызывать въ своемъ воспоминаніи. Біеніе моего сердца, трепетаніе пульса, жгучій румянецъ моихъ щекъ слишкомъ ясно указываютъ лихорадку, которая овладѣла мной.

Мой дядя, герцогъ, не хотѣлъ вѣрить, что это мы, дѣти, импровизовали этотъ праздникъ въ честь его, и онъ совершенно не допускаетъ мысли, что Дельфинъ Лаваль, этой граціознѣйшей изъ всѣхъ танцовщицъ, было бы только тринадцать лѣтъ! «Версаль почелъ бы за счастье открыть ей свои двери, и король былъ бы первымъ ея почитателемъ», сказалъ онъ. Я слышалъ, какъ онъ уговаривалъ мою мать позаботиться о томъ, «чтобы прелестная Дельфина» была представлена ко двору въ Штутгартѣ, въ свитѣ моей сестры.

И вотъ, хотя меня все еще причисляютъ къ дѣтямъ, и г. фонъ Альтенау больше всего желалъ бы, чтобъ я былъ глухъ и слѣпъ порой (между прочимъ, я еще не знаю, какъ избѣжить это письмо его аргусовыхъ взоровъ), но одно я знаю навѣрное: моя прелестная подруга будетъ лучше оберегаться при дворѣ Версаля, гдѣ во главѣ находится старикъ, нежели при Штутгартскомъ дворѣ.

Я бы сумѣлъ со шпагой въ рукѣ защитить васъ противъ всѣхъ павязчивыхъ поклонниковъ, хотя бы они занимали самое высокое положеніе въ свѣтѣ, но я долженъ отъ васъ самихъ получить на это право. Я чувствую это: со вчерашняго дня мы уже не дѣти! Невинныя игры прошлыхъ лѣтъ смѣняются уже другими, болѣе сладостными играми...

Я уговорился съ Францемъ, моимъ самымъ молодымъ рейткнехтомъ. Онъ поклялся мнѣ, что передастъ это письмо вамъ лично и только отъ васъ приметъ отвѣтъ. Не заставляйте меня надѣяться тщетно! Въ вашихъ глазахъ сіяло мнѣ списхожденіе, когда я, бѣдный пастухъ, упалъ къ ногамъ своей богини. Не заставляйте же меня думать, что это было лишь отблескомъ огненныхъ фонтановъ, поднимавшихся къ небу вокругъ храма богини!

Моя сестра ждетъ васъ къ себѣ въ воскресенье. Если до тѣхъ поръ я получу отъ васъ нѣсколько словъ, гдѣ будетъ заключаться хотя бы слабый отзвукъ того, что я пишу вамъ, то я постараюсь устроить такъ, чтобъ мы могли встрѣтиться съ вами одни, безъ свидѣтелей...

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ Дельфинъ.

Замокъ Монбельяръ, 12 декабря 1771 г.

Дорогая Дельфина! Вы глубоко ранили сердце, полное любви къ вамъ. Я могъ скорѣе вообразить себѣ всѣ несчастья въ мірѣ, ожидающія меня, нежели то, что горизонтъ моего счастья можетъ вдругъ такъ омрачиться! Неужели вы могли такъ быстро позабыть то, что обѣщали мнѣ въ гротѣ Посейдона, когда я собственными руками осмѣлился развязать розовую ленту на вашей шейкѣ, ослѣпительная бѣлизна которой заставляла лебедей, каждый разъ, когда наша ладья проплывала мимо нихъ, завистливо хлопать крыльями и грозно поднимать ихъ на васъ.

Это было двадцатаго іюня. О, я никогда не забуду тотъ день и часъ и постоянно буду напоминать вамъ о немъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вернулись въ Монбельяръ, и чудная свобода снова уступила мѣсто придворнымъ стѣсненіямъ, ваше обращеніе со мной совершенно измѣнилось.

Но я былъ слѣпъ и не понималъ этого. Я видѣлъ въ вашей осторожности только результатъ требованій церемоніала, въ вашей боязни встрѣчаться со мной наединѣ — опасеніе попасться на глаза моему гофмейстеру и вашей гувернанткѣ, а въ вашихъ стараніяхъ всегда находиться въ обществѣ моей сестры — одну лишь хитрую уловку придать нашей встрѣчѣ вполне невинный характеръ.

И вотъ, когда счастье, — или вѣрнѣе: восхитительное легкомысліе моего дяди, — почти насильно доставило намъ случай быть наединѣ, то вы сами постарались избѣжать этого, чтобы остаться въ обществѣ моего гофмейстера, г. фонъ Альтенау. И онъ читалъ вамъ передъ каминомъ стихи да еще притомъ — нѣмецкіе стихи!

Когда же я возвращался въ саняхъ моего дяди изъ своей поѣздки, продливъ ее нарочно до самой ночи, — Боже, какъ пріятно было бы, если бъ я могъ увезти съ собой мою прелестную подругу, подъ бѣлой мѣховой полостью, въ этихъ саняхъ, имѣющихъ форму гигантскаго лебедя съ распростертыми крыльями! — то въ душѣ моей была надежда, что я увижу, по крайней мѣрѣ, выраженіе тревоги въ вашихъ глазахъ, но вмѣсто этого я услышалъ удивленный возгласъ: «Уже вернулись?» и увидалъ взоръ, затуманенный слезами, сопровождавшій пожатіе руки г. фонъ Альтенау.

Я былъ настолько безуменъ, что до сихъ поръ считалъ г. фонъ Альтенау своимъ другомъ. Мое довѣріе къ нему и дѣтское восхищеніе богатствомъ его знаній было такъ безгранично, что я ничего такъ не желалъ, какъ познакомить съ нимъ и мою очаровательную Дельфину, для того, чтобы и она могла пользоваться тѣмъ, чѣмъ я пользуюсь.

И теперь такое разочарованіе! Мой другъ оказывается измѣнникомъ, а моя возлюбленная покидаетъ меня ради него!..

Но не надѣйтесь, что я такъ легко откажусь отъ вашего вѣтреннаго сердца. Ревность и ненависть научатъ меня какъ нанести чувствительный ударъ моему сопернику.

Иоганнъ фонъ Альтенау Дельфинъ.

Замокъ Этюпъ, 16 января 1772 года.

Всемиловѣйшая графиня! г-жа Ларошъ только что сообщила мнѣ, что вы больны, и что мы не можемъ ожидать васъ на будущей недѣлѣ въ Монбельярѣ. Это глубоко огорчаетъ меня. Часы, проведенные съ вами, когда мнѣ было дозволено развернуть передъ взорами вашей чувствительной души невѣдомыя вамъ сокровища нѣмецкой поэзіи, составляютъ свѣтлыя мгновенія въ моей печальной жизни.

Разрѣшите мнѣ прислать вамъ сегодня французскую книгу, принадлежащую къ самымъ прекраснымъ и возвышеннымъ произведеніямъ, созданнымъ французской литературой. «Это Новая Элоиза» Жанъ-Жака Руссо, того самаго непризнаннаго поэта, о которомъ я такъ часто рассказывалъ вамъ. Чтеніе его произведеній предъявляетъ большія требованія какъ чувству, такъ и уму, но я думаю, что вы уже находитесь на высотѣ этихъ требованій.

Я считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ, что принцъ Фридрихъ-Евгеній обнаруживаетъ въ послѣднее время еще большую склонность къ ученію, нежели прежде, что я и приписываю вашему вліянію и примѣру. Онъ проводитъ больше времени въ моей комнатѣ, нежели въ своихъ охотничьихъ владѣніяхъ, и больше занимается книгами, нежели собаками и лошадьми. Если его легко воспламеняющееся сердце до сихъ поръ приходило въ восторгъ отъ всего возвышеннаго и красиваго, съ чѣмъ я имѣлъ возможность познакомить его, то теперь онъ уже начинаетъ серьезно интересоваться высшими вопросами современной эпохи. Будемъ надѣяться, что такое направленіе его ума не окажется скоропроходящимъ. По примѣру короля Пруссіи, какъ разъ именно владѣтельные князья, мысли и дѣянія которыхъ такъ ясно отражаются на міровой сценѣ, должны выбирать своими спутниками гениевъ искусства и науки. Между тѣмъ именно государи, привыкшіе только къ преданной покорности своихъ подданныхъ, склонны обращать и эти высшія существа божественнаго происхожденія въ простыхъ прислужниковъ своихъ наслажденій.

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ Дельфинъ.

Замокъ Монбельяръ, 19 іюня 1772 г.

Обожаемая Дельфина! Послѣ столькихъ мѣсяцевъ раздраженія и упрековъ самому себѣ, я, наконецъ, получилъ возможность снова припасть къ вашимъ ногамъ. Графиня де Шеврезъ гоститъ у насъ со своимъ сыномъ. У меня сердце остановилось въ груди, когда онъ заговорилъ со мной объ очаровательной графинѣ Лаваль, съ которой этотъ счастливчикъ имѣлъ право танцовать на дѣтскомъ балу маркизы Мортемаръ. Я старался оставаться хладнокровнымъ. Я со скучающимъ видомъ слушалъ его, когда онъ мнѣ описывалъ вашу прическу а l'апоугеuse, ваше затканное золотомъ платье изъ голубой парчи, хвалилъ вами граціозныя движенія въ менуэтѣ. Но когда онъ выразилъ восхищеніе даже при одномъ только воспоминаніи о ямочкахъ на вашихъ щечкахъ, надъ улыбающимся розовымъ ротикомъ, у праваго угла котораго посажена была мушка — какъ будто вашъ ротикъ нуждается въ такомъ украшеніи! — то самообладаніе окончательно покинуло меня. Я довѣрился ему. Онъ далъ мнѣ слово передать вамъ это письмо при первомъ же удобномъ случаѣ.

Да, Дельфина, я виновенъ, но за свою вину я такъ страшно наказанъ вашимъ отсутствіемъ, что, по крайней мѣрѣ, вы должны меня выслушать.

Когда я, при помощи моего рейткнехта, подкупилъ слугу г. фонъ Альтенау и такимъ путемъ открылъ вашу переписку съ моимъ гофмейстеромъ, то моему бѣшенству не было границъ. Никакое средство не казалось мнѣ слишкомъ низкимъ, чтобы достигнуть цѣли и охладить васъ. Я изъ всѣхъ силъ старался поддѣлаться къ г. фонъ Альтенау, чтобы заслужить его довѣріе, и отъ меня не остались скрытыми его тайныя сношенія съ парижскими философамъ. Я находилъ въ его библіотекѣ однѣ только книги, публично осужденныя и сожженныя парижскимъ парламентомъ, авторы которыхъ должны были, по указу короля, нести наказаніе въ Бастиліи, въ Венсеннѣ и Форъ Левекѣ за свои мятежныя рѣчи. Я прочелъ эти книги и открылъ, что именно изъ нихъ г. фонъ Альтенау почерпнулъ всѣ тѣ мысли, всѣ тѣ знанія, которыя онъ передавалъ намъ въ своихъ урокахъ.

О Дельфина, я перенесъ тяжелую борьбу съ самимъ собой! Но страстное желаніе удалить отъ васъ г. фонъ Альтенау заглушило голосъ моей совѣсти. Я сообщилъ герцогу о моемъ открытіи, и мой гофмейстеръ былъ уволенъ въ тотъ же день. Онъ ни удостоилъ меня даже взглядомъ и я, пристыженный и разстроенный, не осмѣлился выйти изъ своей комнаты, пока онъ не уѣхалъ. Не я оказался побѣдителемъ, — это я глубоко чувствовалъ прежде даже, чѣмъ узналъ о томъ, что мой поступокъ заставилъ васъ страдать. Я бы отдалъ полжизни, если бы могъ вернуть это!

«Благочестивая атмосфера монастыря быстро изгонитъ дыханіе ада, которое вдохнула наша милая графиня», умильнымъ тономъ проговорила ваша гувернантка, эта старая змѣя, сообщившая намъ о вашемъ отъѣздѣ въ аббатство О-Буа. Но когда Гюи нарисовалъ намъ жизнь въ этомъ монастырѣ, когда онъ разсказалъ намъ, что Доберваль—первый танцоръ парижской оперы, и тамъ руководить танцами, и что вы, прелестная Дельфина, возбуждаете всеобщую зависть, такъ что даже сестра Гюя, получившая первый призъ за исторію, завидууетъ вамъ, когда онъ сообщилъ, что вы получили первый призъ за танцы и герцогиня Лавальеръ, придя въ восторгъ, подарила вамъ вѣеръ, который держала въ рукахъ (хотя онъ и не былъ украшенъ изображеніями святыхъ, а граціями и музами) — тогда М-те де Ларошъ набожно перекрестилась и пожаловалась на испорченность Парижа.

Мы сидѣли въ тотъ вечеръ (въ первый разъ въ этомъ году) на большой террасѣ замка Этюпъ. Всѣ фонтаны были пущены. Позади послѣдняго боскета раздавалось мелодическое пѣніе,—это пѣли наши косари и косильщицы, работавшіе на лугу. Нашъ новый дворецкій научилъ ихъ въ теченіе зимы этимъ граціознымъ напѣвамъ, чтобы веселить насъ и нашихъ гостей приводить въ восторгъ. Но не легко было этихъ, обыкновенно столь покорныхъ людей, заставить заниматься искусствомъ! Нѣкоторые, черезчуръ строптивые, имѣвшіе дерзость заявить, что «герцогу нужны ихъ руки, а не ихъ голоса», попали въ Монбельярѣ въ темницу. Съ тѣхъ поръ уже хоръ всегда оставался въ полномъ составѣ.

Число нашихъ гостей больше обыкновеннаго, но какъ ни много ихъ, а все же они не могутъ наполнить той пустоты, которую я постоянно ощущаю. И, тѣмъ не менѣе, какъ ни велика эта пустота, но маленькаго клочка бумаги съ тремя словами: «я прощаю васъ!» было бы достаточно въ этотъ моментъ, когда всѣ слишкомъ смѣлыя желанія должны умолкнуть, чтобы заставить меня забыть о ней. Неужели я буду тщетно ждать этого?

Иоганнъ фонъ Альтенау Дельфинъ.

Парижъ, 3 іюня 1772 г.

Самыя толстыя монастырскія стѣны становятся тонкими какъ шелковая бумага, если онѣ находятся въ Парижѣ и за ними воспитываются дамы высшаго круга! Я бы счелъ себя обязаннымъ, конечно, тайно доставить вамъ тѣ книги, изъ-за которыхъ мнѣ пришлось оставить замокъ Монбельяра. Я постарался бы избѣжать на этотъ разъ того, чтобы еще какой-нибудь принцъ Фридрихъ-Евгеній злоупотребилъ моимъ довѣріемъ, а другая М-те де Ларошъ наказала бы васъ. Но я не хочу беспокоить васъ теперь. Если бы я еще находился въ атмосферѣ

замка Монбельяръ, — гдѣ настолько царить духъ XVII вѣка, что только гроза восемнадцатаго вѣка могла бы разсѣять его, — то я бы низко склонился передъ вами и, поцѣловавъ вашу ручку, просилъ бы у васъ прощенія, потому что я безъ вины виноватъ и въ вашемъ изгнаніи. Но я, какъ и вы, нахожусь теперь въ столицѣ и поэтому знаю, что даже монастырь въ Парижѣ слѣдуетъ предпочесть старому замку въ Эльзасѣ!

Я пріѣхалъ сюда со своими запрещенными книгами и тотчасъ же увидѣлъ, что я напрасно затруднялъ себя такимъ образомъ. Идеи, заключающіяся въ этихъ книгахъ, уже наполняютъ воздухъ Парижа, такъ что каждый неизбежно вдыхаетъ ихъ. Онѣ проникаютъ даже въ салоны большого свѣта, потому что прекрасныя дамы, — въ чьихъ бѣлыхъ ручкахъ каждое оружіе превращается въ интересную игрушку, а мысль — въ острое слово, — утомились, наконецъ, пастушескими играми и теперь жонглируютъ, точно сверкающими шариками, произведеніями человѣческаго духа, не подозревая, что въ нихъ заключаются взрывчатые вещества.

Не бойтесь поэтому, милая маленькая графиня, если вы откроете у себя, въ своей головкѣ, остатки мыслей Новой Элоизы, а въ своемъ сердечкѣ найдете чувства, за которыя должна была бы краснѣть дѣвица, живущая въ монастырѣ. Въ Парижѣ это теперь въ большой модѣ. Нечего вамъ также бояться и свиданія со мной, бѣднымъ нѣмецкимъ барономъ, у котораго «Contrat social» находится не только въ карманѣ, но и въ головѣ. Подобно тому, какъ аристократы пользуются почетомъ въ высшихъ финансовыхъ кругахъ, такъ и литераторы пользуются такимъ же успѣхомъ въ придворномъ обществѣ. Они занимаютъ тамъ мѣсто шутовъ и поэтому могутъ все позволять себѣ, если только сумѣютъ пріятно щекотать чувствительные нервы высокихъ и высочайшихъ особъ.

Но это, моя маленькая графиня, въ сущности васъ не касается. Я вижу, что ваши глаза такъ же широко раскрываются отъ изумленія, какъ тогда, когда я рассказалъ вамъ, что за изгородью розъ и лавровыхъ деревьевъ въ Этюпѣ я видѣлъ дѣтей, которыя дрались съ собаками изъ-за старой сухой корки хлѣба. Впрочемъ, то, что я тогда сказалъ вамъ, я повторилъ и родителямъ этихъ дѣтей: крестьяне не должны думать, что драться съ собаками изъ-за корки хлѣба, — это судьба, предназначенная имъ Богомъ! Г. герцогъ, вѣроятно, будетъ удивляться, какое дѣйствіе оказываютъ книги, хотя онъ и позаботился о томъ, чтобы его люди не умѣли читать...

Графъ Гюи Шеврѣзъ Клариссъ.

Парижъ, 8 августа 1772 года.

Дорогая сестра! Я посылаю вамъ обѣщанную бонбоньерку. Надѣюсь, что святая мать Батильда въ своей божественной простотѣ приметъ амурчиковъ за небесныхъ ангелочковъ и будетъ думать, что

единственное содержимое бонбоньерки составляет сладкое драже. Вы знаете, однако, на какихъ условіяхъ я обѣщаль доставить вамъ отвѣтъ Шевалье. Сегодня вы должны выполнить это условіе. Передайте маленькой Лаваль письмо, которое найдете на днѣ коробки, и постарайтесь, какъ старшая подруга, употребить все свое вліяніе на нее и въ такихъ блестящихъ краскахъ изобразить мои внѣшнія и внутреннія качества, чтобы мой образъ наполнилъ собой мечты Дельфины. Фридрихъ-Евгеній красивый юноша, но онъ слишкомъ нѣмецъ, и мнѣ было бы не трудно вытѣснить его, если бъ не та, въ нѣкоторомъ родѣ современная сентиментальность, которая приказываетъ слово «любовь» произносить трагическимъ тономъ и которая теперь овладѣла вашей подругой. Вы должны объяснить ей, что обаятельная сила влеченія, существующая между полами, предназначена не для того, чтобы отягощать жизнь, а чтобы дѣлать ее легкой и пріятной. Амуръ вѣдь имѣетъ крылья! Только плѣнники со свинцовымъ грузомъ, привязаннымъ къ ногамъ, уныло топчутся на одномъ и томъ же пространствѣ...

Графъ Гюи Шеврѣзъ Дельфинъ.

Парижъ, 8 августа 1772 года.

Очаровательная Дельфина! Одна мысль о васъ могла бы заставить меня совершить величайшее преступленіе, не сдержатъ своего кавалерскаго слова. Можетъ ли быть что-нибудь тягостнѣе для молодого человѣка, какъ играть роль посланнаго любви у той, которую обожаетъ его собственное сердце?!

Но я подчиняюсь своему долгу, какъ вы видите, и посылаю вамъ письмо принца. Могу ли я надѣяться, что вы, по крайней мѣрѣ, будете вспоминать обо мнѣ съ чувствомъ благодарности, которое все же не лишено нѣкоторой теплоты.

Мы съ вами увидимся на балу герцогини Люксамбургъ. Даже рискуя навлечь на себя ваши упреки въ томъ, что я нарушаю права дружбы Фридриха-Евгенія, я все-таки долженъ вамъ сознаться, что мое сердце уже теперь трепещетъ отъ радости. Если это правда, что вы будете участвовать въ спектаклѣ у М-ме де Рошшуаръ, то я употреблю всѣ усилія, чтобы мнѣ передали роль любовника. Пусть вѣрность дружбѣ не позволяетъ мнѣ поклоняться вамъ такъ, какъ этого требуетъ мое восхищеніе вами, за то, по крайней мѣрѣ, на сценѣ, повинуваясь требованіямъ поэта, я буду освобожденъ отъ этого тягостнаго долга.

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ Дельфинъ.

Замокъ Монбельяръ, 29 сентября 1772 г.

Драгоценнѣйшая Дельфина! Ваша записка привела меня въ состояніе восторга. Вы прощаете меня! Правда, когда я перечитываю ее, то эти четыре слова: «Я больше не сержусь», теряютъ то сладостное значеніе, которое я хотѣлъ бы имъ придать, вслѣдствіе добавленія къ нимъ другихъ словъ: «потому что здѣсь чудесно!» Но я не хочу раздумывать объ этомъ, не хочу допускать мысли, что ваше прощеніе вызвано не теплотою вашего чувства, а холодомъ забвенія. «Что представляетъ Этуль въ сравненіи съ садами Версаля, что такое Монбельяръ въ сравненіи съ Парижемъ?» пишете вы и разворачиваете передо мной головокружительную картину баловъ, маскарадовъ, оперъ и балетовъ. У меня бы хватило жестокости желать, чтобъ вы лучше оставались въ монастырѣ, какъ хотѣла этого М-те Ларошъ, если бъ я не надѣялся — я едва осмѣливаюсь выговорить это и думать объ этомъ! — черезъ нѣсколько мѣсяцевъ принадлежать къ числу тѣхъ счастливецъ, которые имѣютъ право окружать своимъ поклоненіемъ прекрасную Дельфину.

Помните ли вы маркиза Монжуа, котораго мы называли Людовикомъ XIV изъ-за его напыщенной важности? Онъ гоститъ теперь у насъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, и я, оставшись съ нимъ наединѣ, попросилъ у него извиненія за всѣ тѣ шутки, которыя мы позволяли себѣ съ нимъ, потому что именно онъ убѣдилъ герцога взять меня съ собой, когда онъ поѣдетъ въ Версаль, чтобы явиться ко двору. Представители стариннаго французскаго дворянства, по словамъ маркиза, должны своевременно сплотиться вокругъ дофина. Маркизъ не можетъ достаточно нахвалиться его простотой и благочестіемъ и говорить, что младшіе сыновья владѣтельныхъ князей, связанныхъ съ королевскимъ домомъ, должны непременно поступить на службу дофина.

Долженъ ли я говорить вамъ, обожаемая Дельфина, что вовсе не мой интересъ къ дофину и его добродѣтелямъ привлекаетъ меня въ Парижъ? Но всѣ соблазнительныя удовольствія Парижа, которыя мой другъ Гюи не устаетъ описывать мнѣ, блѣднѣютъ передъ однимъ единственнымъ взоромъ вашихъ чудныхъ глазъ. И я снова имѣю право надѣяться увидѣть ихъ!

Но я боюсь, что черныя звѣздочки нетерпѣливо пробѣгаютъ строки, пророчивъ моею любовью и тоской. Вѣдь я не знаю, человѣческіе ли это глаза, являются ли они зеркаломъ чувствительнаго сердца, или же это только брильянты, отражающіе свѣтъ всего міра, но все же — только камни?

Вы требуете новостей съ родины. О послѣднемъ долговременномъ пребываніи герцога Вюртембергскаго въ Эрмитажѣ вамъ уже, вѣроятно,

писала моя сестра. Онъ велъ очень замкнутую жизнь, желая отдохнуть отъ правительственныхъ дѣлъ. Мы пригласили танцовщицъ изъ Вѣны для его развлечения. Онъ представили балетъ Новерра «Медея», который привелъ въ восторгъ всѣхъ зрителей. Герцогъ собственноручно роздалъ дѣвицамъ драгоценные сувениры.

Въ честь его и многочисленныхъ другихъ гостей предполагалось устроить большой сельскій свадебный пиръ. Мой отецъ приказалъ возвѣстить, черезъ Этюпскаго каплана, что онъ подаритъ каждой изъ десяти молодыхъ дѣвушекъ по свиньѣ, если онѣ согласны будутъ выйти замужъ, а моя мать уже рассказала нашимъ гостямъ объ идиллическомъ праздникѣ, который имѣется въ виду. Въмѣсто этого, какъ вы думаете, что вышло! Одинъ изъ нашихъ форшнейдеровъ заявилъ дворецкому, настаивавшему на скорѣйшемъ рѣшеніи,—такъ какъ гости уже начали выказывать нетерпѣніе,—что дѣвушки и молодые парни, находящіеся въ брачномъ возрастѣ, хотѣли отказаться отъ брака въ виду господствующей среди крестьянъ сильной нужды. «Нашъ трудъ пожирается податями, и наши дѣти могутъ погибнуть отъ голода», прибавилъ этотъ дерзкій человѣкъ.

Наши гости были вознаграждены облавой за печальную неудачу этого сельскаго праздника. Пространство, отведенное для охоты, было громадно, но даже старый принцъ Конде, дрожащія руки котораго едва могутъ держать ружье, все-таки не далъ ни одного промаха. Правда, звѣрей гнали прямо къ нему. Потомъ ужинали на открытомъ воздухѣ въ палаткахъ. Всеобщее вниманіе возбудилъ негръ-великанъ, котораго маркизъ Монжуа привезъ съ собой изъ своей послѣдней африканской экспедиціи. Но хотя украшенія изъ золота и драгоценныхъ камней, сверкавшія на этомъ негрѣ, стоятъ сотни тысячъ, все же они составляютъ лишь незначительную часть огромныхъ богатствъ маркиза. Онъ, одновременно съ нами, пріѣдетъ въ Парижъ, и я хочу открыть вамъ, что онъ намѣренъ поднести вамъ, какъ дочери своего стараго друга, драгоценное жемчужное ожерелье, которое онъ пріобрѣлъ отъ одного индійскаго принца.

Моя сестра показала ему вашу миниатюру, которую я до сихъ поръ тщетно вымаливаю у нея. «Красота и невинность!» произнесъ съ восхищеніемъ маркизъ. Я молчалъ. Долженъ ли я былъ сказать ему, что портретъ мало похожъ и что вы въ тысячу разъ прелестнѣе?

Вы видите, обожаемая Дельфина, сколько бы я ни старался говорить о чемъ-нибудь другомъ, мое перо, еще не научившееся скрывать и выводить придворныя фразы, чуждыя сердцу, постоянно возвращается къ вамъ вмѣстѣ съ моими мыслями. Но какъ ни дорого мнѣ это, я все же не могу дождаться времени, когда живое слово сдѣлаетъ ненужнымъ мое перо.

Графъ Гюи Шеврёзъ Дельфинъ.

Парижъ, 28 декабря 1772 года.

Изъ-за мадригала, преисполненнаго нѣжности, которому могъ бы позавидовать самъ певалье Буфоле,--- неужели же я буду лишень вашего присутствія, прелестная Дельфина? Нѣтъ, мать святая Батильда, мы докажемъ вамъ, что Дельфина не монахиня, которая находится подъ вашей командой. Чего бы это ни стоило, но моя обожаемая будетъ на маскарадномъ балу въ отель дю Шатле! Не помрачайте же блеска вашихъ глазъ слезами...

Графъ Гюи Шеврёзъ Дельфинъ.

Парижъ, 30 декабря 1772 г.

Все въ порядкѣ. Пара луидоровъ превосходятъ своимъ блескомъ всякое сіяніе святости и раскрываютъ всякую монастырскую дверь. Сестра, которая передастъ вамъ эти строки, скажетъ вамъ все, что нужно. У маленькой садовой калитки будетъ ждать васъ портшезъ, который передъ этимъ доставитъ на балъ Клариссу. За ваше спокойное возвращеніе назадъ ручается намъ боязнь привидѣній у матери святой Батильды. А цѣна за мою рыцарскую услугу?..

Иоганнъ фонъ Алтенау Дельфинъ.

Парижъ, 31 декабря 1772 г.

Моя милая, маленькая графиня! Такъ какъ я могу только въ присутствіи одной изъ вашихъ строгихъ надзирательницъ натянута и церемонно освѣдомляться о вашемъ здоровьи, а между тѣмъ, послѣ событій вчерашней ночи, я имѣю многое сказать вамъ, чего вамъ не расскажетъ никто, то я и посылаю вамъ тайно это письмо.

Это была встрѣча, достойная того, чтобы Лагарпъ изложилъ ее въ своихъ легкихъ стихахъ, а Буфле описалъ ее въ одномъ изъ своихъ прелестныхъ рассказовъ.

Темная ночь. Большіе бѣлые хлопья медленно ложатся на землю и тамъ постепенно превращаются въ клейкую грязь... Вотъ изъ-за угла улицы де Севъ показывается человѣкъ съ фонаремъ, наполовину скрытымъ подъ его плащомъ. Онъ робко оглядывается кругомъ, затѣмъ поднимаетъ фонарь и тогда показывается второй человѣкъ, за нимъ слѣдуетъ третій и, наконецъ, портшезъ, плотно завѣшанный, который несутъ носильщики. Они идутъ быстро, точно это бѣгство. Не знаю,

какая смутная мысль внезапно побудила меня, случайно повстрѣчавшагося съ ними, повернуть назадъ и пойти той же дорогой. Вдругъ небо передъ нами ярко освѣщается огненнымъ заревомъ. Носильщики пугаются и опускають портшезъ на землю. Черезъ секунду занавѣски раздвигаются, и между ними показывается напудренная головка. Два черныхъ глаза испуганно смотрять. Внезапно они узнають меня. Слуги грубо понукають носильщиковъ, заставляя ихъ выполнить свой долгъ. Они идутъ впередъ и съ этой минуты я точно прикованъ къ нимъ. И вотъ какой-то оглушительный шумъ несется къ намъ навстрѣчу. Звонъ колоколовъ раздается со всѣхъ сторонъ, вызывая столкратное эхо, и къ нему примѣшиваются трубные сигналы, звуки которыхъ все растутъ и растутъ. Крикъ людей... Вотъ уже мы у Понъ Нефъ. Сена окрашена краснымъ цвѣтомъ, какъ при восходѣ солнца, и справа пламя поднимается къ небу, точно хочетъ прорвать темный небесный сводъ.

— Горить ратуша! — взвизгнула какая-то старая баба возлѣ насъ. «Дитя мое, дитя мое!» кричить отчаяннымъ голосомъ другая и бросается въ сторону огня. «Къ Сартинѣ!» кричитъ какой-то мужчина и вырывается изъ рукъ слуги фонарь.

— Никто не можетъ войти въ домъ!.. Больные горять!.. Четыреста больныхъ!.. — Мы останавливаемся, оцѣпенѣвъ отъ ужаса.

И вотъ маленькій портшезъ открывается, и среди этой полной ужаса ночи появляется свѣтлый образъ, окруженный облаками бѣлаго шелка, въ розовомъ вѣнкѣ на напудренной головкѣ и въ золотыхъ башмачкахъ на нѣжныхъ ножкахъ. Голыя ручки, дѣтская шейка сіяють среди ночной темноты.

Въ тотъ же мигъ на мосту появляется процессія, медленно двигающаяся къ намъ навстрѣчу. Слышны тихіе стоны и рыданія. Жалкія, оборванные, полуголыя созданія, съ неподвижными взорами и лихорадочно горящими щеками... Они едва держатся на ногахъ, облокачиваясь другъ на друга. Тамъ блѣдная малютка прильнула къ старику, на котораго смерть уже наложила свою печать. Несчастная женщина съ лицомъ, представляющимъ одну гноющую рану, облокачивается на юношу, потухшіе глаза котораго уже не видятъ огня. Товарищи по несчастью, частью несли, частью волочили тѣхъ, которые уже не могли идти. Двое мужчинъ, съ дрожащими колѣнями, держали подъ руки дѣвушку и тащили ее за собой...

Я хочу взять подъ свою защиту свѣтлое видѣніе, стоящее передъ мной въ нерѣшительности, и протягиваю къ нему свои руки. Но дѣвушка вырывается у меня и стоитъ уже въ толпѣ бѣгущихъ. Около нея собираются люди, слышатся грубые слова, грубые руки протягиваются къ ей ожерелью. Но она уже больше не боится...

— Возьмите мой портшезъ для этой дѣвушки! — восклицаетъ она. — Носильщики, сюда! — прибавляетъ она повелительнымъ тономъ. — Въ аббатство О-Буа!

Всѣ повинуются ей, никто ее не трогаетъ, всѣ слова умолкаютъ. И въ своихъ золотыхъ башмачкахъ, въ своемъ бѣломъ шелковомъ платьѣ, графиня Дельфина возвращается назадъ въ монастырь по липкой грязи улицъ. Она все тяжелѣе опирается на мою руку, она молчитъ и только киваетъ головой на всѣ мои вопросы. Лишь у калитки она останавливается, смотреть на меня широко раскрытыми глазами и произноситъ: «Бываетъ ли что-нибудь подобное?.. Въ самомъ дѣлѣ?.. Это не сонъ?..»

Ваше наказаніе не будетъ суровымъ, маленькая графиня, потому что дѣло милосердія искупаетъ вашъ проступокъ въ глазахъ благочестивыхъ монахинь. Но все же у васъ будетъ много времени, чтобы обо всемъ пораздумать. Вы въ первый разъ въ жизни взглянули въ глаза истинѣ, которую скрывали отъ васъ за высокими тесовыми изгородями и монастырскими стѣнами, и шелковые занавѣски на вашихъ окнахъ заслоняли ее отъ вашихъ глазъ. Это все существуетъ въ дѣйствительности, это не сонъ, графиня Дельфина! Изъ этихъ несчастныхъ, которыхъ вы видѣли, сотни погибли въ огнѣ. Но, несмотря на такой ужасный конецъ, эти страдалцы, лежавшіе вчетверомъ и впятеромъ на одной кровати, еще не самые несчастные! Существуютъ сотни тысячъ такихъ, которыхъ голодъ медленно замучиваетъ до смерти и у которыхъ нѣтъ другой кровати, кромѣ камней на мостовой...

Когда же они проснутся, о, графиня Дельфина, тогда не поможетъ и все ваше милосердіе!..

Смѣю ли я дать вамъ дружескій совѣтъ? Остерегайтесь графа Шеврѣзъ. Несмотря на свои восемнадцать лѣтъ, онъ уже законченный повѣса. Наставницей его въ дѣлахъ любви состоитъ знаменитая танцовщица Гимаръ. Быть соучастницей его проказъ принесетъ вамъ несомнѣнный вредъ.

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ я не долженъ ждать отъ васъ отвѣта, какъ бы онъ ни осчастливилъ меня. Но я надѣюсь встрѣтиться съ вами, какъ только кончится ваше заточеніе, у герцогини Лавальеръ, въ кружокъ которой я получилъ доступъ, потому что нѣмецкіе мыслители, со временъ барона Гольбаха, сдѣлались необходимой принадлежностью каждаго хорошо устроеннаго салона въ Парижѣ.

Графъ Гюи Шеврѣзъ Дельфинъ.

Парижъ, 30 января 1773 г.

Прекраснѣйшая! Лучшая въ мірѣ! Вы видите передъ собой человека, доведеннаго до отчаянія. Къ тому горю, которое постигло меня въ ту злополучную ночь, когда вы не явились на праздникъ,—блескъ котораго пересталъ существовать для меня, потому что васъ не было,—прибавлялось еще другое, болѣе глубокое страданіе. Меня оклеветали

въ вашихъ глазахъ. Если бѣ не сила вашего возмущенія по поводу моихъ предполагаемыхъ грѣховъ—Кларисса говоритъ: она пылаетъ гнѣвомъ!—оставляющая мнѣ надежду, что моя персона вамъ не вполнѣ безразлична, то я посыпалъ бы пепломъ свою главу и подвергъ бы себя бичеванію, подобно святымъ отшельникамъ въ пустыни. Но я знаю: прелестнѣйшая изъ всѣхъ монастырскихъ воспитанницъ съ негодованіемъ отвергла бы меня, если бы я явился передъ нею во власяницѣ аскета.

Поэтому я осмѣливаюсь предстать передъ ней въ своемъ обычномъ видѣ, какъ придворный кавалеръ королевы, напудренный, раздушенный и въ желтомъ шелковомъ кафтанѣ, какъ разъ въ томъ видѣ, въ которомъ я нравлюсь прекраснымъ женщинамъ, и очень многимъ женщинамъ, очаровательная графиня, которая не такъ строга, какъ вы, и не ставятъ мнѣ въ вину, что я не избѣгаю общества любовницы моего брата—слышите ли: моего брата!—общество которой находятъ пріятнымъ даже придворныя дамы, потому что она воплощаетъ въ себѣ всѣхъ добрыхъ геніевъ ума, остроумія, веселости и граціи.

Вы видите Парижъ только сквозь замочную скважину монастырскихъ дверей. Если въ кругъ вашего зрѣнія попадетъ хромой нищій, грязный бродяга, женщина въ лохмотьяхъ, то вы думаете: вотъ это Парижъ! Между тѣмъ вы увидали только нѣсколько образчиковъ того сброда, который разсѣянъ по всему свѣту и сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ есть, вслѣдствіе пьянства, нежеланія работать и преступленій. Здѣсь больше было бы у мѣста презрѣніе, а отнюдь не милосердіе, потому что всякое соприкосновеніе съ подобными элементами можетъ только загрязнить васъ.

Оставайтесь, прелестная Дельфина, на вершинахъ человѣчества, для которыхъ вы рождены! Достаточно грустно уже то, что вы такъ долго находитесь вдали отъ жизни, а также и отъ своего вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго поклонника.

Парижская общественная жизнь теперь еще блестяще, чѣмъ когда-либо. Вы знаете, вѣроятно, что нашъ общій другъ Фридрихъ-Евгеній ринулся въ ея водоворотъ. Я находился какъ разъ на дежурствѣ у дофины, когда онъ былъ ей представленъ. Онъ понравился, этотъ добрый малый, только всѣ немного посмѣиваются надъ его откровеннымъ изумленіемъ передъ всѣмъ, что онъ видитъ, отъ котораго вѣетъ провинціей. Впрочемъ, у него есть талантъ къ тому, чтобы сдѣлаться парижаниномъ. Когда я ввелъ его къ M-elle Гимаръ, то онъ, правда, сначала широко раскрылъ свои, къ сожалѣнію, такіе нѣмецкіе! голубые глаза при видѣ прозрачныхъ одеждъ столькихъ очаровательныхъ женщинъ, но зато потомъ съ пылкостью играть роль сѣладона возлѣ маленькой танцовщицы.

Чтобы помочь вамъ сократить время вашего заключенія—въ которомъ я, къ сожалѣнію, не вполнѣ безвиненъ—я посылаю вамъ прелестный романъ Дора «Жертвоприношенія любви», о которомъ теперь много говорятъ, а восторженные поклонники романа сравниваютъ его,

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

(ЛѢТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.)

Сотрудники „РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ СОСТОЯТЪ: проф. Д. Н. Анучинъ, К. В. Архиповъ, К. К. Арсеньевъ, Асгер (псевд.), Н. И. Астровъ, И. П. Бялковскій, А. С. Блориссовъ, И. О. Василевскій, («Буква»), С. А. Венгеровъ, В. И. Вернадскій, проф. А. Н. Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, проф. П. Г. Виноградовъ, В. В. (псевд.), О. О. Вороноговъ, А. Э. Воржсъ, А. Г. Горнфельдъ, А. Е. Грузинскій, Л. Я. Гуревичъ, Н. В. Давыдовъ, И. П. Демидовъ, А. Деренталь, А. К. Джибелеговъ, Дюноа (псевд.), В. И. Дмитриева, кн. П. Д. Долгоруковъ, П. В. Егоровъ, С. Я. Елпатьевскій, П. Зетсдичъ (псевд.), Р. В. Ивановъ-Разумникъ, И. Н. Игнатовъ, Инженеръ (псевд.), Н. М. Иорданскій, проф. Н. А. Каблукъ, проф. Н. И. Каревъ, А. А. Кизеветтеръ, проф. М. М. Ковалевскій, Л. С. Козловскій, О. О. Кокоткинъ, В. Г. Короленко, В. В. Корсаковъ, проф. С. А. Котляревскій, Л. О. Кросиницкій, О. Д. Крюковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, кн. Г. Е. Львовъ, А. А. Мануиловъ, В. А. Маклаковъ, Л. Ф. Маклакова, А. Н. Максимовъ, С. П. Мельгуновъ, проф. М. А. Мензбиръ, проф. И. И. Мечниковъ, О. Н. Митропольскій, Н. А. Морозовъ, проф. М. И. Назаревскій, проф. П. И. Новгородцевъ, С. П. Ордынскій, М. А. Осоргинъ, Л. О. Пантелеевъ, А. Б. Петрицевъ, Т. Н. Померъ, П. И. Поповъ, проф. А. С. Посниковъ, М. М. Пришвинъ, А. С. Пругавинъ, А. В. Пышевцовъ, В. А. Розенбергъ, В. В. Романовъ, М. В. Сабашниковъ, П. А. Садыринъ, П. Н. Сакулъ, Н. В. Самсоновъ, В. И. Семевскій, А. Серафимовичъ (псевд.), Собесѣдникъ (псевд.), проф. М. Н. Соболевъ, В. М. Соболевскій, Н. В. Сперанскій, С. В. Сперанскій, Н. С. (псевд.), проф. И. А. Стебунъ, Ствергинъ (псевд.), Танъ (псевд.), проф. К. А. Тимирязевъ, А. Н. Трайнинъ, проф. А. О. Фортунатовъ, С. О. Фортунатовъ, проф. М. И. Фридманъ, проф. В. М. Хвостовъ, В. Е. Чешигинъ, проф. А. А. Чупровъ, П. М. Шестаковъ, А. Н. Шингаревъ, Артуръ Шнитцлеръ, Н. Н. Щепкинъ, Ю. Д. Энгель, Н. Е. Эфросъ, Л. Н. Юровскій, Б. В. Яковенко, В. Е. Якушкинъ, Н. В. Якушкинъ, проф. И. И. Янжулъ, проф. Л. Н. Яснопольскій, и многие другіе.

Подписка на 1913 годъ.

Въ Москвѣ			На города			За границу		
съ доставкой:			съ пересылкой:			съ пересылкой:		
на 12 мѣс.	10 р.	— к.	на 12 мѣс.	11 р.	— к.	на 12 мѣс.	18 р.	— к.
6	5	50	6	6	—	6	9	—
3	3	—	3	3	50	3	4	80
1	1	—	1	1	20	1	1	90

Для гг. подписчиковъ допускается разсрочка при усл. непоср. обрац. въ конторѣ газеты: **ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ:** а) при подп. 6 р. и къ 1-му іюня 5 р. или б) при подп. 5 р. къ 1-му мар. 3 р. и къ 1-му авг. 3 р.; в) при подп. 3 р., къ 1-му мар. 3 р., къ 1-му іюня 3 р., къ 1-му сент. 2 р. **ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ:** при подп. 3 р., къ 1-му мар. 3 р., къ 1-му іюля 2 р., къ 1-му окт. 2 р.

Для восп. высш. уч. завед., сельск. священ., учителей и уч-цъ начальныхъ школъ, фельдшеровъ и фельд-цъ и акушеровъ въ Москвѣ съ дост. на 1 мѣс. 85 к., на годъ 8 р. 50 к., въ др. города съ перес. на 1 м. 1 р., на годъ 9 р. 35 к., при усл. непоср. обрац. въ к-ру газеты. Для рабочихъ въ Москвѣ—55 к. въ мѣс., въ провинцію, также и для крестьянъ—на 1 м. 80 к., на годъ 8 р. Почтовые марки въ уплату не принимаются. Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ „Русскихъ Вѣдомостей“—Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7. Телеф. 319—97.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: Передъ текстомъ—70 коп. строка петита (въ одну колонну), послѣ текста—40 коп. такая же строка. Лица, ищущія труда, платятъ 50 коп. за два раза при размѣстѣ не болѣе 5-ти строкъ и при непоср. обращеніи въ к-ру „Русскихъ Вѣдомостей“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Русское Богатство,

издаваемый Вл. Г. КОРОЛЕНКО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—75 к.—Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.—Безъ доставки: на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р. **За границу:** на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р. (Уступка книжнымъ магазинамъ при подпискѣ сразу на годъ—40 коп.).

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ: Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, Баскова ул., 9. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, Никитскій бульваръ, д. 79, Мошкиной. Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Одесскія Новости“, Дерибасовская, 20; въ магазинѣ „Трудъ“, Дерибасовская ул., д. 25.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 г. на ежемѣсячн. журналъ

II-й г. изданія.

„ЗАВѢТЫ“.

II-й г. изданія.

Въ ближайш. кн. 1913 г. будутъ напечатаны произведенія: **Гр. А. Н. Толстого** (комедія въ 5 д. „Лѣнтяй“), **Ю. Балтрушайтиса** („Кочевники“ поэма, „Искры и Звѣзды“, „Шелестъ травъ“ и др.), **В. Винниченко** („Федоръ Биланъ“), **Бориса Зайцева** („Грѣхъ“), **А. И. Иванчина-Писарева** (Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ“), **М. Пришвина** („Въ слоновой долинь“), **А. Ремизова** („Сказъ и росказни“, „Вещь темная“ и „Свѣтъ немерцающій“), **С. Сергѣева-Ценскаго** („Лерикъ“), **Ө. Сологуба** (разсказы), **И. Шмелова** („Поденка“) и др.

СТАТЬИ: А. База, С. А. Венгерова, Ф. Вольховскаго, А. Воронова, Н. Геккера, А. Гукюскаго, А. Держана, С. Зака, Е. Звягинцева, Р. Иванова-Разумника, В. Лункевича, Г. Лягарделя, К. Качоровскаго, А. Керенскаго, С. Метальникова, Н. Морозова, С. Мстиславскаго, Н. Огановскаго, Н. Ракитникова, М. Раннеръ, Н. Русанова (Н. Е. Кудрина), Склоа, Н. Сузанова, Б. Берненкова, Виктора Чернова, Гр. Шрейдера и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ: „Историческіе матеріалы по литературѣ и общественному движенію“: о А. Герценъ, Н. Михайловскомъ, Н. Чернышевскомъ, Г. Успенскомъ, И. С. Тургеневъ, Петрашевцахъ, Каракозовъ, М. Гоцъ и др. Дѣла и дни. Я. Вичевъ (В. Черновъ). Литература и общественность—Р. Ивановъ-Разумникъ. По градамъ и весямъ—М. Пришвинъ. Свое и чужое (русс. жизнь)—С. Мстиславскій. Текущая жизнь.

Подписная цѣна: книга 1 р., съ наложен. платежомъ 1 р. 20 к. За границу 13 р., 7 р. 50 к., 3 р. 25 к.

Подписавшіеся на весь 1913 г. имѣютъ право получить комплектъ №№ 1912 г., вмѣсто 8 р. за 5 р. Въ виду ограниченнаго количества оставшихся № 1912 г., подписчики будутъ удовлетворяться въ порядкѣ послѣдовательности подписки.

Въ 1912 г. напечатано: **И. Бунина** („Веселый дворъ“), **В. Винниченко** („Исторія Акимова зданія“), **М. Горькаго** („Рожденіе чепотѣка“), **М. Пришвина** („Иванъ-Осляничекъ“), **А. Ремизова** („Бисеръ малый“), **В. Ропшина** („То, чего не было“), **С. Сергѣева-Ценскаго** („Около моря“), **И. Сургучева** („Торговый Домъ“) и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, Косой пер., 11, уг. Соляного.—Тел. 193-27; въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія дачи), а также во всѣхъ почт. учрежденіяхъ Россіи по цѣнѣ ред., безъ доплаты за перес. денегъ. Въ Москвѣ складъ журнала—кн. маг. „Наука“, Б. Никитская.

Издательница **С. А. Иванчина-Писарева.**

Редакторъ **П. П. Инфантьевъ.**

Открыта подписка на 1913 годъ на ежемѣсячный журналъ „УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Программа журнала; Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ.—Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ.—Сужденія печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ.—Письма изъ российской Украины и изъ Галиціи.—Критическія статьи и литературныя обзорѣнія; библиографія.—Украинское искусство.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.

Въ теченіе 1912 года въ «Украинской Жизни» были напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи.

Проф. М. С. Грушевскій. Украина и украинство.—Его же. Новое знамя націоналистовъ.—**О. Бѣлоусенко.** Гибель «Прогрѣса».—Его же. Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ.—Его же. Lex Richniana.—**Старый Украинскій.** Украинскій книжный языкъ и общерусская культура.—**Ан. Василько.** Къ холмскому вопросу.—**А. В. Саликовский.** Судьбы украинскаго слова.—Его же. Больной вопросъ.—Его же. Одна изъ очередныхъ задачъ.—**Б. А. Нистяковский.** М. П. Драгомановъ и «Вольное Слово».—**С. В. Патлюра.** Къ драмѣ жизни Шевченка.—Его же. Къ вопросу о культурномъ творчествѣ.—**Проф. В. Е. Коршъ.** Къ спору объ украинской культурѣ.—**Д. Сиромача.** Соединеніе Украины съ Москвою.—**Проф. А. Л. Погодинъ.** Соединеніе или разложеніе?—**С. Буда.** Памятникъ Т. Г. Шевченку.—Его же. Украинскій театр.—**Н. М. Оберучевъ.** Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великороссіи и Польшѣ.—**В. Ладименко.** Национальное искусство и задача искусства на Украинѣ.—**Ник. Василенко.** Декабристы объ Украинѣ.—**Н. В. Политическіе взгляды** М. П. Драгоманова.—**М. М. Могилевскій.** О культурномъ творчествѣ.—Его же. Коцюбинскій и Винниченко.—**Проф. Н. Ф. Сумцовъ.** Украинскій этнографизмъ.—**А. Хатченко.** Герценъ и Украина.—Его же. М. П. Драгомановъ и вопросъ о самостоятельности украинской культуры.—**С. Ф. Русова.** Современная украинская лирика.—Его же. Национальный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи.—**Дм. Донцовъ.** Русский либерализмъ и украинское движеніе.—Его же. Украина въ новѣйшей европейской литературѣ.—Его же. Письма изъ Галиціи.—**В. Садовскій.** Украинскій вопросъ въ третей Думѣ.—**Е. Оленичій** (деп. рейхсрата). Борьба за украинскій университетъ.—**Вл. Жаботинскій.** О русскомъ либерализмѣ.—**М. Горькій.** О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ.—**М. Гордіенко.** Капитализмъ и русская культура на Украинѣ.—**А. Л. Украинскій** архитектурный стиль.—**А. В. Луначарскій.** О націонализмѣ вообще и украинскомъ движеніи въ частности.—**Л. Н. Жибуневъ.** Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати.—**Л. Ваюлевскій.** (Плохоцій). Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній.—**С. А. Ефремовъ.** Прѣдъ спущенной завѣсью.—Его же. На зарѣ возрожденія.—**П. И. Чижовскій.** Украинцы среди политическихъ ссыльных.—**М. Е. Шероцій.** Мотивы украинскаго орнамента.—**А. Масловъ.** Украинская народная музыка.

Кромѣ того, въ вышеуказанныхъ книжкахъ напечатанъ рядъ статей **С. А. Ефремова.**—На текущія томы; **В. В. Садовскаго.**—Изъ земской жизни на Украинѣ.—**С. Б.** Обзоры украинской жизни.—**М. Ж.**—изъ Украинской печати.—**О. Хоменка.**—Изъ русской печати.

Въ каждой книжкѣ—отдѣлы: „На Украинѣ и внѣ ея“ (извѣстія, замѣтки, сообщенія и т. д.) и „Библиографія“.

У С Л О В І Я	Съ достав. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
ПОДПИСКИ:	Въ Россіи	6 р.	3 р.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	— р. 60 к.
	За границу	8 р.	4 р.	2 р. — к.	1 р. 50 к.	— р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, **ЛЪГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 коп. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“. Москва, Б. Дмитровка, 14.—Телеф. № 308-79.

XXIV г. изданія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

* 1913 годъ. *

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею задачею выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободного развитія личности. Съ этой цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ отзывы о новыхъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ книгахъ и друг. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

Въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи **В. Амри (Victor Henri)**, **Ю. И. Айзенвальдъ**, **А. Д. Аяберовъ**, д-ръ **Д. Д. Бекаржковъ**, акад. **В. М. Бехтеревъ**, **Ю. А. Бунинъ**, акад. **И. А. Бунинъ**, **Ю. А. Веселовскій**, прив.-доц. **А. В. Горбунцовъ**, **С. Г. Григорьевъ**, **А. Е. Грушинскій**, **А. Г. Дауегъ**, **Е. А. Звягинцевъ**, д-ръ **В. Е. Игнатъевъ**, проф. **Н. А. Каблукъ**, проф. **И. А. Каблукъ**, проф. **М. М. Ковалевскій**, **П. С. Коганъ**, проф. **Н. М. Кулагинъ**, **Е. І. Логинскій**, **А. И. Лотоцкій**, прив.-доц. **П. И. Люблинскій**, **С. П. Мельгуновъ**, проф. **И. И. Мещиковъ**, проф. **Н. Ф. Михайловъ**, проф. **А. П. Нечаевъ**, **Н. М. Никольскій**, акад. **Д. Н. Осанько-Куликовскій**, проф. **И. Г. Оршанскій**, **Г. Роковъ**, **С. Ф. Русова**, **П. Н. Сакулъ**, прив.-доц. **Е. Д. Синицкій**, **Л. Д. Синицкій**, **С. Г. Смирновъ**, **Н. В. Сперанскій**, **Б. И. Сыроматниковъ**, **В. Я. Улановъ**, **Г. А. Фальборкъ**, проф. **А. Ф. Фортунатовъ**, **Ш. В. Хаевкина-Гамбургеръ**, **В. П. Хопровъ**, **В. И. Чарнолукскій**, **Н. В. Чезовъ**, кн. **Д. И. Шаховскій**, проф. **Ф. Ф. Эрисманъ**, д-ръ **В. И. Яковенко**, **Е. Н. Янжулъ**, акад. **И. И. Янжулъ** и многіе другіе.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—5 руб., съ доставкою и пересылкой—6 руб., въ полгода—3 руб., съ пересылкой за границу—7 руб. 50 коп.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкою и безъ доставки—5 руб. Земствамъ, городскимъ самоуправленіямъ, просвѣтительнымъ и учительскимъ обществамъ при подпискѣ не менѣе чѣмъ на 5 экзempl. дѣляется уступка въ размѣрѣ 50%, подписной цѣны и при подпискѣ болѣе чѣмъ на 10 экзempl.—въ размѣрѣ 100%. Уступки эти дѣлаются при непосредственномъ условіи высылки денегъ непосредственно въ редакцію.

Плата за объявленія въ журналѣ: 30 руб. за страницу и 15 руб. за подстраницы.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер. домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ на ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Редакторъ-издатель П. Б. СТРУВЕ.

Въ литературно-критическомъ отдѣлѣ ближайшее участіе принимаю **В. Я. Брюсовъ**.
Отдѣломъ естествознанія заведуетъ профессоръ-академикъ **В. И. Вернадскій**.
Въ 1913 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану, который былъ
положенъ въ основу 1911 г. и осуществлялся въ 1912 г., и при участіи тѣхъ
же литературныхъ силъ.

Въ 1912 г. были и еще будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія беллетристическія произведенія.

Д. С. Мережковский. Александръ I. Романъ. **З. Н. Гиппиусъ**. Романъ-царевичъ. Повесть изъ современной жизни.
В. Я. Брюсовъ. Алтарь победы. Повесть IV вѣка. **Борисъ Садовской**. Яблочный царекъ. Историческая повесть.
Гавань. Драма Струена въ переп. **Ф. Сологуба** и **А. Чеботаревской**. Аялы-Биченосцы. Трагедія Софонды въ
перев. **Ф. Ф. Зѣлинскаго**. Стихи **В. Я. Брюсова**, **И. А. Бунина**, **Н. Д. Бальмонта**, **А. А. Блока**, **З. Н. Гиппиусъ**,
Н. Клюева и другихъ.

Въ томъ же году были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

С. Н. Андреевскій. Будущія задачи суда. **Н. А. Бердяевъ**. Национализмъ и антисемитизмъ передъ судомъ христіанскаго соланія. **В. Я. Богучарскій**. Земскій союзъ или Священная Дружина? **С. Н. Булгаковъ**. На выборахъ.
В. И. Вернадскій. Изъ исторіи идей. **Л. Я. Гуревичъ**. О посмертныхъ художественныхъ произведеніяхъ Толстого.
Ф. Ф. Зѣлинскій. Идеи возмездія въ античной трагедіи и жизни. **А. А. Наумовъ**. Русская курьезка въ цифрахъ.
А. А. Низовцевъ. Графъ Ф. В. Ростопчинъ. **Б. А. Искитковскій**. Органъ Земскаго Союза «Вольное Слово» и легенда о немъ. **А. А. Корниловъ**. Эпоха Отечественной войны и ея значеніе въ новѣйшей исторіи Россіи.
В. А. Маклановъ. Левъ Толстой, какъ общественный дѣятель. **И. В. А. Оболенскій**. Очерки хуторской Россіи.
С. Паташинскій. Илландоръ. **П. Б. Струве**. Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ. **Г. Н. Тимофеевъ**.
М. А. Балакиревъ. **И. Е. Н. Трубецкой**. Старый и новый національный мессіаниззмъ. **А. И. Шингаревъ**. Законодательная инициатива членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Кромѣ того, постоянно печатались публицистическія замѣтки **А. С. Изгоева** подъ общимъ заглавіемъ **НА ПЕРЕВАЛѢ, ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ** постоянныхъ заграничныхъ корреспондентовъ. **ПИСЬМА О НАЦИОНАЛЬНО-СТЯХЪ И ОБЛАСТЯХЪ** разныхъ лицъ, въ томъ числѣ «Культурныя и политическія проблемы Сибири» **Н. В. Непрасова**.
Въ отдѣлѣ **МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ**, между прочимъ, были и будутъ напечатаны неслучайное юношеское произведеніе **И. С. Тургенева**, его же письма къ **П. Биардо**, матеріалы для біографіи **Л. Н. Толстого** («Дѣло Самарскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія объ отставномъ поручикѣ Львѣ Толстомъ»), письма **Н. Д. Кавелина**.

Отдѣлъ въ Россіи и за границей (обзоры и замѣтки) распадался на рубрики:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйствѣ. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Религія и церковь. VI. Школа и воспитаніе. VII. Естествознание. VIII. Военное и морское дѣло. IX. Некрологъ. Въ этомъ отдѣлѣ были помѣщены обзоры и замѣтки: **В. Я. Брюсова**, **С. Н. Булгакова**, **П. Г. Виноградова**, **Л. Габриловича**, **М. О. Гершензона**, **Ренэ Гилъ** (перев. съ рукописи), **Ф. Ф. Зѣлинскаго**, **А. С. Изгоева**, **А. А. Кизевветтера**, **Антоня Крайного**, **А. М. Обухова**, **П. Я. Рыса**, **А. Н. Савина**, **П. Б. Струве**, **И. Г. Н. Трубецкого**, **С. Л. Франка**, **В. В. Хизмачева**, **Г. Н. Штильмана**, **А. С. Элиасбергера**, **К. А. Эрберга** и друг. Въ **КРИТИЧЕСКОМЪ ОБЗОРѢ** «Русской Мысли» за 1912 г. былъ помѣщенъ рядъ рецензій на русскія и иностранныя книги (единичныхъ и сводныхъ), по веѣмъ отраслямъ знаній и давался обзоръ всей русской (книжной и журнальной) литературы по всеобщей исторіи (подъ редакціей **Д. Н. Егорова**). Къ критическому Обзорѣ прилагается расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ вновь выходящихъ на русское языкъ книгъ.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ дост. и перес. въ Россіи . . .	15 р.	11 р. 25 к.	7 р. 50 к.	3 р. 75 к.
За границу	17 „	12 „ 75 „	8 „ 50 „	4 „ 25 „

На одинъ мѣсяць только для иногороднихъ внутри Россіи 1 р. 25 к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ 1 р. 50 к.

Принимается подписка и производится розничная продажа ММЖ журнала въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—**Сивцевъ-Вражекъ**, д. 20, кв. 3 (**С. В. Лыцовой**), въ книжныхъ магазинахъ «Образованіе», **М. О. Вольфа** и **Н. П. Нарбасникова**, въ конторѣ **Н. Н. Печковской**; въ Спб.—въ главной конторѣ: Нюстадская ул., д. 6 (близъ финляндскаго вокзала),—въ книжн. магаз. **Н. П. Нарбасникова**, **М. О. Вольфа** и кн. екл. «Право»; въ Варшавѣ—въ книжн. магаз. **Н. П. Нарбасникова**; въ Кіевѣ—въ книжн. магаз. **М. Я. Глобина** «Трудъ»; въ Одессѣ—въ книжн. магаз. «Трудъ», «Одесскія Новости» и «Новаго Времени»; въ Саратовѣ—въ книжн. магаз. «Новаго Времени»; въ Харьковѣ—въ книжн. магаз. «Дредеръ»; въ Баку—въ книжн. магаз. «Сотрудникъ».

Пріемъ объявленій въ Москвѣ у **М. Д. Турубинера**, 4-я Тверская-Ямская, д. 29, кв. 45. Телефонъ 112-25.

Письма, рукописи и рецензійные экземпляры надлежитъ направлять исключительно по новому адресу редакціи въ С.-Петербургъ, Нюстадская, 6.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ своевременно извѣщать главную контору о каждой перемѣнѣ адреса, прилагая на 25 к. марокъ.

Самый дешевый, еже-
мѣсячный, доступный
широкой массѣ читате-
лей, издающийся ше-
стой годъ

Открыта подписка на 1913 годъ.

Н О В Ы Й ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ВСѢХЪ

2 руб. 20 к.
въ годъ.

Краткій ПЕРЕЧЕНЬ

сотрудниковъ беллетр. отд.: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, И. Бу-
нинъ, В. Вересаевъ, О. Дымовъ, Б. Зайцевъ, А. Купринъ, С. Кондуруш-
кинъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, И. Потапенко, А. Серафимовичъ, гр. А. Толстой, Танъ,
Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ, и др.; научно-попул. и критич. отд.: проф. Е. Аничковъ, П. Бер-
линъ, прив.-доц. А. Генкель, проф. С. Венгеровъ, Л. Клейнбортъ, Е. Колтоновская, Н. Лер-
неръ, А. Луначарскій, Н. Рубакинъ, акад. Д. Овсянко-Куликовскій, проф. И. Озеровъ, проф.
В. Сперанскій, проф. Е. Тарле, пр. М. Туганъ-Барановскій, М. Энгельгардтъ, К. Чуковский и др.

НА 1913 ГОДЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

- 12** книгъ журнала, содержащихъ повѣсти, рассказы, стих., статьи по во-
просамъ науки, искусства, самообразованія, педагогики, исторіи, ре-
цензіи о новыхъ книгахъ и проч.
6 книгъ безплатн. прилож., по 128 стр. каждая, въ которыхъ будутъ даны про-
изведенія современ. извѣстныхъ иностранныхъ писателей: Уптона Син-
клера, Бласко Ибаньеса, Каринъ Михаэлисъ, Як. Вассерманна и др.
12 картинъ безпл. приложенія въ три краски, на веленовой бумагѣ: снимки
съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и портреты писателей. Размѣръ
каждой картины—форматъ страницы журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 2 р. 20 к. въ годъ и 1 р. 20 к. въ полгода.

Подробные проспекты со спискомъ сотрудниковъ безпл. Пробные №№
за двѣ 7-коп. марки. Подписка во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и
почтов. отдѣл. Имперіи. Всѣ обязательства за 1912 г. выполнены.
АДРЕСЪ ДЛѢ ПЕРЕВОДОВЪ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр. 19.
„Новый Журналъ для Всѣхъ“. Ред.-изд. И. М. Розенфельдъ.

Открыта подписка на 1913 годъ.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

4 р. 90 к.
безъ прилож.
7 р. 20 к.
съ 12 кн. прилож.

На самый дешевый изъ
толстыхъ ежемѣс. журн.,
до 300 стр. уборист.
шрифта, при участіи
лучш. литературы силь.
4-ый годъ изданія.

Краткій ПЕРЕЧЕНЬ

сотрудниковъ беллетр. отд.: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ,
Д. Айзмана, И. Бунинъ, В. Вересаевъ, З. Гиппиусъ, С. Городецкій,
Д. Мережковский, О. Дымовъ, Бор. Зайцевъ, А. Купринъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, С. Сер-
гѣевъ-Ценскій, Федоръ Сологубъ, гр. А. Н. Толстой, Танъ, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ и др.
Обществ.-полит., критич. и научн. отд.: проф. Е. Аничковъ, Ю. Айхенвальдъ, В. Агафоновъ,
П. Берлинъ, С. Венгеровъ, Л. Клейнбортъ, Антонъ Крайній, А. Луначарскій, Л. Мартовъ,
Н. Рубакинъ, проф. М. Туганъ-Барановскій, К. Чуковский, М. Энгельгардтъ, П. Юшкевичъ и др.

НА 1913 ГОДЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

- 12** книгъ журнала, въ которыхъ будутъ напечатаны романы: А. Кран-
дѣвской, И. Потапенко, фантаст. ром. Н. Березина, новѣйшіе романы
выдающ. иностран. писат., повѣсти, рассказы, статьи по вопрос. литер.,
науки, искусства, общ.-полит. и прсч.
12 книгъ безпл. прил. полн. собр. соч. попул. америк. беллетр., въ единств. авторизов.
пер. И. А. Маевского, съ біогр. и портрет.,
стояющ. въ отд. продажѣ—16 р. 12 книгъ сост. свыше 3840 стран. текста.

Джека Лондона

ЦѢНА: на 1 годъ—7 р. 20 к. на полгода—4 р.

(Разср.: 3 р.—при подп., 2 р. 20 к.—1 марта и 2 р.—1 іюля).

Безъ прилож.: на 1 годъ—4 р. 90 к., на полгода—2 р. 70 к. (Разср.: 3 р. при подп. и 1 р. 90 к.—1 іюля).

СОВМѢСТНАЯ ПОДПИСКА

на „Новый Журн. для Всѣхъ“ и „Новую Жизнь“ (съ прилож.) на 1 годъ—9 р. (Разср. 4 р.—при подп., 3 р.—1 мар. и 2 р. 1 іюл.). На „Нов. Журн. для Всѣхъ“ (съ прил.) и „Новую Жизнь“ (безъ прил.) на 1 г. 6 р. 60 к. (Разср.: 3 р. при подп., 2 р.—1 мар. и 1 р. 60 к.—1 іюл.). Подробн. просп.—безплатно. Пробные №№ за двѣ 7-ми коп. марки. Всѣ обязательства за 1912 выполнены. Подп. принимается о всѣхъ книжн. магазинахъ и почтов. отдѣл. Имперіи.

АДРЕСЪ ДЛѢ ПЕРЕВОДОВЪ: С.-Петербургъ, Владимірскій, 19.
К-ра журн. „Новая Жизнь“. Ред.-Изд. И. М. Розенфельдъ.

IV-й годъ
изданія.ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ
НАIV-й годъ
изданія.**„ЖИЗНЬ для ВСѢХЪ“.**

Редакторъ-Издатель В. А. ПОССЕ.

Редакція ставитъ своей задачей облегчить мыслямъ и чувствамъ широкихъ массъ русскаго народа объединиться съ мыслями и чувствами выдающихся представителей челоѣчества въ ихъ творчествѣ истины и справедливости.

„ЖИЗНЬ для ВСѢХЪ“ выходитъ въ двухъ изданіяхъ.

Подписчики I-го изданія получаютъ 12 книжекъ журнала (2000 страницъ убор. печати съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги и 3 приложенія:

Н. А. Рубакинъ. Исторія земли.
М. Слобожанинъ. 50-лѣтіе земства (обширный трудъ, дающій обзоръ дѣятельности земства за 50 лѣтъ).

В. А. Поссе. Исторія царствованія Николая II. (Исторію царствованія Александра II и Александра III, изданную какъ приложение къ 1912 году, новую подписчики на 1913 годъ могутъ получить за приплату 50 коп.).

Цѣна 1-го изданія на годъ съ дост. и перес. 3 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р.; къ 1 марта—1 р. и къ 1 сентября—1 р.

Подписчики II-го изданія получаютъ тѣ же 12 книжекъ журнала, тѣ же три приложенія и, кромѣ того, 12 томовъ, въ которые войдутъ:

1) **„Жизнь Россіи“.** (Подробное описаніе страны и ея населенія). Въ 1913 году будутъ разсланы томы съ краткимъ описаніемъ всей Россіи и съ подробными описаніями Петербурга (пучный, художественный и общественный путеводитель), Сибири и Дальняго Востока.

2) **Сочиненія Фр. Ницше:** „Такъ говорилъ Заратустра“ въ переводѣ Ю. М. Антоновскаго и Афоризмы. Къ сочиненіямъ будетъ приложенъ очеркъ „Жизнь и творчество Ницше“.

3) **Максъ Штирнеръ.** Полный перев. сочин.: „Единственный и его собственность“ и очеркъ его жизни и творчества съ критикою его ученія.

4) **І. Фихте.** Переводъ его популярнаго труда „Назначеніе челоѣка“ и очеркъ его жизни и творчества.

5) **Л. Н. Толстой.** „Путь жизни“ Педагогическія статьи. Разсказы и переводы для дѣтей. Ученіе Христа. Очеркъ жизни и творчества Толстого.

Цѣна II-го изданія (12 книжекъ журнала и 15 томовъ приложеній) 6 руб. 60 коп. съ доставкой и пересылкой.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р. 60 к.; къ 1 марта—2 р. к. къ 1 сентября—2 р.

За приплату 3 руб. 60 коп. подписчики, какъ I-го, такъ и II-го изданія получаютъ еще 12 томовъ соч. Л. Н. Толстого (съ художественными произведеніями, написанными послѣ 1880 г. и главнѣйшія религіозно-философскія), въ изданіи съ иллюстраціями.

Деньги слѣдуетъ посылать въ **С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 22, редакціи „ЖИЗНИ для ВСѢХЪ“.**

„Въ ЖИЗНИ для ВСѢХЪ“ ежегодно печатаются отчеты о доходахъ и расходахъ по изданію. Чистый доходъ издатель обязуется отдавать на культурныя дѣла по указанію большинства подписчиковъ. Въ журналѣ принимаютъ участіе на ряду съ извѣстными литераторами и учеными народныя учителя, земцы, рабочіе и крестьяне.

Связь между сотрудниками и подписчиками поддерживается „Товарищеской бесѣдой“ и „Голосами Жизни“.

За исполненіе условій подписки принимаетъ на себя отвѣтственность

Влад. Александр. Поссе.**С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, 22.**

Открыта подписка на 1913 г. на журналъ „ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ“ ИЗДАНІЯ ГОДЪ VII.

Редакція Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, кромѣ Іюня и Іюля, всего 20 разъ въ годъ, книжками отъ 3-хъ до 4-хъ листовъ. Журналъ ставитъ своей задачей: 1) содѣйствовать обновленію нашей школы на началахъ, диктуемыхъ современной научной педагогикой и запросами русской жизни. 2) содѣйствовать объединенію работниковъ по народному образованію для достиженія наибольшей успѣшности въ ихъ работѣ. Съ этой цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ новыхъ педагогическихъ идей какъ у насъ въ Россіи, такъ и на Западѣ и даетъ всякаго рода справки и указанія практическаго характера по вопросамъ школьнаго и вѣтшкольнаго образованія.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ: «Изъ школьной жизни за границей», «Школьная практика», «Библиотечная практика», «Библиографія», «Хроника учительскихъ организацій и просвѣдительныхъ обществъ», «Хроника земской деятельности по народному образованію», «Изъ писемъ учителей» и «Правительственные распоряженія».

Съ предстоящаго 1913 года журналъ увеличиваетъ свой объемъ, вновь вводя «Обзоръ періодической печати». Въ этомъ отдѣлѣ читатель найдетъ обзоръ, помещаемыхъ въ лучшихъ журналахъ, статей: по психологіи, философіи, логикѣ, педагогикѣ, методикѣ преподаванія, дѣтскому чтенію и вообще по вопросамъ воспитанія и образованія, школьнаго и вѣтшкольнаго. Открывая этотъ отдѣлъ, редакція имѣетъ въ виду представить читателю возможность быть осведомленнымъ обо всемъ, что въ періодической печати появится новаго по вопросамъ воспитанія и обученія. Кромѣ этого, значительно будетъ расширенъ отдѣлъ «Библиографія». Здѣсь будутъ дѣлаться сообщенія о всѣхъ новыхъ книгахъ, могущихъ такъ или иначе интересоватъ учителя и педагога, въ особенности дѣятеля по народному образованію. Особенное вниманіе будетъ обращено на учебную и дѣтскую литературу.

Въ 1913 году въ журналѣ, между прочимъ, будутъ помещены статьи: «Учебникъ по русск. исторіи для начальныхъ училищъ», «Учебники по русск. и всеобщ. исторіи для народа, учил. повышеннаго типа» (В. Н. Бочкаревъ), «Песталоцци и его современное значеніе» (Г. К. Веберъ), «Эволюціонизмъ и школа», «Алкоголизмъ, какъ бытовое явленіе», «Обыденное самоотравленіе» (А. О. Малининъ), «Умственное утомленіе. Наглядность въ обученіи». Память и запоминаніе» (М. М. Рубинштейнъ), «Этюды по психологіи памяти», «Дѣтскіе идеалы», «Дѣтскіе рисунки, какъ матеріалы для изученія дѣтской психологіи» (Н. А. Рыбниковъ), «Воспитаніе воображенія» «Воспитаніе эстетическаго чувства» (Н. В. Самоновъ), «Національныя особенності подвижныхъ игръ и народный учитель» (Н. С. Филитисъ) и др.

Съ увеличеніемъ объема журнала нѣсколько увеличивается и подписная цѣна, а именно: цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб. (выдѣтъ съ «Практической Школьной Энциклопедіей» 6 руб.), на полгода 1 р. 50 к. Цѣна отдѣльнаго № журнала 20 коп.

Подписчикамъ журнала въ 1913 годѣ предоставлены льготныя условія при приобрѣтеніи новой книги: «Практическая Школьная Энциклопедія».

Годовые подписчики журнала получаютъ «ПРАКТИЧЕСКУЮ ШКОЛЬНУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ» вмѣсто 3 руб. 50 коп. безъ пересылки, за 3 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Б. Грузинская, д. 32, (телеф. 159-41), а также во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Имперіи. Пробный № журнала, подробныя свѣдѣнія и отзывы печати объ «Энциклопедіи» высылаются бесплатно.

XIX годъ

въ 1913 году

годъ XIX

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа книгами, въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1913 года.

Въ «Журналѣ» печатаются: 1) Указанія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д.—товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библиографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англии и изъ Парижа; 7) Обзоръ иностранныхъ журналовъ.

Въ «Журналѣ» за 1894—1912 годъ были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: А. С. Алексѣева, А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васильскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, М. Б. Горенберга, Д. Д. Гримма, М. О. Громницкаго, А. М. Гуляева, П. Н. Гуссаковскаго, Д. А. Дриля, М. В. Дузовскаго, М. А. Дьяконова, К. П. Змирова, В. В. Ивановскаго, Н. А. Ивановскаго, М. М. Ковалевскаго, А. О. Кони, Н. М. Коркунова, В. Н. Латкина, О. И. Леонтовича, В. М. Нецаева, бар. А. Э. Нольде, Д. А. Носенко, П. Н. Обнинскаго, Н. И. Палиенко, Л. І. Петражицкаго, А. А. Покровскаго, І. А. Покровскаго, П. С. Пороховицкаго, А. К. Фомъ-Резона, Н. М. Рейнке, А. К. Ризтера, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевича, В. К. Салуческаго, В. Д. Славовича, О. В. Тарановскаго, Е. Н. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, И. Я. Фойницкаго, М. П. Чубинскаго, В. М. Цыгмани, Г. Ф. Шершеневича, В. П. Ширкова, К. В. Шнейдера, Н. Г. Щеглюшова, Н. Е. Энгельмана и ин. друг.

Подписная плата **8 рублей** въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, домъ 28.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. О. Дерюжинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 г.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

издающійся въ С.-Петербургѣ съ 1-го іюля 1912 г.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе: проф. сваяц. К. М. Аггеевъ, проф. И. Д. Андреевъ, А. Н. Брянчаниновъ, Н. А. Бердяевъ, проф. С. Н. Булгаковъ, проф. И. М. Гревсъ, чл. Г. Д. И. Н. Ефремовъ, проф. Н. А. Заозерскій, проф. В. З. Завитневичъ, чл. Г. Д. проф. Н. О. Каптеревъ, проф. А. В. Карташовъ, проф. Н. Д. Кузнецовъ, чл. Г. Д. Н. Н. Львовъ, проф. И. Х. Озеровъ, А. А. Палковъ, чл. Г. Д. И. В. Титовъ, проф. П. В. Тихомировъ, проф. В. И. Экземлярскій и другіе.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ нонторгъ журнала — С.-Петербургъ, Васильев. остр., 11-я линія, д. № 36, кв. 11, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Вольфа, въ почтовыхъ отдѣленіяхъ Имперіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 4 рубля, на $\frac{1}{2}$ года 2 руб., на 3 мѣсяца (по желанію) — 1 руб., на 1 мѣсяць — 50 коп., съ доставкой и пересылкой.

Цѣна № въ отдѣльной продажѣ 10 коп., съ пересылкой — 15 коп.

Пробный № журнала можетъ быть высланъ бесплатно по сообщеніи адреса.

Редакторъ-издатель Е. П. ИВАНОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на большую НОВУЮ ежедневную, прогрессивную, безпартійную газету

„РУССКАЯ МОЛВА“

Въ газетѣ принимаютъ ближайшее участіе:

кн. З. Д. Аваловъ, С. А. Адриановъ, С. В. Аникинъ, С. Я. Арефинъ, К. К. Арсеньевъ, А. А. Блокъ, А. Н. Брянчаниновъ, С. Н. Булгаковъ, Л. А. Великовъ, М. Н. Волковскій, Д. Д. Гриммъ, Э. Д. Гриммъ, Н. А. Гредескулъ, П. П. Гронскій, Любовь Гуревичъ, В. Ф. Гердингъ, Н. Н. Ефремовъ, Н. В. Жилинъ, М. М. Ковалевскій, С. А. Котляревскій, кн. Г. Е. Львовъ, Н. Н. Львовъ, А. Любимовъ, В. А. Маклаковъ, В. В. Муйжель, М. М. Новиковъ, В. П. Обнинскій, кн. В. А. Оболенскій, С. Ф. Ольденбургъ, Т. П. Полнеръ, А. С. Посниковъ, А. Е. Присяжковъ, Д. Д. Протопоповъ, А. М. Ремизовъ, А. Н. Ф.-Рутценъ, А. М. Рыкачевъ, Борисъ Садовской, М. А. Славинскій, А. А. Стаховичъ, П. Б. Струве, кн. Евг. Трубецкой, А. В. Тыркова (Вергежскій), М. В. Челноковъ, С. П. Яремичъ, Г. Н. Штильманъ, А. А. Шахматовъ, С. Л. Франкъ и друг.

Подписная цѣна съ доставкой: на 12 м. — 12 р., на 6 м. — 6 р. 50 к., на 4 м. — 4 р. 50 к., на 3 м. — 3 р. 40 к., на 2 м. — 2 р. 30 к., на 1 м. — 1 р. 20 к.

Для ознакомленія газета желающимъ высылается въ теченіе 2 недѣль БЕЗПЛАТНО.

Въ такомъ случаѣ на пересылку необходимо выслать 20 коп. почтовыми марками.

Адресъ главной конторы: С.-Петербургъ, Троицкая улица, 15-17, телефонъ 121-54.

Адресъ редакціи: Троицкая, 15-17, телефонъ № 121-44.

Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „РУСМОЛВА“.

Адресъ отдѣленія конторы: Невскій пр., д. 27.

Подписка причисляется также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ и отдѣленіяхъ.

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА
на
1913
годъ
(5-й г. изд.).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

3 р.
въ годъ
за 24 кн.

Задача журнала—всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Журналъ печатаетъ только то, что имѣетъ длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ. Библиогр. отдѣлъ представленъ въ такомъ исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ журн. Библиогр., какъ она ведется въ „Бюллет.“, необходима для самаго широкаго круга читателей. ● О такомъ типѣ изданія мечтали Г. Успенскій (см. „Рус. Бог.“, 1912 г., III кн. „Изъ переписки Успенскаго“) и Ф. Достоевскій (см. бесѣду Дроздовой съ Шатовымъ въ „Бѣсахъ“). ● За истекшій годъ въ журн. напечатано 350 статей и около 1,000 отзывовъ о кн., данъ перечень 2,500 новыхъ кн. и приведено содерж. 40 журн. за весь годъ.

ПРОСПЕКТЪ ПО ТРЕБОВАНІЮ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Подписной годъ начинается съ 1-го сентября. Можно подп. съ 1-го чис. кажд. мѣс. Подписная цѣна: на годъ—3 р. Разсрочка. 1 р.—при подп., 1 р.—къ 1-му янв., 1 р.—къ 1-му мая. Для сельск. учит. на годъ—2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт. учрежд.

Контора и ред.: Москва, Хлѣбный, д. 1.

Изд.: В. Крандівскій и В. Носенковъ. Ред. В. Крандівскій.

2-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

2-й годъ изданія.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ПУТЬ“

подъ редакціей
И. А. БЪЛОУСОВА.

Въ истекшемъ году въ журналѣ „ПУТЬ“ среди другихъ произведеній были напечатаны вещи слѣдующихъ авторовъ:

Максима Горькаго, Ивана Букина, Ильи Рѣпина, Е. Чирикова, И. Бѣлоусова, В. Гюфмана, И. Шмелева, Н. Д. Телешова, Скинцальца, И. И. Попова, Л. Гальберштадта, Б. Лазаревскаго, С. Семенова, А. Коринскаго, С. С. Мамонтова, Д. Ратгауза, К. Фоганова, В. Чешитина (Витринскаго), Н. Мышкова, Л. Зилова, Юрія Соболева, Н. Бернера, А. Чумаченко, Н. Львовой, М. Гальперина, С. Дрожжина, Н. Ашукина, Ю. Веселовскаго, П. Тулуба, М. Новиковой, А. Замчалова, Г. Вяткина, В. Сандомирскаго, П. Сузотина, В. Витвицкаго и мн. другихъ.

Вступая во второй годъ изданія, журналъ значительно расширяетъ свою программу и помимо обычныхъ отдѣловъ вводитъ слѣдующіе новые:

I. ИЗЪ ДНЕВНИКА (мысли и впечатлѣнія)—живой откликъ на всѣ выдающіяся явленія литературно художественной и общественной жизни.

II. ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВЪ: воспоминанія, замѣтки и сообщенія о жизни и дѣятельности литераторовъ, художниковъ, артистовъ и общественныхъ дѣятелей.

Этотъ отдѣлъ будетъ иллюстрированъ портретами, снимками съ картинъ изъ жизни писателей и артистовъ, снимками съ автографовъ—писемъ, рукописей и пр.

Отдѣлы—общественный (обзоры русской и заграничной жизни) и научный будутъ значительно расширены.

Въ распоряженіи редакціи для ближайшихъ №№ журнала имѣются произведенія слѣдующихъ авторовъ.

И. А. Букина, А. Федорова, Марка Кривицкаго, И. Бѣлоусова, И. И. Попова, Н. В. Некрасова, Л. И. Гальберштадта, И. Шмелева, Н. Телешова, С. С. Мамонтова, Н. Тимковскаго, С. Гусева-Оренбургскаго, П. Новикова, Н. Мышкова, Л. Зилова, Юрія Соболева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 руб., на $\frac{1}{2}$ г.—1 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—1 руб. съ перес. и дост.. За границу—вдвое. Цѣна отдѣловъ №—35 коп. Съ пересылкой и въ провинціи—40 коп.

Редакторъ издатель **И. А. Бѣлоусовъ.**

Подписка принимается, кромѣ редакціи и конторы, въ конторѣ Н. Печковской—Москва, Петровскія лѣвн., въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ. Москва, Соколиная улица, домъ 22.

Телефонъ 89-54.

Годъ изд. 6-й.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1912—13 г.

Годъ изд. 6-й.

(съ сентября 1912 г. по сентябрь 1913 г.)

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНИЕ“

(ОРГАНЪ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ), подъ редакц. И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА,
для городскихъ и сельскихъ учителей и для родителей.**Цѣль журнала:** разработка вопросовъ о такомъ воспитаніи и образованіи, которое основано на самостоятельности, на удовлетвореніи свободныхъ запросовъ дѣтей и юношества и на производительномъ трудѣ, какъ необходимой основѣ жизни.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Статьи по вопросамъ умственного, нравственного и физическаго воспитанія, образованія и самообразованія; 2) изъ семейной, школьной и общественной жизни съ точки зрѣнія интересовъ воспитанія и образованія; 3) о материнствѣ и воспитаніи ребенка въ первые годы жизни; 4) по вопросамъ защиты дѣтей отъ жестокости и эксплуатаціи; 5) о свободно-образовательныхъ начинаніяхъ для трудового населенія; 6) по ручному труду (земледѣльческому, ремесленному и т. д.); 7) по природооученію, устройству экскурсій и т. д.; 8) по вопросамъ гигиены дѣтства и юношества; 9) „Изъ книги и жизни“: обзоръ журналовъ, книгъ и газетъ по вопросамъ воспитанія и образованія; 10) переписка между лицами, интересующимися вопросами реформы воспитанія и образованія; 11) вопросы и ответы читателей; 12) библиографія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Е. М. Бѣмъ, И. А. Беневскій, д-ръ Г. М. Беркенгеймъ, П. И. Бирюковъ, д-ръ А. С. Буткевичъ, проф. Ю. Н. Вагнеръ, В. М. Величина, К. Н. Венцель, М. В. Веселовская, Ю. А. Веселовскій, А. М. Выходъ, Е. Е. Горбунова, И. И. Горбуновъ-Посадовъ, А. А. Громбахъ, Н. Н. Гусевъ, А. Г. Дауге, д-ръ А. Дерновъ-Ирмоленко, Е. А. Дунасова, С. Н. Дурылинъ, Н. И. Живаго, А. У. Зеленко, А. С. Зоновъ, д-ръ Н. А. Кабановъ, О. В. Кайданова, акад. Н. А. Касаткинъ, М. В. Кистьяковскій, Н. С. Киричекъ, А. Кутаевъ, М. М. Клековскій, А. Н. Коншинъ, П. В. Кротковъ, Н. Крупская, С. А. Левицкій, В. И. Лукьянская, Ю. И. Менжинская, И. П. Накишидзе, Н. Оеттли, Сергей Орловскій, А. П. Печковский, О. В. Полетаева, Е. И. Поповъ, С. А. Первушинъ, А. В. Петрищевъ, В. В. Петровъ, С. А. Порьцкій, А. С. Пругавинъ, Ф. А. Рау, д-ръ В. В. Размановъ, Н. А. Рубакина, проф. И. Е. Рѣпинъ, М. Х. Свентицкая, Н. М. Соловьевъ, Е. К. Соломинъ, В. В. Сухова, Е. Я. Фортунатова, д-ръ А. Фортунатовъ, К. А. Фортунатовъ, А. М. Хирьяковъ, Г. Г. Черкезовъ, С. Г. Чефрановъ, Е. И. Чижовъ, С. Т. Шацкій, Л. К. Шлегель, д-ръ А. Шкараванъ и друге.

Подписная цѣна на 1 годъ съ пересылкой 3 р., на полгода—1 р. 50 к.; безъ доставки въ Москвѣ 2 р. 50 к.. за границу 3 р. 60 к. Для сельскихъ учителей на 1 годъ 2 р., на полгода 1 р. Подписна принимается: 1) въ редакціи журнала „Свободное Воспитаніе“ (Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., 8); 2) въ книгоиздательствѣ „Посредникъ“ (Москва, Арбатъ, д. 36); 3) въ книжн. магазинѣ „Посредникъ“ (Москва, Петровскія линіи) и во всѣхъ другихъ книжныхъ магазинахъ, принимающихъ подписку на журналы.

Издатель А. Н. Коншинъ.

Редакторъ И. Горбуновъ-Посадовъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 годъ.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ 5-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

12 кн., до 120) стр.
12 прилож. до 500
иллюстрацій.

„МАЯКЪ“.

4 рубля
въ годъ
съ пересылкой.

ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО и СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА съ отдѣломъ для МАЛЕНЬКИХЪ.

Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.

При участіи Е. И. Альбора, Е. М. Бѣмъ, П. А. Буланже, Е. Е. Горбуновой, С. Н. Дурылина, В. И. Лукьянской, И. Ф. Назажина, С. В. Покровскаго, С. А. Порьцкаго, С. Т. Семенова, Е. К. Соломина, А. К. Чертковой и другихъ постоянныхъ сотрудниковъ „Библиотеки И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества“.

Редакція „Маяка“ стремится дать дѣтямъ здоровое, полезное и интересное чтеніе и способствовать развитію въ дѣтяхъ самостоятельности, творчества, равной любви къ умственному и физическому труду и дѣятельной симпатіи ко всему живому. Въ этихъ стремленіяхъ редакціи „Маяка“ ищетъ поддержки со стороны всѣхъ дѣтскихъ друзей.

Въ журналѣ помѣщаются: 1) Разказы, повѣсти и стихотворенія. 2) Географическіе очерки и путешествія. 3) Историческіе очерки и біографіи. 4) Бесѣды по естествознанію и наблюденіямъ природы. 5) Объявленія изобрѣтеній и открытіяхъ. 6) Переписка читателей и редакціи. 7) Смѣсь (задачи, игры, шутки и т. д.).

Въ числѣ 12 приложеній даются руководства о томъ, какъ дѣтямъ самимъ дѣлать интересные для нихъ приборы, машины, какъ дѣлать опыты и наблюденія, какъ рисовать и глѣбить, вообще руководства къ разнымъ занятіямъ, работамъ и играмъ въ комнатѣ и на открытотъ воздухѣ и т. д.

Въ текстѣ журнала и приложеній помѣщается множество иллюстрацій.

Журналъ допущенъ по предварительной подпискѣ въ городскія училища, въ бібліотеки ремесленныхъ, профессиональныхъ и техническихъ училищъ всѣхъ типовъ и въ ротныя бібліотеки 1-го и 2-го классовъ кадетскихъ корпусовъ; рекомендованъ для пополненія бібліотекъ попечительствъ о народной трезвости.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА съ пересылкой въ годъ 4 р., за полгода 2 р. За границу 6 р. Въ Москвѣ безъ доставки на домъ въ годъ 3 р. 50 к., на полгода 1 р. 75 к.

Подписка принимается: 1) въ конторѣ редакціи журнала „Маякъ“ (Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., д. № 8, 2), въ книгоиздательствѣ „Посредникъ“ (Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ), 3) въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Москва, Петровскія линіи) и во всѣхъ др. книжн. магаз. и конт., принимающ. подписку на журналы.

Издательница М. В. Горбунова.

Редакторъ И. И. Горбуновъ-Посадовъ.

Въ 1913 году БУДЕТЪ ПРОДОЛЖАТЬСЯ (37 годъ) изданіе ЖУРНАЛА

„ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на три отдѣла, по 12 нумеровъ на каждомъ: **отдѣлъ общій**, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, 2) **отдѣлъ офиціально-справочный** съ бесплатными приложеніями: „Хроника ветеринарнаго и боевскаго дѣла“ и „Врачебно-Санитарная хроника“ и 3) **отдѣлъ „Народное Образование“**, въ которомъ помѣщаются статьи по вопросамъ народнаго образованія и обзоры дѣятельности въ этой области г. Москвы и другихъ русскихъ, а также и иностранныхъ городовъ.

Цѣна журнала съ пересылкой во всѣ города Россіи:

	Отдѣлъ общій.	Отдѣлъ офиц.-справоч.	Народное образованіе.
За 12 мѣсяцевъ	4 руб. 40 коп.	4 руб. 40 коп.	3 руб. — коп.
„ 6 „	2 „ 20 „	2 „ 20 „	1 „ 50 „
„ 3 „	1 „ 20 „	1 „ 20 „	— „ — „
„ 1 „	— „ 40 „	— „ 40 „	— „ — „

Подписка принимается

Москва, Городская Управа, Воскресенская площадь, зданіе Думы. Телефонъ 262-91.

12 №№

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 г.

(III г. изданія)

1 р. 50 к.

ВѢСТНИКЪ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Ежемѣсячный информационный, справочный и библиографическій журналъ. Издается при ближайшемъ участіи **В. И. Чарнолускаго**.

Общіе вопросы образованія и воспитанія.—Дошкольное образованіе.—Начальная и высшая начальная общеобразовательныя школы.—Низшая профессиональная школа.—Образованіе учащаго персонала.—Внѣшкольное образованіе.—Самообразованіе.—Дѣтское чтеніе.

Отдѣлы журнала:—Законы, циркуляры, сенатск. разъясненія.—Библиографія новыхъ книгъ и статей по нар. образованію, учебниковъ и учебн. пособій.—Рефераты и сводъ рецензій о новыхъ книгахъ и журналахъ по нар. образованію.—Сводъ отзывовъ: о научно популярн. книгахъ и общихъ журналахъ; о дѣтскихъ книгахъ и журналахъ.—Списки: произведеній, допущ. въ учебн. заведенія; изданныхъ произведеній; просвѣтит. обществъ и учреждений.—Хроника.—Изъ литературы и жизни.—Изъ практики для практики.—Изъ статистики просвѣщенія.—Вопросы и отвѣты.—Сообщенія и заявленія.—Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 1 р. 50 к. съ пересылкой.—*Отдѣльн. номера*—20 к. можно 2-хъ коп. марками).—Желающіе получить *квитанцію*, оплачиваютъ герб. сборъ (5 к.).—Подписка принимается во всѣхъ почтово-телегр. учрежденіяхъ по редакц. подписн. цѣнѣ.—Книжки, магазины удерживаютъ 5%.—Подробн. *проспекты*—бесплатно. Полный комплектъ журнала за 1911—1912 гг. (15 №№)—2 р., для подписывающихся до 1 января 1913 г.—1 р. 25 к.

Адресъ редакціи и конторы: Спб., Невскій, д. 126, кв. 12.

Ред.-изд. Е. Ф. ПРОСКУРЯКОВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА съ 1-го октября на 1912/1913 г.
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

„ЗАПРОСЫ ЖИЗНИ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ КУЛЬТУРЫ и ПОЛИТИКИ,
изд. въ С.-Петербурѣ,

при ближайшемъ участіи проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО (чл. Г. С.) и Р. М. БЛАНКА и сотрудничествѣ: С. В. Анкина, проф. Е. В. Анчикова, С. Ан-ского, акад. К. К. Арсеньева, В. Базарова, О. Д. Батюшкова, акад. А. Н. Бенца, проф. М. В. Вернадскаго, Н. Д. Бернштейна, Эдуарда Бернштейна (Берлинъ, чл. Рейхстага), проф. В. М. Бахтерева, I. М. Бикермана, П. Д. Боборыкина, В. Я. Богучарскаго, А. И. Браудо, проф. Родольфа Брѣда (Парижъ, директоръ «Документовъ Прогресса»), П. К. Брусиловскаго, А. Н. Брянчанинова, О. Е. Буржанскаго, А. Н. Быкова, А. М. Былова, Виктора Вальтера, Л. Василевскаго (Плохочекаго), проф. А. В. Васильева (чл. Гос. Сов.), С. А. Венгерова, акад. В. И. Вернадскаго, проф. А. Н. Веселовскаго, Н. А. Виташевскаго, В. В. Водовозова, В. П. Воронцова, проф. Ю. С. Гамбарова, акад. П. Е. Гинцбургъ, А. Г. Горнфельда, Максима Горькаго, проф. Н. А. Гредескулъ, Г. А. Гросмана, (Берлинъ), Л. Я. Гуревичъ, Эдуарда Давида (Берлинъ, чл. Рейхстага), И. Л. Давидсона, проф. В. Э. Дена, В. П. Дзюбинскаго (чл. Гос. Думы), Я. И. Душечкина, П. В. Жилкина, П. И. Звѣздича (Вѣна), Ст. Иаковича, Г. Б. Птельсона, проф. Н. И. Карнева, К. Р. Качоровскаго, А. А. Корнилова, Н. И. Коробки, Д. М. Койзена, проф. В. Д. Кузмина-Караваева, М. И. Кулишера, Е. В. Кусковой, проф. I. М. Кулишера, Л. А. Левина, Р. Г. Лембергъ, С. И. Лисенко, А. В. Лунарскаго (Римъ), проф. И. В. Луцкаго (чл. Гос. Думы), С. Б. Любова, проф. А. А. Мануилова, Л. Мартова, проф. И. П. Мечникова (Парижъ), Н. А. Морозова, С. Метиславскаго, М. П. Невъдомскаго, Вас. П. Немировича-Данченко, К. М. Оберучева, проф. Овсяннико-Куликовскаго, проф. И. Х. Озерова (чл. Гос. Совѣта), Н. М. Осиповича, Л. Ф. Пантелеева, проф. Л. I. Петражицкаго, проф. А. Л. Погодина, Г. Я. Полонскаго, проф. А. С. Посникова, А. А. Пресса, М. Б. Ратнера (Вѣна), Н. Н. Рахманова, проф. Н. М. Рейхсберга (Бернъ), Е. В. де-Роберти, Н. А. Рубакина, Н. С. Русанова, А. С. Рядко, Я. I. Сакера, Д. В. Сатурина (Лондонъ), М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго, М. Н. Соболева, Н. Д. Соколова, Р. М. Стрѣльцова (Берлинъ), М. Г. Сыркина, В. Г. Тана (Богоразъ), проф. Е. В. Тарле, проф. К. А. Тимирязева, В. О. Тотомианца, кн. Е. Н. Трубецкого, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго, кн. Г. М. Туманова, А. В. Тырковой, М. Л. Усова, Г. А. Фальборка, Д. В. Философова, проф. М. И. Фридмана, М. Л. Хейсина, Н. Череванина, Н. В. Чехова, М. А. Чеховой, проф. М. П. Чубинскаго, проф. Л. А. Чугаева, Г. И. Чулкова, проф. А. А. Чуррова, Л. И. Шейниса (Парижъ), М. И. Шефтеля, П. Ю. Шмидта, И. И. Шрейдера (Римъ), Л. Я. Штернберга, П. О. Эфрусси, П. С. Юшкеича и сотрудниковъ иностранныхъ журналовъ.

„Les Documents du Progres“ (Парижъ), „Progress“ (Лондонъ), „Dokumente des Fortschritts“ (Берлинъ).

ВЪ ПРОГРАММУ «ЗАПРОСОВЪ ЖИЗНИ» ВХОДЯТЪ: 1) Руководящія статьи по очереднымъ вопросамъ политической, экономической, литературной и научной жизни Россіи и Запада, 2) Обзоръ событийъ послѣдней недѣли, 3) Корреспонденціи, 4) Соціально-экономическое обозрѣніе, 5) Литературное обозрѣніе, 6) Научное и тѣмническое обозрѣніе, 7) Русская и иностранная библиографія, 8) Журналъ журналовъ (обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ), 9) Театръ, 10) Искусство, 11) Фельетоны.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доет.: на 1 г.—5 руб. на $\frac{1}{2}$ г.—2 руб. 75 коп., на $\frac{1}{4}$ г.—1 руб. 50 коп., на 1 мѣсяць—50 коп., отд. номеръ 15 коп. За границу: на 1 г.—7 р. на $\frac{1}{2}$ г.—3 р. 50 к. на $\frac{1}{4}$ г.—1 р. 75 к., на 1 мѣсяць—60 коп. ЛУГЛОТНАЯ ПОДПИСКА для священниковъ, учителей, учащихся, крестьянъ и рабочихъ при подпискѣ на годъ: 4 руб. въ годъ и разсрочка платежа на 3 срока: 1 руб. 50 коп. при подпискѣ, 1 р. 50 к.—черезъ $\frac{1}{2}$ года и 1 руб.—черезъ $\frac{3}{4}$ года. Подписка принимается: въ главной конторѣ „Запросовъ Жизни“—С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 37, въ почтовыхъ отдѣленіяхъ и въ книжныхъ магазинахъ.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

XXV ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Большая ежедневная, политико-общественная, литературная и торгово-промышленная газета прогрессивнаго направленія, безпартійная,

АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Разнообразіе содержанія, полнота и всесторонность извѣстій. Въ газетѣ помѣщаются точныя и полныя свѣдѣнія о всей мѣстной астраханской, приволжской и прикаспійской жизни и дѣятельности: фельетоны, обозрѣнія, отголоски столичной и провинціальной печати, мнѣнія и отзывы газетъ по разнымъ вопросамъ, летучія замѣтки на злобу дня и т. п. Кромѣ того, историческіе очерки, статьи, замѣтки и матеріалы, касающіеся Астраханскаго края вообще и въ частности г. Астрахани. Въ программу газеты входятъ всѣ отдѣлы и рубрики, необходимыя въ большой газетѣ, имѣющей широкій кругъ читателей. Въ торгово-промышлен. отдѣлѣ даются ежедневно свѣдѣнія о ходѣ рыбнаго дѣла (уловы, цѣны, сдѣлки, привозъ и проч.). Точно такъ же всѣ торгово-промышленныя свѣдѣнія о персидскомъ рынкѣ, о лѣсномъ, хлѣбномъ, фруктовомъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА—съ доставкой въ городѣ: 1 годъ—7 р., 6 мѣсяцевъ—3 р. 50 к., 3 мѣс.—2 руб., 2 мѣс.—1 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб. Съ пересылкой иногороднимъ: 1 годъ—7 руб. 50 коп., 6 мѣс.—3 руб. 75 коп., 3 мѣс.—2 руб., 2 мѣс.—1 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб. За границу: на годъ—13 руб., 6 мѣс.—6 руб. 50 коп.

Адресъ для писемъ: Астрахань, д. Рыкина, Почтовая ул. Адресъ для телеграммъ: Астрахань—Вѣстникъ.
Издательница А. А. Штылько. Редакторъ А. Н. Штыльскіи

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 г.
на СТАРѢЙШІЙ ИЗЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“,

издаваемый при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній.

49-й годъ изданія.

Выходить ежемѣсячно книжками отъ 6 до 10 печатныхъ листовъ.

Въ неофициальной части 1912 года были, между прочимъ, помѣщены статьи: Я. Н. Ктитарева. Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ. А. Барсова. Литература постъ Гоголя. «Обрывъ» Гончарова. А. Флерова. О типѣ нужнаго для школы изданія произведеній художественной литературы. М. Г. Попруженко. Матеріалы по методикѣ анализа бесконечно-малыхъ въ средней школѣ. Вл. Шидловскій. О желательности сообщенія историческихъ свѣдѣній по исторіи математики въ нашей средней школѣ. А. Постниковъ. Монометрический способъ опредѣленія коэффиціента истиннаго расширенія жидкостей. М. Фотъ. Иностранные языки и хоровыя упражненія. М. фонъ-Критъ. Физическое воспитаніе и физическое образованіе, ихъ цѣли, факторы и средства. В. Чернышевъ. Мысли К. Д. Ушинскаго объ обученіи и наставникахъ. Евг. Лозинскій. Воспитаніе вождей. К. Житомірскій. Педагогическія увлеченія. В. Волицевичъ. Психологія переходнаго возраста. А. Щепинскій. Психологія футбола и другихъ игръ. М. В. Соболевъ. Наши дѣтскіе журналы за 1911-й годъ. К. Лѣпиловъ. Объ эстетическомъ развитіи учащихся. Ник. Жерва. Къ вопросу о постановкѣ внѣкласснаго чтенія въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ. И. С. Симоновъ. Гр. Д. А. Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. Статьи, замѣтки и рецензіи: Ал. Ник. Острогорскаго, П. О. Каптерева, Н. С. Дрентельна, И. И. Полянскаго, М. В. Соболева, Н. Бахтина, К. Лѣпилова, М. Г. Попруженко, В. Буданова, С. Бернштейна, Н. Саввина, М. Приселкова; Н. Покотило, А. Налимова, Евг. Лозинскаго, Вл. Шидловскаго, Н. К. Михайловскаго, С. Траилина и др.

Подписная цѣна съ доставкой 5 руб.

Иногородніе адресуютъ въ редакцію: Спб., Тучковъ пер., д. 11 кв. 11.

Редакторъ И. С. Симоновъ.

24-й
годъ изд.

Открыта подписка на 1913 годъ
на общепедагогическій журналъ для учителей и дѣятелей
по народному образованію

24-й
годъ изд.

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Программа журнала: Общіе вопросы образованія и воспитанія. Реформа школы. Экспериментальная педагогика, психологія, школьная гигиена. Методика преподаванія разл. предметовъ. Исторія школы. Обзоры новѣйшихъ теченій изъ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и обществ. учреждений по народному образованію (Госуд. Думы, земствъ и пр.). Народное образованіе за границей. Низшая и средняя школа въ Россіи. Вопросы національной школы разл. народовъ Россіи. Женское образованіе. Профессіональное образованіе. Внѣшкольное образованіе.

Кромѣ статей по означенной программѣ, журналъ даетъ слѣдующія постоянные отдѣлы: I. Экспериментальная педагогика, подъ ред. А. П. Нечаева и Н. Е. Румянцова. II. Критика и библиографія, обзоры педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ, подъ ред. А. Я. Гуревича. III. Хроника общаго и професс. образованія въ Россіи и за границей. IV. Хроника библиотечнаго дѣла и внѣшкольнаго образованія. V. Разныя извѣстія. VI. Новости литературы. VII. Новѣйшія правительственныя распоряженія и законодательныя постановленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Х. Д. Аляевская, Ц. П. Балалонъ, проф. И. Бодуэн-де-Куртенъ, Н. Борейскій-Берегелъ, Н. Бочкаревъ, Э. Вазтерова, В. П. Вазтеровъ, проф. Б. Вейнбергъ, д-ръ А. Владимірскій, Ч. Вятринскій, проф. И. Гревсъ, проф. А. Грунскій, Л. Я. Гуревичъ, А. Гуревичъ, Евг. Елаичъ, проф. П. Заболотскій, С. Золотаревъ, Г. Г. Зоренфрей, Н. Н. Юрданскій, П. О. Каптеревъ, проф. Н. И. Картьевъ, В. Келатяла, чл. Г. Думъ Ив. Ключевъ, проф. Н. М. Книповичъ, Н. И. Коробко, проф. И. Лапшинъ, проф. А. Лагузскій, Ф. Ф. Лесгафтъ, проф. Т. Локоть, П. Г. Мисжуевъ, А. Мезіеръ, проф. А. Музыченко, проф. А. П. Нечаевъ, М. Новорусскій, Ф. Ф. Ольденбургъ, Л. Оршанскій, А. Н. Острогорскій, проф. А. Л. Погодинъ, д-ръ В. Рахмановъ, Б. Райковъ, Г. Рокель, прив.-доц. Г. И. Россолимо, Н. А. Рубакинъ, Н. Е. Румянцевъ, С. Ф. Русова, С. И. Сазоновъ, Л. С. Северукъ, Н. М. Соколовъ, М. М. Соловьевъ, А. Стаховичъ, Чл. Г. Думъ I. Титовъ, Н. А. Томилиня, М. Тростниковъ, Г. Г. Туминъ, В. А. Флеровъ, А. П. Флеровъ, Б. Р. Фромметтъ, проф. Г. В. Хлопчинъ, В. И. Чарнолускій, В. И. Чернышевъ, Н. В. Чеховъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, кн. Д. И. Шаховской, А. Ячминовскій, и др.

«Русская школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе 15 печ. листовъ. Подписная цѣна: въ Спб. безъ дост.—семь р., съ дост.—7 р. 50 коп., для иногородн.—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Для сельскихъ учителей, выписыв. журналъ за свой счетъ—шесть руб. въ годъ, съ разорочкою (при подпискѣ—3 р. и къ 1 июля—3 р.). Городамъ и земствамъ, выписыв. не менѣе 10 экз., уступна въ 15%. Книжки магазинамъ за комиссію 5% съ год. цѣны. Подписка съ разорочкой и уступкой только въ конторѣ редакціи (Спб., Лиговская, д. 1).

Редакторъ-издатель Я. Я. Гуревичъ.

„ШКОЛА И ЖИЗНЬ“

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА СЪ ЕЖЕМЪ-СЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

3-й г.
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ.

3-й г.
изданія.

Задача газеты: тѣсное единеніе школы съ жизнью и семьей со школою; свободное развитіе всѣхъ видовъ школы, отъ высшей до низшей.

Въ число бесплатныхъ приложеній на 1913 г., не менѣе 80 печ. лст., входятъ, между прочимъ, трактатъ о воспитаніи Джона Локна, сборникъ статей самаго выдающагося представителя эксперим. психологии Стэнли Холла и другія классическія произведенія, необходимыя не только каждому педагогу, но и всѣмъ интересующимся школою и воспитаніемъ.

Программа газеты: 1) Статьи по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства. б) Общепедагогической теоріи и практики. 2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія, 3) Фельетоны, характеризующій, по преимуществу, внутреннюю жизнь школы или популяризирующій различныя стороны знанія. 4) Обзоръ печати. 5) Хроника образованія; дѣятельность законодательныхъ учрежденій правительства и т. д. 6) Хроника школьной жизни въ Россіи и за границей. 7) Обзоръ спеціальной литературы, русской и иностранной. 8) Объявленія.

Освѣщеніе всего, что касается умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія школьнаго и дошкольнаго, какъ въ Россіи, такъ и за границей, обеспечивается сотрудничествомъ профессоровъ, преподавателей средней и низшей школы, земск. и город. дѣятелей, членовъ Г. Думы и Г. Совѣта, дѣятелей разл. обществъ и родительскихъ организацій.

Въ газетѣ участвуютъ, между прочимъ: Проф. М. Алексѣенко, Х. Алчевская, акад. В. Бехтеревъ, проф. И. Богдановъ, И. Бѣлоусовъ, проф. В. Вагнеръ, В. Вахтеревъ, акад. В. Вернадскій, В. Гердъ, проф. Н. Гредескулъ, проф. Д. Гриницъ, проф. В. Данилевскій, Я. Душечкинъ, Е. Звягинцевъ, проф. П. Каптеревъ, проф. М. Капустинъ, проф. Н. Нарѣвъ, проф. А. Низоветтеръ, проф. И. Новалевскій, акад. А. Оионъ, проф. Н. Ланге, А. Липовскій, Н. Лубенецъ, проф. И. Лучицкій, проф. А. Мануиловъ, П. Милонковъ, Н. Михайловъ, проф. А. Нечаевъ, акад. Д. Овсяннико-Куликовскій, Ф. Ольденбургъ, А. Острогорскій, проф. Л. Петражицкій, А. Петрищевъ, И. Петрунчиковъ, проф. А. Посниковъ, А. Пругавинъ, Г. Ресслеръ, Н. Рубининъ, М. Стаховичъ, І. Титовъ, Д. Тихомировъ, графъ И. Толстой, Н. Тулуновъ, проф. Г. Хлопинъ, В. Чернолуцкій, проф. Г. Челпановъ, Н. Чеховъ, П. Шестаковъ, А. Шингаревъ, акад. И. Якимовъ, и др. и изъ иностранныхъ ученыхъ: проф. Рене Воррисъ, Шарль Жидъ, известный французскій педагогъ Бьюсонъ де Гревъ, Томассонъ и др.

Редакція газеты имѣетъ корреспондентовъ въ разныхъ городахъ Имперіи и за границей и спеціальныхъ корреспондентовъ въ Г. Совѣтъ и Г. Думѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкой и пересылкой на годъ—6 руб., на 6 мѣ.—3 руб., на 3 мѣ.—2 руб. Для учащихся въ начальныхъ училищахъ допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и къ 1 февраля, 1-му марту, 1-му апрѣлю и 1-му мая по 1 руб. Подписка принимается: въ Главной конторѣ, Петербургъ, Кабинетская, д. Губернскаго Замства, № 18, во всѣхъ почт.-тел. отдѣл. и въ солидн. книжн. магазинахъ.

Объявленія: Строка непрерывно впереди текста 60 коп., позади—30 коп.

Издатели: Н. В. Мѣшиновъ и Г. А. Фальборкъ.

Редакторъ: Г. А. Фальборкъ.

Открыта подписка на учено-педагогическій журналъ

„РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1913 г. (35 годъ изданія).

Цѣна за 4 книжки (XV-XVIII), не менѣе 50 листовъ въ годъ, **семь (7) рублей** (съ пересылкою). Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ въ неопредѣленные сроки (приблизно: февраль, май, сентябрь, декабрь).

АДРЕСЪ: Варшава, ул. Натоллинская, 4.

Предметы журнала—языкъ, народная поэзія, древняя и новая литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

1. Матеріалы.
2. Исслѣдованія и замѣтки.
3. Критика, библиографія, научная хроника.
4. Педагогическій отдѣлъ: а) о преподаваніи русскаго языка и словесности; б) критика учебниковъ по этимъ предметамъ; в) пробныя листы новыхъ учебниковъ; г) разныя новѣстия и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Въ журналѣ принимаютъ участіе своими учеными и педагогическими трудами слѣдующія лица—академики, профессора и преподаватели высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній: еписк. Анастасій (Александровъ), Л. Л. Бедржицкій, А. И. Беличъ, Э. П. фонъ Бергъ, В. А. Богородицкій, И. А. Бодуэнъ де Куртене, С. Н. Браунловскій, Р. Ф. Брандтъ, К. К. Буга, Е. О. Будде, С. К. Буличъ, И. М. Бѣлорусовъ, Б. В. Варнеке, Л. Л. Васильевъ, А. В. Ветуховъ, В. Вондракъ, К. Я. Гротъ, Н. К. Гринскій, В. М. Вуссовъ, В. В. Даниловъ, Н. Н. Дурново, А. М. Елазовъ, П. А. Заболотскій, И. И. Замотинъ, Д. К. Зеленинъ, Г. А. Ильинскій, Л. К. Ильинскій, В. А. Истомина, А. П. Кадуловскій, С. П. Казанскій, В. А. Каминскій, Н. М. Каринскій, Н. П. Каминъ, А. В. Круковскій, П. А. Кулаковскій, Д. Н. Кудрявскій, С. М. Кульбакинъ, П. А. Лавровъ, А. М. Лукьяненко, Н. Н. Любичъ, Б. М. Ляпуновъ, А. А. Мазонъ, В. Мансикка, еписк. Меводій (Великановъ), Л. Милетичъ, В. О. Миллеръ, А. В. Михайловъ, Ст. Младеновъ, В. Н. Мочульскій, Л. З. Месеріанъ, С. П. Обморскій, П. Д. Первовъ, В. П. Перетцъ, Н. М. Петровскій, Ю. И. Полива, А. Л. Посодинъ, В. А. Погореловъ, В. К. Поржезинскій, П. І. Потаповъ, А. М. Путиццевъ, Е. В. Пятузговъ, В. Н. Рязановъ, П. К. Симони, А. И. Соболевскій, Б. М. Соколовъ, Ю. М. Соколовъ, М. Н. Сперанскій, Н. Ф. Сумцовъ, А. И. Томсонъ, Н. Н. Трубицынъ, Д. Н. Ушаковъ, М. Р. Фасмеръ, Т. Д. Флоринскій, Ф. Ф. Фортунатовъ, В. А. Францевъ, В. И. Чернышевъ, А. А. Шахматовъ, С. Ф. Шевченко, В. З. Штенко, В. Н. Щепкинъ, И. М. Эндзелинъ, А. И. Яцимирскій и мн. др.

Въ редакцію можно получать „Русск. Фил. Вѣстн.“ за 1912 г. по 7 р.; за 1879—1911 г. въ продажѣ не имѣется.

Редакторъ-издатель **Е. Ф. Нарскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ
 1913-й годъ

(ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1913 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА“ на прежнихъ основаніяхъ, по нижеслѣдующей программѣ:

- I. Твореніе св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ (св. Максима Исповѣдника).
- II. Оригинальныя изслѣдованія, статьи и замѣтки по наукамъ богословскимъ, философскимъ, историческимъ и общественнымъ.
- III. Изъ современной жизни.
- IV. Хроника академической жизни.
- V. Библіографія, рецензія и критика.
- VI. Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься, съ отдѣльной нумераціей страницъ, труды выдающихся представителей церковной жизни въ ея недавнемъ прошломъ.
- VII. Протоколы Совѣта Академіи за 1912 годъ.

Съ 1913-го года начнется въ „Б. В.“

ПЕРЕВОДЪ ТВОРЕНІЙ СВ. МАКСИМА ИСПОВѢДНИКА.

Въ качествѣ приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ подписчикамъ его въ 1913 году будутъ предложены

ПЯТАЯ И ШЕСТАЯ ЧАСТИ

ТВОРЕНІЙ ПРЕПОДОБНАГО ЕФРЕМА СИРИНА.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ 5 и 6 части твореній **преподобнаго Ефрема Сирина ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.**

Примѣчаніе. Безъ пересылки **семь** рублей, за границу — **десять**.

Допускается подписка на журналъ безъ приложенія (цѣна 7 руб.).

Допускается *разсрочка* на два срока: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 4 руб.; для подписавшихся на журналъ *безъ приложенія* разсрочка: при подпискѣ 4 рубля, и къ 1 іюля 3 рубля.

За перемѣну адреса 20 коп.

Примѣчаніе. Подписчики „Богословскаго Вѣстника“ со всѣхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20—30%, въ зависимости отъ размѣровъ заказа.

Адресъ редакціи: Сергіевъ Посадъ, Московской губерніи, въ ред. „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ священникъ **Павелъ Флоренскій.**

(4-й г. изданія). **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ** (4-й г. изданія).

На ежемѣсячный иллюстрированный церковно-общественный журналъ

„Старообрядческая Мысль“

(органъ передовой, независимой мысли)

Журналъ выходитъ въ Москвѣ ежемѣсячно книжками въ 6—7 печатныхъ листовъ (96—112 страницъ)

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ: статьи богословско-философскаго и церковно-общественнаго характера, проповѣди, историческія изслѣдованія, очерки, документы и письма, бытовые рассказы по народному образованію, обзоръ событій въ старообрядчествѣ (всѣхъ согласій) и внѣ его, обзорѣніе періодической печати, отзывы о новыхъ книгахъ, объявленія и т. п.

Въ журналѣ удѣляется большое вниманіе

„ЦЕРКОВНОМУ ЗНАМЕННОМУ ПѢНІЮ“.

Сотрудниками журнала состоятъ, какъ и прежде, какъ: Епископъ Михаилъ, П. Д. Зенинъ, В. Е. Макаровъ и другіе, а также и не старообрядцы: проф. А. И. Лебедевъ, проф. М. А. Рейснеръ, С. П. Мельгуновъ, П. Любимовъ, и др.

Кромѣ 12 книгъ журнала, годовыя подписчики журнала „Старообрядческая Мысль“ получаютъ въ 1913 году бесплатно послѣднюю книгу.

В. Т. Зеленкова, „ВЫПИСКИ ИЗЪ СВЯТООТЕЧЕСКИХЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ДРУГИХЪ КНИГЪ, СЛУЖАЩИХЪ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РАЗЛИЧНЫХЪ СТОРОНЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.“

ЧАСТИ 1-й ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ.

4 выпускъ книги: Бароній Цезарь. „ДѢЯНІЯ ЦЕРКОВНЫЯ И ГРАЖДАНСКІЯ ОТЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА ДО XIII ВѢКА“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“ на 1913 годъ съ книгою В. Т. Зеленкова ч. I, первая половина, съ доставкой и пересылкой во все города Россійской Имперіи;

12 мѣсяцевъ	Руб. 4.—	3 мѣсяца	Руб. 1.
6 „	2.—	1 „	40.
Доплата за книгу „Баронія“ Одинъ рубль.			

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля и къ 1 юля по 1 р. (съ кн. Баронія).

Адресъ главной конторы, куда слѣдуетъ направлять подписку, деньги, а также разныя требованія и матеріальныя претензіи: г. Егорьевскъ, Рязанской губ., Н. Д. Зенину.

Подписка на журналъ также принимается во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ Имперіи, при чемъ въ этомъ случаѣ съ подписчиковъ не берутъ платы за переводъ.

Кромѣ того, подписка принимается и у гг. книготорговцевъ и агентовъ по разнымъ городамъ и селеніямъ Имперіи.

Редакторъ-издатель В. Е. Макаровъ.

(6 г. изданія). **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ.** (6 г. изданія).

НА СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЦЕРКОВЬ“.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ, выходитъ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО, при участіи въ немъ: епнок. Михаила, свящ. Ѳ. М. Гусликова, В. Е. и Ѳ. Е. Мельниковыхъ, М. И. Бриллиантова, А. С. Рыбанова, Я. А. Богатенко, Д. С. Варакина, В. Г. Сенатова, Н. Н. Швецова, С. И. и Л. В. Быстровыхъ, И. С. Логина, Тиханскаго, Шалаева и мн. др.

Приложенія къ журналу. Въ 1913 году будетъ дана годовымъ подписчикамъ.

Безплатно вторая половина книги „КОРМЧЕЙ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „ЦЕРКОВЬ“ съ безплатными приложеніями: „КОРМЧЕЙ“ (2-я полов.) и „ДРУГОМЪ ЗЕМЛИ“: на годъ 5 р., полгода—2 р. 50 к., на три м.—1 р. 50 к., на одинъ м.—50 к. Книга „КОРМЧАЯ“ выдается только годовымъ подписчикамъ. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: къ 1-му января высылается—2 р., къ 1-му мая—2 р., и къ 1-му сентября 1 р. Первая половина „КОРМЧАЯ“ высылается немедленно по полученіи при подпискѣ одного доплатнаго рубля.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Биржевая площадь, домъ Т-ва Рабушинскихъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедельный журнал
„СТУДЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО“.

ЗАДАЧА ЖУРНАЛА —

стойкое и послѣдовательное служеніе профессиональнымъ интересамъ и нуждамъ студенчества.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

(съ 1-го ноября 1912 года по 1-е июня 1913 года)

съ пересылкой и доставкой **1 р. 50 к.**

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 5 коп.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА „СТУДЕНЧЕСКАГО ДѢЛА“:

Москва, Мерзляковский пер., д. 7. Телефонъ 315-01.

2-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

2-й годъ изданія.

на еженедельный популярный естественно-историческій съ иллюстраціями въ текстѣ,

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕБЕОБРАЗОВАНІЯ „ПРИРОДА“

подъ редакціей проф. В. А. ВАГНЕРА (Спб.), проф. Л. В. ПИСАРЖЕВСКАГО (Спб.) и препод. В. Ж. К. Л. А. ТАРАСЕВИЧА (Москва).

СОДЕРЖАНІЕ: Физическая естествознанія. Астрономія. Физика. Химія. Геологія съ палеонтологіей. Минералогія. Общая біологія. Зоологія. Ботаника. Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Проф. С. В. Аверинцевъ, В. Агафоновъ, проф. Н. П. Андрусовъ, проф. В. М. Арнольдъ, лаб. Г. Ф. Арнольдъ, проф. Н. А. Артемьевъ, проф. П. И. Борзманы, проф. П. И. Бахметьевъ (Сибирь), А. Н. Бахъ (Женева), прив.-доц. А. И. Бачинскій, докт. геогр. Л. С. Бергъ, астр. С. П. Блажко, прив.-доц. В. А. Бороодовскій, П. А. Бильскій, проф. В. А. Вагнеръ, проф. Ю. Н. Вагнеръ, акад. проф. П. П. Вальденъ, проф. Б. Ф. Веригъ, акад. проф. В. И. Вернадскій, лаб. В. Н. Верховскій, проф. Г. В. Вульфъ, М. П. Гольдсмитъ (Парижъ), проф. А. Г. Гурвичъ, проф. В. Я. Данилевскій, д-ръ П. Н. Дятловъ, проф. А. С. Догель, В. А. Дубянский, Е. А. Елачичъ, проф. В. В. Завьяловъ, проф. В. Р. Заленскій, проф. А. А. Ивановъ, проф. В. П. Ипатьевъ, лаб. П. В. Казанецкій, проф. А. В. Коссовскій, проф. Н. К. Кольцовъ, преп. Инж. уч. Т. П. Кравецъ, проф. А. Н. Красновъ, проф. Н. И. Кузнецовъ, проф. Н. М. Кулагинъ, прив.-доц. Н. В. Кузнецовъ, проф. П. С. Курнаковъ, проф. П. П. Лазаревъ, прив.-доц. М. Ю. Лазинъ, Н. Н. Лебедевъ, лаб. Г. А. Левинскій, Г. Д. Лукашечко, д-ръ Е. И. Марциновскій, проф. А. К. Медведевъ, проф. М. А. Мензбиръ, проф. П. Г. Меликовъ, проф. С. П. Метальниковъ, Н. А. Морозовъ, проф. Г. Морозовъ, прив.-доц. А. В. Немиловъ, проф. А. В. Нечаевъ, проф. А. М. Пикольскій, докт. зоол. М. М. Новиковъ, лаб. А. Г. Огородниковъ, В. Л. Омелянскій, проф. А. Б. Павловъ, проф. Л. В. Писаржевскій, проф. В. В. Подвысоцкій, проф. К. Д. Покровский, Б. Е. Райковъ, А. А. Ризтеръ, А. Рождественскій (Лондонъ), Н. А. Рубакинъ, проф. Д. П. Рузскій, Я. Б. Самойловъ, проф. А. В. Савиленковъ, Ю. Ф. Семеновъ, Л. Д. Сивинскій, асс. по кав. физ. геогр. С. А. Савиловъ, препод. С. П. Созоновъ, лаб. П. П. Соколовъ, проф. А. Н. Стергеевъ, проф. С. М. Танатаръ, д-ръ Л. А. Тарасевичъ, маг. хим. А. А. Титовъ, астрономъ Пулк. обсерв. Г. А. Тизовъ, проф. М. М. Тизаевскій, проф. В. Е. Тищенко, проф. Н. А. Умовъ, прив.-доц. А. Е. Ферманъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, преп. А. А. Черновъ, проф. Л. А. Чугаевъ, А. Н. Чураковъ, прив.-доц. В. В. Шиничевскій, прив.-доц. П. Ю. Шмидтъ, проф. Е. А. Шульцъ, д-ръ С. М. Шапкинъ, проф. А. П. Щукаревъ, прив.-доц. А. И. Юценко, преп. А. Н. Яницкій, проф. А. Н. Яроцкий.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: цѣна въ годъ (съ дост. и перес.) — 5 р.; на $\frac{1}{2}$ г. — 3 р.; на три мѣсяца — 1 р. 50 к.; за грав. на годъ — 7 р. Допускается разсрочка: 3 р. при подпискѣ и 2 р. не позже 1 мая. Подписка на $\frac{1}{2}$ года, 3 мѣсяца и въ разсрочку принимается только въ главной конторѣ (Москва, Мясницкая, Гусевниковъ пер., 11).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА: Въ конторѣ журнала «Природа» (Москва), во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, всѣмъ складахъ и почтовыхъ отдѣленіяхъ.

Адресъ главной конторы и редакціи: Москва, Мясницкая, Гусевниковъ пер., 11. Телефонъ № 4-10-81.

II-й годъ изданія.

**ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1913 г.
НА ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ**

II-й годъ изданія.

ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ И НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЪ, РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ

„ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

== ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: ==

Законодательныя постановленія и правительственныя распоряженія по учебному въ-домству. Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ и частнымъ вопросамъ школьнаго воспитанія и обученія. Методическія указанія и практическія замѣтки по предметамъ школьнаго курса. Экспериментальная педагогика и психологія. Школьная гигиѣна. Физическое воспитаніе. Ручной трудъ и искусство въ школѣ. Средняя, низшая и начальная школа въ Россіи и за границей. Хроника школьной жизни и дѣятельности земствъ по народному образованію. Критика и библіографія. Обзоръ педагогическихъ и дѣтскихъ періодическихъ изданій и специально дѣтской литературы. Почтовый ящикъ. Объявленія.

Въ журналъ постоянное участіе принимаютъ слѣдующія лица:

Барковъ А. С., Базинъ Н. Н., Беллюстинъ В. К., Борзовъ А. А., Веберъ Г. К., Веселовскій Ю. А., Волковскій Д. П., Гартманъ А. Ф., Даузе А. Г., Елочкинъ Е. А., Зякинцевъ Е. А., Золотаревъ С. А., Игнатъевъ В. Е., Ключевъ И. С., Локтинъ А. А., Мискуевъ П. Г., Мурзаевъ В. С., Оршанскій Б. Г., Первовъ П. Д., Покопило Н. П., Райковъ Б. Е., Рокотъ Г., Румянцевъ Н. Е., Русова С. Ф., Саввинъ Н. А., Синицкій Л. Д., Стрѣполовко С. О., Туминъ Г. Г., Флеровъ А. В., Флеровъ Н. А., Чезовъ Н. В., Шогоръ-Троцкая Н. С., Шогоръ-Троцкий С. И. и др.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ КНИЖКАМИ ОТЪ 3-хъ ДО 5-ти ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ КАЖДАЯ ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ (кроме іюня и іюля).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ въ ГОДЪ съ ДОСТАВКОЮ, за полгода—2 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Никитскія ворота, Медвѣжій пер., д. 4, гаммазія А. Е. Флѣрова.

Редакторъ-издатель А. Е. Флѣровъ.

Приймається передплата
на 1913 рік
(РІК ВИДАННЯ ПЯТИЙ).

4 руб. на рік
і
2 р. 50 к. піврічно.

Українська хата

літературно-критичний,
громадський
український місячник

Працюють в журналі кращі сили. До сеї пори містили свої твори:

О. Авраїтинський, Христа Алчевська, Юр. Бужак, Ганна Барвінок, Л. Бужай, П. Богацький, В. Винниченко, М. Вороний, В. Грицивський, А. Діброва, М. Євшан, Ол. Журлива, Михайло Жук, Г. Журба, П. Карманський, Н. Кибальчич, Гр. Коваленко, Ольга Кобилянська, І. Кончіп, М. Коваленко, Богдан Лепкий, Іван Липа, Іван Личко, Я. Мамонтов, Майорський, Ол. Неприцький-Грановський, О. Олесь, М. Підгірянка, Л. Нахаревський, С. Просвітянин, О. Плющ, С. Павленко, С. Русова, Одарка Романович, М. Рильський, В. Самійленко, М. Сріблянський, Юр. Сірий, Евг. Стебновський, Я. Стоколос, С. Твердохліб, В. Тарноградський, Ан. Товкачевський, М. Філяньський, Гнат Хоткевич, А. Худоба, М. Чернявський, Гр. Чупринка, М. Шаповал, Гордій Юрич, Михайло Яцків і багато инш.

Передплата річна на „УКРАЇНСЬКУ ХАТУ“ 4 руб. (за кордон 12 корон),
півроку 2 руб. 50 коп., окрема книжка 35 коп. (з перес. 40 коп.).

Комплекти „Української Хати“ за минулі роки (1910, 1911, 1912) продаються
в конторі журнада по 4 карб. кожний з пересилкою.

Книгарні за продаж книжок журналу мають 30% опусту.
Пробний № висилається тільки за три 7 к. марки. Адм. контори і редакції журналу: Київ, Ділова, 4-

Редактор-видавець Павло Богацький.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ.

ХУТОРЯНИНЪ.Еженедѣльный иллюстриров.
журналъ, посвященный инте-
ресамъ сельск. хозяйства, ко-
операци, промысл. и торговли.

Издается Полтавскимъ Обществомъ Сельск. Хозяйства съ 1896 года.

Годовая подписка 2 р. 20 к. съ пересылкой и доставкой.

Въ течение года подписчики получаютъ: **52 номера** (отъ 2 до 3 лист. каждый, что за годъ составляетъ томъ свыше 2200 стр. текста съ иллюстрац.). **Сборникъ с.-х. статей.** Календарь «Хуторянинъ» на 1913 г. (Свыше 300 стр. текста съ массой рис. и чертежей). Ц. въ отд. продажъ 25 к. **„Бесѣды по полеводству съ крестьянами Юга Россіи“.** Соч. А. Г. Матисена, свыше 125 стр., со многими рисунками. Въ отдѣльной продажъ 20 коп.

10 сортовъ сѣмянъ:

Редакц. журнала въ теченіе послѣдн. лѣтъ **ПРИСУЖДЕНЫ ДВѢ ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ:** одна на Рост. на Дону выставкѣ садоводства въ 1909 г. и другая на Южно-Русск. областн. выст. въ Екатериновскѣ въ 1910 г.

Журналъ „Хуторянинъ“ допущенъ въ бесплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.

АДРЕСЪ: Полтава, Пушкинская ул., домъ Полт. о-ва с.-х., ред. „Хуторянинъ“.

Отвѣтственный редакторъ. Президентъ Полтавск. общ. сельск. хозяйства.

заслуженный профессоръ **А. П. Шимковъ.**

Открыта подписка на 1913 годъ

на общественно-педагогическій и литературный журналъ

„УЧИТЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.**(6-й годъ изданія.) Подписной годъ съ 1-го января.****Журналъ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь—іюль).**

Программа журнала:

- 1) Руководящія и оригинальныя статьи по вопросамъ воспитанія, школьнаго и внѣшкольнаго образованія, методика преподаванія, педагогической психологіи и постановки школьнаго дѣла.
- 2) Основные вопросы учительства, въ правовомъ, духовномъ и материальномъ отношеніи.
- 3) Хроника школьной жизни—мѣстной и общей.

- 4) Дѣятельность государственныхъ и общественныхъ учреждений по народному образованію.
- 5) Изъ жизни учительскихъ обществъ взаимопомощи.
- 6) Корреспонденціи и письма въ редакцію и отвѣты на нихъ читателямъ.
- 7) Обзоръ педагогическихъ журналовъ.
- 8) Критика и библіографія.
- 9) Книжки поступившія въ редакцію.
- 10) Объявленія.

Подписная цѣна (10 №№ въ годъ):

„Для членовъ Оренбургскаго учительскаго Общества взаимопомощи 50 коп. въ годъ. 2. Для остальныхъ 2 руб.“

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ редакціи журнала—г. Оренбургъ, Извозничья ул., д. Растргуева.

Издатель—«Оренбургское Учительское Общество взаимопомощи».

Редакторъ **И. М. Растргуевъ.**

Открыта подписка на 1913 годъ

(годъ изданія II)

на большую прогрессивную газету

„СИБИРСКІЯ ВѢСТИ“,**выходящую въ Иркутскѣ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.**

Въ газетѣ принимаютъ участіе: В. Ангарскій (В. В. Леоновичъ), Т. О. Бялюсовъ, Ст. Байкаловъ, Бѣлинъ, Осип. Бѣичъ, М. До-овъ, Ф. Донецкій, Исаакъ Г., Дм. Илимскій, М. Изюмскій, Евгений Колосовъ, Николай Катинъ, С. Крайскій, Ник. Ив. Кузубко-Порецкій. К. Л—инъ, Ф. Н. Ляндъ, О. Лебедевъ, Маркъ Омичъ, Скальдъ, Л. Ц., Владимиръ Черновъ, Вяч. Шишковъ, А—есъ и мн. другіе.

Газета имѣетъ корреспондентовъ по Сибири, Европейской Россіи и за границей.**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:**

на 1 годъ—**СЕМЬ** руб., 1/2 года—3 руб. 50 коп., 3 мѣс.—2 руб., 1 мѣс.—1 руб. За границу:
1 годъ—12 руб., 1/2 года—7 руб., 3 мѣс.—5 руб., 1 мѣс.—2 руб.

Адресъ редакціи и конторы: Иркутскъ, уголь Большой и 3-й Солдатской, д. № 20, Юдловскаго, гдѣ помѣщаются писчебумажный магазинъ и типографія Т-ва «М. П. Окуневъ и К^о».

Редакторъ-издательница **К. П. Окунева.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ
НА ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

(48-й годъ изданія),

издаваемый М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ подъ ред. К. К. АРСЕНЬЕВА,

при ближайшемъ участіи: И. В. Жилкина, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караваева, А. А. Мануилова, Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, А. С. Посникова, М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго и К. А. Гамиряева.

Подписная цѣна:

на годъ, на 1/2 г., на 1/4 г.

Безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 15 р. 50 к. 7 р. 75 к. 3 р. 90 к.

Съ доставкой въ Петербургъ и Москвѣ 16 „ — „ 8 „ — „ 4 „ — „

Съ пересылкой въ другія мѣста Россіи 17 „ — „ 8 „ 50 „ 4 „ 25 „

За границу 19 „ — „ 9 „ 50 „ 4 „ 75 „

Подписка принимается: 1) въ конторахъ журнала: въ С.-Петербургѣ, Моховая, 37 (тел. 74-51), въ Москвѣ, Тверской бульв., 15 тел., 57-86), въ Кіевѣ, Николаевская, 17, въ Одессѣ, Софійевская, 23, въ Саратовѣ, Московск., 34/44; 2) во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и 3) во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Имперіи.

2-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

2-й годъ
изданія.

„СИБИРСКІЙ АРХИВЪ“

на 1913 годъ.

Журналъ посвященъ вопросамъ исторіи, археологій, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

Въ подписномъ году въ журналѣ будутъ помѣщены слѣдующія статьи: «Къ пребыванію Ѳ. М. Достоевскаго въ Семипалатинскѣ», Б. Г. Герасимова; Изъ исторіи колонизаціи Приамурья, дневникъ г. Бѣлоконьтинова; «Памяти иркутянина писателя С. С. Шашкова», Н. Мокѣва; «Областной городъ Якутскъ», А. М. Серебренникова; «Юрій Богдановичъ въ Сибири»; Бѣгство Владислава Избицкаго и «Юридическіе обычаи якутовъ»; М. П. Овчинникова; Петра Чечина; «Политическія партіи въ Японіи», «Корейская трагедія», Толстой въ Японіи, «На китобойномъ суднѣ», «Изъ моихъ встрѣчъ съ покойнымъ архіепископомъ японскимъ Николаемъ», «Нѣсколько мѣсяцевъ на Чукотскомъ полуостровѣ», «Японская лубочная литература» и «Дальне-восточные хищники»; «Сибирская юмористическая пресса». Моряка; нѣсколько статей по народному образованію въ Восточной Сибири А. Н. Линькова.

Подписка въ г. Иркутскѣ принимается въ магазинахъ Макушина и Посохина и у М. П. Окунева; тамъ же розничная продажа. №№-ровъ. Иногородняя подписка направляется по адр.: г. Иркутскъ, преподавателю учительскаго института Александрѣ Ивановичу Линькову.

Подписная плата: на годъ 4 р., на полг. 2 р., на 3 мѣс. 1 р., на 2 мѣс. 70 к., на 1 мѣс. 35 к.

Первый №—ръ журнала выйдетъ 20 декабря 1912 года.

Редакторъ-издатель А. Линьковъ.

Секретарь редакціи Петръ Чечинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ
НА ТРЕХМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„Еврейская Старина“,
издаваемый Еврейскимъ Историко-Этнографическимъ Обществомъ,
подъ редакціей С. М. ДУБНОВА.

Вступая въ пятый годъ существованія, «Еврейская Старина» — единственный еврейскій научный журналъ въ Россіи — будетъ и впредь стремиться къ осуществленію основной задачи издающаго его Общества: изслѣдованію многовѣковаго прошлаго нашего народа въ его Россійскомъ ядрѣ и установившихся формъ его быта. Желая сдѣлать журналъ доступнымъ болѣе широкимъ кругамъ читающей публики, редакція, на ряду съ научными изслѣдованіями, даетъ мѣсто популярнымъ, разработаннымъ по первоисточникамъ, историческимъ и историко-литературнымъ очеркамъ, мемуарамъ, описаніямъ быта и нравовъ малоизвѣстныхъ группъ еврейства, народнымъ пѣснямъ и сказаніямъ и т. п. Съ 1912 г. въ журналѣ расширены отдѣлы **НОВѢЙШЕЙ** исторіи евреевъ и еврейской этнографіи, а съ 1913 г. будетъ значительно расширенъ отдѣлъ историко-литературный.

Условія подписки: на годъ 4 р., полгода 2 р., одна книжка 1 р. 25 к.

Подписка на „Еврейскую Старину“ принимается во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Россійской имперіи.

Адресъ: Комитету Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества, С.-Петербургъ, 7-я Рождественская, 6, кв. 24.

О ПОДПИСКѢ НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1913 году
(ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1913 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать три года (1880—1912).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ — въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва А. С. Суворина „Новое Время“ (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина Т-ва А. С. Суворина „Новое Время“, и въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Открыта подписка на 1913 годъ на новое повременное изданіе

ЖУРНАЛЪ СЧЕТОВОДОВЪ.

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Статьи по вопросамъ коммерческаго образованія;	5) Смѣсь. Задачи и рѣшенія. Вопросы и отвѣты;
2) Новости и сообщенія изъ области счетоводныхъ и коммерческихъ знаній;	6) Отдѣлъ самообразованія: статьи и лекціи для самоподготовки къ бухгалтерской и вообще конторской дѣятельности;
3) Разборъ сочиненій по разнымъ отраслямъ счетоводныхъ и коммерческихъ знаній;	7) Приложенія: руководства, инструкціи, формы книгъ, отчетовъ и пр.
4) Разборъ новыхъ системъ, формъ книгъ, учетовъ и т. п. по всемъ отраслямъ счетоводства;	

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Подписной годъ начинается 1-го ноября. **ПОДПИСНАЯ ПЛАТА 4 руб. въ годъ,** съ пересылкой и доставкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и контора „Журнала Счетоводовъ“ помѣщаются въ Саратовѣ, на Митрофановской площади, въ домѣ Шпилевскихъ. Телефонъ № 11-62.

Изданіе С.-Петербургскаго Бухгалтерскаго Кабинета „СЧЕТОВОДЪ“.

На 1913 годъ. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** на общественно-экономическую, политическую и литературную газету **На 1913 годъ.**

„УТРО СИБИРИ“

выходящую ежедневно въ г. Томскѣ.

III-й годъ изданія.

Въ газетѣ, въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ, принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Анохинъ А. В., прис. пов. Вологодскій П. В., Валентиновъ В. А., Дѣвѣ-Хомяковский, профессоръ Жаковъ, Зарницынъ Н., Юганзенъ Г. Э., Иреневъ Е., Коваленко С. А., прис. пов. Кононовъ В. Д., Карукесъ Н. С., Крекнинъ Г. Я., Колосовъ Е. Е., Коноваловъ А. Е., помощн. прис. пов. Левинъ Н. Я., Ленскій А., прис. пов. Михаловскій М. Д., Мурашевъ П. А., Маслениковъ А. В., Нгулаецъ, Новицкій А. Г., врачъ Пановъ, Паньшинъ П. П., прис. пов. Поселовскій М. И., Рожковъ Н., врачъ Соколовъ Н. В., профессоръ Саввинъ В. Н., Николай Сѣтой, Фотіевъ Н. В., Хейсинъ І., Цвѣтковъ В. А., Шишковъ В. Я., Шебековъ П. П., врачъ Щегловъ А. Н., Леонидъ Томинъ и др.

Опираясь на принципы послѣдовательнаго демократизма, газета „Утро Сибири“ беретъ на себя главнѣйшую задачу защищать интересы трудящихся классовъ и освѣщать экономическіе и политическіе вопросы, тѣсно связанные съ нуждами Сибири.

въ Томскѣ. На годъ 6 руб., на 6 мѣсяцевъ 3 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. 50 коп.

На 1 мѣсяць въ Томскѣ 50 коп. Для учащихся и учащихся въ Томскѣ 45 коп.

Въ интересахъ большей освѣдомленности и скорѣйшаго ознакомленія своихъ читателей съ важнѣйшими событіями, редакціей получаютъ телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ, помимо телеграммъ петерб. тел. агентства.

Въ Государственной Думѣ имѣются свои корреспонденты.

Время отъ времени въ газетѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи.

Адресъ конторы редакціи: Ямской пер., д. Н. И. Орловой. Телефонъ № 307.

Редакторъ В. Е. Воложанинъ.

Издатель К. А. Орловъ.

Второй годъ изданія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1913 годъ на

ЖУРНАЛЬ УГОЛОВНАГО ПРАВА и ПРОЦЕССА,

издаваемый въ С.-Петербургѣ при Русской Группѣ Международнаго Союза Криминалистовъ при ближайшемъ участіи: **М. Н. Гернета, А. А. Жижиленко, Е. Л. Кулишера, П. И. Люблинскаго, В. Д. Набокова, Н. Н. Полянскаго, и М. П. Чубинскаго** и при постоянномъ сотрудничествѣ: **М. Л. Гольдштейна, О. О. Грузенберга, Н. В. Давыдова, Л. М. Зайцева, М. М. Исаева, А. Д. Киселева, В. Н. Новикова, А. А. Пюнтковскаго, В. Д. Плетнева, П. С. Пороховщикова, Н. Н. Розина, Е. Д. Сеницкаго, Г. Б. Сліозберга, Л. Я. Таубера, В. Н. Ширяева** и др.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: I—вопросы науки уголовного права и процесса вмѣстѣ съ вспомогательными дисциплинами: [1) уголовная антропология, 2) уголовная статистика, 3) уголовная политика и социология, 4) тюремновѣдѣніе, 5) наука уголовной полиціи]; II—текущіе вопросы уголовно-правовой жизни; III—судебная практика; IV—хроника русская и иностранная; V—библиографія; VI—университеты и юридическія общества; VII—труды Международнаго Союза Криминалистовъ и его Русской Группы.

„Журналь Уголовнаго Права и Процесса“ выходитъ четыре раза въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 4 р., полгода 2 р., отдѣльная книжка 1 р. 25 к.

Адресъ { Конторы: СПБ., Литейный пр., 28. Телефонъ 41-61.
 Редакціи: СПБ., Дегтярная ул., 22. Телефонъ 558-50.

Издатель **В. Д. Набоковъ.**

Редакторъ **И. И. Зайцевъ.**

ЗАПИСКИ Императорскаго Харьковскаго Университета.

1913 годъ.

„Записки“ выходятъ 4 раза въ годъ книжками въ объемъ отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ.

Содержаніе книжекъ: I. Офіціальный отдѣлъ (годовой отчетъ университета, отчеты объ ученыхъ командировкахъ, отзывы о диссертацияхъ и сочиненіяхъ). II. Научный отдѣлъ (статьи и изслѣдованія). III. Критика и библиографія. IV. Научныя извѣстія. V. Лѣтопись университета (статьи, относящіяся къ исторіи Харьковскаго университета). VI. Приложенія (курсы профессоровъ; результаты наблюденій метеорологической станціи при Харьковскомъ университетѣ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

5 рублей въ годъ съ пересылкой, **4 рубля** безъ пересылки; для студентовъ Харьковскаго университета **2 рубля**.

Адресъ редакціи „Записокъ Харьковскаго Университета“.
 Харьковъ, въ зданіи университета.

Редакторъ проф. **С. Кудьбакинъ.**

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

продаются сочиненія

В. И. СЕМЕВСКАГО:

1. **ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИДЕИ ДЕКАБРИСТОВЪ.** 1909 г. (болѣе 700 стр.) Цѣна 3 руб. 50 коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 25%).
2. **КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ ВЪ XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX ВѢКА.** Т. I и т. II. Приготавливается къ печати новое изданіе.
3. **КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТР. ЕКАТЕРИНЫ II.** Т. I, изд. 2-е, 1903 г. Стр. XXXVII+643. Цѣна 3 руб. 50 коп. Т. II, 1901 г. Стр. XLV+864. Цѣна 5 руб. (Продается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5-я лин., д. № 28).
4. **РАБОЧІЕ НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.** Историческое изслѣдованіе. Т. I, цѣна 3 руб., т. II, цѣна 3 руб. (Продается въ книжномъ складѣ Стасюлевича).
5. **ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ВОДОВОЗОВЪ.** Биографическій очеркъ съ портретомъ. Цѣна 50 коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).
6. **КРѢПОСТНОЕ ПРАВО И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ М. Е. САЛТЫКОВА.** Цѣна 20 коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).
7. **ИЗЪ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИДЕЙ ВЪ КОНЦѢ Сороковыхъ годовъ** (Петрашевцы). Цѣна 15 коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).

.....

Въ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія популярныя изданія по русской исторіи

В. И. ВОДОВОЗОВА:

1. **РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.** Вып. 1-й. Содержаніе: Разказы изъ лѣтописи Нестора. — Слово о полку Игоревѣ. — Нашествіе Батыя на Русскую землю. — Александръ Невскій. — Дмитрій Донской. — Народныя быліны. — Великій Новгородъ. — Взятіе Пскова. — Состояніе Руси до Іоанна III. Ц. 40 к. Изд. 13-е.
2. **РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.** Вып. 2-й. Содержаніе: Іоаннъ III и сынъ его Василій. — Смерть Василя III. — Дѣтство, юность и правленіе Іоанна Грознаго. — Сильвестръ и Адашевъ. — Опричина. — Курбскій и его переписка съ Іоанномъ. — Домострой. — Образованіе и бытъ народа. — Феодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ. Цѣна 60 коп. Изданіе 11-е.
3. **ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВѢКА.** Цѣна 1 р. 50 к. Содержаніе: Допетровская Русь. — Переходное время (патріархъ Никонъ и Крижанинъ). — Западно-русскіе ученые и начало раскола). Царств. Петра В., Екатерины I, Петра II, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны. Внутреннее состояніе Россіи послѣ Петра I. — Петръ III и Екатерина II. — Царствованіе Екатерины II. — Имп. Павелъ I и его время. Изданіе 3-е.

Книгоиздательство **Т-ва И. Д. Сытина.**

Къ трехсотлѣтію Дома Романовыхъ.

РОСКОШНОЕ ПОДПИСНОЕ ИЗДАНИЕ:

„ТРИ ВѢКА“.

РОССІЯ ОТЪ СМУТЫ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Подъ редакціей В. В. КАЛЛАША.

Въ изданіи принимаютъ участіе: *проф. М. М. Богословскій, С. К. Боголюбскій, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, акад. А. Н. Веселовскій, Л. И. Гальперинъ, пр.-доц. Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ, проф. М. В. Довнар-Запольскій, Б. П. Дроздовъ, Д. А. Жариновъ, пр.-доц. А. И. Заозерскій, проф. Н. О. Кантеревъ, А. А. Кизеветтеръ, проф. М. К. Любимскій, В. В. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, В. И. Пичета, проф. С. О. Платоновъ, пр.-доц. М. А. Полѣвскій, И. И. Поповъ, пр.-доц. А. Е. Прѣсныковъ, проф. С. В. Рождественскій, П. Н. Сакулинъ, К. Б. Сивковъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторонинъ, пр.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Улановъ, Д. И. Успенскій, В. Е. Чешихинъ-Витринскій и др.*

Изданіе составитъ 6 томовъ по 15 печатныхъ листовъ большаго формата (размѣра „Великой Реформы“ и „Отечественной войны“ Т-ва И. Д. Сытина), всего 90—96 листовъ.

Изданіе широко иллюстрировано портретами историческихъ дѣятелей, видами историческ. мѣстностей, картинами художниковъ, изображающими крупнѣйшія событія нашего прошлаго послѣднихъ трехъ вѣковъ, и снимками съ бытовыхъ предметовъ, связанныхъ съ этими событіями. Около 500—600 рисунковъ помѣщено въ текстѣ, около 130 дано на отдѣльныхъ вкладныхъ листахъ (гелиографы, въ нѣсколько красокъ, дуплексы и одноцвѣтные).

ЦѢНА ИЗДАНІЯ (6 томовъ съ пересылкой) 27 руб. 20 коп. безъ переплета и 32 р. въ роскошныхъ переплетахъ. **УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:** при подпискѣ 2 р. и при полученіи каждаго тома по 4 р. 20 к. безъ переплета и 5 р.—к. въ переплетѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Москвѣ, Кузнечій Мостъ, домъ князя Гагарина. Отдѣлъ подписныхъ изданій Т-ва И. Д. Сытина.

ГОСУДАРИ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ. 1613—1913.

Жизнеописаніе царствовавшихъ государей и очерки ихъ царствованій. Подъ редакціей доктора русской исторіи Н. Д. Чечулина. Роскошное иллюстрированное подписное изданіе въ 2 томахъ.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ 8 р. въ художествен. переплетѣ, 6 р. 50 к. безъ переплета. Подписка принимается тамъ же.

Кл. ЛУКАШЕВИЧЪ. Школьный праздникъ въ честь трехсотлѣтія избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. 283 стр. Многочисл. иллюстр. въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Три портрета въ краскахъ. Ноты. Ц. 1 р. 10 к., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЛЕВЪ ГИНЗБУРГЪ. Книга царей. Цари Романовы въ русской поэзіи. Хрестоматія къ юбилею державнаго Дома Романовыхъ. Съ многочислен. иллюстр. Ц. 1 руб. 50 коп.

Н. ЧАЕВЪ. 1612 годъ и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Лѣтопись въ лицахъ. Въ 5 дѣйств. Ц. 25 к. Пьеса Н. Чаева будетъ поставлена въ Импер. Мал. театрѣ по случаю юбилея Дома Романовыхъ.

М. Н. Пр. признана подлежащей включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ средн. учебныхъ заведен.

И. Н. БОЖЕРЯНОВЪ. Къ трехсотлѣтію державнаго Дома Романовыхъ. Великая разруха Московскаго государства. Илл. Ц. 15 к.

ЕГО ЖЕ. Три первые царя Романовыхъ. Иллюстрирован. Ц. 20 к.

ЕГО ЖЕ. Вѣкъ преобразованій и переворотовъ. Иллюстр. Ц. 20 к.

М. КОВАЛЕВСКІЙ. Смутное время (Моск. О-во грамотности). Ц. 12 к.

А. П. МЕЛЬНИКОВЪ. Нижній-Новгородъ и Нижегородскій край.

Къ 300-лѣтію Смутнаго времени. 177 стр., съ многими иллюстраціями и картами. ЦѢна 80 коп.

ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ Моск. С-ва распространенія техн. знаній

КОМИССИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ

(МОСКВА, уг. Б. и М. Кисловки, д. № 1, кв. № 4. ☐☐☐ Телефонъ 136-27).

Вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу СБОРНИКЪ ПЕРЕРАБОТАННЫХЪ И ОБНОВЛЕННЫХЪ ПРОГРАММЪ СИСТЕМАТИЧЕСКАГО ЧТЕНІЯ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ, СТАТИСТИКѢ И ПРАВОВѢДѢНІЮ.

Содержаніе сборника: проф. А. Мануиловъ. Общее введеніе. Проф. В. Желѣзновъ. Теорія и исторія политической экономіи. Проф. А. Кауфманъ. Аграрный вопросъ. Проф. А. Анцыферовъ. Сельско-хозяйственная кооперация. Проф. В. Желѣзновъ. Экономія промышленности. Проф. В. Желѣзновъ, О. Бужанскій и С. Загорскій. Рабочій вопросъ. А. Горбуновъ. Пауперизмъ и призрѣніе бѣдныхъ. Проф. С. Булгаковъ. Соціальныя теоріи въ XIX вѣкѣ. І. Гольдштейнъ. Экономія торговли. Проф. П. Гензель. Наука о финансахъ. Проф. Н. Кабуковъ. Статистика. Проф. П. Новгородцевъ и Б. Вышеславцевъ. Общая теорія права и исторія философіи права. Б. Кистяковский. Общая теорія государства и общее государственное право. Б. Сыромятниковъ. Исторія русскаго государственнаго права. В. Устиновъ, Л. Катцъ, А. Тагеръ и М. Фельдштейнъ. Русское государственное право. А. Горбуновъ. Административное право. Н. Авиновъ. Самоуправленіе. М. Гернетъ. Уголовная соціологія. Е. Ефимовъ. Уголовное право. Н. Полянскій. Уголовный процессъ. А. Вормсъ. Гражданское и крестьянское право.

Цѣна 60 к., съ перес. зак. банд. 79 к., съ пер. прост. банд. 72 к., нал. пл. 89 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ въ Комисіи по Организациі Домашняго Чтенія и въ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина.

ТАМЪ ЖЕ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ НИЖЕСЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ:

1) Программы для занятій въ теченіе перваго года по курсу высшихъ учебныхъ заведеній. Науки математическія (курсъ общеобразовательный и спеціальный). Физика. Химія. Зоологія и ботаника. Логика. Психологія. Древняя исторія. Греческая и римская литература. Цѣна 35 к., съ перес. зак. банд. 50 к., съ перес. простою бандер. 43 к., съ налож. платежомъ 60 коп.

2) Программы для занятій въ теченіе втораго года по курсу высшихъ учебныхъ заведеній. Аналитическая геометрія. Физика. Химія. Анатомія растений. Сравнительная анатомія животныхъ въ связи съ гистологіей и эмбриологіей. Психологія и педагогика. Всеобщая исторія (средніе вѣка). Русская исторія (древній періодъ). Всеобщая литература (средневѣковая и эпоха возрожденія). Русская литература (народная словесность и допетровская книжная литература). Цѣна 50 к., съ перес. заказн. банд. 73 к., прост. банд. 66 к., налож. плат. 83 к. *Выписывающіе непосредственно изъ Комисіи платятъ на 10 коп. дешевле.*

Программы для занятій въ теченіе третьяго и четвертаго года по курсу высшихъ учебныхъ заведеній распроданы.

3) Сборникъ программъ для чтенія по вопросамъ государственнаго строя (содержащій въ себѣ полныя программы занятій по всеобщей и русской исторіи на всѣ 4 года систематическаго курса). Цѣна 50 к., съ пер. заказн. банд. 68 к., съ пер. пр. банд. 61 к., налож. плат. 85 к. *Выписывающіе этотъ сборникъ непосредственно изъ Комисіи платятъ на 25 к. дешевле.*

4) Программы домашняго чтенія. Курсъ СРЕДНЯГО образованія. Философія, математика, естествознаніе. Цѣна 30 к., съ пер. зак. банд. 43 к., съ перес. пр. банд. 36 к., налож. плат. 53 к. Готовится къ печати второй выпускъ курса средняго образованія.

5) Эпизодическія программы. Серія I. Изд. 2-е. (11 программъ). Цѣна 15 к., съ пер. зак. банд.—31 к., прост. банд.—24 к., налож. плат.—41 к.

6) Эпизодическія программы. Серія II. (7 программъ). Цѣна 15 к., съ пер. зак. банд.—26 коп., прост. банд.—19 к., нал. плат.—36 коп.

Послѣднія двѣ программы, серія I и II, можно выписывать только изъ Комисіи по организациі домашняго чтенія.

Въ конторѣ Комисіи продаются также съ уступкой нѣкоторыя изъ рекомендуемыхъ программами книги — новыя и поддержанныя.

Суммы менѣе двухъ рублей могутъ быть присланы въ Комисію на уплату за означенныя изданія почтовыми марками.

Въ январѣ
 ПОСТУПИТЪ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА

Тарле, Е. В.,

профес. С.-Петербур. Высш. Женск. Курсовъ,

„Континентальная блокада“.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
 И ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ ФРАНЦІИ ВЪ ЭПОХУ
 НАПОЛЕОНА I.

Книга извѣстнаго русскаго историка является плодомъ продолжительныхъ занятій его въ архивахъ Франціи, Германіи и Италіи и составлена цѣликомъ по новымъ, неизвѣстнымъ до сихъ поръ матеріаламъ. Она даетъ обзоръ экономической политики Наполеона въ теченіе всего его правленія, не только во время имперіи, но и въ эпоху консульства. Центромъ изложенія является вопросъ о континентальной блокадѣ. Авторъ детально изучилъ ея послѣдствія въ экономической жизни Европы. Цѣлый рядъ главъ посвященъ характеристикѣ обусловленныхъ блокадой отношеній между Франціей и другими европейскими странами. Россіи посвящена специальная глава. Наконецъ цѣлый отдѣлъ трактуетъ о французской промышленности и о вліяніи на нее континентальной блокады.:

Цѣна 3 руб.

Предположенное содержаніе февральской книги „Голоса Минувшаго“.

I. Статьи:

- В. И. Пичета.** Смутное время въ русской исторіографіи.
А. А. Чебышевъ. Драма въ Мангеймѣ (убійство Коцебу).
Л. С. Нозловскій. Польскіе романтики «украинской школы».
И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. I. Зрители нач. XIX в.
В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

II. Воспоминанія:

- Дневникъ **Дюмона** 1803 г. (съ портретомъ). Съ предисловіемъ
С. М. Горькина.
Записки **А. В. Поджіо**.
П. Д. Боборыкинъ. «За полвѣка».
Записки пажы Людовика XVI. (Пер. съ французскаго).

III. Матеріалы:

- Дѣло о декабристѣ (кн. **В. М. Голицынъ**).
М. О. Гершензонъ. **Н. П. Огаревъ.**
В. И. Семевскій. Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи (1846—48 гг.).

IV. Критика и библіографія:

V. Обзоръ журналовъ:

- Замѣтки: **Н. Л. Бродскаго** (исторія литературы). **А. М. Васютинскаго**
(всеобщая исторія). **С. П. Мельгунова** (русская исторія) и др.

VI. Хроника:

- М. А. Дьяконовъ.** **Н. Е. Энгельманъ.**
Ч. Вѣтринскій. Архивныя комиссіи.
К. С. Кузминскій. Заурвейдъ (по поводу помѣщаемыхъ рисунковъ).
Л. И. Гальберштадтъ. Румянцевскій музей (къ юбилею).

VII. Романъ.

- Лили Браунъ.** Письма маркизы.

Въ ближайшихъ книгахъ журнала будутъ опубликованы воспоминанія **М. Ю. АШЕН-БРЕННЕРА**, **И. П. БЪЛОКОНСКАГО**, **Л. В. ДУБЕЛЬТА** (управляющаго III отдѣленіемъ при Николаѣ I), художника **В. М. МАКСИМОВА** (съ предисловіемъ **И. Е. Рѣпина**), **В. Н. ОЛЬНЕМЪ**, и др.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный журналъ
ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи

*А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, П. Н. Сакулина
и В. И. Семева.*

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

Въ выборѣ темъ и въ характерѣ изложенія журналъ будетъ избѣгать всего, носящаго узко-спеціальный характеръ и имѣть въ виду интересы широкихъ круговъ читателей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Историческая беллетристика.	V. Біографія русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библіографія.
III. Научныя статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Различные матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ будетъ ИЛЛЮСТРИРОВАНЪ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходить ежемѣсячно книгами, размеромъ въ 20 листовъ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ:

Проф. Д. И. Абрамовичъ, С. А. Аваляни, В. Я. Адарюковъ, поч. акад. К. К. Арсеньевъ, проф. С. В. Аскеназы (Краковъ), М. Ю. Ашенбреннеръ, Г. Е. Аванасевъ, Я. Л. Барсковъ, проф. О. Д. Батюшковъ, П. В. Безобразовъ, П. А. Берлинъ, П. И. Бирюковъ, поч. акад. П. Д. Боборыкинъ, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Богучарскій, И. Е. Бондаренко, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, А. А. Боровой, В. Н. Бочкаревъ, А. И. Браудо, Н. Л. Бродскій, В. Я. Брюсовъ, проф. В. П. Бузескулъ, Ю. А. Бунинъ, И. П. Блюконтскій, прив.-доц. Н. П. Василенко, А. М. Васютинскій, Г. К. Веберъ, Ю. А. Веселовскій, С. Б. Веселовскій, поч. акад. А. Н. Веселовскій, проф. С. А. Венгеровъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. Н. Д. Виноградовъ, Н. П. Вишняковъ, проф. Р. Ю. Випперъ, М. Л. Вишняцкеръ, Е. Н. Водовозова, В. В. Водовозовъ, В. П. Волгинъ, Ч. Вятринскій, Л. И. Гальберштадтъ, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, М. О. Гершензонъ, А. А. Гизетти, С. М. Горяиновъ, Г. П. Георгіевскій, А. М. Гиньвушевъ, А. А. Голомбѣевскій, А. Г. Горнфельдъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. И. М. Гревсъ, проф. Э. Д. Гриммъ, проф. И. М. Громогласовъ, А. Е. Грузинскій, проф. М. С. Грушевскій, Н. П. Губскій, Н. В. Давыдовъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, С. О. Долговъ, акад. М. А. Дьяконовъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. А. Е. Ефименко, Е. А. Ефимова, С. А. Ефремовъ, проф. В. А. Желъзовъ, проф. П. А. Заболотскій, проф. О. Ф. Зѣлинскій, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, И. И. Игнатовичъ, И. Н. Игнатовъ, проф. В. С. Пикшиковъ, акад. В. М. Истринъ, Н. М. Йорданскій,

А. К. Кабановъ, В. В. Каллашъ, А. И. Камшевскій, прив.-доц. Л. П. Карсавинъ, проф. Н. И. Карьевъ, Н. П. Кашинъ, проф. А. А. Кизветтеръ, М. М. Клевенскій, проф. М. М. Ковалевскій, Л. С. Козловскій, прив.-доц. П. С. Коганъ, Д. Г. Коноваловъ, поч. акад. А. Θ. Кони, Н. Н. Кононовъ, А. А. Корниловъ, В. Г. Короленко, С. А. Князьковъ, проф. С. А. Корфъ, Е. Θ. Коршъ, акад. Н. А. Котляревскій, И. М. Красноперовъ, проф. А. Е. Крымскій, А. И. Кубасовъ, К. С. Кузьминскій, прив.-доц. I. М. Кулишеръ, прив.-доц. Н. К. Кульманъ, Н. А. Кунъ, проф. В. Θ. Лазурскій, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, И. О. Левинъ, В. А. Лезинъ, Н. О. Лернеръ, М. К. Лемке, В. Н. Линдъ, проф. И. В. Луцицкий, Е. А. Ляцкий, А. Θ. Лютеръ, А. С. Лыкошинъ, А. Н. Максимовъ, проф. А. А. Мануиловъ, Н. М. Мендельсонъ, Д. С. Мережковский, акад. В. Θ. Миллеръ, П. Н. Милуковъ, Б. Л. Модзалевскій, П. В. Мокіевскій, П. П. Муратовъ, В. К. Мюллеръ, В. А. Мякотинъ, В. П. Обнинскій, акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, проф. Оларъ (Парижъ), В. Н. Ольнемъ, А. В. Оршниковъ, М. А. Островская, Л. Ф. Пантелеевъ, В. Н. Перцевъ, М. А. Петровскій, проф. Д. М. Петрушевскій, прив.-доц. Н. К. Пиксановъ, Е. К. Пименова, прив.-доц. В. И. Пичета, Г. В. Плехановъ, М. Н. Покровский, проф. М. М. Покровский, К. В. Покровский, прив.-доц. М. А. Полиевктовъ, Т. И. Полнеръ, В. П. Потемкинъ, С. Н. Прокоповичъ, В. С. Протопоповъ, А. С. Пругавинъ, прив.-доц. А. Е. Пръсняковъ, прив.-доц. Н. И. Романовъ, проф. С. В. Рождественскій, В. А. Розенбергъ, проф. М. Н. Розановъ, проф. М. И. Ростовцевъ, И. С. Рябининъ, Н. С. Русановъ, С. Θ. Русова, проф. В. И. Ръзановъ, В. И. Саитовъ, проф. А. Н. Савинъ, А. Θ. Саликовский, С. Г. Святиковъ, А. В. Селека, проф. Сеньбосъ (Парижъ), К. В. Сизковъ, Н. П. Сидоровъ, проф. М. Н. Сперанскій, проф. В. В. Сыполовская, прив.-доц. П. П. Смирновъ, В. М. Спасская, Н. В. Сперанскій, Т. О. Соколовская, И. М. Соловьевъ, В. И. Срезневскій, А. И. Станкевичъ, прив.-доц. Е. Д. Сташевскій, Ю. М. Стекловъ, В. Е. Степанова, проф. Н. Ф. Сумцовъ, прив.-доц. В. И. Сыромятниковъ, прив.-доц. Е. И. Тарасовъ, Н. Г. Тарасовъ, проф. Е. В. Тарлъ, В. Н. Тукалевскій, прив.-доц. К. Н. Успенскій, прив.-доц. Д. Н. Ушаковъ, В. Н. Фигнеръ, В. В. Филатовъ, прив.-доц. С. Θ. Фортунатовъ, прив.-доц. В. М. Фриче, В. И. Харцьевъ, проф. М. М. Хвостовъ, И. М. Херасковъ, А. А. Чебышевъ, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, кн. Д. И. Шаховской, акад. А. А. Шахматовъ, И. И. Шитцъ, П. Е. Щеголевъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, проф. В. Н. Щепкинъ, П. Д. Эттингеръ, Н. Е. Эфросъ, прив.-доц. А. И. Яковлевъ, Н. А. Янчукъ, проф. Н. Н. Эирсовъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ **8** руб., на $\frac{1}{2}$ года **4** руб., на одинъ мѣсяць **1** руб., за границу **10** руб.

Для НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ и УЧАЩИХСЯ допускается **разсрочка по 2 р.**

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала **1** руб.

Подписка принимается

въ **МОСКВѢ**: 1) въ конторѣ журнала (Тверская, д. № 48);

2) въ отдѣлѣ подписныхъ изданій Т-ва И. Д. Сытина (Кузнецкія Мосты, д. кн. Гагарина);

3) во всѣхъ ровничныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина и др. большихъ книжныхъ магазинахъ;

въ **ПЕТЕРБУРГѢ** и въ другихъ городахъ въ отдѣленіяхъ Т-ва И. Д. Сытина и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія въ журналъ принимаются въ конторѣ по цѣнѣ: **75** руб. за страницу; **40** руб. — $\frac{1}{2}$ стр.; **25** руб. — $\frac{1}{4}$; строка петита въ 1 колон. (стр. 2 колонн.) **60** коп.

Адресъ редакціи: Москва, Знаменка, 15, кв. 15.

ПРИЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ и суббота отъ 2 до 3 час.

Редакторъ-издатель **С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.**

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Петлицкая ул., своей домъ. Москва. — 1913.